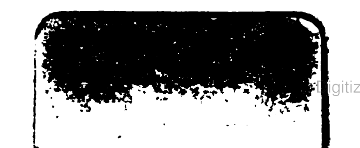
VE RI
TAS



ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ВЫПУСКЪ V.

(Съ приложеніемъ чертежа Зап. Двины 1701 г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

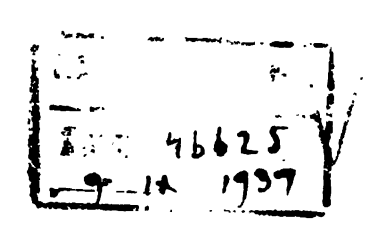
Въ типографіи В. Безобразова и Комп.

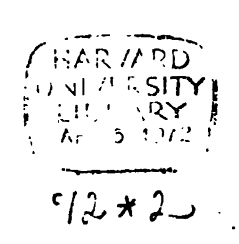
1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 5 мая 1862 года.

Цензоръ *Еленевъ*.





ПРЕДИСЛОВІЕ.

Возобновляя изданіе Этнографическаго Сборника, Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества имѣло главнѣйше въ виду—содѣйствовать успѣхамъ отечественной этнографіи обнародываніемъ такихъ статей и матеріаловъ, которые доставляются въ Общество со всѣхъ почти концовъ Россіи трудолюбивыми мѣстными наблюдателями и изслѣдователями и, по своей спеціальности, не могутъ найти себѣ мѣста въ другихъ изданіяхъ Общества. Чтобы не прерывать связи съ первыми четырьмя выпусками Сборника, Отдѣленіе положило назвать предлагаемый нынѣ выпускъ пятымъ и такимъ образомъ считать его продолженіемъ четырехъ предъидущихъ, хотя между ними и есть существенное различіе, такъ какъ первые четыре выпуска состоятъ исключительно изъ оттисковъ различныхъ этнографическихъ статей, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Общества; издаваемый же нынѣ выпускъ заключаетъ въ себѣ лишь нѣсколько статей, уже помѣщенныхъ въ Запискахъ Общества, а всѣ остальныя впервые появляются здѣсь въ печати. Именно изъ числа первыхъ въ предлагаемый Сборникъ вошли только три слѣдующія статьи, цѣликомъ перепечатанныя изъ Записокъ: „Очеркъ этнографіи Еврейскаго народонаселенія въ Россіи“,

г. Берлина; „Отрывокъ изъ путешествія въ Хиву и нѣкоторыя подробности о ханствѣ во время правленія Сеидъ-Мохаммедъ-хана, 1856—1860 г.“ г. Килевейна, и „Топографическо-статистическое и этнографическое описаніе гор. Котельнича“ г. Глушкова. Доставленный же г. Межовымъ „Библіографическій указатель этнографическихъ изслѣдованій, описаній и матеріаловъ за 1860 г.“ хотя и составляетъ отрывокъ помѣщеннаго въ Запискахъ 1861 г. Библіографическаго Указателя всѣхъ Русскихъ сочиненій по землевѣдѣнію за 1860 г., но уже является здѣсь съ весьма значительными дополненіями. Всѣ остальныя статьи пятаго выпуска обогащаютъ Русскую этнографическую литературу, со включеніемъ исторической этнографіи и географіи, не только новыми, болѣе или менѣе важными матеріалами и живыми описаніями современнаго народнаго быта, но также и самостоятельными изслѣдованіями и соображеніями. Въ числѣ матеріаловъ обращаютъ на себя особенное вниманіе приложенія къ статьѣ г. Гильфердинга „Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря“, и памятники народной словесности въ статьяхъ гг. Воронова, Машкина и въ Отдѣлѣ Смѣси. Статья г. Гильфердинга составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе этнографической науки, предлагая много любопытныхъ выводовъ относительно въ высшей степени занимательнаго вопроса, имѣющаго не только Европейское, но и всемірное значеніе. Движеніе Нѣмецкой колонизаціи съ запада на востокъ и постепенное въ теченіе вѣковъ поглощеніе Славянской стихіи Нѣмецкою представляютъ собою такое важное явленіе, такъ громадны по своимъ послѣдствіямъ, что всегда будутъ занимать вниманіе историковъ и этнографовъ. Россія была первою страною Славянскою, которая не только отразила напоръ стихіи Нѣмецкой, но и начала движеніе возвратное, совершивъ такимъ образомъ новый поворотъ въ тысячелѣтнихъ отношеніяхъ Славянскаго міра къ Германскому. Въ Россіи же по этому самому и могутъ и должны возникать точныя, подробныя и безпристрастныя изслѣдованія этого явленія во всѣхъ его многообразныхъ видоизмѣненіяхъ.

Изысканія А. Ѳ. Гильфердинга заслуживаютъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что они основаны исключительно на его личныхъ наблюденіяхъ и на данныхъ, заимствованныхъ у извѣстнаго знатока Кашубовъ г. Цейновы.

Къ статьямъ историко-этнографическаго содержанія относятся: „Историческій взглядъ на Важско-Двинскихъ удѣльныхъ крестьянъ“, г. Воронова; „О Сибирскихъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ“, г. Абрамова; „Опись города Шуи, 1778 г.“, г. Борисова, и „О сводныхъ бракахъ въ историческомъ отношеніи“, очень любопытная, при всей своей краткости, статья г. Фукса.

По исторической географіи помѣщены въ предлагаемомъ выпускѣ, кромѣ двухъ небольшихъ замѣтокъ въ Смѣси гг. Деступиса и Дмитрюкова, важный памятникъ старинной Русской картографіи: описаніе Западной Двины 1701 г., съ приложеніемъ вѣрнаго съ него снимка, исполненнаго г. Теребеневымъ и изданнаго на счетъ Д. Чл. В. И. Ламанскаго.

Пятый выпускъ Этнографическаго Сборника изданъ подъ наблюденіемъ Дѣйствительныхъ Членовъ Н. В. Калачова и В. И. Ламанскаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изслѣдованія, описанія и матеріалы.

Смѣсь.

	СТРАН.
Стихи о 12 пятницахъ	33
Молитва св. Іоасафа	37
Стихи о временахъ Антихристовыхъ	38
Сказаніе о лѣстовкѣ предъ Образомъ Божіимъ	43
Черты религіозности. Ст. *П. И. Гундобина*	44
Черты нравовъ Молдаванъ. Ст. *В. Мартиновскаго*	49
Черты нравовъ крестьянъ Тотемскаго уѣзда. Ст. *П. Левитскаго*	54
Нѣкоторые обычаи въ г. Зарайскѣ и уѣздѣ. Ст. *М. Ремезова*	58
Свадебные обычаи въ Ржевскомъ уѣздѣ. Ст. *П. Сокальскаго*	59
Слова дружки на свадьбахъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ	63
Роспись чертежу Западной Двины, 1701 г., съ приложеніемъ чертежа	65

ОЧЕРКЪ

ЭТНОГРАФІИ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

составленъ

М. Берлинымъ,

прикомандированнымъ къ Департаменту Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, состоящимъ при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ по Еврейскимъ дѣламъ, членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (1).

I. Наружность.

Физіономія Еврейскаго племени довольно извѣстна всякому образованному человѣку; даже обитателю великороссійскихъ губерній, рѣдко видящему Евреевъ, она извѣстна какъ изъ сочиненій разныхъ древнихъ и новыхъ писателей, такъ и изъ художественныхъ произведеній живописи. Древніе основатели христіянской церкви всѣ почти принадлежали къ этому племени,

(1) При составленіи этаго очерка, авторъ руководствовался програмой, изданной Географическомъ Обществомъ въ 1852 году.

и характеристическое изображеніе ихъ наружности сохранилось на картинахъ разныхъ эпохъ. Волоса, глаза, носъ и всѣ черты лица Евреевъ такъ подробно описаны уже разными авторами, что повтореніе этого можно считать совершенно лишнимъ. Вообще у Евреевъ сохранился самый древній и едва ли не первобытный типъ, по причинѣ невступленія ихъ въ бракъ съ иноплеменными народами. У Евреевъ, обитающихъ въ Россіи, небрѣющихъ, за весьма малыми исключеніями, бороды, національный типъ замѣтенъ еще болѣе.

Относительно тѣлосложенія и физическихъ силъ своихъ Евреи разнятся по климатамъ и мѣстамъ, гдѣ живутъ. Такъ Евреи малороссійскіе одарены крѣпкимъ сложеніемъ, небольшимъ ростомъ и сходны вообще съ малороссами; въ Новороссійскомъ краѣ и въ Бессарабіи, гдѣ они немногочисленны, Евреи также отличаются крѣпкимъ тѣломъ, но ростомъ превосходятъ малороссійскихъ. Съ послѣдними сходствуютъ Евреи Украйны (т. е. Кіевскіе и Подольскіе), но отличаются большею ловкостью и проворствомъ. Евреи Волынскіе и Царства Польскаго отличаются вообще изящною красотою и ловкостью. Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи они, напротивъ, сложенія слабаго, уступаютъ прочимъ въ ловкости, но не въ умственныхъ способностяхъ. Данныя по этому предмету необходимо собрать отъ мѣстныхъ корреспондентовъ.

Не могу однакожъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно здоровья и нѣкоторыхъ болѣзней, которымъ Евреи часто подвергаются.

Еврей родится обыкновенно отъ рано женившихся родителей, тѣлесныя силы которыхъ не успѣли вполнѣ созрѣть; младенца кормитъ женщина слабая и обремененная разными непріятностями, какъ личными, если она бѣдна, что бываетъ большею частію, такъ и общими, которыя она во всякомъ случаѣ должна претерпѣть вмѣстѣ съ прочими своими единовѣрцами; умственныя силы начинаютъ развиваться у мальчика весьма рано, на пятомъ году уже его обучаютъ грамотѣ; пища, употребляемая Евреями, какъ пояснено будетъ въ своемъ мѣстѣ (III, 3.),

не слишкомъ питательна; къ этому надобно прибавить раннее вступленіе въ бракъ, обремененіе семействомъ съ юныхъ еще лѣтъ, разныя ограниченія по гражданскому быту, сильно дѣйствующія на всю организацію, и тогда, болѣзненный видъ Еврея (особенно скудныхъ краевъ Литовскаго и Бѣлорусскаго) и слабость тѣлесныхъ его силъ не удивятъ наблюдателя.

Нельзя однакожъ не признать, что многіе изъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ имѣютъ въ нѣкоторой степени свою полезную сторону, напр. ранняя женитьба спасаетъ Евреевъ отъ разврата и предохраняетъ ихъ отъ разныхъ болѣзней, въ томъ числѣ и отъ сифилитическихъ, имъ совершенно незнакомыхъ (одинъ изъ тысячи едва имѣетъ понятіе о нихъ); умѣренное употребленіе пищи, кромѣ экономической пользы, устраняетъ другія болѣзни, облегчая пищевареніе, такъ что въ случаѣ эпидеміи Евреи замѣтно менѣе страдаютъ, чѣмъ другіе, чему, впрочемъ, содѣйствуетъ и крайнее отвращеніе, питаемое ими къ пьянству. Но за всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя болѣзни особенно сильно удручаютъ Евреевъ, именно:

а) *Геморой.* Этою болѣзнію страдаетъ едва-ли не все мыслящее сословіе, составляющее у Евреевъ не малую часть народонаселенія. Мальчика, одареннаго способностями, посвящаютъ исключительно книжнымъ занятіямъ, учатъ его въ хедерахъ (евр. школа) безъ отдыха, пока сидѣніе надъ фоліантами сдѣлается у него привычкою ([2]); страданіе геморoидами начинается у него съ самыхъ юныхъ лѣтъ и не оставляетъ его до гроба.

б) *Золотуха.* Болѣзнь эта распространена у Евреевъ и переходитъ въ наслѣдство къ дѣтямъ всѣхъ классовъ, обнаруживаясь нарывами, сыпью и проч. Изслѣдованіе причины рас-

([2]) Этотъ классъ часто страдаетъ тоже глазными болѣзнями, происходящими отъ чрезмѣрнаго чтенія мелкихъ шрифтовъ, бдѣнія по ночамъ, занятія при мало дающихъ свѣта свѣчахъ, и проч.

пространенія этой болѣзни надобно предоставить спеціалистамъ; но такъ какъ главныя предохранительныя и цѣлительныя средства противъ нея суть особенная діета, частыя купанья, въ особенности же чистота ([3]), а всѣмъ этимъ могутъ пользоваться только дѣти болѣе состоятельныхъ Евреевъ, то дѣти бѣдныхъ Евреевъ не избѣгаютъ сыпей, обнаруживающихся часто на рукахъ а иногда и на головѣ. Противъ этого народъ имѣетъ свои средства леченія, но болѣе всего дѣйствуетъ возрастъ, ибо золотуха вообще проходитъ съ лѣтами.

в) *Чахотка.* Этою болѣзнію часто страдаетъ у Евреевъ молодежъ, преимущественно высшаго, такъ сказать, аристократическаго класса. Мало образованныя матери, въ горячей любви своей къ дѣтямъ нѣжатъ ихъ безъ толку, кормятъ ихъ изысканною пищею, сластями и т. п., непитающими, но раздражающими; окутываютъ ихъ самою теплою одеждою какъ дряхлыхъ старцевъ; берегутъ ихъ отъ воздуха, какъ отъ губительнаго элемента, не говоря уже объ отсутствіи гимнастическаго ([4]) упражненія, объ употребленіи лекарствъ съ самой колыбели, такъ что природа мало содѣйствуетъ развитію тѣлесныхъ силъ дѣтей, погашенію которыхъ въ тоже время помогаютъ раннее начало ученія, ранняя женитьба ([5]) и проч.

([3]) Духовное законодательство Евреевъ предписываетъ имъ соблюденіе педантической чистоты,—оно велитъ часто мыть руки и лице, не имѣть пятенъ на одеждѣ, не молиться въ нечистой комнатѣ и проч., но завсѣмъ тѣмъ жилища и одежды бѣднаго класса Евреевъ (особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи) далеко несоотвѣтствуютъ этимъ благодѣтельнымъ правиламъ; конечно мущинъ этого класса нужно извинить, ибо постоянная забота о добываніи себѣ дневнаго пропитанія отнимаетъ у нихъ время, охоту и силу къ соблюденію опрятности, но незаботливость ихъ домохозяекъ въ семъ отношеніи едва-ли простительна.

([4]) Охота, верховая ѣзда и всѣ подобныя упражненія не только чужды еврейской молодежи, но считаются какъ-бы неприличными.

([5]) Этотъ недостатокъ начинаетъ, благодаря мѣрамъ правительства и развитію просвѣщенія у Евреевъ, мало по малу исчезать, никто не женитъ сына прежде установленнаго закономъ времени, а иногда подож-

Чрезъ это немалое числю молодыхъ людей бываютъ жертвою излишней любви своихъ родителей, рано умираютъ или влачатъ страдальческую жизнь.

Промышленный классъ Евреевъ, имѣющій болѣе движенія и проводящій жизнь свою не въ комнатѣ, а на чистомъ воздухѣ, пользуется лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ остальные; также ремесленники, хотя и ведущіе по большей части сидячую жизнь, здоровѣе прочихъ домосѣдовъ, которыхъ можно назвать книжниками, потому что для ремесленныхъ занятій берутся мальчики съ ограниченными способностями, не столько замученные въ дѣтствѣ книжнымъ ученіемъ; притомъ они менѣе изнѣжены, такъ какъ отцовской нѣжности отъ мастера-хозяина требовать нельзя, а между тѣмъ обхожденіе Еврейскихъ ремесленниковъ съ ввѣренными имъ чужими дѣтьми довольно похвально; о жестокости тутъ и рѣчи нѣтъ, къ тому-же рѣдко мальчикъ отдается за глаза, а почти всегда въ томъ самомъ городѣ, гдѣ проживаютъ родители или родственники ученика, съ которыми онъ и видится въ праздничные дни, получаетъ отъ нихъ помощь и наставленія; такимъ образомъ еврейскій ремесленникъ имѣетъ надъ собой въ молодости двоякое попеченіе: хозяйское и родственное, много содѣйствующія его нравственному и физическому благосостоянію.

II. Языкъ.

Относительно произношенія Евреями русскаго языка надобно замѣтить слѣдующее:

a) Евреи поселены въ губерніяхъ, гдѣ господствующій языкъ или вовсе не русскій, а польскій, нѣмецкій (въ Курдляндіи), жмудскій и проч., или, гдѣ онъ отличается отъ великорусскаго своимъ нарѣчіемъ, какъ напр. въ Малороссіи. По этому по

детъ еще два-три года; но давно ли были времена, когда женили 13-ти лѣтнихъ мальчиковъ?

русски говорятъ Евреи несовершенно правильно, а сходно съ тѣмъ, какъ говоритъ господствующій народъ въ томъ или другомъ мѣстѣ ихъ осѣдлости. Доказательствомъ тому служитъ не многое число Евреевъ, поселенныхъ въ Новороссійскомъ и Бессарабскомъ краяхъ, которые говорятъ чисто по русски, потому что господствующій языкъ въ тѣхъ краяхъ есть чисто русскій.

б) У Евреевъ нѣкоторыхъ губерній замѣтно природное прицакиваніе въ своемъ даже языкѣ, почему они и не могутъ правильно произносить нѣкоторыя звучныя согласныя русскаго алфавита.

в) Такъ какъ разговорный языкъ, который Евреи употребляютъ въ общежитіи, не русскій, то Еврей обыкновенно въ дѣтствѣ мало или вовсе не знаетъ русскаго языка, а начинаетъ упражняться въ разговорахъ на немъ по достиженіи уже зрѣлаго возраста, а тогда весьма не легко присвоить себѣ правильное произношеніе какого либо не роднаго языка; удается это только лицамъ изъ Евреевъ, посѣщающимъ публичныя учебныя заведенія, или имѣющимъ случай къ постоянному практическому упражненію во время продолжительнаго пребыванія внутри Россіи по коммерческимъ или судебнымъ дѣламъ.

Къ этому надобно прибавить, что Еврей самаго посредственнаго образованія, иногда даже изъ черни, долженъ, по своему религіозному, гражданскому и домашнему быту, знать не менѣе 3—4 языковъ и 4—5 шрифтовъ, тогда какъ этотъ классъ людей у прочихъ народовъ знаетъ только одинъ родной языкъ.

Вотъ языки и шрифты знакомые почти каждому Еврею.

ПО РЕЛИГІОЗНОМУ БЫТУ.

1. Древне-Еврейскій или библейскій языкъ, на которомъ читаются молитвы, псалтирь, пятикнижіе и проч. Этотъ языкъ имѣетъ еще свои подраздѣленія, именно:

а) Халдейско-арамейское нарѣчіе, на которомъ писаны нѣ-

которыя послѣднія книги библіи и самый древній и освященный переводъ пятикнижія (онкелосъ), читаемый наравнѣ съ пятикнижіемъ, равно какъ и нѣкоторыя молитвы (берихъ-шемей, екумъ-пурканъ, кадишъ); халдейско-арамейскимъ нарѣчіемъ до нынѣ пишутся религіозные акты, какъ то: брачная запись (кесуба), разводный листъ (гетъ) и проч. и наконецъ нѣкоторыя каббалистическія книги, вошедшія въ употребленіе у каббалистической секты Евреевъ.

б) Еврейско-раввинскій языкъ, образовавшійся изъ смѣшаннаго древняго Еврейско-библейскаго съ халдейскимъ; на этомъ языкѣ писаны всѣ законоучительныя книги Евреевъ.

Шрифты этого языка и его подраздѣленій суть: а) квадратный, на которомъ написаны свертки пятикнижія и напечатаны библіи, молитвенники и проч.; б) раввинскій (раши), на которомъ напечатаны всѣ коментаріи св. писанія и многія законоучительныя книги; в) курсивный шрифтъ, употребляемый въ частной перепискѣ.

ПО ДОМАШНЕМУ БЫТУ.

2. Употребляемый русскими Евреями въ общежитіи языкъ есть древне нѣмецкій, подвергшійся разнымъ переворотамъ по случаю частыхъ гоненій Евреевъ съ мѣста на мѣсто (6) въ прежнія времена: вслѣдствіе чего въ него вошли коренныя слова разныхъ средневѣковыхъ нарѣчій и свойственные имъ обороты (7). Это обстоятельство лишило его всякаго положи-

(6) Главное отступленіе отъ чисто нѣмецкаго произношенія заключается въ замѣненіи полугласныхъ буквъ — гласными, напр. *а* (-) переходитъ въ *о* (ᵀ), напр. Voter вмѣсто Vater; ей (··) въ *е* (·.·) напр. gein вмѣстѣ gehen; *ой* ʾ| въ *о* наприм. Boiden вмѣсто Boden, что впрочемъ можетъ быть понятно только для понимающихъ древне-Еврейскій языкъ.

(7) Отсюда многіе заключаютъ, что обитающіе въ Россіи Евреи суть германскіе переселенцы, перешедшіе въ Россію во времена крестовыхъ походовъ, что впрочемъ доказываетъ и ихъ обрядъ молитвы (у

тельнаго грамматическаго (8) направленія и такъ запутало конструкцію его, что онъ сдѣлался невыносимымъ жаргономъ для образованнаго класса Евреевъ, старающихся замѣнять его или русскимъ или чисто нѣмецкимъ. Впрочемъ въ послѣднее время нѣкоторые геніальные писатели (Готлбберъ, Дикъ, Цвейфель и проч.) начали сочинять на немъ весьма интересные народные разсказы, сатиры и даже стихи, и хотя эти произведенія не выдерживаютъ внѣшнихъ законовъ, мѣръ, рифмъ и проч., но не менѣе того они весьма не безполезны какъ опыты народной поэзіи, возбуждающіе въ народѣ нравственное стремленіе къ художественнымъ идеаламъ.

Это нарѣчіе имѣетъ въ произношеніи своемъ тоже нѣсколько отличій: Евреи Царства Польскаго и Волынскіе произносятъ его звучнѣе и пріятнѣе, а Литовскіе—Бѣло и Малорусскіе довольно вяло и сурово. Главная разница состоитъ въ произношеніи гласныхъ буквъ (9).

Евреевъ есть два обряда молитвы: португальскій и германскій; всѣ Евреи въ Россіи молятся по послѣднему; только недавно одна секта хасиды начала молиться по первому); но между тѣмъ старожилы разсказываютъ намъ, что ихъ бабушки говорили по русски, мущины-же употребляли нѣмецкій языкъ, можетъ быть только потому, съ одной стороны, что многія религіозныя книги были искони переведены для народа на этотъ языкъ, а съ другой, что обитавшіе въ Россіи Евреи имѣли германскихъ раввиновъ. Все это впрочемъ однѣ предположенія, на которыя ясныхъ доказательствъ не имѣется; ближайшее по этому вопросу изслѣдованіе не относится къ настоящему труду.

(8) Неправильность въ падежахъ особенно замѣтна въ замѣненіи дательнаго—винительнымъ, и на оборотъ, а также въ употребленіи членовъ женскаго рода для мужескихъ существительныхъ, и на оборотъ, средній-же родъ очень рѣдко встрѣчается, а замѣняется мужескимъ или женскимъ, исключая das kind.

(9) *Камецъ* произносится литовцами какъ *о*, а волынцами болѣе какъ *у* или *ю*; *цере* произносится первыми какъ *ей*, а послѣдними какъ *ай*; *Хирикъ*—первыми какъ *і*, а послѣдними какъ *е*; *Холемъ*—первыми похоже на *ау*, а послѣдними какъ *о*; *шурукъ*—первыми какъ *у*, а послѣдними какъ *и*. Здѣсь можно замѣтить, что Евреи жители г. Вильно

Мѣстнымъ корреспондентамъ предстоитъ объяснить ближе означенныя различія въ произношеніи.

Этотъ языкъ имѣетъ особенный шрифтъ, такъ называемый женско-нѣмецкій — Weiberdeutsh; на которомъ напечатано множество переводовъ молитвенныхъ и законоучительныхъ книгъ, доступныхъ для всѣхъ простолюдиновъ и для женщинъ. Письменная-же форма этого шрифта, есть тотъ самый курсивъ, который принятъ въ еврейскомъ.

ПО ГРАЖДАНСКОМУ БЫТУ.

3) Кромѣ того, сколько-нибудь развитой Еврей читаетъ и даже пишетъ, хотя въ нѣкоторой степени, на одномъ изъ тѣхъ языковъ, которыми говорятъ туземцы той мѣстности, гдѣ онъ живетъ, какъ-то: на русскомъ, польскомъ, жмудскомъ (въ Литвѣ) и нѣмецкомъ (въ Курляндіи), а иногда онъ читаетъ и пишетъ на двухъ-трехъ языкахъ, потому что способы существованія Еврея приводятъ его въ столкновенія съ людьми всякаго происхожденія, которые не имѣютъ надобности и не желаютъ говорить языкомъ, болѣе доступнымъ Еврею, заставляя такимъ образомъ послѣдняго по неволѣ объясняться на чуждомъ ему нарѣчіи. Въ торговомъ городѣ Одессѣ встрѣчаемъ самыхъ простыхъ Евреевъ, которые говорятъ, кромѣ русскаго, на 3—4 Европейскихъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и проч.

III. Домашній бытъ.

ЖИЛИЩА.

Жилища Евреевъ въ сущности ни чѣмъ не отличаются отъ мѣстныхъ того края, гдѣ они поселены (10). Домашней утвари,

не могутъ выговаривать буквы *р*, а произносятъ ее какъ англичане *r* guttaral.

(10) Въ видахъ предохраненія чистоты нравовъ, запрещено у Евреевъ стороннему лицу спать въ той комнатѣ, гдѣ почиваетъ чета; поэтому у самыхъ бѣдныхъ Евреевъ домикъ раздѣленъ на нѣсколько крошечныхъ комнатъ и даже палатей соотвѣтственно числу четъ.

въ особенности посуды, у Евреевъ, хотя она и не отличается особенною противъ обыкновеннаго формою, въ массѣ бываетъ гораздо болѣе, чѣмъ у прочихъ жителей,— ибо каждый, даже самый бѣдный Еврей, имѣетъ по постановленіямъ своего закона, двоякую кухонную и столовую посуду и двоякіе приборы, именно: молочные и мясные, которые воспрещается употреблять вмѣстѣ. У состоятельныхъ Евреевъ есть еще особенная посуда для пасхи, такъ какъ въ этотъ праздникъ нельзя по закону употреблять посуду, въ коей готовили кислыя приправы, но бѣднѣйшіе Евреи обходятся кое-какъ, возобновляя старую, докупая кое-что и проч.

Одни повозки еврейскихъ извощиковъ отличаются отъ русскихъ, именно: для клади онѣ устроены по формѣ нѣмецкихъ фрактовъ и называются *бухты*, а для пассажировъ довольно удобныя и вмѣстительныя брички, извѣстныя подъ именемъ еврейскихъ *будъ* или *фуръ*.

Образá у Евреевъ, на основаніи словъ Моисея (Числъ, XX, 4. Втор. IV, 16, 17, 18), запрещены. Это, впрочемъ, по толкованію раввиновъ, относится только къ бюстамъ и вообще къ выпуклымъ фигурамъ; писанныя-же картины дозволяются и имѣются у болѣе зажиточныхъ Евреевъ, какъ-то: изображеніе сценъ изъ библейской исторіи, нѣкоторыя молитвы списанныя и украшенныя политипажами и бордюрами, портреты знаменитыхъ раввиновъ, а также прочіе портреты, неотносящіеся къ еврейскому быту. На восточной-же сторонѣ своихъ жилищъ народъ часто вѣшаетъ въ рамкѣ подъ стекломъ раскрашенный листъ бумаги (мизрахъ), исписанный текстами изъ св. писанія съ эмблемами: щита Давида (двухъ перекрещивающихся трехъугольниковъ) ✡ съ изображеніемъ львовъ, столбовъ и коронъ для указанія, что во время молитвы надобно стать лицомъ къ той стѣнѣ ([11]). Это впрочемъ только обычай, но не законъ.

([11]) Храмъ Іерусалимскій находится по географическому своему положенію въ восточной сторонѣ (см. Даніилъ VI — 11. книга Царствъ VIII — 48).

Иные благочестивые Евреи оставляютъ при выбѣлкѣ и выкраскѣ дома квадратное поле въ аршинъ, небѣленое и некрашеное для воспоминанія разрушенія Іерусалима и храма (зехеръ лехурбанъ). На дверяхъ-же, форткахъ и воротахъ бываютъ прибиты пергаментные листы (мезуза) съ главами изъ св. писанія объ единствѣ Божіемъ, что составляетъ уже повелѣніе закона.

На праздникъ скинопигія, отправляемый въ память странствованія вышедшихъ изъ Египта Евреевъ въ пустынѣ и житія ихъ тогда въ лагерѣ (Левит., XXV, 42, 43), бывающій обыкновенно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Евреи строятъ на дворахъ своихъ будки изъ досокъ, крытыхъ ельникомъ и другою растительностію (сукка); у богатыхъ Евреевъ устроены въ самыхъ жилищахъ особенныя комнаты для кущей, для чего на время праздника снимаютъ крышу и потолокъ, замѣняя ихъ ельникомъ.

ПЛАТЬЕ.

До 1845 г. Евреи отличались отъ мѣстныхъ жителей особою, довольно странною одеждою. Не говоря о необыкновенной длинѣ мужскаго платья, по старинной польской выкройкѣ, опоясаннаго чернымъ поясомъ, и о полудеревенскомъ костюмѣ женщинъ, еще болѣе страненъ былъ головной уборъ тѣхъ и другихъ. Шапки мужчинъ состояли изъ дорогихъ мѣховъ, но шились безъ малѣйшаго вкуса, а головной уборъ женщинъ былъ похожъ на турецкую головную повязку, что крайне безобразило молодыхъ Евреекъ, столь часто замѣчательныхъ своею южною красотою. Обувь же ногъ мужчинъ вмѣсто сапоговъ состояла въ башмакахъ, а женщины носили туфли, называвшіяся французскимъ словомъ *pantoufles*.

Съ 1845 правительствомъ узаконено, чтобы Евреи не отличались въ своемъ костюмѣ отъ прочихъ туземцевъ. Конечно молодежь, а въ особенности прекрасный полъ приняли повелѣнія начальства съ восторгомъ, и по своей склонности къ роскоши

въ одеждѣ ([12]) стали даже стараться перещеголять мѣстныхъ жителей. Но со стариками это нововведеніе не обошлось безъ затрудненій. Многіе изъ нихъ еще до нынѣ не могутъ рѣшиться сбросить на всегда свои шелковые жупаны и замѣнить суконными сюртуками ([13]).

Особенное затрудненіе вызывается запрещеніемъ ношенія ермолки (маленькій черный колпачекъ на головѣ, скуфейка), которую Евреи считаютъ почти обязанностію закона, ибо, Евреи по восточному обычаю, признаютъ чтеніе молитвы, св. книги и вообще произношеніе имени Бога съ обнаженною головою не приличнымъ, а такъ какъ Евреи молятся очень часто, читаютъ св. книги безпрестанно и произносятъ даже при своихъ занятіяхъ, по примѣру прочихъ, имя Бога, то по этому они привыкли не разставаться съ ермолкою, дабы голова была постоянно покрыта.

([12]) Едва-ли кто нибудь не признаетъ, что рѣдко встрѣчается столь умѣренный народъ, какъ Евреи, по ихъ воздержанію въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ и въ пищѣ, граничащему съ цинизмомъ; но въ одеждахъ преобладаетъ у нихъ склонность къ роскоши. Причина этого заключается во многихъ историческихъ обстоятельствахъ, которыя пояснены будутъ въ другомъ мѣстѣ.

([13]) По закону Моисееву (Второзак., XXII, 11) запрещено Евреямъ носить платье изъ матеріи тканой шерстяными и льняными нитками вмѣстѣ; раввины-же запретили ношеніе шерстянаго платья, когда оно сшито льняными нитками; портные Евреи строго соблюдаютъ это при изготовленіи платья для Евреевъ, но самые набожные Евреи избѣгаютъ ношенія шерстяной ткани, подозрѣвая вмѣшиваніе въ нихъ льняныхъ нитокъ. Причина этого запрещенія объясняется различно: Маймонидъ полагаетъ, что египтяне готовили свои матеріи изъ шерсти и льна, а Моисей, желая отличить Евреевъ какъ можно болѣе отъ египтянъ, запретилъ имъ носить такую одежду. Далѣе полагаютъ, что какъ жертвоприношенія первыхъ сыновей Адама—Каина и Авеля состояли перваго изъ льняныхъ стеблей, а послѣдняго изъ овцы, и отъ этого произошло первое смертоубійство въ исторіи міра, то дабы не напоминать этого, надо стараться никогда не сближать эти два предмета, ленъ и шерсть, бывшіе свидѣтелями смертнаго происшествія, тѣмъ болѣе носить на себѣ платья изъ такой ткани.

Кромѣ того, Евреи, по самому древнему и освященному обычаю носятъ бороду и длинные волосы (*пеосъ*) по обоимъ вискамъ; эти послѣднія, при старинномъ еврейскомъ костюмѣ, отличались значительною длиною, но при нынѣшнемъ Европейскомъ общегражданскомъ костюмѣ эти завѣтные пеосы стали замѣтно исчезать. Бороду же Евреи носятъ и до нынѣ, за исключаніемъ весьма не многихъ, брѣющихъ ее вовсе или подстригающихъ по модѣ.

Далѣе, есть у Евреевъ еще одежда, называемая *арбе-канфесъ*, нѣчто въ родѣ длинной четырехъ-угольной накладки, съ вырѣзкою для шеи, къ каждой изъ четырехъ концевъ которой привязаны шерстяныя или пеньковыя нитки съ особою повязкою, въ воспоминаніе заповѣдей Божіихъ (Числъ, XV, 38, 39). Одежду эту старики носятъ непремѣнно изъ бѣлой шерсти, съ синими полосами по краямъ подобно молитвенному покрывалу (талисъ); но молодежъ носитъ ее изъ разныхъ матерій и въ меньшемъ объемѣ.

Сверхъ того, женатые Евреи надѣваютъ во время утренней молитвы бѣлое шерстяное покрывало съ синими по краямъ полосами (талисъ) и съ шерстяными нитями — повязками по концамъ (цицисъ), а также повязываютъ себѣ на голову и лѣвую руку *тефилинъ*, состоящія изъ маленькихъ четырехъ-угольныхъ пергаментныхъ ковчеговъ, съ уложенными въ нихъ полосками пергамента, на которыхъ написаны главы св. писанія объ исходѣ изъ Египта, и пр. Эти ковчеги укрѣпляютъ къ головѣ и рукѣ ремнями изъ телячьей кожи (рецуосъ). Есть еще одно религіозное платье у Евреевъ, состоящее изъ бѣлаго полотна, шитаго какъ рубашка, и называемаое *китель* (kittel). Это смертная рубашка, въ которой хоронятъ мертвыхъ, но живые получаютъ ее въ подарокъ отъ невѣсты при вѣнчаніи. Носятъ ее весьма рѣдко, именно: при вѣнчаніи ([14]), въ день отпущенія грѣховъ—

([14]) Иные одѣваютъ и при произношеніи присяги, но это нисколько не обязательно, а происходитъ отъ средневѣковаго обычая.

въ синагогѣ, а иные носятъ и въ пасху, при чтеніи молитвы за столомъ, *гагада*.

Женщины же не имѣютъ всего этого; онѣ съ радостію сбросили съ головы тяжелые платки и замѣнили ихъ чепцами и шляпками. Въ Малороссіи Еврейки повязываютъ головы маленькими платками, подобно русскимъ. Такъ какъ замужнія не должны показываться въ публичныхъ мѣстахъ съ обнаженными головами, то онѣ покрываютъ переднюю часть головы шелковыми и волосяными париками. Нѣкоторыя мѣстные начальники настаиваютъ, чтобы Еврейки отбросили и парики, но извѣстно, сколько можно успѣть полицейскими мѣрами въ дѣлахъ, связанныхъ съ религіознымъ предубѣжденіемъ.

ПИЩА.

3. Въ отношеніи пищи,—умѣренность и воздержаніе Евреевъ признаны всѣми писателями. Уже св. писаніе предписываетъ имъ многія, впрочемъ гигіеническія, по сему предмету, постановленія, которыя въ послѣдствіи были еще распространены раввинскимъ ученіемъ въ болѣе законодательномъ смыслѣ. Нѣтъ народа на свѣтѣ, духовенство котораго имѣло-бы такое вліяніе на гастрономическія его потребности, какъ у Евреевъ, кухня которыхъ подчинена раввину, почти наравнѣ съ синагогою. Раввинъ долженъ знать не только о всѣхъ позволительныхъ и запрещенныхъ животныхъ, птицахъ, рыбахъ и проч., но онъ долженъ быть близко знакомъ съ анатоміею позволительныхъ животныхъ и птицъ, ибо отъ этого знанія часто зависитъ разрѣшеніе разныхъ казуистическихъ вопросовъ по настоящему предмету, который сдѣлался для народа чисто религіознымъ принципомъ.

Ознакомить иноплеменнаго читателя съ относящимися сюда подробностями едва возможно, по громадности ихъ объема, но дать понятіе объ этомъ въ общихъ чертахъ есть обязанность писателя этнографіи Евреевъ. Вотъ главныя запрещенія для Евреевъ относительно пищи:

а) Изъ четвероногихъ животныхъ дозволено имъ употреб-

лять только тѣхъ изъ рогатаго скота, которыя имѣютъ раздвоеныя копыта и свойство пережевыванія, какъ-то: коровъ, воловъ, оленей, козъ, овецъ и подобныхъ имъ; всѣ-же прочія животныя, неимѣющія обоихъ помянутыхъ условій или имѣющія только одно, какъ-то: зайцы (*), имѣющіе только свойство пережевыванія, свиньи — имѣющія только раздвоеныя копыта и имъ подобныя, положительно запрещены самимъ Моисеемъ (Левит. XI. 1—9)

б) Изъ птицъ дозволены только однѣ ручныя, какъ-то: куры, гуси, утки, индѣйки, голуби, воробьи и проч.; всѣ-же дикія запрещены безъ изъятія. Относительно птицъ нѣтъ въ св. писаніи общихъ признаковъ, отличающихъ позволительныхъ отъ запрещенныхъ. Моисей (Левит., XI, 13—21) называетъ 24 запрещенныхъ птицъ по именамъ, но настоящій переводъ этихъ именъ намъ нынѣ не вполнѣ извѣстенъ, почему главное основаніе здѣсь — преданіе. Долговременнымъ изслѣдованіемъ и изысканіемъ удалось найти нѣкоторые зоологическіе признаки, отличающіе библейскихъ дикихъ птицъ отъ ручныхъ: ручныя или домашнія отличаются тѣмъ, что у нихъ на ногахъ средніе пальцы удлинены и что, кромѣ зоба, у нихъ есть желудокъ снабженный легко сдираемою мускульною оболочкою (**). (Талмудъ трактатъ Хулинъ, 65, см. Zoologie des Talmuds Dr. Lewynsohn. Франкфуртъ на Майнѣ 1858 г.)

в) У рыбъ означены признаки, отличающіе позволительныхъ отъ запрещенныхъ, именно: позволительныя рыбы суть тѣ, которыя имѣютъ чешуйчатую кожу и плавники какъ-то: щуки, лещи, лососи, сиги и имъ подобныя; тѣ-же, которыя имѣютъ гладкую кожу или не имѣютъ плавниковъ запрещены для Евреевъ; признаки-же эти ясно указаны у Моисея (Левит., XI, 9—13).

г) Всѣ земноводныя, пресмыкающіяся и насѣкомыя запре-

(*) Жвачку отрыгають только звѣри изъ отряда жвачныхъ (Ruminantia) снабженныя четырьмя желудками, но зайцы не относятся къ этому отряду. *Р.*

(**) Изъ разсужденій Левисона видно, что подъ именемъ чистыхъ птицъ должно подразумѣвать весь отрядъ *Соровыхъ* (Gallinaceæ) и зерноядныхъ изъ отряда Passerini. *Р.*

щены (Левит., XI, 41, 42), за исключеніемъ нѣкоторыхъ родовъ саранчи (21, 22), которые впрочемъ намъ не извѣстны, по этому Евреи не только не употребляютъ раковъ, устрицъ и т. п., но даже при употребленіи чего либо изъ царства растительнаго какъ-то: капусты, гороху, фруктовъ и проч. строго перебираютъ ихъ по листкамъ и зернышкамъ, дабы узнать нѣтъ-ли въ нихъ червяковъ, насѣкомыхъ и проч., отчего нѣкоторые сорты грибовъ, изъ которыхъ невозможно выбирать червяковъ, ими не употребляются; также, если въ мукѣ или крупѣ, въ лѣтнее время, заведется моль, таковая уже не употребляется.

д) Позволительныя животныя и птицы тоже не употребляются иначе, какъ по слѣдующимъ условіямъ, именно:

1) Онѣ должны быть зарѣзаны по горлу самымъ острымъ и гладко выточеннымъ ножемъ; операція должна быть совершена мигомъ, такъ чтобы животное какъ можно менѣе страдало, иначе рѣзанное животное считается падалью и запрещеннымъ. Посему между Евреями существуютъ особенные рѣзники, которые учатся сему искуству и получаютъ на то свидѣтельство отъ раввина послѣ удостовѣренія въ дѣйствительности знанія ими своего дѣла.

2) Послѣ рѣзанія рѣзникъ разсматриваетъ внутренности животныхъ, а въ особенности легкія, для удостовѣренія, что животное не имѣло опасной болѣзни. Въ случаѣ-же замѣченныхъ имъ извѣстныхъ признаковъ, доказывающихъ, что животное не пережило-бы 12 мѣсяцевъ, признаетъ его непозволительнымъ, какъ падаль. Въ сомнительныхъ случаяхъ это разрѣшаетъ раввинъ. Разсмотрѣніе внутренности птицъ предоставлено женщинамъ-кухаркамъ, которыя, въ случаѣ замѣченныхъ ими необычныхъ признаковъ во внутренности птицъ, какъ-то: гнилости, дырокъ и наростовъ въ кишкахъ, а также переломанныхъ костей, обращаются къ раввину, который разрѣшаетъ это по правиламъ, изложеннымъ въ законоучительныхъ, по сей части, книгахъ, основанныхъ на долголѣтнихъ опытахъ, наблюденіи и изслѣдованіи, и произноситъ приговоръ: позволительно-ли —*кошеръ*, или запретительно —*трефъ*.

3. Послѣ рѣзанія и осматриванія внутренностей вынимаются разныя жилы изъ животнаго, а также нѣкоторыя части жира, которыя не дозволено употреблять (Бытія, XXXII, 32; Лев. VII, 23 (16) 26); это выниманіе жилъ требуетъ особеннаго искуства, и въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ знающихъ сіе дѣло, вовсе не употребляется задняя часть животнаго, въ которой находятся сіи жилы. Потомъ говядина вымывается и высаливается съ цѣлію совершеннаго очищенія отъ крови, употребленіе которой подъ какимъ-бы то не было предлогомъ строго запрещено самимъ Моисеемъ (Второзак., XII, 23—24) даже въ малѣйшемъ пріемѣ, исключая рыбъ, которыя не подлежатъ ни рѣзанію, ни разсматриванію внутренностей, ни строгой очисткѣ крови. Впрочемъ очищается кровь и отъ рыбы, ибо, хотя законъ уже здѣсь не возлагаетъ на Евреевъ это въ обязанность, но привычка не употреблять кровь животныхъ и птицъ сдѣлала употребленіе всякой крови для нихъ чѣмъ-то отвратительнымъ и нетерпимымъ (17).

е) Само собою разумѣется, что молоко запрещенныхъ животныхъ, яица запрещенныхъ птицъ, икра запрещенныхъ рыбъ и т. д. тоже запрещены.

ж) Вообще запрещено Евреямъ употреблять молочное съ мяснымъ, по этому у Евреевъ находится, для приготовленія того и другаго, особая посуда кухонная и столовый приборъ, какъ пояснено выше (пунктъ I). Разница однакожъ въ томъ, что, употребивъ молочную пищу, можно выполоскать ротъ и тотчасъ употреблять мясную, но, употребивъ мясную, нельзя уже потомъ употребить молочную въ продолженіи 6 часовъ, пока желудокъ переварить мясную пищу и оставшіяся между

(16) Впрочемъ, это только изъ тѣхъ животныхъ, которыя при существованіи храма годны были въ жертву; изъ прочихъ-же, какъ напр. изъ оленя, жиръ не запрещается.

(17) Отвращеніе къ крови дошло до того, что когда во время обѣда Еврей оцарапаетъ себѣ ротъ внутри, то онъ выплевываетъ яство, подозрѣвая не брызнула ли на него капелька собственной своей крови.

зубами крошки мясной пищи потеряютъ свой первобытный видъ. Это впрочемъ постановленіе позднѣйшихъ временъ, а по талмуду довольно промежутка одного часу.

з) Напитки всѣ дозволены для Евреевъ, кромѣ приготовленнаго не-Евреями винограднаго вина, которое встарину было главнымъ предметомъ идолопоклонническаго богослуженія (яинъ-несехъ), по этому, кромѣ приготовляемаго здѣсь Евреями вина изъ изюма ([18]), для Евреевъ приготовляются за границею и нынѣ разные сорты винъ, которые привозятъ сюда за печатью и свидѣтельствомъ тамошнихъ раввиновъ. Но такъ какъ нѣкоторые толкователи закона полагаютъ, что по несуществованію нынѣ въ Европѣ идолопоклонства это запрещеніе не имѣетъ мѣста, то болѣе свѣтскіе Евреи не соблюдаютъ сего постановленія и пьютъ всѣ вина безъ печатей и свидѣтельствъ раввиновъ (стамъ іейномъ).

и) Въ цѣлую недѣлю праздника пасхи Евреи не употребляютъ никакого хлѣба и приварокъ, которые подверглись кисленію посредствомъ броженія, пекутъ опрѣсноки (маца) изъ одной муки ([19]) съ водою, безъ соли и дрожжей, на всѣ-же приварки въ эту недѣлю употребляется мука, приготовляемая изъ растолченныхъ сихъ-же самыхъ опрѣсноковъ или изъ картофеля. (Исходъ, XII, 19, 20).

Изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что пища Евреевъ не можетъ быть слишкомъ сложнымъ гастрономическимъ иску-

---

([18]) Это составляетъ у Евреевъ значительную отрасль промышленности; у каждаго сколько-нибудь населеннаго общества Евреевъ шинкари заготовляютъ изюмное вино (цемукимъ), которое продается по 15—25 к. бутылка, оно не опьяняетъ и бываетъ довольно вкусно, само собою разумѣется, что это только въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ винодградника; тамъ же, гдѣ Евреи сами воздѣлываютъ виноградъ, какъ напр. въ Бессарабіи, тамъ они дѣлаютъ изъ него для своихъ единовѣрцевъ и вино.

([19]) Муку эту тоже сохраняютъ отъ подмочки, чтобы она не прокисла, а самые набожные Евреи сохраняютъ и пшеницу отъ подмочки, особенно при молотьѣ ее на мельницѣ (шмура).

ствомъ: супъ съ высоленной и очищенной отъ крови говядиной, жаркое изъ такой же говядины безъ прибавки коровьяго масла, сметаны и проч. все это не можетъ имѣть особеннаго вкуса, по этому Евреи употребляютъ въ пищу болѣе пряностей для придачи ей нѣкотораго ощущенія, (особенно у Евреевъ хорошо готовятъ рыбу). Вообще Еврейки простаго народа хорошо знаютъ кухонное дѣло.

Весьма рѣдко у Евреевъ мужчина занимается поварствомъ; Еврейки умѣютъ отлично печь хлѣбъ, особенно пшеничный, ибо никакая Еврейка не покупаетъ готоваго, а сама печетъ каждую пятницу ([20]) и наканунѣ всякаго праздника бѣлый хлѣбъ—*хала*, при чемъ совершается особенный обрядъ и читается благословеніе. Эти халы имѣютъ при разныхъ праздникахъ особыя формы, именно: на новый годъ они дѣлаются въ родѣ баранковъ, т. е. круглыя; наканунѣ дня отпущенія грѣховъ въ формѣ лѣстницы; на праздникѣ пуримъ (освобожденіе отъ Гамана) трехъугольныя съ макомъ, такъ называемыя — карманы Гамана, Hamentaschen; на свадьбы и проч. праздники плетеныя кидки и проч., для приварки готовится тоже, смотря по роду праздника, то лапша, то родъ вермишеля (фарфилъ), то маленькіе трехъугольные пирожки съ мясомъ (крепхенъ), то большія круглыя клёцки (кнедлехъ), эти послѣднія готовятъ особенно въ праздникъ пасхи изъ мацевой муки.

Въ субботу Евреямъ не дозволено варить, а потому субботній обѣдъ заготовляется въ пятницу предъ вечеромъ и вставляется въ одномъ большемъ горшкѣ въ теплую печку, которая закрывается до завтрашняго дня; кушанье это называется *шолентъ*. Оно состоитъ изъ самыхъ дешевыхъ припасовъ, именно: каши, гороху, рода пирожнаго, сдѣланнаго изъ муки съ жиромъ (кугель) и говядины. Это заведено для того, чтобы въ субботу не различались бѣдные отъ богатыхъ, а потому из-

([20]) Это по преданію одинъ изъ древнихъ обычаевъ, установленныхъ еще пророкомъ Эздрою.

браны кушанья весьма недорогія ([21]); особенно хорошо Еврейки пекутъ пряникъ изъ ржаной муки (лекахъ), а также разныя лакомства: (тейглехъ)—изъ тѣста, яицъ съ медомъ; (айнгемахцъ)—изъ рѣпы, инбиря съ медомъ; разные сахарники съ миндалемъ и проч., варенья изъ разныхъ ягодъ и т. д.

Главная разница у народа между будничнымъ и праздничнымъ столомъ состоитъ въ томъ, что къ послѣднему прибавляется рыба ([22]) вначалѣ обѣда, а послѣ его желе или десертъ изъ огородныхъ плодовъ, какъ то: моркови, пастернаку и проч. съ медомъ и мясомъ, называемое *цимесъ*.

Въ праздникъ пятидесятницы готовятъ молочный обѣдъ, а въ праздникъ Маккавеевъ (ханука) пекутъ блины и алады изъ гречневой муки.

Въ постные дни, коихъ не много у Евреевъ: день отпущенія грѣховъ по закону Моисееву (Левитъ, XXIII, 27), день разрушенія храма и еще четыре второстепенныхъ поста: Эсѳировый предъ пуримъ, Гдальевой послѣ новаго года, 10 тевеса (около декабря) и 17 тамуза (около іюля), все тоже историческіе, Евреи ничего не ѣдятъ и не пьютъ; одну только недѣлю передъ печальнымъ днемъ разрушенія храма Іерусалимскаго Евреи употребляютъ одну молочную пищу, а не мясную.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

4. Обычаи и обряды, соблюдаемые Евреями при разныхъ житейскихъ случаяхъ большею частію сопряжены у нихъ съ

([21]) Иные расказываютъ, что встарину однажды запретили Евреямъ готовить на субботу разныя кушанья, а дозволили только одинъ горшокъ, тогда Евреи ухитрились помѣстить въ одномъ горшкѣ всѣ эти кушанья, что осталось и нынѣ въ обычаѣ.

([22]) Надобно замѣтить, что у Евреевъ рыба не употребляется съ мясомъ, а потому она приготовляется съ молокомъ, масломъ, или собственнымъ жиромъ, но не съ жиромъ мяснымъ; ѣдятъ они рыбу всегда вначалѣ обѣда, выполоскавъ ротъ и обмывъ даже руки прежде, чѣмъ приступятъ къ мясному блюду.

законоучительными постановленіями. Хотя многіе изъ нихъ не имѣютъ собственно догматическаго характера, какъ неоснованные ни на св. пис., ни на традиціональномъ ученіи талмуда, но они освящены древностію (sanctionirt [23]). При томъ, позже явившееся у Евреевъ мистическое ученіе (каббала), которому слѣдуетъ нѣкоторая часть мыслителей Евреевъ, содѣйствовало распространенію и освященію разныхъ обычаевъ.

Ограничиваюсь изложеніемъ однихъ чисто народныхъ обычаевъ, не имѣющихъ религіознаго значенія, не оставляя въ сторонѣ характеристику Евреевъ съ религіозной точки зрѣнія, я объясню однако кратко въ примѣчаніяхъ къ сей запискѣ, для полноты изложенія, нѣкоторыя необходимыя религіозныя частности.

Вѣрованіе въ предзнаменованіе, въ добрый и худой часъ, въ вредную силу нечистыхъ духовъ, и возможность устраненія ихъ посредствомъ неудобопонятныхъ здравому разсудку средствъ распространено у Евреевъ не менѣе, чѣмъ у прочихъ народовъ, и, не смотря на то, что сущность религіи Евреевъ догматически возстаетъ противъ этихъ вѣрованій, ни на то, что въ прочихъ отношеніяхъ постановленія религіи соблюдаются Евреями съ самоотверженіемъ, противъ народныхъ предразсудковъ успѣхъ ея остался на половинѣ дороги, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Я предпослалъ это замѣчаніе, считая его источникомъ большей части народныхъ обычаевъ вообще;

---

(23) Причина этому чисто историческая, Евреи въ былыя времена, гонимые и преслѣдуемые цѣлые вѣка сряду, старались во что бы то ни стало твердо сохранять всѣ народныя обыкновенія, не отыскивая источниковъ оныхъ и не разбирая приличны ли они или нѣтъ, а только дорожа всѣмъ тѣмъ, что хотя сколько нибудь народно, дабы тѣмъ укрѣпить духъ національности, изъ чего и явилось правило, что обычай сильнѣе закона — „минхагъ мевателъ галаха“ (народная пословица, см. талмудъ Іерусалим. трактатъ Баба Меціа, гл. 7). Просвѣщенный раввинъ, который вздумалъ бы протестовать противъ какого либо народнаго обычая, былъ бы провозглашенъ реформаторомъ и потерялъ бы вліяніе.

теперь прямо приступлю къ изложенію самыхъ общераспространенныхъ народныхъ обычаевъ.

А. Тотчасъ послѣ того, какъ беременная женщина разрѣшится живымъ младенцемъ ([24]), бабка (обыкновенно старуха, знающая свое дѣло практически и не посѣщавшая учебнаго заведенія) начертываетъ мѣломъ кругъ около стѣнъ той комнаты, гдѣ находится родильница. На всѣхъ же дверяхъ, окнахъ и печкахъ навѣшивается родъ талисмана (ширъ-гамаалосъ), состоящій изъ кусковъ бумаги, на которыхъ написаны 120-й псаломъ, стихи свящ. пис. и нѣкоторыя каббалистическія имена.

Все это дѣлается для того, чтобы нечистые духи не могли проникнуть въ ту комнату, гдѣ родильница съ новорожденнымъ младенцемъ. Если новорожденный—мальчикъ, то на первой недѣлѣ собираютъ каждый вечеръ малолѣтнихъ мальчиковъ изъ сосѣдства, раздаютъ имъ лакомства и они читаютъ молитвы (кріасъ-шма) въ комнатѣ родильницы; въ субботу-же, вечеромъ, это исполняется взрослыми людьми, которые приглашаются къ этому въ синагогѣ (бенъ-захеръ); наканунѣ 8 дня, день обрѣзанія ([25]), взрослые люди также читаютъ молитвы всю ночь (Wachnacht).

([24]) Если разрѣшеніе отъ бремени происходитъ съ чрезвычайными мученіями (мекаше лейледъ), то читаютъ разныя молитвы и стихи изъ свящ. пис.; въ самое время беременности женщины носятъ разные амулеты для того, чтобы облегчить разрѣшеніе.

([25]) Вотъ настоящій процессъ обрѣзанія: назначаются малолѣтніе мальчикъ и дѣвочка (или первобрачная чета) кумами (Gevater), бабка пеленаетъ ребенка такъ—что нужная часть остается свободною; въ особой комнатѣ, а если синагога близка то въ ней, ставятъ почетное двухмѣстное кресло или диванъ (одно мѣсто остается порожнимъ и называется мѣстомъ Ильи Пророка?...) Раввинъ или другой почетный Еврей назначается воспріемникомъ (syndicus), онъ садится въ кресло; бабка кладетъ ребенка на подушку; покрываетъ его бѣлой тканью и передаетъ на руки кумы; та вноситъ его въ назначеную комнату или въ синагогу; кумъ принимаетъ ребенка изъ рукъ кумы, передаетъ одному изъ родственниковъ родителей, который кладетъ его сначала

При рожденіи же дѣвочки это не исполняется, а только въ первую субботу въ синагогу приглашаютъ отца, при чтеніи пятикнижія, и канторъ нарицаетъ (26) имя новорожденной безъ особенныхъ при томъ торжествъ (27), кромѣ того, что женщины приходятъ потомъ поздравлять родильницу (мазель-товъ) и бываютъ принимаемы и подчуемы лакомствами; мужчины же поздравляютъ только когда новорожденный — мальчикъ, тоже послѣ совершенія обрѣзанія; и тогда, у болѣе зажиточныхъ, заготовляется для нихъ обѣдъ, а у бѣдныхъ Евреевъ скромная пирушка, по окончаніи которыхъ произносится благословеніе новорожденному, родителямъ, операторамъ, кумовьямъ, воспріемнику и проч.; самые близкіе знакомые поздравляютъ также на 3-й день, со дня обрѣзанія (шлиши-лемила).

По совершенномъ выздоровленіи родильницы, когда она въ первый разъ выходитъ въ синагогу, мужъ приглашается къ чтенію пятикнижія, и канторъ произноситъ благословеніе ро-

---

на порожнее мѣсто Ильи Пророка, потомъ на колѣна синдика. Искусный въ этой операціи Еврей (могель) острою бритвою кругообразно обрѣзаетъ окраину препуція (хитухъ), ногтями большихъ пальцевъ разрываетъ препуцій (пріа), высасываетъ губами верхнюю кровь (мецица) тщательно выполаскивая вдругъ ротъ для совершеннаго очищенія отъ прикоснувшейся къ губамъ крови, засыпаетъ мѣсто операціи порошкомъ изъ гнилаго дерева, завязываетъ и отдаетъ подушку съ ребенкомъ одному изъ родственниковъ родителей. Могель читаетъ молитвы, держа въ рукѣ бокалъ съ виномъ, нарицаетъ имя младенцу, потомъ возвращаетъ его бабкѣ. Должно замѣтить, что настоящая операція совершается съ такою проворностію и ловкостію, что у искуснаго могеля случается иногда, что спящій ребенокъ не чувствуетъ никакой боли и не плачетъ; когда же и заплачетъ, то могель, помочивъ губки его каплею вина изъ бокала, весьма скоро его успокоиваетъ.

(26) Надобно замѣтить, что у Евреевъ нарицаютъ имена только по покойнымъ родителямъ, родственникамъ или какимъ нибудь усопшимъ знаменитымъ лицамъ.

(27) У Евреевъ родители еще болѣе недовольны рожденіемъ дочерей, чѣмъ у прочихъ народовъ, ибо у нихъ не по одной только экономической причинѣ предпочитаются сыновья, но и по религіозной.

дильницѣ, младенцу и бабушкѣ; женщины поздравляютъ ее и проч.; чрезъ мѣсяцъ послѣ рожденія первенца происходитъ особенный религіозный обрядъ, выкупъ его у кагана (пидіонъ га-бенъ) о чемъ будетъ объяснено подробно далѣе.

В. Народные обычаи, совершаемые при свадьбѣ суть слѣдующіе: въ субботу, предшествующую дню вѣнчанія ([26]), женихъ приглашается утромъ въ синагогу къ чтенію пятикнижія (aufrufen), а пришедши изъ синагоги принимаетъ поздравленія друзей и подчуетъ ихъ, смотря по состоянію. Вечеромъ той субботы замужнія женщины и дѣвушки собираются къ невѣстѣ; музыка играетъ извѣстныя пѣсни (земиросъ), весельчакъ (бадхенъ) импровизируетъ вслухъ стихи на разговорномъ еврейскомъ языкѣ, каждая женщина танцуетъ съ невѣстой, послѣ чего слѣдуютъ общія пляски и веселье. Вечеромъ, наканунѣ дня вѣнчанія, женщины, ближе знакомыя невѣстѣ, провожаютъ ее въ баню, гдѣ она должна обмыться въ теплой купальнѣ (миква) и наставляютъ ее въ правилахъ сего очищенія, которое она должна исполнять почти каждый мѣсяцъ, спустя 7 дней послѣ прекращенія мѣсячнаго очищенія, иначе въ продолженіи этого времени мужъ не долженъ касаться до нея.

([26]) Относительно обрученія можно только замѣтить, что большею частію оно совершается по обоюдному согласію однихъ родителей обѣихъ сторонъ, самые же молодые обрученные, мало въ этомъ участвуютъ, иногда до свадьбы не зная другъ друга. Сочетаніемъ этимъ занимается особое сословіе *мужчины-сваты* (шадхонимъ), которые ведутъ списки всѣмъ юношамъ и молодымъ дѣвицамъ, дѣлаютъ родителямъ предложеніе, соглашаютъ ихъ насчетъ условій, на выдѣлъ приданаго и проч., получая за то положенное вознагражденіе (шадхонесъ). Когда родители обѣихъ сторонъ согласны, то общественный писарь пишетъ на еврейскомъ языкѣ актъ съ поясненіемъ условій (тноимъ), собираются родственники и знакомые, старшій прочитываетъ актъ вслухъ, по окончаніи ломаютъ какую-нибудь глиняную посуду, присутствующіе поздравляютъ родителей и жениха, (невѣста рѣдко присутствуетъ при этомъ). Потомъ подчуютъ гостей обычнымъ порядкомъ, но безъ особенныхъ торжествъ и молитвъ.

Въ день вѣнчанія женщины собираются на квартиру невѣсты, съ которой и танцуютъ по очереди, та же музыка и тѣ же стихи, какъ на исходъ субботы, но стихи теперь бываютъ направлены болѣе къ моральной цѣли, какъ то: къ оставленію родителей, къ супружескимъ обязанностямъ и проч., отъ чего обыкновенно слушательницы трогаются до слезъ; за тѣмъ невѣсту усаживаютъ посреди комнаты и дожидаются прибытія жениха, къ которому въ то время собираются мущины, а весельчакъ съ музыкою приноситъ подарки отъ невѣсты. Эти подарки состоятъ изъ: а) шерстянаго покрывала съ синими полосами (талисъ), которое Еврей надѣваетъ на себя во время утренней молитвы и б) смертной рубашки (кителъ), которую надѣваютъ только въ день отпущенія грѣховъ и пасхи, и въ которой хоронятъ умершихъ. При передачѣ этихъ подарковъ весельчакъ тоже рѣжетъ свои моральные стихи, потомъ женихъ отправляется съ гостями на квартиру невѣсты. Пришедши туда и найдя невѣсту сидящею среди комнаты, онъ закрываетъ лице ея бѣлой тканью, присутствующіе при томъ старики осыпаютъ новобрачныхъ горстью хмѣля или овса, произнося „да умножитесь тысячами и миріадами".

Дружки (29) жениха или шафера надѣваютъ ему кителъ, зажигаютъ два факела, весельчакъ выкликаетъ по очереди родителей и старшихъ родственниковъ обѣихъ сторонъ для подачи благословенія, каждый приглашенный возлагаетъ руки на голову жениха и невѣсты, благословляетъ ихъ по установленной формулѣ и за тѣмъ всѣ отправляются къ мѣсту вѣнчанія (30). Возвратясь оттуда женихъ съ невѣстою, постившіеся

(29) Въ дружки жениху и невѣстѣ назначаютъ не болѣе какъ двѣ четы (Unterführer), которые должны быть непремѣнно первобрачные; изъ нихъ мужья бываютъ шаферами, а жены ихъ подругами

(30) Настоящій актъ вѣнчанія состоитъ въ слѣдующемъ: жениха ставятъ подъ балдахинъ (хупа), выставленный подъ открытымъ небомъ близъ синагоги, родители невѣсты вмѣстѣ съ нею и съ шаферами обходятъ 7 разъ вокругъ жениха. Во время этого обхода канторъ поетъ

въ тотъ день съ самаго утра, ѣдятъ съ одного блюда подкрѣпительный буліонъ, называемый „золотой супъ“. Для гостей приготовляется пиръ, по окончаніи котораго каждый подноситъ новобрачнымъ какой либо подарокъ и эти подарки возглашаются весельчакомъ съ разными прибаутками и остротами. По окончаніи свадебнаго пира повторяютъ тѣ же 7 благословеній (шева брахосъ), кои произносятъ при вѣнчаніи на бокалъ съ виномъ, изъ котораго пьютъ женихъ и невѣста, потомъ невѣсту усаживаютъ посреди комнаты и почетные гости танцуютъ съ нею по очереди (это называется „кошеръ танцъ“, ибо онъ совершается только тогда, когда невѣста чиста, а если она, имѣвъ очищеніе, не успѣла выполнить установленный послѣ того обрядъ, то весь этотъ актъ не допускается, ибо по закону Моисееву женихъ не можетъ дотрогиваться до нея до совершеннаго очищенія), потомъ подруги невѣсты отводятъ ее до брачной комнаты, а женихъ остается съ гостями, пляшущими и возглашающими стихи свящ. пис., пока подруги не возвратятся отъ невѣсты, послѣ чего шаферa жениха провожаютъ и его такимъ же порядкомъ въ супружескую опочивальню ([31]). Нужно

старинные гимны. Послѣ сего раввинъ читаетъ молитвы, держа въ рукахъ бокалъ съ виномъ, съ пивомъ или медомъ, изъ котораго даетъ вкусить жениху и невѣстѣ, женихъ надѣваетъ невѣстѣ кольцо на указательный палецъ правой руки, произнося „этимъ кольцомъ ты вступаешь со мной въ супружество, согласно закону Моисея и Израиля“. Раввинъ громогласно прочитываетъ составленную на халдейскомъ языкѣ брачную запись (кесуба), потомъ произноситъ 7 благословеній, держа въ рукахъ бокалъ, изъ котораго вновь пьютъ женихъ и невѣста, а бокалъ разбиваютъ, дабы тѣмъ напомнить, что мы всѣ созданы изъ персти. Чтеніе молитвы предъ вѣнчаніемъ и записи (сидуръ кедушинъ) и благословенія послѣ онаго (шева брахосъ) можетъ совершить и не раввинъ, а только въ присутствіи 10 взрослыхъ Евреевъ (Руѳь, IV, 2).

([31]) Едва ли нужно замѣчать, что у Евреевъ дѣвица, несохранившая невинность свою (бесулимъ), составляетъ весьма рѣдкое исключеніе, потому что цѣломудріе есть главная ихъ нравственная черта. Впрочемъ, ближайшія родственницы старухи тщательно стараются убѣдиться въ

замѣтить, что у Евреевъ женщины не пляшутъ съ мущинами, а каждый полъ пляшетъ отдѣльно. Впрочемъ этотъ восточный обычай исчезаетъ мало по малу, но я говорю объ массѣ, а не объ исключеніяхъ.

На другой день подруги убираютъ голову невѣсты уже не по дѣвичьи, а по замужней модѣ, за тѣмъ повторяется пиръ, пляски и проч. Въ первую субботу послѣ свадьбы, женщины-знакомки собираются къ невѣстѣ и провожаютъ ее первый разъ въ синагогу (ибо дѣвушки не посѣщаютъ синагоги у Евреевъ, хотя были бы довольно взрослы), поздравляютъ ее снова и, пришедши домой, угощаются. Все это, впрочемъ, происходитъ только когда замужъ выходитъ дѣвица, если же невѣста вдова или разведенная, то кромѣ подлиннаго акта вѣнчанія никакой церемоніи не соблюдается и даже вся свадьба совершается безъ музыки.

В. Когда Еврей опасно боленъ, тогда раввинъ или другой вліятельный Еврей напоминаетъ больному о необходимости сдѣлать послѣднее распоряженіе—завѣщаніе (цавоа) и прочесть исповѣдь (видуй) (32). Когда приближается послѣдняя минута и больной находится уже въ безпамятствѣ, тогда окружающіе зажигаютъ свѣчи и громко читаютъ приличные на сей случай стихи изъ свящ. пис. Когда миновались всѣ припадки агоніи и въ больномъ уже не замѣтно никакого движенія, тогда кла-

томъ на другой день послѣ перваго соединенія. Когда же по какому нибудь особенному случаю дитѣ-дѣвочкѣ приключится маточный недугъ, какъ то по ушибу, внезапному паденію, прыганью, испугу и т. д., то это объявляется раввину, который вписываетъ это обстоятельство въ особую книгу (пинкесъ), что такого то числа, по такой то причинѣ, у такой то, случилось то-то (мукасъ-эцъ), дабы на случай неимѣнія ею потомъ невинности не подозрѣвалось-бы ея поведеніе, ибо малѣйшее въ томъ сомнѣніе клеймитъ женщину вѣчнымъ позоромъ.

(32) При опасныхъ болѣзняхъ народъ прибѣгаетъ иногда къ странному средству, именно — нарицаютъ больному другое имя (мешане гашемъ) по предубѣжденію, что это можетъ перемѣнить его судьбу. Это впрочемъ самый древній обычай, доходящій до временъ талмуда.

дутъ перышко на губы мертваго и если оно не шевелится, то принимаютъ за знакъ, что дыханіе уже совершенно прекратилось и тогда спустя нѣсколько времени снимаютъ тѣло съ постели, раздѣваютъ его совершенно, стелютъ на полъ солому и кладутъ тѣло лицемъ къ верху, выпрямивъ пальцы рукъ и, сложивъ вѣки, закрываютъ покойника чернымъ платьемъ и ставятъ свѣчу въ изголовье; плачущая семья окружаетъ трупъ, а въ сосѣднихъ домахъ выливаютъ воду, дабы тѣмъ извѣстить, что въ близости есть покойникъ.

Похоронами же занимаются члены братства погребателей, существующаго въ каждомъ обществѣ, и называемаго «святымъ братствомъ (хевра кадиша)», потому что на членахъ его лежитъ священная обязанность пещись о похоронахъ мертвыхъ тѣлъ какъ богатѣйшаго, такъ и самаго бѣднаго Еврея, безъ малѣйшаго различія (какъ пояснено будетъ въ ст. *общественнаго быта*)

Члены этого братства являются немедленно по полученіи извѣстія о смерти какого-либо Еврея, поднимаютъ мертвое тѣло съ полу, кладутъ его на скамейку и омываютъ его теплою водою (тагра); когда тѣло уже совершенно чисто, они ставятъ его на ноги, при чемъ три погребателя окачиваютъ покойника чистою водою, произнося троекратно *тогоръ*, *тогоръ*, *тогоръ*, т. е. чистъ, чистъ, чистъ, потомъ одѣваютъ трупъ въ смертную одежду (тахрихинъ) слѣдующимъ порядкомъ: а) рубашку съ длинными рукавами, зашитыми по оконечностямъ наглухо; б) весьма длинныя брюки, также зашитые внизу на глухо, такъ что руки и ноги остаются совершенно покрытыми; в) на это надѣваютъ саванъ или упомянутый выше китель (получаемый обыкновенно въ подарокъ отъ невѣсты въ день свадьбы и носимый въ день отпущенія грѣховъ; но если такого у умершаго нѣтъ, а также для женщинъ, то шьютъ нарочно); этотъ китель есть ничто иное, какъ длинная рубашка съ широкими рукавами и воротникомъ; г) эта рубашка опоясывается холстянымъ пояскомъ съ узломъ впереди; д) на мущинъ надѣваютъ шерстяное

покрывало съ синими полосами (талисъ), въ которомъ ежедневно молятся утромъ; е) длинный колпакъ, сшитый тоже изъ холста. Послѣ всего этого закутываютъ покойника въ большое полотняное покрывало, кончики котораго завязываются сверху и снизу, и развязываются только послѣ положенія въ гробъ.

Примѣчаніе 1. Эти тахрихимъ должны быть непремѣнно изъ бѣлаго холста, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго; различіе можетъ быть только въ добротѣ холста, его тонкости и бѣлизнѣ, но смертныя одежды изъ другой матеріи отнюдь не допускаются.

Примѣчаніе 2. Омываніе (тагра) и одѣваніе тѣла мертвыхъ женскаго пола исполняется женщинами, а братство приступаетъ къ похоронамъ тогда уже, когда тѣло совершенно приготовлено ([33]).

Изъ дома до кладбища возятъ тѣло на лошадяхъ; но особеннымъ почетомъ считается у Евреевъ ношенія тѣла четырьмя Евреями на носилкахъ (мита) на плечахъ, и это исполняется въ нѣкоторыхъ еврейскихъ обществахъ, въ мѣстечкахъ, населенныхъ большинствомъ Евреевъ ([34]). На кладбищѣ вырывается могила, въ нее ставятъ нижнюю часть гроба или просто выстилаютъ ее досками. Тѣло опускается двумя членами братства въ гробъ; за тѣмъ развязываютъ саванъ, накрываютъ гробъ крышкою или просто досками и засыпаютъ землею. Какъ по окончаніи похоронъ, такъ и послѣ омыванія, одинъ изъ членовъ

([33]) Во время омыванія (тагра) родные умершаго, дѣйствительно горюющіе, раздираютъ отворотъ верхняго платья, покрывающаго грудь, вершка на два, носятъ это платье и не зашиваютъ до окончанія дня горерванія. Такой обычай называется „*кріа*" и имѣетъ основаніе въ св. писаніи.

([34]) Въ мѣстахъ, гдѣ возятъ тѣло умершихъ на лошадяхъ, тамъ обряды очищенія и одѣванія совершаются не въ домахъ, а въ особенной комнатѣ, устроенной для сей цѣли на кладбищѣ (тагара штубъ), такъ какъ послѣ исполненія сихъ обрядовъ уже нельзя возить на лошадяхъ, а нужно непремѣнно носить на носилкахъ на плечахъ.

братства испрашиваетъ у умершаго прощенія, какъ отъ имени братства, такъ и отъ имени родственниковъ и знакомыхъ, на случай, если, по невѣденію, не исполнены при погребеніи всѣ требованія, соотвѣтственныя его чести (мехила); за тѣмъ читаютъ молитвы (цидукъ гадинъ), утѣшаютъ горюющихъ, провожаютъ ихъ до дома, гдѣ они должны босикомъ просидѣть 7 дней горееванія, на постланномъ на землѣ тюфякѣ или низенькой скамейкѣ. Горюющіе въ этотъ промежутокъ времени занимаются исключительно молитвою, чтеніемъ библіи, именно: книги Іова, Іереміи и другихъ печальныхъ стиховъ.

Во всѣ дни гореванія, сосѣди, пріятели и родственники посѣщаютъ горюющихъ и утѣшаютъ ихъ (нихумъ авелимъ); первый обѣдъ послѣ похоронъ приносятъ имъ сосѣди (гавраа).

Горевать должны только самые близкіе родные, именно: сынъ, дочь, отецъ, мать, братъ, сестра и супругъ, дальніе родственники не горюютъ. Въ день исполненія года послѣ смерти родителей, наслѣдники постятся (если здоровье имъ позволяетъ), зажигаютъ свѣчу въ синагогѣ, молятся при кивотѣ, читаютъ установленную молитву (кадишъ) ([35]), посѣщаютъ кладбище, раздаютъ милостыню по состоянію для спасенія души умершаго, и это повторяется ими ежегодно (Jahrzeit) до самой ихъ смерти.

Г. Изложивъ обряды и обычаи, соблюдаемые Евреями при 3-хъ главныхъ эпохахъ жизни человѣка, именно: рожденіи, бракосочетаніи и похоронахъ, рѣшившись при томъ не касаться обрядовъ, собственно синагогѣ принадлежащихъ, мнѣ остается очень мало прибавить по этому параграфу программы, потому что при вступленіи въ возмужалость у Евреевъ никакихъ народныхъ ([36]) обрядовъ не существуетъ; полевыми работами

([35]) Эту молитву читаютъ сыновья умершаго въ теченіи цѣлаго перваго года по окончаніи общественной молитвы въ синагогѣ, но потомъ только одинъ разъ въ годъ.

([36]) Есть впрочемъ одинъ религіозный, именно: пока мальчикъ не достигнетъ полныхъ 13 лѣтъ, отвѣтственность предъ Богомъ за всѣ

Евреямъ только еще не давно дозволено заниматься, такъ что никакіе обычаи не успѣли еще образоваться у нихъ въ этой сферѣ, по этому къ вышеизложенному можно добавить только слѣдующее:

1. Для пожарныхъ случаевъ существуютъ у Евреевъ нерѣдко шарлатаны, которые употребляютъ разныя мистическія средства для спасенія отъ пламени, какъ-то: нашептываніе на булку хлѣба, или начертаніе неизвѣстныхъ словъ и знаковъ на клочкахъ бумаги, которые предназначены для бросанія въ пламя; но подобныя нелѣпости конечно не много помогаютъ погашенію безъ прибавки къ тому порядочнаго количества воды и дѣятельности народа, распоряжающагося въ семъ случаѣ съ особенною проворностью; по этому, практическому уму Евреевъ упомянутое шарлатанство не соотвѣтствуетъ и они мало допускаютъ оное.

2. При неурожаяхъ, происходящихъ отъ слишкомъ малаго или слишкомъ большаго дождя, установлены у Евреевъ осо-

---

поступки его падаетъ на отца, такъ какъ, по преданію, до сего возраста у мальчика есть только склонность ко злу (ецеръ га-ра), которую отецъ долженъ устранить посредствомъ воспитанія; съ того-же возраста у мальчика является склонность къ добру (ецеръ-товъ) и тогда онъ самъ уже несетъ отвѣтственность предъ Богомъ за свои поступки. Вмѣстѣ съ тѣмъ мальчикъ начинаетъ повязывать во время утренней молитвы на голову и лѣвую руку *тефилинъ* и уже называется *баръ мицва*, т. е. исполнитель заповѣдей и обязанъ уже поститься въ постные дни. Его вызываютъ въ синагогѣ къ чтенію пятикнижія, и отецъ произноситъ благословеніе Богу, освободившему его отъ отвѣтственности за поступки сына. Богатые люди заготовляютъ въ день такого совершеннолѣтія своего дитяти пиръ для знакомыхъ. Дѣвицы считаются, по преданію, совершеннолѣтними по достиженіи полныхъ 12 лѣтъ, но при этомъ никакихъ торжествъ не бываетъ. На мальчиковъ же это торжество производитъ часто весьма благодѣтельное вліяніе. Бываютъ мальчики шалуны, которые съ того дня начинаютъ въ самомъ дѣлѣ остепениться. Въ Германіи Евреи, подражая лютеранамъ, конфирмуютъ мальчика въ тотъ день, а дѣвицъ—по вступленіи въ возмужалость.

бенныя молитвы; въ древности даже назначены были въ этихъ случаяхъ посты съ особенными обрядами, что впрочемъ нынѣ не соблюдается,—при томъ это принадлежитъ къ разряду обрядовъ синагоги, которымъ мы здѣсь не занимаемся.

3. Моровыя-же язвы, а въ особенности дѣтская эпидемія, по вѣрованію народа, суть кары Божіи за нравственныя преступленія, особенно въ отношеніи цѣломудрія. По этому, когда являются слѣды эпидеміи, особенно дѣтской, тогда въ болѣе набожныхъ обществахъ, по распоряженію раввина, вмѣняется каждому Еврею въ обязанность—донести обо всемъ томъ, что ему извѣстно о сказанныхъ преступленіяхъ, не щадя ни сосѣда, ни пріятеля, ни родственника. И такъ какъ извѣстно, что „гдѣ люди, тамъ и страсти", то, при всей чистотѣ нравовъ Евреевъ въ этомъ отношеніи, не безъ того, чтобы въ многолюдномъ обществѣ не открылось слѣдовъ какого-либо грѣшника; въ такомъ случаѣ начинаются дознанія и развѣдыванія, потому что одному голословному донесенію не вѣрятъ и когда дѣло обнаружится вполнѣ, тогда раввинъ вмѣстѣ съ особымъ комитетомъ, состоящимъ изъ 18 вліятельныхъ лицъ въ обществѣ (хай-анашимъ), старается помочь этой бѣдѣ, напр. убѣждаетъ мужа развестись съ распутною женою, отца — строже наблюдать за своею подозрительною дочерью, распутнаго мущину убѣждаетъ покаятся и проч. Это непремѣнно продолжается нѣсколько времени, а между тѣмъ эпидемія прекращается и у народа утверждается убѣжденіе, что гнѣвъ Божій уже прошелъ, потому что зло искоренено; причина удалена и послѣдствія прекращены.

Этотъ предразсудокъ имѣетъ впрочемъ весьма благотворное вліяніе на нравственность народа, такъ что можно положительно удостовѣрить, что въ отношеніи цѣломудрія и чистоты супружеской жизни Евреи превосходятъ всѣхъ извѣстныхъ намъ націй.

Въ прежнія времена раввины бывало и наказывали за преступленія противъ цѣломудрія. Наказанія эти впрочемъ были ни денежныя, ни тѣлесныя,—они состояли въ публичномъ посрам-

ленія преступника. Бывало надѣнутъ на голову преступной женщинѣ уборъ изъ перьевъ и служитель синагоги водитъ ее по всѣмъ улицамъ, а толпа съ презрѣніемъ смотритъ на обличенную грѣшницу. Преступника же мущину ставили на скамейку въ школьномъ дворѣ и заставляли его громогласно исповѣдываться въ своемъ преступленіи при стеченіи публики, или привязывали его цѣпью въ углу прихожей синагоги, пока весь народъ не выйдетъ изъ школы и не наглядится на его съ презрѣніемъ, — но все это уничтожилось съ того времени, какъ правительство признало полезнымъ прекратить авторитетъ недовольно образованныхъ раввиновъ и ихъ самовластныя дѣйствія, по этому нынѣ употребляются ими одни мѣры убѣжденія, которыя впрочемъ тоже довольно благодѣтельно дѣйствуютъ на нравственность народа.

4. При прочихъ же болѣзняхъ народъ руководствуется тѣми же домашними средствами, которыя употребляются въ томъ или другомъ краѣ ихъ осѣдлости. Они лечатся какъ у своихъ шарлатановъ цирюльниковъ, такъ и у старыхъ бабъ, у татаръ, а также имѣютъ своихъ заговаривателей-шарлатановъ (баалъ-шемъ), которые, по ихъ мнѣнію, отличаются однакожъ отъ колдуновъ-не-Евреевъ тѣмъ, что послѣдніе дѣйствуютъ силою нечистыхъ духовъ, а первые—силою чистыхъ духовъ. Такихъ заговаривателей впрочемъ весьма не много, ибо сами раввины не поощряютъ ихъ, потому что сущность Моисеева закона, какъ выше изъяснено, догматически запрещая сіе, предписываетъ лечиться у опытныхъ врачей, пользующихъ силою природы, а не сверхъ-естественною силою. Приверженцы мистическаго ученія хотя болѣе благосклонны ко всему сверхъ-естественному, но однако тоже мало поощряютъ заговаривателей и чудотворцевъ, подозрѣвая, что они не могутъ дѣйствовать иначе, какъ призывая въ помощь нечистыхъ духовъ, что̀, по ихъ мнѣнію, весьма губительно для души больнаго; по этому они требуютъ отъ баалъ-шема, чтобы онъ былъ человѣкъ въ высшей степени благочестивый, нравственный и проч., что̀ рѣдко мо-

жетъ случиться. Въ болѣзняхъ психическихъ и нервныхъ, какъ-то: въ сумасшествіи, падучей болѣзни, спазмахъ, дѣтскихъ конвульсіяхъ и т. п., рѣдко Евреи обходятся безъ татарина, колдуна или баалъ-шема, послѣдніе, тоже какъ первые, прибѣгаютъ къ куренію разными травами, нашептываютъ, чертятъ круги, приносятъ тихой воды и проч.; у нихъ тоже играетъ не малую роль и луна, и пѣтухъ, и подобное этому шарлатанство; если же больной случайно выздоравливаетъ, тогда извѣстность шарлатана распространяется, и никакой раввинъ уже не въ силахъ противустать его вліянію.

Заговоры употребляются особенно при зубной боли, лихорадкѣ и такъ называемомъ худомъ глазѣ или нагляднѣ (аінъ-га-ра, Bese-Auge). Противъ этихъ болѣзней почти каждая старуха знаетъ какой либо заговоръ, особенно противъ послѣдней, которая часто случается у дѣтей: ребенокъ не много простудился, испортилъ желудокъ или т. п.—это значитъ, что сосѣдка съ худымъ глазомъ на него посмотрѣла, тогда берутъ колпачекъ ребенка или рубашку, и баба, или мущина-знахарь, нашептываетъ на нихъ; если знахарь зѣваетъ во время нашептыванія, то это знакъ, что болѣзнь пройдетъ;—но когда эти люди не зѣваютъ?... Между тѣмъ ребенокъ проснится въ нашептанномъ колпачкѣ или рубашкѣ, выздоровѣетъ и сила заговора утверждается. Впрочемъ, ребенка берегутъ отъ глаза сосѣдки во всякое время; если онъ красавецъ, нарочно называютъ его—мой арабъ, т. е. черный, дабы не навлечь на него худые глаза, ибо прозвище имѣетъ, по мнѣнію народа, вліяніе на положеніе ребенка; если у кого-нибудь дѣти умираютъ рано, не достигая возраста полнаго развитія, то при рожденіи младенца называютъ его старикомъ или старухою, alter или alte (37); а также обра-

(37) Дѣтямъ также навѣшиваютъ разные амулеты, какъ-то: изображеніе еврейской буквы ה (изъ имени Еговы) на серебряной бляшкѣ, раковины, ртуть въ футлярчикѣ, талисманъ въ кругломъ футлярчикѣ (мезузе), а для ускоренія прорѣзанія зубковъ носятъ волчій зубъ, оправленный въ серебро съ тѣмъ, чтобы дѣти, гуляя, терли имъ десна,—чѣмъ ускоряется прорѣзаніе зубовъ.

щаются въ подобныхъ случаяхъ къ чудотворцамъ (баалъ-шемъ), которые имѣютъ своего рода средства къ продолженію жизни будущихъ дѣтей.

Когда женщина совсѣмъ не родитъ дѣтей, то бабы увѣряютъ, что есть такое растеніе, корень котораго имѣетъ человѣческую фигуру и что употребляя оный женщина станетъ рождать; впрочемъ объ этомъ упомянуто въ древнихъ еврейскихъ книгахъ и по мнѣнію одного толкователя такое растеніе выпросила наша прабабушка Рахиль у сестры своей Ліи, дабы родить дѣтей отъ праотца Іакова. Я зналъ одну бабу, которая увѣряла, что нашла этотъ корень; но не смотря на то, что я ей предлагалъ деньги за то только, чтобы она мнѣ его показала, я не могъ убѣдить ее исполнить мою просьбу.

ЗАНЯТІЯ.

5. Общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ народовъ признано, что главное занятіе Евреевъ—торговля. Этого нельзя и отрицать, потому что эти древніе сосѣди изобрѣтателей торговли—Финикіянъ, обречены были судьбою много вѣковъ сряду на отсутствіе постоянной осѣдлости, а временная осѣдлость всегда не могла быть не сопряжена съ разными ограниченіями въ ихъ занятіяхъ, почему и принуждены они были поддерживать себя въ различныхъ странахъ искуственными средствами, торговлею и всего чаще мелочною, удовлетворяющею потребностямъ туземныхъ жителей и доставляющею надлежащій барышъ продавцамъ, а не естественными способами существованія, каковы напр. земледѣліе и т. п. промыслы, изъ которыхъ многіе были имъ запрещены. Принимая при томъ въ соображеніе, съ одной стороны, врожденную дѣятельность Евреевъ (въ лѣни никто ихъ не упрекнетъ), а съ другой—слабость ихъ физическихъ силъ, происходящую отъ скудости ихъ быта, должно согласиться, что дѣйствительно одна торговля соотвѣтствовала ихъ положенію, хотя между ними находилось всегда значительное количество и ученыхъ, даже художниковъ, ремесленниковъ, рабо-

чихъ и проч. Вотъ порядокъ настоящаго существованія Евреевъ.

Почти всякій Еврей приготовляется первоначально, такъ сказать, къ богословскому поприщу, которое ему однакожъ бываетъ полезно только въ случаѣ неудачи въ торговыхъ предпріятіяхъ. Пріобрѣтя обычное духовное воспитаніе, женившись и получивъ отъ родителей сколько-нибудь капиталу, онъ предпринимаетъ какое-либо торговое дѣло; если счастіе ему повезетъ, тогда онъ преобразуется въ свѣтскаго человѣка, карьеру котораго предпочитаетъ большинство потому, что въ ней открывается бо́льшій просторъ. Если же Еврей встрѣтитъ здѣсь неудачу, то обращается къ извлеченію средствъ къ обиходной скудной жизни, изъ тѣхъ источниковъ, на которые жертвовалъ своею молодостію, т. е. становится раввиномъ, учителемъ или т. п. Только тогда, когда отецъ совершенно не въ состояніи дать сыну надлежащее воспитаніе, и притомъ въ юношѣ не оказывается достаточныхъ способностей къ умственному развитію, отдаетъ онъ его къ ремесленнику въ услуженіе, или въ науку. Тѣ Евреи, которые не успѣютъ уже и на этомъ поприщѣ, переходятъ въ извощики, чернорабочіе и наконецъ въ нищіе. Эти послѣдніе, отличающіеся иногда здоровьемъ и молодостію, достойны презрѣнія всякаго здравомыслящаго человѣка, какъ тунеядцы, живущіе на счетъ другихъ, бываютъ поощряемы впрочемъ къ этому своими соотечественниками, такъ какъ милостыня есть первый религіозный долгъ у Евреевъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что занятія Евреевъ заключаются въ слѣдующемъ:

1. *Торговля*, подраздѣляющаяся на два разряда, именно: а) *значительная*, къ представителямъ которой принадлежатъ банкиры, фабриканты, подрядчики по казеннымъ подрядамъ, поставкамъ и постройкамъ, содержатели разныхъ откуповъ, оброчныхъ статей, почтовыхъ станцій и т. п., а также Евреи, ведущіе оптовую и розничную торговлю какъ сырыми продуктами—колоніальнымъ и пушнымъ товаромъ, лѣсомъ, разнаго

рода хлѣбомъ, пенькою, льномъ, желѣзомъ и кожею, такъ и мануфактурными произведеніями, краснымъ товаромъ внутренней и заграничной фабрикаціи, галантерейнымъ или т. п., и б) *мелкая*, къ которой принадлежатъ мелочные лавочники, мѣнялы, разнощики, перекупщики, шинкари и проч.

2. *Ремесла*, подраздѣляющіяся на три разряда, именно: а) *мастерства художественныя*, какъ-то: мастера часовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, рѣзчики печатей, бриліантщики и проч. (живопись у Евреевъ не развита, хотя у многихъ юношей оказываются способности къ ней; но не предвидя для себя отъ этого существенной пользы, они не стараются усовершенствоваться въ оной); этими ремеслами занимаются лица семействъ, пользующихся уваженіемъ въ обществѣ; б) *ремесла въ тѣсномъ смыслѣ*, сюда относятся: портные, шапочники наиболѣе искусные, (сапожниковъ у евреевъ не много), красильщики, столяры, котельщики, кузнецы, бахромщики и проч.; этими ремеслами занимаются люди низшей степени образованія и наконецъ в) *промыслы*, сюда относятся печники, плотники, костовщики, извощики и подобные имъ; это занятіе самыхъ простыхъ Евреевъ, не пользующихся уваженіемъ въ обществѣ, но въ сущности достойныхъ уваженія и поощренія болѣе, чѣмъ ремесленники второй степени, потому что большею частію превосходятъ ихъ въ нравственности.

3. *Духовная профессія*,—сюда принадлежатъ раввины, проповѣдники, (мàгидъ), кàнторы (хазанъ), писцы пятикнижія и тефиллинъ (соферъ), рѣзники скота (шохетъ) и наконецъ домашніе учители (меламды), коихъ нынѣ было множество въ каждомъ обществѣ потому, что казенныя училища еще для Евреевъ не были устроены, а каждый зажиточный отецъ бралъ къ себѣ на домъ такого педагога для воспитанія своихъ дѣтей; посредственные же хозяева отдавали дѣтей своихъ въ мелкія школы, такъ называемыя *хедаримъ*, въ которыхъ обучались однакожъ неболѣе 4—5 мальчиковъ.

4. *Частная служба*, раздѣляющаяся тоже на два разря-

да, именно, къ *первому разряду* относятся: управляющіе и повѣренные по откупамъ, подрядамъ, фабрикамъ или оптовой торговлѣ. Эти люди получаютъ обыкновенно порядочное жалованье и живутъ иногда спокойнѣе своихъ хозяевъ, но за то они служатъ имъ вѣрно, такъ что едва ли случилось когда, чтобы кто либо изъ таковыхъ употреблялъ во зло довѣріе своего вѣрителя; *ко второму же* принадлежатъ: прикащики при подрядныхъ и оптовыхъ торговыхъ дѣлахъ, а также въ лавкахъ; сюда можно причислить особую касту, именуемую въ другихъ краяхъ Европы коммиссіонерами, лонлакеями и чицеронами, но у насъ получившую названіе *факторовъ*, названіе, имѣющее въ латинскомъ смыслѣ почетное значеніе, но относительно Евреевъ сдѣлавшееся презрительнымъ, потому что тѣ лица, которымъ эти факторы услуживаютъ, позволяютъ себѣ употреблять ихъ для самыхъ унизительныхъ порученій, а нужда заставляетъ этихъ бѣдныхъ людей соглашаться на всѣ требованія своихъ минутныхъ господъ, дѣлаться орудіемъ всякой низости и навлекать на себя потомъ презрѣніе отъ того самаго лица, которое довело ихъ до того. Конечно, большая часть этихъ людей, привыкшихъ къ случайному, а не къ постоянному труду, подвергаются преимущественно нравственной порчѣ; но и между ними находятся такіе, которые совсѣмъ не такъ дурны, какъ вообще думаютъ.

и 5. ***Рабочіе***,—къ этой категоріи принадлежатъ: ученики, помощники и подмастерья разныхъ ремесленниковъ, работающихъ на фабрикахъ ([36]), служители домохозяевъ, лакеи, ку-

---

([36]) Кромѣ многихъ суконныхъ, бумажныхъ и галантерейныхъ фабрикъ еврейскихъ въ губерніяхъ: Гродненской, Ковенской и другихъ, существуетъ у Евреевъ одно особенное фабричное производство, именно шерстяныя покрывала (талисъ), носимыя Евреями во время утренней молитвы, должны заготовляться исключительно на еврейскихъ фабрикахъ. Въ талисѣ находится отъ 7 до 9 квад. аршинъ бѣлой шерстяной матеріи; это одѣяніе продается, смотря по качеству шерсти, добротѣ работы и краски боковыхъ синихъ полосокъ, отъ 3 до 20 р. сер. Въ нѣкоторыхъ

чера и проч., и наконецъ *поденщики*, какъ-то: носильщики, работающіе при портахъ, при постройкахъ и т. п. Эти люди, какъ *по слабости силъ* своихъ, такъ и по ограниченности мѣстъ ихъ занятій, зарабатываютъ очень мало, и участь тѣхъ изъ Евреевъ этого класса, которые обременены семействами, не завидна; по этому многіе предпочитаютъ нищенство,—промыселъ, никогда не оставляющій ихъ безъ хлѣба: они отправляются десятками въ многолюдныя общества, и тамъ беспрепятственно пользуются милосердіемъ своихъ единовѣрцевъ, ихъ гостепріимствомъ и покровительствомъ.

Основаніе таковой вредной благотворительности заключается въ старинныхъ преданіяхъ о безпріютномъ скитальчествѣ достойныхъ уваженія предковъ, изгнанныхъ изъ своихъ жилищъ капризомъ или фанатизмомъ властелиновъ прошедшихъ вѣковъ. Такіе скитальцы всего болѣе сострадательно принимаемы были своими собратіями, для нихъ заготовляемъ былъ въ каждомъ обществѣ пріютъ (гекдешъ) для ночлега, имъ выдаваемы были служителемъ синагоги билеты (плетъ) къ зажиточнымъ Евреямъ—къ столу по субботнимъ и праздничнымъ днямъ, имъ были раздаваемы милостыни щедрою рукою. Но нынѣ пользуются такими благодѣтельными обычаями люди недостойные столь человѣколюбиваго обхожденія, употребляющіе во зло народное добродушіе.

Что же касается до занятій женскаго пола у Евреевъ, надо сознаться, что, въ отношеніи дѣятельности, женщины, здѣсь, какъ и вездѣ, много отстаютъ отъ мущинъ. Но большая часть изъ нихъ, начиная отъ женъ богатыхъ Евреевъ, составляющихъ, такъ сказать, аристократію, бываютъ хорошія хозяйки въ домашнемъ быту—повѣряютъ расходъ, смотрятъ за кухнею, бываютъ членами благотворительныхъ обществъ, читаютъ мо-

---

мѣстностяхъ занимаются исключительно заготовленіемъ талисовъ, какъ напр. м. Дубровно, Оршанскаго уѣзда Могилевской губерніи, разсылающее свои произведенія по всѣмъ губерніямъ Россіи, и проч.

литвы и (исковерканный) переводъ библіи, и наблюдаютъ за нравственностію дѣтей. Занятіе же женъ самыхъ бѣдныхъ Евреевъ заключается лишь въ приготовленіи скуднаго кушанья и весьма недостаточномъ надзорѣ за дѣтьми. Рѣдко кто изъ нихъ пойдетъ въ услуженіе; не много бываетъ перекупщицъ, зарабатывающихъ съ капиталомъ въ 2—3 р. с. сколько нибудь для дневнаго пропитанія, а если для этого достаточно труда мужа, то на улучшеніе наряда, ибо ни одна Еврейка, хотя самая бѣдная, не рѣшится носить деревенскій крестьянскій костюмъ; холстъ и сукно для верхняго платья у Евреевъ вещь необычайная, онѣ больше употребляютъ бумажную или шерстяную матерію, весьма некрѣпкую для постояннаго употребленія; вотъ причина, почему онѣ почти всегда одѣты въ лоскутья, хуже нищихъ.

Только въ среднемъ классѣ женщины трудолюбивы и помогаютъ мужьямъ въ пріобрѣтеніи способовъ жизни. Онѣ бываютъ и лавочницами, и мѣняльщицами, и торгуютъ въ корчмахъ и проч. Есть въ этомъ классѣ даже такія, которыя предоставляютъ мужу заниматься литературою, а сами принимаютъ на себя завѣдываніе торговлею. Такъ какъ Евреи положительно расчитываютъ на щедрое вознагражденіе за занятіе литературою, особенно богословскою, на томъ свѣтѣ, то, въ случаѣ принятія женою на себя всѣхъ земныхъ хлопотъ, по убѣжденію народа, и ей приходится порядочная доля отъ сказаннаго вознагражденія (хелекъ-олемъ-габа, т. е. часть будущаго свѣта).

Дѣвушки бѣднаго сословія, когда родители не въ состояніи ихъ кормить, поступаютъ въ услуженіе къ болѣе зажиточнымъ или богатымъ Евреямъ, и тутъ онѣ выучиваются стряпать и убирать комнаты (прачки и даже швейки между ними весьма рѣдки); Еврейки-горничныя служатъ на хозяйскомъ хлѣбѣ и одеждѣ, а жалованье сберегаютъ на приданое, когда придетъ время выйти замужъ. Обзаведясь бѣльемъ, постелью, кой-какою одеждою, однимъ по крайней мѣрѣ шелковымъ платьемъ, а также *талисомъ* для жениха, такая дѣвушка

тотчасъ выходитъ замужъ за бѣдняка ремесленника или чернорабочаго, который, женясь на ней, доставляетъ ей уже кусокъ хлѣба. Молодыя жены несостоятельныхъ Евреевъ, бывшія до свадьбы въ домѣ зажиточнаго хозяина и непривыкшія къ скудной жизни (39), идутъ въ кормилицы, когда собственныя дѣти ихъ умираютъ; даже случается, что если собственныя дѣти живы, то онѣ отдаютъ ихъ къ дешевой кормилицѣ на домъ, а сами все-таки идутъ въ богатые дома; но это дѣлается обыкновенно не для улучшенія быта мужа, а большею частію для того, чтобы сытно ѣсть за столомъ зажиточнаго хозяина и поправить свой гардеробъ, ибо этотъ классъ Евреекъ не менѣе прочихъ преданъ страсти роскошно наряжаться.

НАРОДНОЕ ВЕСЕЛЬЕ.

Праздниковъ народныхъ у Евреевъ не существуетъ. Всѣ ихъ праздники — завѣтные или историческіе. Къ *завѣтнымъ* принадлежатъ: суббота и три главные праздника: пасха, пятидесятница и скинопигія, а также новый годъ и день отпущенія грѣховъ; къ *историческимъ*: праздники Маккавеевъ (ханука) и Гамана (пуримъ); описаніе подробностей этихъ праздниковъ не относится къ настоящему труду, потому что до обрядовъ синагоги мы здѣсь не касаемся.

Приведемъ здѣсь одинъ праздникъ, хотя не періодическій, но народный, именно: каждый состоятельный Еврей обязанъ заказать для себя свертокъ пятикнижія, писанный на пергаментѣ, для чтенія въ синагогѣ (40).

---

(39) У Евреевъ находящіяся въ услуженіи люди почти всегда ѣдятъ съ одного стола съ хозяевами, а въ праздничные дни даже сидятъ за столомъ вмѣстѣ съ своими господами.

(40) Такой свертокъ нормальной величины бываетъ въ $^3/_4$ арш. и содержитъ въ себѣ 264 столбца древняго еврейскаго квадратнаго шрифта, стоитъ обыкновенно 100—150 р. с. и болѣе. Переписчики (соферъ) исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, потому что смотрятъ на оное не какъ на ремесло, а какъ на священное занятіе. Особенное

Когда каллиграфъ (соферъ) кончитъ свою работу, то оставляютъ въ самомъ концѣ свертка нѣсколько строкъ недописанныхъ: хозяинъ свертка приглашаетъ къ себѣ въ означенный для сего день родственниковъ, друзей и знакомыхъ, предъ угощеніемъ каждый, кто умѣетъ, пишетъ одну букву въ концѣ свертка, а кто самъ не умѣетъ, то поручаетъ это соферу; при чемъ тѣ и другія жертвуютъ сколько-нибудь въ пользу каллиграфа. Женщины, приглашаемыя на этотъ праздникъ, пришиваютъ листы пергамента одинъ къ другому овечьими жилами. Когда все готово, обыкновенно къ вечеру, приносятъ изъ синагоги балдахинъ (хупа), подъ которымъ вѣнчаютъ новобрачныхъ, убираютъ новый свертокъ серебряною короною, надѣваютъ на него шелковый чехолъ и навѣшиваютъ разныя серебряныя украшенія; женщины берутъ въ руки зажженыя свѣчи, а мущины окружаютъ балдахинъ, и по вызову служителя синагоги (шамешъ) каждый по очереди беретъ на руки свертокъ; такимъ образомъ несутъ его съ музыкою изъ дома хозяина до синагоги, гдѣ въ это-же самое время уже всегда собирается толпа народу; почетнѣйшіе люди вынимаютъ изъ кивота стоящія тамъ свертки и выходятъ на встрѣчу къ новому. Хозяинъ вноситъ свертокъ въ синагогу, при чемъ канторъ поетъ псалмы, а народъ повторяетъ оные обычнымъ образомъ; за тѣмъ хозяинъ вставляетъ свертки въ кивотѣ, а канторъ произноситъ благословленіе. Синагога бываетъ всегда по этому случаю иллюми-

---

вниманіе обращаютъ на корректуру, по строгимъ масоретическимъ правиламъ, по которымъ вычислены всѣ слова, буквы, порядокъ строкъ и т. п. Корректоры эти (баалъ-магіа) знаютъ всѣ правила наизусть и получаютъ за корректуру особенное вознагражденіе; вотъ причина почему оригиналъ св. писанія сохранился у Евреевъ десятки вѣковъ, не подвергшись опискамъ, опечаткамъ и варіантамъ. Листы пергамента (іеріоеъ), содержащіе въ себѣ каждый по 4—5 столбца, пришиваются одинъ къ другому не нитками, а *овечьими* жилами (гидинъ); къ обоимъ концамъ прикрѣпляются палки, съ ручками внизу и головками вверху (эцъ-хаимъ), на эти то палки навертывается свертокъ съ обѣихъ сторонъ.

нована, подъ звуки музыки хорошіе знакомые провожаютъ хозяина на домъ и заключаютъ тамъ этотъ праздникъ пиромъ.

Впрочемъ, этотъ праздникъ случается весьма рѣдко, потому что не всѣ Евреи въ состояніи заказать новый свертокъ и довольствуются общественнымъ; нѣкоторые хотя и заказываютъ, но вносятъ свой свертокъ въ синагогу тихо, безъ громкихъ церемоній, ибо самая торжественность въ семъ случаѣ не обязательна, а выражаетъ только національную привязанность къ божественной книгѣ.

Играми Евреи мало занимаются, такъ какъ любимое ихъ препровожденіе времени на досугѣ есть чтеніе древнихъ *легендъ* (мидрашъ, эйнъ Іакобъ), въ которыхъ много поэзіи и обѣщаній блестящей будущей жизни, услаждающихъ хотя минутно исполненную горечи жизнь сыновъ Израиля. Однакожъ они любятъ иногда шашки, шахматы и даже нѣкоторыя невинныя игры карточныя ([41]), отъ которыхъ впрочемъ никакъ нельзя разориться.

Что же касается до игръ еврейскихъ дѣтей, то онѣ болѣе или менѣе бываютъ умственныя и гимнастическія. Играми этими онѣ забавляются особенно въ праздничные дни; нѣкоторыя изъ этихъ игръ замѣчательны древностію и упоминаются въ мишнѣ (какъ-то игра мячикомъ и т. п.), прочія-же заимствованы у нѣмцевъ, какъ-то жмурки и т. д.

Пляски-же и хороводы у Евреевъ вещь рѣдкая, женщины пляшутъ только на свадьбахъ, а мущины также въ послѣдній день праздника скинопигія (симхасъ-тора), иногда же и въ праздникъ пуримъ.

Къ пѣнію Евреи имѣютъ особенную склонность; многіе имѣютъ такой талантъ, что имъ стоитъ только внимательно послушать раза 2—3 какую либо піесу, чтобы пропѣть ее потомъ безъ малѣйшаго отступленія въ тонахъ. Бываютъ часто талант-

([41]) Въ карты играютъ они обыкновенно только въ 8 праздничныхъ дней Маккавеевъ (ханука), приходящихся около декабря.

ливые канторы, которые, не зная ни одного музыкальнаго правила и не понимая значенія нотъ, сочиняютъ піесы довольно складныя и гармоническія. Пѣніе Евреевъ имѣетъ преимущественно характеръ то элегическій, то лирическій, примѣняющійся особенно къ церковному пѣнію. Поютъ они въ субботу и праздничные дни за столомъ (земироеъ) ([42]).

Музыка тоже любимый предметъ для Евреевъ. Въ каждомъ сколько нибудь значительномъ обществѣ есть оркестръ, состоящій изъ разныхъ инструментовъ, именно: скрыпки, кларнета и контрбаса; къ нимъ прибавляются цимбалы, бубны (türkische Pauke) и проч. Музыканты эти называются *клезморимъ*; рѣдко кто изъ нихъ учится по правиламъ музыки; не зная ни одной ноты, они исполняютъ піесы съ самою гармоническою отчетливостію ([43]).

Играютъ они на свадьбахъ, а также въ синагогѣ при торжественномъ вношеніи новыхъ свертковъ пятикнижія (сіюмъ-тора), въ первую ночь ханука при зажиганіи свѣчей (нирсуме нисе) и проч.

О РАСХОДАХЪ.

Подробное описаніе матеріальныхъ средствъ еврейскаго народонаселенія въ разныхъ мѣстностяхъ надобно оставить мѣстнымъ корреспондентамъ, ибо обиходъ семейства Евреевъ, напр. въ Новороссійскомъ краѣ, не можетъ равняться съ таковымъ же въ Литвѣ, а Волынскаго—съ Курляндскимъ. Вообще можно

([42]) Извѣстно, что Высочайшія особы иногда по любопытству приглашали Евреевъ пѣть *ма-іофисъ*,—одну изъ субботнихъ піесъ земироеъ.

([43]) Извѣстно какой шумъ надѣлалъ по всей Европѣ въ началѣ запрошлаго десятилѣтія изобрѣтатель деревяннаго инструмента *М. Гузиковъ*, уроженецъ м. Шклова, Могилевской губерніи, котораго я зналъ лично; могу засвидѣтельствовать, что кромѣ природной склонности къ музыкѣ, свойственной всѣмъ членамъ этой фамиліи уже въ 3-хъ поколѣніяхъ и практическаго упражненія въ ней на еврейскихъ свадьбахъ, онъ ничего теоретическаго о музыкѣ не зналъ.

только сказать, что податей и повинностей бѣдныя семейства у Евреевъ почти не взносятъ сами, а платятъ за нихъ зажиточные ихъ собраты по раскладкѣ, такъ что одному состоятельному Еврею иногда придется платить за нѣсколько семействъ, особенно, когда состоятельный глава семейства имѣетъ дѣла въ отдаленныхъ отъ своего мѣстожительства краяхъ и принужденъ брать паспортъ; тогда паспортъ удерживается сборщикомъ податей въ городской думѣ до тѣхъ поръ, пока Еврей не заплатитъ всего того, что положено на него раскладчиками по расчету. Въ обществахъ же, гдѣ мало зажиточныхъ, а особенно отлучившихся по паспортамъ, тамъ, не смотря на всѣ усилія сборщиковъ, накопляются недоимки, ибо ничего нельзя сдѣлать противъ бѣдности.

Насущнаго пропитанія еврейскому семейству нужно такъ мало, что если опредѣлить оное цыфрою, то результатъ будетъ въ глазахъ читателя неимовѣрный. Можно ли напр. представить себѣ, что для семейства, состоящаго изъ 4—5 душъ: отца, матери и 2—3 дѣтей, кладется въ супъ ¼ фунта говядины и этотъ кусочекъ хозяйка разрѣзаетъ еще на маленькіе кусочки, раздавая его всѣмъ членамъ семейства? что въ субботу бѣдный Еврей варитъ на всю семью ½ фунта мелкой плотвы? Что изъ фунта или двухъ пшеничной муки хозяйка печетъ 6 булокъ (халосъ) (на 3 обѣда, по 2 булки на каждый) и оставляетъ еще не много муки на пирожное (кугель) и суповыя приварки? Все это дѣйствительно такъ дѣлается. Семейный Еврей, имѣя доходу рубль или полтора въ недѣлю, бываетъ счастливъ въ свою субботу, готовитъ рыбу и мясо въ гомеопатической пропорціи и покупаетъ еще на 5 коп. вина, приготовленнаго изъ изюма (см. пища,—4-е прим.) для произношенія благословенія (кидушъ). Даже и болѣе зажиточный Еврей чрезвычайно умѣренъ въ существенныхъ потребностяхъ пропитанія. Вотъ главные предметы расхода зажиточнаго Еврея: 1) одежда, пристрастіе къ которой имѣютъ исключительно особы женскаго пола; эта страсть, какъ выше

упомянуто, далеко переходитъ границы умѣренности; 2) платежъ повинностей, которыя особенно значительны потому, что Евреи независимо отъ того, что состоятельные изъ нихъ платятъ за бѣдныхъ по раскладкѣ, еще обложены особенными сборами: свѣчнымъ для устройства училищъ, коробочнымъ, возложеннымъ на главный предметъ изъ всѣхъ жизненныхъ припасовъ—говядину, на устройство земледѣльцевъ и прочія общественныя надобности, и 3) обязательныя приношенія по разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, которыхъ не мало въ каждомъ обществѣ, какъ пояснено будетъ далѣе; отъ этихъ жертвъ Еврей никогда не отказывается, развѣ по совершенной несостоятельности. Сверхъ того, рѣдко Еврей не помогаетъ несостоятельнымъ родственникамъ своимъ свыше силъ: даетъ приданое взрослой дочери родственника, и т. п. Все это составляетъ непремѣнный долгъ состоятельнаго Еврея, не исполнивши его онъ навлечетъ на себя общее презрѣніе. По этому при всей скромности и умѣренности Еврея, рѣдко у кого капиталъ долго держится. Не говоря о томъ, что трудно указать въ самомъ многолюдномъ обществѣ на богачей, которые поддержали бы свое богатство въ трехъ поколѣніяхъ; рѣдко встрѣчается, чтобы даже дѣти наслѣдовали порядочное состояніе отъ родителей; но всего замѣчательнѣе то, что на одного и того же Еврея приходится иногда въ короткое время по 2—3 финансовыхъ кризиса, при самомъ трезвомъ поведеніи и нерискованныхъ предпріятіяхъ, а лишь вслѣдствіе чрезмѣрныхъ расходовъ, которымъ не соотвѣтствуетъ приходъ.

IV. Особенности общественнаго быта.

Объ общественномъ бытѣ Евреевъ глубокомысленно отозвались германскіе писатели прошлаго вѣка, сказавши, что Евреи составляютъ stàtus in statu,—это подало правительствамъ разныхъ государствъ поводъ обратить вниманіе на устройство

общественнаго быта Евреевъ и дать внутренней его организаціи надлежащее направленіе, сходное съ внутренними гражданскими установленіями и потребностями каждой страны. Этимъ самымъ занимается и правительство нашего отечества въ настоящемъ вѣкѣ, при ревностномъ къ тому содѣйствіи его со стороны благомыслящихъ и вліятельныхъ лицъ изъ среды самихъ Евреевъ. На писателѣ этнографіи Евреевъ лежитъ обязанность распространиться какъ можно подробнѣе по этому предмету, дабы тѣмъ дать образованному русскому читателю ясное понятіе объ настоящемъ положеніи общественнаго быта Евреевъ и этимъ не только удовлетворить его любопытству или, пожалуй, любознательности, но, что гораздо важнѣе, ознакомить его ближе съ предметомъ, составляющимъ современный интересный вопросъ, относящійся до двухъ милліоновъ россійскихъ подданныхъ; предметъ, который, къ сожалѣнію, былъ до нынѣ почти чуждъ не только образованному кругу вообще, но и тѣмъ спеціальнымъ лицамъ, которымъ довѣрена судьба этой націи. Свѣдѣнія, которыми руководствовались доселѣ при соображеніяхъ и сужденіяхъ о дѣлахъ Евреевъ, почерпаемы были не изъ гласныхъ, публикѣ доступныхъ источниковъ, а изъ тайныхъ, шаткихъ, большею частію основанныхъ на доносахъ, при чемъ неизбѣжно много добраго было оклеветано, а много нелѣпаго расхвалено, чрезъ что и самые результаты основанныхъ на нихъ мѣропріятій не могли вполнѣ соотвѣтствовать настоящимъ потребностямъ. Добросовѣстная же разработка этого предмета есть непремѣнная священная обязанность, которую я намѣренъ исполнить по мѣрѣ возможности.

КАСТЫ.

У Евреевъ нѣтъ кастъ въ гражданскомъ смыслѣ, я говорю въ гражданскомъ, ибо въ духовномъ, или лучше сказать, въ синагогальномъ смыслѣ Евреи раздѣлены на три разряда: *каганы, левиты* и *израили*. Каганы и левиты происходятъ изъ поколѣнія Леви (3-го сына Іакова) и именно первые отъ

Аарона, а послѣдніе отъ прочихъ потомковъ Леви; тѣ и другіе пользуются въ народѣ разными преимуществами, которыя заключаются лишь въ нѣкоторыхъ почестяхъ по синагогальнымъ обрядамъ ([44]) Израили же стоятъ всѣ на равной степени и одно превосходство умственныхъ способностей и нравственности доставляетъ имъ уваженіе и почетъ; родство же и знатность не должно ставить относительно ихъ ни во что. Вотъ

([44]) Напр., при чтеніи пятикнижія въ синагогѣ, приглашается сперва *каганъ*, потомъ *левитъ*, а потомъ уже *израиль*; послѣдній можетъ быть старше, ученѣе и богаче первыхъ, но они должны быть приглашаемы прежде по своему происхожденію. Въ главныхъ праздникахъ каганы благословляютъ народъ въ синагогѣ, именно—предъ окончаніемъ общественной молитвы. Левиты подносятъ имъ воду для умыванія рукъ, потомъ каганы снимаютъ обувь, помѣщаются возлѣ кивота, воздѣваютъ руки горѣ и поютъ благословіе установленнымъ порядкомъ (духанъ); въ синагогѣ могутъ молиться и раввины, и богачи, и знатные, но израили, а благословеніе народа совершаютъ одни каганы, хотя бы они были изъ простолюдиновъ. Далѣе, когда у Еврея родится первенецъ, то по истеченіи мѣсяца (ибо только тогда онъ считается совершенно живымъ младенцемъ) отецъ приглашаетъ кагана и объявляетъ ему, что его жена родила ему первенца; каганъ, съ своей стороны, предлагаетъ ему, что онъ можетъ выкупить первенца своего за пять серебрянниковъ; отецъ даетъ ему, кагану, 5 серебрянниковъ (руб. или талеровъ), послѣ чего каганъ благословляетъ ребенка, а отецъ угощаетъ приглашенныхъ гостей. Этотъ обрядъ называется *пидіонъ га-бенъ*, т. е. выкупъ сына и имѣетъ основаніе въ св. писаніи (Левит., III, 47); когда отецъ бѣденъ, каганъ возвращаетъ ему деньги по окончаніи обряда, когда же онъ состоятеленъ, каганъ раздаетъ деньги бѣднымъ собратьямъ; если-же каганъ самъ бѣденъ, тогда самъ пользуется ими. Если у кагана или левита родится первенецъ, то онъ свободенъ отъ выкупа его у кагана. Кромѣ того, когда животное (чистое) родитъ первенца, то оный принадлежитъ кагану. Впрочемъ, каганъ не бываетъ доволенъ этимъ подаркомъ, ибо онъ не можетъ зарѣзать его иначе какъ тогда, когда первенцу приключится какое-нибудь увѣчье (слѣпота, хромота и проч. болѣзни, препятствующія принесенію въ жертву), которое впрочемъ онъ не вправѣ причинить ему умышленно, а пока долженъ кормить его. Далѣе, каганъ не можетъ жениться на разведенной женщинѣ, и проч.

выраженіе одного талмудиста: „ученый незаконнорожденный предпочитается первосвященнику ([45]) неучу", но практическій бытъ сдѣлалъ свое, и время развило у Евреевъ нѣчто въ родѣ раздѣленія на касты, которое, впрочемъ, ничѣмъ не упрочено, такъ какъ переходъ изъ одной въ другую касту зависитъ отъ одной случайности и ловкости лица, какъ пояснено будетъ далѣе. Вотъ касты Евреевъ по такъ называемому практическому раздѣленію.

I.

ВЪ НРАВСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

1. Высокоученый (гбдолъ), превосходно ученый (гáонъ) и т. д., суть первостепенные знаменитые Евреи, отличающіеся въ знаніи богословія; они опредѣляются въ раввины, если бываютъ несостоятельны, или пользуются высокимъ нравственнымъ уваженіемъ въ своемъ частномъ быту.

2. Ученый (лàмданъ), отличный (муфлегъ) и проч., суть второстепенные ученые, изъ которыхъ опредѣляютъ въ прочія должности духовныя, какъ-то рѣзники, учителя и проч. и если по состоятельности они не принимаютъ должности, то пользуются надлежащимъ уваженіемъ у народа за свои преимущества по знанію богословія.

3. Книжникъ (іодѐа сѐферъ), свѣдующій (ядѣнъ) или домашній ученый (баалъ-габбсъ) суть люди, неимѣющіе положительнаго значенія въ дѣлахъ религіи, но не совершенно чуждые его, стоя, такъ сказать, на второмъ планѣ. Этотъ классъ самый многочисленный у Евреевъ потому, что почти каждый Еврей получаетъ въ юношествѣ воспитаніе, дающее ему, при самыхъ посредственныхъ даже способностяхъ, право пользоваться симъ званіемъ.

([45]) Во времена талмудистовъ были первосвященники, которые покупали должность эту за деньги у мірскихъ властелиновъ, не имѣя къ тому собственнаго достоинства, см. у Іосифа Флавія и друг.

и 4. Неучи (ȧмъ-га-ȧрецъ), простаки (гѐдіотъ, idiot) суть люди, которые хотя и умѣютъ читать по еврейски, а иногда даже и писать кое-какъ, но не имѣя никакихъ богословскихъ знаній, не пользуются никакимъ почетомъ у народа, развѣ въ случаѣ, когда этотъ недостатокъ скрывается порядочнымъ богатствомъ и благодѣяніями; въ противномъ случаѣ этотъ классъ причисленъ къ черни.

II.

ВЪ МАТЕРІАЛЬНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

1. Богачи (гевиръ) суть первостатейные негоціанты, капиталы которыхъ измѣряются сотнями тысячъ.

2. Зажиточные (нóгидъ, коцинъ) суть второстепенные, купцы и мѣщане, которыхъ капиталъ измѣряется десятками тысячъ.

3. Состоятельные (баалъ-габосъ, ишъ омудъ) суть люди съ малыми капиталами, осѣдлостію, постоянной службой, занимающіеся ремеслами и вообще обезпеченные въ своихъ скромныхъ потребностяхъ.

4. Бѣдные (ницрехъ, dürftig) и нищіе (кȧбцанъ, Bettler) суть люди, добывающіе дневное пропитаніе или кое-какими трудами, или милостынею.

Независимо отъ всѣхъ упомянутыхъ раздѣленій, у Евреевъ обращается вниманіе на нравственность и набожность: лицо, принадлежащее хотя ко второму разряду по изложенному порядку въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи, но притомъ набожное (іоре шомȧимъ) предпочитается свѣтскому лицу перваго разряда. Это подаетъ правда поводъ къ ханжеству, но поддерживаетъ религію въ народѣ. Кромѣ того принимается во вниманіе и родство, именно: дѣти и внуки лицъ перваго разряда, по нравственному или матеріальному отношенію, считаются родовитыми (іахсанимъ) и предпочитаются во всѣхъ отноше-

ніяхъ предъ равными имъ по званію, но не происходящимъ отъ первоклассныхъ родителей.

Всѣ эти раздѣленія не имѣютъ однако слишкомъ прочнаго основанія, ибо если состоятельному Еврею удается спекуляція, то онъ дѣлается богачемъ, и тогда смотрятъ уже иначе и на его знанія, лишь бы онъ не былъ совершеннымъ невѣждой, изъ знатока или книжника онъ дѣлается ученымъ и т. д. Если богачу не благопріятствуютъ обстоятельства, то онъ переходитъ скоро самъ собой въ низшую степень во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что рѣдко Еврей проживаетъ свой вѣкъ въ одномъ состояніи, очень же часто одной и той же личности случается переходить въ разныя званія и степени, смотря по обстоятельствамъ, а потому въ тѣсномъ смыслѣ можно сказать, что у Евреевъ кастъ нѣтъ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

б) Въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ должно, по настоящему, быть двоякое управленіе, именно: духовное и гражданское, которыя рѣдко имѣютъ между собою что нибудь общее, потому что первое занимается исключительно церковью, а послѣднее—экономіею, правосудіемъ и проч. Но у Евреевъ эти управленія имѣютъ очень близкое отношеніе одно къ другому, потому что какъ Моисеевъ законъ, такъ и талмудъ заключаютъ въ себѣ не однѣ духовныя постановленія, но и чисто гражданскія. Если гражданину другаго исповѣданія, имѣющему съ ближнимъ денежный споръ, никогда не придетъ въ голову обратиться къ священнику, потому что онъ привыкъ приносить жалобу свою свѣтскому начальнику, то Еврей во всякомъ случаѣ обращается къ раввину и если отвѣтчикъ не откажется отъ разбирательства раввина, то этотъ послѣдній, имѣя при себѣ двухъ ассистентовъ (бѐсдинъ), занимающихся спеціально юридическою частію еврейскаго закона, выслушиваетъ обѣ стороны и объявляетъ имъ рѣшеніе (псакъ).

Были времена и государства, гдѣ правительство поощряло

4*

такой судебной порядокъ, предоставляя ему нѣкоторую власть и права, но, вслѣдствіе распространенія европейской цивилизаціи, признано полезнымъ подчинить разбирательство еврейскихъ распрей общеустановленному судопроизводству по существующимъ гражданскимъ законамъ. Посему раввину и бесдину только предоставлено нынѣ разбирать самые маловажные денежные споры и то не иначе, какъ по обоюдному согласію.

Не стану здѣсь распространяться объ древне-еврейской юриспруденціи; скажу только, что эта вѣтвь юридическаго богословія отличается въ еврейскомъ законоученіи отъ прочихъ своею ясностію и положительностію ([46]); и сколько другія вѣтви еврейскаго богословія, напр. объ употребленіи пищи, о праздникахъ и т. п., отличаются казуистическими преніями, доходящими иногда до софизмовъ, столько юриспруденція еврейская отличается ясностію и опредѣленностію, такъ что въ казуистическихъ кодексахъ (шаалосъ-тешувосъ) юридическіе вопросы сравнительно малочисленны. По этому весьма часто Евреи добровольно полагаются на разбирательство бесдина и соглашаются на его рѣшеніе, которое объявляется минутъ черезъ 5-ть послѣ выслушанія жалобы, и почти всегда удовлетворяетъ здравому разсудку; весьма не рѣдко случается, что христіане, имѣя спорное дѣло съ Евреями, полагаются на разбирательство раввина и бесдина, дабы тѣмъ избавиться отъ потери времени, переписки и проч. Объ лихоимствѣ и подкупѣ, даже о протекціи здѣсь рѣчи нѣтъ, ибо раввинъ однажды заподозрѣнный въ пристрастіи, кромѣ того, что подвергается общему презрѣнію, лишается дневнаго пропитанія. Такимъ образомъ раввинъ съ помощниками своими, назначенными собственно для бдѣнія по духовному управленію, по обрядамъ синагогальнымъ, по дѣламъ супружескимъ и, пожалуй, по кухон-

---

([46]) См. Ritual gesetze der Iuden, составленное М. Мендельсономъ подъ редакціею Берлинскаго раввина Гиршеля по распоряженію Прускаго правительства, Берлинъ, 1778 г.

нымъ имѣетъ родъ гражданскаго вліянія по дѣламъ денежнымъ. Только въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло идетъ о большихъ суммахъ, отвѣтчикъ, ссылаясь на отечественные законы, заставляетъ истца обращаться въ присутственныя мѣста, дабы тѣмъ выиграть время и воспользоваться протекціею; небольшія же дѣла, которыя случаются гораздо чаще, разбираетъ духовное управленіе ([47]).

Напротивъ того, гражданское управленіе, которое независимо отъ сего существуетъ въ каждомъ болѣе населенномъ еврейскомъ обществѣ, имѣетъ вліяніе на дѣла духовныя. Объ этомъ управленіи я нахожу нужнымъ объясниться подробнѣе.

Съ давняго времени существовало во всѣхъ еврейскихъ обществахъ управленіе подъ названіемъ *кагала* ([48]), на которое возложена была обязанность завѣдыванія гражданскими дѣлами обществъ, какъ-то: составленіемъ народныхъ переписей, взысканіемъ податей, отправленіемъ прочихъ повинностей, составленіемъ бюджета общественныхъ расходовъ, и отысканіемъ источниковъ

([47]) Вотъ порядокъ этого гласнаго судопроизводства: обѣ тяжущіяся стороны являются къ бесдину, истецъ излагаетъ свою претензію, отвѣтчикъ даетъ свое объясненіе, раввинъ приказываетъ имъ удалиться въ другую комнату, бесдинъ разсуждаетъ объ ихъ спорномъ дѣлѣ, соображается съ установленными въ законоучительныхъ по сей части книгахъ статьями, допрашиваетъ, когда нужно, свидѣтелей, установленнымъ порядкомъ, потомъ служитель (шамешъ) призываетъ тяжущіяся стороны, каждый изъ нихъ кладетъ на столъ сколько нибудь денегъ за труды бесдина (Pesakgeld), количество которыхъ не опредѣляется бесдиномъ, а бываетъ по доброй волѣ тяжущихся (но одинъ не долженъ дать болѣе другаго), смотря по роду спора, потомъ раввинъ объявляетъ имъ рѣшеніе изустно, а иногда даетъ имъ его письменно. Во все это время обѣ стороны должны стоять, и хотя одна сторона или обѣ принадлежатъ къ самымъ почетнымъ классамъ, раввинъ не долженъ приглашать ихъ сѣсть. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ также родъ адвокатовъ (тоанимъ), объясняющихъ доводы тяжущихся сторонъ при бесдинѣ. Когда строгій смыслъ закона трудно примѣнить къ рѣшенію настоящаго дѣла, то бесдинъ приглашаетъ тяжущіяся стороны положиться на миролюбивое посредничество (пешаре), что бываетъ весьма часто.

([48]) См. Полн. Собр. Зак., 13 сентября 1772 г., № 13,805, § 1

для оныхъ, посредствомъ раскладки, коробочнымъ сборомъ и проч.

Это управленіе пользовалось такъ сказать начальственнымъ авторитетомъ, будучи поддерживаемо и поощряемо мѣстными властями. Члены его назначаемы были по выбору изъ болѣе вліятельныхъ Евреевъ, обыкновенно въ числѣ трехъ лицъ, которые, или раздѣляли между собою предметы занятій, или управляли всѣми дѣлами по очереди ежемѣсячно (парнесъ-ходешъ). Они имѣли особую канцелярію (kohel stübel) и письмоводителей для русскаго или польскаго языка (штадленъ т. е. ходатай) и для еврейскаго (кôсевъ га-кâгалъ, т. е. кагальный писецъ), а иногда и особеннаго казначея для общественной суммы (неэманъ, т. е. довѣренный). Когда встрѣчалось дѣло болѣе важное они чрезъ служителя своего (шашешъ) созывали прочихъ знатныхъ Евреевъ для совѣщанія (асифа). Вообще кагалы составляли родъ посредниковъ между начальствомъ странъ и еврейскими обществами, получали всѣ указы изъ присутственныхъ мѣстъ, опубликовывали ихъ посредствомъ переводныхъ объявленій, наклеиваемыхъ на дверяхъ или столбахъ синагоги; пеклись о бѣдныхъ, особенно странствующихъ, заботились о замѣщеніи духовныхъ должностей, какъ кâнторовъ, рѣзниковъ, наставниковъ и т. п., платили жалованье раввинамъ, помощникамъ его (*бесдинъ* или правильнѣе *даянимъ*), проповѣдникамъ и проч., — все это было дѣло кагала.

Но вліяніе его не ограничивалось одними этими экономическими и гражданскими предметами: кагалъ входилъ въ разбирательство супружескихъ несогласій, содѣйствовалъ раввину въ исправленіи нравственныхъ преступниковъ, преслѣдовалъ нарушеніе цѣломудрія ([49]), наблюдалъ за точнымъ исправленіемъ законныхъ постановленій въ еврейскихъ бойняхъ, такъ что гражданское это управленіе носило нѣкоторымъ образомъ характеръ и духовный.

([49]) См. выше ст. III. домашній бытъ отд. 4. обряды и обычаи.

Конечно, нельзя не допустить, чтобы въ болѣе 800 еврейскихъ обществахъ въ Россіи не было и такихъ кагаловъ, или нѣкоторыхъ членовъ ихъ, которые употребляли во зло свои обязанности, пользовались общественными деньгами и проч., но такія отступленія всегда были рѣдкими исключеніями, большею-же частію кагалы всегда отличались добросовѣстностію и дѣятельностію; идя рука объ руку съ духовнымъ управленіемъ, они поддерживали въ обществахъ порядокъ и благочиніе самыми кроткими мѣрами, устраняли всѣ неблагонамѣренныя стремленія вредныхъ членовъ обществъ, кляузничество, раздоры и проч.; много заботились о нравственности народа, такъ что справедливо могли быть названы гражданско-религіозными управленіями.

Въ началѣ прошедшаго десятилѣтія вслѣдствіе представленія разныхъ мѣстныхъ начальствъ о злоупотребленіи нѣкоторыхъ кагальниковъ, это управленіе было вовсе уничтожено, не смотря на его древность и его полезныя стороны; а какъ еще прежде сего Евреямъ дозволено было вступать въ городскую службу, быть ратманами въ магистратахъ, гласными и шестигласными въ думахъ и проч., то правительство признало полезнымъ подчинить управленіе еврейскихъ обществъ думамъ, магистратамъ и ратушамъ, оставивъ вмѣсто прежнихъ кагаловъ только должность сборщика для взысканія податей и сдатчика для отбыванія рекрутской повинности. Должности эти конечно сопряжены съ неимовѣрными хлопотами и строжайшею отвѣтственностію; по этому никакой порядочный человѣкъ изъ Евреевъ не соглашается принимать ихъ и въ эти званія избираются большею частію люди, самые посредственные, которые поступаютъ на службу изъ нужды или по другимъ видамъ. Въ какой-же степени полезно или безполезно вліяніе думы и ратуши на еврейскія общества—объ этомъ не здѣсь мѣсто говорить; присовокуплю только то, что вліятельные Евреи въ каждомъ обществѣ по національной привязанности къ своимъ собратіямъ, даже не имѣя нынѣ офиціальнаго значенія, все-таки часто собираются для совѣщанія между собою о благоустройствѣ

общественномъ, что̀ и ведетъ къ предупрежденію между Евреями крайнихъ безпорядковъ и разоренія. Собраніе такихъ вліятельныхъ лицъ тоже называется *каналъ*, или, пожалуй, мірская сходка; но такъ какъ оно не имѣетъ офиціальнаго значенія, то каждый не благонамѣренный членъ общества можетъ не подчиняться приговорамъ этихъ частныхъ собраній, которыя по этому не могутъ имѣть то́й благодѣтельной пользы, которую они приносили бы при другомъ устройствѣ общественнаго управленія Евреевъ.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

в) У Евреевъ, не смотря на скудность ихъ быта, а можетъ быть и именно вслѣдствіе этой скудности, учреждены въ каждомъ обществѣ разныя благотворительныя братства (хевросъ); подробное описаніе каждаго изъ нихъ не соотвѣтствуетъ предѣламъ этой статьи, но главныя черты ихъ не могутъ быть пройдены молчаніемъ.

БРАТСТВА ПОГРЕБАТЕЛЕЙ.

I. Братство погребателей (хевра кадиша), это благотворительное учрежденіе существуетъ въ каждомъ, хотя мало населенномъ и самомъ бѣдномъ еврейскомъ обществѣ. У Евреевъ погребеніе есть дѣло не церкви, а человѣколюбія ([50]). Еврей въ послѣднюю минуту не призываетъ раввина, а самъ про себя читаетъ исповѣдь; а находящіеся при немъ сосѣди и знакомые исполняютъ при этомъ нѣкоторые религіозные обряды какъ пояснено выше въ главѣ „домашній бытъ“ въ отдѣлѣ „обряды и обычаи“.

Вотъ главныя основныя правила общества погребальщиковъ:

а) Оно состоитъ изъ болѣе или менѣе значительнаго ко-

([50]) Этотъ филантропическій долгъ стоитъ однако по еврейскому закону выше всѣхъ синагогальныхъ обязанностей. Занимающіеся похоронами свободны въ то время отъ прочихъ обязанностей религіозныхъ, какъ-то: молитвы, чтенія св. свертка, кущи и проч., особенно когда мертвое тѣло находится въ ненаселенномъ мѣстѣ (месъ-мицва) тогда заботливость о его похороненіи есть самая обязательная.

личества членовъ, изъ которыхъ нѣкоторые почетные, вносящіе за званіе свое единовременное или годичное пожертвованіе, а остальные дѣйствительные (шамбшимъ).

б) Подъ вѣдѣніемъ общества состоитъ особенное собственное кладбище, помѣщающееся за городомъ, которое въ большихъ обществахъ обведено прочною оградою, иногда каменною, а въ бѣдныхъ обществахъ окопано рвомъ. Тамъ обыкновенно находится домъ надсмотрщика (кàбренъ), наблюдающаго за цѣлостію надгробныхъ камней и досокъ (мацéвосъ, мавзолеевъ), за чистотою этого святаго мѣста и проч., и получаетъ за то жалованье отъ общества и подарки отъ посѣтителей.

в) Ежегодно избираются посредствомъ балотировки старшины (габбимъ), казначеи (неемaнъ) и счетчики (рое-хéшбонъ), которые завѣдываютъ какъ приходо-расходами общества, такъ и прочими распоряженіями до общества относящимися ([51]).

г) Общество имѣетъ главную книгу (пинкесъ), въ которой вписаны всѣ члены онаго съ начала его существованія, всѣ старшины и прочія должностныя лица, заслуживающія особеннаго вниманія происшествія ([52]), значительныя пожертвованія и проч.; внесенія въ эту книгу составляютъ лестный почетъ для каждаго Еврея.

д) Предметы доходовъ заключаются въ вознагражденіе состоятельныхъ лицъ за почетное мѣсто на кладбище, а также прочія пожертвованія. Предметы-же расхода суть: покупка земли для кладбища и огараживаніе онаго, жалованье служителямъ (шамешъ) и кабрена, въ особенности траты на саваны и во-

---

([51]) При этихъ балотировкахъ соблюдаются особенныя весьма любопытныя правила, напримѣръ кандидатомъ въ старшины не можетъ быть предложено только лицо, не служившее прежде въ должности низшей, и т. д. Иногда особыя балотировки имѣютъ цѣлію избранія только избирателей (борèримъ), которые уже непосредственно замѣщаютъ всѣ высшія должности.

([52]) Въ иныхъ обществахъ есть пинкесы, древность которыхъ доходитъ до двухъ вѣковъ и болѣе, въ нихъ заключаются любопытныя автографіи и даже историческія замѣтки; къ сожалѣнію никто еще не взялъ на себя труда обработать эти матеріалы.

обще на похороны бѣдныхъ умершихъ. Если, въ минуту смерти неимущаго Еврея, въ кассѣ общества нѣтъ денегъ, то старшина долженъ выдавать, не медля, для необходимыхъ при погребеніи расходовъ, свои собственныя деньги, а принимающій отъ него должность обязаны выплачивать ему оныя. Издержки эти возвращаются только въ случаѣ смерти богатаго Еврея, вслѣдствіи покупки наслѣдниками его почетнаго мѣста, или другаго пожертвованія, лишь тогда касса общества выплачиваетъ долги свои. Отчетъ старшина отдаетъ ежегодно для сего особо избираемымъ счетчикамъ (рое-хешбонъ).

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходъ отъ общественныхъ бань (особенно тѣхъ, въ которыхъ есть теплая купальня для очищенія женщинъ по обряду закона (53) (миква) принадлежитъ сему братству; за то оно иногда само содержитъ пріютъ для бѣдныхъ странниковъ (гекдешъ).

е) Разъ въ годъ, обыкновенно зимою, предъ праздникомъ Маккавеевъ, члены общества постятся цѣлый день, отправляя особенныя молитвы (селихоѳъ), а вечеромъ пируютъ (сеуда) въ домѣ старшины; тутъ богатѣйшіе обходятся съ бѣднѣйшими какъ съ равными, какъ-бы вознаграждая ихъ тѣмъ за тяжкія и безмездныя труды цѣлаго года.

и ж) Въ иныхъ братствахъ есть особенное отдѣленіе подъ названіемъ „хевра-линосъ", т. е. братства ночующихъ, обязанность котораго есть ходить по ночамъ при опасно больномъ, прислуживать ему, утѣшать семейство и проч. Члены общества исправляютъ эту трудную обязанность безвозмездно по очереди по назначенію старшины.

ПРОЧІЯ ОБЩЕСТВА.

II. Братства „хлѣбъ бѣднымъ" (лехемъ эвіонимъ) учреждены тоже въ каждомъ обществѣ. Доходъ этого братства со-

(53) Когда у Еврейки кончится мѣсячное очищеніе, то она чрезъ 7 дней, называемыхъ „чистыми" (шива-некіимъ), должна вымыться въ особенной купальнѣ, которая устроена въ каждой общественной банѣ еврейской.

стоитъ изъ періодическихъ приношеній его членовъ и вообще всѣ пожертвованія, поступающія въ это общество, состоящія или въ деньгахъ, или въ наличномъ хлѣбѣ, раздаются старостою еженедѣльно бѣднымъ семействамъ, особенно на субботу и дни праздника. Староста и счетчики избираются по балотировкѣ.

Примѣчаніе. Сюда можно отнести особыя временныя учрежденія „моесъ хитимъ", т. е. деньги на пшеницу, или „хитимъ аніимъ" т. е. пшеницу для бѣдныхъ, которыя собираются предъ праздникомъ пасхи для раздачи бѣднымъ Евреямъ пшеницы на приготовленіе опрѣсноковъ; такъ какъ другой дешевый хлѣбъ черный или ржаной въ теченіи 8 дней праздника употреблять воспрещено.

III. Братство „бикуръ холимъ", т. е. посѣщенія больныхъ, существуютъ тоже почти въ каждомъ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ мелкихъ обществахъ оно соединено въ упомянутою „лехемъ эвіонимъ". Главная цѣль этого братства состоитъ въ оказаніи всякой помощи больнымъ бѣднымъ Евреямъ: содѣйствіемъ врачей и отпускомъ медикаментовъ, равно какъ и улучшеніемъ пищи больныхъ, а иногда доставленіемъ средствъ и семейству больнаго (въ случаѣ лишенія его чрезъ болѣзнь члена семейства дневнаго пропитанія) до совершеннаго выздоровленія.

Примѣчаніе. Въ болѣе населенныхъ обществахъ имѣются подъ вѣдомствомъ этого братства особыя больницы, даже врачи и аптеки, нѣкоторыя изъ нихъ удостоились посѣщенія высокосановныхъ особъ и даже Августѣйшихъ лицъ, которыя отдали симъ еврейскимъ заведеніямъ справедливость во всѣхъ отношеніяхъ.

IV. „Талмудъ тора" (54) или „махзикей іесóмимъ" —воспитаніе сиротъ. Цѣль этого братства есть попеченіе о воспитаніи

---

(54) Объ этомъ учрежденіи стоитъ прочесть отзывъ знаменитаго нашего педагога и филантропа *Пирогова* во время посѣщенія имъ сего заведенія въ Одессѣ.

мальчиковъ—сиротъ и дѣтей самыхъ бѣдныхъ Евреевъ. Общество нанимаетъ для дѣтей учителя закона Божія (меламедъ); раздаетъ имъ два раза въ годъ одежду зимнюю и лѣтнюю; каждый членъ братства кормитъ ихъ поочереди. Иногда сироты, неспособные къ книжному ученію, отдаются мастерамъ; взрослымъ, братство помогаетъ жениться и все это имѣетъ источникомъ скромныя приношенія членовъ братства, равно какъ плату, получаемую обществомъ по смерти состоятельныхъ евреевъ въ пользу сиротъ за участіе ихъ въ процессіи во время выноса изъ дома покойника до кладбища.

V. „Гемилусъ хасбдимъ". Въ обществахъ этаго наименованія составляется изъ пожертвованій извѣстная сумма, изъ которой производятся небогатымъ Евреямъ для небольшихъ оборотовъ ссуды безъ процентовъ подъ залогъ или подъ поручительство болѣе состоятельныхъ соотечественниковъ. Поступающими ежегодно жертвованіями дополняется дефицитъ и покрываютъ необходимые расходы по управленію обществъ. Нерѣдко частные капиталисты складываютъ особенные капиталы въ гемилусъ хасодимъ, чѣмъ поддерживаютъ несостоятельныхъ собратьевъ, коимъ нельзя обойтись безъ кредита.

VI. „Малбишъ арумимъ" и „гахнасасъ кала", т. е. одѣваніе нагихъ и вспомоществованіе невѣстъ. Эти братства сусуществуютъ въ болѣе населенныхъ обществахъ, — *первые* имѣютъ цѣлію одѣвать самыхъ бѣдныхъ Евреевъ особенно женщинъ и въ зимнее время, а *вторые*—помогать небогатымъ Евреямъ при вступленіи въ бракъ, ибо надобно замѣтить, что безбрачіе у Евреевъ вещь необыкновенная; какъ бы Еврейка ни была бѣдна и безобразна, все-же найдетъ она бѣдняка, который возметъ ее, равно какъ и мущина никогда не остается холостякомъ, развѣ только по разводѣ съ женою или по смерти ея не вступитъ во второй бракъ, но и это бываетъ весьма рѣдко.

Необходимыя издержки на брачную одежду и самый бракъ принимаетъ на себя братство. Если бѣдные новобрачные не имѣютъ родителей и родственниковъ, то члены братства засту-

паютъ ихъ мѣсто, благословляютъ ихъ и исполняютъ всѣ родительскія обязанности.

Въ нѣкоторыхъ братствахъ молодые люди, члены его, отличающіеся знаніемъ музыки, составляютъ сами оркестръ именно для бѣдныхъ свадьбъ. Если самый богатый Еврей пригласитъ ихъ на свадьбу, они не пойдутъ ни за что, и онъ принужденъ будетъ взять какихъ нибудь бѣдныхъ музыкантовъ; на свадьбахъ-же бѣдныхъ, безродныхъ сиротъ, неимѣющихъ средствъ нанимать музыкантовъ, они играютъ съ полною готовностію.

VII. Братство „Пацъ или Поàле-Цедекъ" т. е. честные дѣятели. Это общества мастеровъ, имѣющіе вѣроятно историческое основаніе. Въ былыя времена торгующее сословіе Евреевъ жило въ разладѣ съ ремесленнымъ сословіемъ своихъ собратьевъ. Первое, должно быть, присвоило себѣ превосходство надъ послѣднимъ и отдѣлилось отъ него. Это нынѣ едва замѣтно, но нѣкоторыя указанія поддерживаютъ такое предположеніе, потому что ремесленники во многихъ обществахъ имѣютъ особенный свой молитвенный домъ, и составляютъ братство, неимѣющее собственно благотворительной цѣли, и служитъ лишъ для поддержанія связи въ своемъ сословіи. Впрочемъ, это самое братство составляетъ и цеховое управленіе, разбираетъ маловажные споры между работниками и мастерами и бываетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно полезнымъ учрежденіемъ.

Кромѣ того есть разныя духовныя братства, имѣющія исключительно благочестивыя цѣли, какъ то, братство *тилимъ*, т. е. читающее псалтирь; *мишнаіотъ*, т. е. читающее Мишну; *шомримъ лабокеръ*, т. е. рано встающее и читающее разныя молитвы; объ этихъ братствахъ нечего здѣсь распространяться, такъ какъ они не многочисленны, и потому не имѣютъ никакаго значенія въ общественномъ быту.

ПО ПРОЧИМЪ РУБРИКАМЪ ПРОГРАММЫ.

г) Артелями Евреямъ некуда отправляться, потому что имъ, кромѣ западныхъ губерній, не дозволено нигдѣ заниматься

работами, а тамъ въ каждомъ мѣстѣ находится рабочихъ въ излишествѣ. Продажа, покупка, мѣна и проч. сдѣлки производятся по заключеніи домашняго условія на еврейскомъ языкѣ (кѐшеръ, зикрѐнъ-двѐримъ). Самое обязательное утвержденіе въ денежныхъ дѣлахъ есть рукоподаніе (текіасъ-кафъ) ([55]); при болѣе важныхъ сдѣлкахъ приглашаемый нарочно посредникъ предлагаетъ обѣимъ сторонамъ платокъ и онѣ берутъ въ руку при свидѣтеляхъ кончикъ онаго; это называется „кабдласъ киньянъ" и составляетъ обычай древній, доходящій до временъ пророковъ. Въ талмудѣ мы находимъ юридическое объясненіе этому обычаю.

Отношеніе-же главы семейства къ прочимъ его членамъ довольно патріархальное. Сынъ вступаетъ большею частію въ бракъ не по собственному своему выбору, а по выбору родителей. Отецъ даетъ сыну приданое, ибо, исключая ремесленнаго класса, до вступленія въ бракъ сынъ ни чѣмъ не занимается, кромѣ книжнаго ученія, да и послѣ свадьбы бываетъ на иждивеніи родителей нѣсколько времени, пока уживется съ женою, а капиталъ его находится въ рукахъ лица, которому оба родителя довѣряютъ приданое своихъ дѣтей (шолишъ); деньги-же выдаются ему впослѣдствіи; тогда онъ начинаетъ торговать, отдѣляется отъ стола отца и становится самостоятельнымъ хозяиномъ; до того-же времени онъ въ полной зависимости отъ родителей, какъ ребенокъ. Дочь тоже остается въ зависимости отъ родителей, послѣ выхода замужъ, въ случаѣ, если отецъ беретъ ее вмѣстѣ съ мужемъ къ себѣ на прокормленіе, тогда и зять подчиняется ему вполнѣ до тѣхъ поръ, пока не начнетъ самостоятельныхъ занятій и не выйдетъ на собственное иждивеніе. Мать по дѣламъ семейнымъ пользуется почти равнымъ

([55]) По народному убѣжденію, если кто далъ другому руку во увѣреніе чего либо, а потомъ не исполнитъ своего слова, то его часть въ будущей жизни (хелекъ-олемъ-габа) приходится обиженному лицу, и въ семъ вѣрованіи лежитъ твердая основа нравственности.

уваженіемъ, какъ и отецъ; мнѣніе ея особенно важно по вопросамъ о бракѣ, по предметамъ хозяйственнымъ и даже по воспитанію дѣтей.

V. Умственныя и нравственныя способности и образованіе.

УМСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ ВООБЩЕ.

О томъ, что еврейское племя обладаетъ вообще (56) замѣчательно развитыми умственными способностями, едва-ли нужно распространяться. Стоитъ только взглянуть на современную или вѣковую исторію, чтобы убѣдиться, что если въ какой либо эпохѣ или мѣстности племя это оставалось въ застоѣ, то причины тому были всегда внѣшнія, именно: когда господствующіе народы преграждали ему путь къ развитію сихъ способностей и вызывали тѣмъ нравственную апатію; коль скоро же цивилизація разрушала сіи преграды, тогда являлись всегда почти на всѣхъ поприщахъ геніальные дѣятели изъ среды сего народа. Доказательствомъ тому служитъ рядъ именъ во всѣ эпохи исторіи, таковы напр. Іосифъ Флавій и Филонъ современники грековъ и римлянъ; Саадіа, Маймонидъ и вся андалузская школа—современники эпохи калифата; Абарбанель и вся испанская школа въ концѣ среднихъ вѣковъ; Спиноза, Мендельсонъ и его школа въ прошломъ вѣкѣ, не считая десятковъ другихъ ученыхъ, поэтовъ и артистовъ нашего времени.

Неимѣніе самостоятельнаго быта, разбросанность по лицу всего земнаго шара, знакомство съ духомъ всѣхъ народовъ и мѣстностей, обязательная грамотность, связанная съ исповѣда-

---

(56) О прозвищахъ и поговоркахъ, хотя и существующихъ отчасти между обитающими въ Россіи Евреями, я не нахожу нужнымъ распространяться, такъ какъ они собственно не имѣютъ не только историческаго, но даже и этнографическаго значенія.

ніемъ Евреевъ, существованіе, кромѣ мѣстныхъ нарѣчій, одного историческо-религіознаго языка, связывающаго все Израильское племя въ одно цѣлое,—всѣ эти обстоятельства естественно не допускали положительнаго застоя, но неминуемо давали часто толчекъ умственному прогрессу народа.

Колоссальный монументъ еврейской литературы—талмудъ, о которомъ, между прочими народами, существуютъ весьма неблагопріятныя мнѣнія, и тотъ довольно помогаетъ умственному развитію сего народа. Его слогъ, способъ изложенія и разнообразность содержанія, заставляютъ читателя напрягать свой умъ. Такъ какъ талмуду обучаютъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, то почти всякій Еврей путемъ его чтенія изощряетъ свои способности, дѣйствующія впослѣдствіи въ разныя эпохи жизни.

Наконецъ, самыя притѣсненія и моральная скудность Евреевъ въ нѣкоторыхъ странахъ развиваютъ умственныя ихъ способности. Нужда и ограниченія—лучшіе учители для людей: если они не въ состояніи вызывать генія, какъ умѣютъ это дѣлать противуположные имъ двигатели—свобода и просторъ, то, по крайней мѣрѣ, производятъ изобрѣтательность и ловкость ума.

ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА, АУТОДИДАКТИКА.

Отличительная же черта умственной способности Евреевъ есть аутодидактика. Біографіи Мендельсона ([57]), Соломона Май-

([57]) Мендельсонъ родился въ Дессау отъ небогатыхъ родителей (отецъ его былъ писцомъ св. свертковъ, Мендель соферъ) и учился въ дѣтствѣ одному талмуду. Когда тамошній раввинъ Давидъ переселился въ Берлинъ, то Мендельсону было 13 лѣтъ отъ роду и онъ послѣдовалъ за нимъ туда-же. Въ Берлинѣ онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ ревнителей просвѣщенія, которые возбудили въ немъ страсть къ свѣтскимъ наукамъ. По ночамъ, втайнѣ отъ своихъ товарищей и настоятелей той школы, гдѣ воспитывался (считавшихъ всякое постороннее занятіе безполезнымъ), онъ выучился нѣкоторымъ языкамъ изъ однихъ словарей; превзошелъ потомъ всѣхъ своихъ современниковъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Его переводы псалтиря и пятикнижія съ еврейскаго суть творенія неподражаемыя. Его философскіе и прочіе ученые труды были предметомъ уваженія Лессинга и Фридриха Великаго.

мона ([58]), нашего русско-еврейскаго математика и астронома, любимца знаменитаго Гумбольда г. Х. З. Слонимскаго и другихъ знаменитыхъ Евреевъ—это доказываютъ ясно. Г. Слонимскій нигдѣ не кончилъ курса, учился въ юныхъ лѣтахъ одному талмуду; не знавъ, до бытности своей въ Германіи (уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ), ни одного европейскаго языка, онъ былъ уже знаменитымъ математикомъ.

Во всякомъ мѣстѣ, населенномъ Евреями (исключая самыхъ мелкихъ общинъ, или общинъ населенныхъ одними фанатиками, пренебрегающими просвѣщеніемъ), можно отыскать нѣкоторыя личности, которыя хотя не имѣли систематическаго воспитанія, но имѣютъ довольно прочное образованіе, начитанность въ литературѣ и знаніе разныхъ языковъ, особенно нѣмецкаго, и все это самоучкою, что у другихъ народовъ встрѣчается рѣдко. Грустно становится, когда подумаешъ, что если-бы этимъ труженикамъ дана была возможность болѣе развиться и пользоваться плодами своихъ умственныхъ упражненій, то, можетъ быть, и у насъ появились-бы и Мейерберы, и Ауербахи и имъ подобные, тогда какъ теперь эти люди, которые при другой обстановкѣ, принесли-бы, можетъ быть, отечеству не малую пользу, пропадаютъ за конторками своихъ лавокъ или въ уголкахъ своихъ школъ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ.

Нѣкоторые хотятъ присвоить Евреямъ особенную способность къ одной или другой вѣтви науки, такъ напр. полагаютъ, что они имѣютъ особенную склонность къ медицинѣ, доказывая это тѣмъ, что во всѣхъ эпохахъ мы встрѣчаемъ у этого преслѣдуемаго со всѣхъ сторонъ народа хорошихъ и даже отличныхъ медиковъ. Но съ этимъ предположеніемъ нельзя положительно согласиться, ибо причина тому скорѣе не осо-

([58]) Salomon Maimons Lebensgeschichte in 2 Theile. Berlin, 1792.

бенная склонность, а только то, что Евреи всегда были принуждены браться за ту отрасль науки, предъ которой ненависть ихъ гонителей не въ состояніи была устоять. Зная какъ всякій человѣкъ дорожитъ здоровьемъ, Еврей убѣжденъ былъ, что къ нему, какъ къ медику, самый фанатическій и властолюбивый вельможа среднихъ вѣковъ обратится за совѣтомъ, а посему будетъ его щадить, беречь, вознаграждать и уважать, тогда какъ самая глубокая ученость по другой отрасли знанія нисколько не могла побудить средневѣковаго аристократа обратить свое вниманіе на Еврея. Посему мы видимъ Евреевъ врачей при дворахъ ([59]) и даже при польскихъ вельможахъ ([60]), довольно нерасположенныхъ къ этой націи вообще.

Были впрочемъ изъ Евреевъ и люди государственные въ самыя тяжкія для нихъ эпохи ([61]), ибо вездѣ, гдѣ была нужда въ ихъ умѣ или финансахъ, фанатизмъ всегда уступалъ мѣсто необходимости. Долго существовалъ предразсудокъ будто Евреи неспособны къ военному дѣлу, основанный будто-бы то на упадкѣ духа, то на отсутствіи патріотизма, но дѣйствительность убѣдила Европу въ противномъ, и нынѣ мы видимъ во всѣхъ частяхъ Европы значительное число офицеровъ, даже генераловъ, украшенныхъ знаками отличія за храбрость и

([59]) Не говоря о Маймонидѣ, бывшемъ придворнымъ врачемъ султана Саладина, о Мошѣ Гомонѣ, Тобіасѣ и проч., и въ нашемъ отечествѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ врачъ изъ Евреевъ Даніель (изъ Могилевской губерніи г. Быхова). Онъ съ сыномъ своимъ Гиршею умерщвленъ былъ при возстаніи стрѣльцевъ вмѣстѣ съ прочими придворными во времена царевны Софіи.

([60]) У князей Радзивиллъ были врачи Евреи: Іосифъ-Соломо-дель-Медиго, привезенный имъ изъ Италіи въ Несвижъ, Борухъ изъ м. Шклова Могилевской губерніи въ Слуцкъ, и проч.

([61]) Наприм. Самуилъ-Леви (га-нагидъ) придворный совѣтникъ при Гобушѣ (послѣ алъ-адифа), потомъ при Бадисѣ (1027); Соддеддалатъ великій визирь при Монгольскомъ ханѣ Аргунѣ (1291); Донъ-Іосифъ Насси, удостоившійся титула Герцога Ноксоскаго при покореніи Селимомъ Венеціанскихъ царей (1517); Абарбанель при Алфоньсѣ V; Менаше-бенъ-Израель при Кромвелѣ и проч.

самоотверженіе (62). Музыку и математику причисляютъ тоже къ тѣмъ отраслямъ науки, въ которыхъ у Евреевъ часто проявляется особенная способность. Это имѣетъ еще нѣкоторую историческую причину, ибо, первою специально занималось особенно колѣно Левитовъ для богослуженія при существованіи храма, а послѣднею, по преданію, занималось специально особенно колѣно Иссахарово для опредѣленія точнаго астрономическаго календарнаго вычисленія и правильнаго назначенія праздниковъ. Талмудъ считаетъ по этому знаніе математики и астрономіи почти религіозными обязанностями.

НРАВСТВЕННЫЯ НАКЛОННОСТИ.

Относительно нравственныхъ свойствъ и наклонностей Евреевъ надо сознаться, что ихъ трудно опредѣлить, не впадая въ пристрастіе. Напр. нельзя отрицать, что Евреи нашего государства обладаютъ нравственными слабостями: непомѣрное любопытство, зависть и, такъ сказать, делаторство, довольно часто встрѣчаются между ними; но, судя по всей справедливости, нельзя положительно навязать эти недостатки всему народу какъ естественныя нравственныя его свойства, ибо, всѣ они, по всей справедливости, имѣютъ источникомъ своимъ — ограниченія и скудость ихъ быта; пожалуй, Евреи могутъ не принимать этихъ слабостей на свой счетъ, представляя, что такія ограниченія и стѣсненія, каковыми они окружены, вызвали-бы у другаго народа не такіе, можетъ быть, пороки, а гораздо худшіе. Это они могутъ удостовѣрить еще и практическими доказательствами изъ жизни, что какъ скоро обстоятельства

(62) У насъ законы не допускаютъ производства Евреевъ-солдатъ даже въ унтеръ-офицеры, по этому и неудивительно, если храбрость у нихъ не развита, ибо „плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ“ говорилъ Наполеонъ, а тѣмъ болѣе тотъ солдатъ, который не *можетъ* быть и унтеръ-офицеромъ. Впрочемъ, въ послѣднюю войну Евреи-солдаты показали себя далеко не оплошными.

бѣднаго Еврея, зараженнаго этими пороками, поправляются сколько-нибудь, то эти слабости исчезаютъ сами собою.

Нравственныя-же свойства, приписываемыя сему народу самымъ талмудомъ, суть: похвальное — „милосердіе" (рахманимъ бне — рахманимъ), что доказывается какъ многочисленностію благотворительныхъ учрежденій, существующихъ во всѣхъ еврейскихъ обществахъ (см. предъидущую статью), такъ и частными подаяніями на вспомоществованіе бѣднымъ родственникамъ и чужимъ (ст. III. о расходахъ); дурное-же качество — высокомѣріе (азинъ бе-умосъ); иноплеменные наблюдатели, видя въ своемъ факторѣ, ремесленникѣ или лавочникѣ - Евреѣ низкопоклонство и раболѣпство, ошибаются, приписывая это малодушію, робости, самоуниженію и проч. Нисколько! Напротивъ, Еврей до того убѣжденъ въ своемъ достоинствѣ, что онъ презираетъ всѣ внѣшнія обстоятельства въ полной увѣренности, что никакое внѣшнее униженіе не можетъ уничтожить внутренняго его превосходства. Считая себя часто (а иногда и не безъ справедливости) умнѣе и честнѣе своего минутнаго барина, которому онъ по необходимости принужденъ былъ продаться, позволяющаго себѣ деспотическое съ нимъ обхожденіе или унизительное посмѣяніе, Еврей переноситъ это равнодушно и отмщаетъ ему однимъ презрительнымъ молчаніемъ.

ЧИСЛО ГРАМОТНЫХЪ И СПОСОБЪ ОБУЧЕНІЯ.

Показаніе числа грамотныхъ у Евреевъ не очень затрудняетъ писателя этнографіи сего народа, ибо, если принимать слово грамотность въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы привыкли его понимать, т. е. умѣнье читать и писать, то этнографъ можетъ прямо обратиться къ цыфрѣ душъ по ревизскимъ сказкамъ Евреевъ и вычесть изъ нея не болѣе 10%; тогда получится число грамотныхъ у Евреевъ, потому что Еврей, не умѣющій читать и, хотя сколько нибудь, писать (конечно по еврейски) составляетъ необычайную рѣдкость.

Дѣти болѣе состоятельныхъ Евреевъ обыкновенно обучаются у домашнихъ учителей, такъ называемыхъ *меламдовъ*. Прочія-же обучаются въ небольшихъ частныхъ училищахъ — *хедерахъ*, въ которыхъ меламедъ собираетъ 4 — 5 мальчиковъ и обучаетъ ихъ цѣлый день за умѣренную плату 10 — 15 р. с. въ семестръ.

Способъ преподаванія меламдовъ и содержателей хедеровъ имѣетъ многіе недостатки, противъ которыхъ давно протестовали благомыслящіе люди изъ среды самыхъ Евреевъ, въ числѣ которыхъ даже нѣкоторые авторитеты. Въ иныхъ государствахъ удалось самимъ Евреямъ преобразовать это важное учрежденіе, отъ котораго зависитъ судьба будущихъ поколѣній. Въ нашемъ-же отечествѣ обязанность эту приняло на себя Министерство Народнаго Просвѣщенія. Подчинивъ всѣ означенныя заведенія мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ, оно приняло двѣ главныя мѣры: а) подвергнуло меламдовъ предварительному экзамену, запретивъ имъ обучать безъ формальныхъ свидѣтельствъ; б) напечатало громадное количество учебныхъ книгъ, одобренныхъ Министерствомъ, вмѣнивъ меламдамъ въ обязанность преподавать непремѣнно по онымъ.

Кромѣ того, учреждены на счетъ особеннаго съ Евреевъ сбора (свѣчнаго) казенныя еврейскія училища двухъ разрядовъ, изъ которыхъ первый разрядъ соотвѣтствуетъ приходскимъ, а второй — уѣзднымъ, а въ гг. Вильно и Житомірѣ раввинскія училища, равняющіяся гимназіямъ. Сіи послѣднія раздѣлены на два отдѣленія: педагогическое, для приготовленія учителей, и раввинское — для приготовленія раввиновъ.

По новости предмета и неопытности чиновниковъ учебнаго начальства по этой части, должны были произойти въ сей системѣ, въ теченіи самаго короткаго времени (одного десятилѣтія) разныя перемѣны, именно: меламдовъ то подвергали самому строгому испытанію, которое не было возможности выдержать взрослому человѣку, неприготовленному къ тому съ молодости, чрезъ что меламды вынуждены были обучать втай-

нѣ безъ дозволительныхъ свидѣтельствъ, то сокращали ихъ (по просьбамъ самихъ меламдовъ и родителей, обучающихся дѣтей) програмны экзаменовъ до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, такъ что этотъ экзаменъ составлялъ одну наружную формальность. Относительно учебныхъ книгъ вздумали составлять ихъ съ нѣмецкимъ переводомъ; хотя нѣмецкій языкъ болѣе близокъ къ разговорному еврейскому языку, но за всѣмъ тѣмъ онъ менѣе знакомъ Евреямъ, чѣмъ еврейскій и русскій. Объ содержаніи этихъ книгъ не здѣсь мѣсто входить въ критику; но нельзя не упомянуть, что Евреи не только не покупали этихъ книгъ, но даже когда разрѣшено было раздавать имъ ихъ даромъ, то и тогда они не воспользовались этимъ поощреніемъ, не находя удобнымъ обучать по нимъ своихъ дѣтей. Впрочемъ такое явленіе не было вовсе послѣдствіемъ упорства со стороны Евреевъ, но только неминуемымъ результатомъ, не вполнѣ практическаго направленія принятыхъ Министерствомъ мѣръ.

И такъ, меламды остались при старомъ своемъ способѣ преподаванія, состоящемъ въ слѣдующемъ: мальчика 4-хъ и наиболѣе 5-ти лѣтъ начинаютъ обучать еврейскому алфавиту, упражняя его потомъ въ чтеніи, сначала по слогамъ, а за тѣмъ по словамъ и строкамъ прямо изъ молитвенника (сидуръ). Это продолжается, смотря по способности мальчика, 1—3 или 4 семестра. Грамматическая правильность здѣсь не соблюдается, требуется лишь легкое и плавное чтеніе.

За тѣмъ начинается 2-й курсъ — пятикнижіе (хумешъ), переводимаго на разговорный языкъ, съ прибавленіемъ герменевтическаго толкованія (Раши); вмѣстѣ съ тѣмъ мальчика учатъ и особенному шрифту сего коментарія. Этотъ курсъ продолжается, смотря по способностямъ мальчика, 2—6 семестровъ и болѣе. Потомъ начинается курсъ талмуда, который сначала изучается отрывками, выборками мелкихъ мѣстъ, но вслѣдъ за тѣмъ идетъ изученіе цѣлыхъ трактатовъ. Ознакомивъ мальчика нѣкоторымъ образомъ со слогомъ и способомъ изложенія талмуда, учитель

задаетъ ему уроки, которые ученикъ уже долженъ самъ разбирать съ коментаріями (Раши) и суб-коментаріями (тосфесъ и магаршаа) и произносить предъ учителемъ, строго взыскивающимъ за ошибки. Этотъ курсъ не имѣетъ опредѣленнаго времени, ибо зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ: способностей ученика, средствъ и желанія родителей и проч. Занятіе это бываетъ часто нескончаемое, ибо трактатовъ въ талмудѣ болѣе 30, а иные изъ нихъ едва-ли можно выучить въ 2 семестра; при чемъ учителю не ставится въ обязанность выучить мальчика непремѣнно всему талмуду, довольно выучить у опытнаго меламда нѣсколько трактатовъ, а тамъ уже не трудно ученику или молодому человѣку изучить остальные одному или вмѣстѣ съ товарищемъ (хаверъ).

Во время этого курса, добросовѣстные меламды обучаютъ мальчиковъ остальнымъ книгамъ библіи, еврейской письменности и даже русской, немного ариѳметикѣ и проч. Болѣе образованные меламды знакомятъ учениковъ съ нѣмецкимъ языкомъ посредствомъ перевода св. пис. мендельсоновой школы, грамматикою (дикдукъ) и также съ еврейскою поэзіею, бельлетристикою, древними философическими и нравоучительными книгами, переведенными съ арабскаго и т. п.

Въ казенныхъ-же еврейскихъ училищахъ, какъ 1-го, такъ и 2-го разрядовъ, талмудъ, самый любимый и уважаемый Евреями предметъ, съ которымъ не возможно ихъ разлучить, вовсе не преподается. Молитвенники, священное писаніе и нѣчто изъ раввиническаго законоученія преподается по упомянутымъ выше учебнымъ книгамъ, далеко не удовлетворяющимъ дѣйствительнымъ потребностямъ народа, по этому училища имѣютъ весьма незначительное число посѣтителей, ибо состоятельный отецъ предпочтетъ отыскать частнаго меламда, который будетъ обучать его сына гораздо дѣльнѣе, а несостоятельные родители, видя мало толку въ казенныхъ училищахъ, склонны бываютъ къ старинному рутинному образованію.

Есть еще другія учрежденія, такъ сказать высшія талму-

дическія школы, подъ названіемъ *Ешиботъ*, въ таковыхъ (существующихъ въ болѣе значительныхъ общинахъ) читаются безплатно публичныя лекціи талмуда; учитель вознаграждается обществомъ, а слушатели, большею частію бѣдные, но способные молодые люди, поддерживаются тоже частными пожертвованіями. Эти послѣднія учрежденія имѣли искони большое значеніе у Евреевъ. Воспитанники ихъ назначались въ раввины и прочія духовныя должности, нынѣ они подвѣдомственны тоже учебному начальству, разсматривающему ихъ программы и ограничивающему при этомъ кругъ ихъ дѣятельности вслѣдствіе предположенія снабжать Евреевъ раввинами изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ.

Еще существуютъ общественныя училища, подъ названіемъ „Талмудъ тора“ (о которыхъ было сказано въ предшедшей статьѣ при благотворительныхъ учрежденіяхъ). Въ этихъ заведеніяхъ обучаются дѣти самыхъ бѣдныхъ Евреевъ и сироты первоначальнымъ и необходимымъ предметамъ, какъ то: молитвамъ, пятикнижію, законоученію и проч. Они нынѣ тоже подчинены учебному начальству.

Что касается обученія женщинъ у Евреевъ, то эта часть до нынѣ была въ самомъ неутѣшительномъ положеніи, именно: дѣвочки состоятельныхъ Евреевъ обучались чтенію и св. пис. съ исковерканными переводами у особыхъ учительницъ такъ называемыхъ „ребеценсъ“, которыя ходили по домамъ и давали уроки. Письму же учили писцы, безъ всякаго образованія, кромѣ четкаго почерка; дѣвочки-же бѣдныхъ Евреевъ ничему не учились, а вытерживали наизустъ только самыя обязательныя молитвы. Здѣсь надобно отдать полную справедливость Министерству Народнаго Просвѣщенія, попавшему на самый прямой путь для отвращенія этого недостатка въ женскомъ образованіи, именно: оно ни сколько не бралось здѣсь преобразовать, экзаменовать, или уничтожать старинныхъ учительницъ (ребеценсъ), подобно какъ поступило съ меламдами; не напечатало учебныхъ книгъ для дѣвицъ, а только дозволило каждому выдержавшему

экзаменъ лицу мужескаго или женскаго пола открывать пансіоны для дѣвицъ и обучать приходящихъ туда за самую умѣренную плату, не стѣсняясь предметами преподаванія и объемомъ ихъ; для поощренія и въ видѣ вознагражденія содержателей сихъ пансіоновъ отъ казны назначено было изъ суммъ свѣчнаго сбора по 600 руб. въ годъ.

Во многихъ мѣстахъ уже учреждены такіе пансіоны. Родители охотно отдаютъ сюда своихъ дѣвочекъ; сіи послѣднія обучаются очень прилежно и выказываютъ отличныя способности, такъ что эти заведенія обѣщаютъ много утѣшительнаго въ будущемъ.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ПАРТІИ.

У Евреевъ издревле существовали почти общія всѣмъ вѣроисповѣданіямъ различныя направленія въ религіозныхъ понятіяхъ; уже Іосифъ Флавій приводитъ 3 партіи: эссеніамъ, саддукеевъ и фарисеевъ, признавая первыхъ фанатиками, вторыхъ—вольнодумцами, а послѣднихъ правовѣрными. Въ среднихъ вѣкахъ мы находимъ тоже: направленіе арабско-философское (къ которому впрочемъ принадлежали многіе авторитеты, признаваемые всѣми партіями), партіи каббалистовъ и мистиковъ, и наконецъ талмудистовъ, составлявшихъ между тѣми и другими средину, не впадавшіе ни въ ту, ни въ другую крайность.

Между нынѣшними Евреями существуютъ тоже три направленія, и именно: въ Германіи, Франціи и Англіи распространены партіи реформаторовъ и талмудистовъ (orthodoxe); въ Россіи же: партіи талмудистовъ и каббалистовъ (или хасидимъ) (63).

Хотя въ Россіи, по мѣрѣ распростаненія просвѣщенія, являются также болѣе и болѣе реформированные Евреи, но они,

---

(63) Въ Австріи развиты всѣ три партіи, именно: въ провинціяхъ чисто германскихъ распространены реформаторы, и талмудисты, въ славянскихъ же провинціяхъ господствуютъ талмудисты и хасиды.

не имѣя особеннаго обряда богослуженія (cultus) ([64]), не могутъ еще считаться особою партіею. Талмудисты же и каббалисты или какъ привыкли ихъ называть—*миснагиды и хасиды*, имѣютъ особенные обряды молитвы, именно первые молятся по германскому обряду (ашкеназъ), а послѣдніе — по португальскому обряду (сефардъ) ([65]). Въ существенныхъ догматахъ религіи между хасидами и миснагидами нѣтъ никакого разногласія. Въ отношеніи-же исполненія обрядовъ, хотя и существуютъ между ними нѣкоторыя различія, но обѣ партіи основываются одинаково на древнихъ раввинско-литературныхъ авторитетахъ (миснагиды исполняютъ нѣкоторые обряды по объясненію М. Иссерлиса, а хасиды по—І. Карау). Хасиды раздѣлены между собою тоже на различные толки. Главныя черты всѣхъ ихъ: постоянная веселость, смѣлость, равенство, предпочтеніе восторженной молитвы всѣмъ добродѣтелямъ, дружелюбію,

---

([64]) Въ Германіи реформированные Евреи имѣютъ особенный обрядъ богослуженія. Нѣкоторые молятся по нѣмецки, празднуютъ воскресенье вмѣсто субботы; органъ и хоръ дѣвицъ сопровождаетъ пѣніе кантора при богослуженіи, и проч. Но обрядъ этотъ не имѣетъ общеканонической силы, а каждый реформаторъ раввинъ (или докторъ) устраиваетъ его въ своей эпархіи по благоусмотрѣнію. Пыталисъ эти реформаторы раввины созывать сборы (въ Брауншвейгѣ, въ Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Бреславлѣ) въ 1844—1846 г. Соборы эти дѣйствительно собирались, занимались преніями, возбуждали протесты, но ничего положительнаго не установили. Протоколы этихъ сборовъ напечатаны были каждый своевременно въ названныхъ мѣстахъ.

([65]) Партія хасидовъ образовалась въ прошломъ вѣкѣ на Волыни. Основателемъ ея былъ Израиль Баалъ-шемъ, нашедшій многихъ послѣдователей въ Украйнѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи, а также (въ меньшемъ объемѣ) въ Литвѣ и Польшѣ, откуда эта секта перешла въ Галицію. Для отдѣленія своихъ послѣдователей отъ непризнававшихъ новаго ученія (миснагидовъ), установленъ былъ для первыхъ португальскій обрядъ молитвы, по которому молятся испанскіе и португальскіе Евреи (сефардъ), такъ какъ формулы этого обряда болѣе соотвѣтствуютъ каббалистическому направленію и болѣе приноровлены къ восторженности, составляющей у хасидовъ главное условіе молитвы.

а въ особенности безпредѣльная привязанность и обожаніе главнаго своего раввина или цадика.

Во всѣхъ этихъ качествахъ есть много хорошаго и полезнаго, особенно широкое вліяніе цадика могло-бы очень благодѣтельно дѣйствовать на массу и направлять ее ко всему современному и полезному, чего у миснагидовъ, не имѣющихъ іерархической точки опоры, трудно ожидать. Но, къ сожалѣнію, каждая изъ этихъ іерархическихъ главъ такъ занята своею набожностію и соревнованіемъ съ своими соперниками, что ей не до гражданско-нравственной стороны народнаго быта.

Правительство много заботилось объ изученіи внутренняго быта сей партіи, предполагало принять мѣры къ исправленію нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ ея, но убѣдившись въ безъуспѣшности административныхъ мѣръ въ дѣлѣ совѣсти, признало за лучшее предоставить это времени и грядущему прогрессу, который самъ собою мало по малу изгладитъ недостатки (66).

VI. Народныя преданія и памятники.

Этотъ параграфъ писателю этнографіи Евреевъ затруднителенъ для удовлетворенія любознательности иноплеменнаго читателя. По настоящему требуется здѣсь описаніе преданій и памятниковъ мѣстныхъ, тогда какъ преданія и памятники еврейскіе болѣе связаны съ древними временами обитанія ихъ въ другихъ отдаленныхъ краяхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВРЕМЕНАХЪ ПРОШЕДШИХЪ.

Воспоминаніями о временахъ прошедшихъ изобилуетъ памятливость сего народа, я говорю памятливость, хотя всѣ

(66) Хасиды серьезно отстаиваютъ свое дѣло, съ похвальною національностію (если можно такъ выразиться) каждый готовъ жертвовать всѣмъ возможнымъ на защиту своей партіи и іерархической главы.

преданія водворены въ его литературѣ, вслѣдствіе весьма ранняго развитія между Евреями письменности. Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ народовъ, не имѣетъ такой отчетливой исторіи съ самаго своего начала до настоящаго времени, какъ Евреи. Исторія ихъ древности не заключается въ миѳѣ, а въ логическо-послѣдовательномъ изложеніи фактовъ. Въ древности лѣтописи были обязанностію лицъ первостепенныхъ: пророковъ и прочихъ религіозныхъ или государственныхъ авторитетовъ. Всѣ событія сего народа такъ тѣсно и неразрывно связаны съ его религіею и постепеннымъ развитіемъ ея, что не могутъ никогда изгладиться изъ умовъ исповѣдующихъ Моисеевъ законъ. Со времени потери народомъ своей самостоятельности, его исторія стала изобиловать трагическими событіями, преслѣдованіями, гоненіями. Тогда, по выраженію одного талмудиста, прекращено было внесеніе всѣхъ подобныхъ случаевъ въ лѣтописи, „ибо нельзя успѣвать записать всѣхъ бѣдъ". Съ тѣхъ поръ прекращаются всѣ политическія преданія въ исторіи сего народа; о героическихъ подвигахъ, побѣдахъ ратныхъ и т. п. уже нѣтъ и помину, а является рядъ подвиговъ религіозныхъ, твердость въ страданіяхъ замѣняетъ храбрость, а самоотверженіе и мученичество — составляютъ героизмъ Евреевъ. Въ Россіи, благодаря терпимости греческой церкви и врожденному русскому народу добродушію, этотъ народъ страдалъ несравненно менѣе, чѣмъ на другихъ почвахъ Европы. Одно только возстаніе Богдана Хмельницкаго въ Украйнѣ и Малороссіи стоило ему жизни многихъ тысячъ лицъ и огромнаго лишенія собственности ([67]), въ память чего установленъ у Евреевъ, обитающихъ въ тѣхъ краяхъ, постъ 20-го сивана (около іюня) и особыя молитвы въ родѣ панихиды, которыя, впрочемъ, рѣдко исполняются.

([67]) Подробное объ этомъ описаніе, по свидѣтельству очевидца лѣтописца Еврея, представлено мною въ переводѣ и напечатано въ журналѣ Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, книга первая, 1859 года.

НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ И СКАЗКИ.

Сказки и разсказы народные, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, имѣютъ характеръ баснословный и не отличаются исключительною національностію, такъ какъ они заимствованы или изъ арабскихъ и испанскихъ повѣтствованій, или изъ древне-германскихъ. Вообще всѣ они имѣютъ направленіе болѣе религіозное: то разсказывается о благочестивомъ раввинѣ и его супругѣ (Row et Rebezen), то о богачѣ-благодѣтелѣ и его единомъ сынѣ или дочери, то объ ученомъ странствующемъ холостякѣ (Wanderbocher), а также о кладахъ и золотыхъ замкахъ, въ дремучихъ лѣсахъ, о княжескихъ дочеряхъ (басъмалке) и т. п. Въ этихъ разсказахъ допускаются и любовныя интриги (чего въ пѣсняхъ не допущено, какъ пояснено будетъ далѣе), увѣнчивающіяся обыкновенно счастливымъ результатомъ; въ концѣ говорится часто „пили медъ да вино, по бородѣ текло, да въ ротъ не попало“. Многіе изъ этихъ разсказовъ напечатаны въ тетрадяхъ, подъ заглавіями „маасе-бухъ“. Такъ какъ онѣ не заключаютъ въ себѣ особаго интереса ни для исторіи, ни для характеристики народа, то я не стану распространяться объ нихъ. Составленные же въ послѣднее время даровитыми писателями на разговорномъ еврейскомъ языкѣ, подобные разсказы имѣютъ характеръ болѣе романическій, направленный къ нравственнымъ цѣлямъ и современнымъ потребностямъ. Единственный народный разсказъ, имѣющій нѣкоторый историческій интересъ, заключается въ томъ, что въ Брестъ-Литовскѣ жилъ въ XVII вѣкѣ раввинъ (итальянскаго происхожденія, изъ Падуи) Шаулъ Каценеленбогенъ, названный потомъ Saul Wahl, вслѣдствіе избранія его польскимъ сеймомъ, по представленію князя Радзивилла, въ короли польскіе на одну ночь, до соглашенія сейма на счетъ избранія короля. Объ этомъ предметѣ недавно издано въ Лондонѣ полное на еврейскомъ языкѣ сочиненіе съ подробными свидѣтельствами правнуковъ

сего раввина, разсѣянныхъ по всему земному шару, начиная отъ Брестъ-Литовска до Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ разсказъ долженъ быть подвергнутъ строгой критикѣ и соображенію съ польскими лѣтописями, о чемъ составляется мною статья, которая своевременно будетъ представлена въ Императорское Общество Исторіи и Древностей.

ПѢСНИ.

Пѣсенъ, употребляемыхъ народомъ при увеселительныхъ случаяхъ, при всей склонности Евреевъ къ пѣнію, у нихъ нѣтъ, потому что праздниковъ народныхъ (какъ пояснено въ ст. о домашнемъ бытѣ) у Евреевъ не существуетъ, а имѣются только синагогальныя пѣсни, знакомыя почти каждому Еврею; не говоря уже о субботнихъ пѣсняхъ, распѣваемыхъ при обѣдѣ (земиросъ), не рѣдко ремесленникъ, занимаясь въ будничные дни, во время работы, поетъ синагогальныя пѣсни (піютимъ, тефилосъ). Мелодіи этихъ пѣсенъ дышатъ всегда меланхоліею и элегическимъ настроеніемъ, весьма часто даже поются одни мелодіи безъ текста. Творенія поэтовъ различныхъ эпохъ сохраняются въ литературныхъ произведеніяхъ и доступны одному только образованному сословію, такъ какъ они составлены не на разговорномъ народномъ, а на древнемъ еврейско-библейскомъ языкѣ. Въ сихъ поэтическихъ твореніяхъ не допускаются любовныя олицетворенія и т. п. Поэты, дозволившіе себѣ подобные сюжеты, подвергли свои сочиненія запрещенію раввиновъ (68).

Произведенія же нынѣшнихъ писателей на разговорномъ еврейскомъ языкѣ хотя принаровлены къ народному духу и его потребностямъ, но все-таки не пользуются пока популярностію

(68) Главнѣйшій изъ нихъ Иммануилъ-бенъ-Саломо италіянскій поэтъ XIII вѣка, сочиненія котораго, не смотря на всѣ ихъ филологическія достоинства—запрещены.

и знакомы только высшему кругу; они даже не удостоились еще публичности чрезъ печать.

Для убаюкиванія младенцевъ няньки распѣваютъ ничтожныя пѣсенки на разговорномъ языкѣ, сюжетъ которыхъ составляютъ любимые народные принципы: набожность и богатство ([69]).

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИБАУТКИ И ПРОЧ.

Пословицы, поговорки, прибаутки и причитанья, весьма любимы еврейскимъ народомъ; съ малаго до великаго, у бѣднаго и богатаго, при бесѣдѣ самой серьезной и самой маловажной дѣло не обойдется безъ остроты и поговорки (gleich wort). Обильный запасъ таковыхъ находится въ самомъ талмудѣ (гайне-деамреинше), составляя чуть-ли не цѣлый сводъ этики. Эти поговорки знакомы каждому, сколько нибудь грамотному Еврею (а безграмотныхъ у Евреевъ не много). При томъ племя еврейское гостило по нѣсколькимъ вѣкамъ въ разныхъ государствахъ и позаимствовало множество поговорокъ и пословицъ. Германскіе ученые Евреи обратили въ послѣднее время вниманіе на этотъ предметъ и старались собрать относящіеся къ нему матеріалы, выработать и объяснить оные (см. Zeitung des Iudenthums, 1840-выхъ годовъ). Знаменитый юмористъ Зафиръ, удивлявшій всю Европу своими остротами, принадлежалъ къ еврейскому племени; подобные талантливые прибаутники пропадаютъ у Евреевъ въ званіи весельчаковъ на еврейскихъ свадьбахъ (бадханъ) по причинѣ неполученія ими серьезнаго эстетическаго образованія и незнанія европейскихъ языковъ.

([69]) Въ родѣ того: подъ люлькой (имя рекъ) стоитъ козочка бѣлая, козочка поѣхала торговать изюмомъ и миндалями; изюмъ и миндали товаръ наилучшій, но (имя рекъ) будетъ (лучше) торѣ учиться; изюмъ и миндали очень сладки, да будетъ (имя рекъ) живъ и здоровъ. Этотъ переводъ въ оригиналѣ украшенъ риѳмами.

ЗАГАДКИ.

Загадки или въ родѣ сего задачи—(кашесъ) составляютъ у Евреевъ средства для развитія умственныхъ способностей у дѣтей. Часто задаютъ мальчику софистическій вопросъ, который трудно разрѣшить и иному взрослому человѣку; мальчика мало по малу наводятъ на путь, за удачное рѣшеніе поощряютъ его похвалами и подарками (70). Задачи составляютъ пробный камень для узнанія способностей мальчика, они задаются, смотря по возрасту. Эта метода, по выраженію народныхъ педагоговъ, служитъ къ изощренію мозга, и дѣйствуетъ благодѣтельно на пробужденіе прилежанія и охоты къ умственнымъ упражненіямъ молодыхъ головъ.

ЗАГОВОРЫ И ПРИМѢТЫ.

Заговоры и примѣты, какъ объяснено выше (ст. домашній бытъ) не только противорѣчатъ духу еврейской религіи, догматически запрещающей не только прибѣгать въ несчастныхъ случаяхъ къ средствамъ неестественнымъ, но талмудъ называетъ даже всѣ примѣты „слѣдами эморайскими“ (древній языческій народъ „*эмори*“)—*дарке эмори*. Однакожъ много вкоренилось въ народѣ предразсудковъ, большею частію согласныхъ съ мѣстными суевѣріями обитаемыхъ Евреями странъ. Русскіе

(70) Спрашиваютъ напр. у самаго маленькаго ребенка: „Въ окнѣ вышибено стекло, въ отверстіе влетѣла птичка; чтобы она не вылетѣла, хозяинъ вынулъ стекло изъ примыкающей оконицы и вставилъ его въ отверстіе“. Если мальчикъ не тупъ, то онъ спрашиваетъ: „такъ она-же вылетитъ изъ новаго отверстія“? отвѣтъ: „въ другое отверстіе вставили дощечку“; вопросъ: „можно было вставить дощечку и въ первое отверстіе“? отвѣтъ: „дощечка была коротка и не закрывала плотно перваго отверстія“ вопросъ: „какъ же закрывало его вынутое изъ другой оконицы стекло“? и т. д., и т. д.

Евреи, подобно своимъ христіанскимъ соотечественникамъ, считаютъ понедѣльникъ несчастнымъ днемъ, встрѣчу съ священникомъ недобрымъ предзнаменованіемъ, встрѣчу водоноса съ полными ведрами благопріятнымъ (почему при шествіи жениха къ вѣнчанію водоносы стараются встрѣчать его съ полными ведрами и получаютъ за то подарки) и много подобнаго. Заговоры большею частію мѣстные, кромѣ заговоровъ баалъ-шемовъ, состоящихъ изъ несвязныхъ каббалистическихъ словъ безъ всякаго смысла и значенія, о которыхъ распространяться нечего.

ТОЛКОВАНІЕ СНОВЪ.

Толкованіе сновъ имѣетъ у Евреевъ большое значеніе. Въ Библіи Еврей читаетъ значеніе сновъ Фараона и Невухадносора. Талмудъ, хотя не признаетъ положительно вліянія сновъ на судьбу человѣка, однакожъ не отвергаетъ иногда знаменательности нѣкоторыхъ сновидѣній. По праздникамъ, во время благословенія кагановъ (духанъ), читается особая молитва объ отвращеніи всѣхъ непріятныхъ послѣдствій, могущихъ приключиться чрезъ недобрые сны. Еврей, увидя ночью дурной сонъ, вставая утромъ, созываетъ 3-хъ друзей и разсказываетъ имъ свою печаль; они утѣшаютъ его по установленной формулѣ (гатàвасъ-хòлемъ) читаютъ нѣкоторые стихи изъ св. пис., приличные сему случаю, и сновидѣцъ успокоивается. По инымъ снамъ постятся, если здоровье позволяетъ, и въ этомъ воздержаніи находятъ лучшую увѣренность противъ дурныхъ послѣдствій сновидѣнія. Однимъ изъ дурныхъ сновъ считается выпаденіе зуба, знаменующее близкую смерть одного изъ членовъ семейства сновидца.

А.

Азинъ-бе-умосъ—твердѣйшіе между народами.

Аін̊ъ-га-ра — худой глазъ, наглядка, которая, по вѣрованію народа, губительна для дѣтей.

Ам̊ъ-га-áрецъ—невѣжа, неучъ.

Арбе-кáнфесъ —четырех-конечникъ; религіозная одежда Евреевъ, состоящая изъ длинной четырехъ-угольной накладки съ повязками по четыремъ концамъ.

Асúфа—собраніе почетнѣйшихъ членовъ общества для совѣщанія по общественнымъ дѣламъ.

Ашкеназъ—германскій; такъ называется обрядъ молитвы большею частію русскихъ Евреевъ, согласно съ обрядомъ молитвъ германскихъ Евреевъ.

Айнъ-гемахцъ (не-евр.)—родъ холоднаго компота изъ рѣпы, инбиря и меду.

Б.

Бáал̊ъ-га-босъ (правильнѣе *баал̊ъ-га-баісъ*)—домохозяинъ; названіе, прилагаемое Еврею посредственнаго матеріальнаго состоянія или посредственныхъ умственныхъ способностей.

Баалъ-маŕа—корректоръ писанныхъ святыхъ свертковъ по масоретическимъ правиламъ.

Баалъ-шéмъ—родъ шарлатана, творящаго чудеса помощію произношенія каббалистическихъ именъ Божіихъ.

Бàдхенъ—весельчакъ, развеселяющій гостей при свадьбѣ.

Баръ-мúцво—исполнитель заповѣдей; такъ называется мальчикъ, достигшій 13-ти лѣтняго возраста.

Басъ-малке—царевна; личность, встрѣчаемая въ простонародныхъ сказкахъ.

Бенъ-захеръ—поздравленіе и чтеніе молитвы въ вечеръ первой субботы послѣ рожденія дитяти мужескаго пола.

Бесдинъ—еврейское судилище, состоящее изъ раввина и 2-хъ ассистентовъ (даіанимъ).

Бикуръ-холимъ—посѣщеніе больныхъ; благотворительное общество.

Борерimъ—избиратели, выбираемые по балотировкѣ для назначенія старшинъ и прочихъ должностей какого либо благотворительнаго общества, и т. п.

Брихъ-шмей—молитва на арамейскомъ языкѣ, читаемая Евреями при выниманіи св. свертка изъ кивота.

Бсулимъ — дѣвичья невинность.

В.

Видуй — исповѣдь, читаемая въ день отпущенія грѣховъ, а также опасно больнымъ Евреямъ.

Г (71).

Габай (множ. габбимъ) — старшина школы или какого либо братства.

*Гаврáа — первая закуска горюющихъ нослѣ похоронъ покойника, которую должны принести сосѣди.

*Гаґáда — требникъ, читаемый предъ столомъ въ первые два вечера праздника пасхи.

Гайне-дáмре-инше (вотъ какъ люди говорятъ) — выраженіе талмуда при приведеніи народной пословицы.

Гáонъ — буквально: гордость, т. е. личность, знаменитая своими познаніями, составляющая гордость своего народа.

---

(71) Такъ какъ Г изображаетъ и *g* и *h* что въ евр. языкѣ большая разница то, всѣ тѣ Г, которыя должны быть произносимы какъ *h* отмѣчены звѣздочкою *.

Гатовасъ-хо̀лемъ — одобреніе сновидѣнія, т. е. обрядъ, исполняемый 3-мя друзьями сновидца, которымъ онъ разсказываетъ свой сонъ.

Гахнóсасъ-кáла — пристроеніе невѣстъ; братство, заботящееся о выданѣ замужъ бѣдныхъ дѣвицъ, снабженіи приданымъ и проч.

Гевúръ — богачъ, большой капиталистъ.

Гéдіотъ — невѣжа (idiot).

Гéкдешъ — общественное зданіе для больныхъ, а также для пріюта бѣдныхъ странствующихъ Евреевъ.

Гемúлусъ-хасóдимъ — дѣланіе милости, т. е. братство, дающее капиталъ въ одолженіе безъ процента.

Гетъ — разводный листъ, писанный на арамейскомъ языкѣ.

Гúдинъ — нитки изъ овечьихъ жилъ для пришиванія пергаментныхъ листовъ св. свертковъ одинъ къ другому, а также нижней части пергаментныхъ ковчеговъ (тефилинъ).

Д.

Даiáнимъ — ассистенты, находящіеся при раввинѣ для помощи при разрѣшеніи денежныхъ и супружескихъ споровъ.

Дàрке-эмòри — всѣ нелѣпыя обыкновенія, вкоренившіяся у народа по суевѣрнымъ причинамъ, называются талмудомъ: слѣды эморайскіе (народъ, обитавшій въ Палестинѣ при покореніи ея Іисусомъ Навинымъ).

Дúкдукъ — грамматика еврейскаго языка.

Духанъ — благословеніе, читаемое каганами въ синагогѣ по праздничнымъ днямъ по окончаніи общественной молитвы.

Е. (72)

Екумъ-пурканъ — молитва на арамейскомъ языкѣ, читаемая въ субботу послѣ чтенія пятикнижія.

---

(72) Всѣ эти слова правильнѣе писать чрезъ Je.

Еріоѳъ — листы пергамента, на которыхъ пишется св. свертокъ.

Ецеръ-га-ра́а — склонность ко злу.

Ецеръ-товъ — склонность къ добру.

Ешиба (множ. *ешиботъ*) — главныя талмудическія школы.

З.

Земироѳъ — пѣсни на еврейскомъ языкѣ, которыя Евреи поютъ въ субботу за столомъ, а также піесы, которыя еврейскіе музыканты играютъ у невѣсты на исходъ субботы, предшествующей свадьбѣ.

Зе́херъ-ле-хурбанъ — память разрушенія храма Іерусалимскаго.

Зикре́нъ-двб́римъ — памятная записка, т. е. условіе по торговымъ дѣламъ на еврейскомъ языкѣ.

И.

Ишъ-о́мудъ — состоятельный человѣкъ.

І.

Іа́хсанъ (множ. *іахса́нимъ*)—родословный человѣкъ, имѣющій преимущество по своему происхожденію.

Іоде́а-се́ферь — свѣдущій въ еврейскихъ книгахъ.

Іоре-шома́имъ — боящійся неба, т. е. богобоязливый.

К.

Каббала — теологическая философія въ мистическомъ толкованіи (gnosticism).

Кабо́ласъ-кі́ніанъ — принятіе или полученіе купленной вещи; обычай, исполняемый при совершеніи разнаго рода сдѣлокъ у Евреевъ.

Ка́бренъ — погребальщикъ.

Ка́бценъ — собирающій милостыню.

Ка́галъ — собраніе главныхъ членовъ общества.

Ка́ганы — Евреи, происходящіе отъ потомковъ великаго жреца Аарона, которые пользуются въ народѣ нѣкоторымъ преимуществомъ.

Кáдишъ — молитва на арамейскомъ языкѣ, читаемая Евреями, обыкновенно сиротами, послѣ общественной молитвы.

Кáше (множ. *кашесъ*) — задача, загадка.

Кéшеръ — обязательство, актъ, на еврейскомъ языкѣ, по разнымъ торговымъ сдѣлкамъ.

Кúдушъ — молитва, читаемая при входѣ субботы на бокалъ съ виномъ.

Кúтель (не-евр.) — смертная рубашка, которую носятъ въ день отпущенія грѣховъ и въ ней хоронятъ мертвыхъ.

Клезмóримъ — еврейскіе музыканты.

Кнéйдлехъ (не-евр.) — круглыя клёцки изъ муки для приварки супа въ праздникъ пасхи.

Кóсевъ-га-кáгалъ — кагальный или общественный писарь.

Кóцинъ — зажиточный, богатый Еврей, пользующійся уваженіемъ общества.

Кóшеръ — способный, годный къ употребленію въ пищѣ, или по прочимъ случаямъ.

Крéбхенъ (не-евр.) — маленькіе 3-хъ угольные пирожки съ мясомъ для приварки супа.

Кріа — раздираніе горюющимъ отворота верхняго платья по случаю смерти самыхъ близкихъ родственниковъ.

Кріасъ-шмá — произношеніе стиховъ: „слушай Израиль: Богъ нашъ, Богъ единъ“ и пр.

Ксуба — брачная запись Евреевъ писанная на арамейскомъ языкѣ.

Кугель (не-евр.) — родъ пирожнаго съ жиромъ, употребляемаго въ субботу (круглое) kugel.

Л.

Лáмданъ — ученый, талмудистъ.

Леваíе — выносъ тѣла покойника изъ дома до кладбища.

Левúты — Евреи, происходящіе отъ колѣна Леви, 3-го сына Іакова.

Лéкехъ (не-евр.) — пряникъ, лакомство, leckerei.

Лéхемъ-эвіóнимъ — хлѣбъ для бѣдныхъ; благотворительное братство этаго названія.

М.

*Магаршаа — коментарь знаменитаго польскаго раввина на талмудъ.

Мáгидъ — проповѣдникъ.

Мáзель-товъ — добрая звѣзда; выраженіе для поздравленія при рожденіяхъ, бракахъ, и подобныхъ случаяхъ.

Ма-іофисъ — одна изъ пѣсенъ, пропѣваемыхъ Евреями при субботнемъ обѣдѣ.

Мáлбишъ-арумимъ — одѣвающіе нагихъ; названіе благотворительнаго общества, снабжающаго бѣдняковъ одеждою.

Махзйкей-іесóмимъ — поддержатели сиротъ; названіе благотворительнаго общества.

Мацéво (множ. *мацéвосъ*) — надгробная доска или камень.

Маца — опресноки, приготовляемые Евреями для кушанья въ праздникъ пасхи вмѣсто хлѣба.

Мезуза — а) кусокъ пергамента, исписанный главами св. писанія, который Евреи прибиваютъ на дверяхъ и воротахъ; б) талисманъ, навѣшиваемый дѣтямъ на шею.

Мекáше лейлейдъ—сильно мучащаяся во время родовъ.

Мелáмедъ — домашній учитель.

Месъ-мйцво — заповѣдный покойникъ, т. е. мертвое тѣло, не имѣющее родныхъ, которые занимались бы его похоронами.

Мехйла — прощеніе, просимое у покойниковъ, послѣ исполненія обрядовъ, а также прощеніе вообще.

Мецица — высасываніе верхней крови послѣ обрѣзанія мальчика.

Мешáне-га-шемъ — перемѣна имени, т. е. нарицаніе больному другаго имени съ цѣлію перемѣнить его судьбу.

Мйдрашъ — самый древній герменевтическій коментарь св. писанія, въ которомъ много легендъ, басенъ и разсказовъ.

Мйзрахъ — востокъ; сторона, къ которой Евреи стоятъ лицомъ во время отправленія молитвъ; на этой стѣнѣ повѣшены особаго рода политипажи съ стихами св. писанія.

Мйква — резервуаръ въ банѣ для купанья очищающихся женщинъ.

Мингагъ — обычай; „мингагъ меватель галоха“ —обычай сильнѣе закона.

Миснагидъ — противящійся; такъ хасиды называютъ всѣхъ Евреевъ, непризнающихъ ихъ ученія.

Мйтта — одръ, носилки, на которыхъ носятъ тѣла умершихъ изъ дома до кладбища.

Мйшна — сводъ преданій, къ которымъ талмудъ служитъ какъ бы камментаріемъ.

Мишнаіосъ — братство, читающее мишну.

Мóэсъ-хйтимъ — деньги для пшеницы, собираемыя предъ праздникомъ пасхи для раздачи бѣднымъ.

Мукасъ-эцъ ударенная колом; такъ называютъ дѣвицу, потерявшую свою невинность вслѣдствіи посторонней причины, какъ ушиба и т. п.

Муфлегъ — отличный талмудистъ.

Н.

Нéемонъ — довѣренный или казначей.

Нйхумъ авéлимъ — утѣшеніе горюющихъ.

Нйцрехъ — нуждающійся, бѣдный.

Нóгидъ — состоятельный, достаточный, имѣющій положеніе въ обществѣ по своему капиталу.

О.

Онкелосъ — арамейскій переводъ пятикнижія, освященный Евреями по своей древности.

П.

Пáрнесъ-хóдешъ — каждый изъ избранныхъ Евреевъ, завѣдывающихъ общественными дѣлами помѣсячно, по очереди.

Пацъ (пбале-цедекъ) — правильно дѣйствующіе, т. е. общество мастеровъ.

Пеосъ — длинные волоса по обоимъ вискамъ, носимые Евреями при старомъ ихъ костюмѣ.

Пешара — миролюбимое разбирательство тяжущихся.

Пидіонъ-га-бенъ выкупъ сына, именно первенца у кагана по извѣстному обряду.

Пинкесъ — общественная книга.

Пирсуме-нисе — зажиганіе свѣчей въ синогогѣ въ первый вечеръ праздника ханука, совершаемое съ торжествомъ.

Піютъ (множ. *піютимъ*)—оды и вообще молитвы, сочиненныя риѳмами.

Плетъ (не-евр.) — записка, выдаваемая служителемъ синагоги бѣдному гостю для принятія его къ столу состоятельнаго Еврея въ субботу и праздничные дни (billet).

Пріа — раздираніе препуція послѣ обрѣзанія.

Псакъ — рѣшеніе, приговоръ бесдина.

Пуримъ — праздникъ избавленія отъ бѣдъ, подготовленныхъ Евреямъ Аманомъ при персидскомъ царѣ Ахашверусѣ (Xerx), совпадающій около марта.

Р.

Рахамнимъ-бне-рахманимъ — милосердные сыновья милосердныхъ.

Раши — главный коментарь библіи и талмуда, писанный особеннымъ еврейскимъ шрифтомъ.

Ребецень (множ. *ребеценсъ*) — учительница-женщина, обучающая еврейскихъ дѣвочекъ въ нѣкоторыхъ краяхъ.

Рецуосъ — полоски изъ телячьей кожи, которыми привязываютъ тефилинъ къ головѣ и лѣвой рукѣ во время утренней молитвы.

Рое-хешбенъ — счетчикъ, избираемый для повѣрки прихода и расходи у казначеевъ братства.

С.

Сйдуръ — требникъ для ежедневныхъ, субботнихъ и праздничныхъ молитвъ.

Сйдуръ-кдушинъ — порядокъ сочетанія, состоящій въ чтеніи молитвъ и брачной записи при вѣнчаніи.

Сймхасъ-тóра — послѣдній день праздника кущей, въ который Евреи оканчиваютъ годичное чтеніе пятикнижія и начинаютъ снова, почему много веселятся.

Сіюмъ-тóра — окончаніе писанія экземпляра пятикнижія на пергаментѣ для св. свертковъ, которое обыкновенно совершается съ торжествомъ.

Слйхосъ — молитвы, читаемыя по разнымъ постнымъ днямъ.

Сóферъ — писецъ, пишущій св. свертки, тефилинъ и мезуза еврейскимъ квадратнымъ шрифтомъ на пергаментѣ.

Стамъ-іейномъ — виноградное вино, приготовленное не-Евреемъ.

Сукка — будка изъ досокъ, крытая ельникомъ, устроенная для праздника скинопигія (куща).

Сфардъ — португальскій или испанскій обрядъ молитвы.

Сгуда — пиръ, даваемый членамъ святаго братства погребателей.

Т.

Тáгара — очищеніе или омываніе тѣла мертваго.

Тáгара-штубъ—домикъ на кладбищѣ, въ которомъ исполняется обрядъ омыванія.

Тàлисъ — 4-хъ угольное шерстяное покрывало, надѣваемое на плеча во время утренней молитвы.

Тáлмудъ-тора — обученіе торы; учрежденіе для воспитанія бѣдныхъ дѣтей и сиротъ.

Тахрихинъ — одежды, въ которыя одѣваютъ мертвыя тѣла предъ преданіемъ ихъ землѣ.

Тéйглехъ (не-евр.) — лакомство изъ тѣста, яицъ и меда.

Текіасъ-кафъ — поданіе руки, служащее обязательнымъ подтвержденіемъ всѣхъ родовъ сдѣлокъ.

Тефйлинъ — пергаментные ковчеги, привязываемые къ головѣ и лѣвой рукѣ во время утренней молитвы.

Тефйлосъ — молитвы; такъ называются тѣ молитвы дней покаянія, которыя составлены стихами и имѣютъ особыя мелодіи.

Тéхейлесъ — синія полоски по краямъ талиса.

Тйлимъ — псалтырь; названіе братства, читающаго псалтырь.

Тнóимъ — условія; актъ, составляемый при обрученіи.

Тóанимъ — адвокаты по спорнымъ дѣламъ, объясняющіе доводы тяжущихся сторонъ предъ бесдиномъ.

Тóоръ — чистъ.

Тóсфесъ — прибавленіе, т. е. пренія раввиновъ, жившихъ въ началѣ среднихъ вѣковъ во Франціи, на талмудъ и его комментарія.

Трефъ — непозволительно кушать или пить.

Ф.

Фáрфиль — (не-евр.) родъ вермишеля для приварки супа.

Х.

Хáверъ—товарищъ по занятіямъ ученія.

Хáзанъ — канторъ, отправляющій общественную молитву при кивотѣ.

Хай-анóшимъ—18 лицъ, приглашаемыхъ раввиномъ для совѣщанія по дѣламъ духовнымъ.

Хáла (множ. *хáлосъ*) — пшеничныя булки или калачи, которые Евреи пекутъ на субботу и празничные дни.

Хáнука — праздникъ Маккавеевъ, совпадающій около декабря.

Хáсидъ (множ. *хасйдимъ*) — Евреи, принадлежащіе къ партіи каббалистовъ, молящіеся по португальскому обряду и обожающіе своего предводителя.

Хёвра-кадиша — святое братство, или братство погребальщиковъ.

Хевра-лйносъ — братство ночующихъ, члены котораго ухаживаютъ за больными бѣднаго состоянія.

Хевросъ — братства, благотворительныя и благочестивыя общества.

Хёдеръ (множ. *хедбримъ*) — мелкое частное училище для еврейскихъ предметовъ.

Хёлекъ-олемъ-габа — часть будущаго свѣта, т. е. духовное вознагражденіе въ вѣчной жизни.

Хйтимъ-анiимъ — пшеница, раздаваемая бѣднымъ на праздникъ пасхи.

Хйтухъ — обрѣзаніе препуція младенца, самая сущая обязанность при операціи обрѣзанія.

Хумешъ — пятикнижіе Моисея.

Хуппа — балдахинъ, подъ которымъ вѣнчаютъ новобрачныхъ.

Ц.

Цавба — завѣщаніе опасно больнаго предъ смертью.

Цáдикъ — праведникъ; титулъ присвоенный предводителямъ секты хасидовъ.

Цемукимъ — напитокъ, приготовляемый Евреями изъ изюма.

Цидукъ-га-динъ — оправданіе суда, т. е. молитва, читаемая послѣ похоронъ мертвыхъ, въ которой какъ горюющіе, такъ и прочіе оправдываютъ и признаютъ за благо, постигшій ихъ судъ Божій.

Цймесъ (не-евр.), — десертное блюдо изъ огородныхъ овощей съ мясомъ и медомъ.

Цйцисъ — повязка въ восемь нитокъ, привязываемая къ кончикамъ талиса и арбе-канфеса.

Ш.

Шáалосъ-тешувосъ — вопросы и отвѣты по богословскимъ предметамъ, сочиняемые великими раввинами по встрѣчающимися у нихъ случаямъ.

Шадхо́несъ — вознагражденіе, получаемое сватами за ихъ посредничество въ дѣлѣ брака.

Шадхо́нимъ — мущины-сваты, занимающіеся сочетаніемъ партій.

Ша́мешъ (множ. *шамо́шимъ*) — служители синагоги, разныхъ братствъ, бесдина и т. п., также дѣйствующіе члены братства погребателей.

Ше́ва-бра́хосъ — семь благословеній, произносимыхъ при вѣнчаніи и за свадебнымъ столомъ.

Шли́ши-ле-мила — третій день послѣ обрѣзанія.

Ши́ва-некіимъ — семь чистыхъ дней, которые женщина считаетъ послѣ очищенія, прежде омыванія себя въ теплой купальнѣ.

Ширъ-га-ма́алосъ — 120-й псалмъ, написанный на 1/8 листа бумаги и наклееваемый на дверяхъ въ комнатѣ родильницы.

Шмура — мука̀ для опресноковъ праздника пасхи, которую еще въ зернахъ сохраняютъ отъ сырости.

Шо́лишъ — третье лицо, подъ руки котораго родители бракосочетающихся вкладываютъ приданое.

Шо́лентъ (не-евр.) — субботнее кушанье, приготовляемое въ пятницу и вставляемое въ большомъ горшкѣ въ закрытую печку до завтра.

Шо́мримъ-ла-бо́керъ — члены братства, рано встающіе, и читающіе молитвы въ синагогѣ.

Шо́хетъ — рѣзникъ животныхъ и птицъ по еврейскому обряду.

Шта́дленъ — ходатай, общественный писарь для русскаго или польскаго языка.

Э.

Эйнъ-іакобъ — отрывки изъ талмуда, относящіеся болѣе къ моральности, чѣмъ къ законодательству. Въ сей книгѣ много легендъ, разсказовъ и пр., отчасти историческихъ.

Эцъ-хáимъ — палка съ головками вверху и ручками внизу для прикрѣпленія къ обоихъ концамъ св. свертковъ и навертыванія ихъ на палки.

Я.

Ядъенъ — знающій, знатокъ.

Яинъ-нéсехъ — виноградное вино, въ которомъ есть сомнѣніе —не употреблялось ли оно для идолопоклонническаго богослуженія?

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ХИВУ

и нѣкоторыя подробности о ханствѣ во время правленія Сеидъ-Мохаммедъ Хана, 1856—1860 г.

Миссія, назначенная въ 1858 г. въ Средне-Азіятскія владѣнія, выступила 15-го мая изъ г. Оренбурга и, переправившись чрезъ рр. Илекъ и Эмбу, прослѣдовала степью оренбургскаго вѣдомства и западнымъ берегомъ Аральскаго моря до Айбурскаго озера. Около мыса Урга положено было переправиться чрезъ озеро на туземныхъ лодкахъ, потому что предполагаемый сперва путь на Куня-Ургенджъ по многимъ причинамъ оказался неудобнымъ.

Отъ мыса Урга до урочища Айбугиръ тянется юговосточный Чинкъ Усть-Урта; онъ замѣтно понижается по мѣрѣ удаленія отъ моря и постепенно теряетъ свой прежній разрушенный харахтеръ, и хотя еще долго сохраняетъ утесистый видъ, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ уже удобные подъемы. Приближаясь къ урочищу Айбугиру онъ превращается въ невысокое холмистое возвышеніе, всюду отлогое.

Не доѣзжая еще мыса Урга, миссію встрѣтили четыре депутата Хивинскаго хана, а именно: сынъ Кунградскаго губернатора, Каракалпакскій князь Истлеу, Киргизскій Бій Азбергенъ и Табынецъ Бекъ Мурадъ; они сопровождали насъ до нашего лагеря, который былъ расположенъ у Айбугирскаго озера, близь находящейся на этомъ мѣстѣ четырехъ-угольной, пиримидальной

башни. Эта башня, по словамъ туземцевъ, построена княземъ Бековичемъ, который, какъ извѣстно, отправился въ 1717 г. по порученію Петра Великаго въ Хиву, гдѣ и погибъ со всѣми спутниками. (Онъ былъ умерщвленъ въ г. Порсу, въ 100 верстахъ на с.-з. отъ Хивы). Говорятъ, что подобныхъ башенъ много въ Ханствѣ и всѣ они приписываются князю Бековичу. Но этому трудно вѣрить, ибо онъ едва ли имѣлъ возможность заниматься подобными постройками во время своего похода. Данилевскій, въ своемъ описаніи Хивинскаго ханства, умалчиваетъ объ этомъ памятникѣ, не смотря на то, что онъ, при возвращеніи въ Россію изъ Хивы чрезъ г. Кунградъ, проходилъ Айбугирское озеро по льду, противъ самаго мыса Урга. Древность этой башни потверждается картою, которую я недавно имѣлъ случай разсматривать и на которой она обозначена на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы ее видѣли. Эта карта составлена грекомъ Базиліо Батаци, совершившимъ путешествіе черезъ Туркестанъ въ Персію отъ 1727 — 1730 г.

Переправа чрезъ Айбугирское озеро продолжалась три дня, съ 22 по 24 іюня. недостатокъ въ лодкахъ, забота о продовольствіи многочисленнаго конвоя и неисправная перегрузка тяжестей миссіи значительно замедлили переправу. Повозки и тарантасы оказались уже лишними, по невозможности провезти ихъ по глубокому песку, и поэтому было рѣшено сжечь все, что только могло обременить дальнѣйшее слѣдованіе. Лошади были переправлены на туземныхъ лодкахъ, а верблюды прошли въ бродъ нѣсколько южнѣе. 24-го іюня, въ 10 часовъ утра, переѣхалъ начальникъ и нѣсколько членовъ миссіи на особенно для нихъ убранной лодкѣ; впередъ ѣхали пѣсенники изъ казаковъ, а сзади слѣдовали необходимыя тяжести посольства, казна, подорочныя вещи, артиллерійскіе снаряды и т. д. Плаваніе продолжалось шесть часовъ, въ самую жаркую пору дня, отъ 10 ч. утра до 4 часовъ по пол.; удушливый южный вѣтеръ, мошки и комары были невыносимы.

Айбугирское озеро имѣетъ около 120 верстъ въ длину и

въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переправились, около 30 верстъ въ ширину. Одинъ изъ главныхъ его притоковъ, рукавъ Аму-Дарьи, Лауданъ. Наибольшая глубина озера находится въ заливѣ Акъ-Чеганакѣ, который ограничивается обрывистымъ и высокимъ Чинкомъ Усть-Урта. Берега поросли густымъ камышемъ, почти повсемѣстно покрывающимъ и самую поверхность воды, исключая узенькой полосы, по которой производится плаваніе на небольшихъ лодкахъ. Вода прѣсная, а дно иловатое.

На Хивинскомъ берегу насъ ожидали вышеупомянутые Ханскіе чиновники и Хивинскій почетный конвой, которой долженъ былъ сопровождать миссію до г. Кунграда. Для первыхъ назначенъ былъ на другой день пріемъ въ парадной кибиткѣ, убранной коврами и обитой внутри краснымъ сукномъ; аудіенція продолжалась пол-часа и разговоръ, послѣ обычнаго угощенія, ограничивался обыкновенными фразами.

27 іюня въ 5 часовъ утра вся миссія, въ сопровожденіи хивинцевъ, двинулась къ г. Кунграду. Уже начали появлятся засѣянныя поля и небольшія селенія, вся страна была нарѣзана каналами, назначенными для орошенія полей. Вообще по лѣвому берегу Аму-Дарьи сосредоточено почти все осѣдлое населеніе Хивинскаго ханства; расположеніе его обезусловлено совершенно домохозяйствомъ Хивинцевъ, которое требуетъ, чтобы поля и пашни были у самаго жилья, почему послѣднія и состоятъ преимущественно изъ отдѣльныхъ хуторовъ. Каждый владѣлецъ земли огораживаетъ участокъ свой земляными стѣнами. Въ оградѣ, у него обыкновенно пашни, садъ, огородъ, скотъ, иногда и фабрика и различныя ремесла; такой владѣлецъ называется Бекъ или Ходжейнъ (хозяинъ). Соединеніе нѣсколькихъ подобныхъ усадебъ образуетъ селеніе.

На половинѣ дороги къ Кунграду, пріѣхалъ къ намъ съ поклономъ отъ Хана сборщикъ податей или скорѣе таможенной чиновникъ; онъ объявилъ, что посланъ Ханомъ для того, чтобы узнать какого рода тяжести везетъ съ собою миссія; вѣроятно въ Хивѣ разпространился слухъ, что посольство имѣетъ при

себѣ пушки. Объяснивъ ему, что посольское имущество нигдѣ не подлежитъ осмотру, онъ просилъ, чтобы мы по крайней мѣрѣ сами обозначили какія имѣемъ при себѣ вещи. Довольствуясь легкою описью главнымъ тяжестямъ и небольшимъ подаркомъ, онъ отправился въ тотъ же вечеръ, а послѣ него простились съ нами и Хивинскіе чиновники, не забывъ въ продолженіе всего дня распрашивать по нѣскольку разъ о здоровьѣ начальника и всѣхъ членовъ миссіи. Въ этотъ день ночлегъ былъ назначенъ близъ сада киргизскаго Бія Азбергена, гдѣ до разстановки лагеря было приготовлено угощеніе изъ баранины, хлѣба на кунджутномъ маслѣ, фруктовъ и чая. Садъ этотъ обведенъ глиняною стѣною и представляетъ видъ крѣпостцы; онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ 1856 г. выдержалъ осаду Туркменъ и помѣщалъ въ себѣ въ это время около 1500 кибитокъ.

28 іюля мы стали приближаться къ Кунграду, въ растояніи одной версты отъ города, въ небольшой рощѣ, всѣ члены миссіи переодѣлись и приготовились такимъ образомъ къ торжественному въѣзду въ городъ Кунградъ. Еще до этого губернаторъ Кунграда, Есаулъ Баши выслалъ сперва Азбюргеня, потомъ Юзъ-Баши своего сына и наконецъ князя Истлеу узнать объ здоровьѣ и передать привѣтствіе. По мѣрѣ приближенія къ городу, толпа любопытныхъ возрастала, повсюду раздались крики Урусъ, Урусъ и полицейскіе служители съ большимъ трудомъ держали эту массу въ должномъ повиновеніи. Проѣхавъ узкія улицы Кунграда, мы остановились у воротъ Ханскаго двора, гдѣ были встрѣчены новымъ чиновникомъ Диванъ Баба, назначеннымъ сопровождать миссію въ Хиву въ качествѣ пристава. Для всѣхъ чиновъ миссіи были отведены покои въ Ханскомъ дворцѣ. На послѣднемъ дворѣ была разставлена кибитка, въ которой приготовлено было угощеніе; въ числѣ другихъ предметовъ, поднесли и первые плоды, виноградъ, дыни и урюкъ. Караванъ прибылъ часа черезъ два и расположился на первомъ дворѣ. Вечеромъ, въ 8 часовъ, явился Есаулъ Баши, губернаторъ города; онъ повидимому былъ очень недоволенъ нашимъ прибытіемъ

и всячески старался насъ уговорить поспѣшить отъѣздомъ въ Хиву. Причина была ясная. На немъ, по повелѣнію Хана, лежала обязанность угощать и отчасти содержать миссію во время пребыванія ея въ Кунградѣ.

Разспросивъ Диванъ Баба о дальнѣйшемъ пути слѣдованія нашего, мы получили въ отвѣтъ, что всего лучше раздѣлиться на два отряда и идти по правому берегу рѣки; но по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что такимъ образомъ пришлось бы совершить три перехода песками; при томъ въ этихъ мѣстахъ водится червь, отъ котораго погибаютъ всѣ верблюды. Сообразивъ все выше изложенное, губернатору было объявлено, что мы желаемъ ѣхать водою, хотя это движеніе и медленнѣе; а лошадей мы согласны послать сухимъ путемъ, съ тѣмъ только, чтобы онѣ не удалялись слишкомъ далеко отъ берега. Послѣ этаго было дано приказаніе вьючить верблюдовъ и перевозить тяжести на берегъ Аму-Дарьи.

Городъ Кунградъ расположенъ около лѣвой стороны Ханскаго канала и р. Аму-Дарьи, между правымъ берегомъ этаго канала и Аму-Дарьей тянется широкая насыпная стѣна, имѣющая около 4 верстъ въ длину; около нея, ближе къ берегу рѣки, возвышается другая, которая примыкаетъ двумя сторонами вплоть къ Дарьѣ и составляетъ съ берегомъ ея продолговатый четвероугольникъ. Эти двѣ стѣны были нѣкогда укрѣпленіемъ прежняго Кунграда, который еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не зависѣлъ отъ Хивы и управлялся своими князьями изъ Узбековъ. При Могаммедъ-Рахимъ-Ханѣ въ 1814 г. весь городъ съ окрестностями поступилъ подъ власть Хивинскихъ хановъ. Замѣчательнѣйшее зданіе въ Кунградѣ Ханскій дворецъ, которой мы занимали во время нашего пребыванія.

1-го іюля вся наша миссія на 7-ми хивинскихъ лодкахъ, пустилась въ путь; каждую лодку тянули 4 или 5 хивинцевъ. Плаваніе было весьма медленное и мы проходили не болѣе 15 верстъ въ сутки. Опасаясь встрѣчи съ Туркменами, а иногда для сокращенія пути, лодки пробирались каналами и рукавами

Аму-Дарья, которая въ то время выступила изъ своихъ береговъ. Подобные разливы бываютъ два раза въ годъ съ мая до іюня и съ іюля до августа. Главное русло рѣки измѣняется. При полноводіи нѣкоторые каналы заноситъ пескомъ, а другіе напротивъ прочищаются напоромъ воды, измѣняющимъ иногда даже теченіе въ каналахъ; случается, что отъ большихъ разливовъ прорываются всѣ плотины въ побочныхъ каналахъ.

Провозъ товаровъ водою предпочитается сухопутному, во первыхъ онъ дешевле, а во вторыхъ верблюдовожатые отказываются отъ перевозки берегомъ рѣки, потому что верблюды отъ множества комаровъ, слѣпней и мошекъ издыхаютъ на этомъ пути, кромѣ того сырой и нечистый воздухъ около рѣки чрезвычайно вреденъ и порождаетъ лихорадки.

Такъ какъ время не позволяетъ мнѣ входить въ подробности нашего плаванія по Аму-Дарьѣ, то я ограничусь только главными пунктами, которые обратили на себя мое вниманіе. Всѣ почти селенія и города были въ самомъ жалкомъ видѣ, повсюду видны были слѣды разбойничьихъ нападеній Туркменъ; въ разрушенныхъ Каракалпацкихъ аулахъ, встрѣтили мы только младенцевъ и стариковъ; все молодое поколѣніе было взято въ плѣнъ и отправлено въ Хиву или на персидскую границу для продажи. Такой же участи подверглись и городъ Кипчакъ (на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи и Ходжейлъ) противъ горъ Шейхъ-Джейли. Въ 30 верстахъ отъ развалинъ древняго города Гіауръ лежитъ городъ *Яны-Ургенчь* или Новый-Ургенчь, онъ послѣ Хивы, самый главный торговый городъ. Складка русскихъ товаровъ дѣлается въ Хивѣ, но вся закупка туземныхъ произведеній производится въ Новомъ-Ургенчѣ и по окончаніи торговыхъ дѣлъ въ Ханствѣ наши купцы выступаютъ съ караванами, обратно въ Россію изъ этого города. Здѣсь сосредоточивается и главная ремесленная промышленость. Въ окрестностяхъ города выдѣлываютъ порохъ, но въ весьма маломъ количествѣ; главный заводъ въ Хазараспѣ. Въ Яны Ургенчь присланъ былъ къ намъ отъ Хана, Хивинскій сановникъ Дарга съ небольшею свитою. Дарга былъ

весьма почтенный старикъ, который, по видимому, пользовался большимъ уваженіемъ у Хана, что̀ доказывалъ его почетный халатъ изъ кашемировой шали и кинжалъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Онъ крайне сожалѣлъ, что слѣдованіе миссіи сопряжено было съ такими неудобствами и увѣрялъ насъ неоднократно, что уже сдѣланы всѣ нужныя распоряженія на счетъ нашихъ лошадей и ожидаемыхъ тяжестей.

Въ свитѣ его находились и музыканты и танцовщики; первыхъ было четверо; главная мелодія разыгрывается по перемѣнно на *зурнаѣ* или кларинетѣ и на *гитцикѣ* или маленькомъ віолончелѣ, *дутарь* двуструнная гитара и барабанъ служатъ для аккомпаніемента. Танцы состоятъ только изъ пантоминъ, въ которыхъ болѣе дѣйствуютъ руки и голова, чѣмъ ноги.

16 іюля мы свернули изъ Аму-Дарьи въ каналъ Шаватъ, а потомъ каналами Казаватъ и Палванъ Ата, въ притоки сего послѣдняго Ингрикъ и Чарджели и подъѣхали къ самой столицѣ. Послѣ безостановочнаго плаванія по Хивинскому каналу, при 36⁰ жара, въ сопровожденіи огромной толпы народа, миссія прибыла въ садъ Гюмгюмданъ, назначенный ей Ханомъ для жительства. Садъ этотъ мѣсто-рожденіе Сеидъ-Мохаммеда принадлежалъ нѣкогда его отцу Мохаммедъ-Рахиму. Не имѣя при себѣ лошадей, мы не могли представиться самому Хану и отложили по этому аудіенцію до 28 іюля. Въ этотъ день въ 5 часовъ по полудни пріѣхалъ Шахаулъ Бекъ или церемоніймейстеръ и пригласилъ начальника миссіи отъ имени Хана во дворецъ. Оставивъ часть конвоя въ посольскомъ домѣ, мы отправились въ Хиву. У городскихъ воротъ встрѣтила насъ Хивинская пѣхота, а у Ханскаго дворца—дворцовая стража. У большихъ воротъ арка или дворца, всѣ члены миссіи спѣшились и вошли въ дворецъ, оставивъ конвой у подъѣзда. Первый пріемъ былъ сдѣланъ *Мехтеромъ*, однимъ изъ главныхъ министровъ Хана. Нужно замѣтить, что первые сановники какъ-то Мехтеръ, Кушбеги, Диванъ-Беги и др. имѣютъ свои покои въ Ханскомъ дворцѣ, гдѣ опи собираются ежедневно, для выслушанія Ханскаго при-

казанія. Пробывъ около $^1/_4$ часа въ комнатѣ Мехтера, мы были приглашены къ Хану,—онъ сидѣлъ на возвышенной террасѣ и передъ нимъ лежалъ кинжалъ и пистолетъ, а за нимъ находилось Государственное знамя. Три Министра Кушъ-Беги Мехтеръ и Диванъ-Беги стояли внизу передъ Ханомъ, а у входа церемонімейстеръ. Высочайшая грамота, которую несъ на красной подушкѣ секретарь миссіи, была передана начальникомъ миссіи Мехтеру, который поднесъ ея самому Хану. Развязавъ золотой шнурокъ, онъ велѣлъ Мехтеру вынуть грамоту изъ глазетоваго чехла; долгое время разсматривалъ печать и наконецъ положилъ ее неразпечатанную подлѣ себя.

Сеидъ Мохаммедъ Ханъ, сынъ бывшаго Хана Мохаммедъ-Рахима и братъ извѣстнаго Аллахъ Куля, былъ избранъ на ханство въ апрѣлѣ 1856 г. и имѣлъ тогда 30 лѣтъ отъ роду. До него царствовалъ Кутлу-Мурадъ, племянникъ погибшаго въ 1855 году при Сараксѣ около Мерва Мохамедъ-Амина. Туркмены и Каракалпаки недовольные Кутлу Мурадомъ избрали первые своимъ Ханомъ *Ата-Мурада*, а вторые *Дзярлыкъ* Тюря. Испуганный Кутлу-Мурадъ послалъ воззваніе къ своему народу вооружится противъ Туркменъ, но Туркмены, видя бѣдственное положеніе Хана, рѣшились воспользоваться этимъ и подъ предводительствомъ Бія Мохаммедъ-Ніяза подступили къ Хивѣ. Бій Ніазъ подъ предлогомъ поклониться Хану прошелъ во дворецъ и во время пріема умертвилъ его съ 7 сановниками, находившимися при немъ. Вслѣдствіе этого по всему городу произошло страшное кровопролитіе; жители бросились на Туркменъ, изъ которыхъ весьма малое число спаслось. Самъ Бій Ніазъ былъ схваченъ и казненъ на мѣстѣ.

Послѣ краткаго междуцарствія былъ избранъ Сеидъ Мохаммедъ. Первымъ его дѣломъ было наказать непокорныхъ Туркменъ и Каракалпаковъ. Онъ выслалъ противъ нихъ отрядъ, который разбилъ выступившую противъ него изъ Куня-Ургенжа шайку бунтовщиковъ, при чемъ былъ убитъ Дзярлыкъ Каракалпа-

ковскій Ханъ, провозглашенный въ 1855. Часть Каракалпаковъ перешла въ Бухарскія владѣнія.

Междоусобія и безпрестанныя войны породили повсюду страшную дороговизну и голодъ. Поля остались незасѣянными и необработанными. Пудъ хлѣба, стоящій обыкновенно 4 теньги (80 коп.), продавался въ это время по 20 теньгъ (4 руб.). Наконецъ по совершенному недостатку въ хлѣбѣ, Сеидъ Мохаммедъ отправилъ въ Бухару къ Эмиру Насръ-Уллѣ Бехадуръ Хану нарочное посольство съ просьбою дозволить закупить для Хивы хлѣбъ на Бухарскихъ рынкахъ, что̀ и было разрѣшено. За недостаткомъ товаровъ Хивинскіе торговцы привезли сюда на продажу множество ношенныхъ халатовъ; безъ сомнѣнія съ убитыхъ и умершихъ. Лѣтомъ 1857 свирѣпствовала въ Хивѣ сильная эпидемія, бывшая вѣроятно послѣдствіемъ голода и сопряженнаго съ нимъ истощенія силъ; особенно велика была смертность между дѣтьми; болѣзнь эта по всѣмъ признакамъ была холера.

Съ Бухарою съ 1856 Хива не имѣла никакихъ непріязненныхъ столкновеній. Сеидъ Мохаммедъ успѣлъ наконецъ утвердить свою власть на столько, что смуты и междоусобія на время умолкли. Считая себя такимъ образомъ достаточно утвердившимся на престолѣ, онъ отправилъ лѣтомъ 1857 посольство въ Россію съ извѣстіемъ о вступленія своемъ на Ханство, а также для изъявленія горести о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича и принесенія проздравленія съ восшествіемъ на прародительскій престолъ Его Императорскаго Величества. Въ главѣ посольства былъ Фазыль Ходжа, Шейхъ-уль-Исламъ Ханства.

Во время пребыванія Русской миссіи въ Хивѣ, тамъ было довольно спокойно, ибо враждебныя ей Туркменскія племена Яумудовъ, Игдырцевъ и др. не рѣшались на хищничество, но какъ скоро миссія выступила (31 авг.) Кунградскіе Узбеки и Каракалпаки соединились съ Туркменскимъ Ханомъ *Ата-Мурадомъ*, убили своего правителя Кутлу Мурада со многими

его приверженцами и на его мѣсто сѣлъ *Мохамедъ Фанаа*, внукъ Тюря Суфи, при которомъ въ 1814 Кунградъ подпалъ подъ власть Хивы. Мох.-Фанаа называлъ себя Ханомъ Ховарезма и чеканилъ монету со своимъ именемъ; описаніе такой монеты было доставлено въ Археологическое Общество предсѣдателемъ Областнаго Правленія Оренбургскими Киргизами Григорьевымъ.

Смуты, длившіяся цѣлый годъ, прекратились наконецъ, и Мох. Фанаа былъ убитъ, а Кунградъ снова призналъ надъ собою власть Хивинскаго Хана Сеидъ Мохаммеда. Въ 1858 г. у Сеидъ Мохаммеда было три законныхъ сына, старшему Бабаджану было 13 лѣтъ; кромѣ того онъ усыновилъ 13-ти лѣтняго сына предмѣстника своего Кутлу Мурада, убитаго во дворцѣ Туркменами. Бухарскій Эмиръ предлагалъ выдать свою дочь за этого сына, имѣя въ виду вѣроятно въ послѣдствіи воспользоваться этою связью для непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла хивинскаго правленія. Большое вліяніе на Хана имѣлъ старшій братъ его Сеидъ Махмудъ, человѣкъ умный и весьма богатый. Ханъ спрашивалъ во всемъ его совѣтовъ, къ несчастію онъ отъ сильнаго употребленія опіума по временамъ совершенно терялъ свой разудокъ.

Высшія должностныя лица въ Хивѣ слѣдующіе: *Мехтеръ* или главный Казначей — онъ собираетъ подушную подать въ одной половинѣ Ханства, а именно въ южной, начиная съ канала Шаватъ, — иногда онъ начальствуетъ войсками, а иногда даже управляетъ государствомъ во время отсутствія Хана. 2-ое лице *Кушъ-Бегъ*, онъ собираетъ подушную подать въ сѣверной половинѣ Ханства, повѣщаетъ о сборѣ войска и надзираетъ за копаніемъ каналовъ. Въ 1858 Кушъ-Бегъ, свирѣпый Узбекъ успѣлъ оклеветать и удалить отъ должности Мехтера; такъ что во время нашего пребыванія всѣми дѣлами завѣдывалъ одинъ Кушъ-Беги. *Диванъ-Беги* сборщикъ таможенныхъ податей и акцизовъ и начальникъ монетнаго двора. Верховный судья и старшее духовное лице *Казы* рѣшаетъ всѣ дѣла ре-

лигіозныя. Дарга завѣдуетъ ханскимъ дворцемъ, а Есаулъ-Баши главное военное лице; кромѣ этихъ приближенныхъ еще множество *Мехремовъ*, придворныхъ людей, получившихъ отъ Хана ножъ, вслѣдствіе чего, имѣютъ всегда свободный къ нему доступъ.

Считаю не лишнимъ обратить вниманіе на положеніе самаго Ханства, во время правленія Сеидъ Мохаммеда.

Предѣлы Ханства. Если разумѣть подъ именемъ Хивинскаго Ханства обработанную полосу земли, по обѣимъ сторонамъ низовьевъ р. Аму-Дарьи лежащую, то предѣлами ея можно положить на южный берегъ Аральскаго моря, на в. степь Кизылъ-Кумъ и горы Шейхъ-Джели на ю. большую Туркменскую степь на з. плоскую возвышенность Усть-Уртъ.

Но притязанія Хивинскаго хана простираются гораздо далѣе означенныхъ предѣловъ. Въ его смыслѣ владѣнія Хивинскія граничутъ къ С. р. Эмбою и Яны Дарьею, впадающей въ Аральское море, къ В. чертою до ур. Кукертли при Аму-Дарьѣ, къ Ю. отъ ур. Кукертли до г. Мерви и оттуда до Балканскаго залива.

Принимая въ соображеніе первые дѣйствительные предѣлы Хивы, владѣніе это содержитъ въ себѣ не болѣе 400 кв. геогр. миль.

Народонаселеніе ханствъ состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ племенъ, которыя до сихъ поръ не успѣли сплавиться въ одно цѣлое. Число ихъ опредѣлять весьма трудно, потому что народный переписи въ Хивѣ не ведется.

Главнѣйшія племена слѣдующія: *Сарты*, коренныя жители; они составляютъ нынѣ преобладающее племя осѣдлаго народонаселенія. До Илтезеръ хана, который въ концѣ прошлаго столѣтія первый присвоилъ себѣ титулъ хана, Сарты терпѣли много отъ насилія Узбековъ, но съ тѣхъ поръ какъ Илтезеръ ханъ подчинилъ своей власти всѣхъ Узбековъ Инаковъ или мелкихъ владѣтелей городовъ, Сарты допускаются къ высшимъ государственнымъ должностямъ, отъ которыхъ Узбеки мало по малу были удалены. За исключеніемъ Кушъ-Беги, всѣ высшія

мѣста занимаютъ Сарты, такъ что они теперь составляютъ могущественный классъ народонаселенія, они живутъ болѣе въ городахъ и кромѣ хлѣбопашества, занимаются торговлею, промыслами и шелководствомъ. Сарты до сихъ поръ отличаются отъ Узбековъ наружнымъ типомъ.

Узбеки, племя побѣдителей, разсѣяно по всему ханству; они живутъ преимущественно въ хуторахъ и занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и рыбною ловлею. Они составляютъ нынѣ второстепенный отдѣлъ народонаселенія и по числу, и по политическому значенію. Самое строптивое отдѣленіе этого племени *Уйгуръ* за бунты были раззорены самими ханами. На сѣверѣ около Аральскаго моря Узбеки называются *Арало-Узбеками* или островскими-Узбеками или Аресто-Аралы, потому что вся часть страны на сѣверъ отъ Лаудана (рукавъ Аму-Дарьи) есть собственно островъ. Аралы занимаются скотоводствомъ и преимущественно рыбною ловлею. Главнѣйшимъ племенемъ изъ котораго происходитъ и самъ ханъ, считается Кунградское. Узбековъ и Сартовъ насчитываютъ около 400,000 душъ.

Каракалпаки въ числѣ 15,000 поселянъ, на низовьяхъ Аму-Дарьи близъ Аральскаго моря и ведутъ отчасти жизнь кочевую. Они болѣе другихъ подвластныхъ ханству племенъ отягощены налогами, которые совершенно раззоряютъ ихъ.

Киргизы Хивинскаго вѣдомства насчитываютъ около 10,000 душъ, они кочуютъ въ Сѣверо-Восточной части ханства преимущественно около озера Даукара.

Туркмены издревле находятся подъ владычествомъ Хивинскихъ хановъ. Типъ и языкъ ихъ болѣе Турецкій, чѣмъ Персидскій, многіе изъ нихъ отложилися отъ Хивинцевъ и управляются теперь своими старшинами, а съ оставшимися въ подданствѣ Туркменами Хивинцы завели междоусобія и споры объ избраніи хана. Туркмены хотѣли имѣть хана изъ своего рода, Хивинцы этому противились, а по этому въ короткій промежутокъ времени Туркмены убили 3-хъ Хивинскихъ хановъ. Избранный ими ханъ Ата-Мурадъ имѣетъ свое пребываніе въ

Куня-Ургенджѣ. Туркмены занимаются хлѣбопашествомъ и особенно коноводствомъ. Туркменскія аргамаки славятся во всей Средней Азіи. Женщины выдѣлываютъ ковры, которые своею прочностью не уступаютъ персидскимъ.

Кизылъ-Баши или персидскіе плѣнные, находящіеся въ рабствѣ, живутъ на земляхъ своихъ господъ.

Ямшиды Тюркское племя по договору Достъ Мохаммеда съ Рахимъ-Кулою возвратились на родину. Ихъ безъ всякаго основанія называютъ Авганцами.

Евреевъ около 10 семействъ, прибывшихъ изъ Бухаріи, они занимаются красильнымъ ремесломъ и винокуреньемъ, для собственнаго употребленія.

Аравитянъ въ Хивинскомъ ханствѣ нѣтъ.

Хивинскій ханъ чеканитъ свою монету; въ обращеніи находятся золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты. Золотыя (тилля) двухъ родовъ: большіе червонцы въ 4 р. сер. и маленькіе въ 2 р. сер. Серебрянныя (теньги) въ 20 к. и *шаи* (величиною въ нашъ пятачекъ (5 к. сер.) *Пуль* или карапуль чеканится изъ красной мѣди. Курсъ весьма часто измѣняется; въ наше время 48 пуль составляли одну теньгу. Монетный дворъ въ г. Хивѣ; онъ учрежденъ по словамъ Муравьева при Мох. Рахимъ ханѣ. Какъ въ грамотахъ или другихъ оффиціальныхъ бумагахъ, такъ и на монетахъ, вмѣсто Хивы, употребляется древнее названіе Харезмъ, съ прибавленіемъ разныхъ эпитетовъ.

Войскъ въ Хивѣ около 1000 ч. пѣхоты и около 20,000 конницы; ими командуютъ Минъ-Баши (100).

Въ военное время они получаютъ жалованье въ 4 раза болѣе обыкновеннаго, орудія въ самомъ жалкомъ видѣ; передъ ханскимъ дворцемъ находятся 6 или 10 пушекъ, отчасти на лафетахъ изъ тутоваго дерева, отчасти и безъ оныхъ.

Государственные доходы значительно уменьшились противъ прежняго. Причина тому, отчасти откочеваніе Киргизъ и отложеніе Туркменъ, отчасти и упадокъ торговли — таможенная пошлина съ товаровъ составляла нѣкогда значительный доходъ

ханства. Казна хранится у Мехтера; въ случаѣ недостатка ханъ занимаетъ у купцевъ.

Изъ русскихъ товаровъ на базарахъ встрѣчается юфть, желѣзо, чугунъ, сталь, листовая мѣдь, иглы, сукна низкаго достоинства, а изъ Англійскаго, привозимые изъ Персіи, ситцы и миткаль. Мѣновая торговля не существуетъ, а все покупается на наличныя деньги.

Земли въ Хивѣ издревле распредѣлены по семействамъ и племенамъ, а не принадлежащіе никому жалуются ханомъ въ видѣ награды; обработка земли стоитъ большаго труда и денегъ, нужно пропустить предварительно на нее воду, навозить илу и чернозему и тогда можно только приняться за приготовленіе къ посѣву. Ханъ часто отдаетъ свои земли и сады въ аренду и получаетъ за то 3-ю часть дохода. Ремесленными и фабричными произведеніями занимаются преимущественно въ городахъ, особенно въ Яны-Ургенджѣ. Подробное описаніе самой столицы мы находимъ въ сочиненіяхъ Данилевскаго и Базинера, посѣтившихъ Хиву въ 1841 г. Съ тѣхъ поръ городъ мало измѣнился.

Во время нашего пребыванія городъ былъ опредѣленъ астрономически по исчисленіямъ капитанъ-лейтенанта Можайскаго, провѣреннымъ К. В. Струве. Положеніе Хивы слѣдующее:

41° 22′ 40″ сѣвер. широты
60° 2′ 57 долготы отъ Гринвича
77° 42′ 47″, 6 долготы отъ Ферро.

Е. Килевейнъ.

ОСТАТКИ СЛАВЯН

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

На южномъ берегу Балтійскаго моря (¹), на западъ отъ низовьевъ Вислы, сохранились до сихъ поръ поселенія Славянъ. Это послѣдніе остатки нѣкогда великаго и славнаго народа, который въ теченіе многихъ столѣтій отстаивалъ свою народную независимость и свое непокорное язычество отъ напора всей Германской имперіи. Теперь потомки этого воинственнаго племени скрываются въ песчаномъ и болотистомъ захолустьѣ, куда рѣдко заглядываетъ путешественникъ: Поляки и Нѣмцы называютъ ихъ Кашубами; сами они называютъ себя «*Кашеби*» (единств. числ. *Кашеба*), выговаривая *е* за *у*, — а въ нѣкоторыхъ, наиболѣе отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, сохранилось у нихъ древнее народное имя *Словинцевъ*.

Этотъ безвѣстный обломокъ знаменитаго въ старину народа Славянскаго привлекалъ мое любопытство. Я посвятилъ на его изученіе часть лѣта 1856 года. Прежде всего я счелъ долгомъ посѣтить лучшаго, или скорѣе единственнаго знатока Кашубскаго народа и языка, г. Флоріана Цейнову, который,

---

(¹) Нижеслѣдующій очеркъ путешествія по Кашубскимъ землямъ, а равно параграфы I-й и X-й этой статьи (этнографическій обзоръ края, населеннаго Померанскими Словинцами и Кашубами и замѣчанія объ особенностяхъ ихъ языка) напечатаны были въ VIII томѣ извѣстій II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, стр. 41—56.

будучи самъ родомъ Кашубъ (изъ деревни Славошено близъ Пуцка, Putzig), первый сообщилъ Славянскимъ ученымъ нѣсколько удовлетворительныя свѣдѣнія о нарѣчіи своей родины. Теперь онъ живетъ, къ сожалѣнію, внѣ ея, но однако недалеко отъ Кашубской страны, въ селѣ близъ городка Тересполя (на желѣзной дорогѣ между Быдгощемъ, Bromberg, и Гданскомъ, Dantzig), занимаясь тамъ медицинскою практикою. Поѣхавъ съ нимъ въ Гданскъ, мы отправились оттуда, для обозрѣнія Кашубскаго края, на западъ, въ Вейерово (Neustadt), Лауенбургъ или, по Кашубскому произношенію, Лемборкъ, и село Гловчицы (Glowitz), а потомъ поворотили на югъ, къ Бытову (Bütow). Здѣсь я долженъ былъ разстаться съ г. Цейновою, который не могъ надолго отлучиться изъ дому, и тогда я началъ подробное изученіе страны, которую съ нимъ объѣхалъ въ нѣсколько дней. Исходивъ Бытовскій округъ почти во всѣхъ направленіяхъ, я поѣхалъ къ востоку, въ городокъ Косцержину (Behrendt); ознакомившись съ тамошнимъ нарѣчіемъ, пошелъ къ сѣверу, къ селу Стенжицѣ (Stendzyc) и мимо развивающагося, какъ длинная голубая лента, Радуньскаго озера, къ селу Пржевозу; потомъ, черезъ Бродницу, Хмѣльно, Сяново, Бандаргово, Зомблево, достигъ знакомаго уже городка Вейерова. Сѣвъ тутъ въ огромный, медленный Прусскій дилижансъ, опять посѣтилъ Лауенбургъ. Чтобы приступить къ основательному изученію уголка на сѣверо-западъ отъ Лауенбурга, на морскомъ берегу, гдѣ удержалось имя Словинцевъ, я сперва поѣхалъ въ городъ Столпъ (Stolpe) или, какъ Поляки его называютъ, Слупскъ, въ надеждѣ и тамъ найти какой нибудь остатокъ Славянской народности; но, кромѣ имени, въ этомъ торговомъ, довольно богатомъ и красивомъ городѣ, ничего о Славянахъ уже не напоминаетъ. Я долженъ былъ воротиться изъ Слупска къ сѣверо-западу, въ с. Гловчицы. Тутъ я нашелъ много любопытнаго для себя и пользовался помощью и указаніями просвѣщеннаго и благодушнаго пастора, г. Ломанна, который принялъ меня съ осо-

бенною предупредительностью. Тутъ имѣлъ я также удовольствіе встрѣтить ученаго Русскаго и Славаниста, И. И. Паплонскаго, который, также какъ я, пожелалъ увидѣть Кашубскій край, но, къ сожалѣнію, могъ только чрезъ него проѣхать. Наговорившись вдоволь съ умнымъ и наблюдательнымъ пасторомъ и съ тѣми изъ Гловчицкихъ поселянъ, которые еще не забыли Славянскаго языка, я пошелъ въ с. Смолдзины и Гарну, гдѣ прожилъ почти недѣлю. Изъ Гарны я рѣшился поворотить къ востоку и идти, параллельно морскому берегу, до Пуцкаго залива и Гельской косы. По этой дорогѣ посѣтилъ рыбачьи избушки, построенныя на болотѣ у Лебскаго озера и называемыя Клёки или Клюки, село Избицу, приморскій городъ Лебу, с. Сорбско, Осѣкъ, Вержхуцино, Жарновецъ (Zarnowitz), Кроковъ, Своржево (Schwarschau). Посѣщеніемъ городка Пуцка и рыбачьихъ селеній (Халёпё [1]) на Гелѣ кончилось мое небогатое впечатлѣніями природныхъ красотъ путешествіе. Изъ Пуцка я по большой дорогѣ спокойно возвратился въ Данцигъ.

Во время этой поѣздки я собралъ довольно много этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ. Большаго интереса все это представить не можетъ; но все-таки для насъ должно быть любопытно и дорого всякое свѣдѣніе, касающееся Славянскаго міра, даже въ самыхъ отдаленныхъ и заброшенныхъ его углахъ; притомъ же Кашубская рѣчь, особенно въ Помераніи, гдѣ ея типъ сохранился чище и гдѣ она заключаетъ въ себѣ наиболѣе своеобразныхъ формъ и словъ, любопытныхъ для филолога, такъ быстро вымираетъ, что черезъ двадцать или тридцать лѣтъ она, быть можетъ, тамъ заглохнетъ вовсе.

I.

Этнографическій обзоръ.

Кашубы и Словинцы Прибалтійскіе занимаютъ сѣверную и западную половину Гданской области (Regierungsbezirk Dan-

(1) Т. е. халупы.

zig), составлявшей нѣкогда Польское Поморье, и восточную часть Кöслинской области (1) (Regierungsbezirk Coeslin) въ Помераніи.

Въ Гданской области они населяютъ сплошь округи Вейеровскій (Neustädter Kreis) и Картузскій (Carthauser Kreis). Первый составляетъ сѣверную оконечность этой области и прилегаетъ съ сѣвера и запада къ морю; къ востоку онъ граничитъ съ Помераніею, къ югу съ Картузскимъ округомъ. Въ немъ главное средоточіе Кашубовъ. Только юго-западная оконечность его, около станціи Кацъ, въ двухъ миляхъ на сѣверъ отъ Данцига, занята Нѣмцами. Картузскій округъ принадлежитъ весь Кашубамъ, кромѣ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ колоній, водворенныхъ въ срединѣ его, около Келпина, и на западѣ, около Пржеязна (Rheinfeld). Нѣкоторыя деревни на окраинѣ Данцигскаго округа, прилегающей къ округу Картузскому, также заселены Кашубами. На югъ отъ Картузскаго округа, округъ Косцержинскій (Kreis Behrendt), занятъ Славянами, но тутъ Кашубская рѣчь мало-по-малу сливается съ Великопольскою. Сѣверная и западная половина этого округа принадлежитъ болѣе Кашубскому говору, южная и восточная — Польскому. Въ самомъ городѣ Косцержинѣ особенно замѣтно это сліяніе: онъ какъ будто находится на пограничной чертѣ обоихъ нарѣчій. Лежащій на юго-востокъ отъ Косцержинскаго округа, округъ Старгардскій уже чисто Польскій (за исключеніемъ Нѣмецкихъ поселеній); но на юго-западъ, въ округѣ Хойницкомъ (Conitz) (2), черта Кашубской рѣчи, хотя уже теряющей все болѣе и болѣе свои особенности, тянется далеко къ югу, до самаго города Хойницы.— Мы опредѣлили такимъ образомъ восточную и южную границу Кашубовъ; опишемъ теперь западную границу, идя съ юга, отъ Хойницы, на сѣверъ. Кашубы занимаютъ сѣверозападную

(1) Словинцы называютъ Coeslin — Koszáleno, Данцигъ — Dgunsk или Udgunsk, Stolpmünde — Usce, Rügenwalde — Râwud, Schlawe—Slôvno, Schönwalde—Szâno.

(2) Въ области Маріенвердерской.

половину Хойницкаго и прилегающіе къ нему съ запада приходы Конаржинскій и Боржисковскій Челоховскаго округа (Schlochauer Kreis). Затѣмъ мы изъ западной Пруссіи (Westpreussen) вступаемъ въ Померанію. Здѣсь Кашубамъ недавно еще принадлежалъ юговосточный уголъ, именно округъ Бытовскій, но только слабые остатки ихъ сохранились тамъ (впрочемъ, почти во всѣхъ деревняхъ этого края), ежедневно исчезая.

На сѣверъ отсюда, въ округѣ Лауенбургскомъ, Кашубы живутъ въ узенькой окраинѣ, прилегающей къ западной Пруссіи, именно въ деревняхъ: Ракитке (Rakitt), Глéспице (Gliesnitz), Ву́чково (Wutzkow) (¹), Шéмеровице (Schimmerwitz), Бу́ковина (Bukowina), Лебунье (Labuhn), Ву́сево (Wussow), По̀пово (Poppow), Дзенцелице (Dzincelitz), Восѣкъ (Osseck), Ловчъ (Lowitz), Ежево (Jezow), Пара̀шено (Paraschin), Божеполе (Bozepol). За Божеполемъ Нѣмецкія поселенія достигаютъ до самой границы западной Пруссіи и занимаютъ пограничный съ ней Померанскій приходъ Свислено (Schwesslin). Сѣвернѣе, опять находимъ двѣ пограничныя Померанскія деревушки, Бисмаркъ и Ребинке (Ribienke), въ которыхъ еще уцѣлѣла Кашубская рѣчь. Далѣе на сѣверъ, пограничный приходъ Гнѣвинскій (Gnewin) сдѣлался совсѣмъ Нѣмецкимъ; но въ самомъ крайнемъ на сѣверо-востокъ приходѣ Померанскомъ, Осѣкскомъ, на прибрежьѣ Балтійскаго моря, еще живетъ Кашубскій языкъ, именно въ деревняхъ Осѣки (Ossecken), Старбенино (Sterbenin), Слухова (Schlochau), Вержхуцино, Бѣлогоро (Wittenberg) и Пьосница (Piasnicz).

Отсюда мы должны поворотить на западъ и найдемъ Кашубскую рѣчь въ прибрежной полосѣ, тянущейся на западъ до Гардненскаго озера (Gardensee): это сѣверная, приморская часть цѣлаго Лауенбургскаго и восточной половины Столп-

(¹) Эти три деревни принадлежатъ къ Столпскому округу, который здѣсь вдался клиномъ между Бытовскимъ и Лауенбургскимъ и доходитъ до самой западной Пруссіи.

скагó округа. Ширина этой полосы — отъ полъ-мили до двухъ и двухъ съ половиною миль отъ морскаго берега. Мѣста, въ которыхъ еще сохранилась, хотя въ слабыхъ остаткахъ, Славянская рѣчь, суть слѣдующія, идя съ востока на западъ:

1) Между границею западной Пруссіи и рѣкою и озеромъ Леба: с. Osek съ упомянутыми уже пятью деревнями; dep. Lebietovo (Lüptow), Koscerzenka (Koszireinke), Kopàlena (Koppalin).

. . . . .	Dennewitz,
Biebrovo	(Bebbrow),
Stavúszevo	(Schlaischow),
Jáckowo	(Jatzkow),
. . . . .	(Chottschewke),
Kúrovo	(Kurow),
Czekoͤceno	(Zakenzin),
Sáseno	(Sassin),
Uljanie	(Uhlingen),
Bargądzeno	(Bergensin),
Roszczice	(Roschitz),
Strzéżovo	(Stresow),
Mászevo	(Massow),
Zdrzévno	(Zdrewen),
Koͤponovo	(Koppenow),
. . . . .	(Scharzschow),
Vick	(Vietzig),
Vrzêsce	(Freist),
c. Châbrovo	(Charbrow), [1]
Nieznáchovo	(Neznachow),
Szczenûrzi	(Schönehr),
c. Sorbsk	(Sarbske),
Lebînc	(Labenz),

(¹) На югъ отъ этихъ селеній можно еще, по словамъ жителей, найти по нѣскольку стариковъ, говорящихъ или понимающихъ по Кашубски въ с. Garczégorz (Garzigar), с. Janojce (Jannewitz), Rôzgorze (Rosgars), Vełkovo (Vilkow), Pógorszovo (Puggerschow), Kąboła (Camelow), Kisovo (Küssow), Brzézeno (Bresen), Pużice (Pusitz), Suchovo (Schwichow), c. Sóleno (Saulin), Mérżeno (Merzno), Hejncovo (Enzin).

городокъ Леба [1])	(Leba)
д. Żarnóvske	(Czernowski)
Babidół	(Babidol)
Dąbino	(Dambien),
Gâco, Gâca	(Speck).

Этотъ край есть центръ Померанскихъ *Кашубовъ.* Сюда же должно причислить рыбачью деревню Jizbice (Giesebitz) и деревушки Pażątka (Paschenik) и Zápotok, лежащія по ту сторону рѣки Лебы, у самаго ея впаденія въ сонменное ей озеро, и отдѣляемыя большимъ, непроходимымъ болотомъ отъ остальнаго населенія, живущаго на западной сторонѣ этой рѣки.

2. Между рѣкою Лебою и болотами, тянущимися вдоль ручья Пустыника, на югъ отъ Лебскаго озера.

с. Cécenovo	(Zezenow),
Vólěnj	(Wollin),
Pobłóce	(Poblotz),
Prëbędovo	(Prebentow),
Dárgolese	(Dargolese),
Vekósovo	(Vixow),
Rzúszcze	(Ruschitz),
. . . . .	(Zemmin),
. . . . .	(Czgorny),
с. Głovczíce	(Glowitz),
Knjícino	(Klenzin),
Vórblino	(Warbelin),
Szczipkójce	(Zipkow),
Duóchovo	(Dochow),
Zarátin [2])	(Grossedorf),
Siódlina	(Zedlin),
Bądzechovo	(Banskow),
. . . . .	(Rumske),
Róvno, Rómno	(Rowen),
Skórzino	(Schorin).

(1) Словинцы произносятъ это имя Lájeba, Кашубы — łeba т. е. Weba.

(2) Такъ (или Zarentin) называютъ эту деревню старики, а молодежь, заразившаяся, по ихъ словамъ, Нѣмецкимъ обычаемъ, уже употребляетъ названіе Vielko vies.

Жители этихъ деревень извѣстны подъ именемъ *Кабатковъ*.

3. На западъ отъ болотъ, въ которыхъ течетъ ручей Пустыникъ:

а) Деревни или, лучше сказать, деревушки изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ хатъ (въ нѣкоторыхъ по двѣ, по три), между Лебскимъ и Гардненскимъ озерами, на морскомъ прибрежьѣ:

Klęki или Klěczice	(Klucken),
Brinkenhof	(Brenkenhofsthal),
Las	(Lassen),
Lokc	(Lochzen),
Bolînc	(Bollenz),
Dambé	(Dambe),
Rodk	(Radike),
Czówpino	(Scholpin).
Chústa	(Chust).

б) Деревни между болотистымъ ручьемъ Пустыникомъ, впадающимъ въ югозападный уголъ Лебскаго озера, и рѣкою Лѣпавою (Lupow), впадающей съ востока въ Гардненское озеро.

Vierzchúcino	(Virchenzin),
Železe	(Selesen),
c. Smoldzěne	(Schmolsin),
Sécy	(Zietzen),
Vítkovo	(Vietkow).

в) Деревни въ уголкѣ между западнымъ берегомъ рѣки Лѣпавы, при ея устьѣ и Гардненскимъ озеромъ:

c. Vielgo Garnô	(Gross-Garden),
Malo Garnô	(Klein-Garden),
Kiersk	(Kerske),
Blótki	(Blotke),
Czlúchovo	(Schlochow),
Stojícino или	
Stówcino	(Stojentin),
Visuóko	(Wittstock),
Råto или Rto	(Rotten).

Въ этихъ трехъ группахъ деревень Славянскіе жители называютъ себя *Словинцами*.

Числа Кашубскаго народонаселенія опредѣлить не могу.

Полагаю однако, что Кашубовъ (со включеніемъ Кабатковъ и Словинцевъ, которыхъ, впрочемъ, едва ли наберется двѣ или три тысячи, сохраняющихъ еще свой природный языкъ) должно считать около 200,000, можетъ быть нѣсколько больше.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь замѣчаніе о народномъ имени и прозвищахъ этихъ Славянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они первоначально носили всѣ имя Словинъ или Словинцевъ; теперь же оно сохранилось только на западной окраинѣ пространства, занятаго Померанскими Славянами, въ деревняхъ, отдѣленныхъ отъ прочихъ Кашубскихъ поселеній глубокими топями, такъ что, когда я спрашивалъ у Померанскихъ Кашубовъ о томъ, гдѣ живутъ Словинцы, мнѣ часто отвѣчали za błotą (за болотомъ). Этому разобщенію Словинцы ([1]), вѣроятно, и обязаны сохраненіемъ древняго народнаго имени и многихъ старинныхъ словъ, которыхъ не слышно въ другихъ мѣстахъ. Имена *Кабатки* и *Кашубы* суть, очевидно, прозвища, заимствованныя отъ одежды, которая могла въ старину отличать жителей праваго и лѣваго берега рѣки Лебы. Ибо *кабатомъ* называютъ тамъ куртку (въ особенности такую, какую носятъ тамошнія женщины), а имя Кашубовъ. Кабатки теперь еще производятъ отъ слова *шуба* и разсказываютъ, что въ старину эти люди носили, вмѣсто верхней одежды, двѣ цѣлыхъ, невыдѣланныхъ овечьи шкуры, сшитыхъ вмѣстѣ, безъ рукавовъ, шерстью наружу, которыя надѣвались черезъ голову и висѣли на человѣкѣ, какъ мѣшокъ: такой костюмъ называютъ тамъ *шубою* и говорятъ, что старики, недавно умершіе, помнили еще такія шубы ([2]). Кромѣ названій Словинцевъ, Кабатковъ ([3]) и Кашубовъ

([1]) Померанскіе Словинцы не всегда произносятъ это имя въ полной его формѣ: Slovinci; часто они выговариваютъ Slownci (чит. Слоунци). Языкъ свой они всегда называютъ Slovínskò (рѣдко Slovênsko) mova или szproka (съ нѣмецкаго Sprache). Въ Избицахъ я слышалъ также Sławínski вмѣсто Słovinski.

([2]) Впрочемъ, Словинцы называютъ шубою всякое длиннополое верхнее платье.

([3]) Жители деревень между великимъ «болотомъ» и Лебою, называютъ себя безразлично Кашубами и Кабатками, но чаще прилагаютъ къ себѣ первое наименованіе, второе же чаще придается имъ сосѣдями; языкъ ихъ всегда называется Кашубскимъ; выраженія «Кабатецкій языкъ», я не слыхалъ.

тамъ употребляется еще названіе *Польскій*, но только въ примѣненіи къ языку: именно, люди эти называютъ свой языкъ Польскимъ въ томъ смыслѣ, что они имѣютъ свои богослужебныя книги на Польскомъ языкѣ; я слышалъ часто такого рода выраженія: „Словинскій языкъ (или Кашубскій языкъ) и Польскій—это одно и тоже: книги у насъ Польскія, *обрядъ* (богослуженіе) Польскій“. Но Поляками прибалтійскіе Словинцы и Кашубы себя никогда не называютъ.—Въ деревнѣ Избицахъ я слышалъ, что дѣлали различіе между *Польскимъ* языкомъ, который отождествлялся тутъ съ Кашубскимъ, и языкомъ *Поляцкимъ*, т. е. рѣчью Поляковъ въ собственномъ смыслѣ. „Мы говоримъ по-Польски, сказывали мнѣ, а *Polacka mova* другая“.

Есть ли какое нибудь существенное различіе въ языкѣ между Словинцами, Кабатками и Кашубами? Нѣтъ. Все различіе состоитъ въ большей или меньшей близости къ Польскому языку, что не имѣетъ однако связи съ этими народными наименованіями, а зависитъ исключительно отъ большей или меньшей близости, въ географическомъ положеніи, къ предѣламъ Польскаго народа. Такъ говоръ рыбаковъ въ деревнѣ Избицахъ на Лебскомъ озерѣ, строго отличающихъ себя отъ сосѣднихъ Кабатковъ и Словинцевъ и дорожащихъ именемъ Кашубовъ, совершенно сходенъ съ рѣчью Кабатковъ и Словинцевъ и весьма далекъ отъ рѣчи тѣхъ Кашубовъ, которые живутъ, напримѣръ, въ Косцержинскомъ округѣ. Одинъ только признакъ нѣсколько отличаетъ языкъ Словинцевъ отъ языка Кабатковъ и Кашубовъ и выставляется самимъ народомъ какъ его особенность, именно произношеніе твердаго *л*: Словинцы выговариваютъ его какъ среднее l, подобно южнымъ Славянамъ, Кабатки и Кашубы, какъ полугласное у, подобно Малороссіянамъ (въ концѣ слоговъ и словъ) и Верхне-Лужицкимъ Сербамъ; но это не даетъ права заключить о существованіи двухъ особыхъ нарѣчій у тамошнихъ Славянъ, ибо то же самое произношеніе *л*, какое мы встрѣчаемъ у Померанскихъ Словинцевъ, является въ самомъ центрѣ собственной Кашубіи, въ западной Пруссіи, въ с.

Своржевѣ (Schwarschau) и окрестныхъ деревняхъ, на сѣверъ отъ Пуцка (Putzig): оттого жители этой мѣстности носятъ у сосѣдей прозвище Bĕllĕci (отъ произношенія bĕl вмѣсто bĕł т. е. bĕw — былъ). Ближайшее разсмотрѣніе языка Словинцевъ Померанскихъ и Кашубовъ докажетъ намъ впослѣдствіи, что онъ составляетъ одно нарѣчіе, остатокъ древняго языка прибалтійскихъ Славянъ, но остатокъ, на которомъ изгладилась отчасти своеобразная физіономія этого языка, потому что онъ сохранился только на той пограничной чертѣ, гдѣ рѣчь прибалтійскихъ Славянъ сливалась съ Польскою. Что же касается до раздѣленія на Словинцевъ, Кабатковъ и Кашубъ, то я вижу въ немъ слѣдъ древняго раздѣленія Славянскихъ народовъ на мелкія племена, раздѣленія вовсе не сопряженнаго однако съ различіемъ въ языкѣ. Въ употребленіи одного только слова Словинцы постоянно отличаются отъ Кашубовъ, и народъ самъ это замѣчаетъ. Словинцы говорятъ всегда *cerkev, jidą dó cerkvje*, а Кашубы этого древняго слова не знаютъ и употребляютъ Польское *koscoł*. Впрочемъ, и у Кашубовъ въ Помераніи я слышалъ *cerkviszcze* вмѣсто Польскаго *cmętarz* (кладбище); въ западной Пруссіи Кашубы чаще употребляютъ это послѣднее выраженіе.

II.

Различіе положенія Славянской народности въ Помераніи и въ Западной Пруссіи.

Черта, отдѣляющая Западную Пруссію отъ Помераніи, давно уже не обозначаемая никакою таможнею и замѣтная только на картѣ, тѣмъ не менѣе весьма важна относительно Славянской народности. У Кашубовъ на правой (восточной) сторонѣ этой черты въ Западной Пруссіи, народность Славянская еще довольно жива и сильна; на лѣвой, западной сторонѣ, въ Помераніи, она вымираетъ совершенно, и вѣроятно исчезнетъ безъ слѣда прежде пятидесяти лѣтъ. Причина тому вмѣстѣ и политическая и религіозная. Западная Пруссія до 1772 года принадлежала Польшѣ и хотя подъ Польскимъ владычествомъ Нѣмецкая сти-

хія уже вполнѣ владѣла торговымъ центромъ на устьѣ Вислы, Гданскомъ, и его окрестностями, однако въ бѣдныя, лѣсистыя и песчаныя деревни Кашубовъ она проникнуть не успѣла. А со времени присоединенія Гданскаго поморья (¹) къ Прусской державѣ, напоръ Нѣмецкой стихіи въ эту сторону также еще не вполнѣ развился. Онъ направлялся преимущественно въ болѣе богатый Познанскій край. Такимъ образомъ, бѣдная, непривлекательная Кашубія, хотя уже 90 лѣтъ подвластная Пруссакамъ, менѣе подверглась водворенію Нѣмецкихъ колоній и германизаціи, нежели самая колыбель Польши, область Познанская, только съ 1815 года присоединенная къ Пруссіи (²). Между тѣмъ, восточная Померанія уже со времени Вестфальскаго мира вошла въ составъ государства Бранденбургскаго; въ этомъ краѣ Нѣмецкая стихія господствуетъ уже цѣлыя столѣтія (⁴), и не удивительно, что Славянская народность находится тамъ совершенно въ другомъ состояніи, нежели въ Западной Пруссіи.

Вмѣстѣ съ политическимъ вліяніемъ дѣйствовало и религіозное. Кашубы въ Западной Пруссіи, находясь подъ властію Польши, удержали Римско-католическую вѣру; Кашубы въ Помераніи, издавна входившіе въ составъ Германской имперіи, были обращены въ протестантизмъ, бо́льшею частію въ XVII вѣкѣ. Хотя, вообще, протестантизмъ также мало можетъ быть названъ враждебнымъ сохраненію Славянской народности, какъ католицизмъ ей благопріятнымъ (⁵), однако у Кашубовъ оба

(¹) Гданскимъ поморьемъ или Королевскими Прусами (Prusy królewskie) назывался этотъ край подъ Польскимъ владычествомъ. Этотъ край, какъ извѣстно, отвоеванъ былъ Польшею у Прусскаго Ордена въ XV столѣтіи и уступленъ ей Торунскимъ договоромъ 1466 года.

(²) Которое съ тѣхъ поръ получило наименованіе Западной Пруссіи.

(³) Я не говорю о временномъ первомъ присоединеніи Великой Польши къ Пруссіи при раздѣлѣ 1793 года.

(⁴) Она была господствующею въ Помераніи еще при туземной, Славянской династіи (пресѣкшейся въ 1637 году).

(⁵) Мы видимъ, напримѣръ, у Чеховъ и Словаковъ, что протестантизмъ былъ тамъ всегда благопріятенъ Славянской народности, а католицизмъ, напротивъ, постоянно убивалъ ее.

вѣроисповѣданія стали въ особенныя отношенія къ Славянской стихіи. Носительницею протестантизма является въ этомъ краѣ народность Нѣмецкая съ Прусскимъ правительствомъ и съ своимъ сѣверно-Нѣмецкимъ образованіемъ: слабое, затерянное племя Славянское, принимая протестантскую вѣру, естественно, подчинялось господству Нѣмецкихъ идей, Нѣмецкаго образованія, и вскорѣ принимало даже языкъ Нѣмецкій. Напротивъ того, католицизмъ въ этой части Пруссіи есть нераздѣльная принадлежность Польской, т. е., говоря о Кашубскомъ краѣ, вообще Славянской стихіи, и католическое духовенство тутъ старается противоборствовать напору Нѣмецкой народности, чтобы чрезъ то охранять свою паству отъ вліянія протестантизма. Такимъ образомъ, въ Кашубской землѣ, католическія деревни гораздо крѣпче удерживаютъ Славянскую народность, нежели протестантскія.

Я могъ бы сказать многое о вліяніи прошедшей исторіи на положеніе Кашубовъ. Я могъ бы изложить великую ошибку, какую сдѣлала Польша, во время своей независимости, относительно этого несчастнаго народа, которому его положеніе назначало, по видимому, блестящую будущность. Когда Славянское племя, владѣвшее нѣкогда всѣмъ Балтійскимъ побережьемъ отъ границъ Даніи, потеряло его въ слѣдствіе бѣдствій средневѣковой исторіи, за нимъ осталась только небольшая часть этого побережья, столь важнаго въ смыслѣ политическомъ и торговомъ, именно Гданское Поморье, населенное Кашубами. Польша владѣла этимъ краемъ: что она сдѣлала изъ него? Самое важное мѣсто, торговую и военную гавань у истока Вислы, твердыню Гданскъ (Данцигъ) она оставила въ рукахъ Нѣмецкихъ мѣщанъ, а остальною частью Поморья, гдѣ жили и живутъ родственные Полякамъ Кашубы, пренебрегла совершенно. Возникавшіе здѣсь города, Вейерово (Neustadt), Пуцкъ (Putzig), Картузы (Carthaus), Косцержина (Behrendt), Хойница (Konitz), населялись Нѣмцами и становились во враждебное отношеніе къ народности окрестныхъ поселянъ. Въ поселянахъ же этихъ

Польша не умѣла даже вселить сознаніе народнаго съ нею единства. Хотя рѣчь Кашубская такъ близка къ Польской, хотя Кашубамъ не на кого опереться, кромѣ какъ на Польскую народность, они однако вовсе не чувствуютъ и не сознаютъ связи своей съ Польскимъ народомъ. Я не говорю о тѣхъ Кашубахъ, которые живутъ на самой границѣ Великопольской земли (въ Косцержинскомъ и Хойницкомъ округахъ), и которые сами считаютъ себя Поляками, хотя ихъ выговоръ обличаетъ въ нихъ Кашубовъ; но далѣе на сѣверъ, въ глуби Кашубіи, народъ, повторяю, не ощущаетъ въ себѣ никакой внутренней связи съ Польскою землею, хотя ходитъ въ церковь съ Польскими молитвенниками и знаетъ, что его рѣчь сходна съ Польскою. Польша, владѣя столько столѣтій Кашубскимъ Поморьемъ, могла бы легко сроднить этотъ край съ собою совершенно. Она этого не сдѣлала въ слѣдствіе своего всегдашняго пренебреженья къ простому народу. Кашубы — простые поселяне, мужики; Кашубская рѣчь есть испорченный говоръ черни: какъ можно вельможнымъ панамъ заниматься низкимъ простонародьемъ и его грубою рѣчью? Такъ судятъ до сихъ горъ Поляки-помѣщики, сохранившіе еще часть имѣній своихъ въ Кашубскомъ краѣ. Въ разговорѣ со мною они даже выражали полу-насмѣшливое удивленіе тому, что я находилъ Кашубовъ и Кашубское нарѣчіе заслуживающими изученія. Хотя они весь свой вѣкъ живутъ между Кашубами, однако свѣдѣній объ ихъ нравахъ, бытѣ, обычаяхъ, языкѣ я ни отъ кого изъ нихъ добиться не могъ. На мои разспросы они отвѣчали мнѣ пошлыми, общими фразами о грубости своихъ поселянъ и испорченности Кашубскаго языка. Между тѣмъ, лишая себя самихъ всякаго внутренняго общенія съ своимъ народомъ и не находя случая поддерживать связь съ Познанскимъ краемъ, Польское шляхетство въ Кашубской землѣ все болѣе и болѣе подчиняется вліянію Нѣмецкому. Оно, въ особенности молодое поколѣніе, легче и охотнѣе говоритъ по-Нѣмецки, чѣмъ по-Польски; я видѣлъ въ той странѣ многихъ молодыхъ шляхтичей,

которые рѣдко и принужденно говорятъ по-Польски, когда имъ по чему либо захочется показаться патріотами, а въ домашнемъ быту употребляютъ постоянно языкъ Нѣмецкій. Я видѣлъ въ Кашубіи цѣлое общество Польскихъ пановъ, человѣкъ 20, которые, по случаю присутствія одного Нѣмецкаго чиновника, повели всѣ разговоры по-Нѣмецки.

Католическое духовенство въ этой странѣ, какъ я сказалъ, не благопріятствуетъ распространенію Нѣмецкой стихіи. Но, къ сожалѣнію, бо̀льшая часть его членовъ также, какъ дворянство, проникнуты духомъ Польской аристократической гордости въ отношеніи къ Кашубамъ и къ ихъ нарѣчію. Есть однако между духовенствомъ нѣкоторые, понимающіе лучше свои обязанности къ народу.

III.

Быстрое исчезаніе Славянской народности въ Бытовскомъ округѣ.

Всего скорѣе угаснетъ Славянская народность въ Бытовскомъ округѣ, составляющемъ южный уголъ восточной оконечности Помераніи. Я уже сказалъ, что остатки Славянской народности сохранились тамъ почти во всѣхъ деревняхъ. Но по Славянски говоритъ только старшее поколѣніе, и народность Славянская съ нимъ вмѣстѣ вымираетъ. Народъ самъ это понимаетъ. Хотя старикамъ грустно видѣть исчезаніе родной рѣчи, хотя они знаютъ и говорятъ, что правительство сильно участвуетъ въ истребленіи у нихъ Славянскаго языка, однако ропота на это вы отъ нихъ не услышите. Германизація приняла уже въ Бытовскомъ округѣ такіе размѣры, что народъ покорился ей, какъ судьбѣ неотвратимой. Собственно, она тамъ кончила свое дѣло; никого не остается германизировать, надобно только подождать, лѣтъ 20, чтобы вымерло нѣсколько сотъ стариковъ, которые еще не сдѣлались Нѣмцами.

Въ самомъ городѣ Бытовѣ (Bütow) мѣщанство, не говоря о купцахъ и чиновникахъ, не знаетъ ни слова по Славянски.

Употребляютъ Кашубскій языкъ только нѣсколько стариковъ въ ремесленномъ классѣ. Если тамъ найдется человѣкъ моложе 60 лѣтъ, знающій Кашубскій языкъ, то это непремѣнно пришелецъ. Въ Бытовѣ есть одна церковь (протестантская), называемая Кашубскою, небольшая, ветхая, въ отдаленномъ предмѣстьѣ. Въ ней служатъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, именно для Кашубовъ, и служатъ для нихъ уже по-Нѣмецки. Польская служба прекращена лѣтъ 30 тому назадъ.

Одинъ изъ стариковъ Кашубовъ, котораго я видѣлъ въ Бытовѣ, говорилъ мнѣ: «Starszi płakali i lámentovali, wo͂ni bĕłi jesz Kàszĕbi, że dzeci sę muszeli po Niemecku uczec, ale to nic nié pomogło. Teraz to vszêtci músz̄emy Niémcami bĕc, to je zły̑: starszi nié mogą uczec dzece, a to je zły̑» (1). Далѣе, указывая мнѣ на свою жену, 66-лѣтнюю старуху, онъ прибавилъ: «kej wo͂na mała bĕła, to wo͂na chcâ' sę po Kaszebsku uczec, ale wo͂ni nie dózvolili, xandz i szko͂lni» (2).

Совершающееся на глазахъ нашихъ выминаніе Славянской народности казалось мнѣ фактомъ, стоящимъ ближайшаго изученія, и потому я побывалъ почти во всѣхъ деревняхъ Бытовскаго округа, разспрашивая въ каждой, есть ли тамъ еще Кашубы. Передамъ свѣдѣнія, которыя я тогда собралъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ путешественникъ въ большей части этихъ деревень уже не найдетъ ни одного Славянина.

Изъ деревень, лежащихъ отъ г. Бытова къ сѣверозападу, въ Недаржинѣ (Meddersin) и Гржмицѣ (Gramenz) нѣкоторые старики еще знаютъ по-Кашубски. Также въ Мо́штернѣ (Morgenstern). Въ этомъ приходѣ, какъ я слышалъ, пасторъ запрещаетъ своимъ прихожанамъ говорить по-Кашубски. Въ Моштернѣ знаютъ по-Кашубски всего человѣкъ 20. Одинъ

(1) «Родители (наши) плакали и жаловались, тѣ, которые были еще Кашубы, что дѣти ихъ должны были учиться по-Нѣмецки, но это не помогло. Теперь мы всѣ должны быть Нѣмцами, это дурно. Родители не могутъ учить своихъ дѣтей, это дурно».

(2) «Когда она была маленькая, то она хотѣла учиться по-Кашубски (т. е. на Кашубскомъ языкѣ учиться закону Божьему, для конфирмаціи), но ей не дозволили пасторъ и школьный учитель».

изъ стариковъ въ Гржиницѣ говорилъ мнѣ слѣдующее: «Do te sedmelâtne vojne tu běła czista Polska, vszitko běło po Kaszubsku mo̊va. Krol wo̊ddał żebě sę pó Niemecku uczili, i vszestci dzeci sę uczili. Mě jesz po Kaszubsku v domie vjedno godali, a moje dzeci to jim lěcho pó Polsku mo̊va. To vszetko vyjdze, dalî to nicht né bu̦dze tu; to nie bu̦dze vjedno godône, to se zabo̦dze; to krol nie chce miec, vszetko pó Niemecku ma běc, jedno mova» (1). Потомъ этотъ же умный и разговорчивый старикъ (по фамиліи Ковалька) говорилъ еще: «Vsządze v Bětovskem kraju sto̊rzi jesz so̦ Kaszubski, ale ti młodzi sę nie náuczili. Ale ten biastoch (онъ указалъ на поселянина среднихъ лѣтъ) je uczôny i żegnôny pó Niemecku, ale tą mową rózumieje. V davnych czasach jedna piesnia běła spevjona po̊ Polsku, a drugo po̊ Niemecku (ve vsach, ve szkólnici, kej uczili dzeci); v kóscole xądz jedno kósał kazani po̊ Polsku, druge po̊ Niemecku. Běło zakozône, że starszi nié mieli do dzeci mo̊vic po Kaszubsku, to je za szesdzesąt lat. To krol zakazał. Tero tu czisto vězděchne ta mo̊va» (2). — Еще въ 1814 году всѣ дѣти въ этихъ мѣстахъ говорили по-Кашубски, хотя старикъ, родившійся въ 1791 году, уже не помнилъ, чтобы въ школахъ преподавали иначе, какъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1811 году пасторъ въ этомъ приходѣ (село, гдѣ приходъ, называется Божтехомье, Borntuchen) еще былъ обязанъ говорить проповѣдь

(1) «До семилѣтней войны здѣсь была чистая Польша, все разговаривало по-Кашубски. Король приказалъ, чтобы учились по-Нѣмецки, и чтобы всѣ дѣти непремѣнно ходили въ школу. Мы еще всегда дома говорили по-Кашубски, но мои дѣти плохо знаютъ по-Польски. Это все кончится, потомъ никого здѣсь не будетъ (изъ Кашубовъ), вовсе не будутъ говорить (по-Кашубски), языкъ забудется. Король его не хочетъ, все должно быть по-Нѣмецки, вездѣ одинъ языкъ».

(2) «Повсюду въ Бытовскомъ краѣ старики еще Кашубы, но молодые не научились (по-Кашубски). Вотъ этотъ Бястохъ, онъ учился и былъ конфирмованъ на Нѣмецкомъ языкѣ; но онъ еще понимаетъ языкъ (Кашубскій). Въ прежнія времена, по деревнямъ, въ школахъ, когда учили дѣтей, одна пѣснь пѣлась по-Польски, другая по-Нѣмецки (набожныя пѣсни, которыя всякій день поются дѣтьми въ протестантскихъ приходскихъ училищахъ). Запретили родителямъ говорить съ дѣтьми по-Кашубски, тому назадъ шестьдесятъ лѣтъ. Это запретилъ король. Теперь тутъ совершенно вымретъ этотъ языкъ».

по-Польски; тогда именно пріѣхалъ новый пасторъ, и первою своею Польскою проповѣдью возбудилъ общій смѣхъ въ народѣ; больше онъ уже и не сталъ проповѣдывать по-Польски, и съ тѣхъ поръ (съ 1811 г.) только четыре раза пріѣзжалъ туда для Польской проповѣди, пасторъ изъ Велькаго-Техомья (Gross-Tuchen). А въ 1830 г. умеръ этотъ пасторъ, послѣдній, умѣвшій говорить по Польски.

Перехожу къ деревнямъ на востокъ и сѣверъ отъ Бытова. Въ Большомъ Помискѣ (Pomeissken) Кашубскій языкъ почти исчезъ, въ Маломъ говорятъ на немъ еще взрослые, но дѣти уже его не знаютъ. «Wu nas, a też v Pulszcze (Polzen), v Jamnie (Jamen) i Parzchovie (Parchau) (1) Kaszubsko mo̊va zaginie», говорили мнѣ тамъ. Священникъ въ Большомъ Помискѣ, котораго я разспрашивалъ про исчезновеніе Славянской народности, сказалъ мнѣ: «Das erinnere ich mich ganz gut, dass es von selbst einschlief. Endlich schämte man sich Kaschube zu sein und kaschubisch zu sprechen. In früherer Zeit wurde aber wegen der Sprache viel Spektakel gemacht, besonders mit den Predigern» (2). Въ деревняхъ этого прихода, граничащихъ съ западной Пруссіей, есть нѣсколько семействъ католиковъ: они тверже сохраняютъ свой языкъ. Одинъ изъ тамошнихъ поселянъ говорилъ: «Koždě jakî je viare, tak goda», т. е. что языкъ совпадаетъ съ религіею, протестанты употребляютъ Нѣмецкій, католики Кашубскій.

Къ сѣверу, въ глуши около Луновскаго озера, есть нѣсколько деревень, въ которыхъ и у протестантовъ Славянская стихія сохранилась болѣе. Это Луповске (Lupowske), гдѣ почти всѣ жители говорятъ еще по-Кашубски, Букольтъ (Buchwalde) и Вусувкъ (Wussowke). Славянская рѣчь, хотя въ

---

(1) Двѣ послѣднія деревни принадлежатъ къ западной Пруссіи, и граничатъ съ Помисскимъ приходомъ.

(2) „Я помню хорошо, что Славянская народность угасла сама собою. Наконецъ, стали стыдиться быть Кашубами и говорить по-Кашубски. Но въ прежнее время дѣлали много хлопотъ на счетъ языка, въ особенности священникамъ".

немногихъ избахъ, между стариками, удержалась и въ сосѣднихъ деревняхъ Столпскаго округа, Будовѣ (Budow, селю), Вицоркѣ (Jerschkewitz) и Клешницѣ (Kleschnitz).

На юго-востокъ отъ Бытова, только деревня Рабацино (Gröbenzin) на половину Кашубская; въ с. Угощъ (Bernsdorf) и дер. Чорна Думброва (Czarndamerow), Ослава Думброва (Oslaw Damerow), Рогъ (Sonnenwalde), Прживозъ (Przywoz) лишь немногіе старики знаютъ по Кашубски. Въ Соминѣ (Sommin) Славянская рѣчь исчезла совершенно.

Наконецъ, идя отъ Бытова къ западу и югозападу, мы находимъ, что въ селѣ Незапржево (Damesdorf), дер. Тунгомье (Tangen) и с. Техомье (Tuchen) остались, въ каждомъ, по 2—3 семьи, гдѣ говорятъ еще по Славянски. Въ дер. Катковѣ (Katkow) Славянская стихія совсѣмъ угасла въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Одинъ изъ Кашубовъ въ этомъ краѣ, человѣкъ весьма пожилой, слышалъ отъ стариковъ, что когда-то говорили только по-Польски и въ ближайшихъ мѣстахъ Руммельсбургскаго округа (Rummelsburg, по-Славянски Мястко), лежащаго къ западу отъ Бытовскаго округа, какъ-то въ с. Колчигловѣ (Kolziglow) и Вержнѣ (Versin); «ale prsiszed cvang, прибавилъ онъ, i muszeło vszitko Polskô zagubione běc i vszitko pó Niemecku běc. Ta Polska mova muszeła wustac, to bělo zakazone, i dlo tego jen bělo zażegnônie po Niemecku» [1]. Еще въ 1817 г. въ этихъ деревняхъ Руммельсбургскаго округа были немногіе, говорившіе по-Славянски.

IV.

Славянская народность въ восточной Помераніи, на побережьѣ Балтійскаго моря и въ Западной Пруссіи.

Славянская народность исчезаетъ также и въ прибрежныхъ мѣстахъ восточной Помераніи, въ деревняхъ Словинцевъ, Ка-

(1) «Но наступило принужденіе, и все Польское должно было быть истребленнымъ, все должно было быть по-Нѣмецки. Польская рѣчь должна была прекратиться, она была запрещена, и для того совершали конфирмацію только по-Нѣмецки».

батковъ и Кашубовъ. И тутъ, также въ Бытовскомъ краѣ, она быстро истребляется правительствомъ, которое дѣйствуетъ всесильнымъ рычагомъ народнаго образованія и не останавливается иногда и передъ насильственными мѣрами для достиженія своей цѣли, не только оправдывая ее политическою выгодою, но даже считая германизацію Славянъ своимъ призваніемъ въ борьбѣ цивилизаціи съ варварствомъ. Разумѣется, центральнымъ властямъ Берлинскимъ теперь уже и не приходится хлопотать о германизаціи слабыхъ остатковъ Славянскихъ около Лебскаго озера. Направлéніе дано, и дѣло идетъ само собою, благодаря усердію мѣстныхъ чиновниковъ, бóльшей части протестантскаго духовенства и учителей въ школахъ. Если Славянскій языкъ въ прибрежныхъ мѣстахъ восточной Помераніи проживетъ нѣсколько долѣе, нежели въ Бытовскомъ округѣ, то причиною тому глушь, въ которой находятся тутъ многія селенія и замкнутость рыбацкаго быта. Именно тамъ, гдѣ живутъ рыбаки и гдѣ селенія построены среди болотъ, Славянская стихія сохранила гораздо больше силы, чѣмъ въ деревняхъ земледѣльческихъ и въ мѣстахъ болѣе доступныхъ.

Всего полнѣе удержалась она въ рыбачьихъ деревняхъ Гарнѣ (¹) (Garden), Высокомъ (Wittstock) и Ртѣ (Rotten) у Гардненскаго, въ Клёкахъ или Клěчицахъ (Klucken), Избицахъ (Giesebitz), Гацѣ (Speck) и Бабьемъ-долѣ (Babidol) у Лебскаго озера, и въ маленькихъ выселкахъ, находящихся около этихъ деревень и которыя перечислены выше (стр. 8). Тамъ Славянская рѣчь представляетъ особенно много древняго, тамъ живетъ много старинныхъ преданій, а въ Гарнѣ, Высокомъ, Ртѣ, Клечицахъ и другихъ селеніяхъ этого глухаго уголка Помераніи народъ еще именуетъ себя, какъ я уже замѣтилъ, именемъ *Словинцевъ*; въ Гарнѣ я даже слышалъ отъ рыбаковъ, что они себя называютъ Slovênci (въ единствен. Slovên, прилагат.

(¹) Словинцы говорятъ Garnô (вмѣсто Garnâ) и склоняютъ, какъ прилагательное женскаго рода: do Garné, v Garnû (или Garnô) и т. д. Древняя форма была Gardnâ, какъ видно изъ Нѣмецкой передѣлки Garden и прилагательнаго: Gardzînski.

Slovêņski) (¹). Между тамошними рыбаками есть еще много людей не старыхъ, которые вовсе не знаютъ по-Нѣмецки. Но языкъ этотъ быстро проникаетъ и сюда. Такъ въ рыбацкой деревнѣ Ровъ (Rowe), лежащей къ сѣверозападу отъ Гарны, у истока Гардненскаго озера въ море, и гдѣ, по разсказамъ Гардненцевъ, я надѣялся найти много Славянскаго, оказался только одинъ 79-лѣтній старикъ, Грачекъ, который помнилъ нѣсколько Славянскихъ словъ, но уже связнаго разговора по-Славянски не могъ вести. Съ 1827 года прекратили въ Гардненскомъ приходѣ (²), къ которому принадлежитъ большая часть этихъ рыбацкихъ деревень, обученіе на Польскомъ языкѣ дѣтей для конфирмаціи и вообще исключили Польскій языкъ изъ школъ. Потому замѣчаютъ, что тѣ, которые получили конфирмацію до 1827 года, еще вполнѣ Славяне, а обучавшіеся позднѣе уже болѣе или менѣе онѣмечены. Народъ вполнѣ сознаетъ огромное вліяніе школьнаго ученія на истребленіе его языка. Такъ одна довольно молодая Словинская женщина въ Гарнѣ говорила: «U naszich starich nawuka běla vszitka ně-mecko, a go̊dka slovinsko. Stare jesz mają go̊dką po-Slovinsku, ale po tich starich oni ní mają po-Slovinsku věkle. Ja mogą też po Slovênsku gadac, ale Boże slovo nie rozumeję po Slo-vênsku, ne jem to uczona. Nynia naszǫ starǫ slovinskǫ viarǫ zatǫpili, vszetki nauczіceli běli nemecke, sme múszeli pó-nemecku věknąc. Moj chlop nie rózumeje dicht nic po-slovênsku, a jo roda go̊daję pó-slovinsku, a nî mom nikogo, moje dzece nié umeją nic po-Slovinsku» (³). Во многихъ избахъ Гардненскихъ

(¹) Такъ я слышалъ: «V Izbicach, to tak jak tu Slovênstji: Kàszebi e Slovênci, to je jadno». Форму Slovên въ единственномъ числѣ пришлось мнѣ слышать только одинъ разъ; обыкновенно говорятъ: Slovenski, Slovinski или Slownski.

(²) А также въ Гловчицахъ, въ краѣ такъ называемыхъ *Кабатковъ.*

(³) «У нашихъ родителей все ученіе было Нѣмецкое, а разговоръ по-Словински. Родители еще говорятъ по-Словински, но дѣти не научились отъ родителей по-Словински. Я также умѣю говорить по-Словински, но слово Божіе не понимаю по-Словински, не была этому обучена. Теперь уничтожили нашу старую Словинскую вѣру (т. е. богослуженіе на Славянскомъ, Польскомъ языкѣ), всѣ учителя были Нѣмцы, мы должны были учиться по-Нѣмецки. Мой мужъ не понимаетъ ровно ничего по-

рыбаковъ выражалось при мнѣ подобное сѣтованіе на то, что дѣти не понимаютъ языка родителей и изъявлялась радость случаю поговорить по-*Словински:* «Vielka skâza mezi mnû a dzecmi, że oni nié rozumieją co ja povîm,» говорилъ отецъ семейства; «Mac po-Kaszubsku, dzeci pó nemecku»;—«Dlo dzeci je za żimko żebě me godali po-slovinsku, i szkolni towo nechce»; «Rêdosc mome ga chto gada z nami po-slovênsku, możeme sę porozumec;» — «Nasze pánovie nie chcą gadac z nami po-Slovinsku, a ja nie mogą tak dicht vszetko poviedzec po-Nemecku, to jem tak uredôna, ga mogą pó-Slovinsku gadac» ([1]). Эти выраженія я записалъ со словъ разныхъ жителей и жительницъ Гардненскихъ. Они разсказывали также, какая радость была рекрутамъ, взятымъ изъ ихъ села въ Landwehr, услышать во время стоянки въ Нижней Лузаціи (въ 1850 г.) Славянскую рѣчь и говорить съ народомъ на родномъ языкѣ.

Сужденія Гардненскихъ Словинцевъ-простолюдиновъ объ ихъ умирающей народности такъ заинтересовали меня, что я часто направлялъ разговоръ съ ними на этотъ предметъ и записывалъ ихъ рѣчи. Передаю ихъ безъ комментаріевъ, замѣтивъ только, что это отзывы не одного лица, а нѣсколькихъ, и мужчинъ и женщинъ.

«Ga jem běl mlodî, bělo lěcho Nemeckich, a nynja je vszitko Niemczizna, te starzi vězdychają; jak lata dzesąc nié bndze nic» ([2]).

«Sedemdzesąt lat nauka Slovinsko je zginiona, a trzinôsce lat co wobrzod nieje vicî». «Przed szesdzesąt laty tu jesz dze-

---

Словински, а я охотно говорю по-Словински, но не съ кѣмъ, кои дѣти не знаютъ ничего по-Словински».

([1]) «Большая непріятность, между мною и дѣтьми, что они не понимаютъ, чтó я скажу».—«Мать по-Кашубски, а дѣти по-Нѣмецки». — «Для дѣтей слишкомъ тягостно, чтобы мы говорили (съ ними) по-Словински, да и учитель этого не хочетъ».—«Намъ радость, когда кто говоритъ съ нами по-Словински, мы можемъ понять другъ друга». «Наши господа не хотятъ говорить съ нами по-Словински, а я не могу все сказать по-Нѣмецки, то я бываю такъ рада, когда могу говорить по-Словински».

([2]) «Когда я былъ молодъ, было мало *Нѣмецкихъ* (т. е. людей, говорившихъ по-

sąty ni môg pó-Nemecku, vzetko Slovînsko, Slovînstji lědze». «Pvzed pindzesąt laty bělo jesz dva dzêlâ Slovinskich, a trzecî dzêl bil Nemecki. Te starzi povězděchali, a ksodz nî muk po Slovinsku navěknoc: ksodz Hefner. Pszed tim běl Kummer, slêni Slovînski ksodz. Potom bělo dvadzesce co chodzilo do obrządu, potom ősem, pőtom czviôro, potom zős bělo dvoje, Pőpk a storó Zonderka, i tu Slovinski őbrzod przêstal, muszili jic do Nemeckewo őbrzoda: ksodz ni mog kazać, a nié dal vicî». «Ksodz Kummer przez moc Bože slovo po-Slovinsku őtniol; to jesta ju nynja czvarte ksodz, czvarte pokolînje» (1).

«Krol niechce žebe v zoldatach gódali pó-Slovinsku». «Dzeci ni mo pó Slovinsku gódac, dla szkuole». «Moja matka (говорилъ 80-лѣтній старикъ) běla Niemecko, ale őna věkla pó-Polsku od dzecî; i ja te žod dzecî, od malech dzecî muszą nynja věknąc pó-Niemecku» (2). «Mě ní mogli veknąc po-Slovinsku, to me rzucili prycz tą godką (3) (говорилъ молодой человѣкъ); на мой вопросъ, было ли это для нихъ тяжело, онъ отвѣчалъ: «žimko do niesenia bělo, ale mili nesc, ako mrzec» (4).

Нѣмецки), а теперь все Нѣмечина, старые вымираютъ; черезъ десять лѣтъ ничего не останется».

(1) «Семьдесятъ лѣтъ Словинское ученіе уничтожено, а тринадцать лѣтъ уже не бываетъ (Словинскаго) богослуженія». — «Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ двѣ трети было еще *Словинскихъ*, а одна треть — *Нѣмецкихъ* (т. е. говорившихъ по-Словински, по-Нѣмецки). Старики повымерли, а пасторъ не могъ научиться по-Словински: именно пасторъ Гефнеръ. Передъ тѣмъ былъ Куммеръ, послѣдній Словинскій пасторъ. Потомъ было 20 человѣкъ, которые ходили къ (Словинскому) богослуженію, потомъ восемь, потомъ четыре, а подъ конецъ было двое, Попкъ и старуха Зондерка, и тутъ прекратилось Словинское богослуженіе, они должны были ходить къ Нѣмецкому. Пасторъ не умѣлъ проповѣдывать (по-Словински) и не сталъ больше допускать Словинскаго языка (при богослуженіи)». — «Священникъ Куммеръ насильственно отнялъ слово Божіе по-Словински: съ той поры теперь четвертый пасторъ, четвертое поколѣніе».

(2) «Король не хочетъ, чтобы въ войскѣ говорили по-Словински». «Дѣти не должны говорить по-Словински, по причинѣ школы». — «Моя мать была Нѣмецкая (т. е. изъ семьи, гдѣ говорили по-Нѣмецки), но она научилась по-Словински отъ дѣтей; и я, также отъ дѣтей, отъ малыхъ дѣтей, принужденъ теперь учиться по-Нѣмецки».

(3) «Мы не могли учиться (въ школѣ) по-Словински, такъ мы бросили этотъ языкъ».

(4) «Тяжело было нести, но лучше нести, чѣмъ умирать».

«Nynja vszetko Niemci vsządze, e v Kabâtcich też». «Nynja Kaszebsko vszetko ginie, naúka e godânjo, vszetko, jest viele lat co ona tod jesta» (1).

На разспросы о Славянскихъ (Польскихъ) книгахъ и бумагахъ, я получилъ отвѣтъ: «Slóvinstji lědzi, ti stórzi vězděchają, a mlodzî Niemectji, te Slovinske lěste dają dzecom porvac». — «Nie potrzebújemě Polskich ksąg, a dâjeme chlopom v żark» (2).

Эти послѣднія слова характеристичны: «Мы не нуждаемся уже въ Польскихъ книгахъ, и кладемъ ихъ мужикамъ (т. е. Словинскимъ) въ гробъ». Какъ этотъ народъ ясно сознаетъ свой близкій конецъ!

Въ заключеніе прибавлю еще два отзыва, которые могутъ дать понятіе объ отношеніи Нѣмецкаго образованнаго класса къ народности Гардненскихъ Словинцевъ. Тамошній пасторъ говорилъ мнѣ: «Ich kam hierher aus Grosstuchen. Es war mein Schicksal in zwei Stellen das polnische zu unterdrücken. Vor mir predigte man alle 6 bis 8 Wochen in Grosstuchen polnisch. Als ich hierher bestimmt war, fragte ich, wie es mit dem Kassubischen stände. Da sagte mir der Landespräsident, es solle mit dem polnischen in Pommern ein Ende werden: *wir wollen es*» (3). И такъ, пріѣхавъ въ Гарну, пасторъ, вслѣдствіе этого указанія свыше, тотчасъ изгналъ Польскій языкъ изъ церкви и постоянно внушаетъ народу, чтобы онъ бросилъ Кашубскую рѣчь.

(1) «Нынче все Нѣмцы повсюду, и тоже у Кабатковъ». — «Нынче все Кашубское гибнетъ, ученіе и (разговорная) рѣчь, все: уже много лѣтъ, что онѣ мертвы».

(2) «Словинскіе люди, старики, вымираютъ, а молодые уже Нѣмецкіе, такъ даютъ Словинскія бумаги рвать дѣтямъ». — «Мы не нуждались въ Польскихъ книгахъ, и кладемъ ихъ мужикамъ въ гробъ».

(3) «Я прибылъ сюда изъ Гроссъ-Тухена (Vielke Têchomie, въ Бытовскомъ округѣ). Моя судьба была въ двухъ мѣстахъ уничтожить Польскую народность (о Гроссъ-Тухенскомъ приходѣ см. выше, въ описаніи Бытовскаго края, стр. 15—16). До меня въ Гроссъ-Тухенѣ проповѣдывали по-Польски разъ въ 6 или 8 недѣль. Когда меня назначили сюда, я спросилъ, какъ быть съ Кашубскою народностью. Тогда областной президентъ (т. е. губернаторъ) сказалъ мнѣ, что надобно покончить съ Польскою стихіею въ Померанiи: *мы этого хотимъ*».

Еще замѣчательнѣе другое признаніе, слышанное мною отъ молодаго помѣщика, дѣйствующаго въ томъ же духѣ, по влеченію собственнаго сердца, безъ всякаго оффиціальнаго побужденія. Встрѣтилъ я этого господина въ полѣ, въ изящномъ охотничьемъ костюмѣ, надзирающимъ за работою косарей. Мы разговорились; онъ показался мнѣ человѣкомъ весьма образованнымъ, лѣтъ 25 или 30. Рѣчь зашла о предметѣ моего путешествія. «Что, ваши работники Нѣмцы или Кашубы?» спросилъ я. «Кашубы изъ здѣшнихъ деревень, былъ отвѣтъ, но говорятъ при мнѣ по-Нѣмецки: als ich auf die Wiesen und in das Feld ging, verbat ich den Leuten das kassubisch sprechen, ich konnte es nicht leiden; es schien mir ein Schnattern!» (1) Жалѣю, что не записалъ имени этого господина.

Въ другомъ приходѣ, къ которому принадлежитъ Словинскій уголокъ, въ Смолдзенахъ (Schmolsin), конфирмація на Польскомъ языкѣ прекращена гораздо прежде, чѣмъ въ Гарнѣ, именно около 1790 г. (2). Я видѣлъ въ Клечицахъ 80-лѣтняго старика, послѣдняго, оставшагося въ живыхъ изъ тѣхъ, которые учились для конфирмаціи по-Польски въ Смолдзенскомъ приходѣ. Этотъ старикъ — личность замѣчательная. Въ немъ нѣтъ той покорности передъ истребленьемъ роднаго языка, какую мы находимъ по большей части въ Славянскомъ простонародьѣ восточной Помераніи. Напротивъ, старикъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ во всемъ околоткѣ, какъ упорный врагъ германизаціи. Онъ видитъ, что съ нею бороться уже нельзя; но смиренно, какъ другіе, онъ ей не покоряется. Онъ увѣрилъ себя, что гибель Славянской народности въ его родинѣ есть дѣло Антихриста, есть признакъ приближенія кончины вѣка. Эту мысль, сказывали мнѣ Клечицкіе рыбаки, старикъ этотъ,

(1) «Когда я отправлялся на луга или въ поле, я сталъ запрещать людямъ говорить по-Кашубски; я этого не могъ терпѣть, оно казалось мнѣ чѣмъ-то въ родѣ гусинаго крика».

(2) Потомъ тамъ четыре раза въ годъ совершалось богослуженіе по-Польски; наконецъ и это уничтожено въ 1855 году.

безсемейный и кое-какъ перебивающійся у хозяевъ въ сосѣдствѣ, безпрестанно проповѣдываетъ и почитается чѣмъ-то въ родѣ пророка. Съ какою-то дѣтскою радостью встрѣтилъ онъ меня, когда услышалъ, что я пришелъ въ Клечицы именно для того, чтобы узнать, говорятъ ли тамъ еще по-*Словински*: «Вотъ, я вамъ твердилъ, что нашъ языкъ еще не такой негодный, когда изъ самой Московской земли пріѣзжаютъ учиться ему!» Эти слова онъ нѣсколько разъ повторялъ съ самодовольнымъ видомъ народу, собравшемуся смотрѣть на иностранца. Приведу въ подлинникѣ нѣсколько отрывковъ изъ рѣчей Клечицкаго старика, которые я успѣлъ записать. «V Klĕczicach gádają pó-Slovinsku, v Jizbicach pó-Kaszĕbsku; nasza szproka to je pravo Slovinski jązyk; mĕ smĕ Slovinskji; ale v Glovczicach Kaszĕbsko. Te mlodzî u nas so Niemecke .... Tu nynia viele Slovínskeho lĕda, ale wo̊ni są zarzucône, nie chcą gadac: ga jeden nie gada, nie gádają .... Ta Nieméczizna calî sviat ôtrĕla. Bucha przĕszla a wostavila Slovinską nâuką a szproką. Ksodze bĕli busznî ..... Nié davno bĕlo to vszetko Kaszĕbskji lĕdzi; dzeci mlodê rozumjoc mogą po-Slovinsku, ale gadac nie-ą ju chtorzi to mogą. Ga Slovinsik, ten Polski jązyk ústanie, to je konjc sviata; ale nie tak chutko ustânie. Nynia vszitkich chlopov uczą po-Niemecku. Je pisône, że bądze o Kaszĕbski szproce chodzone, pitone, gdze je jesz Kaszĕbski czloviek; ga to ustânie, to bo konjc sviata» (1).

(1) «Въ Клечицахъ говорятъ по-Словински, въ Избицахъ по-Кашубски. Нашъ языкъ есть настоящій Словинскій языкъ. Мы Словинскіе, а въ Гловчицахъ Кашубы. Молодежь у насъ Нѣмецкая. Здѣсь еще много Словинскаго народа, но онъ заброшенъ: не хочетъ говорить (по-Словински); когда кто нибудь не заговоритъ (по-Словински), то не говорятъ. Нѣмечина отравила весь свѣтъ. Завелась гордость и сдѣлала то, что покинули Словинское ученіе и языкъ. Священники были высокомѣрны. Недавно тутъ весь народъ былъ Кашубскій. Дѣти еще понимаютъ по-Словински, но уже нѣтъ такихъ, которые умѣли бы говорить. Когда Словинскій, т. е. Польскій языкъ прекратится, то это кончина міра; но онъ прекратится не такъ скоро. Теперь всѣхъ мужиковъ учатъ по-Нѣмецки. Писано, что будутъ ходить искать Кашубскаго языка, будутъ спрашивать, гдѣ еще Кашубскій человѣкъ: когда это кончится, то будетъ свѣтопреставленіе».

Въ Избицахъ рыбаки также не всегда безъ ропота глядятъ на истребленіе Славянской народности въ младшемъ поколѣніи. Родителямъ горько и обидно, что когда они говорятъ дѣтямъ по-Кашубски, тѣ уже бóльшою частію отвѣчаютъ имъ по-Нѣмецки. Одинъ изъ рыбаковъ говорилъ: «Tu stare bëli vszetki Kaszëbski, a teroz dzeci so Niemecke .... Kej te stári zâmrą, vszetko bdze tu pó-Niemecku; v szkołach uczo dzeci vszetko pó-Niemecku, le co ot starszich drobką są nauczą, to je, ale vicî tu niébdze pó-Polsku godône» (1). Далѣе, разсказавъ мнѣ, что въ ихъ школѣ бьютъ дѣтей за каждое слово, сказанное другъ дружкѣ по-Славянски, этотъ рыбакъ прибавилъ: «Polskó nâuka ma vëginąc: jak bë nas vzole v Ruską, nas Polskîch vszech!» (2) Что касается сѣченія въ школѣ за слово, произнесенное по-Кашубски, то оно господствуетъ и въ Клечицахъ, какъ сказывалъ мнѣ тамошній мальчикъ по собственному опыту. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Отъ рыбачьихъ селеній перехожу къ земледѣльческимъ деревнямъ Померанскаго прибрежья. Отъ запада буду подвигаться къ востоку. Крайній къ западу приходъ, въ которомъ еще живутъ Славяне (именно Словинцы), есть Гардненскій. Кромѣ деревень, лежащихъ на берегу Гардненскаго озера (3) и населенныхъ рыбаками, къ этому приходу приписано нѣсколько земледѣльческихъ деревень. Изъ нихъ только въ Стойцинѣ (Stojentin) еще довольно много Славянскаго; въ Члоховѣ (Schlochow) говорятъ почти только по-Нѣмецки; въ Буковѣ и Витбекѣ Славянство совсѣмъ исчезло.

Во всемъ Смелдзинскомъ приходѣ, кромѣ рыбачьихъ дере-

---

(1) «Здѣсь старики были всѣ Кашубы, а теперь дѣти Нѣмцы. Когда старики вымрутъ, все здѣсь будетъ по-Нѣмецки. Дѣтей учатъ въ школахъ все по-Нѣмецки, и развѣ отъ стариковъ научаются они немножко (говорить по-Кашубски), но больше не будутъ уже говоритъ здѣсь по-Польски».

(2) «Польское ученіе должно быть уничтожено. Какъ бы насъ взяли въ Россію, насъ всѣхъ Польскихъ».

(3) Озеро это имѣетъ истокъ въ Балтійское море.

вень, о которыхъ было сказано, Словинскій языкъ почти совершенно исчезъ передъ Нѣмецкимъ.

Далѣе — приходы Гловчицкій (Glowitz) и Цеценовскій, составляющіе землю такъ называемыхъ Кабатковъ. Объ нихъ я получилъ довольно подробныя статистическія свѣдѣнія по вопросу о народностяхъ, но прежде долженъ сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, которому обязанъ этими свѣдѣніями, именно о Гловчицкомъ пасторѣ г. Ломаннѣ (Lohmann). Среди протестантскаго духовенства восточной Помераніи, которое бо̀льшею частію относится къ Славянской народности не только съ пренебреженіемъ, но и съ враждою, и употребляетъ все свое вліяніе на прихожанъ для ея истребленія, г. Ломаннъ составляетъ замѣчательное исключеніе. Получивъ, по окончаніи курса наукъ, приходъ въ дикой «Кашубіи», онъ, уроженецъ Рейнской провинціи, тотчасъ принялся за изученіе Польскаго языка и успѣлъ въ немъ на столько, что въ скоромъ времени могъ говорить на немъ проповѣди ([1]). Славяне и Нѣмцы пользуются одинаково его духовными попеченіями; Гловчицкій приходъ единственный во всей Помераніи, гдѣ Славянинъ не принуждается церковью дѣлаться Нѣмцемъ. Гловчицкая приходская школа, благодаря вліянію просвѣщеннаго пастора, единственная въ Помераніи, гдѣ не только Славянскій языкъ не выбивается розгами, но гдѣ учатъ Славянскихъ дѣтей читать, писать и молиться по-Польски ([2]). За то надобно видѣть любовь народа

([1]) Я уже упоминалъ, что богослужебный языкъ у Кашубовъ Польскій. Они его хорошо понимаютъ. Кашубы и Словинцы-протестанты употребляютъ молитвенники и другія религіозныя книги, печатавшіяся для Польскихъ протестантовъ готическими буквами въ XVI и XVII столѣтіи. Рѣчь ихъ, когда они говорятъ о религіозныхъ предметахъ, отзывается архаизмами, заимствованными изъ этихъ книгъ. Въ Гарнѣ я видѣлъ у одной старухи молитвенникъ, на оберткѣ котораго написано было перомъ: «Slowinskie Modlitwy»; но молитвенникъ былъ Польскій. Новыхъ Польскихъ книгъ, печатанныхъ Латинскими буквами, Кашубы-протестанты въ Помераніи чуждаются совершенно.

([2]) Учителемъ въ этой школѣ былъ въ 1856 г. старикъ Горъ; ему было тогда 81 годъ; онъ хорошо говорилъ по-Словински и зналъ по-Польски. Онъ родился еще при Фридрихѣ Великомъ и помнилъ, что этотъ король приказалъ выучить всѣхъ

къ своему пастору. Сила Нѣмецкой стихіи однако уже такова въ этомъ краѣ, что Славянская исчезаетъ передъ нею съ каждымъ годомъ. Мнѣ случилось быть въ Воскресенье въ Гловчицкой церкви. Сначала пасторъ прочелъ службу и сказалъ проповѣдь по-Польски. Народу было довольно много, но болѣе всего старики и старухи; они пришли по бо́льшей части изъ дальнихъ рыбачьихъ деревень. Дѣтей и молодежи почти не было въ церкви. Молодежь и дѣти, въ праздничныхъ нарядахъ, толпились на церковномъ дворѣ и ждали окончанія «вендскаго» богослуженія. Когда проходила какая нибудь старуха въ народной Кашубской одеждѣ, съ прикрѣпленнымъ къ головѣ длиннымъ и широкимъ холщевымъ платкомъ, въ родѣ простыни, они посматривали на нее съ насмѣшливымъ любопытствомъ. При послѣдней пѣсни Славянскаго богослуженія, вся разряженная толпа молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и парней хлынула въ церковь къ началу Нѣмецкой службы, спѣша занять скамьи, изъ которыхъ медленно выходили Кашубы, остатки отживающаго поколѣнія.

Въ Гловчицкой церкви ведутся съ 1829 года списки принимавшихъ причастіе, съ обозначеніемъ, кто причащался при богослуженіи на Славянскомъ, и кто при богослуженіи на Нѣмецкомъ языкѣ. Эти списки даютъ вѣрное понятіе объ измѣненіи отношеній обѣихъ народностей въ Гловчицкомъ приходѣ. Г. Ломаннъ сообщилъ мнѣ эти цифры; вотъ онѣ.

Годъ.	Общее число причастниковъ.	Причащались за Славянскимъ богослуженіемъ.	Причащались за Нѣмецкимъ богослуженіемъ.
1829	4,838	3,287	1,551
1830	5,098	3,247	1,851
1831	5,373	3,346	2,027
1832	4,928	2,852	2,076
1833	5,291	2,893	2,398

Кашубскихъ дѣтей по-Нѣмецки. Однако, по его словамъ, тому назадъ 60 лѣтъ въ Гловчицкой школѣ было 54 ученика, не понимавшихъ ни слова по-Нѣмецки и только 11, знавшихъ нѣсколько Нѣмецкій языкъ. Теперь всѣ дѣти знаютъ по-Нѣмецки.

Годъ.	Общее число причастниковъ.	Причащались за Славянскимъ богослуженіемъ.	Причащались за Нѣмецкимъ богослуженіемъ.
1834	5,459	2,757	2,702
1835	5,426	2,680	2,746
1836	5,632	2,591	3,041
1837	5,503	2,529	2,974
1838	5,415	2,328	3,087
1839	5,410	2,450	2,960
1840	5,561	2,150	3,411
1841	5,160	2,010	3,150
1842	5,400	1,980	3,420
1843	5,190	1,980	3,310
1844	5,200	1,700	3,500
1845	5,612	1,719	3,893
1846	5,292	1,500	3,792
1847	5,388	1,752	3,666
1848	5,277	1,449	3,828
1849	4,930	1,340	3,590
1850	5,122	1,370	3,752
1851	5,016	1,178	3,838
. . . (1)	. . . .	. . . .	. . . .
1854	4,907	878	4,029
1855	5,542	996	4,546

Эти цифры не требуютъ поясненій. Мы видимъ, что еще въ 1829 году между прихожанами Гловчицкой церкви болѣе двухъ третей предпочитали богослуженіе на Славянскомъ языкѣ Нѣмецкому; въ 1834 и 1835 г. число тѣхъ и другихъ было почти одинаково, но такъ, что въ 1834 перевѣсъ находился еще на сторонѣ Славянской народности, а въ 1835 перешелъ на сторону Нѣмецкой; наконецъ, въ 1855 году, менѣе одной пятой Гловчицкихъ прихожанъ молились Богу по-Сла-

(1) Въ 1852 и 1853 списки не велись, по случаю того, что пасторская должность не была замѣщена.

вянски. Если число причащавшихся въ 1855 году, при богослуженіи на Славянскомъ языкѣ, увеличилось противъ 1854 года, то это, какъ объяснилъ мнѣ пасторъ, не было знакомъ усиленія Кашубскаго элемента, а произошло отъ увеличившагося числа причастниковъ вообще; это видно и изъ того, что цифра принимавшихъ причастіе при Нѣмецкомъ богослуженіи возрасла въ одинаковой пропорціи.

Относительно Цеценовскаго прихода сообщили мнѣ такія же цифры съ 1844 года. Вотъ онѣ:

Годъ.	Общее число причастниковъ.	Причащались за Славянскимъ богослуженіемъ.	Причащались за Нѣмецкимъ богослуженіемъ.
1844	709	192	517
1845	777	174	603
1846	858	191	667
1847	793	169	624
1848	774	159	615
1849	703	130	573
1850	714	122	592
1851	756	135	621
1852	756	101	655
1853	748	112	633
1854	733	88	645
1855	764	78	686

Мы видимъ здѣсь перевѣсъ предпочитающихъ Нѣмецкую народность Славянской еще гораздо болѣе значительный, нежели въ Гловчицкомъ приходѣ, не смотря на то, что Цеценовскій лежитъ къ востоку и, стало быть, ближе къ массѣ Кашубскаго населенія въ западной Пруссіи. Если Нѣмецкая стихія сильнѣе завладѣла Цеценовскимъ приходомъ, нежели Гловчицкимъ, то причина, безъ сомнѣнія, та, что въ первомъ населеніе земледѣльческое и деревни въ мѣстахъ открытыхъ, а въ Гловчицкомъ приходѣ часть жителей рыбаки, заключенные между Лебскимъ озеромъ и топью почти непроходимой.

Далѣе къ сѣверовостоку, мы находимъ Славянъ въ трехъ приходахъ, составляющихъ прибрежную полосу восточной Помераніи между рѣкою Лебою и границею западной Пруссіи, именно Хабровскомъ (или Харбровскомъ), Лебинскомъ (съ мѣстечкомъ Леба) и Осѣкскомъ. Эти три прихода принадлежатъ къ Лауенбургскому округу ([1]). Пришлось бы повторять тѣ же подробности, какія были приведены выше, относительно положенія въ этихъ мѣстахъ Славянской народности. И здѣсь вездѣ Нѣмецкій языкъ замѣняетъ Славянскій въ молодомъ поколѣніи. Въ мѣстечкѣ Леба ([2]), лежащемъ у истока Лебскаго озера въ море и ведущемъ довольно значительную торговлю, многіе изъ простонародья знаютъ еще по-Кашубски, особенно люди пожилые, но стыдятся этого языка и публично говорятъ почти только по-Нѣмецки. Съ 1811 года Польскій языкъ въ Лауенбургскомъ округѣ оффиціально запрещенъ, gesetzlich untersagt, какъ говорилъ мнѣ пасторъ въ Осѣкахъ; тогда же тамъ уничтожено приготовленіе на Польскомъ языкѣ дѣтей Кашубовъ къ конфирмаціи. Тѣ, которые конфирмованы до 1811 года, еще чистые Кашубы; остальные предпочитаютъ уже Нѣмецкій языкъ, а дѣти другаго языка не знаютъ. Въ Осѣкахъ 2 или 3 раза въ году совершается богослуженіе по-Польски. Около 1835 года было еще до 800 чел., ходившихъ къ Польскому богослуженію въ Осѣкскомъ приходѣ; теперь ([3]) осталось не болѣе 200; въ Харбровскомъ приходѣ почти столько же, а въ 1824 г. причащалось при Польскомъ богослуженіи до 700 чел. Въ этомъ послѣднемъ приходѣ изъ 800 душъ вовсе не говорятъ по-Нѣмецки 20 человѣкъ. Въ Яновицкомъ приходѣ (Jannewitz), лежащемъ на югъ отъ Харброва, между этимъ селомъ и горо-

---

([1]) Въ самомъ городѣ Лауенбургѣ уже никто не помнитъ времени, когда тамъ говорили по-Кашубски.

([2]) Словинцы называютъ его Lĭjeba, Кашубы Łeba (чит. Уеба).

([3]) Все, о чемъ я говорю въ этой статьѣ какъ о настоящемъ, относится къ 1856 году. Съ тѣхъ поръ, разумѣется, Славянская стихія еще болѣе ослабѣла въ этихъ мѣстахъ, Нѣмецкая еще болѣе усилилась.

домъ Лауенбургомъ, изъ 3,200 душъ 24 признаютъ себя Кашубами.

Объ отношеніяхъ Славянской и Нѣмецкой народностей въ собственной Кашубіи, т. е. въ сѣверной части западной Пруссіи, я не буду распространяться. Читателю уже извѣстно, какъ положеніе Славянской стихіи въ этомъ краѣ различно отъ положенія ея въ Помераніи. Тамъ вся масса народонаселенія Кашубы, за исключеніемъ чиновниковъ, купечества и мѣщанства въ городахъ и нѣсколькихъ Нѣмецкихъ колоній, водворенныхъ въ Картузскомъ округѣ ([1]). Но если въ собственной Кашубіи масса народонаселенія говоритъ еще только по Славянски, то ее въ настоящее время уже учатъ Нѣмецкому языку. Учатъ ее Нѣмецкому языку въ школахъ, посѣщеніе которыхъ обязательно для каждаго ребенка (за нехожденіе въ школу берутъ пеню съ родителей), учатъ во время трехгодичной, также обязательной для каждаго, службы въ войскѣ. Такимъ образомъ, во всей Кашубіи (за исключеніемъ стариковъ), нѣтъ уже мужчины, не знающаго сколько нибудь по Нѣмецки. Славянская же стихія поддерживается тѣмъ, что закону Божьему учатъ по Польски (Кашубы въ западной Пруссіи всѣ, какъ я сказалъ, католики), что проповѣдуютъ въ церквахъ по Польски, и что женщины, если выучатся нѣсколькимъ Нѣмецкимъ словамъ въ школѣ, дома ихъ тотчасъ позабываютъ и помнятъ только то, чему учились у Поляка-ксендза, ибо только это впослѣдствіи поддерживается въ ихъ памяти церковью. Впрочемъ и въ преподаваніи закона Божія у Кашубовъ-католиковъ Прусское правительство уже пыталось замѣнить Польскій языкъ Нѣмецкимъ. Въ 1843 году сдѣлано было въ Кенигсбергскомъ областномъ сеймѣ предложеніе слѣдующаго содержанія: «такъ какъ въ Картаузскомъ,

---

(1) Нѣкоторыя Нѣмецкія колоніи, въ прежнее время водворенныя въ сѣверной части Вейровскаго (Нейштадтскаго) округа, приняли Кашубскій языкъ, напр. рыбия (Ruben), Варшкове (Warschkau), Телове (Tillau), Большево (Bohlschau), Нѣньцъ (Nanitz), Орле (Orla), а иныя, напр. Польчено (Polzin) совсѣмъ позабыли по Нѣмецки.

Берендскомъ (Косцержинскомъ), Нейштадтскомъ (Вейеровскомъ) и въ части Коницкаго (Хойницкаго) округа языкъ употребляемый народомъ не есть Польскій, а Кашубскій, и такъ какъ Кашубскій языкъ не есть языкъ письменный и потому лишенъ всякаго основанія къ дальнѣйшему развитію, то ходатайствовать, дабы государственная власть употребила для уничтоженія (Unterdrückuug) онаго всѣ зависящія отъ нея средства». Вслѣдствіе этого постановленія сейма изданъ былъ правительствомъ приказъ, чтобы во всѣхъ училищахъ поименованныхъ четырехъ Кашубскихъ округовъ, преподаваніе, не исключая и религіознаго, производилось единственно на Нѣмецкомъ языкѣ. Это распоряженіе встрѣтило сильную оппозицію въ католическомъ духовенствѣ, которое въ особенности опасалось, чтобы Нѣмецкій языкъ не открылъ въ народѣ дорогу протестантскимъ идеямъ; народъ также роптал. Нѣкоторые изъ членовъ католическаго духовенства въ Кашубіи обратились тогда къ престарѣлому Данцигскому пастору Мронговіусу (составителю извѣстнаго Польско-Нѣмецкаго Словаря), пользовавшемуся большимъ ученымъ авторитетомъ и получили отъ него свидѣтельство, что «Кашубскій языкъ, употребляемый въ западной Пруссіи, есть лишь нарѣчіе литературнаго Польскаго (hochpolnisch) языка, болѣе близкое къ нему даже, нежели Баварское или Саксонское нарѣчіе къ литературному Нѣмецкому (hochdeutsch)». На основаніи этого свидѣтельства стали ходатайствовать у Прусскаго министерства и, наконецъ, у самого короля, и достигли того, что въ 1846 г. кабинетнымъ повелѣніемъ разрѣшено было преподавать законъ Божій въ Кашубскихъ округахъ на «родномъ языкѣ» (in der Muttersprache); а въ 1852 г. послѣдовалъ министерскій рескриптъ, постановлявшій, чтобы въ тамошнихъ низшихъ школахъ преподавался «родной языкъ, какъ основаніе для изученія языка Нѣмецкаго (die Muttersprache als Grundlage zur Erlernung der deutschen gelehrt werde)». Такимъ образомъ католическое духовенство отстояло на первый разъ Польскій языкъ въ Кашубскихъ учи-

лицахъ западной Пруссіи. Но надобно, однако, сказать, что народное образованіе у тамошнихъ Кашубовъ, находящееся подъ вліяніемъ, а частью въ рукахъ этого духовенства, стоитъ на гораздо низшей ступени, нежели въ протестантской Померанiи.

V.

Народный характеръ и бытъ Словинцевъ и Кашубовъ.

Я пробылъ между Словинцами Померанскими и Кашубами слишкомъ мало времени, чтобы могъ судить вполнѣ объ особенностяхъ ихъ народнаго характера и быта, и долженъ буду въ этомъ отношеніи ссылаться болѣе на показанія тамошнихъ жителей, нежели на собственныя наблюденія.

Прежде всего обращаюсь къ характеристикѣ Померанскихъ Кашубовъ, сдѣланной Цеценовскимъ пасторомъ Лорекомъ въ 1820 году и напечатанной въ «Pommersche Provinzialblätter» (Zweiter Band; 3 и 4 Stück. Treptow a. d. Rega 1821) подъ заглавіемъ «Zur Charakteristik der Kassuben am Leba-Strome». Это, сколько мнѣ извѣстно, единственное описаніе Кашубскаго племени въ Нѣмецкой литературѣ. Наблюденія Лорека тѣмъ болѣе любопытны, что въ 1820 году Кашубское населеніе было еще преобладающимъ элементомъ въ сѣверовосточномъ углу Помераніи и что авторъ, бывши пасторомъ Кашубскаго прихода, могъ, какъ нельзя лучше, познакомиться съ этимъ народомъ. Переведу здѣсь, съ нѣкоторыми сокращеніями, мѣсто изъ статьи Лорека, касающееся народнаго характера и быта Кашубовъ, а потомъ сличу его свидѣтельства съ показаніями лицъ, которыхъ я разспрашивалъ, и съ собственными замѣчаніями.

«Кашубъ презираетъ все Нѣмецкое. Рѣдко онъ отвѣтитъ *Померянину*, какъ онъ презрительно [1] называетъ Померанска-

---

(1) Einem «Pomerenig», wie er den Deutsch-Pommer verächtlich nennt. Я этого выраженія не слыхалъ; но во всякомъ случаѣ, само по себѣ, названіе *Поме-*

го Нѣмца, на сдѣланный ему вопросъ, даже если его хорошо понялъ и могъ бы отвѣчать по Нѣмецки (1)........ Языкъ простаго народа весьма протяженъ и, когда говорятъ не скоро, монотоненъ и имѣетъ противную для уха пѣвучесть (klingt.... widrig singend) (2). Въ словахъ трехсложныхъ удареніе ставится всегда на первомъ слогѣ, отчего рѣчь получаетъ, по большей части, характеръ подскакивающій (hüpfend) (3). Бабы не говорятъ: онѣ кричатъ и этимъ дѣлаются невыносимыми. Кажется, что слышишь вѣчную брань (4).

«Низкая степень умственнаго образованія, на которой стоятъ Кашубы здѣсь на рѣкѣ Лебѣ и далѣе къ западу, обличается также тѣмъ, что они не имѣютъ собственныхъ пословицъ и народныхъ пѣсенъ (5). Никогда не услышишь Кашуба поющимъ. Нѣмой, безъ радостей и безъ мыслей, проходитъ онъ жизнь. Рѣдко побуждаетъ его религіозное чувство пѣть внѣ церкви духовныя пѣсни: ихъ отъ него почти не услышишь. Развѣ иногда дѣвки, возвращаясь вечеромъ съ сѣнокоса, затянутъ однообразно-звучащую духовную пѣснь; но съ окончаніемъ полевыхъ работъ эти пѣсни умолкаютъ.

«Нравственный характеръ Кашубовъ такой же, какимъ было доселѣ ихъ общественное состояніе: именно рабскій (6).

рянинъ (такъ, очевидно, слѣдуетъ прочесть Лорековское «Pomerenig») не могло имѣть характера презрительнаго въ устахъ Кашуба.

(1) Не знаю, справедливо ли это замѣчаніе; на вопросы, сдѣланные по Польски, мнѣ отвѣчали всегда охотно.

(2) Дѣйствительно, Померанскіе Славяне говорятъ весьма протяжно, но не всѣ, а только Словинцы и изъ Кашубовъ жители рыбацкихъ деревень. Это, кажется, необходимое послѣдствіе быта рыбаковъ, которые, перекликиваясь другъ съ другомъ на водѣ, при сильномъ вѣтрѣ, привыкаютъ тянуть слова.

(3) Совершенно несправедливо: рѣчь Кашубовъ и Словинцевъ отличается отъ Польской и другихъ западныхъ Славянскихъ нарѣчій особеннымъ разнообразіемъ удареній.

(4) Я не замѣтилъ, чтобы Кашубскія женщины говорили громче Нѣмецкихъ и другихъ деревенскихъ бабъ.

(5) Пословицъ у этого народа не мало: видно, пасторъ Лорекъ ихъ не замѣтилъ. Что касается до пѣсенъ, то объ этомъ я скажу впослѣдствіи.

(6) Пасторъ Лорекъ писалъ въ 1820 г., а только въ 1816 уничтожено было въ Кашубскомъ краѣ крѣпостное состояніе.

Кашубъ не имѣетъ почти или вовсе понятія о вѣжливости, благопристойности и приличіи, и говоритъ всякому безъ разбора *ты* или *онъ* (Er), о нашемъ *Sie* не знаетъ и не имѣетъ соотвѣтствующаго выраженія [1]. Это еще не бѣда; но хуже то, что въ немъ мало или вовсе нѣтъ чувства благодарности, признательности и услужливости. При всемъ томъ, однако, неосновательнымъ образомъ преувеличено общепринятое мнѣніе, будто только палкою или стаканомъ вина можно побудить Кашуба къ оказанію требуемой услуги; хотя нельзя отрицать, что онъ не легко рѣшится сдѣлать шагъ просто изъ дружбы и безъ вознагражденія. То, что онъ долженъ отработать, онъ дѣлаетъ неохотно и старается исполнять какъ нельзя хуже.

«Онъ алченъ къ деньгамъ и корыстолюбивъ, а потому не позволяетъ себѣ никакой роскоши, кромѣ водки, всякій разъ какъ пріѣдетъ въ городъ. Хлѣбъ свой онъ приготовляетъ такъ дурно, что онъ одинъ въ состояніи его ѣсть. Для хлѣба онъ беретъ самую дурную рожь, смѣшанную болѣе, чѣмъ на половину, съ ячменемъ, или одинъ только ячмень, предварительно высушенный и смолотый съ шелухою и остями; за тѣмъ, эта мука печется съ сырымъ, растертымъ картофелемъ. Выходитъ хлѣбъ, похожій на черный торфъ, и такой гадкій, что всякій Нѣмецъ имъ побрезгаетъ. Кашубу, напротивъ, этотъ хлѣбъ доставляетъ бѣлизну зубовъ, похожую на слоновую кость, но причиняетъ также частыя судороги желудка и нерѣдко смертельныя болѣзни. Многіе, однако, остаются здоровыми и достигаютъ глубокой старости. Чтобы сберечь побольше ржи для

---

(1) Странное требованіе, чтобы въ Славянскомъ языкѣ было такое выраженіе. Впрочемъ, несправедливо, чтобы Кашубы-простолюдины были такъ невѣжливы и говорили всякому *ты*. Напротивъ, Словинецъ и Кашубъ, когда желаетъ быть вѣжливымъ, говоритъ *вы*. Этимъ рѣчь Словинцевъ и Кашубовъ отличается отъ Польской, гдѣ говорятъ другъ другу въ третьемъ или второмъ лицѣ единственнаго числа съ прибавленіемъ слова *пана*. Этотъ Польскій способъ обращенія совершенно неизвѣстенъ Словинцамъ и Кашубамъ въ Померанія; въ Западной Пруссія онъ вкрадывается на границѣ Великопольскаго племени, а также вообще у тѣхъ Кашубовъ, которые находятся въ непосредственномъ соприкосновенія съ Польскою шляхтою.

продажи, Кашубъ не смотритъ въ этомъ отношеніи ни на какія лишенія.

«Нечистота въ бѣльѣ, одеждѣ, постеляхъ и жилищахъ господствуетъ у Кашубовъ въ высшей степени.—Кашубъ готовъ прибѣгнуть къ хитрости, интригамъ и обману, если надѣется достигнуть этимъ какой нибудь выгоды. Склонность къ кражѣ простирается большею частію только на дрова и плоды (присвоеніе которыхъ, по общепринятому у Кашубовъ мнѣнію, не есть грѣхъ), но при случаѣ Кашубъ не откажется присвоить себѣ и другіе предметы, если попадутся подъ руку.

«Коварство, дерзость и злобные замыслы, затѣянные и исполненные сообща, не составляютъ рѣдкихъ явленій между Кашубами, особенно если зачинщики такихъ замысловъ могутъ остаться скрытыми. Такъ какъ у Кашубовъ всѣмъ управляютъ женщины, то онѣ и бываютъ обыкновенно предводительницами въ мятежныхъ сборищахъ противъ распоряженій власти, ибо онѣ надѣются легче избѣгнуть наказанія. На голодный желудокъ Кашубъ низкопоклоненъ, но становится высокомѣрнымъ, коль скоро обезпеченъ отъ нужды. Когда нѣтъ сопротивленія, онъ левъ; но когда ему противостанутъ серьезно, выказываетъ величайшую трусость, если только его не воодушевятъ водкою.

«Такое чрезмѣрное преобладаніе дурныхъ качествъ, конечно, объясняется у этого маленькаго народа сколько недостаточнымъ религіознымъ и умственнымъ образованіемъ, столько его внѣшнимъ положеніемъ, неблагопріятными обстоятельствами, въ которыхъ онъ жилъ такъ долго, и способомъ, какимъ часто съ нимъ обращались. У Кашубовъ нерѣдко живутъ вмѣстѣ, въ одной избѣ, до 15 и 20 человѣкъ. При такой тѣснотѣ, для всякаго, и не только для грубаго и безчувственнаго Кашуба, было бы трудно сохранять благонравіе, чистоту и порядокъ. Съ молоду не привыкшій видѣть лучшее, онъ вовсе не тяготится нечистотою, а она влечетъ за собою нечистоту въ помыслахъ и дѣйствіяхъ. Какъ можетъ въ такой тѣснотѣ быть

заведенъ порядокъ? Пустые разговоры, шалости и непристойности занимаютъ длинные зимніе вечера. Одинъ портится отъ другаго.

«Жестокость и презрительность обращенія и истязанія, по необходимости, вызываютъ лукавство, дерзость и злобные поступки. Я далекъ отъ мысли, чтобы между господами, подъ властію которыхъ находились Кашубы, жестокіе и безпутные издавна были въ большинствѣ. Къ ихъ чести, можно, напротивъ, принять съ достовѣрностью рѣшительное большинство добрыхъ и благодушныхъ.... ([1]). Но и при такихъ господахъ, могли ли эти люди не утратить чувства собственнаго достоинства, когда, напримѣръ, существовало такое правило: въ Михайловъ день, срокъ, въ который у поселянъ мѣнялись работники, всѣ батраки и батрачки, а равно и взрослые сыновья и дочери самыхъ поселянъ ([2]), призывались на барскій дворъ, тѣ, которые не шли по доброй волѣ, пригонялись туда; помѣщикъ выходилъ на дворъ и, по своему произволу, назначалъ кому гдѣ и у кого служить въ работникахъ въ теченіе слѣдующаго года; никакое возраженіе, даже самое основательное, не принималось противъ такого приказанія; отецъ, сколько бы ни нуждался въ помощи своего сына или дочери, принужденъ былъ уступить ихъ другому, по прихоти своего повелителя.

«Кашубскій народъ между собою миролюбивъ и единодушенъ. Рѣдко случаются между ними несогласія и значительныя ссоры: изрѣдка только побранятся двѣ бабы, да и это скоро забывается и прощается. Разводъ у Кашубовъ дѣло неслыханное; несогласія между супругами рѣдкость. Часто, какъ ска-

---

([1]) Слѣдуетъ нѣсколько общихъ фразъ о вредѣ принципа крѣпостнаго права даже при хорошихъ помѣщикахъ.

([2]) Словомъ *поселянинъ* я перевожу Нѣмецкое *Bauer*, т. е. наслѣдственный обладатель (при крѣпостномъ правѣ зависимый отъ помѣщика, а нынѣ выкупившійся) усадьбы и поля; число этихъ поселянъ ограничено сравнительно съ батраками (Knechte), которые живутъ у нихъ въ работникахъ и не имѣютъ участія въ поземельной собственности.

зано; вмѣстѣ живутъ человѣкъ 20 и болѣе, нѣсколько семей, и между ними царствуетъ мирная тишина. Къ близкимъ, особенно къ своимъ дѣтямъ, они питаютъ большую любовь. Въ болѣзняхъ они тратятъ для родныхъ послѣднюю копейку, хотя часто и въ этомъ отношеніи превратнымъ образомъ, на знахарей, ворожей и т. под.

«Ими легко можно управлять, если быть имъ нѣсколько уступчивымъ, щадить ихъ предразсудки и обходиться съ ними дружелюбно. Они становятся даже довѣрчивыми, коль скоро съ ними обращаешься терпѣливо и не противопоставляешь имъ жесткости и буйства. Неосновательно упрекаютъ ихъ въ совершенной глупости. Грубые и невѣжественные, они дѣйствительно неловки въ обхожденіи; но тупость и неспособность не столь общія и существенныя ихъ качества, какъ обыкновенно полагаютъ. Славянинъ (der Wende), конечно, не обладаетъ утонченными манерами, привычками и обычаями, которые мы находимъ у образованныхъ Померанцевъ и у помѣщиковъ Кашубскаго края; еще менѣе знакомъ Славянинъ съ изысканными выраженіями вѣжливости; но при всемъ томъ въ немъ нѣтъ недостатка въ прямомъ и здравомъ умѣ, которымъ онъ иногда превосходитъ своего пастора и помѣщика. Въ его могучемъ тѣлѣ живетъ часто могучая душа.

«Дѣти оказываются въ школахъ далеко не тупыми; они понимаютъ легко, быстро заключаютъ по одному о другомъ и приспособляютъ свои заключенія, если только есть у нихъ учитель, способный возбуждать ихъ умственную дѣятельность. Здѣсь, на берегу Лебы (здѣшнихъ именно Кашубовъ я имѣю преимущественно въ виду), улучшеніе находившихся въ столь глубокомъ упадкѣ школъ въ короткое время вызвало такъ много утѣшительныхъ явленій, что прежде нельзя было ожидать ничего подобнаго.

«Также между взрослыми встрѣчаются часто ловкіе мастеровые, часовщики, токари, рѣзчики, бочары и т. п., истинные чародѣи (Tausendkünstler), которые этимъ ремесламъ никогда

не учились и тайкомъ высмотрѣли ихъ у мастеровъ или дошли до нихъ тщательнымъ осмотромъ и разложеніемъ предмета, наведшаго ихъ на попытки подражанія. И это они дѣлаютъ по бо́льшей части простымъ ножомъ и самыми обыкновенными орудіями, часто такъ искусно и умно, что съ трудомъ признаешь это за произведеніе Кашуба, котораго видишь передъ собою.

«У насъ не было бы теперь такого недостатка въ хорошихъ мастеровыхъ и ремесленникахъ, если бы Кашубамъ, крѣпостнымъ людямъ, дозволялось учиться ремесламъ. Это имъ прежде запрещали, дабы не лишиться земледѣльцевъ, или же дозволяли только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они навсегда и исключительно работали для своихъ господъ. Естественно, что это подавляло въ нихъ всякую охоту дѣлаться ремесленниками.

«Чего нельзя ожидать отъ этихъ людей, коль скоро они будутъ учиться въ школахъ, которыхъ до сихъ поръ вовсе или почти не посѣщали; коль скоро снимутъ съ нихъ оковы, останавливавшія до сихъ поръ свободное направленіе ихъ дѣятельности; коль скоро они будутъ въ правѣ распоряжаться своимъ временемъ и сдѣлаются владѣльцами своихъ домовъ. Если и нынѣ, когда они едва могутъ питать надежду пріобрѣсти самостоятельность и собственность, хорошіе примѣры уже начинаютъ возбуждать въ нихъ охоту къ подражанію, и они, напримѣръ, разводятъ у себя правильные фруктовые сады, усвоиваютъ себѣ прививаніе деревьевъ, стараются распространять и улучшать свои жилища и хозяйственныя строенія, то сколь отраднымъ будетъ черезъ 50 лѣтъ видъ Кашубскихъ деревень, когда эти люди будутъ работать въ томъ убѣжденіи, что ихъ усилія и труды обратятся въ пользу ихъ самихъ и ихъ дѣтей! Ибо Кашубскій поселянинъ трудолюбивъ и постояненъ въ работѣ, когда дѣло идетъ о его собственной выгодѣ. Если немногіе только изъ мужчинъ прибѣгаютъ къ другимъ промысламъ, кромѣ земледѣлія, если женщины не сами ткутъ себѣ

полотно, то это приходитъ не столько отъ лѣни или неспособности, сколько, по бо́льшей части, отъ чрезмѣрной тѣсноты жилищъ, въ которыхъ нѣтъ мѣста для какого бы то ни было домашняго производства, а также отъ бывшей доселѣ невозможности располагать своимъ временемъ и силами.

«При существовавшей до сихъ поръ необезпеченности владѣнія крестьянскими участками (Bauergut), происходило равнодушіе, неисправность, и—какъ необходимое ихъ послѣдствіе,—безпорядокъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Безпорядокъ этотъ распространялся тѣмъ болѣе, что никто не думалъ ему противодѣйствовать. Такъ, напримѣръ, канавы на лугахъ и выгонахъ сто лѣтъ оставались нечищенными, никто не заботился о поддержкѣ и исправленіи плотинъ, и такимъ образомъ луга затоплялись, скотъ всякій день утопалъ въ грязи на пастбищѣ и т. д. (¹).»

Переведенныя нами слова не требуютъ особеннаго поясненія. Вы видите тутъ Нѣмецкаго пастора, который приступаетъ къ изображенію своей Славянской паствы со всѣми чувствами національной гордости и презрѣнія къ варварамъ «Вендамъ». Первый ихъ порокъ въ его глазахъ тотъ, что они, съ своей стороны, презираютъ все Нѣмецкое. Съ него пасторъ Лорекъ и начинаетъ свою характеристику. Подъ вліяніемъ этого чувства, онъ продолжаетъ описывать варварскій народъ, Кашубы у него выходятъ и лишенными мысли и раболѣпными и невѣжливыми и неблагодарными, пьяницами, скрягами, ворами, нагледами и трусами и т. дал.; и хлѣбъ у нихъ гадкій, и живутъ они въ чрезмѣрной тѣснотѣ, цѣлымъ родомъ вмѣстѣ, и сопротивляются властямъ и проч., и проч. Но, мало по малу, добрымъ пасторомъ овладѣваетъ сомнѣніе: всѣ эти пороки и дурныя качества, которыя онъ замѣтилъ въ Кашубахъ, суть ли свойство ихъ характера, и не происходятъ ли, по большей части,

(¹) Пропускаемъ, какъ не относящіяся къ нашему предмету, заключительныя разсужденія автора о мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты противъ этихъ неудобствъ.

отъ внѣшнихъ причинъ, т. е. отъ порабощенія, въ которомъ жилъ этотъ народъ? Вотъ онъ и выставляетъ вліяніе на него крѣпостнаго права; выставляетъ онъ это вліяніе осторожно и робко, съ множествомъ недомолвокъ и оговорокъ, очевидно для того, чтобы не оскорбить своихъ прихожанъ и пріятелей, Нѣмцевъ-помѣщиковъ, которые, только что лишившись въ то время своихъ владѣльческихъ правъ, вѣроятно, еще жалѣли о нихъ. Что слова пастора Лорека о гнетѣ, подъ которымъ жили Кашубы отъ Нѣмцевъ-помѣщиковъ, представляютъ только самую слабую тѣнь дѣйствительности, это можно сказать положительно: мнѣ говорили тамошніе жители Нѣмцы, что нигдѣ въ Пруссіи крѣпостное право не было такъ тягостно и такъ обильно злоупотребленіями, какъ въ Кашубской части Помераніи (это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что помѣщики Нѣмцы не имѣли ничего общаго съ своими подданными и презирали ихъ, какъ низшее племя); реформа произведена была здѣсь позднѣе и медленнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ Пруссіи; народъ находился въ нищетѣ невѣроятной и былъ до того убитъ крѣпостнымъ правомъ, что, по прекращеніи этого права, цѣнность крестьянскихъ участковъ въ Кашубскихъ деревняхъ въ весьма короткое время, по словамъ тамошнихъ жителей, болѣе чѣмъ удесятерилась. — Но возвратимся къ пастору Лореку. Какъ только онъ сказалъ себѣ, что темная сторона, замѣченная имъ въ Кашубахъ, не столько ихъ собственная вина, сколько вина Нѣмецкаго владычества и крѣпостнаго права, Нѣмецкій пасторъ взглянулъ на этотъ народъ совсѣмъ другими глазами, и кончилъ его характеристику чертами, прямо противоположными тѣмъ, которыми ее началъ. Во многомъ вы тутъ видите сохранившимися у послѣднихъ остатковъ Славянъ Балтійскихъ характеристическія качества Славянскаго племени (я говорю *качества:* ибо, разумѣется, о порокахъ и добродѣтеляхъ народа вообще, у насъ и рѣчи быть не можетъ). Показанія пастора Лорека заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго довѣрія, что онъ, какъ видно изъ его статьи, не имѣлъ никакого понятія о дру-

гихъ Славянахъ и писалъ единственно по собственнымъ наблюденіямъ; при томъ же онъ далеко не былъ расположенъ, читатель видѣлъ, хвалить Кашубскій народъ. Весь конецъ приведеннаго отрывка въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ. Если Кашубы Померанскіе, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, утратили всѣ слѣды общины въ устройствѣ гражданскомъ и подчинились вполнѣ общественному порядку Нѣмецкому, то въ домашнемъ быту общинный духъ у нихъ еще во время Лорека былъ живъ и отличалъ ихъ отъ Нѣмецкихъ поселянъ [1]. Жаль, что Лорекъ не записалъ подробностей о хозяйственномъ устройствѣ этихъ родовыхъ общинъ у Померанскихъ Кашубовъ, имѣющихъ, по видимому, много сходнаго съ родовыми общинами Сербскими. Въ настоящее время, послѣ экономическаго переворота, произведеннаго законами о выкупѣ крестьянскихъ земель и при быстромъ вымираніи Кашубской народности, семьи раздѣлились и бытъ Померанскихъ Кашубовъ, сколько я могъ судить, почти не отличается уже отъ Нѣмецкаго. Сельское общество (gromada), состоящее только изъ тѣхъ поселянъ, которые имѣютъ поземельные участки (gburzi), распоряжается лишь выборомъ пастуха и ночнаго сторожа, отводомъ квартиръ для постоя, нарядомъ людей, чтобы копать или чистить рвы, и раскладкою *ссыпки*, т. е. хлѣба, крупъ и т. д., въ пользу священника и школьнаго учителя. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ *громада* выбираетъ *шолтыса* (старосту); но въ другихъ эта должность наслѣдственна въ одной семьѣ, въ иныхъ онъ назначается патрономъ деревни, т. е. ея бывшимъ помѣщикомъ. Кромѣ *гбуровъ*, населеніе деревни состоитъ изъ *халупниковъ*, имѣющихъ свою избу, но безъ поля,

---

(1) Лорекъ разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ той же статьи, что для сѣнокоса Кашубскіе хозяева звали на помочь сосѣдей, и что они съ ними работали тогда всю ночь. Ихъ угощали виномъ, а на другой день обѣдомъ. Этотъ обычай, по его словамъ, приносилъ каждому хозяину гораздо больше убытка, чѣмъ пользы, но Кашубы считали невозможнымъ безъ этого косить свое сѣно. Теперь обычай этотъ совершенно вывелся.

и *коморниковъ*, не имѣющихъ никакой собственности и живущихъ въ батракахъ у хозяевъ.

Прибавлю еще нѣсколько отзывовъ, мною слышанныхъ, и собственныхъ моихъ замѣчаній о Кашубахъ.

Мнѣ трудно говорить о Кашубахъ безъ сочувствія: таково впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ народомъ. Въ особенности Словинцевъ-рыбаковъ не полюбить невозможно. Это народъ совершенно неиспорченный нравственно, добродушный, удалой на морѣ, въ высшей степени понятливый. Гарденскій пасторъ, весьма неблагосклонный къ Славянскому элементу, хвалилъ, однако, честность своихъ прихожанъ-Словинцевъ, чистоту ихъ семейнаго быта, въ которомъ супружеская невѣрность совершенно неизвѣстна, и говорилъ, что Словинскіе жители края гораздо живѣе и бойче умственно (geistig reger и gewandter), чѣмъ Нѣмецкіе; что дѣти Словинцевъ, которые выучиваются въ деревнѣ господствующему во всей Помераніи нижне-Нѣмецкому нарѣчію (plattdeutsch), — поступивъ въ школу, гораздо скорѣе и лучше Нѣмецкихъ дѣтей усвоиваютъ себѣ языкъ литературный (hochdeutsch), который какъ извѣстно, въ Пруссіи и остальной Германіи господствуетъ въ преподованіи исключительно предъ всѣми мѣстными нарѣчіями. Сверхъ того, Словинцы, по словамъ Гардненскаго пастора, отличаются вспыльчивостью и злобою къ Нѣмцамъ. Болѣе благосклонный къ своей Славянской паствѣ, Гловчицкій пасторъ Доманнъ, имя котораго я уже приводилъ не разъ, изображалъ мнѣ ее самыми свѣтлыми чертами, и говорилъ даже, что они добрѣе Нѣмецкихъ поселянъ.

По единогласному отзыву всѣхъ, описывавшихъ мнѣ характеръ Словинцевъ и Кашубовъ, они отличаются необыкновенною силою религіознаго чувства; набожностью своею они далеко превосходятъ Нѣмецкихъ поселянъ этого края. Религія, по словамъ г. Доманна, проникаетъ всю ихъ жизнь; къ церкви постоянно обращаются ихъ мысли. Они здороваются при встрѣчѣ словами: «Pomoż Bog»; прощаются словами:

«Ostańce z Bogą». При всякомъ важномъ случаѣ въ жизни они приносятъ какой нибудь даръ (обыкновенно нѣсколько денегъ) «na Boźi dom», чего ихъ сосѣди Нѣмцы никогда не дѣлаютъ; ходятъ къ причастію гораздо чаще Нѣмцевъ, почти всѣ безъ исключенія по четыре раза въ годъ; поютъ духовныя пѣсни весьма часто, непремѣнно каждую субботу вечеромъ и всю Страстную недѣлю.

Въ слѣдствіе ли вѣковой тяжелой борьбы, уничтожившей племя Балтійскихъ Славянъ, или по другимъ причинамъ, остатки этого племени, Словинцы и Кашубы Померанскіе, разительно отличаются отъ всѣхъ другихъ Славянъ совершеннымъ отсутствіемъ веселости въ характерѣ и проявленій веселія въ жизни, т. е. пѣсенъ и пляски. Я не замѣтилъ въ этихъ людяхъ никакихъ признаковъ шутливости. Пѣсни они поютъ только духовныя (заимствованныя изъ церковныхъ книгъ); кромѣ того, слѣды пѣсни замѣтны только въ обрядовыхъ приглашеніяхъ на свадьбу (roczenia), которыя произносятся риѳмованными фразами. Но иначе этотъ народъ не поетъ. Онъ также не пляшетъ, отличаясь тѣмъ отъ Польскаго простонародья, которое, какъ извѣстно, необыкновенно любитъ плясать. Единственный случай, когда Кашубамъ иногда вздумается плясать, это на свадьбѣ. Я долженъ, однако, замѣтить, что эти слова относятся въ полной мѣрѣ только до Словинцевъ, Кабатковъ и Кашубовъ Померанскихъ, и лишь отчасти до жителей коренной «Кашубіи» въ западной Пруссіи, т. е. сѣверной, приморской части этой области. Далѣе къ югу, ближе къ границѣ Польской народности, въ Картузскомъ, а еще болѣе въ Косцержинскомъ (Берендскомъ) округѣ, гдѣ Кашубская рѣчь уже сливается съ Великопольскою, народъ поетъ охотнѣе; но его пѣсни еще отрывочнѣе и беднѣе содержаніемъ, чѣмъ Польскія. Большею частію онѣ состоятъ изъ одного четырехъ-стишнаго куплета, на подобіе *краковяковъ* (вообще форма эта, какъ извѣстно, особенно свойственна Польской народной поэзіи). Вотъ

два примѣра такихъ пѣсенъ, слышанныхъ мною въ этой части Кашубской земли:

«A ty kviotko levandovy
Nié spadni że z moji głovy;
Bo ke tĕ rôz spadniesz,
Tĕ vicî se nie usadniesz»; или:

«Moja pani matko,
Trzimaj że mnie gładko,
Od niedzeli do niedzeli,
Jak czervone jabko».

Впрочемъ, тамъ знаютъ и цѣльныя пѣсни, но весьма мало и, кажется, преимущественно шуточныя или обрядовыя. Читатель познакомится съ ними изъ приложенія къ этой статьѣ.

Окончу эту характеристику словами одного просвѣщеннаго католическаго священника (1) о Кашубахъ-католикахъ въ Западной Пруссіи. «Этотъ народъ отличается честностью и добродушіемъ. Кашубы у себя ничего не запираютъ; о покражахъ и обманахъ почти никогда не слыхать въ Кашубскихъ деревняхъ. Только въ самой крайней нуждѣ Кашубъ рѣшится украсть, но украдетъ тогда кусокъ хлѣба, а денегъ или чего нибудь цѣннаго никогда не тронетъ. Вообще Кашубское простонародье славится своею честностью и превосходитъ въ этомъ отношеніи Нѣмецкихъ колонистовъ, здѣсь живущихъ; въ послѣднихъ также гораздо больше грубости (Bestialität), чѣмъ въ Кашубахъ. Кашубы чрезвычайно набожны и преданы церкви; духовенство имѣетъ на нихъ всесильное вліяніе. Нравственность ихъ не испорчена; нарушенія супружеской вѣрности почти никогда не бываетъ. Дѣвушки берегутъ свою честь: на 200 законнорожденныхъ въ Кашубскихъ деревняхъ едва приходится одинъ незаконнорожденный ребенокъ. — Что касается общественнаго быта, то всѣ слѣды общины, если она была здѣсь прежде,

(1) Деканъ Бьешки (Bieschki) въ с. Стржепцѣ, въ Нейштадскомъ (Вейеровскомъ) округѣ.

стерты законодательствомъ о выкупѣ крестьянскихъ участковъ и раздѣлѣ между поселянами прежнихъ общественныхъ угодій. Общиннаго чувства между Кашубами уже вовсе не замѣтно; напротивъ, Кашубъ, болѣе чѣмъ Нѣмецъ, любитъ уединяться и при первой возможности старается выселиться изъ деревни и выстроить себѣ одинокое жилье. — Кашубы вообще богато одарены способностями. Относительно практическаго ума они, должно быть, всего болѣе похожи на Русскихъ (dem Nationalrussen am ähnlichsten); что Кашубъ увидитъ, онъ перейметъ тотчасъ. Имъ въ высшей степени владѣетъ духъ предпріимчивости и спекуляціи. Коль скоро у него талеръ въ карманѣ, онъ хлопочетъ о пріобрѣтеніи другаго. Всѣ Кашубы въ душѣ купцы и промышленники; вся Кашубія занимается спекуляціями. Напротивъ того, простолюдинъ-Полякъ никогда не пускается въ спекуляціи и занимается исключительно хлѣбопашествомъ.»

Обращаю вниманіе читателя на это различіе въ характерѣ Поляковъ и Кашубовъ, замѣченное человѣкомъ, столь коротко знакомымъ съ обоими племенами и внимательнымъ къ народу, какъ этотъ священникъ, слова котораго я только что привелъ. Дѣйствительно, различіе въ характерѣ между Кашубами и Поляками чрезвычайно велико, судя по единогласнымъ показаніямъ туземцевъ, и это особенно любопытно при тѣсномъ родствѣ этихъ двухъ племенъ, при близости ихъ нарѣчій, которыя, напримѣръ, въ Стржепцѣ, гдѣ живетъ священникъ, указывавшій мнѣ на такую разницу въ народномъ характерѣ, сливаются почти въ одинъ говоръ. Итогъ всего, что я слышалъ о разницѣ Польскаго и Кашубскаго характера заключается въ слѣдующемъ. Кашубы гораздо холоднѣе, осторожнѣе, серьезнѣе и положительнѣе въ словѣ и намѣреніи; Полякъ болѣе воспламенителенъ, живъ, легкомысленъ и непостояненъ; Полякъ бóльшій охотникъ веселиться, чѣмъ Кашубъ; Полякъ имѣетъ въ себѣ мало промышленнаго духа и склоннѣе тратить, чѣмъ пріобрѣтать; Кашубъ, напротивъ того, человѣкъ промышленный и разсчетливый. Можно сказать, что эти двѣ вѣтви одного Сла-

вянскаго народа, Поляки и Ляхи Прибалтійскіе, были созданы для того, чтобы восполнять другъ друга, и нѣтъ сомнѣнія, что вѣтвь Прибалтійская, по своимъ свойствамъ, могла бы имѣть важное вліяніе на общественное развитіе своихъ братій и сосѣдей Поляковъ, если бы исторія не довела ея до такого политическаго и численнаго ничтожества и не приготовила ея постепеннаго вымиранія.

VI.

Народная одежда Словинцевъ и Кашубовъ.

Въ настоящее время, народная одежда этого племени исчезаетъ передъ Нѣмецкимъ костюмомъ и городскою модою; ее сохраняютъ только старики и старухи, и то большею частію не вполнѣ. Судить о ней въ подробности мы можемъ по описанію пастора Лорека (въ приведенной уже статьѣ), сдѣланному въ 1820 г., когда одежда эта еще господствовала повсемѣстно у Померанскихъ Славянъ. Лорекъ имѣлъ въ виду преимущественно своихъ прихожанъ, Цеценовскихъ Кашубовъ на западномъ берегу Лебы; но сколько я могъ судить по разсказамъ стариковъ, одежда прочихъ Кашубовъ и Словинцевъ ничѣмъ существеннымъ не отличалась отъ той, которую онъ изображаетъ. Я переведу здѣсь, съ небольшими сокращеніями, его описаніе, и дополню его нѣкоторыми своими примѣчаніями.

«Кашубы въ одеждѣ своей придерживаются преимущественно чернаго цвѣта, согласно обычаю своихъ предковъ. Не только женщины, но и мужчины носятъ всегда черное. Праздничное и свадебное платье мужчинъ — это черный кафтанъ (Kittel) безъ складокъ, подбитый красною матеріею, которая выступаетъ нѣсколько по краямъ, и спереди, на груди и полахъ, украшенный снурками и петлями. Широкія короткія брюки дѣлались также прежде изъ черной матеріи, но теперь изгоняются бѣлыми холщевыми. Кромѣ чернаго, любимый цвѣтъ красный. Праздничный колпакъ (Sonntags-kolpack) Кашубовъ красный, съ чер-

нымъ околышкомъ, а еще наряднѣе—черная мѣховая шапка съ краснымъ суконнымъ дномъ.

«Будничная одежда нѣсколько другая. Дѣтей одѣваютъ въ длинные черные кафтаны изъ домашней ткани, которая тчется изъ льна и шерсти вмѣстѣ и красится также дома женщинами; только видъ головнаго убора отличаетъ мальчиковъ отъ дѣвушекъ. По шестому или по седьмому году мальчикъ облачается въ настоящій Кашубскій костюмъ: это *harneja*, куртка изъ бѣлаго холста, протканнаго шерстью (¹). Подъ нею носится *liwk*, жилетъ изъ той же матеріи, также какъ куртка, застегиваемая на крючки; брюки по колѣна, шерстяные чулки, и, наконецъ, кожаные башмаки, покрывающіе ногу выше щиколки, съ толстыми подошвами, безъ каблуковъ. Башмаки же дѣлаются достояніемъ Кашуба только съ достиженіемъ возмужалости; до того времени они носятъ деревянныя туфли (korki); онѣ, впрочемъ, составляютъ ихъ постоянную домашнюю обувь.

«Кашубы носятъ также бѣлыя шерстяныя перчатки, кончающіяся завитою бахромою у сгиба руки, или толстыя шерстяныя рукавицы, до половины руки бѣлыя, а къ верху разукрашенныя пестрою шерстью и окаймленныя свернутою бахромою. Послѣднія составляютъ необходимую принадлежность всякаго праздничнаго наряда, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Теплота и прочность ихъ ткани оправдываютъ развившійся на нихъ обширный запросъ.

«Въ холодъ Кашубъ носитъ особаго рода *кожухъ* (²), состоящій изъ двухъ дубленыхъ и сшитыхъ вмѣстѣ ремешками овечьихъ шкуръ съ висящими внизъ хвостами и съ прорѣзомъ вверху, открывающимся вдоль всей груди и черезъ который просовывается голова; на груди онъ застегивается 4 или 5

(¹) Эта куртка у Словинцевъ и Кабатковъ называется *кабатомъ*; подъ этимъ именемъ Кашубы, напротивъ, разумѣютъ женскую куртку.

(²) *Кожухъ* у Кашубовъ есть общее названіе всякой мѣховой одежды; собственно же тотъ видъ *кожуха*, который здѣсь описанъ пасторомъ Лорекомъ, называется у нихъ *шуба*.

кожаными пуговицами. Кругомъ шеи *кожухъ* обшитъ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, который прикрываетъ голую шею Кашуба (ни лѣтомъ, ни зимою онъ не надѣваетъ никакого галстуха). *Кожухъ* стоитъ отъ $1^1/_2$ до 2 талеровъ, но безъ рукавовъ. Рукава пришиваются дома; ихъ дѣлаютъ изъ той же матеріи, какъ *гарнея*, и подбиваютъ сукномъ или байкой. Когда Кашубъ идетъ въ *кожухѣ*, у него кончики этой шубы болтаются между ногъ и ноги покрыты по колѣна.

«Вся одежда Кашуба стоитъ ему не дороже 8 или 9 талеровъ. Сапогъ онъ не носитъ, потому что они для него слишкомъ дороги, и ходитъ по снѣгу въ своихъ кожаныхъ башмакахъ, удерживаемыхъ кожаными ремнями; сверху надѣваются длинные штиблеты. Голову защищаетъ хорошая мѣховая шапка (1).

«Женщины любятъ черный цвѣтъ еще болѣе мужчинъ. Коль скоро дѣвчонка выросла изъ дѣтской одежды, мать одѣваетъ ее навсегда совершенно такъ, какъ сама одѣвается. Волосы дѣвушка чешетъ гладко, придерживаетъ ихъ къ головѣ самодѣльною черною тесьмою, заплетаетъ ихъ тремя прядинами въ двѣ косы, косы обвиваетъ вокругъ головы и сзади прикрѣпляетъ концомъ къ тесьмѣ, такъ что тѣмя остается гладкимъ и непокрытымъ. На косы кладется повязка изъ бѣлаго холста (spodnożk или bina) (2) и засовывается сзади, а на это надѣвается собственная головная повязка (zaglowk) изъ чернаго *раша* (Rasch), шириною въ ладонь, сверху по обоимъ бокамъ, до лба, украшенная выдающимися краснымъ кантикомъ, а сзади согнутая въ треугольникъ и сшитая (3). Въ иныхъ мѣстахъ треугольникъ этотъ обведенъ красною каймою.

«Этотъ головной уборъ носятъ только дѣвицы. Потерявшія дѣвство и замужнія женщины надѣваютъ подъ черную повязку

(1) У рыбаковъ мѣховая шапка имѣетъ большой отворотъ, который въ непогоду покрываетъ большую часть лица и сзади спускается до плечи. Замѣчу еще, что Кашубы носятъ длинные волосы по плечи и этимъ, между прочимъ, отличаются отъ Нѣмецкихъ поселянъ.

(2) Съ Нѣмецкаго *Binde*.

(3) Въ Гловчицахъ эту повязку называютъ *puster*.

бѣлый чепецъ (ħuva) [1], который покрываетъ тѣмя, а въ иныхъ мѣстахъ украшается на верхушкѣ большою, плоскою, обтянутою холстомъ пуговицею.

«Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то на крестины, свадьбы и для причастія, дѣвушки, вмѣсто черной повязки, надѣваютъ *krzepiank* (или *medik*), т. е. холщевую повязку съ вырѣзкою внизу у лба и съ прошитыми небольшими дырками, такъ чтобы видна была насквозь нижняя повязка, покрывающая косы. Этотъ *krzepiank*, толщиною съ обухъ ножа, наводится синькою, а сверху на него надѣвается, замѣняющая обыкновенную черную, бѣлая повязка изъ Силезскаго полотна, такъ что изъ подъ нея видѣнъ только краюшекъ синей повязки. Воротясь изъ церкви, снимаютъ бѣлую повязку и остаются въ синей.

«Въ этомъ же головномъ уборѣ вѣнчается невѣста. Въ первые два дня послѣ свадьбы она не можетъ показаться безъ бѣлой повязки. Въ другихъ болѣе зажиточныхъ мѣстностяхъ невѣста украшается, сверхъ того, вѣнкомъ изъ зеленыхъ садовыхъ растеній, петрушки и т. под., оклеенныхъ листовымъ золотомъ, а къ повязкѣ прикрѣпляются блестящія пуговки и мѣдныя испещренныя бляхи.

«Замужнія женщины въ торжественныхъ случаяхъ носятъ шапочку *(муца)*, наведенную синькою и покрывающую всю голову, но безъ бѣлой верхней повязки. Вмѣсто этой верхней повязки, онѣ, когда посѣщаютъ церковь, навѣшиваютъ на себя короткую, когда идутъ на свадьбу или къ причастію—длинную простыню изъ Силезскаго полотна. Простыня подвертывается въ складку на обѣихъ сторонахъ головы и пришпиливается; ее прикрѣпляютъ также на груди [2].

(1) Съ Нѣмецк. Haube, по нижне-Нѣмецкому произношенію.

(2) Обычай являться подъ такимъ покрываломъ или простынею къ причастію до сихъ поръ соблюдается женщинами (преимущественно старухами) въ Словинскихъ и Кашубскихъ деревняхъ Помераніи. Простыня доходитъ почти до ногъ. Она должна служить всю жизнь и потомъ обращается въ саванъ. Она называется plachta или plochta.

«Остальная часть костюма Кашубскихъ женщинъ и дѣвушекъ слѣдующая. Снизу длинная юпка, suknia, восходящая до плечь, но безъ рукавовъ, изъ краснаго или бѣлаго фризу (Fries) (¹). На это надѣвается *liwk* (²) (корсетъ) изъ домашней шерстяной или льняной матеріи, выкрашенной въ черный цвѣтъ, съ глубокими выемками на груди и спинѣ, такъ что видна значительная часть рубахи. По обѣимъ сторонамъ онъ доходитъ только до грудей. На грудь накладывается кусокъ краснаго фризу, называемый *borszduk* (³), и надъ нимъ зашнуровывается *ливкъ* разноцвѣтной тесемкой. При траурѣ *боршдукъ* долженъ быть чернаго цвѣта. Сверхъ *ливка* носятъ *кабатъ*, короткую черную куртку съ коротенькими оттопыривающимися полами, изъ такой же матеріи какъ *ливкъ*, съ длинными рукавами. *Кабатъ* застегивается на крючки или оставляется на распашку. *Ливкъ* внизу набитъ сѣномъ на подобіе подушки, чтобы на немъ крѣпко сидѣлъ *кидель*, верхнее женское платье. Этотъ *кидель* изъ той же черной матеріи и очень пышенъ: въ немъ до 13 локтей; онъ у таліи образуетъ сотню складокъ, которыя расширяются къ низу. Доходитъ онъ до икръ и внизу обложенъ черною суконною каймою въ палецъ ширины.

«Сверху, надъ таліею *киделя* и маленькими полами *кабата* повязывается трижды кругомъ волосяной *станикъ* (⁴) со вшитымъ сверху бѣлымъ кантикомъ, покупаемый въ Данцигѣ. Въ трауръ *станикъ* долженъ быть совершенно черный, безъ всякаго кантика. Отсутствіе этого кантика и черный платокъ на груди единственные признаки траура у женщинъ; у мужчинъ трауръ ничѣмъ не обозначается.

(¹) Въ Избицахъ *сукня* была всегда бѣлая, съ красною каймою.

(²) Съ Нѣмецк. Leib, Leibchen, по нижне-Нѣмецкому произношенію.

(³) Съ Нѣмецкаго *Brusttuch*. Въ Избицахъ я слышалъ Словинское имя этого платка, *strzodk* (отъ слова *strzoda* середина).

(⁴) Въ иныхъ мѣстахъ называется *касунка*. Лорекъ видитъ въ этомъ имени испорченное *Kasakine*: совершенно несправедливо, ибо, по значенію, оба слова не имѣютъ ничего общаго. *Касунка*, очевидно, происходитъ отъ Славянскаго корня *касати* — подпоясывать (Чешск. kasati, Верхне-Лужицк. kasac, Нижне-Лужицк. kasaś).

«Такова одежда женщинъ въ здѣшнихъ Кашубскихъ деревняхъ, впавшихъ въ крайнюю бѣдность. Одежда эта никогда не видоизмѣняется. Дальше къ западу, у р. Луповъ ([1]), гдѣ народъ зажиточнѣе, женщины больше тратятъ на наряды. Уже замѣчено, что онѣ разукрашиваютъ свои головные уборы. Въ послѣднее воскресенье передъ вѣнчаньемъ, невѣста является въ церковь въ *кидель* изъ краснаго сукна, съ черною суконною каймою внизу. Сверхъ его она надѣваетъ зеленый передникъ, внизу съ прошивками, украшенными бѣлымъ шитьемъ и черезъ которыя просвѣчиваетъ красное платье. У нея *ливкъ* украшенъ черными снурками, *боршдукъ* испещренъ шелковыми или ситцевыми, треугольными или четвероугольными, нашивками. Въ такомъ нарядѣ является она и послѣ свадьбы, какъ молодая; а подъ вѣнецъ она идетъ въ *кидель* изъ синяго сукна, съ черною каймою, и въ бѣломъ передникѣ.

«Лѣтомъ *кабатъ* снимается; это единственное различіе отъ зимняго костюма. Шеи ничѣмъ не покрываютъ. Впрочемъ, лѣтомъ дѣвушки по воскресеньямъ надѣваютъ *поплекъ*, короткую, доходящую только до бедръ, верхнюю рубаху изъ такъ называемаго Силезскаго полотна, съ узкимъ стоячимъ воротникомъ, который также, какъ верхъ рукавовъ, вышитъ бѣлыми узорами. Длинные рукава съуживаются къ кисти и не застегиваются. Эта рубаха спереди не сшита; ее запахнутъ, сверху надѣнутъ *ливкъ* и подпояшутся *станикомъ*.»

VII.

Обычаи и обряды.

Словинцы и Кашубы Померанскіе никогда не даютъ своимъ дѣтямъ Нѣмецкихъ именъ. Вообще, число именъ, употребляемыхъ у Кашубскаго и Словинскаго простонародья (особенно у протестантовъ въ Помераніи), самое ограниченное. Есть деревни

([1]) Авторъ говоритъ здѣсь не о собственныхъ Кашубахъ, а о Словинцахъ и Кабаткахъ, живущихъ на берегу р. Lupow, по Словински Lêpaa.

(напр. въ Цеценовскомъ приходѣ), гдѣ все мужское населеніе носитъ имя Мартынъ, Павелъ или Михаилъ, женское—Катерина, Станца или Станка (Констанція) и Елишка (Елисавета).

Фамильныя имена рѣдко оканчиваются на *ski*, какъ у Поляковъ, и бо̀льшею частію состоятъ изъ именъ существительныхъ, превращенныхъ въ прозвища, напр. Mrąga, Mucha, Pstręga, Trela, Żaczk, Nowak, Jawor, Kowal и т. под.

Весьма замѣчателенъ обычай, сохранившійся въ этомъ отношеніи у Словинцевъ и отчасти также въ прилегающихъ къ Словинцамъ деревняхъ Кабатковъ (напр. въ Гловчицахъ) и Кашубовъ Померанскихъ (напр. въ Избицахъ и Цеценовѣ). Именно, тамъ каждая крестьянская усадьба имѣетъ свое прозвище, сохраняющееся со временъ незапамятныхъ и бо̀льшею частью представляющее форму отечественную (patronymicum) на-*ic* (т. е.-изъ),-*ojc* (сокращ. изъ) и *ejc* или *ėc* (сокращ. изъ). Эти прозвища суть такимъ образомъ родовыя и сохраняютъ память о первомъ хозяинѣ усадьбы. Съ тѣхъ поръ она могла десять разъ перейти изъ рукъ въ руки, но кто бы ни былъ ея обладатель, онъ извѣстенъ въ деревнѣ подъ именемъ, присвоеннымъ его осѣдлости, и его собственная фамилія остается почти неизвѣстною. Такъ напр. въ Гарнѣ (Garden), гдѣ очень распространена фамилія *Beter*, одна семья Бетеровъ по осѣдлости называется Kretojc, другая Krežejc, третья Koczejc, четвертая Koleczkojc; поселянинъ по фамиліи Ek (Eck по Нѣмецкому правописанію) называется Nóvakojc, Jost—называется Cechójc, вдова Jost называется Merchlójc. Полное имя, напримѣръ, слѣдующее: Jonek-Martin (крестныя имена), Janekojc (прозвище по осѣдлости), Durer (фамилія). Въ Цеценовѣ такія же прозвища: Pavlic (фамилія Soch), Ceszinic (фамилія Gavor), Szolcyc (фам. Topelj), Toplic (фам. Rava), Gavrojc (фам. Topelj), Kotojc (фам. Novak). Въ Клечицахъ (Klucken) встрѣчаются, между прозвищами, даваемыми по усадьбѣ, кромѣ отечественныхъ, такія, которыя имѣютъ форму имени прилагательнаго, даже изрѣдка въ мѣстномъ падежѣ множествен-

наго числа, употребляемаго безъ предлога, напримѣръ: Lugovach, Pioskovach, Gorni (т. е. горный), Grządovi, Dębovi, Zagorkovi, Stavovi, Novodomski, Ogordkovi, Puszczovi ([1]).

При крестинахъ, я не слыхалъ, чтобы у Кашубовъ существовали какіе нибудь особенные обычаи. Но въ прежнее время, по свидѣтельству пастора Лорека (Pommersche Provinzialblätter, II, 4. 1821, стр. 472) выбирались родителями двое мальчиковъ отъ 8 до 9 лѣтъ, которымъ придавался титулъ *старыхъ*, и они, за часъ до крестинъ, должны были обѣжать дома въ деревнѣ, врываясь въ каждый и крича во все горло: «Rarara, hohoho, rarara, hohoho, ostanice z Bogem, niemasz viele czasu». За тѣмъ они выбѣгали и показывали свою удаль въ томъ, чтобы такимъ образомъ всполошить всю деревню и не дать себя поймать нигдѣ.

Свадебные обычаи представляю въ подробномъ описаніи, сдѣланномъ пасторомъ Лорекомъ (въ той же статьѣ). Тѣ же обычаи существуютъ и теперь, но выводятся изъ употребленія.

«Всѣ свадьбы празднуются передъ наступленіемъ дня св. Мартина, въ одинъ и тотъ же день, обыкновенно во вторникъ.

«При сговорѣ не упоминается о приданомъ; для этого, впрочемъ, Кашубы слишкомъ бѣдны ([2]). Дѣло это предостав-

---

([1]) Вотъ еще нѣсколько прозвищъ по усадьбамъ, записанныхъ мною въ Гарнѣ и прилегающихъ Словинскихъ деревняхъ: Szeporzekojc (szeporzek—уменьшительное отъ széper, съ нѣмецкаго пастухъ), Legovi (т. е. луговой), Popkójc, Jôsztojc, Lêchojc Puntojc, Betrejc, Derlejc, Nêżec, иначе Bétrovic, Potoczic, Petkojc, Zvąchojc, Borzejc, Tibâlojc, Kübic, Prachojc, Grêgoric, Vedrzec, Kosêrczic, Kozârojc, Grechniejc, Lêmojc, Plotîkojc, Zaukojc, Tâmermonojc (съ Нѣмецкаго Zimmermann), Kosejc, Szemlejc, Koniszic, Kolejc, Hâszpotejc, Hasêjc, Streżêjc, Porambóvic, Zêmnokojc, Jostojc; въ Клечицахъ, кромѣ приведенныхъ выше: Krestkojc, Sikòrzec, Volszkojc, Koleczkoojc, Homanojc, Hakojc, Kramarzic, Krepic, Lênojc, Szoltyszojc, Starglojc, Churcêc, Szenkojc, Klabuszic, Krutkojc, Kobolic, Kujic, Grechinkojc, Princkojc, Kumlojc, Krestofrojc, Merdusejc, Iurecejc, Kotojc, Haniszkojc, Slivkojc.

([2]) Здѣсь авторъ разсказываетъ, что лѣтъ за 50 или 60 передъ тѣмъ Кашубы въ Помераніи были весьма зажиточный народъ, но что, мало по малу, помѣщики, налога и

ляется средствамъ и любви родителей. Но обычные подарки должны быть сдѣланы, и это не соблюдается только при крайней нищетѣ. А именно, невѣста должна подарить жениху передъ обрученіемъ рубаху, исподнее платье, платокъ шейный и носовой, пару чулокъ и пару рукавицъ, а при вѣнчаніи, кромѣ того, шейный и носовой платокъ. Всѣмъ родственникамъ жениха она даритъ по парѣ рукавицъ, такъ что иногда ей приходится раздать ихъ паръ 30. Пасторъ получаетъ также пару ([1]). Потому Кашубскія дѣвушки заблаговременно запасаются шерстью и прядутъ эти рукавицы.

«Если у жениха есть отецъ, онъ получаетъ отъ невѣсты рубаху, шейный и носовой платокъ и пару рукавицъ. Матери жениха дарятся 4 локтя Силезскаго полотна для покрывала; его замужнимъ сестрамъ по 2 локтя, незамужнимъ—по локтю.

«Съ своей стороны, женихъ даритъ при сговорѣ невѣстѣ 2 локтя тонкаго полотна, пару башмаковъ и талеръ или нѣсколько талеровъ деньгами. Если жениха сопровождаетъ отецъ или братъ, то они также дарятъ невѣстѣ отъ 12 грошей до 1 талера, 8 грошей. Отецъ невѣсты получаетъ отъ жениха мѣховую шапку; каждый изъ ея братьевъ шляпу, каждая сестра по локтю черной матеріи для *лифка*. Матери же невѣстиной ничего не дарится; сдѣлать ей подарокъ считалось бы неприличнымъ.

«Въ понедѣльникъ, наканунѣ свадьбы, невѣста и женихъ выбираютъ себѣ, съ каждой стороны, *стараго* ([2]) (это, впро-

---

на нихъ чрезмѣрныя работы и повинности, ихъ разорили и довели почти до нищеты. Съ тѣхъ поръ, какъ замѣчено выше, положеніе перемѣнилось вслѣдствіе уничтоженія помѣщичьихъ правъ.

([1]) Сверхъ того, во время, когда писалъ Лорекъ, Кашубскія невѣсты, по его словамъ, дарили по парѣ рукавицъ помѣщику и каждому изъ его сыновей, а его женѣ и каждой дочери по парѣ самодѣльныхъ пестрыхъ подвязокъ.

([2]) У Кашубовъ въ Западной Пруссіи его называютъ *дружба* или *вобца* (отъ глагола vobic, Польское wabić, т. е. заманивать, получившаго въ этомъ случаѣ значеніе *приглашать*). Лорекъ дѣлаетъ примѣчаніе, что *стары* есть почетный титулъ, который придается также священникамъ: я этого не слыхалъ.

чемъ, можетъ быть и молодой человѣкъ). Онъ облекается въ описанный выше праздничный нарядъ, для дополненія котораго нужно, чтобы на его шапку спереди была прицѣплена мишурная бляха съ трехцвѣтнымъ бантомъ и пучкомъ зелени, оклеенной листовымъ золотомъ, и чтобы такіе же банты и пучки прикрѣплены были на груди и на отворотахъ рукавовъ; кромѣ того, у подбитыхъ краснымъ полъ его кафтана должны болтаться новыя рукавицы.

«Въ этомъ нарядѣ оба *старые* берутъ въ руку странническій посохъ (большею частію выкрашенная въ красный цвѣтъ палка съ коричневымъ точенымъ набалдашникомъ) и отправляются звать гостей на свадьбу замысловатыми и напередъ вытверженными рѣчами ([1]). Но отъ угощенія въ каждомъ домѣ языкъ ихъ мало-по-малу тяжелѣетъ и часто въ полночь приходится ихъ отвести домой въ безчувствіи.

«При этомъ соблюдается еще другой обычай, теперь, однако, выходящій изъ употребленія. Двое изъ званыхъ на свадьбу молодыхъ людей запрягаютъ четверку воропыхъ въ наибольшую, по возможности, телѣгу (обыкновенно такую, въ какой возятъ сѣно); одинъ садится на переднюю, другой на дышловую лошадь. Съ длиннымъ бичемъ въ рукѣ ѣдутъ они такимъ образомъ въ невѣстинъ домъ за приданымъ. Пріѣхавъ туда, вечеромъ, отпрягаютъ лошадей и ставятъ въ конюшню. Между тѣмъ изъ пирующихъ въ домѣ гостей то тотъ, то другой выходитъ потихоньку и старается утащить, кто колесо, кто валекъ и т. под. Возницы не выпускаютъ бича изъ рукъ и, замѣтивъ вора, бросаются за нимъ въ дверь; если онъ имъ попадется, то поплатится побоями. На другое утро приготовляются къ отъѣзду; тогда являются, одинъ за другимъ, вчерашніе гости и отдаютъ

([1]) Образцы такихъ рѣчей, которыя называются *rôczenie*, записаны мною въ разныхъ мѣстахъ; см. въ приложеніи №№ 22, 26, 46 и 47. У Кашубовъ въ Западной Пруссіи *дружба* (или *вобуа*) ѣдетъ верхомъ и выбираетъ для того самую малорослую лошадь, чтобы могъ въѣзжать прямо въ комнату верхомъ.

похищенныя части телѣги, говоря: «конечно, я это укралъ, но какъ вамъ предстоитъ долгій путь, то возвращаю вамъ ваше добро». Въ замѣнъ, каждый получаетъ рюмку водки и Кашубскіе пряники (которые, впрочемъ, не что иное, какъ запеченные кусочки ржанаго тѣста). Наконецъ, запрягаютъ лошадей, украсивъ имъ гриву, хвостъ и узду зелеными букетами, облѣпленными листовымъ золотомъ. Скудный пожитками, невѣстинъ сундукъ и ея постель наваливаются на телѣгу; туда садятся двѣ женщины, которыя должны сторожить невѣстино добро, возницы вскакиваютъ на своихъ лошадей и ѣдутъ.

«Надобно замѣтить, что у здѣшнихъ Кашубовъ замужнія женщины никогда не приглашаются на свадьбу. Только женихъ и невѣста выбираютъ себѣ, съ каждой стороны, по двѣ *przedanki* изъ замужнихъ женщинъ. Эта должность весьма почетная и ея добиваются. Онѣ отличаются отъ дѣвушекъ, присутствующихъ на свадьбѣ, своими бѣлыми простынями, прикрѣпленными къ головному убору.

«Телѣга съ невѣстинымъ добромъ ѣдетъ вскачь, но не скоро достигаетъ дома. Изъ-за каждаго угла выскакиваютъ шалуны и загораживаютъ дорогу жердями. Отъ нихъ надобно откупаться орѣхами и водкой.

«Пріѣхавъ къ жениху, *пржеданки* вытаскиваютъ сундукъ и постель и стелятъ брачное ложе. При этомъ онѣ никакъ не должны взбивать перинъ, потому что иначе супруги стали бы колотить другъ друга; постель осторожно гладятъ и равняютъ рукою.

«Между тѣмъ собираются гости у жениха и невѣсты. Ихъ обильно угощаютъ водкой и хлѣбомъ съ масломъ. Около полудня *старый* затягиваетъ по-Польски пѣснь: «во имя Божье мы отправляемся въ путь» и т. д. Тогда женихъ, съ сердечными объятіями и слезами, прощается съ родителями, а между тѣмъ *пржеданки* раздаютъ гостямъ ломти хлѣба, приговаривая: «спрячь; надобно готовиться въ путь». То же самое происходитъ въ домѣ невѣсты,

«Оба шествія встрѣчаются на церковномъ дворѣ. Тогда идутъ звать пастора. Онъ является у алтаря; кистеръ открываетъ богослуженіе, и *старый*, съ поднятымъ краснымъ посохомъ своимъ, вступаетъ въ церковь; за нимъ женихъ, его ближайшіе родственники, потомъ *прежданки* и прочіе гости. За ними слѣдуютъ такимъ же порядкомъ *старый* со стороны невѣсты, сама невѣста и т. д. Такимъ образомъ вступаютъ, другъ за другомъ, въ церковь всѣ брачущіяся въ этомъ году пары (¹). Всѣ они степенными шагами подходятъ поочередно къ алтарю и каждый кладетъ пастору мѣдную монету. Вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстою становятся передъ пасторомъ ихъ *старые*, за ними *прэжеданки*, и такъ они выслушиваютъ, по окончаніи пѣснопѣнія, вѣнчальную рѣчь (²).

«По окончаніи вѣнчанія, невѣста снова подходитъ къ алтарю и становится на колѣни; пасторъ кладетъ ей на голову руку, читаетъ молитву и благословляетъ ее. При этомъ онъ получаетъ отъ каждой *прэжеданки* по мѣдной монетѣ.

«Изъ церкви молодые со всѣми гостями идутъ въ назначенный напередъ домъ къ кому нибудь изъ чужихъ, согласившемуся приготовить имъ угощеніе пивомъ, хлѣбомъ съ масломъ и селедкою (³). *Старые* исчисляютъ его издержку и уплачиваютъ ее, разложивъ деньги на всѣхъ присутствующихъ мужчинъ. Въ это время молодая сидитъ въ углу комнаты и *прэжеданки* отъ нея не отходятъ.

«Вечеромъ все собраніе отправляется къ дому новобрачныхъ. Стучатся, изнутри спрашиваютъ: «Кто тамъ?»—Друзья. «Нѣтъ, опять слышно изнутри, если вы не чужіе (или Нѣмцы) (⁴), дайте о себѣ знать». Берутъ первый попавшійся кло-

---

(¹) Какъ замѣчено выше, по Кашубскому обычаю всѣ свадьбы совершались въ одинъ день.

(²) Тутъ Лорекъ замѣчаетъ, что отъ множества вѣнчающихся въ одинъ день происходитъ въ церкви давка, безпорядокъ отъ подгулявшихъ гостей и т. п.

(³) Этотъ домъ называютъ *goscinc*.

(⁴) «Mit nichten! Wenn ihr nicht Fremde (Deutsche) seyd: so gebt euch kundig» пишетъ Лорекъ.

чекъ бумаги, и сдѣлавъ на немъ каракули углёмъ, просовываютъ въ щель подъ ворота или надъ воротами. Но, недовольные этимъ, повторяютъ этотъ обрядъ по нѣскольку разъ.

«Всѣ входятъ въ комнату, кромѣ дѣвушекъ, которыя не переступаютъ порога и прячутся. Когда за столъ сѣли молодые и почетнѣйшіе гости, то распорядитель угощенія, называемый *кольфекторъ*, отъискиваетъ дѣвушекъ и усаживаетъ ихъ, каждую рядомъ съ мужчиною. Со свѣчей передъ молодыми не снимаютъ, чтобы не снять ихъ любви, которая должна догорѣть сама собою, вмѣстѣ съ жизнію.

«Угощеніе дѣлается на счетъ родителей невѣсты или близкихъ къ ней. Не подаютъ уже вина, а только пиво. Гости доставляютъ только нѣсколько кружекъ молока, и кусокъ масла, а близкіе родственники — гуся. Такъ какъ здѣшніе Кашубы не имѣютъ музыки и не пляшутъ, то гости послѣ обѣда проводятъ время въ разныхъ играхъ, покуда *пржеданки* раздѣваютъ молодую, отводятъ въ ея каморку жениха и запираютъ ихъ на ключъ. Ключъ онѣ берутъ съ собою и съ гостями уходятъ по домамъ.

«На другое утро *пржеданки* возвращаются, одѣваютъ молодую и убираютъ спальню. Мало-по-малу являются вчерашніе гости. Молодой угощаетъ ихъ водкой и хлѣбомъ съ масломъ, молодая дáритъ имъ орѣхи, а они даютъ ей по нѣскольку грошей, смотря по средствамъ. За тѣмъ дѣлается обѣдъ, такимъ же порядкомъ, какъ наканунѣ, и веселятся до ночи. На третій день молодой лично приглашаетъ къ обѣду ближайшихъ родственниковъ; тогда являются и жены съ своими мужьями.

«Если невѣста переселилась въ домъ жениха, то она не смѣетъ посѣтить родителей, пока въ воскресенье не пойдетъ въ церковь, чтобы пасторъ прочиталъ ей благодарственную молитву за благополучное и христіанское вступленіе въ бракъ. Если бы случилось, почему нибудь, особенная надобность, то она идетъ къ воротамъ родительскаго дома и кричитъ, пока

не дозовется кого либо, чтобы объяснить то, что ей нужно, не переступая порога.»

Похоронныхъ обычаевъ особенныхъ нѣтъ. Только въ Пуцкомъ краѣ, для объявленія о кончинѣ покойника и приглашенія на похороны, выбирается старуха, которая обходитъ дома съ бѣлой палкой (palĕca) изъ орѣшника. Родственники и друзья покойника, поютъ на кладбищѣ духовныя пѣсни, пока не насыпана будетъ вся могила.

Въ западной Пруссіи у Кашубовъ-католиковъ наканунѣ Рождества мальчики обходятъ деревню съ поздравительными пѣснями, за которыя получаютъ что нибудь съѣстное (это называется szopka; но Польское имя kolęda также извѣстно Кашубамъ). Наканунѣ Богоявленія (trze Kroli) бываютъ *szczodraki*. Пастухи собираются всѣ вмѣстѣ и также обходятъ дома съ пѣснями, вознаграждаемыми подаркомъ съѣстнаго ([8]). Передъ новымъ годомъ гадаютъ: топятъ олово, бросаютъ башмакъ, заглядываютъ въ печь, чтобы увидѣть суженаго. Также берутъ наперстокъ, наполняютъ мокрымъ пескомъ и кладутъ такимъ образомъ песокъ кучками, по числу присутствующихъ. Чья кучка песка къ утру развалится, тотъ умретъ въ теченіе года.

За три недѣли до Иванова дня, въ иныхъ деревняхъ совершается обрядъ, называемый *scinanie kani* (казнь коршуна).

([1]) Эти пѣсни, какъ кажется, чисто Польскія, только нѣсколько переиначенныя Кашубскимъ выговоромъ, напримѣръ:

Dobri vieczor, szczodri vieczor,
Nam poviedają że tu rôgule pieczą.
Jeszli ne rôgula, tej chleba glêń (краюха).
Vasza dêsza mdze miała v niebie szczodroblevy dzeń.
A jeszli nie chleba glêń, tej korszczuk (ложка) masła.
Vassa dêsza mdze są dôbrze v niebie pasła, и т. д.

Вотъ пѣсня Рождественская:

Ju (уже) pochvalme, ju pochvalme krola teho,
Dzis v Betleem narodzoneho,
I z Mariją i z Mariją matką jeho.
Jemu słuźi, jemu słuźi słońce, miesąc,
Ve dnie, v noci nie przestając и т. д.

Въ воскресенье парни и дѣвки (которыя въ этотъ день не должны быть въ церкви) сходятся на лугу, до полудня. Парни становятся въ линію и кладутъ передъ собою шапки. Первый съ правой стороны получаетъ званіе старосты (szołtys), второй и третій—присяжныхъ (przetężni), четвертый палача (kat), пятый—лѣснаго сторожа (lesni), предпослѣдвій—живодера (rakarz), послѣдній—пекаря (piekorz). Остальные назначаются слугами того или другаго должностнаго лица. Въ такомъ же порядкѣ становятся, насупротивъ ихъ, занимавшіе эти должности въ прошлогодній праздникъ, староста противъ пекаря и т. д. Отмѣриваютъ отъ ряда шапокъ шаговъ 300 и потомъ, по знаку, данному прошлогоднимъ старостою, бросаются въ перегонку за шапками: каждый старается схватить свою первый. Послѣ этой игры, дѣвушки приносятъ каждая круглую палочку съ нарѣзаннымъ знакомъ; кладутъ палочки въ шапку и парни вынимаютъ эти жребіи. Чья палочка кому вынется, тотъ будетъ съ нею плясать въ Ивановъ день. Между тѣмъ въ деревнѣ, въ которой избы разукрашены кленовыми и капустными листьями, комнаты прибраны и полы посыпаны пескомъ, дѣти гдѣ нибудь выкопали яму и вбили въ нее колъ. Туда отправляется послѣ полудня населеніе деревни, впереди новый *староста*, сзади всѣхъ *лѣсной сторожъ* съ коршуномъ (kania) ([1]), котораго его обязанность была поймать. Становятся вокругъ ямы: *лѣсной* передаетъ коршуна палачу и его «служителямъ», которые сажаютъ птицу на колъ. За тѣмъ «служители» старосты раздвигаютъ толпу словами:

Rum, rum, s place naszewo
Abĕ sę nie stało co złewo.

Староста выступаетъ впередъ и говоритъ:

A vĕ lĕdze ze vse,
Pŏ co vĕ se tu zeszle?
Vĕ njic nie viece,

([1]) Falco milvus по словарю Мронговіуса.

Vĕ njic nie póviece.
Io viem; jo poviem.
Jo jem sin karczmarski,
Kavaler dzirski,
Mom trĕnki dvojákewo rodĕ,
Iedne dlo zdrovjo, drĕge dlo wóchodĕ.
Chto te trĕnki zażivo,
Ten bógactva mievo.
Jo je zażívaję
I bogactva miévaję (1).

За тѣмъ онъ обращается къ воткнутой на колъ птицѣ и говоритъ:

Nieszczęslĕvo kania, jak że tĕ jes vołâ'?
Kej jes v łese na drzeve sedza?
A mĕ do dom kanie gnale
E cę złapale.
Pjic! pjic!
Dame mĕ ci pjic—psim gnotę,
Kobĕlim donotę.
Vorczekę vĕgrzebojce.
Tewo sę zli lĕdze spodzevojce
A do mie blĕżî nie przestąpojce (2).

Послѣ окончанія этой рѣчи, *катъ* (палачъ) обращается къ старостѣ:

Zvo̊lę, zvo̊lę wo̊d pana szełtesa
do trzéceho raza ccîc.

---

(1) «А вы люди изъ деревни, зачѣмъ вы здѣсь сошлись? Вы ничего не знаете, ничего не скажете. Я знаю, я скажу. Я сынъ корчмаря, храбрый кавалеръ. У меня напитки двоякаго рода, одни для здоровья, другіе для праздника. Кто употребляетъ эти напитки, тотъ бываетъ богатъ. Я ихъ употребляю и имѣю богатства.»

(2) «Несчастный коршунъ, какъ же ты кричалъ, когда въ лѣсу сиживалъ на деревѣ. А мы гнали коршуновъ домой и тебя поймали. Пить! пить! Дадимъ мы тебѣ пить, изъ собачьей кожи, изъ кобыльяго .... (значеніе слова donot мнѣ неизвѣстно) Выгребайте землю мѣшкомъ (?). Ждите этого, злые люди и ближе подходите ко мнѣ.»

Староста отвѣчаетъ:

Zvolę, zvolę. Ieszle nie zetniesz, to
tvojo szeja scęto będze.

Тогда *катъ* говоритъ народу:

Moje miłe matki,
Strezżèce vasze dzatki,
Abĕ nie przĕszle pôd katovske rące.
Bô to jo nie tracę, ale pravo traci ([1]).

Онъ отрубаетъ голову птицѣ. Ее хоронятъ въ яму, а колъ бросаютъ въ воду или куда нибудь въ глухое мѣсто въ лѣсу ([2]).

Въ ночь наканунѣ Иванова дня (sobotki) Кашубы выходятъ куда нибудь на возвышенное мѣсто, жгутъ бочки съ дегтемъ и солому, пляшутъ вокругъ огней, перескакиваютъ черезъ огонь и т. под.

Всѣ вышеописанные праздничные обычаи и обряды существуютъ только у Кашубовъ въ западной Пруссіи. У Словинцевъ и Померанскихъ Кашубовъ я ни о чемъ подобномъ не слыхалъ.

Изъ названій праздниковъ замѣчу, что Кашубы называютъ Рождество—gode, Свѣтлое Христово Воскресенье—jâstre; католики называютъ Срѣтеніе—Najsviętsza panna gromniczina.

VIII.

Преданья и повѣрья.

Кашубскій народъ имѣетъ много повѣрій о существахъ и силахъ сверхъестественныхъ. Въ одномъ изъ этихъ повѣрій слышится, можетъ быть, отголосокъ преданія историческаго, именно въ разсказахъ о *Столымахъ*, великанахъ, одарен-

([1]) «Разрѣшеніе, разрѣшеніе отъ господина старосты рубить до третьяго разу». —«Разрѣшеніе, разрѣшеніе. Если не отрубишь, твоя шея будетъ отрублена.»— «Мои милыя матушки, стерегите вашихъ дѣтей, чтобы не попались подъ руки палача. Ибо тутъ не я казню, а право (законъ) казнитъ.»

([2]) Описаніе этого обряда представлено по разсказу, слышанному мною отъ г. Цейновы.

ныхъ силою исполинскою, которые когда-то населяли землю и исчезли потомъ передъ родомъ человѣческимъ, побѣжденные имъ не силою, а умомъ. Преданіе это распространено повсемѣстно у Кашубовъ и Словинцевъ въ Помераніи; въ Западной Пруссіи, особливо ближе къ границѣ Польскаго племени, его знаютъ весьма немногіе. Тѣ изъ Кашубовъ, которые знакомы съ сказками Нѣмецкими, отождествляютъ *Столымовъ* съ *Гинами* (Hünen); я слышалъ не разъ отъ поселянъ, что *Stóly-movie* и *Hinjovie* — одно и то же. *Столымамъ* Кашубы приписываютъ, какъ Нѣмецкое простонародье *Гинамъ*, курганы, которые считаютъ за ихъ могилы, и кости допотопныхъ животныхъ, иногда попадающіяся въ этомъ краѣ. Имя это произносится *Stołym* собственно Кашубами; Словинцы и Кабатки произносятъ Stôlem, иногда сокращенно Stolm и Stołm (чит. Стоумъ). Раза два у Померанскихъ Кашубовъ я слышалъ не Stołym, а Stołyn, Stótynovie, что̀ мы признали бы за форму вѣрнѣйшую, если бы захотѣли искать въ этомъ словѣ передѣланнаго *Сполинъ* (Исполинъ): этимологія, впрочемъ, довольно сомнительная. Въ западной Пруссіи вмѣсто Stołym говорятъ иногда Sztołym (1) и употребляютъ также форму *Stołmak*, а въ Бытовскомъ краѣ народъ, чтобы сдѣлать слово болѣе понятнымъ, превратилъ *Столыма* въ *Стольника*.

Читатель найдетъ въ приложенныхъ къ настоящей статьѣ «Образцахъ нарѣчія Словинцевъ и Кашубовъ» нѣсколько записанныхъ мною со словъ поселянъ разсказовъ о Столымахъ. Въ одномъ изъ нихъ (№ 14) Столымъ находитъ въ полѣ червячка, который пашетъ землю съ четырьмя волами, засовываетъ червячка съ плугомъ и волами въ рукавицу и приноситъ показать это диво своей матери. Этотъ червячокъ былъ человѣкъ. Мать ему говоритъ: оставь червячка въ покоѣ, онъ насъ выживетъ со свѣту. Въ Бытовскомъ краѣ я слышалъ точно такой разсказъ, съ тѣмъ только прибавленіемъ, что *Стольникъ*

(1) Именно на Гельской косѣ, называемой Кашубами Medzemorze (между-морье).

хотѣлъ убить это маленькое существо, а мать ему сказала, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ, «bo to są ti co nas od sviata odprziniosą» (сравни также № 31). Въ разсказѣ подъ № 15 человѣкъ перехитряетъ и убиваетъ послѣдняго Столыма. Въ такомъ же родѣ слышалъ я разсказъ въ Бытовскомъ краѣ: однажды Столымъ (*Стольникъ*) встрѣтилъ человѣка, который рубилъ сосну, спрашиваетъ у него, для чего ты это дѣлаешь? —Чтобы достать до твоей головы. «Не достанешь». А вотъ помѣримъ, говоритъ человѣкъ: ложись, и мы посмотримъ, длиннѣе ли ты сосны. Столымъ легъ возлѣ поваленной сосны, и человѣкъ отрубилъ ему голову топоромъ. Въ разсказѣ № 27 Столымы погибаютъ отъ потопа.

Во всѣхъ этихъ преданіяхъ исполины, предшествовавшіе людямъ на землѣ (1), являются безъ злобнаго характера, и это, по всей вѣроятности, представленіе первоначальное. Но въ иныхъ сказаніяхъ (№ 4 и 34) имъ приписываются свойства великановъ-людоѣдовъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ Нѣмецкихъ сказокъ, столь обильныхъ такими представленіями. Я слышалъ однажды (2) такое опредѣленіе: Stuolem — to bël vielgi człoviek, zlï duch. Наконецъ, въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Западной Пруссіи, народъ иногда отождествляетъ Столымовъ съ *крэжижаками* (крестоносцами); однако, одинъ Бытовскій поселянинъ говорилъ весьма опредѣлительно, что въ началѣ были на землѣ *стольники*, потомъ наступили *крэжижаки*, и, наконецъ, явился родъ людской. О крестоносцахъ я никакихъ особенныхъ разсказовъ не слыхалъ.

Еще болѣе Столымовъ распространена между Кашубами вѣра въ существа противоположнаго свойства, въ подземныхъ карликовъ. Это вѣрованіе тамъ всеобщее. Столымы уже не имѣютъ никакого значенія для человѣка; а съ подземными карликами ему до сихъ поръ приходится имѣть дѣло. Называютъ

(1) Одинъ Словинскій рыбакъ въ Гарнѣ говорилъ мнѣ: przed nami to bël jiny sviat, bëli na sviece stuolemi.

(2) Въ Гарнѣ.

ихъ Словинцы и Кабатки — drëmnî или, рѣдко, drëbnî, т. е. *дробные* (маленькіе); у Кашубовъ въ собственномъ смыслѣ сохранилось названіе, по видимому, коренное — *krosnięta* (1): между *дробными* и *кроснятами* не полагаютъ никакого различія. Отрываемыя иногда въ Помераніи древнія кладбища, съ горшками, наполненными пепломъ и остатками костей, почитаются народомъ за мѣста погребенія *кроснятъ*. Черты этимъ существамъ приписываются повсюду одинаковыя. *Кроснята* или *дробные* живутъ подъ поломъ избы, хлѣва или сарая. Есть между ними старички съ длинными бородами, молодые люди, женщины (2) и дѣти; празднуютъ свадьбы, съ музыкою и плясками, и для этого собираются обыкновенно подъ полъ корчмы; они носятъ всегда красную шапочку, перебираютъ свои деньги; по ночамъ выходятъ иногда въ избу и прядутъ на самопрялкѣ; любятъ, чтобы имъ ставили молока въ орѣховой скорлупѣ. Если домъ имъ нравится, то холятъ лошадей, кормятъ скотъ; если же прогнѣваются на хозяина, то уносятъ кормъ изъ конюшни и хлѣва, и лошади, скотъ худѣютъ, чахнутъ и умираютъ. Въ случаѣ особенной услуги, имъ оказанной, иногда приносятъ человѣку мѣшокъ съ деньгами. Такой же даръ можно получить отъ нихъ, если удастся сорвать съ одного изъ *кроснятъ* его красную шапочку: они непремѣнно придутъ выкупать ее. Новорожденныхъ и некрещенныхъ еще дѣтей они подмѣниваютъ ночью. Если въ семьѣ родится карликъ, то вѣрятъ, что кроснята похитили у родителей младенца и взамѣнъ положили въ люльку своего ребенка. Украденное у людей дитя воспитывается кроснятами, чтобы потомъ быть у нихъ *ксендзомъ* (священникомъ). Ребенокъ, положенный ими взамѣнъ въ людскую семью, на первыхъ порахъ, все плачетъ, что онъ разлученъ съ

(1) Корень весьма древній: въ Санскритѣ karç худѣть, krça худой, щедушный, Чешское krsati худѣть, уменьшаться, krsek карликъ. Отсюда же и наши *кроха*, *крошить* и т. д. Въ Скаршевѣ (Schöneck), на границѣ Польскаго и Кашубскаго племени, *кроснятъ* называютъ krâsniaki.

(2) *Кроснятъ* женскаго пола называютъ иногда *кросницами*.

своими. Для предупрежденія подмѣна, необходимо стеречь младенца до крещенія, день и ночь, не смыкая глазъ. Впрочемъ, употребляютъ и другія средства, именно берутъ пасмо нитокъ, немытыхъ и небѣленныхъ, раздѣляютъ его руками и проводятъ ребенка трижды взадъ и впередъ сквозь отверзтіе; также кладутъ подъ ребенка книжку или вѣночекъ (*korunka*), или же кладутъ новорожденнаго подъ лавку у печи. Въ приложеніи помѣщено нѣсколько разсказовъ о *кроснятахъ* (№№ 5, 17, 24, 25, 28, 40, 45, 57) (1).

Самое страшное существо, пугающее фантазію Кашуба, это *вѣщій*. Подъ именемъ *вѣщаго* Словинцы и Кашубы обозначаютъ повсемѣстно то существо, которое другіе Славяне называютъ упыремъ. Названіе *упырь* вовсе не употребительно у Словинцевъ и Кашубовъ. Кашубы знаютъ его только на границѣ Польскаго племени; я тамъ слышалъ отъ нихъ нé разъ: «то, что мы называемъ *viesgcsi* (2), это по-Польски *upior*». Если ребенокъ родится въ сорочкѣ, или какъ выражаются Кашубы, въ шапкѣ (*тиса*, *kapka* или *czapka*), то это, значитъ, будетъ *вѣщій*. Для предупрежденія чародѣйственной силы, нужно сжечь эту *шапку* и дать младенцу проглотить пепелъ. При жизни своей, *вѣщій* и *вѣщая*, по словамъ однихъ, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ людей; иные приписываютъ имъ качество чародѣевъ и вѣдьмъ; но главное свойство *вѣщаго* обозначается послѣ его смерти. Положенный въ гробъ, онъ сохраняетъ румянецъ въ лицѣ, и начинаетъ грызть себѣ руки и тѣло. Покуда онъ себя грызетъ, одинъ за другимъ болѣютъ и умираютъ всѣ его родственники. Когда онъ себя изгрызъ всего, гдѣ только можетъ достать зубами, и утащилъ за собою въ гробъ всѣхъ родственниковъ своихъ до послѣдняго, то онъ встаетъ изъ гроба ночью, взбирается на колокольню и звонитъ; и кто только, во всемъ околоткѣ, услышитъ этотъ

(1) Жители Гельской косы разсказываютъ, что тамъ въ старину были *кроснята*, но что пришелъ корабль и забралъ ихъ; съ тѣхъ поръ они тамъ исчезли.

(2) Въ Лебѣ я слышалъ однажды вмѣсто *viesgcsi* названіе *vieżki*.

сверхъестественный звонъ, тотъ долженъ умереть. Для того, чтобы уничтожить смертоносную силу, нужно откопать гробъ, въ которомъ лежитъ вѣщій и перерубить ему горло лопатой. Въ прежнее время, коль скоро въ семействѣ нѣсколько человѣкъ умирало одинъ за другимъ въ непродолжительное время, Кашубы прибѣгали къ этому средству и были увѣрены, что тѣмъ спасутъ жизнь остальнымъ родственникамъ *вѣщаго*. Если между ними были уже больные, то для излѣченія единственнымъ средствомъ считалось—дать имъ выпить три капли крови, взятой изъ трупа *вѣщаго*. Весьма недавно бывали еще случаи, что такимъ образомъ откапывали покойниковъ, при всей строгости закона, наказывающаго за оскверненіе кладбищъ. Если человѣкъ заснетъ летаргическимъ сномъ и оживетъ, то его почитаютъ *вѣщимъ*. Таковы главныя черты, съ которыми является народу *вѣщій*; на этой основѣ напуганное воображеніе рисуетъ много разнообразныхъ подробностей, которыя было бы безполезно приводить здѣсь: читатель познакомится съ ними изъ приложенныхъ сказокъ, №№ 6, 7, 8, 9, 36, 58. Но не могу не остановиться на одномъ обстоятельствѣ, по которому Кашубское представленіе о *вѣщемъ* заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно свидѣтельствуетъ, по моему мнѣнію, самымъ явнымъ образомъ о совершившемся, въ народной фантазіи, процессѣ сроценія двухъ миѳическихъ понятій, по существу своему совершенно разнородныхъ. У насъ родиться въ сорочкѣ есть признакъ особеннаго счастія. Кашубы родившемуся въ сорочкѣ придаютъ названіе *вѣщаго*. Имя это, по своему коренному значенію, очевидно не могло имѣть ничего общаго съ смертоноснымъ упыремъ. Родившійся въ сорочкѣ былъ *вѣщимъ* въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, т. е. одаренъ былъ сверхъестественною мудростью, и потому самому особеннымъ счастіемъ. Но, мало по малу, представленіе о благотворной мудрости *вѣщаго*, какое мы видимъ у древнихъ Славянъ, исчезаетъ, и въ понятіи народномъ выступаетъ все болѣе и болѣе другая его сторона, его сверхъестественная сила, и эту силу

болѣе поводовъ представить себѣ направленною на злое, нежели на доброе: *вѣщій* становится злымъ чародѣемъ. Такъ у Сербовъ, гдѣ *вѣщица* значитъ колдунья, вѣдьма. Остается теперь только, такъ сказать, специализировать понятіе о злобномъ *вѣщемъ*, придать его злобѣ извѣстный характеръ дѣятельности. Это сдѣлали Кашубы, приписавъ ему свойства, спеціально принадлежавшія у Славянъ *упырю*, и отождествивъ эти два образа такъ, что самое имя *упырь* стало у нихъ лишнимъ и исчезло изъ ихъ языка. Когда совершился такимъ образомъ этотъ переходъ понятій, то и символъ счастія, сорочка, стала признакомъ злой силы, съ которою родится *вѣщій* ребенокъ, и, вмѣсто того, чтобы беречь ее, какъ у насъ, сдѣлалось нужнымъ ее сжигать, чтобы предупреждать дѣйствіе злаго начала.

Менѣе ужасными, нежели *вѣщіе*, но все таки пугая народное воображеніе, являются Кашубамъ *моры* (1) (см. о нихъ разсказы №№ 10, 18, 19, 37). *Мора* есть дѣвушка, которая ночью, обернувшись невидимкою, отправляется душить свою жертву. Она способна принимать всякіе образы, являясь то кошкой, то собакой, то яблокомъ, то ниткой и т. дал. Вечеромъ, когда Кашубъ сидитъ въ своей избѣ, имъ иногда овладѣваетъ безотчетный страхъ: это, значитъ, *мора* его пугаетъ. Не зная куда дѣться, онъ спѣшитъ лечь въ постель, и тутъ то мора его давитъ, садясь ему на ротъ или захватывая горло. Онъ встаетъ на другое утро весь разбитый и говоритъ сосѣдямъ, что его въ эту ночь *mòrzeła mora*. Для того, чтобы поймать мору, нужна чья нибудь посторонняя помощь. Пока ея жертва спитъ и она его душитъ, нужно, чтобы кто нибудь накинулъ на нее веревку или заткнулъ въ комнатѣ всѣ малѣйшія щели и скважины: тогда поймаютъ дѣвушку и если отпустятъ, то она никогда больше въ этотъ домъ не вернется. Есть также средство отогнать *мору:* именно, положить подъ изголовье ремень, вырѣзанный изъ кожи руками живодера. Женщины и дѣвушки-лунатики считаются въ народѣ *морами*.

(1) Онѣ извѣстны также Полякамъ, Чехамъ, Сербамъ и друг. Славянамъ.

Кашубы вѣрятъ также въ вѣдьмъ (czarovnica), но разсказы о нихъ, сколько я могъ замѣтить, навѣяны Нѣмецкими сказками о ночныхъ собраніяхъ вѣдьмъ на горѣ, объ ихъ *балахъ* (Кашубы знаютъ это слово) и т. под. Даже гора, на которой онѣ собираются, извѣстна Словинцамъ и бо̀льшей части Кашубовъ подъ именемъ *Bloksberg*. Ближе къ границамъ Польскаго племени Кашубы знаютъ про *Лысую Гору* и называютъ такъ небольшую гору недалеко на западъ отъ Радунскаго озера, у деревни Ржеписка. Тутъ, по ихъ словамъ, бываютъ сборища вѣдьмъ (о такомъ сборищѣ см. въ приложеніи сказку № 2; см. также сказки о вѣдьмахъ №№ 20, 29, 30). Бываютъ также, по мнѣнію Кашубовъ *чаровніки*, т. е. колдуны. Если кто найдетъ *четвертую* изъ четырехъ подковъ лошади, завяжетъ ее въ узелъ платка, повѣситъ себѣ на шею, и отправится въ церковь, то Словинцы думаютъ, что онъ разглядитъ тамъ въ народѣ *чаровниковъ* и *чаровницъ*. Въ иныхъ мѣстахъ я слышалъ, что колдуновъ и вѣдьмъ можетъ разглядѣть въ церкви священникъ, когда идетъ съ дарами; онъ видитъ тогда у нихъ на головѣ шапки; но послѣ онъ не можетъ уже вспомнить и указать этихъ людей. Если сказки Кашубовъ о похожденіяхъ колдуновъ и вѣдьмъ не представляютъ ничего оригинальнаго, то вѣра въ ихъ существованіе у нихъ такъ сильна, что еще въ 1849 или 1850 году на Междуморьѣ (Гельской косѣ) народъ утопилъ одну женщину, подозрѣваемую въ колдовствѣ. По представленію Кашубовъ, вѣдьму можно узнать по тому, что, брошенная въ воду, она всплываетъ. Такъ случалось и съ этою женщиною. Ее насильно посадили въ лодку, выѣхали въ море и бросили: такъ какъ она не вдругъ пошла ко дну, то ее, какъ вѣдьму, тутъ же убили ударами веселъ. Повсемѣстно въ Кашубской землѣ можно слышать разсказы о томъ, что такимъ образомъ топили вѣдьмъ въ старинное время. Народъ помнитъ также, что ихъ жгли. Въ Бытовѣ разсказываютъ, что въ послѣдній разъ вѣдьму сожгли въ 90-тыхъ годахъ прошлаго вѣка.

У колдуновъ и вѣдьмъ дурной глазъ; Кашубы чрезвычайно вѣрятъ дурному глазу (úrok, uroczec — сглазить; также gusta, т. е. чары) (1). Колдуны и вѣдьмы могутъ сглазить и испортить человѣка, напустить на него болѣзнь, могутъ сглазить скотъ, домашнихъ птицъ и т. дал. Они могутъ дать человѣку съѣсть въ хлѣбѣ или картофелѣ *колтунъ*, который вслѣдъ за тѣмъ образуется у него на головѣ. Отъ глазу и порчи употребляются разныя средства:

Въ Избицахъ, въ ночь на Рождество Христово и на новый годъ, запираютъ хлѣвъ или конюшню висячимъ замкомъ, потому что тогда у колдуновъ и вѣдьмъ бываетъ особенная сила.

Въ день Богоявленія, Кашубы-католики, для отогнанія колдуновъ и вѣдьмъ, дѣлаютъ на воротахъ крестъ мѣломъ, который нарочно носятъ святить въ церковь.

Дѣлаютъ младенцу первую пеленку изъ рубахи его отца или вообще мужчины.

Если ребенокъ сглаженъ, то берутъ песку изъ-подъ трехъ колесъ одной телѣги и трижды его посыпаютъ этимъ пескомъ, или же даютъ ему выпить его собственной мочи.

Для предохраненія лошадей отъ глазу, привязываютъ имъ къ уздечкѣ красные клочки сукна или ленты, а жеребятамъ обвязываютъ шею красною лентой.

Для излеченія цыплятъ, которыя сглажены и болѣютъ отъ этого, просовываютъ ихъ три раза сквозь брюки или три раза кропятъ человѣческою мочею.

Есть люди, способные *zdymac urok* (снимать дурной глазъ) со скота: для этого они должны положить въ теплую воду нѣсколько горячихъ углей и три раза плеснуть этой водой съ угольями черезъ сглаженное животное; если сглажены гуси, утки или куры, то кладутъ три угля въ миску съ водой и, какъ скоро угли потухнутъ, кропятъ птицъ изъ этой миски.

(1) Если новорожденный не сразу возьметъ грудь у матери, то его считаютъ одареннымъ дурнымъ глазомъ.

Въ ночь накануне Иванова дня знахари собираютъ известныя травы и даютъ ихъ скоту и домашнимъ птицамъ, для предохраненія отъ *чаръ*.

Въ приложенныхъ «Образцахъ нарѣчія Кашубовъ» (1, 2, 32, 33, 39, 48) помѣщено нѣсколько сказокъ, въ которыхъ являются черти, привидѣнія, змѣи и т. под. созданія народной фантазіи.

Прибавлю еще нѣсколько повѣрій и примѣтъ, записанныхъ мною у Словинцевъ и Кашубовъ.

Радуга (tąga), по всеобщему ихъ вѣрованью, пьетъ воду изъ моря, озера или болота и передаетъ ее облакамъ. Оттого она, по ихъ мнѣнію, предвѣщаетъ дождь. Tąga pije vuodą z morza, z błota или z jézera, это опредѣленіе я слышалъ повсюду, смотря по тому, были ли по близости озеро, болота или море; tąga wuodą ve wóbłoki cigne (тянетъ), говорили Словинскіе рыбаки, предвѣщая дождь. У Кашубовъ въ Западной Пруссіи существуетъ то же самое повѣрье, но радуга называется тамъ не tąga, а tącza или tęcza (1).

Кукушка, по мнѣнію Словинцевъ, послѣ дня св. Якова превращается въ ястреба и остается ястребомъ всю зиму, до марта мѣсяца; тогда она принимаетъ свой прежній видъ.

Если аистъ въ первый разъ прилетитъ на крышу дома и въ ту минуту у хозяина нѣтъ при себѣ денегъ, то онъ будетъ безъ денегъ весь годъ.

Если курица запоетъ пѣтухомъ, то это предвѣщаетъ несчастіе.

Если двое сосѣдей имѣютъ пчелъ и одинъ изъ хозяевъ умретъ, то другой долженъ пойти къ пчеламъ и постукивая палкой по ульямъ, проговорить три раза: «pszczołki, vaju

---

(1) Въ Хмѣльнѣ одинъ простолюдинъ описывалъ мнѣ слѣдующимъ образомъ происхожденіе дождя и снѣга. «Prómienie (лучи) se zrobią take czérvône, co me zôveme tącze: to jeden konjc z jédnego jézora pije, drugi z drúgiego, i z tego póchodzi deszcz i snieg. Kej pije, to bądze viele deszcza pàdało.»

społovnik zamiar» (пчелки, вашъ соучастникъ умеръ); въ такомъ случаѣ пчелы у него останутся. Иначе онѣ улетѣли бы.

Если украдутъ что нибудь (напримѣръ, хлѣба, масла и т. под.), то остатокъ отъ украденнаго нужно положить въ гробъ покойнику: въ такомъ случаѣ покойникъ втянетъ въ гробъ вора.

Когда у кого нѣтъ дѣтей, то онъ кладетъ подъ порогъ складной ножъ, открывъ его. Если жена ступитъ на порогъ и ножъ закроется, то будутъ дѣти; если ножъ останется открытымъ, то она вѣкъ будетъ безплодна.

Когда замѣтятъ, что дѣвушкѣ приглянулся парень и семья хочетъ ихъ развести, то надобно разнять по поламъ телѣгу, и въ ту минуту, когда дѣвушка входитъ со двора въ родительскій домъ, сдвинуть задній и передній ходъ телѣги.

Если въ день Рождества кто нибудь унесетъ кормъ у чужой скотины, то она откажется отъ ѣды и падетъ съ голоду.

Если въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, до восхода солнца, достанутъ воды, въ которой утонулъ грѣшный человѣкъ, ею умоются и напьются ея, то во весь годъ не пристанетъ никакая болѣзнь.

Если молоко скисается, когда его варятъ, то нужно плеснуть въ огонь немножко парнаго молока.

Въ теченіе девяти дней, считая отъ кануна Рождества Христова, женщины не должны касаться иглы и прялки: иначе скотина въ домѣ будетъ худѣть.

Если гусята болѣютъ, то, для излѣченія остальныхъ, нужно закопать одного больнаго гусенка въ землю на перекресткѣ.

Если кто украдетъ гусыню или свинью, назначенную на племя, то онъ пріобрѣтаетъ себѣ счастіе, а у того хозяина, у котораго ихъ украли, всѣ остальные гуси или свиньи начинаютъ болѣть, не даютъ приплода и т. дал. Противъ этой бѣды есть тогда средство: закопать одного гусенка или поросенка въ хлѣву, такъ чтобы онъ носомъ пришелся подъ порогъ.

Для того, чтобы лошади были жирны, надобно украсть

печной листъ и прибить его гвоздями въ конюшнѣ или положить тамъ подъ переднія ноги лошади ([1]).

IX.

Народныя лѣкарства.

Мы уже привели, при исчисленіи повѣрій и примѣтъ Кашубскихъ, нѣкоторыя средства, употребляемыя тамошнимъ простонародьемъ для предотвращенія или леченія болѣзней. Медицина у Кашубовъ, какъ и естественно при той степени образованности, на какой стоитъ этотъ народъ, находится преимущественно въ рукахъ знахарей и знахарокъ. Хотя законъ заставляетъ сельскія общества имѣть повсемѣстно медиковъ, народъ къ нимъ обращается неохотно и только послѣ того, какъ средства, предложенныя знахарями, оказались недѣйствительными.

Народная медицина Кашубовъ изложена г. Цейновою, который, вышедши самъ изъ среды этихъ поселянъ и будучи медикомъ, имѣлъ возможность узнать ее во всей подробности. Онъ посвятилъ ея описанію свою докторскую диссертацію: «De terrae Pucensis incolarum superstitione in re medica (Berolini 1851)». Имѣя въ виду рѣдкость этой книжки, считаю полезнымъ изложить здѣсь ея содержаніе, для дополненія свѣдѣній, представленныхъ мною о Кашубскомъ народѣ.

Кашубы-католики, говоритъ г. Цейнова, питаютъ особенную вѣру въ цѣлебныя свойства разныхъ травъ, которыя должны быть освящены въ Воскресенье по Успеніи Богородицы, называемое *Nocvietsзo Panna гelno* ([2]). Поселяне приписываютъ

([1]) Эти пять послѣднихъ повѣрій заимствованы нами изъ диссертаціи г. Цейновы: «De terrae Pucensis incolarum superstitione in re medica», о которой будетъ упомянуто ниже.

([2]) Г. Цейнова исчисляетъ эти травы. Вотъ онѣ: nokce (Calendula off. ноготки), vjika (Convolvulus purpuroum), makóvjica (макъ), beleca (бѣлена), ruta (рута), pokrętnjik (Tanacetum vulgare, дикая рябина), żełte knopki (Chrysanthemum coronarium), kôscelnjica (Xeranthemum annuum, сѣроцвѣтъ), lilijc (Lilium can-

этимъ травамъ тѣ или другія опредѣленныя свойства, руководствуясь обыкновенно случайными соотношеніями. Такъ, если у него выходитъ кровь съ мочею, то нужно употребить травы краснаго цвѣта; если кто страдаетъ колотьемъ,—то травы колючія, какъ напр. Datura stramonium.

Новорожденнаго ребенка моютъ водою, въ которую примѣшанъ настой освященныхъ травъ. Такой же настой ставится подъ родильницу, для облегченія родовъ. Отелившаяся корова должна быть три раза напоена водою, въ которую опущены освященныя травы и гребень: тогда она хорошо будетъ давать молоко. Въ первый разъ, когда выпускаютъ корову въ поле, кладутъ подъ порогъ черепокъ съ угольями, на которые брошено нѣсколько освященныхъ травъ, для того, чтобы ими окурить животное.

Отъ кровавой мочи употребляютъ также освященный маточникъ Melissa officinalis; отъ зубной боли — куренье изъ освященнаго дурмана Datura stramonium. Скоту, который переводится на пастбище, ему не нравящееся, даютъ освященные ноготки Calendula officinalis.

Г. Цейнова приводитъ нѣсколько примѣровъ огромнаго вреда и даже смерти, причиненныхъ употребленіемъ разныхъ травъ въ болѣзняхъ, для которыхъ онѣ не годятся, или въ чрезмѣрныхъ пріемахъ. Сверхъ этихъ травъ, Кашубы носятъ святить въ церковь: воду и мѣлъ наканунѣ Богоявленія, хлѣбъ и соль въ праздникъ Св. Агаты (4 февраля); вѣтки жостери

---

didum и bulbiferum), levęda (Lavandula spica), koͤper (укропъ), koͤlęder (Coriandrum sativum, кишнецъ), słonecznjik (подсолнечникъ), salota (салатъ), mjętkat иначе wurazeve drzevo (Mentha piperita, перечная мята), hokbaba или spica (Mentha crispa), klosztorni kviat (Solanum dulcamara, глистовникъ), goͤzdzik (Dianthus), biały klever (Melilotus alba, донникъ), czerzvione baranki (Melissa off. маточникъ), sztokrozo (Alica rosea), sloz (Malva, просвирки), bielun или voͤstropoͤs, (Datura stramonium, дурманъ), czorni kôlęder или czorno gôrczeca (Sinapis nigra, горчица), voͤsmoͤże (Inula Oculus Christi, рѣзакъ), szalvijo (Salvia off., шалфей). Кромѣ того, Кашубы святятъ еще слѣдующія травы, ботаническія имена которыхъ неизвѣстны г. Цейновѣ: koͤrki, wudra, peperkrut, bożedrzevko, panicnki, arfrung, Kržive zodrzevo и lajk или gromove zele.

(Rhamnus cathartica, szatlach) въ Лазарево Воскресенье; вѣнки изъ травъ въ Страстную Пятницу; воду также въ Троицынъ день. Всѣ эти предметы имѣютъ потомъ свое употребленіе. Если молоко слишкомъ скоро скисается, то надъ нимъ нужно одинъ разъ положить освященный вѣнокъ. Кусочекъ освященнаго хлѣба и соли, данный скоту, предохраняетъ его отъ укушенія змѣи. Наканунѣ Рождества даютъ гусямъ, для здоровья, кусочекъ того же хлѣба. Въ случаѣ пожара, останавливаютъ огонь, посыпая на него освященной соли. Наканунѣ Иванова дня, для предохраненія отъ чаръ, дѣлаютъ на воротахъ кресты освященнымъ мѣломъ или смолою, а также прицѣпляютъ къ воротамъ вѣтку жостери (Rhamnus cathartica) и окропляютъ домъ и хлѣвъ освященною водою.

Бородавки сводятъ прикосновеніемъ къ рукѣ покойника. Также лѣчатъ бородавки и всякіе наросты слѣдующимъ образомъ: у сосѣда крадутъ клокъ соломы и крѣпко трутъ имъ листъ, на которомъ сажаютъ хлѣбъ въ печку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ послѣдній испеченный хлѣбъ, а потомъ тою же соломою, какъ можно крѣпче, трутъ бородавку; за тѣмъ бросаютъ эту самую солому въ печь, и въ это мгновеніе больной долженъ убѣжать какъ можно скорѣе, чтобы не видѣть и не слышать, какъ она горитъ.

Полотенце, которымъ вытерли умершаго послѣ омовенія, прикладывается къ лицу для излѣченія отъ рожи.

Отъ рожи Кашубы употребляютъ еще слѣдующія три средства:

1) Берутъ три соломенки и опускаютъ концами въ жидкую смолу. Потомъ дѣлаютъ на мѣстѣ, гдѣ образовалась рожа, каждою соломенкою по три креста, считая однако отъ девяти нисходящимъ порядкомъ. За тѣмъ покрываютъ больную часть льномъ или коноплей и даютъ больному выпить чашку кислаго или неснятаго молока съ девятью каплями жидкой смолы. Вся операція должна быть произведена среди глубокаго молчанія.

2) Надъ больною частію, которая должна быть обнажена,

меньшой изъ троихъ братьевъ высѣкаетъ девять разъ искру изъ кремня, начиная также считать съ девяти и кончая однимъ, и также при совершенномъ молчаніи. За тѣмъ больной долженъ плюнуть три раза.

3) Также заговариваютъ рожу произнося трижды слова: «остановись рожа, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ останавливался въ свои часы»; при этомъ творятъ крестное знаменіе и благословляютъ именемъ Отца и Сына и Св. Духа.

Противъ слабости и чахлости (atrophia) ребенка прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: берутъ всю одежду, какую ребенокъ надѣваетъ заразъ, и варятъ въ котлѣ, наполненномъ водою. Въ это время отецъ три раза обходитъ домъ и спрашиваетъ девять разъ черезъ окна: «Мать, что варишь?» Она всякій разъ должна отвѣчать: «Ростъ нашего дитяти». Или же разводятъ огонь на перекресткѣ и раскачиваютъ надъ нимъ ребенка крестообразно, по направленію дорогъ.

Если язычекъ распухнетъ и мѣшаетъ глотать, то нужно схватить на темени нѣсколько волосъ и трижды крѣпко дернуть къ верху.

Водяную или опухоль шулятъ у ребенка лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: три дня сряду, передъ выходомъ или заходомъ солнца, приносятъ изъ рѣки въ шайкѣ воды и выливаютъ въ тазъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ изъ рѣки три камня, кладутъ въ огонь и, раскаливъ, бросаютъ въ принесенную воду. Потомъ этою водою обливаютъ больную часть три или девять разъ.

Если ребенокъ страдаетъ судорогами или біеніемъ сердца, то его просовываютъ между перилъ телѣги. Также, въ случаѣ сильныхъ конвульсій ребенка, снимаютъ съ него черезъ голову рубашку, рвутъ ее на четыре части крестообразно и зарываютъ на межѣ.

Средства отъ кровотеченія: берутъ камень, дѣлаютъ на немъ 3 креста, произнося трижды: «Во имя Отца» и проч., обмакиваютъ его въ кровь и потомъ кладутъ на прежнее мѣсто;

или же, что считается еще дѣйствительнѣе, вырубаютъ четыре клинушка изъ четырехъ ножекъ стула, сперва изъ задней ножки одного бока, потомъ изъ передней другаго, потомъ изъ передней ножки прежней стороны, наконецъ изъ остающейся задней ножки, и, обмочивъ кровью, тѣмъ же порядкомъ втыкаютъ ихъ назадъ.

Чтобы остановить кровотеченіе носомъ или ртомъ, Кашубы привязываютъ къ спинѣ мѣшечекъ съ каломъ гнѣдой кобылы— мужчинамъ, а гнѣдаго жеребца — женщинамъ.

Лѣченіе отъ crusta lactea: надобно, передъ восходомъ или заходомъ солнца, украсть три тычинки изъ трехъ плетней, на трехъ межахъ, сжечь ихъ, взять уголья и перебросить девять углей черезъ больнаго, начиная счетъ съ девяти и кончая однимъ. То же самое средство употребляется для излѣченія цыплятъ, на которыхъ дурнымъ глазомъ напущена болѣзнь.

Къ этимъ средствамъ народной медицины Кашубовъ, записаннымъ г. Цейновою, прибавляю еще два слышанные мною:

Чтобы лѣчить отъ рожи, знахарь идетъ утромъ до восхода солнца въ садъ и караулитъ, пока увидитъ, что кротъ выбрасываетъ землю изъ своей норки. Онъ бросается туда и старается схватить крота, такъ чтобы кротъ проскочилъ черезъ его руку. Когда это ему удалось, онъ идетъ къ больному и произноситъ надъ нимъ извѣстный заговоръ.

Отъ укушенія змѣи выкапываютъ яму, ставятъ въ нее укушеннаго босыми ногами и льютъ въ яму молоко.

X.

Особенности языка Словинцевъ и Кашубовъ.

Нарѣчіе, на которомъ говорятъ эти послѣдніе остатки Прибалтійскихъ Славянъ, имѣетъ наиболѣе сходства съ Польскимъ языкомъ. Мы находимъ также въ разныхъ письменныхъ памятникахъ нѣкоторые обломки нарѣчія Славянскаго населенія,

жившаго въ старину на Эльбѣ и въ западной части Балтійскаго поморья. Обломки эти показываютъ, что языкъ прежнихъ Славянскихъ обитателей Мекленбургіи, Бранденбургіи и Люнебургскаго *Вендланда* близокъ былъ къ типу Польской рѣчи, но имѣлъ также свои характеристическія особенности. Это свидѣтельство признаковъ лингвистическихъ, подкрѣпляемое разными историческими фактами, наводитъ на мысль, что Польскій языкъ и языкъ Прибалтійскихъ Славянъ составляли одну общую вѣтвь Славянской рѣчи, вѣтвь, которую можно назвать Ляшскою, и что вѣтвь эта раздѣлилась на два нарѣчія, Польское и Прибалтійское, точно также какъ, напримѣръ, Русская вѣтвь раздѣлилась на нарѣчія Великорусское и Малорусское. Языкъ Кашубовъ и Померанскихъ Словинцевъ есть послѣдній живой остатокъ Прибалтійскаго нарѣчія, объемъ котораго въ средніе вѣка былъ, по крайней мѣрѣ, равенъ объему нарѣчія Польскаго, но которое несчастныя обстоятельства мало-по-малу стерли и стираютъ съ лица земли. Потому мнѣніе, господствующее въ образованномъ классѣ туземцевъ, будто Кашубское нарѣчіе есть лишь искаженный Польскій языкъ, совершенно ложно: это то же самое, какъ если бы кто нибудь сталъ увѣрять, что Малороссійскій языкъ есть испорченный Великорусскій. Но мнѣніе это могло легко составиться и весьма извинительно. Дѣло въ томъ, что Прибалтійское нарѣчіе угасло въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно должно было имѣть всю полноту своего своеобразнаго типа, т. е. на берегахъ Эльбы и въ западной части Балтійскаго Поморья; мы его знаемъ только въ мѣстахъ, гдѣ оно граничитъ съ чистымъ Польскимъ языкомъ и гдѣ, естественно, въ говорѣ народа слышенъ переходъ къ этому языку. Представьте себѣ Малороссійскую рѣчь исчезнувшею вездѣ, кромѣ какъ на пограничной чертѣ съ Великорусскимъ племенемъ, напримѣръ на рубежѣ Курской и Черниговской губерніи: въ такомъ случаѣ трудно бы было представить себѣ своеобразный типъ этого языка и освободиться отъ мнѣнія, что тамошняя рѣчь есть только искаженный мѣстный говоръ.

Постепенное приближеніе къ Польскому языку слышится, можно сказать, на каждомъ шагу Кашубской земли, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься отъ запада къ востоку и отъ сѣвера къ югу. Потому нѣтъ никакой возможности опредѣлить, такъ сказать, нормальный типъ Кашубскаго нарѣчія, или можно это сдѣлать только условно, принявъ говоръ одной какой-нибудь мѣстности за норму, какъ пытался г. Цейнова въ изданныхъ имъ Кашубскихъ книжечкахъ. Онъ принялъ за норму рѣчь, господствующую въ его родинѣ, въ сѣверной, приморской части Вейеровскаго округа, въ Западной Пруссіи; но эта норма гораздо ближе къ Польскому языку, нежели нарѣчіе Кашубовъ и особенно Словинцевъ въ Помераніи, и гораздо дальше отъ него, нежели нарѣчіе Кашубовъ въ южной части Вейеровскаго и въ Картузскомъ и Косцержинскомъ округахъ.

Говоръ жалкихъ рыбаковъ и поселянъ, живущихъ около Гардненскаго и Лебскаго озеръ въ Помераніи и носящихъ названіе Словинцевъ и Кабатковъ, былъ для меня особенно любопытенъ тѣмъ, что въ немъ представляется это нарѣчіе съ наиболѣе своеобразными чертами. Если можно искать какого нибудь опредѣленнаго типа въ угасающихъ остаткахъ нарѣчія Прибалтійскихъ Славянъ, то должно брать его именно въ деревняхъ Померанскихъ Словинцевъ и Кабатковъ. Потому я постараюсь указать на важнѣйшіе признаки тамошняго говора.

1) Гласная *a* переходитъ въ *o*, обыкновенно, когда она приходится подъ удареніемъ, всегда, когда она долгая. Вліяніе долготы замѣтно особенно въ грамматическихъ формахъ; напримѣръ duobr*o* żon*a*, vielg*ó* rëb*a*: jo или ja; zn*a*ją, të zn*o*sz, wôn zn*o* (въ формахъ duobr*o*, vielg*ó*, zn*o*sz, zn*o* было долгое *a*, ибо оно произошло въ слѣдствіе контракціи). Постоянно переходитъ *a* въ *o* также въ окончаніи причастія на *анный*, напр. poddôni, wôteslôni (отосланный); *o* въ этомъ случаѣ произносится чрезвычайно протяжно. Вообще же слышно постоянное колебаніе между *a* и *o*, особенно подъ удареніемъ; одинъ и тотъ же человѣкъ произнесетъ то ja, то jo, то gadac,

то godoc, то godac, ибо, собственно, тутъ существуетъ звукъ средній между обѣими гласными, склоняющійся то въ ту, то въ другую сторону и неуловимый на письмѣ.

2) Послѣ согл. *r* въ началѣ словъ *a* переходитъ въ *e*: resnųc (расти), wôn res, redosc, remią; но слышно также radosc, rad и т. п. Переходъ *a* въ *e* встрѣчается и въ другихъ случаяхъ; я его слышалъ особенно часто у Померанскихъ Кашубовъ, когда на *a* нѣтъ ударенія, напр. on gade (говоритъ), on gadel, oni gedáli и т. п.

3) Гл. *o* подъ удареніемъ (и часто даже безъ ударенія) разлагается въ двугласную, похожею на *oё* или *uё*, въ которой звукъ главнымъ образомъ упирается на *e*; двугласную эту я принялъ изображать знакомъ ō (1). Въ сѣверной части Западной Пруссіи (въ нарѣчіи, на которомъ пишетъ г. Цейнова) этотъ переходъ особенно употребителенъ и имѣетъ мѣсто постоянно послѣ согласныхъ губныхъ (*b, p, v, w, m*) и гортанныхъ (*g, k, ch*). Въ началѣ словъ, *o* очень часто получаетъ этотъ же звукъ, но тогда первая часть двугласной, именно *o* или *u*, бываетъ слышна сильнѣе, ибо съ нею сливается придыханіе *w*, которое Кашубы, подобно многимъ другимъ Славянамъ, присовокупляютъ къ гласнымъ, начинающимъ слово. Впрочемъ, въ этомъ произношеніи гласной *o* господствуютъ величайшій произволъ, особенно у Словинцевъ и Померанскихъ Кашубовъ: вы услышите то chodzic съ чистымъ *o*, то chôdzic, то won (онъ), то wôn, иногда даже wun и наконецъ чисто on, и все это въ рѣчи одного и того же человѣка. (Замѣчу кстати, что начертаніе *w* обозначаетъ такое *в*, которое подходитъ къ полугласному звуку, какъ *в*, замѣняющее *л* въ Малороссійскомъ языкѣ или какъ Англійское *w*, а что чистое *в* выражается буквою *v*). — Иногда *o* переходитъ въ долгое *u* (wôn pųdze, пойдетъ), иногда въ *ou* (Buog, duobri).

---

(1) Г. Цейнова пишетъ ó, но я счелъ лучшимъ предоставить знакъ ó для изображенія обыкновеннаго *o* съ удареніемъ.

4) Гласныя *у* (*ы*), *и* (*у*) и *і* (первая почти всегда, вторыя изрѣдка подъ удареніемъ и не въ началѣ слова) переходятъ въ краткое *е*, весьма открытое, которое изображается мною знакомъ ĕ: напр. bĕl (былъ), rĕba (рыба), palĕca (палка), dĕsza (душа). Въ нѣкоторыхъ словахъ *у* (*ы*) произносится и какъ *і* (pitac, спрашивать; впрочемъ, собственные Кашубы говорятъ pĕtac), а въ словѣ nynia (нынѣ), употребляемомъ Словинцами и Кабатками, звукъ у (ы) слышится довольно чисто. Въ окончаніяхъ, *ы*, когда на немъ нѣтъ ударенія, имѣетъ звукъ колеблющійся между ĕ и *і* и чаще подходящій къ первому въ формахъ женскаго склоненія (rĕbĕ рыбы, bĕlĕ были, въ женскомъ родѣ, Польск. były),—ко второму въ окончаніи прилагательныхъ именъ, *ый* (duobri, dôni данный); когда же на это окончаніе падаетъ удареніе, то *і* произносится весьма явственно и протяжно (zlî, chorî больной и т. п.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Своржевѣ и около Пуцка, а также въ Хмѣльнѣ (въ Картузскомъ округѣ) гласн. *и* (*у*) въ серединѣ словъ часто получаетъ звукъ Французскаго *u* или Нѣмецкаго *ü* (drügi, glüpi).

5) Носовые звуки весьма явственно произносятся Словинцами и Кашубами и имѣютъ у нихъ самые разнообразные оттѣнки, такъ что Польскія ą и ę произносится тамъ то какъ *аñ*, то какъ *еñ*, то какъ *оñ*, то какъ *иñ*. Въ Хмѣльнѣ и сосѣднихъ деревняхъ ą въ концѣ словъ часто произносится какъ um (напр. z sobum). Не смотря на то, что носовой звукъ часто слышенъ такъ выразительно, что онъ приближается къ согласной *n*, онъ однако столь же часто скрадывается, и при этомъ носовыя гласныя превращаются и въ *а*, *е*, и въ *о* и наконецъ въ *и* и *оu* (у и оу). Такимъ образомъ въ произношеніи Померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ являются совокупно всѣ видоизмѣненія, какимъ только носовыя гласныя подвергались въ разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, и это въ одной и той же мѣстности и въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Такъ Словинецъ произнесетъ то: ja bañdañ, wŏni bañdañ, то: ja boñdañ, то: ja buñdañ, wŏni buñduñ, то: ja badañ, то: ja bodañ, то: ja budu,

wǫni bodo, wǫni budu; слышно zamb, zumb, zob, zub; stampic, stopic, stupic, stoupic; sañ, señ, sa, se (*—ся*) и т. под. Записывая слова этихъ поселянъ, я старался всякій разъ изображать вѣрно оттѣнки носовыхъ звуковъ, и для того принялъ, кромѣ Польскихъ знаковъ ą (которое должно быть произносимо въ Кашубскихъ словахъ какъ añ) и ę, еще начертанія ǫ и ų (*о* и *у* съ носовымъ звукомъ).

6) *ъ* и *ь*, превращающіяся въ Русскихъ словахъ въ бѣглыя *о*, *е*, въ Польскихъ въ *е*, *ie*, пропускаются, какъ въ нарѣчіи Лужицкихъ Сербовъ: напр. dobĕtk (скотъ), ftaszk (пташка Польск. ptaszek), junc (бычокъ), viechc (клокъ соломы, Польск. wiecheć) и т. д.

7) Въ корняхъ, гдѣ за согласною *r* (*р*), стоящею послѣ другой согласной, слѣдуетъ *а*, и гдѣ въ Русскомъ языкѣ это сочетаніе переходитъ въ *оро* (напр. врана—ворона), Словинцы обыкновенно ставятъ гласную *а* (или *о*) впереди, напр. parch (прахъ, т. е. пыль), parsą (поросенокъ), porg (произносится почти какъ porch), во множеств. pârgi (порогъ), varna (ворона), skovornk (жаворонокъ), sarka (сорока), chorna или charna (пища, Сербск. храна), borna (борона), povor-z (веревка, Польск. powróz), parparc (папоротникъ), pǫstornk (постромка), wǫgard (садъ, Польск. ogród), zogarda (загородка въ амбарѣ) и т. д. Но это древнее свойство языка Прибалтійскихъ Славянъ не сохраняется во всѣхъ словахъ (напр. говорятъ broda борода) и исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ границамъ Польской рѣчи.

8) Смягченіе согласныхъ *d*, *t*, *r* въ *dz*, *c*, *rz* производится постоянно, какъ у Поляковъ; но характеристическую особенность произношенія Кашубовъ и Словинцевъ составляетъ то, что *dz*, *z*, *c* и *s* не терпятъ за собою смягченной гласной; они говорятъ, напр., dzenj, zorno, cebie, sano (сѣно) и т. д.

9) *G* смягчается въ *z*, а не въ *dz*, какъ у Поляковъ, напр. drĕzi (другіе), noze (ноги, двойств. ч.) и т. д. *K* смягчается иногда въ *tj* въ именит. множ. ч. именъ прилагатель-

ныхъ на ski, напр. Kaszëbstji, Slovinstji lëdze (люди); но часто слышно также Kaszëbski, Slovinski lëdze.

10) Твердое ł (л), какъ было уже замѣчено выше. выговаривается Словинцами какъ среднее *l* (подобное Французскому, Нѣмецкому, Чешскому или Сербскому l), Кабатками и Кашубами какъ *w* или полугласное ў, подобно Верхне-Лужицкому ł и Малороссійскому *в*, замѣняющему твердое *л* въ концѣ словъ и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Между Кашубами только такъ называемые Bëllëci (см. выше) произносятъ твердое ł, подобно Словинцамъ, какъ *l*.

11) Ударенія въ рѣчи Словинцевъ и Кашубовъ совершенно отличаются отъ Польскихъ и разнообразіемъ своимъ не уступаютъ Русскимъ. Удареніе бываетъ острое и протяжное. Всего болѣе любимо, какъ кажется, удареніе на третьемъ слогѣ съ конца, но бываетъ также и на четвертомъ, и на предпослѣднемъ и часто даже на послѣднемъ (¹). Правило тутъ опредѣлить тѣмъ менѣе возможно, что одно и то же слово принимаетъ нерѣдко разныя ударенія, напр. wȍna и onâ, wȍni и onî (она, они), trégi и tregí (назадъ, Сербск. натрагъ), kórzenie и korzénie (корни) и т. п. При сочетаніи односложнаго слова (предлога или мѣстоименія) съ двусложнымъ, удареніе почти всегда переходитъ на первое (напр. jó budą я буду, ná dumie на домѣ и т. под.). Удареніе на послѣднемъ слогѣ особенно часто имѣютъ двусложныя прилагательныя, напр. cëzí, cezó, cëzé (чужой, чужая, чужое), chorí (больной), żołtí, ǵorzkí, cvardí (твердый), prostí, dlegí (долгій), dzeví (дикій) и т. д. Въ склоненіяхъ и спряженіяхъ удареніе часто перемѣщается, и перемѣщеніе это употребляется, гдѣ нужно, для различія сходныхъ формъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого перемѣщенія: jâjo яйцо, pol jajô полъ-яйца, v jajû въ яйцѣ, jâja яйца, jôj яицъ, na jajîch на яйцахъ; dôm, duóm, dom,

(¹) Въ Хмѣльнѣ и окрестныхъ деревняхъ (на западъ отъ г. Картауза) удареніе постоянно звучитъ на первомъ слогѣ слова, какъ у Лужичанъ и Чеховъ.

dôma, v domû, ná dumie, dúmy (домы), s dumô' (съ домовъ), ve dumâch; rą́ka рука, rą́ką или rą́ko руку, rąką́, rąkó, rąkú рукою; żolti kviáti желтые цвѣты, s temi zoltî kviatî съ этими желтыми цвѣтами; lědzi или lědze люди, lědzí людей, dzéci дѣти, dzecî дѣтей; viélgi czloviek, vielgî lědze; biérze беретъ, biérzece берете, bierzé бери, bierzéce берите; przíndzece придете, przindzéce придите и т. д.

12) Въ склоненіи именъ существительныхъ характеристична форма ą, служащая окончаніемъ творительнаго падежа единств. ч. мужеск. и средн. родовъ (напр. czlovieką, Bo̊gą, slovą). Не говоря о многихъ архаическихъ формахъ (какъ-то творит. множ. на ы и мѣстн. множ. на *ѣхъ*), замѣчу еще, что двойственное число весьма рѣзко отдѣляется отъ множественнаго въ окончаніяхъ именит. и винит. падежей женскаго и средняго рода, напр. dvie corce (дочери), trze corki; dvie njâsce (двѣ женщины, njâsta = невѣста), trze njâstě; dvie sztěze, trze sztěgi (sztěga — собирательное имя, означающее двадцать); dvie ko̊pie, trze ko̊pě (ko̊pa — шестьдесятъ), dvie szprôce (szprôka, съ Нѣмецкаго, языкъ), dvie lece, trze lata и т. д.

13) Въ склоненіи именъ прилагательныхъ замѣчательно окончаніе родительнаго падежа на *ewo* вмѣсто Польскаго *ego* (duóbrewo добраго, viélgewo, sviątewo и т. д.); то же самое въ мѣстоимѣніяхъ: jewo, tewo или чаще, что правильнѣе, towo, vszewo и т. п. Нерѣдко это окончаніе сокращается и произносится duóbre'o или просто duóbrô, je'o, to'o или tô. Это окончаніе *ewo* слышится только у Словинцевъ и Кабатковъ и въ ближайшихъ къ нимъ Кашубскихъ деревняхъ въ Помераніи; далѣе на востокъ произносятъ *eho* (viélgeho, jeho), а на границахъ Польскаго племени *ego*.

14) Относительно мѣстоименій, кромѣ особенностей, проистекающихъ изъ законовъ фонетическихъ, обращу вниманіе на сокращеніе, весьма обыкновенное, словъ onen, onâ, óno, onî въ 'nen (оный), 'nâ, 'no, 'nî.

15) Спряженіе отличается отъ Польскаго преимущественно

полнымъ окончаніемъ aję вмѣсто am въ 1-мъ л. настоящаго вр. глаголовъ на ac; полнымъ развитіемъ двойственнаго числа; несокращенными окончаніями повелительнаго и многими старинными формами. Вотъ нѣсколько образчиковъ спряженія у Словинцевъ:

Jo jem (есмь), tĕ jes, on je или эмфатически, on jesta; ma jesma, va jesta, ona jesta; mĕ jesmĕ, vĕ jesce, oni są или эмфатически jesą; jo jem bĕl; bądzi и bądzê (будь), bądzêce (будьте); ja bądą, tĕ bądzesz, on bądze, ma bądzema, va bądzeta, ona bądzeta, me bądzemĕ, vĕ bądzece, oni bądą; bądûc; bĕvszĕ; bivôni (¹); bĕc (быть).

Ja jêm (ѣмъ), jês, jê, jêma, jêta, jêmĕ, jêce, jedzą; jes (ѣшь); jad, jadla; jedzôni; jesc.

Viem (вѣдаю), vies, vie, viema, vieta, viemĕ, (изрѣдка vîsmĕ), viece, viêdzą; viedzec.

Jidą, jidzesz, jidze, jídzema, jídzeta, jídzemĕ, jidzece, jidą; jidzé (иди), jidzéce; szed, szla; jidąc или jidûc, jidzôni; jic.

Jadą (ѣду), jêdzesz, jêdze, jêdzema, jêdzeta, jêdzemĕ, jêdzece, jâdą; on jol (ѣхалъ), jôni; jachac.

Cą (хочу), cesz, ce, cema, ceta, cemĕ, cece, co (хотятъ); cel; côni; cec.

Znâję, znâjesz (иногда znasz, znosz), znâje; znâjema, znâjeta, znâjemĕ, znâjece, znâją; znoj; znol; znôni; znając; znoc.

Gadaję (изрѣдка gadą, говорю), gâdasz или gâdosz, gâda или gâdo, gâdoma, gâdota, gâdomĕ, gâdoce, gâdają (изрѣдка gâdą); gâdoj; gâdol; gadôni; gâdac.

Czinią (дѣлаю), czinisz, czini, czínima, czínita, czínimĕ, czínice, czinią; cziní, cziníce; czinil; cziniąc; cziniôni; czinic.

Cîgną (тяну), cîgniesz, cîgnie, cîgniema, cîgnieta, cîgniemĕ, cîgniece, cîgną; cĕgnî, cĕgnéce; cîgnunl; cîgniôni; cîgnąc.

Странную особенность спряженія у Словинцевъ составляютъ сокращенныя формы. Въ одномъ словѣ мы находимъ аналогію

(¹) О значеніи этого причастія будетъ сказано ниже.

этому въ Словинскомъ нарѣчіи въ Крайнѣ; именно, Словинцы Померанскіе, точно также какъ ихъ соименники въ Норическихъ Альпахъ, часто сокращаютъ глаголъ *буду*, и говорятъ: ja bom, tě bosz, on bo, ma boma, va bota, ona botå, mě boměe, vě boce (1). Кромѣ того, Померанскіе Словинцы говорятъ: on mô' вм. może, pômô вм. pomóże, mô'ce вм. możece; on pû' вм. pûdze (пойдетъ), on przî вм. przîdze, tě przîsz вм. przidzesz, ma przîma вм. przîdzema, on uczî' вм. uczinil. Заимствованный у Нѣмцевъ глаголъ krěgac (достать, получить) обыкновенно является въ сокращенной формѣ: krâc, jo krą, tě krosz или krâsz, on krâ или krô и т. д.; прошедшее krěgal и krôl. Наконецъ сокращается часто форма прошедшаго спрягательнаго причастія въ двойств. числѣ и въ женскомъ родѣ единств. числа, напр. ona miâ' вм. miala (имѣла), ona przegnâ' вм. przegnala, ona kazâ' вм. kazala, ona viedzâ' вм. viedzala, ona znâ' вм. znala и т. д. (все это одинаково въ женск. единств. и въ двойств. мужеск. рода). Какъ послѣднюю особенность Словинскаго глагола отмѣчу образованіе прошедшаго сложнаго и давнопрошедшаго съ причастіемъ страдательнымъ, но съ значеніемъ дѣйствительнаго. Это есть чистый германизмъ, который какъ и многія другія конструкціи, обезобразилъ Славянскую рѣчь въ устахъ Померанскихъ и Западно-Прусскихъ Словинцевъ и Кашубовъ. Такъ Словинцы говорятъ: jo jem bivôni = ich bin gewesen, ja mom zaběto = ich habe vergessen, on mo uczinione = er hat gethan, on mial zapisône = er hatte aufgeschrieben, и мн. т. под.

---

(1) Въ третьемъ лицѣ множест. ч. сокращенная форма не употребляется.

ОБРАЗЦЫ НАРѢЧІЯ
Померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ.

I.

НАРѢЧІЕ СЛОВИНЦЕВЪ.

1.

Сказка о поѣздкѣ мальчика въ адъ.

Bĕl wotc, ten mial se svou żonu sedmioro dzecî, a ga to vôsme mialo przec nâ sviat, mialo są wúrodzec, te przî zlî duch. A ten wotc 'col kúmotro miec, nicht nie chcol stojec, abo wo̊n bĕl wúbogi. A te wo̊n jidze przez las. Tako są nalêze zlî duch dó niewo, a pita gdze wo̊n jidze. Wo̊n rzek eż chcol miec kúmotra, dvu wo̊n miol, a trzécewo nie mo̊k nalezc. A te zlî rzek: «jâ budą też stojel»; a rzek zlî duch, ga wonê sa wurôdzi, to wo̊n bĕ nie vzol. A tako sa wúrodzil wotrok. Tako wo̊n rzek, eż ga budze trzé lata store, to wo̊n bĕ̋ jewo vzonl. A te wotc chodzi lik plâczuce, a rzek zlî: «huja, nie placz, wo̊n slĕcha mnie». A ga wo̊n bĕl trze lata, tako wo̊n mok vnet kazac, Pan Bog mu dal eż bĕl jako ksodz, a rzek wotcu: «nie placzíce, wo̊n mie nie krô». Tako przî zlî duch, a wo̊n veznie bíblejǫ, á idze dó ksǫdza, a rzecze ksǫdzu: «tako a tako to jé, moj wotc mie miol przedónewo zlemu duchu». Tako jidze ksodz s nim v cerki, as jewo przeżegno. Tako ga wo̊n miál jewo przeżegnôni, wo̊n jidze bûten s cerkvie, a zlî duch lik ú jewo stojol. Tu bĕl vielki kâme, tako wo̊n sa vsâdzi nó ten kâme, asté pocznie kâzac, a tako zlî muszi przecz wo̊t niewo. A wo̊n tako res, co bĕl jako svieczka zbiegli. A wo̊n chcol jic ve vandrâni, a wotc bardzo placze.

Tako ga wo̊n jewo abszejdol (wo̊dżegnol), a ga wo̊n szed na vandrâni, wo̊n przî ve vielgi las a nalêze muórdarza, ten kleczol na kolaniech, a bělą jâbloń, jenâ minô, a jenâ kvasnô, te jabka běli jánielovie, dusze co wo̊n mial pomordône, ten mordarz. Tako mordarz pita, dokud ten wotrok jol (a wo̊n mial najanti wôz). A wo̊n rzek eż wo̊n jol dó piekla, eż chcol miec svoje szrefte trěgi. Tako mordarz rzek: pětoj gdze jô przidą do legnînio. Wo̊n rzek, wo̊n bě jemu to sprâvil. A ga wo̊n przî dó piekla, tako wo̊n zaklepie a pito. Te 'nî mu wótemkli, a njewo pîtali, co wo̊n 'col. A wo̊n rzek, wo̊n 'col miec sve pîsmio. Tako tą nié bil zlî, tako 'nî za nim múszeli trąbic, a ga wo̊n przeszed, to przeszed takî wulûmni, a pîsmio niemu muszel dac. Tako ten wotrok pito, gdze bě ten mordarz przeszed do leżenio, tako 'nî rzeklî, na Remiászove loża, tą běli gótove nuoże, na chterych wo̊n mial leżec. Tako wo̊n rzek że mial jemu to rzec; a wo̊n běl vo calî ruok prîcz, a ga wo̊n przejedze zas do mo̊rdarza, te mo̊rdarz kleczi, a běl dicht calî wóbrosli. Ga wo̊n dó niewo przî, as jemu rzek, tako a tako. A ga wo̊n jewo przéżegnol, to wo̊n spad dó grěpe jako proch, a vszetki jabka zginonle. Te ga wo̊n przejedze duó dom, wotc nî mok poznac jewo. A potem pito: «jes tě to̊, Ernst Frídrichu?» Rzek: «ja, tato, to jô jem.» Tako wotc na kolâna a placze, a wo̊n rzek: «wojcze, nie placzíce, jo jem v duóbrim stônie, jo mom pjondze, jo mom vszewó bokâdosc». Tako wo̊n jidze duó pana ksondza ale ksǫdz go nié poznal, a pita jewo, co wo̊n zocz běl. Rzek: «jo jem ten co sce vě przěżegnôli». Tako ksǫdz rzek, wo̊n mial dó niewo bén jic. Ale wo̊n rzek: «nie, nî mogą». Tako ksǫdz rzek: «tě moż' běc ksandzą». A ten wotrok rzek tako: «nie, nî buda ksandzą, jo 'cą jesz v sviece wo̊bezdrzec, jako v sviece jidze. Nynia wo̊stanîce z Bogą, a ja pûdą svo drogą».

Для облегченія пониманія этихъ образцовъ Померанско-Словинскаго нарѣчія, прилагаю *дословный* переводъ первой сказки; въ слѣдующихъ достаточно будетъ объясненія нѣкото-

рыхъ словъ и оборотовъ, тѣмъ болѣе, что въ приложенномъ ниже глоссаріи объяснены слова, составляющія особенность Кашубскаго нарѣчія.

Считаю небезполезнымъ напомнить здѣсь, что въ этихъ образцахъ нарѣчія Померанскихъ Словинцевъ и Кашубовъ мною употреблено Польское правописаніе, — такъ какъ оно уже для него принято, — съ нѣкоторыми необходимыми дополненіями, о которыхъ я упомянулъ выше, и что затѣмъ надобно читать:

ą всегда какъ aй, т. е. какъ носовое *а*;
ę какъ носовое *е*;
ǫ какъ *о* носовое или какъ Польское ą;
ų какъ носовое *у* (*и*);
c какъ *ц*, cz какъ *ч*, ch какъ *х*;
e всегда какъ твердое *е*, ie какъ *е* мягкое, ia какъ *я*, io какъ Русск. ё, iu какъ *ю*;
ĕ какъ краткое, весьма открытое, твердое *е*;
l въ нарѣчіи Словинцевъ какъ среднее (напримѣръ Французское или Нѣмецкое) *l*, въ нарѣчіи Кабатковъ и Кашубовъ какъ Польское (смягченное) *l*;
ł какъ полугласное ў или какъ *в* въ Малороссійскихъ словахъ зна*в*ъ, вô*в*къ, или наконецъ какъ Кашубское же и Англійское *w*;
ô какъ двугласная *оĕ* или *иĕ* (*оэ́*, *ўэ́*), съ удареніемъ на послѣдней половинѣ двугласной;
ó какъ простое *о* съ удареніемъ, а не какъ Польское ó;
rz какъ Польское *rz* (*рж*); r-z какъ *рз*;
sz какъ *ш*;
uo какъ *уо* (двугласная);
ü какъ Нѣмецкое *ü* или Французское *u*;
v какъ простое (Русское) *в*;
w какъ полугласное ў или какъ Англійское *w*;
y какъ *ы*, но нѣсколько мягче, ближе къ *и*, чѣмъ Русскій звукъ *ы*;
z какъ *з*, ż какъ *ж*.

Гдѣ удареніе не отмѣчено, оно ставится какъ въ Польскомъ языкѣ, т. е. на предпослѣднемъ слогѣ.

Знакъ ударенія ^ поставленъ тамъ, гдѣ гласная должна произноситься протяжно.

Переводъ.

Былъ отецъ, онъ имѣлъ съ своею женою семерыхъ дѣтей, а когда восьмое должно было прійти на свѣтъ, должно было родиться, то пришелъ злой духъ. А отецъ хотѣлъ имѣть кума, но никто не хотѣлъ стоять у него (воспріемникомъ ребенка), потому что онъ былъ бѣденъ. Тогда онъ идетъ лѣсомъ. Тутъ встрѣчается ему злой духъ, и спрашиваетъ, куда онъ идетъ. Онъ сказалъ, что хотѣлъ найти кума, что двоихъ онъ имѣлъ, но третьяго не могъ найти. А злой сказалъ: «я тоже буду стоять (воспріемникомъ)»; и злой духъ сказалъ, что когда дитя родится, онъ его возьметъ (1). Такъ родился мальчикъ. Такъ онъ сказалъ, что когда ему будетъ три года отъ роду (2), онъ его возьметъ. А отецъ все ходитъ плача, а злой сказалъ: «Эй не плачь, онъ мнѣ принадлежитъ». А когда ребенку было три года, онъ могъ бы хоть сейчасъ проповѣдывать, Господь Богъ далъ ему (даръ), такъ что онъ былъ, какъ священникъ, и онъ сказалъ отцу: «Не плачьте, онъ меня не получитъ». Такъ пришелъ злой духъ, а (ребенокъ) взялъ библію и идетъ къ священнику и говоритъ священнику: «такъ и такъ, мой отецъ продалъ меня злому духу». Такъ священникъ идетъ съ нимъ въ церковь и благословляетъ (конфирмируетъ) его. Когда онъ его благословилъ (конфирмировалъ), онъ выходитъ вонъ изъ церкви, злой духъ тутъ-же подлѣ его. Тутъ былъ большой камень: такъ онъ усѣлся на этотъ камень, и началъ проповѣдывать, такъ злой долженъ былъ (отойти) отъ него прочь. А онъ такъ росъ, что былъ тонокъ, какъ свѣча. Онъ

(1) Въ подлинникѣ германизмъ: er würde es nehmen.

(2) Въ подл. германизмъ: drei Jahre alt.

захотѣлъ итти странствовать, а отецъ сильно плачетъ. Такъ онъ отпустилъ его, а когда онъ шелъ на странствіе, то онъ пришелъ въ большой лѣсъ, и нашелъ убійцу: этотъ (убійца) стоялъ на колѣняхъ, и была яблонь, одна сладкая, другая кислая, и яблоки были ангелы, души тѣхъ, которыхъ онъ убилъ, этотъ убійца. Такъ убійца спрашиваетъ, куда онъ ѣхалъ (а онъ нанялъ телѣгу). А онъ сказалъ, что ѣхалъ въ адъ, что онъ хотѣлъ получить назадъ свою запись (запись, данную его отцомъ злому духу). Такъ убійца сказалъ: «спроси, гдѣ мнѣ придется лежать». Онъ сказалъ, что сдѣлаетъ для него это. А когда онъ пришелъ къ аду, такъ онъ постучался и спрашиваетъ. Они ему отворили и спросили, чего онъ хотѣлъ. А онъ сказалъ, что хотѣлъ получить свою запись. Тамъ злаго (духа) не было, такъ они должны были трубить за нимъ, а когда онъ пришелъ, то пришелъ такой разслабленный, и принужденъ былъ отдать ему запись. Такъ мальчикъ спрашиваетъ, гдѣ придется лежать тому убійцѣ, такъ они ему сказали: на Реміашевомъ ложѣ, тамъ готовы были ножи, на которыхъ онъ долженъ будетъ лежать. Такъ онъ сказалъ, что передастъ ему это; а онъ былъ цѣлый годъ въ отлучкѣ, и когда пріѣхалъ опять къ убійцѣ, то убійца стоялъ на колѣняхъ, и весь обросъ. Когда онъ къ нему пришелъ, то онъ сказалъ ему, такъ и такъ. А когда онъ перекрестилъ его, то онъ обвалился (1), какъ пыль, и всѣ яблоки исчезли. Когда онъ пріѣхалъ домой, отецъ не могъ узнать его, а потомъ спрашиваетъ: «ты ли это, Эрнстъ-Фридрихъ?» Онъ сказалъ: «да, тятенька, это я». Такъ отецъ на колѣни и плачетъ, а онъ сказалъ: «отецъ, не плачьте, я въ хорошемъ состояніи, я имѣю денегъ, я имѣю всего довольно». Такъ онъ идетъ къ господину священнику, но священникъ не узналъ его и спрашиваетъ его, кто онъ такой. Онъ сказалъ: «я тотъ, котораго вы благословили (конфирмировали)». Такъ священникъ сказалъ,

---

(1) Въ подлинникѣ германизмъ: er fiel zusammen.

чтобы онъ вошелъ къ нему, но онъ сказалъ: «нѣтъ, не могу». Такъ священникъ сказалъ: «ты можешь быть священникомъ». А мальчикъ сказалъ такъ: «нѣтъ, не буду священникомъ; я хочу еще осмотрѣть свѣтъ, какъ на свѣтѣ идетъ (¹). Теперь оставайтесь съ Богомъ, а я пойду своей дорогою».

2.

Сказка о пастухѣ и вѣдьмѣ.

Tą[1]) bĕla panĕszka[2]), a pon nie viedzel wo tim, eż wonâ bĕlá též przĕ[3]) tech co na Bloksberg[4]) jeli[5]). Tako bĕl széper[6]), ten bĕl z wovcmî v vlôkach[7]), a te wun czul ga'nî[8]) trobili. Tako moj szêper wostavi wovce ve vlokach a jidze tą gdze trobili, a ga won przî[9]), tak won nalêze svo pâneszką. Tako panĕszka ná nio vĕzdrzi[10]), a rzecze: «postavíce njemu stôlki[11]) zloconê». Póstavili mu stôlki zloconê, a te to nié bĕle stôlki, le[12]) to bĕle stare konie odzârte[13]), to na tim won sedzol. Tako woni múszeli piskac[14]), te kôżdi mial kota, a ga[15]) won piskal, to piskal kotovi przez rzec[16]), a zâ wogon[17]) krącel[18]). A do jedzenio wonî kroli[19]) koski govna, krople szczine[20]) do pico, to bĕle jich vjina, a na rzebrzech muszeli sedzéc. To bĕla ako jich svâdzba, to jénowo dnia. A ga 'ni mieli 'no odbĕte, szêper stoji lik[21]) a zdrzi[22]) nâ nich a na panĕszką. Tako jene sztĕnie[23]) przeszle, a ga dvanostno sztĕnia bĕla, to zlî jim hâloval[24]) vjino do pico, a rzek: «nynia pijce a jesce». Ga woni mieli moltet[25]) dô konca, tako moj szeper stoji lik â zdrzi. Tako 'ni mû 'celi[26])

1) тамъ. 2) барышня. 3) при. 4) извѣстное въ нѣмецкихъ сказаніяхъ сборное мѣсто колдувій. 5) ѣхали, ѣздили. 6) пастухъ. 7) въ загонѣ (?). 8) когда они. 9) пришелъ. 10) поглядитъ. 11) стулья. 12) но. 13) ободранные. 14) играть какъ на свирѣли. 15) когда. 16) задъ. 17) хвостъ. 18) вертѣлъ. 19) получали. 20) капли мочи. 21) все, постоянно. 22) глядитъ. 23) часъ (съ нѣм.). 24) принесъ (съ нѣм.). 25) Нѣм. Mahlzeit. 26) хотѣли.

(¹) Въ подл. германизмъ: wie es in der Welt zugeht.

têż dac, a wôn sa podzekuje[1]) a rzek, wôn nié żǫdol[2]) nic. Tako sedzi ta paněszka as[3]) na szepra lik zdrzi. Tak one sztěnie ju[4]) szlo dô konća, tako wôni sedli nâ herszlą[5]) a zgînanli. Tako ga ni wszetce zgînanli wǒd szepra, szêper nié viedzel nindze[6]) gdze wôn mial jic. Tako pse lik lâjali, a szêper za 'nim glosą szêd, ale wôn nî mok nîndze trâfic. Tako wôn chôdzi esz[7]) dô polnja, a 'ne-pse lajô lik u vlôku. Tako ga wôn věblodzi[8]) a przeszed buten[9]), tako wôn jidze dó vlôku, a ga wôn dó vloku przi, veznie a wǒbezdrzi vszetke wovce, asté jidze na sniodâni, a ga wôn na sniodâni[10]) przî, tako pon rzek szêprovu, gdze wun běl tako dlugo. Tako wôn rzek, eż mial zaspone[11]). Ale ga wôn przî na sniodâni, ta paněszka leżi v lóżku, a pon to nie viedzol, eż wôna u tech czarovnîku' běla. Tako to vôralo[12]) do Nôvewo Vâlbrega[13]). Tako szêper wǒpasuje[14]) zâ 'nim dną, asté[15]) sa skrěje v dwornîci[16]), a tako le[17]) lik zdrzî, co wônâ, ta paněszka, bě rôbîla. Tako wônâ se pomâże wôżeg[18]), a sîne[19]) nâ wôżeg, asté rzěkla: *heran, nur nah nicht an,* a vělecela v kumin[20]). Ale moj szêper sa niéprzeslěcha, a se krol[21]) też wôżeg, asté se s te skǒrupe pômâzal gdze wônâ se pômaza', a rzek: *heran, aller Wege an,* tako wôn vělecol v kumin, asté spad s kúmina trěgi[22]). Tako wôn krâ[23]) a pomâże zos[24]) wôżeg, asté rzek: *heran, nur nah nicht an,* tako wôn przéleci na Bloksberg. Paněszka sedzi a vezdrzi zos na szêpra. Tako moj szeper běl dzîrzi[25]): ga 'ni mieli vszetko tą odběte, wôn veznie as jidze do paněszki, asté rzek: «no, paněszko, vě me vezméce z sobó duó dom». Tako paněszka rzekla, «ja[26])». Tako wôna sînieta[27]) wôba na herszlu, a ga wôna przenąkota[28]) do vse,

1) благодаритъ. 2) желалъ. 3) и. 4) уже. 5) заступъ. 6) нигдѣ, никуда. 7) еще. 8) выбрелъ. 9) вонъ (съ нѣм.). 10) завтракъ. 11) проспалъ. 12) продолжалось (съ Нѣм.). 13) до новаго Альбрехта (праздника?). 14) примѣчаетъ (съ Нѣм.). 15) и. 16) въ избѣ. 17) только. 18) кочергу. 19) садетъ, садится. 20) въ трубу. 21) досталъ (съ Нѣм.). 22) назадъ. 23) достаетъ. 24) опять. 25) смѣлый. 26) да. 27) садятся (двойст. число). 28) приближаются.

tako tą běla kûznica, tako wo̊n ją vzol a szed do kûznici, a dol ją po̊dkovac na vszetki szterze, na rące a nâ nogi, a ją mial vovuzdône. Tako wo̊na jidze duó dom, a ga duó dom przî, wo̊na ligne v lôżku. A pon běl nâ nivach, ten nié viedzol wo̊ tim nic, tako wo̊n przî a rzek: «jako to je, co tako dlugo leżesz?» a rzek, «vstâni». A wo̊na nî mogla vstac. Tako szêper przî na sniodâni, asté rzek: «paněszko, coż vom je?» Tako pon rzek: «wo̊na je chorô». Szêper sa pito, «co ji bělo»? — «Jo nie vim». Tako szêper rzek: «jo vim, co ji je». Pon rzek: «tako chadoj [1]) do paněszki». Szêper rzek: «panie, chádojce, jo vom po̊każę co ji je». Tako ga pon przî do lôżka, vidzi eż wo̊na je podkovôno na vszetki szterze. Ga pon to vo̊bezdrzi, tako wo̊n pital szepra, gdze wo̊nâ to krâ' [2]). Szêper rzek: takô a takô onâ je». Tako moj pon krô asté dol wo̊giń sklasc, as ją dal seżjec, eż wo̊na po̊d tim běla, po̊d těmi czarovniki. A ga wo̊nâ sa b'la seżgla, tako pon rzek széprovu: «nynia tě mosz tu prze mnie wostac, poki tě bě żel».

1) ступай. 2) достала.

3.

Сказка о Ленорѣ и зломъ духѣ.

Tą běl doch [1]) jeden rěbok [2]), asté běl jeden vôrman [3]), a ten vôrman muszel jezdzec s rěbi dô miasta, a on mo̊g vszetko przedac; a jini vôrmanie jeli [4]) te nî mogli przedac nic. 'Nî [5]) nie viédzeli na jakî hort [6]) to bělo, a wo̊n sa miol zlêmu dúchowu poddône nâ po̊l kope [7]) lat. Ga b' on jezdzel, to vszetko co miol na vozû przedol, běle szâte [8]), běle rěbe. Tako ga do slênji [9]) sztěnie wo̊n jol [10]) dô miasta, to j'o [11]) setko [12]) bâba a sa pito towo vûrmana co wo̊n miol. A wo̊n rzek: «rěbě». Jakê rěbě? «Jâżdże» [13]). Te wo̊nâ rzekla: «tě vszetko

1) Нѣмецк. doch. 2) рыбакъ. 3) извощикъ (съ Нѣм.). 4) ѣздили. 5) они. 6) какимъ образомъ (съ Нѣм.) 7) kopa — шестьдесятъ. 8) платье. 9) послѣдній. 10) ѣхалъ. 11) его. 12) встрѣчаетъ. 13) ершей.

przedosz, koc [1]) tě bosz [2]) miol jesz takie môle, do towo jâ tobie pûmogą, ale ce-ż [3]) měslisz, co tě mnie zô to uczinisz duobrze?» Tako wo͏̊n rzek: «jâ tobie kupią dobre bôte [4]), ga jo dobrze przedom; nynia jo mo͏̊gą jachac s tobô dô miasta». Tako ga 'nâ przejédzeta dô miasta, a 'nâ (ta bâba) sedzâ' na vozû, to lědze [5]) ja miele wugârlec [6]), co 'nâ se nie viedzâ' żone râde [7]), tako 'nî wot nju [8]) chceli kupiac; a ti jindzi [9]) nî mogli nic przedac. A ga wo͏̊n miol przedône, tako 'nâ jídzeta dô piekarza asté se véznieta chljeba, asté jídzeta dô brovarza vziąc pjiva, asté szla do maněste [10]) a se kúpita go͏̊rzalki. A ga 'nâ miâ' kupiône, tako sa nalêze chluop dô nju, a rzek, nie chcâ' 'nâ mu też dac chljeba abo go͏̊rzalki. A onâ rzekla: «nie, wągleju [11]) co sa pâleli, to b' jimu bělo dobrze, ale żône [12]) go͏̊rzalki ani żônewo chljeba». Tak on rzek: «jako-ż to»? A onâ rzekla: «ja ce znâję! měslil tě, eż tě b' col nâs wôżec [13])? ale s to' [14]) nie bô [15]) nic». A on rzek: «jako-ż to»? A onâ rzekla: «tako to, abo tě jes zlî duch, tě idzesz na woszolêni [16]). Hola, stój.... tě nie pilujesz [17]) za czim jinim jako za děszô, ale s to' nie bô nic, tvô pocecha je zgubiono, tě nie przîsz nîndze przed-co [18]). Měslisz tě, eż jo jem glupo, jo jem chitrzo [19]) jako tě, zlî duchu! Bierzê-ż są prêcz, jo s tobô nick ni mom, zlî duchu, abo tě zgodzosz [20]) na vurmanovô děszô. Ale wo͏̊n mo nâ pol kope lat eż on bo żěl', eż tako dlugo on bo lik jezdzil a wo͏̊n przedo co wo͏̊n bo mial na vozû, on bo mial takê jako bô, to vszetko wo͏̊n przedo». A zlî duch rzek: «eż le jâ budę 'col [21])»....— «Ale tě muszisz [22]) tako dlugo co te lâta pudo dô konjca, a tej [23]) s towo nie bo nic. Tve měsle ce oszolo [24]) sâmewo, zlî duchu! bierzê są precz, hinaczé koc tě bosz jesz gadol, te tve gôdki [25]) nic

1) хотя. 2) будешь. 3) что же. 4) сапоги. 5) люди. 6) задушить. 7) Нѣм.: wusste keinen Rath. 8) отъ нихъ (двойств. число). 9) другіе. 10) цѣловальникъ. 11) угольевъ. 12) никакой. 13) обжечь. 14) этого. 15) будетъ. 16) обманъ. 17) сторожить. 18) т. е.: ты нигдѣ не успѣешь. 19) хитрѣе. 20) мѣтишь. 21) если только я захочу. 22) ты долженъ. 23) tej, тоже что te, частица въ смыслѣ да, и. 24) обманутъ. 25) слова.

nié pumogą, abo jo jem chitrzo jako tě, zlî duchu, dej chlopu pokoj. Tve rêdosce[1]) co tě měslisz, s to' nie bô jako żîv nic: tě są rédujesz[2]) eż tě krosz děszą, ale s to' nie bo nic, bierzê są precz!» A zlî duch rzek: «no, Lenora, chto ce znâje, ten ce nie kûpi». Tej ga te lata běli dô konjca, Lenora sa nâlazla a rzekla zlîmu dúchovu: «Bierzê są wote mnie prêcz!» Tako vôrman veznie ją nâ voz, a z nio lik jezdzi jedną wúlecą v drugô, a nicht nié 'cal kupic wot niewo nic. Tako zlî rzek: «Lenora, chto ce znâje, ten ce niê kupi». Tako 'nâ rzekla vûrmanovu: «jédze[3]) dó duom». A ga 'nâ dó duom przejêdzeta, tako 'nâ rzekla: «nynia uczini trze krziże na dvierzach, co won nigdě vicî[4]) nie przî». Te won też uczinil, a tej zlî duch uczinil takî grzem co calî chicze[5]) sa chcale zvârcec[6]); ale s towo nié bělo nic.

1) радости. 2) радуешься. 3) поѣзжай. 4) больше. 5) изба. 6) опрокинуть.

4.

О столымахъ (великанахъ).

Stôlěm jest to bardzo mocnî chlop, ten mog vszetko zvarcec, ten běl v sztance[1]) tą cerkji zvarcec, a sztągą[2]) żélaza, takû ako vě jesce miôszi[3]), jemu je telko jako knepelj[4]), a czlóvieka co won na nj'o vezdrzi telko a chlunie (chuchnie)[5]), te ten czloviek muszi zginunc jako mucha. A te drzeva, co vě nynia vídzece, to won le veznie, ka bo[6]) vielgi dąb, — ten won věrvie s korzênjmi, a te won 'nien vêznie v jeną rąką, te mu je tako jako ga bě won vzanl kij. A takî stôlěm běl zasadzôni[7]) z jedno bialko[8]), eż won mial pol towo lasa przeniesc, te onâ bě běla jewo, a ga bě on niéprzenios, bialka bě jemu nié slěchala[9]). A bialka měslîla że

1) im Stande. 2) полоса (съ Нѣм.). 3) толсты. 4) палка (съ Нѣм.). 5) дунетъ. 6) хотя будетъ. 7) бился объ закладъ. 8) женщина. 9) принадлежала.

wo̊n bĕ niéprzenios. A wo̊n przenios calî las s korzênjmi, se vszem, te 'nâ sa múszela jemu poddac. Te ga 'nâ se miâ' jemu poddône, tako mu rzekla: «tĕ mi muszisz jesz janą[1]) róbotą uczinic». Tak wo̊n ją pito, co to bĕla za robo̊ta. A onâ mu rzekla, eż wo̊n mial vszeden[2]) piosk z gor, od bialich gôr v jeną grĕpą[3]) zniesc. Ale wo̊n nî mog, wo̊n vloczil co wo̊n môg, a vicî wo̊n vloczil, lik vicî piasku sa nalóżalo. Tako wo̊n rzek: «tĕ jes chitrza jako jo, tĕ mi jes za chîtro[4]), ale jo cę krą[5]) doch, abo prze tim jo nî mogą wo̊stac, jinaczî jo bĕ krol srômotą, ga bĕ tobie to nâstopil[6]). A s to'o ni mo bĕc[7]) nic, jinaczê wo̊nî bĕ mie wúgarleli[8]). Ale tĕ mosz mo[9]) bĕc, abo jo viem jino po̊moc co mie po̊mô'[10]), co tĕ mosz bĕc wugarlôno. Daj se czasu, wo trze dni tĕ mosz bĕc ze mnô, zo te jo ce jem duobri[11]) eż tobie to są stânie». A ona jemu rzekla: «daj se czasu, tĕ mosz bĕc utracôni[12]), tĕ ni mosz dlugo bĕc, te za trze dni tvoj żevot mo bĕc skrocôni, co tĕ mie mĕslisz, to tobie są stânie, a nâ[13]) nynia biaw[14]), nynia ja nji mom nick s tobô, jo za tobô uczinią trze krziże, co tĕ nji mosz jako żiv oglądac slúniszka ani książeca[15]) te żone gviozde, te to bô[16]) kônc, tĕch tĕ vicî nie uzdrzisz; te ga jedna gviozda nocą udrzi[17]), tĕ muszisz zginonc ako popiol». Tako wo̊n ją pro̊si, eż 'nâ bĕ sa chcâ' zgo̊dzec[18]), a wo̊nâ rzekla: nie-ą[19]), ga mie slúniszko e książec osvieci, to ja sâ s tobô nié zgodzę, abo tĕ zlî duch, te snies[20]) dzeci e niâstą[21]) e vszetko, abo tĕ nié jes czloviek, tĕ zlî duch, co jo ce nié uzdrzą, ani cebie miec vidzec. Nynia biaw, to je kônc tve go̊dke[22]), tve go̊dke nic nie uplâco[23]), abo tĕ nie przîsz przez sviat, abo kôżdi ce znâje. Nynia biaw, to je kônc, nynia uczinią trze krziże, nynia masz ma rozestôno[24])!».....

1) еще одну. 2) весь. 3) куча. 4) ты для меня слишкомъ хитра. 5) получу. 6) уступилъ. 7) не имѣетъ быть, т. е. не будетъ. 8) задушили. 9) моя. 10) поможетъ. 11) ручаюсь тебѣ (оборотъ Нѣмецкій). 12) уничтоженъ. 13) ну. 14) прочь, вонъ. 15) мѣсяца. 16) будетъ. 17) и когда одна звѣзда ночью покажется. 18) помириться. 19) нѣтъ. 20) съѣшь. 21) жену. 22) твоей рѣчи. 23) ничего не значатъ. 24) я съ тобою разсталась (оборотъ Нѣмецкій).

5.

Сказка о Дробныхъ или Дремныхъ, т. е. Карликахъ.

V těch storich, starodavnich czasâch bëli drëmnî u gbura[1]) v Stowcine. Tako wo͑n nie viedzel wo͑ nich eż 'nê bëli u niewo v chiczach[2]), gà won koniom sol do grëzînjo daval[3]). Tak 'ne kuonie lik[4]) bëli umiarlî, a te ani przed tim nié bëli żwak[5]). Ale jeden bël lik duobri. Tako gbur nié viedzel jako to bëlo, a niga[6]) wo͑n jich ni mog upilâc[7]). Tako wo͑n ópasuje[8]) a vidzi ga 'nê towo kuonia dôbrewo vzânle â niewo vudrâli[9]) wovsą dobrze, abo na nim jezdzeli. Tako moj bûr ópasuje, te 'nî na nim zôs przejeli[10]), as kónievu vsëli[11]) wovs, tako moj bûr nié rzek nic. Te 'nê se miale wuzdą uczinionu wo͑d grzeve, asté 'nê se trzîmale zô 'ną grzevą (abo miale splotle vlose co 'nê bële tak dlugi co 'nê sa mogle za nie trzëmac). Tako moj bûr nie rzek nic, a mëslel sê: «no[12]) le jewo vudruju, to ja mom doch jano'[13]) duobro'». Tako moj bur ópasuje zas trzecî nuoce, tako to jano drumnê jewo pita, bura, za czim wo͑n ópasol, a wo͑n rzek eż nie viedzel co te jini kuonie bëli umiarlî. A to drumnê rzeklo: »'nê[14]) majo vszetke bëc duobre, ale vë muszíce dac vuolą co më 'cime czinic». Tako gbur rzek: «vernîce se[15]) vszetki, a bôce na nich jézdzeli tako dâleko a dlugo jako ve 'cêce, abo jo vom nie przidą nic to-nô[16]), to vë mo'ce[17]) czinic jako vë boce viédzeli». Ale to drumnê rzeklo: «jo vom dôm, vë jesce szwak[18]), stori, më vom dôme piodze[19]), ale vë nie múszice nikómu rzec eż më jesmë tudô[20]), jinaczî vom nie pû[21]) duobrze, te vë ni mace dlugo żëc, eż vë komu rzêcece; tej tobie pú' duobrze ga të nikómu nié rzeczesz; jinaczî ga të komu rzeczesz, të tą[22]) muszisz bëc vulûmni[23]) tako dlugo pokie të bosz żel. Abo më vom duobrze

1) мужика. 2) въ избѣ. 3) когда онъ давалъ лошадямъ соли въ кормъ. 4) всегда. 5) слабы, больны (съ Нѣм.). 6) никогда. 7) подстеречь. 8) смотрѣть (съ Нѣм. aufpassen). 9) кормили (съ Нѣм.). 10) пріѣхали. 11) всыпали. 12) пусть. 13) одну (лошадь). 14) они. 15) вернитесь, возвратитесь. 16) Нѣм. zu nah kommen, т. е. обидѣть. 17) можете. 18) слабы. 19) деньги. 20) здѣсь. 21) пойдетъ. 22) тамъ. 23) хромой, разслабленный.

mĕslime, co tvoj dwôr bo duobrí, ten mo bĕc bogâti, tĕ masz miec žčta, chljeba, vszetko co tĕ bosz żǫdol, ale muszisz mĕwczec, co nicht nie krô nick do viedzînjo[1]). Jinaczî tĕ jes zgubiôni, te tĕ muszisz palĕ́cą[2]) vzîc a jic na prôchą[3]). Mâsz tĕ mewczec, tĕ nom rzeczi, chcesz tĕ mewczec, co mĕ sa nie omîlime[4])». Te woͤn rzek, «ja». Tako woͤni tą a tą mieli sve chicze, te woͤn miel przîc s njimi a woͤbezdrzec jich chicze. Tako leżi jeno drumnê v lôzku, as mo môle, to 'nê są rôdzelo, tako 'nî mu postaviu vjino, gorzalką, pjivo, mialkî[5]) chleba, a te woͤno mialo jesc as pic. Tako drumnê rzekli, eż bur mial jic a grotką[6]) halac[7]). A ga woͤn halol grotką, drumnê pitali co gbur 'cal miec. — Nic. — Ale darmo woͤnê to nié 'cale. A woͤne vezmio lôpatǫ as vsĕjo[8]) groͤtce v klin[9]) ga 'nâ jidze buten. Tako 'nà se mĕsli, to je parch[10]), a ga 'nâ to posĕje[11]), to bĕle cziste piǫdze. Tako 'nâ se mĕsli: «holt still, nie rzeczi nikómu nic eż tĕ krâ'». Tako ga onâ to rzeklâ dǫ se samî, tako wotemknie to jene drumnê dvierze aste rzeklo: «o grotko, vĕ sce glupi, za czim-s vĕ se to nié schovali, ale vĕ muszice vieczor zos pszîc as woͤbezdrzec jako z niǫ je». Tak onâ tyż jidze as woͤbezdrzi; 'nî ji dajo co ji serce żǫdo. Ale chlop nie 'col nick miec woͤt drumnîch poki co jewo dwor bĕ bil bogâti a kuónj duobri a duobrze vudrôni.

1) Нѣмецкій оборотъ: dass niemand was zu wissen bekomme (простонар. kriege). 2) палка. 3) итти просить милостыню. 4) ошибешься. 5) крошки. 6) повивальную бабку. 7) привести (Нѣм.). 8) всыпаютъ. 9) на колѣни, in den Schooss. 10) пыль. 11) посыплетъ.

6.

Сказка о Вѣщемъ или Вампирѣ.

Vieszczi pó Slovinsku, a pó Niemiecku *wüthend*. Ga woͤn je vieszczi, woͤn ma, ga se rôdzi, taką karpuzą[1]), taki flor dicht biali jako snieg na glovie, a ga grotka[2]) za tim nié zdrzi, co 'nâ to sejmie, to woͤn budze vieszczi. Ga woͤn wumrze, te mu

1) шапка. 2) повивальная бабка.

nima ubětku[1]) v grobie, żódnewo roju[2]). Tako co krô[3]) to woͤn poͤrvie v noci v jedno sztejno, co woͤn ma vrî[4]). Běl jaden krol, mial vlastno cûrko, ta běla vieszczo. Mieli ją v żarkû[5]) vstaviono v pívnicą[6]), a ka woͤn poͤslal woͤt zoldatûv vâchtu[7]), te zavitra ten zoldat běl tod[8]), a te woͤn posle drugô vâchtų, a ga woͤnî przeszli, woͤn zase leżal u dvierzi. Tako przidze vandrovczik[9]), a pital go krol coż woͤn zocz[10]) běl. A woͤn rzek eż woͤn běl uboͤgi vandrovczik. Tako krol go pito, czi nie cḣce ú niewo woͤbnoc woͤstac. Ka woͤn woͤstal, tako woͤn rzek, ne chcol woͤn też i v cerkvi; woͤn mial tělko dvie vachce ṗoslône, a woͤbie běli dôt[11]). Tako woͤn rzek: «jô pujdą nâ noc», a że woͤn niechcel nîc vicê jako svieczką. A te krol jimu rzek: «jo tobie dom toflǫ»[12]); asté jemu dal poͤstavic skłonką z vjiną nâ toflo. A ga zavitro ka krol dal cerkvi woͤtemknąc, te moͤj vandrovczik żěl, i krol běl pelni radoͤsci ce woͤn żěl. A te wun rzek: «jo jem chłop, jo mogą to ûtvierac»[13]). Te woͤn mial żark věhaloni[14]) z pjivnice buten[15]), asté woͤn lěg v ten żark, a te ga woͤn běl leżal, to ta curka chódzila koli żarka, ka sztěnja běla precz, i prosěla aż woͤn mial vělesc z jeje żarka. A woͤn rzek: «tako nie! jo z niewo nié pudą buten»; a ga zvon jaden wudrzel[16]), te woͤna wostâ' stojôci ú żarka, asté ní mogla nigdze przîc. Te woͤn věloz, te woͤna ní mogla vicî v żark przîc. Te woͤna go proͤsi, aż woͤn ji rzek, żebě 'nâ miâ' mu poviedzec co woͤna miâ' na svojim sumieniu[17]). Tako onâ rzekla, 'nâ miâ' kljucze, woͤn mial te kljucze vzîc ale nikomu rzec, aż woͤn te kljucze miol, tą so te jadne kumorze, tą onâ miâ' pjǫdze, tech ni miâ' nicht miec ako ji sostra. Tako woͤn też zavitro szed z krolą, ale nic mu niê rzek aż woͤn kljucze mial, jako te nómłodszi sostrze. Na drugó noͤc woͤn szed zoͤs, zoͤs se věvlek v żark, lêg, te

1) покой, житье. 2) рая. 3) достанетъ, нѣм. kriegt. 4) frei (въ теченіе одного часу, который у него свободенъ). 5) въ гробу (нѣм.). 6) погребъ. 7) часоваго. 8) мёртвый. 9) странникъ. 01) что онъ такое. 11) Нѣм. sie waren beide tod. 12) столъ (нѣм.). 13) отпереть. 14) вынесенный (нѣм.). 15) вонъ (нѣм.). 16) когда пробило часъ. 17) совѣсти.

ga chora ta běla precz[1]), to wona mu vszětko rospoviádala, a kazala, żebě przeszli wojc, mac a grotka, a ta grotka múszala to snic[2]). Te wona vicí nié prsěszla.

1) Когда тотъ часъ прошелъ. 2) снять (т. е. сорочку, въ которой она родилась).

7.

О томъ же.

V Czistê běl pon, a te wun zâmiar, to jewo tudô, dó Garnê, przevezli, asté njewo vstâvili v pjívnicą. Tako ga trzecêwo dnia moj pon zôs szed z gruobu, a zos idze do Czíste, te won szpeknol[1]) e vszetko v chiczach taki grzěm, trzosk czinil. Tak oní jimu dali běc kule dniu[2]): oní měsleli eż to bě są dalo[3]). Tak 'ní se nie viedzeli żône râde[4]), tako 'ní múszeli krâc jínowo czlóvieka co won jimu to zâkozol[5]), co won ní muszel vicê chuodzec. Tako ga woń jimu to zâkozol, tako won jidze asté rzek: «dlo cz'wo-ż tě mie to zâkozol? Jo tobie nick to-nô nâ-przecz[6]) nié przěszed, dej mie jic». A won rzek, ten chluop: «Nie, ja tobie ní mogą dac jic, tě czinisz trzosk a strâszisz svo niastą a sve dzece, co 'ní ni mogo spac ani nuoc ani dzêŋj. Ce-ż tě mosz na svim sěmínju?[7]) tě mie to věrzeczi, te tě bosz mial pokoj.» Tako won rzek: «jo ní mogą tobie to rzec.» — «Jakoż to co tě mie ni mô'sz[8]) rzec?» — «To mi je zakozône: jo jem pod zlo rankô, jo jem zlêmu dúchovu poddôni, to ja ní mom spókoju.» Tako won rzek: «Jo bodą ljeżol, alé wu mie muszą trze vachte stojec wo trze dní, tą przídą duo mie ti co me 'cą wodrzec skorą z mo' cala, a ja bě to rod ní miol[9]): rzeczi tě mí njêsce, 'nâ mo duo mie przíc, ja z nio 'cą gâdac. Ja môm vielgo krzívdą mí njêsce, ale 'nâ no przí[10]) duo mie, te sa

1) er spuckte, т. е. являлся привидѣніемъ. 2) оставили его нѣсколько дней. 3) что оно пройдетъ (нѣм. обор.: es würde nachgeben). 4) не знали что дѣлать (нѣм. обор.: wussten keinen Rath). 5) запретилъ. 6) тоже, что to-nô (Нѣм. zu nah), т. е.: я тебя ничѣмъ не обидѣлъ. 7) совѣсти. 8) можешь. 9) я бы этого не хотѣлъ (нѣм. обор.: ich würde es nicht gerne haben). 10) пусть придетъ.

dorâdzima [1]). Tak 'nâ przî se svêmi córkami, a jidze placzócemi wo̊czima se svemi corki. Ga 'nâ przî duó żarka, tak wo̊n leżi znak [2]). Tak onâ j'o rĕszi [3]), tak wo̊n sa zno̊si, a bĕl zdêchli. Tak onâ są barzo úżasla, tak wo̊n duo nie: «nie bôj sa, jo tobie nick nié uczinią, ga le tĕ duo mie przeszla.» Tak oné dzece plâkale, tako wo̊n rzek: «nie placzîce, eż jo jem tako jako vĕ mie vlóżili v żark, alé 'nî 'co wodrzec, wo̊nî 'co szpeknac z mǫ skorǫ, ale jo to nié 'cą, jo vas nié 'cą straszec. No nynia biaw, njaste [4]), dzêce, z Buogą, nynia bôdą spókojnie spol, ale vjicé duo mie nie chodzêce, nynia jo mam pokoj, e otrzimą [5]) pokoj eż ót vieka, eż nâ vieki, amen.»

1) посовѣтуемся, условимся (двойств. ч.) 2) навзничь. 3) дотрогивается. 4) прочь, женщины. 5) получу.

8.

О томъ же.

Tą bĕl jeden szpektor [1]), ten są póviesil ga wo̊n bĕl na njivach, te wo̊n nie széd nâ polnie [2]). Te lĕdze szli nâ polnie, a wo̊ni mĕsleli eż wo̊n bĕ slâd [3]) przĕszed, a wo̊n nié przĕszed. Tako pon poslal chluopca eż wo̊n mial doch wĕnic [4]) a wóbeżdrzec gdze szpektor vostal. A nîndze szpektra nié bĕlo. Tak moj chluopc duó dom, asté rzek: «szpektra nîndze nîma». Tako panu są uczínilo barzo strasznie, tako pon veznie kuonia asté se dol siodlo wlożec, aste są vsâdzil nâ konia aste gnol. Tako wo̊n wo̊begnal sve vszetki njive, tako przî dzêvczą tu z Garnê, to bĕlo tu do Garnê szlê [5]), tak ona jidze przez taki male chôjki [6]), tako wo̊n visi na taki mali stórneczce [7]). Dzêvcza bieglo v strasze, asté duó pana, tako pon są vsadzi nâ konia, a te dzêvczą múszelo z nim biegac. Ga pon przenąka [8]), tak wo̊n visi, tak pon schvaci noż as ten povor-z [9]) przerznie, co wo̊n spod [10]). Te wo̊n ni miol, ga wo̊ni jewo zâchovali, żônu sparchu [11]),

1) Управляющій. 2) съ Нѣм. zu Mittag (на обѣдъ). 3) вслѣдъ. 4) выйти. 5) нѣм. обор.: es war hieher nach Garden gegangen. 6) сосны. 7) ленты. 8) приближается. 9) веревка. 10) упалъ. 11) покой.

wo̊n muszel chodzec, szpeknâc [1]), a dicht mo̊cno. Tako pon, ga wo̊n duó niewo przeszed wobnoc, pita jewo: «coż tě 'col wo̊te mie, jo ni mam nic z tobó, biaw tě tvǫ drogu, abo jo s tobó nick ni mom, tě wostâni tą gdze tě jes, tě do mie vicî nié chodzi, abo to nie bo dobrze, tě wôstani leżǫce tą gdze jes zachovôni. Dej tě mie pokoj, jo ni mom s tobó nic, a tě ni masz se mnô nic, nie ostâniesz tě trěgi [2]), to jâ tobie dom gnek [3]) skinunc, eż tě nie wostâniesz leżǫce gdze tě jes». Tak szpektor rzek: «jo też nié budą spârchu miel rěchlî [4]) czim jâ budą skapuniôni» [5]). Vêznie miecz os uczî' [6]) trze krziże nâ jewo gněce, wo̊t tě duoběˇ [7]) wo̊n nié przeszed vicé, gdze wo̊ni jewo nié vidzeli ani nie vęglǫdâli». No nynia leżi do sôdno' dnia. Te tě mosz rzec, jo nie jem v niebie, jo jem v piekle v żôlim wogniu [8]), tą jo muszą go̊rzec tako dlugo jak sviat bo' stojol, a te tô' nie bô' kônc, te są pocznie znuovu zôs koc stô lat e těsinc lât sa minie, te tô' nie bô żoden kônc; tą nima co jino jak vuoginj, tą ja nie krą żoně vuodě, żono' pjiva, żoně go̊rzalki, żono' chljeba, nic nie kregą jako żoli vuoginj, ten jo muszą polěkac [9]); jo nî mogą volac [10]): «pomożé-ż mie», abo mie nicht nic nie pomô', ani nie mô' [11]). Nynia ga bě chto běl co bě mêmu bratu rzek, vo̊n to ni mial czinic, tuo co jô uczinil, jinaczî ga wo̊n to' nie bo' viedzol, te wo̊n bo' takî dicht jako jô jem; te wo̊n przî' v ten vuoginj gdze jo jem, alé nynia to żodo co wo̊n tą nie przîdze. Pan Bôg mial jâniela seslac s nieba a mial jemu dac rzêc, bratu, eż wo̊n tako nî mial żěc». Tako Bôg rzek: «nî mial tě lěstô' [12]), ni mog tě pioc [13]), nie chodzil wo̊n do szkuolě, nî navěk wo̊n Bożô' sluova, no są sędzų, nie bodą vicê sǫdzel. To je kônc a wostânie pokî sviat bo' stojol. Nynia wóstani, ja s tobó nick nî mom».

1) являться привидѣніемъ (см. выше). 2) не останешь (нѣм. обор.: bleibst du nicht zurück). 3) затылокъ Нѣм.). 4) скорѣе, прежде. 5) обезглавленъ (съ Нѣм.). 6) вмѣсто uczinil. 7) время. 8) In hellem Feuer (какъ перевелъ мнѣ самъ разсказчикъ). 9) глотать. 10) звать. 11) поможетъ, можетъ. 12) писаній. 13) пѣть (т. е. въ церкви).

9.

О томъ же.

Ve Stówcinie są wúrodzelo dzecą, to bělo vieszcze, grôtka jemu nie sniǫ' te karpúze s glove. Tako starszi placzu a nie viedzu co temu dzecu bělo, 'no bělo lik niespokôjne a lik skvirâlo [1]). Tako starzi nie viedzeli żone rade. Tako wonî jido dó ksǫdza [2]), os ksódzovu vszetko poviadali jako jim bělo, co 'nî mieli czinic. Tako ksǫdz rzek: «Nié placzi, to je prożni, dej se tako dlugo czasu, czim jo krą to dzeco do vidzînio [3]), to jô tobie rzeką co tě mosz czinic, ale nynia nié placzi, tě jes glupo, tě nié vis nic co tě godosz; daj pokoj, haloj grotką [4]), ma są doradzima». Ta grotka przî, a ga grotka przěszła, tako on pito: «coż ma boma czînila [5])?» Tako grotka rzekla: «jo viem, panie, ma je wuczînima co to bo' zos dobre dzecą». Tako 'nâ veznie 'no dzecą s ksǫdzą, a idzeta v cerki, os 'nâ jemu to sejmeta s gluove, a te won je chci [6]) do drugô' râza. Tako won rzek grotce: «No, nynia to je krzescejânski dzeco, nynia ma 'cima jic do mâcerze a rzec tako: «nynia mosz krzescejanski dzeco, nynia úczini jako 'cesz; jo měszlo eż nynia bo dobre dzecǫ; nynia óstani z Buogą, a no [7]) Pun Bog jemu do szczesze, co b' 'no bělo bogâte».

1) плакало. 2) и. 3) погоди, пока я увижу дитя (обор. нѣм.: gieb dir so lange Zeit, bis ich das Kind zu sehen kriege). 4) приведи бабку. 5) что-жъ мы сдѣлаемъ (двойств. числ.). 6) креститъ. 7) пусть.

10.

Разсказы о Морахъ (привидѣніяхъ).

To są morě, ga onâ dó mnie przî', tak onâ mnie morzi, co ja nî mogą sa rěszec [1]), te onâ mie mo ugârłec [2]). Tako ga onâ mie wopusci, te jo jem jako pobiti, to ja nick nieviem co mi je. A ga onâ morzi, te onâ je calô golo, nî ma nâ se żgla [3]) ani nic. A ga ją chce krâc [4]), to muszi drěgí czloviek wopasac [5]) z wuzdo mizé [6]) jenôstne a dvanôstne sztěnji. Ga 'nâ

1) тронуться. 2) задушить. 3) рубашки. 4) получить, т. е. схватить. 5) сторожить. 6) между.

vas mo̊rzi, to wo̊n vloži wuzdą na vas, to vě ja mâce wo̊wuzdôno, to 'nâ ni mô' nindze jic, te 'nâ vas pro̊si eż vě ja mâce doch loż[1]) puscec. A ga vě rzeczece nie, jo vas nié puszczo, te vě ja véznece mizé lědzi, a vě provádzece co lědze vidzo co wo̊na zocz je[2]). Eż[3]) vě ją chcece puscec, to je do̊brze, eż nie-ą[4]), to lik 'nâ muszi lik go̊lo[5]); a doch vas wo̊na pro̊si, to ją puscice, te onâ nie przidze vicé jako żiv do vas, nie-ą.

Mo̊ra mo̊że są uczenic jak wo̊na chce, czasą kotką[6]), czasą mugą[7]). Oną děszi tak że nié może gâdac, to je zlô, onâ sųdze[8]) nâ piers czele nâ gąbą[9]). Miono muszi im czloviek volac, mac abo sostra; muszą vielgi polc ú nogi rěszec[10]).

Ga mo̊ra mo̊rzi, mo̊że wo̊na sa uczinic njitką, a te ten co wo̊pasuje[11]) kro tą njic a zarzesze[12]) vązel, to ją segniol[13]), te 'nâ krâ pukel[14]); abo też nynia co ją segnio a uczinio tą jeglą krevô, to ją gněk zlobio[15]).

Ta mo̊ra vom do ložka przi, ke vě se ni môce rěszec, te 'nâ no vas lignje jako kâmě, te vě muszice volac a nicht nie czuje, a nick są ni mô czloviek rěszec, abo wo̊nâ 'ce ugarlec. Rechli nie-ą ako ga vola[16]), ce-ż tobieje, te wona wopusci a spânie ako kâmě. Ni môce żoną rąkô nic rěszec, ani pâlcą, ani czlonką dicht nic. To ja jem jako po̊mloti v żornkach[17]), ke ja nick nie viem. To ga wo̊ni za mnô volô[18]), te ja jim ni mogą wo̊tpoviadac. Te ja jem jako zabiti a po̊mloti tako, ako v żornkach. Ale jo cebie kro, daj le se czasu, tě ni masz dlugo tu chodzec, eż tobie je czas dlugi, tě przidzě dú mie

1) Нѣм. los. 2) что̀ она такое. 3) если. 4) нѣтъ. 5) то она все должна (ходить) голая. 6) кошкою. 7) комаромъ. 8) сядетъ. 9) ротъ. 10) Надобно, чтобы кто-нибудь, мать или сестра, позвала по имени (когда душитъ *мора*, чтобы избавить отъ нея); надобно тронуть за большой палецъ у ноги. 11) Нѣм. aufpasst. 12) завѣзать. 13) согнулъ. 14) горбъ (нѣм.). 15) а также, если ее согнутъ и сдѣлаютъ (у этой нитки), иглу кривою, то ей сломятъ шею. 16) Скорѣе нѣтъ (помощи), чѣмъ когда (человѣкъ) закричитъ: что̀ тебѣ. 17) въ ручной мельницѣ. 18) зовутъ.

na sniodâni, te ja tobie dôm sniodâni, a te tě są nâjis, te ma są dorâdzima. Ale nî měslě eż jâ nie budą viedzol dzis ten dzen ga tě mie morzěla. To ja tobie zâkożą [1]), dej se czasu do drěgêwo dnia, te ma są dorâdzima, co tě za kurva jes, co cę krą doch do poznânio, ale te ma są dorâdzima. Tako 'nâ są skarzi wotcu a mâcerzi, no nî mogla to vicî vělědac [2]), to bělo zâ żimko [3]) co 'nâ ją lik mo̊rzela; 'nâ ni moglâ jesc ani pic; 'nâ běla ju nǫzna [4]), muszela sé sviata jic, eż tô' nie bo kônc. Tako mac rzekla: Cûrko, nié placzi, jo tobie púmogą, tě nî mosz dlugo cerzpiec, jo to vnêt kro [5]). Tak 'nâ jidze dô kovolja [6]), a te kovolj uczinil trze gozdze [7]); a ga v niédzeljo mizé jenôstnǫ a dvanôstnǫ sztênjǫ, veznie te gozdze os vkine jeden v scana, a ga drěg'o dnia te 'nâ miâ' gozdze przez pierse, ta mo̊ra. Tako 'nâ veznie drěgî gozdz a vkinie zos v mur. Te wo̊na ji miala wu remînja przegnône; ga trzecî gozdz, tak mo̊ra przî a prosi. Tako ako 'nâ prosi, mac rzekla corce: nié dejce są prosec, vkiníce ten trzecî gozdz v mur, te ona jimu przez gôrcel [8]) przegnâ'. Wo̊t te duobe to są dalǫ, te vicî żôna mo̊ra nie běla ani nié przeszla.

Mo̊re są vszelejakni [9]). Jedin muszi mo̊rzec dâk [10]), drěgi muszi lědze mo̊rzec, dobětk [11]), drěgi muszi ve wo̊strązim [12]) skakac a mo̊rzec. Ta mo̊ra cho̊dzi pó doku a nié vi o tem nic, a ga sę jej miono volo, to wo̊na spâne.

Běl mlěnorz, ten miel trze corki, a vszetkie trze bělě mo̊rą. Mlěnorz nie viedzal nic, eż 'nê bělě mo̊rami. Tak przichodzi odzakôni [13]) soldot, a pro̊si, wo̊n chcol wo̊bnoc wo̊stac, a mlě-norz ten rzek że nî mok jewo wotrzêmac, a wo̊n rzek że wo̊n bě ljeżol po̊d wo̊gniszczą [14]). Tak wo̊n rzek że wo̊n miał lîgnųc,

1) запрещу. 2) терпѣть (нѣм.). 3) тяжело. 4) она была уже. 5) я это сейчасъ получу (т. е. захвачу). 6) кузнецъ. 7) три гвоздя. 8) горло. 9) всякаго рода. 10) *морить* крышу (народъ думаетъ, что сомнамбулы суть моры, которыя давятъ крышу дома, когда ходятъ по ней, точно также, какъ другія моры душатъ людей или скотъ). 11) скотъ. 12) въ колючкахъ. 13) отставной. 14) очагъ.

jimu hâlali slumą, te wo̊n lêg. A ga jenôstni sztěnji, tako te corki są dórodzale[1]) jakó jim szlo, że 'nâ múszela mo̊rze[2]) mo̊rzec, a jena muszela drzôn[3]), a ta trzecâ late[4]). Tako ten odzakoni vszetko vě́slěchel. Tako ga te corki przěszle do̊ dom tako że lêgle, tako 'ne duo sebie rzêkle: «sôstro, wo̊bezdrzi mê calo, jako jo wězdrzo, jo muszą drzon mo̊rzec»; a ta drugâ rzekla: «jo muszâ po̊ mo̊rze, po̊ vo̊dze lâtac». Tak onâ rzekla te trzecî: «tě mo̊rzisz lâte». Tak ten odzakôni lik slěcho, a ga zvon dva běle, te mlěnorz je volo, tako wo̊n ustol, rzek mistrzu: «Nie vólejce jich, 'ne su barzo wumączone», a rzek, jaką robo̊tą 'ne miale robioną. Tako mistrz rzek, wo̊n jim żone robo̊te nie dol wo̊bnoc. Tako ga zavitro moj wodzakoni idze ben[5]) do mistrza, tej rzek mistrzu: «Jo budo nynia róspoviadol: wo̊bezdrzéce, ta mlodszo corka je calo jako wo̊na vezdrzi, a ta drěgó, ta muszi po lâtach těr-zac[6]), a ta trzecó, pú morze ve wo̊rzechôvię skórupie». Ten mlěnorz se muszil krac jinech pâdôw[7]), a muszili dac chcec na podrěgî[8]). Te dzevczęta nié bělě vicî mo̊rami. A ten wodzekôni soldôta wo̊trzemal[9]) do sve smierce co wo̊n to wěslěchal.

1) совѣтовались. 2) море. 3) дернъ. 4) драпь на крышѣ. 5) внутрь (нѣм.). 6) бѣгать. 7) Мельникъ долженъ былъ приискать другихъ крестныхъ отцовъ. 8) должны были дать ихъ окрестить во второй разъ. 9) удержалъ въ тайнѣ.

11.

Разсказъ о свадьбѣ.

Tą běl roz-bûr, a mial trze côrki, a te tą starszǫ tą wo̊n wědol; tako ta vestrzênio[1]) 'ce vrejaric[2]), a wo̊n rzek: «Côrko, to jidze zá wo̊stro[3]) no mia, gdze jo mom tolko krâc, jo bě běl sztrěchą[4])». Tako côrka placze, nâ bě to' nôżenia[5]) muszéla miec koc bě jêsz tako. A wo̊tc rzek: «Côrko, dej se czâsu, czim budo jine czase; to mie ma viele kosztône, ta jena svâdzba, a ga b' jo miol tǫ dregǫ czinic, te bě se mie nick

1) средняя. 2) выходить за-мужъ (нѣм.). 3) Нѣм. zu scharf, т. е. слишкомъ шибко. 4) бѣднякомъ. 5) т. е. novożenia, жениха.

nié bělo». Tako corka rzekla: «Wojcze, uczinice wôstro, vě nie dârgoce[1]) vielgǫ svâdzbǫ czinic, kzotkǫ a prostǫ, co mâ przima do grěpe[2]), to vě nie bôce żone jadlóbe[3]) mieli, a te nynia no tako bo'[4]), co ma przima le dó grěpe, e bo to tako». Tako wotc rzec: «na, nynia no tak bǫdze».

1) должны. 2) придемъ вмѣстѣ, т. е., будемъ соединены бракомъ (нѣмецкій оборотъ). 3) печали. 4) пусть такъ будетъ.

(№ 1—11 записаны въ Большой Гарнѣ, Gross-Garden, отъ 75-лѣтняго старика Якова Либеке.)

12.

Заговоръ отъ ранъ.

Z ôgardu[1]) paradîzu
Biegale trzě strużki[2]).
Jedno biegâ',
A ta drugô scigâ'[3]),
A ta trzecô stavnie stovâ'[4]).

1) изъ сада. 2) ручьи. 3) нагонялъ. 4) Мнѣ объяснили, что этотъ стихъ значитъ: «а третья останавливала» (that Anhalt); но точный грамматическій смыслъ двухъ послѣднихъ словъ мнѣ неизвѣстенъ.

(Записано тамъ же.)

13.

Отрывки изъ разговора.

Ot starodavnich czasuv tu bělě rěbarskie budě, a te bělě zâs paníske katě[1]), a co se chto věrobie, to wôn se wôtrzima: vejda[2]) svojeglosna[3]), a tôrf, drzevo svojeglosne. Nynia mame svojeglosne dôme wôtkupione wôt pana van Bandemera. Przed tim múszeli robic panu, abo rěbą dajac....... Łąki co tu są, slěchali[4]) do Klěk naszim przodkum, to se zvali Wotok, pachtu[5]) 'ní dajâli szesdzesǫt talaruv; a jak Brinkenhof, Żerochovski pon, dal przékopac kanol, vôda z môrza věstąpila a zagubjila

1) хаты. 2) пастбище (нѣм.). 3) собственный. 4) принадлежали. 5) аренду (нѣм.).

tedó[1]) vszetko, a te ve dva lata v Klěkach nic nié krajali[2]); a ga to' czvorto' roka zôs prziszed Amtman Hasa, ten je zos wzǫ' a wotrzimal; rzeka są sâma věrva', a woda zbiegla, ale Amtman ląk niê del tregî vicî[3]) ....

1) здѣсь. 2) получали. 3) луговъ уже не отдалъ назадъ.

(Записано въ Клекахъ или Клечицахъ, Klucken).

Привожу здѣсь еще притчу о сѣятелѣ, записанную со словъ одного Словинскаго рыбака, который разсказывалъ ее на память. Она можетъ служить образчикомъ той формы, какую принимаетъ церковный Польскій языкъ въ устахъ Словинскаго простонародья въ Помераніи:

«Ga viele ludu przi grěpie běli a z miastew dó niego biegali, movi won przez podobieństvo. Viszed rosevca (поправился: sêvorz) výsievac semia (поправился: nasienie), a gdy won sol, úpadle niechtore ná drogą, a bilo podeptône, a ftâchi niebieske póžarli je. A niéchtore spadlo na cviardǫ zemią a gdy veszlo, uschlo, przêtož iž miazge nie mialo. A niéchtore padlo meze drzôn, a drzone zâduszěle je. A niéchtore úpadlo na dobro rolô, a one věszlo a przenioslo stokrotne ovec. Gdy on to movil, wolal: Chto ma usze do sluchanja, ten sluchaj. Pítali go uczniovie jego, co to bě mialo. ôn odpoviedzal: Vom je done viedzec tajemnictvo Božê; tim drěgîm v podobieństvach, žebě oni nie vídzeli, choc oni vidzo, a nie rozúmieli, choc oni czujo. To jest to podobienstvo. Semia jest slovo Božê; ti podla drôg so ti chtorzi je czujo, potim przińdze djabel i vêznie je ot ich serca, žebě oni nie viérzeli a nie zbavioni běli. Ti chtorzi na kamień spadli, so ti, gdy oni to czujo veznio oni to slovo z radoscǫ, a nie mają korzenia, v jeden czas vierzo v nie, a czasu napadu odpadno. Ti medze drzoni padle so ti chtorzi je slúchajo a jido pod klópotą, bógactvę a v radosce svójego žeca, a záduszo sa, a nie przinieso žodni ovec. To chtore na dobrǫ rolo, so ti co to slovo otrzimajo v svojim dobrim sercu i przínieso ovec v cerplevosce».

Для сближенія, считаю полезнымъ вставить здѣсь ту же притчу, также разсказанную на память однимъ старикомъ въ Бытовскомъ краѣ:

«V ten czas, jak viele lědzi v gromâdze běle, i z miastov dó niego przěbiegâle, wo̊n gôdeł przez podobieństvo. Szed jeden sêvorz soc svoje sêmią, a jak o̊n sêł, upâdło jedno na drogą a było podeptône, a ptôchi pod niebię je zjadły; a jedno upadło na kamień, a jak o̊no schodło, o̊no uschło, dle tego że o̊no soku nie miało. A jedno upadło v drzône, a te drzone vscho̊dzeły têż i to zaděsziły; a jedno upadło na dôbro rôło, o̊no vscho̊dzeło i niosło stokratny ûrod. Jak o̊n to rzêk, o̊n wo̊łał: Chto usze mo do czěce, têŋ niech czěje. Jego pítali uczeníci a rzêkle: co to za podubienstvo běło? Ale o̊n rzek: Vama (поправился vôm) je done viedzec tajemnistvo krolestva Boskiego, tim jinszim ale v tajemnistvach, co bě o̊ni nie vidzêle, choc bě o̊ni vídzele, a nie rozmiele, choc bě o̊ni czěle. Ale to je to podobienstvo. To semią je słovo Boskie; ti co na droze sum, to sum ti co to czěle; potim przińdze djobeł a veznie to słovo z jich sercov, co bě o̊ni to nié verzěle a nie zbavioni bile. Ale ti na kámieniu sum, ti chtorzi, kej o̊ni to czěją, vêznų to słovo̊ z radôscų, ale o̊ni ní mają kórzenia, jeden czas o̊ni vierzą, a v czase napadku o̊ni o̊dpâdnų. To co pod drzone padło, sum ti co to czěle, a jidǫ v klopo̊ce, bogâctvie i pěsznosci tego żěca; i zaděchnǫ i nie niosą żôdnego urôdu. Ale to co na dobrej role, sum ti co to słovo czěli i otrzimajǫ v dobrem sercu i niosǫ ûrod v cerplivósci.

II.

НАРѢЧІЕ КАБАТКОВЪ.

14.

Сказка о Стольмахъ (великанахъ).

Stólĕmovie nynia vszetci vĕginanli. Ga jeden roz stólem szed przéz pôle, wôn vidzel że takî malî robaczk[1]) wôral[2]). A stólĕm ten miew ránkajcan[3]), tako wôn vzanl vielgi polc wôd ránkajce te wôn vetk nászewo gôspodarza, sztĕrĕ wôle, pwug as knopa[4]), vszetko vetk v jeden polc a przenios dó dom a rzek svy nênie[5]): «jô przenios taczech môwych rebaczkow». A onâ to wôbezdrzâ' a jemu rzekwâ: «dej pokoj temu, ten malî stwôrziw vszetko cĕ nâs budze vĕganiac»! .....

1) червячокъ. 2) пахалъ. 3) рукавицу. 4) и батрака (съ нѣм.). 5) матери.

15.

О томъ же.

Jeden krôl miew stôl'ma v svym wôgardze[1]), to bĕw mocnî kerla[2]). A kregil[3]) sobie jédnewo krêvca[4]) (z nâszich lĕdzi), a 'nâ szwâ[5]) szpacerôvac v tem wôgardze. Tą b'wa krêszka[6]), a na vierzchuczku snôżi[7]) krêszki. A stôlm 'nen[8]) se mog urvac krêszką, a 'nen krêvc ni mόg dosignųc, jeż wôn bĕw moli. Asté wôni nâdzą drugą krêszką, asté 'nen krêvc úchvaciw zâ j'no[9]) vietvią, a nen stulm vzanl a pusciw, asté 'nâ krêvca narzúcewa[10]) na drugû struoną te krêszki. Asté 'nen stôlm są wôbezdrzew dze 'nen krêvc są dzêw, a te wôn jemu rzek: hot[11]), jo jem. Asté onâ szwa spacerôvac, a 'nâ natrafiâ' vielgi dûb, a 'nen krêvc rzek: ma múszima ten dûb ucic[12]), asté sobie żark[13] zgotovac. As ona ucią' 'nen dûb, as vĕrobia'

1) саду. 2) парень (съ нѣм.). 3) досталъ (съ нѣм.). 4) портнаго. 5) они шли (двойств. ч.). 6) груша. 7) прекрасныя. 8) тотъ, вмѣсто onen. 9) за одну. 10) перебросила. 11) вотъ. 12) срѣзать, срубить. 13) гробъ (съ нѣм.).

dó żarka, tak dwugim jak ten stolm bĕl, asté se szúfladu[1]) dó zasunienia. Na piervszemu ten krêvc vĕszed v ten żark, asté rzek stól'movi, on miew zasĕnąc jewo, abĕ vidzew, czi pásovawo[2]) jemu, a pºtem miew szúfladų vĕcignųc.. (Не удалось записать конца, гдѣ разсказывалось, какъ человѣкъ легъ въ гробъ, какъ великанъ, по его просьбѣ, засунулъ крышку, а потомъ, выпустивъ своего товарища, самъ легъ примѣрить гробъ для себя, и какъ человѣкъ тогда, засунувъ крышку, приколотилъ ее на крѣпко и задушилъ послѣдняго *стóлыма*).

1) съ крышкою (съ нѣм.). 2) нѣм. passen, было въ пору.

(Въ дер. Ровномъ, Rowen.)

III.

НАРѢЧІЕ ПОМЕРАНСКИХЪ КАШУБОВЪ.

А. ОКОЛО ЛЕБСКАГО ОЗЕРА.

16.

Покойникъ не хочетъ краденнаго добра.

Mºj wojc zâmiar jak ºn bĕł*) ºsm a osemdzesąt lat story. Oºn pºviadeł, v jednej vsi bĕł jeden chłop z białko[1]). Ta białka miâ' ukrâdły płutno, a ga ji chłop zâmiar, dâ' 'nâ jemu ºd towo kradło'[2]) płotna mucą[3]) uszic. Pºtemu jak ºn bĕł

1) жену. 2) краденнаго. 3) шапку.

*) Должно замѣтить, что твердое *л* выговаривается Кашубами какъ краткое ў или какъ Малороссійское *в* въ концѣ словъ (подобно какъ у Верхне-Лужицкихъ Сербовъ). Потому, гдѣ я пишу Польское ł, тамъ долженъ быть произносимъ этотъ звукъ ў (= w); онъ звучитъ особенно твердо въ концѣ словъ. Напротивъ, у Словинцевъ ł произносится какъ среднее l, на подобіе Чешскаго или Нѣмецкаго. У Кабатковъ различіе между ł и l (мягкимъ) не соблюдается во всей строгости, и потому я, въ образцахъ ихъ нарѣчія, писалъ *w* тамъ, гдѣ ł имѣетъ этотъ звукъ, и l тамъ, гдѣ это ł произносится мягко, какъ въ нарѣчіи Словинцевъ.

zachovony, przĕszed ten zamiarły zâ trzĕ dnî v 'nen jistny dum zos[1]), a vszed na kâżdy roz dó szpinje[2]). Jewo białka úżasła są bardzo a nie viedzâ' co to bĕlo. On przeszed roz, dva ĕ trzĕ. Tak o̊na nie viedzâ' co 'nâ miâ' czinic. Onâ są vzą' a szła do pano xądza, poviadâła jemu tą noviną. Pon xodz przeszed drĕ́gewo dnia v obłoku xądzevskim a pitał tô' umiarłô' co won żado. On úkazeł na svą głovą i rzek: «Tak barzo mie pchâ[3]) jak ga bĕ́ cziste jegłe[4]) v mî głovie taczały[5])». Po̊tem zginuł umiarły a xodz pitał białką o̊d czu' ta muca na jewo głovie bĕła; a o̊na mu rzekła, eż jeden roz miâ' kosk płutna svemu sósiadĕ ukrâdłe, a ód to' płutna też ta muca chtorǫ ten umiarły v grôb vzǫł bĕła. Xodz rzek, o̊na miâ' od jino' płutna mucą uszĕc, a ga ten umiarły bĕ zos przeszed, jewo muca z głove múszeła bĕc servônô, a ta jino vsadzônô. A tak uczinîła. Jak umiarły przeszed, servali jemu vídłami jewo mucą a vsadzeli nova, a on rzek, umiarły: «Tak, tak, to bĕlo moje żodonie[6]», i ot to' czasu nie przeszed vicî.

1) опять, назадъ. 2) сундукъ. 3) колетъ. 4) иглы. 5) торчали. 6) желаніе.

(Записано въ Избицахъ.)

17.

Сказка о Дробныхъ или марливахъ.

U jédnewo gbura go̊spodarz vĕszed buten[1]) v noci o sztĕnji[2]) jednostncj. Tak sedzel' trzej nâ ogniszczu v domû malinki knôpi[3]), a miel' czervione muce nâ głovie malĕczki, a vierôv[4]) se miel' nanieszone, a vielgi wogenj se składal'. Tak ten go̊spodarz to vidził, a tej mioł strach eż b' oni chĕcze[5]) jemu zâpolil'. Tak on jim rzek ce b' chĕcze nie zâpolel'; ale o̊ni dô niewo e̊ni słova nié rzekli, le kîvnąli rękô eż o̊n mioł le[6]) jic spâc.

1) вонъ (съ нижне-нѣм.) 2) часъ (съ нѣм.) 3) мальчики. 4) щепокъ. 5) домъ, избу. 6) только.

(Записано тамъ же.)

18.

Сказка о морахъ.

Ga mo̊ra mo̊rzi, o̊na děszi a jiczi[1]), a czasą o̊na zastra pol[2]) wo̊kna, o̊na nie może są dôżdac co b' nen v łużko szed. A 'te onâ jeo strâszi ga on sedzi; on taki strach dostônie co o̊n spac rychlí jidze, a jak o̊n lêgnie, te 'nâ ná njeo przelêgnie rzecô[3]) na gąbą[4]) jednak, a te onâ bar-zo żwak[5]) robi, o̊n leži a nie może rěszic rąkô ani nogô; poki o̊n sa rade nie szuko[6]), a ga o̊n dóstanie radą, te jemu sa dô, to o̊na vicí ni môże dó nieo przinc. O̊n muszi kupic ko̊rzenj a urzeszic[7]) na sziję, a szersztînką[8]) (объясн. ko̊miną) o̊na przechôdzi dó nieo a poki o̊n ni mo rade, to ko̊tki[9]) sko̊czą bezla[10]) o̊kna.

1) стонетъ. 2) подлѣ. 3) задомъ. 4) ротъ. 5) слабымъ. 6) нѣм.: er sich nicht Rath sucht, т. е. не ищетъ помощи. 7) привязать. 8) труба (съ нѣм.). 9) кошки. 10) возлѣ.

(Записано тамъ же.)

19.

О томъ же.

Na Babim Dôle běł jeden chłopc, ten sa zwoł Micho Bûjaka, tewo morzâ' mo̊ra, a cze[1]) oní jemu râdą szukâli do tewo morzênjo, bar-zê[2]) onâ jewo morzâ', a te morzâ' těch gospodârzi vszech dicht ces cały̆ rok, a z jânewo na drěgêwo 'nâ chodzâ', a choc na pełniu prze pełnie[3]) oni sêdzele, te onâ jích morzâ', a 'ní zâ nią vachtôvali[4]), a ní mogli jo do uchvacênio dostac, jak jaden roz tej ten chłuopc dostał na pièrzěnie[5]) gdze 'nâ jewo morzâ' v vołôvim chlêvie, kąsk skôre[6]) (a ten kąsk skôre běł ta mo̊ra), a tą skôrą o̊n wzą a trzimo. A onâ sa uczíniâ' jak mocní chłop, a on jâ trzimo s tą pierzěną, co onâ jewo przed vołovi chlev vě̋vlekła buten[7]), a te jewo prosâ' mieł ją puscec, jeż b' dó njeo vicí nié przeszła. A kej o̊n ją puscił, jesz le przed tim nie miâ' jewo tak

1) когда. 2) тѣмъ больше. 3) въ полдень за обѣдомъ. 4) сторожили. 5) на перинѣ. 6) кусокъ шкуры. 7) вонъ.

morzône, jak pòtem[1]). Tak ònâ mu rzekła, jesz ce bądą morzâ' dó ròku, a ke rok vëszed, tak 'nâ przestâ' mòrzec, a choc 'nî na nią vachtôvali, vicî uvachtovac nî mogli.

1) а когда онъ ее пустилъ, то она еще никогда его такъ не *морила*, какъ съ того времени.

(Записано въ Бабиномъ-долѣ).

20.

О колдуньяхъ.

Przed czâsam' na Vickie a Chabrovskie grânce[1]) bëła czarovnîca polôna[2]), moc[3]) s trzemi côrkami, a cze[4]) òne polône bëłe, to òne dobą[5]) gałovałe[6]), vołałe dú Boga: «mîł Bożé, mîł Bożé!» A côrke narzekałe na mâc, co onâ je to vë'ucza', co òne polône muszełe bëc. A cze òne spalône bëłe, te òne tą bëłe zachovône, a tak stroszałe, że nî mok nicht mimo przînc. Ale jeden chłopc służił u Chabrówskewo xądza, a te bë' zvôn[7]) dvanôsce v noce, te bëł u xądza Chabrówskewo Janôvski xodz, a tak cemno òbnoce bëlo, te ti xądzove są zagodâle, a bëł bë chto tolko dzîr-zi[8]), co bë dó Vicka dó dvoru doszed. A xodz Chabrovski rzek, eż talko dzîr-zewo chłopa mieł; a Janovski gadò, eż talko dzîr-zi nie bëł. A òn szed, kej jewo pôn posłeł, to co òn przeniesc mieł to òn przenios. A cze òn przeszed dó tewo mola[9]) gdze te czarovnice palône bële, te onê sa dó niewo nâlazłe a z nim szły aż do cérkviszcza[10]) Chabrówskewo, a onê jewo straszały, a strach òn ní mioł. A cze òn przìszed do cérkviszcza, to tą onê zginąłe, dalî nie mogłe jic. Talko dzîr-zivë òn bëł; a ke ten xodz jewo posłeł, mieł haloc beker[11]) z òltarza (dał jemu klucze), òn szed vêstrzod nuoce, a òn strachu nié mieł, a haloł beker. A Janovski xodz mieł zasadzône[12]), że òn talko dzîr-zi nie bëł,

1) межѣ. 2) сожжена. 3) мать. 4) когда. 5) по временамъ. 4) кричали. 7) часъ. 8) и эти священники разговорились о томъ, былъ ли бы кто нибудь на столько смѣлъ. 9) мѣсто (съ нѣм. mal). 10) кладбище. 11) принести чашу (съ нѣм.). 12) бился объ закладъ.

a zgubił parą svěch kòni. A cze Chabrovski xǫdz beł dobri, a òstavił jemu te kòni, a xǫdz podarovał temu chłopcu dukat.

(Записано въ Избицахъ.)

21.

Дѣвушка обличаетъ своего убійцу.

V starym Szczecinie bělo dvoje starěch lědzî, a vicî nî miel' jak jene dzêvczo, a te dzêvczo bělo bar-zo tim starim ledzom duobre, a nic nie szło precz wot nich, ni na jâki tônjce, ni nîdze, jak wot svewo sósada wót szlachtarza[1]) hálivało[2]) miąso. A ten szlachtarz běl młodý chłop. Tak òn skurvił[3]) 'ne dzêvczą; tak 'ne dzêvczą jemu są skárziło[4]), eż né bělo wot niewo ospône[5]). Tak won ji rzêk: «przîdzi duó mnie vé vieczerze». Tak won vzo ten těpôrk[6]) ce òn miaso nim rôbił, a ucuł[7]) dzêvczice głovą, as ji zâkopał v gnôj, as przêrzucił naszczepiônewo drzjeva. Tak dzêvcza zgînęło, nicht nie viedzał gdze są dzało. Tak tą cigną[8]) żółnierze precz, tak ti stârzi lědze skârzili sosadovi temu jistnemu co te úczinił; tak òn jim rzek tak: «to jinacz nie je, vaszo côrka je se żołniérzami precz cigniôno»[9]). Tak òni úvierzeli temu. Tak do tech starech lědzî przěszli trzej żółnierze v kvartêrǫ, jeden beł undroficir, a dva gemein[10]). Tak ten undroficira spał z jadnim gemein-żołnirzą, a ten jeden spał wò se[11]). Tak ga woni tą léželi pierszo nôc, tak te dzêvczo do nîch przěszło do łûżka a stójało całú chvilǫ[12]). Tak ten jeden żołnirz, ten gemein, to vidził, a te zavítre póviadoł temu undroficirze. Tak ten undroficira jemu rzek tak: «Tě jednak co z dzievczęty mosz do robòte, a te v nòci vnet są v òczi vě́stavią». Tak òn rzek: «nie, to nieje pruvda, jô s' tim nick ni mom, ale te tu je v tech chěczach niéce niéproste». Tak òn prze nim òstał

1) мясникъ. 2) приносила. 3) растлилъ. 4) жаловалось. 5) растлена. 6) топоръ. 7) отрѣзалъ. 8) идутъ (какъ въ нѣм.: ziehen fort). 9) ушла съ солдатами (какъ въ нѣм.: ist mit den Soldaten fortgezogen). 10) рядовые. 11) особо. 12) нѣсколько времени (какъ въ нѣм.: eine ganze Weile).

te nôce. Ga drěgi nôce 'ne przěszlo zos temu undroficirovi, tak ôn rzek jemu: «Nu, ga 'ne przîdze zôs trzecî nuoce, tě mie obudzisz». Tak ôni bel' obadva dzir-zo[1]); a te te dzevczo szło przodka[2]) nju, a te szło tą gdze ten szlachtarz ją mioł zakopône. Ga zavitro ten undroficira pitoł tech starich ledzî, a stało sa co nóvewo v jich checzach, a ôni poviédzel' jemu, iż corka jim zginǫ', a nicht nie viedzeł gdze są dzâ'. Tak ga zavitre, te 'nî szłe tą gdze 'ni vidzel' gdze 'nâ są pôdzâ', tak ôni ją ôdkopal', ta corka lêża' tą v gnojû zakopôna. A te te běło u oficérov meldovone[3]) a te żołniérzami dum obsadzony, aste ten szlachtarz běł uchvaczony as vsadzony do viążenjo, a te co są z nim dalî stało, tewo mě nie vîme.

1) не спали (какъ въ нѣм.: waren wach). 2) впереди. 3) возвѣщено (съ нѣм.).

(Записано въ Избицахъ.)

22.

Приглашеніе на свадьбу.

Dobri vieczor przijacele,
Vszisci v domu jak vas viele.
Nynia, na zvôn pinc[1]) — mace przinc,
A zvôn szesc — krôce[2]) jesc,
A na zvôn setem — bdze sznaps pôtem,
Na zvôn ôsem — gotovi jesem,
Na zvôn dzevinc — przed xądza przinc,
A xodz vsziskich nas oboczi[3]),
A przed svoją rąką schvoci,
Nas ôtpravi, vszisko stavi
A nas nazod zos pozbavi.
Stery z młodym są navroci,
Nazod do dômu są povroci,
V domu bądzem znalezoni
A przi stole posadzoni.

1) въ пять часовъ. 2) пряники (?). 3) увидитъ.

Vszisko przed nas 'ni postâvio,
Jesc me bądzem moli, vielki,
Jedle, pili ten dor[1]) vszelki.
Teroz bądze to do konjca,
Jadła przi tim i tiż grzênjca[2]),
Ta muzyka jest przed drzviami,
Czeko za vsziskimi nami.
Bądzem mili tancovali
A nogami tątrąptali[3]),
Jesc i pic bdo nâdnoszali.
Oni pucuju[4]) teroz kônie,
To vsziskô jest już przi zgônie[5]). Amen.

1) угощеніе. 2) поджаренный хлѣбъ съ масломъ. 3) стучать, топать. 4) чистить (съ нѣм.). 5) на готовѣ.

(Записано такъ же.)

23.

Избицкій рыбакъ разсказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и промыслѣ.

Jô běł vczerô ná jezerze, a tê[1]) nic vicî nié ułovił aż szternôsce okûnkov a jadna szczuka. To ja posłu[2]) Vorblackemu munârzovi[3]) dzîs, a te chcu[4]) poł-łabje[5]) żêta kupic, ale mě sa barro żêto vidzî druogo, pinc złotêch za poł-łabje won chce miec; ale cze[6]) je brukuje[7]), tak je kupiac muszą, bo hertôfel[8]) stôrych lacho[9]) je, a przesnîch[10]) nie chceme doch rôd[11]) vëbierac. A jesz jem są pârsa[12]) kupił na głupǫ głovą[13]), do jedzenia starych hertufel. — Nynia ja chcą nievôdk robic, alé mie felą[14]) kônóple, a z Ruskie niejâk onî nie przindą przi tej rebelioni[15]) co nynia je, a tê co tą v Lebie sǫ, te

1) te и tej, частицы, которыя не имѣютъ особеннаго значенія, и только усиливаютъ союзъ a (т. е. u, a). 2) послалъ. 3) мельнику. 4) хотѣлъ. 5) полъ-мѣры. 6) какъ, когда. 7) нуждаюсь (съ нѣм.: ich brauche). 8) картофеля. 9) мало, недостаточно. 10) свѣжій. 11) какъ въ нѣм.: wir wollen doch nicht gern. 12) поросенка. 13) сдуру. 14) недостаетъ (съ нѣм.). 15) война.

są barro drogi. Nynia miało běc do macěce[1]), a tej dô slepie[2]), a tě białko[3]) bdzesz przędła, co onó bdze nâ czas gotôve, bo są czini zěma, miar-zne, mor-z jesta, zěma nastâje, rěbok muszi pâsovac[4]) co na prâvy czas jâdra[5]) uczini, bo kupce nalotają co chcą miec rěbe. — Jô potrzebuję vielgi nievôdk ŏbzimą, a wob jeseń to ja brukują nete[6]) a mrzêżki[7]) a żâki[8]), a ŏbzimk[9]) ja brukują sosâcznik[10]) v mŏrze, a ŏb lato zos nievôdk i bŏdarze[11]) na wągorza pchanie, a tej muszą o'blato brodzic v vŏdze. Ale ŏb zěmą já muszą mec dôbry ŏblek[12]), vielgie skŏrznie[13]), dôbry kŏżech, szerôki bukse[14]), vielgą kârvodką[15]), a tą vielgą kârpuzą[16]) co me bdze v głovie cepło, a vielge rąkavice, co me cepło jesta, jinaczî jo bě nie větrvu[17]) tewo. Jo białce rěbe hálaję[18]) dla vieczerze[19]), a białka też z nimi na kroj[20]) jidze, co ŏna chleba halo, co ma rěbak do żěco, a przč tim rěbak muszi gŏrzełką dobrze pic, bo vŏda teruje[21]), trôvi[22]), jinaczî bě nié větrvu. Nete brukújeme ŏb jesenj nâ noc v dobre viodro[23]) nâ płotki[24]); je viązą vé vieczor a jidą dó dom; a zavítro rêno rêna vstac a věnjic[25]), a białka muszi przasc a frisztik vârzec. A pŏtem chłop jidze nâ jezero a łovi rěbę nievodką, a białka muszi dobětk[26]) a dzeci woprâviac. Neta je cenkô e vązko, a nievôdk je grěbî e głębôki, mrzeża je cenkô a szérszo jak neta. Rěbak muszi gonic rěbą v mrzeżą v kąpach[27]), bo samâ 'nâ bě nié szła; a cze 'nâ pełna jesta, te z nie są věbrone rěbe, a te je vicî staviôna na jiny mol[28]) jaż dó vieczera. A vieczor są povieszone na sôsze[29]) co ŏbnoc věschnie, a zavitro je zos vząto a tej je zos z nią łovione, cze je viadro co są gŏdzi do łovienio. A cze[30]) je vielgi viatr, tej nâ jezoro nie je jachône jasz cze viatr ulêgnie, co rěbok roz'miêje svoj czas a vie co

1 и 2) родъ сѣтей. 3) жена. 4) смотрѣть (съ нѣм.). 5) сѣти. 6—8) особые роды сѣтей. 9) весной. 10) ротъ сѣти. 11) багоръ. 12) одежа. 13) сапоги. 14) брюки. 15) плащъ. 16) шапка. 17) вынесть. 18) ношу. 19) ужина. 20) на берегъ (въ смыслѣ моряковъ). 21 и 22) изнуряетъ. 23) погода. 24) родъ рыбы (плотва?). 25) выйти. 26) скотъ. 27) островокъ, мель. 28) и ее (т. е. эту сѣть) опять ставятъ на другое мѣсто. 29) жерди. 30) когда.

ułovi. Bo rĕbak muszi są zá viodrą richtovac[1]). Mome jesz słąpe[2]) na kleszcze[3]), na zîmku le[4]), cze kleszcze do kraju dó mrzostu[5]) jidą. Ale to długo nie vâro[6]), pinc, szesc dniov, te oͤn zos jidze dó głąbu. Słąp je no ten hort[7]) co mrzeża, ale mocniejszi; on je też rzadkszi, oͤczâtszi[8]), ma vjiksze sîdła[9]). Żak ma szterze pałǫgi[10]), a dva vąbierzki[11]), co rĕba cze v nien vlêze, ní może vĕlesc. Rĕbak rozdrzeszi[12]), co z niewo vĕseje[13]) rĕbo, a te jen postâvi zâs co 'ne v nien lezo zôs. Tak rĕbe tą vlezǫ, viatr v nien vnęka[14]), vkidne. uczini voͦdą białǫ. O°b zîmk[15]) rĕ̆baci jâdǫ nâ moͤrze na oͤsemset siżôn[16]) dâlek v moͤrze, a tej povor-zami[17]) cîgniǫ jâdra nâ kraj, a cze łósosa chvaczą v jêdrze, przicîgnią, abo jesotra abo flundra[18]) abo pomuchlą[19]). Sosâcznik je od grĕbêwo koͤnopla, a szternôsce łokc głąboͦki, a długi sto siżôn, a oͤ dva zîmki oͤn muszi vĕtrzĕmac.

1) направлять (съ нѣм.). 2) родъ сѣти. 3) лещей. 4) только весной. 5) поростъ. 6) длится (съ нѣм.). 7) способъ (съ нѣм.). 8) съ бóльшими клѣтками. 9) имѣетъ бóльшія клѣтки. 10) дуги. 11) клапана. 12) раӡвяжетъ 13) высыплетъ. 14) вгоняетъ. 15) весною. 16) саженъ. 17) веревками. 18 и 19) какія-то рыбы.

24.

Сказка о Кроснятахъ (карликахъ).

Bĕła jedna dzevczina, kej oͤna jedzênie varzâ', to 'nâ se vjednak czosâ', a te vłosy rzucâ' ná ogniszcze[1]). As-to[2]) krôsnią przîndze a prosi, ni mą vicî tewo robic a tak rzĕcec vłosy, bo to krôsniątom bĕło viele do szkoͤde. As-to krôsnią rzekło, kej bĕ oͤna tewo nie popuszczâ'[3]), to bĕ je zlê szło. As jak oͤno, to dzevczą, bĕlo zos przespône[4]), tak oͤna dostâ' mole dzecą. Tak oͤna roczila[5]) jistne[6]) krosnią do chczenio v komoͤtre, a 'nô tenczas są vstaviło a tej stojało, ale za pódepenk[7]) onó przĕ̋niosło dva tálerze zakrĕ̋te, a tą bĕłe cziste

1) бросала на очагъ. 2) а. 3) не оставила. 4) растлена. 5) пригласила. 6) этого самаго. 7) деньги на зубокъ (съ нѣм.).

vłosy, co 'nâ są czosâła a tą miâ' vrzucône no ten mol, gdze 'na ni miâ' rzĕcec. As-to vorâlo[1]) trze dnji, jak krosnią to dzecą rozmieniło, a to dzecą co o̊no je przĕniesło, to bĕło môle z vielgų gąbą[2]), vielgi nos, vielgi ręce, dicht vszitko vielge, a vjednak môle bĕło, v grĕbǫ[3]) o̊no ro̊sło, ale na vĕsoko nîjak. As po̊temu te-to dzevczą mieło vielgi strach, nie viedzeła co miâ' robic, as o̊na szła dó xądza. As xądz ji rzek eż o̊n nî mog ji nic po̊moc, onâ muszâ' s tim spokôjna bĕc, co ji krôsnią przemieniło.

1) длилось (съ нѣм.). 2) ротъ. 3) кучка.

(Записано въ Лебѣ.)

В. ВЪ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ ПОМЕРАНІИ, ЗА ЛЕВСКИМЪ ОЗЕРОМЪ.

25.

Сказка о Дробныхъ или Карликахъ.

Drobnê byvali na Babim Dôle przede, o̊ne przechodzale a fudrovale[1]) vo̊łe, a vo̊ły tak sĕte bĕle, co bĕ przê szlachtarza[2]) bĕle. A cze onî ten chlêv rozvalały, te onî im zlê robiły, te oné priszły v chĕcze a te czervione ruchna[3]) miały, a te oné sa vorzały jedzenie cze lĕdze szle spac. A te lĕdze postaviły rôz o̊t jaja sko̊rĕpą[4]), a cze o̊ne przeszle drĕgê noce o̊ni bar-zo są dzivo̊vałe iż oni w takim gropie[5]) jedzenie goto̊vali. A ty drobnî to rzeką tak, iż bĕ talko story jak pielgrzimski las[6]), a jesz v takim gropie nie vidzâ' varzec jak tu na Babim Dole: a lĕdze jima, tema drobnéma, do psote[7]) postavile tą sko̊rĕpą. Tak drobnê rzekû, cze o̊ni chco varzic tak po̊zdze a v takim gropie co jesz nigdy nie vidzały, te onî b' so jiny mol[8]) obrały[9]). Ale temu go̊spodarzovi zas szlo zlê, o̊ni jemu dobĕt-

1) чорнили (съ нѣм.). 2) для мясника, т. е. на убой. 3) одежда. 4) скорлупу. 5) сосудъ. 6) старый какъ странническій лѣсъ: поговорка. 7) для поруганія. 8) другое мѣсто. 9) выбрали.

kovi[1]) brałe chorną[2]) a nosały jinemu wo͏̊spodárzovi[3]) a fudrovały doběťtk ten gdze o͏̊ne běłe. A rzeku[4]) jesz, cze jima nie bu' ten go͏̊spodarz dobry, chtóremu o͏̊ne potąd dobry doběťtk trzýmałe, tej teroz ka o͏̊n bě vidził, ten wo͏̊spodarz, jak jemu bě szlecht[5]) z dobětką szło, cze b' o͏̊ne do jínewo go͏̊spodarza fuder věnoszały; jeż o͏̊ne nie są ná sviece do żodne szko͏̊de, ale do viélgewo profitu tą gdze one są vłożą, te one fudrują doběťtk wo͏̊bnoce, a go͏̊spodarz wo͏̊dzenj[6]). A chlev o͏̊ni trzymą v sztandze[7]) a czisto, tak że żoden zły tą nie przîndze, tą gdze o͏̊ne svǫ go͏̊spodą[8]) mają. Ale chto jima dobrze robi, tą gdze woni są, tą o͏̊ne jesz dzesinc roz lepî robiǫ; ale chto jima zlê robi, te o͏̊ne gorzê cziniǫ, jak ke bě zły duch nad tim go͏̊spodarzą mo͏̊c mieł.

1) у скота. 2) кормъ. 3) хозяину. 4) говорятъ. 5) дурно (съ нѣм.). 6) днемъ. 7) въ хорошемъ состояніи (съ нѣм.). 8) жилье, хозяйство.

(Записано въ с. Харбровѣ.)

26.

Зовъ на свадьбу (rocsênie).

Otto jestem posłâni posłaniec dó vas
O͏̊t teho poczlíveho pânjca navożênjca[1]) N, N.,
O͏̊t te poczlíve panne brutki[2]) N. N.
Ve vtork[3]) koła wôsme na frîsztik,
A tej do koscoła, a z koscoła do goscinca[4]),
A z goscinca v naożênski dom.
Tą mdżeme[5]) pili i jedli,
A te po͏̊temu mdzeme tâncovâli,
Aż bdzeme bêczke[6]) nâ dna vevrocâli.

1) жениха. 2) невѣсты (съ нѣм.). 3) вторникъ. 4) домъ, гдѣ приготовляется угощеніе. 5) будемъ. 6) бочки.

(Записано тамъ же.)

27.

Разсказъ о Столымахъ или великанахъ.

.U jednych panov visâ' vielge żebro [1]) na żélaznem rzecozu [2]), na pámiątką: to bělo od stołymov. Jeden stolm vzǫł na bâtuk [3]) taki vielgi kâm a puscił jen v ógrod; trzista puntov [4]) ten kâm važił; a vzǫ ten kâm v rąką, a pôlce sǫ jednak do znânio jesz. Te stólmovie zginąli o̊d pótopa. Moj syn wo̊rał roz, a nâloz od stolmov cziste gnote [5]) v pudle [6]). To stólmovie spolili a póchovali. Stolm jeden roz stojał na kâmieniu, a nogi do vidzenio jesz sǫ, velnąli v tęn kâm.

1) ребро. 2) цѣпь. 3) на палку. 4) фунтовъ. 5) кости. 6) въ ящикѣ?

(Записано въ Сорбскѣ.)

28.

Разсказъ о Карликахъ.

Moj mǫż szed roz, a szło szesc krosniąt, se trzemale za ręce, a vszetke take małe, a mieli czervione mucki [1]) na głovie. Tu je takî dvor, a tą lědze běli, a matka szła dó pieca a piekła chleb, a tej mǫż ôstał sedzǫce na łavie. A tej z drěgî jizbe przěszło dvoje krosniǫt, bar-zo stâry chłop a bar-zo̊ młodî, a małe vôzika [2]) miał, dvoje konie białych. A tej przised też xǫdz, a tej starǫ białką z młodim chłopem chcal zdavac [3]). A tej przěszed jeden stary chłuop, a młodo białka. A 'nen chłop co sedzoł na łavie, a te movił, tak nie zadavac, story do stôrewo, a młodî do młodéwo. A tej 'nen voz z 'nemi kóniami biego' precz, a konj są věplěszczał [4]). A moj chłop vîdzeł że beł miech, a běli cziste pieniądze. — Roz przeszło jedno krosnią a vzią dzecą z kołybki prêcz a położâ' miotłą, a tej kobieta vsta' a měsleła że jej dzecą bělo, tej 'b'â miotła. Jeden ubogi chłop przěszed a rzek: bij tato, oni prziniosą zos; oni bili tą miotłą, to bělo krośnięce dzecą, a tej krosniąta vząli zas tǫ miotłą a dzecą przeniesle a položili, ale

1) красныя шапочки. 2) телѣжку. 3) вѣнчать. 4) выбился.

mieli barzo pobite; te ôno nie żiło długo, ôno pómiarło. — Roz u jednech panov vząle też prêcz dzêcą a położili jine dzecą z vielgų głovų a z viélgemi uóczami.

(Записано тамъ же.)

29.

Сказка о колдунѣ.

Bĕła v Vierzchúcinie białka a tą gôdáją że bardzo zle robiła lĕdzom. A ona tu roz przĕszła do Osêk, a przĕszła do nâszewo żôka[1]), a tej ta jewo białka szła buten[2]), a 'nâ nie dâ' te czarôvnici to co 'nâ ôd nji chcâ'. A te ônâ do nji przistępi, a zatknę ji chustą[3]) dó koła szeji a rzekła: takó młodó białka muszâ' snôże[4]) jic, a tej ôna zâraz ô tej gôdzinie ôglupia'[5]), tak co nicht ni mog ją trzimac, a dycht bĕle-co[6]) gôdâ'. Te ta czarôvnjica przeszła zas do Osêk, a tej nasz xędz sie dóviedzeł że bĕła v Osêkach, te ôn sa vsâdził nâ konia a vzę kôrbocz[7]) v rękę, a te do nji jachu, a tej ją bił, a tej rzek: «Tĕ co mużesz czarzec[8]), ôczarze że mje», a vjedno[9]) ją bił. A bił ją dô lasa jasz nâ grancą; a jak ôn nâzad jachu, tak jewo konj zdrzucił[10]), ale ôn ôsta' visâjęci v strzemie, a tej kônj jeo vlek esz do Osêk: telko[11]) ta czarôvnjica jemu doch dorobiła[12]).

1) школьный учитель. 2) вонъ. 3) платокъ. 4) краснвѣе. 5) сошла съ ума. 6) всякую всячину. 7) кнутъ. 8) околдовать. 9) постоянно. 10) сбросилъ. 11) столько. 12) надѣлала (бѣды).

(Записано въ Осѣкахъ.)

30.

Заколдованная конская нога.

U nas zrobili że dobĕtk nam nijak nie gryz[1]), a te leżâ' końska nôga na naszim dvorku a moj chłôp gado tak: eszle

1) сдѣлали, что скотина у насъ никакъ не ѣла кори-

ta nôga mà co krzîv[1]), te ôn ją zanios na pole rutèn[2]), a jak ôni sa ôbezdrzeli, tej nôga běła też zos na dvôrku. Te ôn mislił, że pies ją przěvlek, a doł ją zos zaniesc pôkonc ôgroda, na vielgǫ jabłonj ją pôviesił, a tej ke se ôbezdrzeli, ôna běła zos tu. Te ôn ją doł zaniesc a zakôpac, a to nic nié pomogło, ôna le zos běła tu na dvôrku. Tak me ją vząle a przes trze mieze[3]) zaniesle, a tej kúlą[4]) věkopali v trzeci miezi a te vrzucele 'ną nôgą. A z każki miezi vząli jesme kâm a knëpelj[5]), a tej na krziż vrzucěle no 'ną nôgą, a tej 'ne kâmienie vrzucěle też no 'ną nogą v kulą, a tej ôna nie przeszla, 'nâ nôga, nâzad. A pôki nôga są nałożâ', dobětk nie grîz vjedno. A tej jo halâ'[6]) zôs s tech trzech miezi trze kâmienie, a z każki też sztěk[7]) drzêva, a 'ně kâmienie ja rozżolała[8]) a tej jo z njimi krěpe[9]) veżoláła[10]), a 'ne knepêljki zpolała a tej ną fuder jima je posypâ'. Tej dobětk nom zaraz vszaden[11]) grîz.

1) въ чемъ виновата. 2) вонъ (съ нѣм.). 3) межа. 4) яма. 5) палочка, тычинка. 6) я принесла. 7) кусокъ. 8) раскалила. 9) ясли (съ нѣм.). 10) обвела горячимъ. 11) всегда.

(Записано тамъ же, отъ старухи.)

31.

Разсказъ о Столымахъ (великанахъ).

Roz wôroł ôd tych stôlmakov jeden, a tej są nâlaz taki robâczk ôd naszich lědzî, a te jo[1]) vzǫł v svoj rąkavîczni pâlc a przenios jewo duo dom. A tej ôn ôstał ú nieo do robôte co ôn muk rôbic, a stolmak mieł v stodôle[2]) do draszovânia[3]) żelâzne cêpe, co ten mâli chłopik nie muk odniesc je, tak ôn ji mieł probovône. Tak ôn gâda' że 'nê mu běły za letkî[4]), że jemu nie lonovałe[5]) z njimi robic. Tak vloz ten mâły chłop nâ bałką, a tej sa knôvał[6]) bałką dô bicza co jimi chceł draszôvac. Tak stôlem przeszed a zdrzeł na nieo a

1) его. 2) амбаръ. 3) молотьба (съ нѣм.). 4) слишкомъ легки. 5) не стоило труда (съ нѣм.). 6) вырубалъ топоромъ.

piteł jeo co ôn tą chce robic. On gadał, ôn sa jińe cepy muszeł věsztelovac[1]), te jemu nie lonovałe[2]). Tej ôn jeo pôgneł ôgenj zniecec[3]) dlo kucharki, a tej ôn ôgenj zaczon niecec a nimuk go zniecec nijak. A ôn stojał a dǫdo[4]) nijak nimuk zadłc ôgienj, żebe se zapolâło. A tej, 'neo stôlema białka v szěsnice[5]) leżâła, a tej na nieo zdrzâła, a jak na łûżku leżâła, z łûżka poczâła dyc[6]), a taki forsz[7] jemu dała, że chłop zaroz ruten z komina[8]) věleceł e nâ dak[9]) przeszed. A tej chodził pô dace a sbirał knupêljki[10]), tak 'nen stolm věszed zaroz ruten a jeo vidzi, a tej ôn gadał, ceż ôn są chceł. A ôn gadał, że nie muk ôgnia zaniecec, tak ôn se hałał knupeljkov żebě ôgenj znłcił. Tej ôn nâ nieo vâdził, co ôn mieł zlezc nadoł, te ôn mieł dla kúcharki vodę dracht[11]) hâlac. Ale tej ôn przeszed a 'nech źelaznych vąbórkuv[12]) ni mug wudniesc, tak tą beł taki vielgi kluoc[13]), tak ôn do no' kluoca szed a począą 'nen kluoc dłubac a chca' sa vąborki sztelovac, że te běły jemu za lichý. Tak 'nen stôlm przeszed do svojej białki e rzek: «ma muszima jeo odpuscic, ôn je na naju za mocnł, ja měszleł eż jo beł mocnł, a ôn je jesz mocniejszi».

1) приготовить (съ нѣм.). 2) не стоили труда (съ нѣм.). 3) развести. 4) докуда? 5) въ родахъ. 6) дуть. 7) силу. 8) вонъ изъ трубы. 9) крышу. 10) палки. 11) съ нѣм. zu Recht. 12) ведеръ. 13) чурбанъ (съ нѣм.).

(Записано тамъ же.)

32.

Бѣдный сторожитъ гробъ богатаго.

Roz běł jeden pôn bogâti a te 'nen ubôgi człoviek taglonik[1]) ôsteł jemu vinien[2]), a tej ten bogâti pômar. A tej nen przed tim jesz viedzeł że mieł pômrzec, a deł vôłac no' ubógewo do sebe, tak rózkazał cobě nad jewo grôbą ten ubogi nad nim wôbnôc vachtóveł[3]). Tak 'nen ubôgi jidze do sveo próboszcza[4]) a radził se tewo próboszcza, co bě te b'a za prziczina że ten pôn rózkazel jemu to. Tak 'nen xodz jemu rzek: «Ja brace, to

1) поденщикъ (съ нѣм.). 2) долженъ. 3) сторожилъ (съ нѣм.). 4) священника.

bądze lácho»[1]). Tak 'nen xǫdz jidze z njim nô 'nen grob, tak xǫdz jemu zrobił ko̊ło paléců[2]) na grobie, a ten ubogi muszeł ve strzodku tewo koła stojec, a rychlî[3]) żebě nie seszed z 'neo ko̊la, jasz xǫdz bě przeszed a jeo za rąką uchvycił. Tak kol dzesǫtej tej zaczną pse jawo̊vac[4]) jak bě zá zajęą biegałe, za cmétarzę[5]), a co ro̊z to bliżî do 'neo cmą'tarza. A strzelce têj przebivâle bliżî a tej záczole strzelac, a 'ne strzelce strzelac v niewo, ale kule[6]) padâle do 'ne' ko̊la. A tak jewo vszelejak straszěle, co bě jewo z 'newo ko̊ła vě́dostale. Jasz ní mogle vědostac, nie szed. Tak náloz są wo̊genj, palěla są chářupka[7]) tewo ubo̊gewo, tak przindze jewo żôna, a te godo: «poj'[8]) że, co że tu stojisz, ko vidzisz, je pon pochovôny, vej[9]), tobie vszetka tvoja bieda[10]) spoli». Ale nick nie uvażel a nick nié movił jasz zos za chvilką po nim wo̊gniu jidze xǫdz, te mu godo: «Poj tě dó dum, ju mosz svo̊je věstojâły». 'Nen nic-le stojał. Szed 'nen xądz v kóscoł, a tej tą v ko̊scole take grâni[11]), spivàni szło̊, tą běło nabożenjstvo, a vidno běło, ju dzenj beł. Ale to vszitko běło umanieni[12]. Tej jidze 'nen xǫdz z ko̊scoła nazod, ten mu mo̊vił: «Na, poj, teroz tě mosz doběte». 'Nen nic-le stojoł, osteł stojóc. «Na, ceż do robo̊te, tak o̊ni mu mòvili, poj tě, mě ci dôme miech pieniǫdzi». Przěnesle se miech pieniǫdzi, a rzecěle[13]) mu miech pieniǫdze kol onéwo ko̊ła, a v ko̊ło ní mogle vrzěcec. Ale nasz xǫdz mu mieł dôną pâliczką a tej 'nen chłop mog dosîgnąc[14]), a zrobił nôve ko̊ło kǫl onéwo mîecha. Ale nie seszed. Tak o̊ni nié viedzeli jak; a vzǫli szpodą[15]) a tej zemiǫ kopâle gruntą co mo̊glî do ne' zarku[16]) przinjc. A tej jak o̊ne do 'newo zarku przěszle zemiǫ', tak z 'newo umarłewo zdzérzle skórą. Tak 'nen nié viedzeł co mieł czěnic, mieł violgi strach że dobrze nie vachtovał, tak zrobił nad 'nǫ dzurǫ zas ko̊ło. Muszeli mu 'ną skorą ostavic. Tak tej zos kurě[17]) pjały, tej są robił zos dzênj; tej nasz xǫdz

1) скверно. 2) кругъ палкой. 3) прежде. 4) завывать, лаять. 5) кладбищемъ. 6) пули. 7) хата. 8) ножь. 9) смотри. 10) бѣдное имущество. 11) игра (на органѣ). 12) обманъ. 13) бросили. 14) достать. 15) шпагу. 16) къ тому гробу. 17) пѣтухи.

jidze a tewo zá ręką uchvycił: «Teraz poj se mnǫ v kôscoł». A pienǫdze ôni so z 'nim xądzę podzelěle.

(Записано такъ же.)

33.

Сказка о змѣѣ.

Běli trzê vandrôvczice, jeden běl krôvc[1]), drěgî szevc[2]), trzecî kôvalj. A tej zrobîli takǫ kumrocką[3]), co chodzěli pôspoł vszitce trze; tak chodzěle viele lât v grěpie[4]), jaż jima są roz trafiło, że przeszle w cězím krâju v vielgi los niesviadómy. Tak muszeli tu wôstac wôbnoc pod takîm drzévicą. Tak teroz zrobili sa wôgenj, tak tej poviadajo so: «ja, ma muszima pilóvac[5]), bo tak vszetci trze usnǫc ni możem; na przôdku muszi ten nôstarszi». 'Nen nôstarŝzi póviadeł: «ne, ma mdzema cignǫle kavle»[6]). Tak chvěcało na przodku szêvca, a tak 'nen szêvc stojû na 'ne vâchce pô dvie gôdzine. Tak 'ni dvaj spale cviardo. Tej przindze do nich smôk[7]), tej chce wujesc jich. Tak 'ne mieli hersze[8]), bardysze. Tak 'nen smôk mieł dvie głove; tak ôn jemu sciǫ jedną, a też drěgą; ale vzǫ smôka a zâvlek v strônąֽ, żebě kamrôci nie vidzeli a nié mieli strach. Tak też muszeł pôtemu kôval stojec, tak tej przindze smôk z trzemi głóvami. Tak 'nen zos rǫbił 'nim berdýszę, sco jemu vszetki trze głove. Tak zos ucignǫ v stroną, bo krôvc běł takî bojǫci[9]), że bě nie vachtôveł. Tak zos 'newo zbudził; te 'nen krovc vachtóveł. Tej przeszed smôk z dvanôscę głóvami. Tak krovc se měszleł: «Nech je abo tak, abo tak, abo moja smierc abo vaju smierc». Tak zaczǫł rǫbic, rǫbił jasz zcǫ jewo też. Tej zos běł ju dzênj. Te ni prziszli v sztrît[10]), tak ten pôviádeł: «Mnie trafiło zle», a drěgî poviádeł: «Mnie trafiło też zle»; tak dâlece aż muszeł każdy okazac, jesle běła prôvda. Tej oni są zos vząle a szle, a przeszle do jednewo miasteczka v róbotą, tej tą robili a ôstali.

1) портной. 2) сапожникъ. 3) товарищество. 4) вмѣстѣ. 5) сторожить. 6) жребій. 7) змѣй. 8) лопаты (?) 9) трусливый. 10) споръ (съ нѣм.).

(Записано такъ же.)

B. ВЪ БЫТОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

34.

Сказка о Столымахъ (великанахъ).

Běli mocnî lědze, sę názyvali Hinjovie, ale to běli te Stólyniovie. Běli sêdmi stop . . . . Jich spo̊leli dó popiołu i záchovali v gârnki (po kászubsku po̊ty[1]), te po̊ty stoją jesz z vąglami. Ti běli złî, kej[2]) dóstali lědzi, to jich pâsli[3]) i szlâchtovali[4]). O̊ni dóstali roz mêłych kno̊pa[5]) i dzêvcza, a vsádzeli v taką jizbą a dóbrze pôsli, co o̊ni mieli sěti[6]) běc; a tej běla dzûrka vé dvierzach, gdze mieli polc větknąc i o̊ni patrzeli czi są sěte; ale te dzeci větkli kněpel[7]) drzevenî. Na ostâtku o̊ni ich doch o̊bezdrzeli; tak ta vjelgo białka o̊stała doma, a chłop szed a vszetkich przijaceli hâlał[8]) dó gromady, co bě jich piekli a tą pieczeną jedli. Tak chłop rzek do białki: «Póradzi-ż tě jich zâbic», a piec o̊na ju miâ' napolôni. Tak te mêły drva nôsili; a ted kno̊p mini[9]) do tej białki, o̊na miâ' mu pókazac, jak o̊n ma sêdzec na o̊żegu kej zachce go piec. Tak o̊na sedne, a o̊gien bèł rozgarniôny. Tak białka sę pósadzi, a kno̊p schvaci ją a vsěne ją v piec. Tej o̊na są úpiekła. A kej prziszed ten vielgi z przijacelami, to o̊n uzdrzel głovą białki v lużku, tak jak bě o̊na spała. Ted o̊ni sę nâjedli, a te mêły běli dâvno prycz.

1) горшки. 2) когда. 3) откармливали. 4) убивали (съ нѣм.). 5) малыхъ, мальчика (съ нѣм.). 6) сыты, т. е. откормлены. 7) палку. 8) созвать (съ нѣм. holen). 9) выражаетъ мнѣніе (съ нѣм. meinen).

35.

Разсказъ о крещеніи Вендовъ.

Na przed tu byli po̊gôni, jich nazyvali Véndovie, tu ten coły kroj, i bądze kilka set lat że jich krszcził. Przised jeden xądz (piérszego puscele ná vodę i rzêkli, kedy masz tákiego mócnego Bo̊ga, to niech ci teraz z vo̊de pómoże; sę názyveł Lesłav); po̊temu przeszed drěgi, ten sę názyveł Otto, a te

ich zos dó tego cignoł[1]), a jeden vzoł kłónjicą[2]) z vo̊za i chceł go zâbic; a on úskocził, co on go nié trafił; tak on tego jístnego chrscił; i on rzek: daj Bog co jo cę nié zabił. Ot těch czas . . . . . (далѣе не умѣлъ старикъ разсказать.)

1) привлекалъ, собств. тянулъ. 2) телѣжную помочь.

(Записано въ Бытовѣ.)

36.

О вѣщихъ (упырахъ).

Vieszczi kej pûmrze a bǫdze zachovôny v żark[1]), to o̊n se dostone żgło[2]) i żvie[3]) je, aż nobleższech prijacełov, ojca, matką, jédnego po drugêmu vcigne[4]). Tedy moc takǫ dostône, i jidze do zvo̊nov[5]) i zvo̊ni i tak dalek, jak teǹ głos jidze, to vszitci pûmrą. Tak nom te sto̊rzi lědze po̊viedale. Po̊ Po̊lsku je upior, po̊ Kaszubsku vieszczi. Oni viele razy odkopały a rylem[6]) głovą sciąli, to oni v żarku sédzeli e běli decht[7]) živî, krej[8]) jim mogli vidzec ná lici, decht czervioni běli.

1) гробъ. 2) рубаху. 3) жуетъ. 4) втянетъ. 5) колокольня. 6) заступомъ. 7) совсѣмъ (съ нѣм.). 8) кровь.

(Записано въ Гржиницѣ, Gramenz.)

37.

О морахъ.

Ta mo̊ra przíndze e mo̊rzi lud. Ona przíszłâ z cizę zemi e mo̊rziła jédnego chłopa vjedno. Tak jemu dóradzili[1]) jiný, o̊n miał zatknųc dzurą v dvierzi, povruzk[2]) tam vévlec, to jeden jiny zatknų tą dzurą jemu. A ted o̊n o̊cucił[3]) decht sziko̊vną[4]) dzêvką prze sebe v łożu. Tak o̊na go prósiła, on mieł jej tą dzurą o̊detknųc, ale o̊n to nié zrobił vici. Ta zostâ' ú niego, i on z nią sę o̊żenił i mieł z nią dzece. Tak kej te dzece běle vielgi, tak o̊na jedno dzecę prósiła, żebě tą

1) посовѣтовали. 2) веревочку. 3) увидѣлъ, замѣтилъ. 4) красивую.

włosy, co 'nâ są czosâła a tą miâ' vrzucône no ten mol, gdze 'na ni miâ' rzěcec. As-to vorâlo[1]) trze dnji, jak krosnią to dzecą rozmieniło, a to dzecą co ôno je przěniesło, to běło môle z vielgų gąbą[2]), vielgi nos, vielgi ręce, dicht vszitko vielge, a vjednak môle běło, v grěbų[3]) ôno rôsło, ale na věsoko nîjak. As pôtemu te-to dzevczą mieło vielgi strach, nie viedzeła co miâ' robic, as ôna szła dó xądza. As xądz ji rzek eż ôn nî mog ji nic pômoc, onâ muszâ' s tim spokôjna běc, co ji krôsnią przemieniło.

1) длилось (съ нѣм.). 2) ротъ. 3) кучка.

(Записано въ Лебѣ.)

В. ВЪ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ ПОМЕРАНІИ, ЗА ЛЕВСКИМЪ ОЗЕРОМЪ.

25.

Сказка о Дробныхъ или Карликахъ.

Drobnê byvali na Babim Dôle przede, ône przechodzale a fudrovale[1]) vôłe, a vôły tak sěte běle, co bě przê szlachtarza[2]) běle. A cze onî ten chlêv rozvalały, te onî im zlê robiły, te oné priszły v chěcze a te czervione ruchna[3]) miały, a te oné sa vorzały jedzenie cze lědze szle spac. A te lědze postaviły rôz ôt jaja skôrěpą[4]), a cze ône przeszle drěgê noce ôni bar-zo są dzivôvałe iż oni w takim gropie[5]) jedzenie gotôvali. A ty drobnî to rzeką tak, iż bě talko story jak pielgrzimski las[6]), a jesz v takim gropie nie vidzâ' varzec jak tu na Babim Dole: a lědze jima, tema drobnéma, do psote[7]) postavile tą skôrěpą. Tak drobnê rzekû, cze ôni chco varzic tak pôzdze a v takim gropie co jesz nigdy nie vidzały, te onî b' so jiny mol[8]) obrały[9]). Ale temu gôspodarzovi zas szlo zlê, ôni jemu doběť-

1) чорнили (съ нѣм.). 2) для мясника, т. е. на убой. 3) одежда. 4) скорлупу. 5) сосудъ. 6) старый какъ страннический лѣсъ: поговорка. 7) для поруганія. 8) другое мѣсто. 9) выбрали.

kovi[1]) brałe chorną[2]) a nosały jinemu wospodárzovi[3]) a fudrovały dobĕtk ten gdze one bĕłe. A rzeku[4]) jesz, cze jima nie bu' ten gospodarz dobry, chtóremu one potąd dobry dobĕtk trzýmałe, tej teroz ka on bĕ vidził, ten wospodarz, jak jemu bĕ szlecht[5]) z dobĕtką szło, cze b' one do jínewo gospodarza fuder vĕnoszały; jeż one nie są ná sviece do żodne szkode, ale do viélgewo profitu tą gdze one są vłożą, te one fudrują dobĕtk wobnoce, a gospodarz wodzenj[6]). A chlev oni trzymą v sztandze[7]) a czisto, tak że żoden zły tą nie przíndze, tą gdze one svǫ gospodą[8]) mają. Ale chto jima dobrze robi, tą gdze woni są, tą one jesz dzesinc roz lepî robiǫ; ale chto jima zlê robi, te one gorzê czíniǫ, jak ke bĕ zły duch nad tim gospodarzą moc mieł.

1) у скота. 2) кормъ. 3) хозяину. 4) говорятъ. 5) дурно (съ нѣм.). 6) днемъ. 7) въ хорошемъ состоянiи (съ нѣм.). 8) жилье, хозяйство.

(Записано въ с. Харбровѣ.)

26.

Зовъ на свадьбу (rosczênie).

Otto jestem posłâni posłaniec dó vas
Ot teho poczlíveho pânjca navożênjca[1]) N, N.,
Ot te poczlíve panne brutki[2]) N. N.
Ve vtork[3]) koła wôsme na frísztik,
A tej do koscoła, a z koscoła do goscinca[4]),
A z goscinca v naożênski dom.
Tą mdżeme[5]) pili i jedli,
A te potemu mdzeme tâncovâli,
Aż bdzeme bêczke[6]) nâ dna vevrocâli.

1) жениха. 2) невѣсты (съ нѣм.). 3) вторникъ. 4) домъ, гдѣ приготовляется угощенiе. 5) будемъ. 6) бочки.

(Записано тамъ же.)

27.

Рассказъ о Столымахъ или великанахъ.

U jednych panov visâ' vielge żebro [1]) na żélaznem rzecozu [2]), na pámiątką: to bělo od stołymov. Jeden stolm vzoł na bâtuk [3]) taki vielgi kâm a puscił jen v ógrod; trzista puntov [4]) ten kâm ważił; a vzǫ ten kâm v rąką, a pôlce sǫ jednak do znânio jesz. Te stólmovie zginąli ŏd pótopa. Moj syn wořał roz, a nâloz od stolmov cziste gnote [5]) v pudle [6]). To stólmovie spolili a póchovali. Stolm jeden roz stojał na kâmieniu, a nogi do vidzenio jesz sǫ, velnąli v tęn kâm.

1) ребро. 2) цѣпь. 3) на плечу. 4) фунтовъ. 5) кости. 6) въ ящикѣ?

(Записано въ Сорбскѣ.)

28.

Рассказъ о Карликахъ.

Moj mǫż szed roz, a szło szesc krosniąt, se trzemale za ręce, a vszetke take małe, a mieli czervione mucki [1]) na głovie. Tu je takî dvor, a tą lědze běli, a matka szła dó pieca a piekła chleb, a tej mǫż ôstał sedzǫce na ławie. A tej z drěgî jizbe przěszło dvoje krosniǫt, bar-zo stâry chłop a bar-zo młodî, a małe vôzika [2]) miał, dvoje konie białych. A tej przised też xǫdz, a tej starǫ białką z młodim chłopem chcal zdavac [3]). A tej przěszed jeden stary chłuop, a młodo białka. A 'nen chłop co sedzoł na ławie, a te movił, tak nie zadavac, story do stôrewo, a młodî do młodéwo. A tej 'nen voz z 'nemi kóniami biego' precz, a konj są věplěszczał [4]). A moj chłop vîdzeł że beł miech, a běli cziste pieniądze. — Roz przeszło jedno krosnią a vzią dzecą z kołybki prěcz a położâ' miotłą, a tej kobieta vsta' a měsleła że jej dzecą běło, tej'b'â miotła. Jeden ubogi chłop przěszed a rzek: bij tato, oni przyniosą zos; oni bili tą miotłą, to běło krosniǫce dzecą, a tej krosniąta vząli zas tǫ miotłą a dzecą przeniesle a położili, ale

1) красныя шапочки. 2) телѣжку. 3) вѣнчать. 4) выбился.

mieli barzo pobite; te ôno nie żiło długo, ôno pómiarło. — Roz u jednech panov vząle też prêcz dzêcą a położili jine dzecą z vielgų głovų a z viélgemi uóczami.

(Записано тамъ же.)

29.

Сказка о колдунѣ.

Bëła v Vierzchúcinie białka a tą gôdáją że bardzo zle robiła lëdzom. A ona tu roz przë̋szła do Osêk, a przëszła do nâszewo żôka[1]), a tej ta jewo białka szła buten[2]), a 'nâ nie dâ' te czarô̋vnici to co 'nâ ôd nji chcâ'. A te ônâ do nji przistǫpi, a zatknǫ ji chustą[3]) dó koła szeji a rzekła: takó młodó białka muszâ' snôže[4]) jic, a tej ôna zâraz ô tej gôdzinie ôglupia'[5]), tak co nicht ni mog ją trzimac, a dycht bële-co[6]) gôdâ'. Te ta czarôvnjica przeszła zas do Osêk, a tej nasz xǫdz sie dóviedzeł że bëła v Osêkach, te ôn sa vsâdził nâ konia a vzǫ kôrbocz[7]) v rękę, a te do nji jachu, a tej ją bił, a tej rzek: «Të co mużesz czarzec[8]), ô̋czarze że mje», a vjedno[9]) ją bił. A bił ją dô lasa jasz nâ grancą; a jak ôn nâzad jachu, tak jewo konj zdrzucił[10]), ale ôn ôsta' visâjǫci v strzemie, a tej kônj jeo vlek esz do Osêk: telko[11]) ta czarô̋-vnjica jemu doch dorobiła[12]).

1) школьный учитель. 2) вонъ. 3) платокъ. 4) красивѣе. 5) сошла съ ума. 6) всякую всячину. 7) кнутъ. 8) околдовать. 9) постоянно. 10) сбросилъ. 11) столько. 12) надѣлала (бѣды).

(Записано въ Осѣкахъ.)

30.

Заколдованная конская нога.

U nas zrobili że dobëtk nam nijak nie gryz[1]), a te leżâ' końska nôga na naszim dvorku a moj chłôp gado tak: eszle

1) сдѣлали, что скотина у насъ никакъ не ѣла корм-

ta no̊ga ma co krzív[1]), te o̊n ją zanios na pole rutèn[2]), a jak o̊ni sa o̊bezdrzeli, tej no̊ga běła też zos na dvo̊rku. Te o̊n mislił, że pies ją przěvlek, a doł ją zos zaniesc po̊ konc o̊groda, na vielgǫ jabłonj ją po̊viesił, a tej ke se o̊bezdrzeli, o̊na běła zos tu. Te o̊n ją doł zaniesc a zako̊pac, a to nic nié pomogło, o̊na le zos běła tu na dvo̊rku. Tak me ją vząle a przes trze mieze[3]) zaniesle, a tej kúlą[4]) věkopali v trzeci miezi a te vrzucele 'ną no̊gą. A z każki miezi vząli jesme kâm a knępelj[5]), a tej na krziż vrzucěle no 'ną no̊gą, a tej 'ne kâmienie vrzucěle też no 'ną nogą v kulą, a tej o̊na nie przeszla, 'nâ no̊ga, nâzad. A po̊ki no̊ga są nałożâ', doběłk nie gríz vjedno. A tej jo halâ'[6]) zôs s tech trzech miezi trze kâmienie, a z każki też sztěk[7]) drzêva, a 'ně kâmienie ja rozżolała[8]) a tej jo z njimi krępe[9]) vežoláła[10]), a 'ne knepêljki zpolała a tej ną fuder jima je posypâ'. Tej doběłk nom zaraz vszaden[11]) gríz.

1) въ чемъ виновата. 2) вонъ (съ нѣм.). 3) межа. 4) яма. 5) палочка, тычинка. 6) я принесла. 7) кусокъ. 8) раскалила. 9) ясли (съ нѣм.). 10) обвела горячимъ. 11) всегда.

(Записано тамъ же, отъ старухи.)

81.

Разсказъ о Столымахъ (великанахъ).

Roz wo̊roł o̊d tych stôlmakov jeden, a tej są nâlaz taki robâczk o̊d naszich lědzí, a te jo[1]) vzǫł v svoj rąkavíczni pâlc a przenios jewo duo dom. A tej o̊n o̊stał ú nieo do robo̊te co o̊n muk rôbic, a stolmak mieł v stodôle[2]) do draszovânia[3]) żelâzne cêpe, co ten mâli chłopik nie muk odniesc je, tak o̊n ji mieł probovône. Tak o̊n gâda' że 'nê mu běły za letkí[4]), że jemu nie lonovałe[5]) z njimi robic. Tak vloz ten mâły chłop nâ bałką, a tej sa kno̊vał[6]) bałką dô bicza co jimi chceł draszôvac. Tak sto̊lem przeszed a zdrzeł na nieo a

1) его. 2) амбаръ. 3) молотьба (съ нѣм.). 4) слишкомъ легки. 5) не стоило труда (съ нѣм.). 6) вырубалъ топоромъ.

pitel jeo co ôn tą chce robic. On gadał, ôn sa jine cepy muszeł věsztelovac[1]), te jemu nie lonovałe[2]). Tej ôn jeo pôgneł ôgenj zniecec[3]) dlo kucharki, a tej ôn ôgenj zaczon niecec a nimuk go zniecec nijak. A ôn stojał a dodo[4]) nijak nimuk zadlc ôgienj, żebe se zapolâło. A tej, 'neo stôlema białka v szěsnice[5]) leżâła, a tej na nieo zdrzâła, a jak na łûżku leżâła, z łûżka poczâła dyc[6]), a taki forsz[7] jemu dała, że chłop zaroz ruten z komina[8]) věleceł e nâ dak[9]) przeszed. A tej chodził pô dace a sbirał knupêljki[10]), tak 'nen stolm věszed zaroz ruten a jeo vidzi, a tej ôn gadał, ceż ôn są chceł. A ôn gadał, że nie muk ôgnia zaniecec, tak ôn se halał knupeljkov żebě ôgenj znlcił. Tej ôn nâ nieo vâdził, co ôn mieł zlezc nadoł, te ôn mieł dla kúcharki vodę dracht[11]) hâlac. Ale tej ôn przeszed a 'nech źelaznych vąbórkuv[12]) ni mug wudniesc, tak tą beł taki vielgi kluoc[13]), tak ôn do no' kluoca szed a pocz ą 'nen kluoc dłubac a chca' sa vąborki sztelovac, że te běły jemu za lichý. Tak 'nen stôlm przeszed do svojej białki e rzek: «ma muszima jeo odpuscic, ôn je na naju za mocnî, ja měszleł eż jo beł mocnî, a ôn je jesz mocniejszi».

1) приготовить (съ нѣм.). 2) не стоили труда (съ нѣм.). 3) развести. 4) покуда? 5) въ родахъ. 6) дуть. 7) силу. 8) вонъ изъ трубы. 9) крышу. 10) палки. 11) съ нѣм. zu Recht. 12) ведеръ. 13) чурбанъ (съ нѣм.).

(Записано тамъ же.)

82.

Бѣдный сторожитъ гробъ богатаго.

Roz běł jeden pôn bogâti a te 'nen ubôgi człoviek taglonik[1]) ôsteł jemu vinien[2]), a tej ten bogâti pômar. A tej nen przed tim jesz viedzeł że mieł pômrzec, a deł vôłac no' ubógewo do sebe, tak rózkazał cobě nad jewo grôbą ten ubogi nad nim wôbnôc vachtóveł[3]). Tak 'nen ubôgi jidze do sveo próboszcza[4]) a radził se tewo próboszcza, co bě te b'a za prziczina że ten pôn rózkazel jemu to. Tak 'nen xodz jemu rzek: «Ja brace, to

1) поденщикъ (съ нѣм.). 2) долженъ. 3) сторожилъ (съ нѣм.). 4) священника.

bądze lácho»[1]). Tak 'nen xǫdz jidze z njim nô 'nen grob, tak xǫdz jemu zrobił kôło palécǫ[2]) na grobie, a ten ubogi muszeł ve strzodku tewo koła stojec, a rychli[3]) żebě nie seszed z 'neo kôla, jasz xǫdz bě przeszed a jeo za rąką uchvycił. Tak kol dzesǫtej tej zaczną pse jawôvac[4]) jak bě zá zajcą biegałe, za cmétarzę[5]), a co rôz to bliżi do 'neo cmą'tarza. A strzelce têj przebivâle bliżi a tej záczole strzelac, a 'ne strzelce strzelac v niewo, ale kule[6]) padâle do 'ne' kôla. A tak jewo vszelejak straszěle, co bě jewo z 'newo kôła vě́dostale. Jasz ní mogle vědostac, nie szed. Tak náloz są wôgenj, palěla są chałupka[7]) tewo ubôgewo, tak przindze jewo żôna, a te godo: «poj'[8]) że, co że tu stojisz, ko vidzisz, je pon pochovôny, vej[9]), tobie vszetka tvoja bieda[10]) spoli». Ale nick nie uvażel a nick nié movił jasz zos za chvilką po nim wôgniu jidze xǫdz, te mu godo: «Poj tě dó dum, ju mosz svôje věstojâły». 'Nen nic-le stojał. Szed 'nen xądz v kôscoł, a tej tą v kôscole take grâni[11]), spivàni szłô, tą běło nabożenjstvo, a vidno běło, ju dzenj běł. Ale to vszitko běło umaniemi[12]. Tej jidze 'nen xǫdz z kôscoła nazod, ten mu môvił: «Na, poj, teroz tě mosz dobětě». 'Nen nic-le stojoł, osteł stojóc. «Na, ceż do robôte, tak ôni mu mòvili, poj tě, mě ci dôme miech pieniǫdzi». Przěnesle se miech pieniǫdzi, a rzecěle[13]) mu miech pieniǫdze kol onéwo kôła, a v kôło ní mogle vrzěcec. Ale nasz xǫdz mu mieł dôną pâliczką a tej 'nen chłop mog dosîgnǫc[14]), a zrobił nôve kôło kǫl onéwo miecha. Ale nie seszed. Tak ôni nié viedzeli jak; a vzǫli szpodą[15]) a tej zemiǫ kopâle gruntą co môgli do ne' zarku[16]) przinjc. A tej jak ône do 'newo zarku przěszle zemiǫ', tak z 'newo umarłewo zdzérzle skórą. Tak 'nen nié viedzeł co mieł czěnic, mieł vielgi strach że dobrze nie vachtovał, tak zrobił nad 'nǫ dzurǫ zas kôło. Muszeli mu 'ną skorą ostavic. Tak tej zos kurě[17]) pjały, tej są robił zos dzênj; tej nasz xǫdz

1) скверно. 2) кругъ палкой. 3) прежде. 4) завывать, лаять. 5) кладбищемъ. 6) пули. 7) хата. 8) ножь. 9) смотри. 10) бѣдное имущество. 11) игра (на органѣ). 12) обманъ. 13) бросили. 14) достать. 15) шпагу. 16) къ тому гробу. 17) пѣтухи.

jidze a tewo zá ręką uchvycił: «Teraz poj se mnǫ v kościoł». A pienǫdze óni so z 'nim xądzę podzelěle.

(Записано тамъ же.)

83.

Сказка о змѣѣ.

Běli trzê vandrôvczice, jeden běl krôvc[1]), drěgi szevc[2]), trzeci kovalj. A tej zrobili takǫ kumrocką[3]), co chodzěli pospoł vszitce trze; tak chodzěle viele lât v grěpie[4]), jaż jima są roz trafiło, że przeszle w cězím krâju v vielgi los niesviadómy. Tak muszeli tu wostac wobnoc pod takîm drzévicą. Tak teroz zrobili sa wǫgenj, tak tej poviadajo so: «ja, ma muszima pilóvac[5]), bo tak vszetci trze usnǫc ni możem; na przôdku muszi ten nôstarszi». 'Nen nôstarszi póviadeł: «ne, ma mdzema cignǫle kavle»[6]). Tak chvěcało na przodku szêvca, a tak 'nen szêvc stojû na 'ne vâchce po dvie godzine. Tak 'ni dvaj spale cviardo. Tej przindze do nich smok[7]), tej chce wujesc jich. Tak 'ne mieli hersze[8]), bardysze. Tak 'nen smok mieł dvie głove; tak ón jemu sciǫ jedną, a też drěgą; ale vzǫ smoka a zâvlek v strôną, żebě kamrôci nie vidzeli a nié mieli strach. Tak też muszeł potemu koval stojec, tak tej przindze smok z trzemi głóvami. Tak 'nen zos rǫbił 'nim berdýszę, sco jemu vszetki trze głove. Tak zos ucignǫ v stroną, bo krôvc běł takî bojǫci[9]), że bě nie vachtôveł. Tak zos 'newo zbudził; te 'nen krovc vachtóveł. Tej przeszed smok z dvanôscę głóvami. Tak krovc se měszleł: «Nech je abo tak, abo tak, abo moja smierc abo vaju smierc». Tak zaczǫł rǫbic, rǫbił jasz zcǫ jewo też. Tej zos běł ju dzênj. Te ni prziszli v sztrît[10]), tak ten poviádeł: «Mnie trafiło zle», a drěgi poviádeł: «Mnie trafiło też zle»; tak dâlece aż muszeł każdy okazac, jesle běła provda. Tej oni są zos vząle a szle, a przeszle do jednewo miasteczka v róbotą, tej tą robili a ostali.

1) портной. 2) сапожникъ. 3) товарищество. 4) вмѣстѣ. 5) сторожить. 6) жребій. 7) змѣй. 8) лопаты (?) 9) трусливый. 10) споръ (съ нѣм.).

(Записано тамъ же.)

В. ВЪ БЫТОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

34.

Сказка о Столымахъ (великанахъ).

Běli mocnî lědze, sę názyvali Hinjovie, ale to běli te Stólyniovie. Běli sêdmi stop . . . . Jich spo̊leli dó popiołu i záchovali v gârnki (po kászubsku po̊ty[1]), te po̊ty stoją jesz z vąglami. Ti běli zlî, kej[2]) dóstali lědzi, to jich pâsli[3]) i szlâchtovali[4]). O̊ni dóstali roz mêłych kno̊pa[5]) i dzêvcza, a vsádzeli v taką jizbą a dóbrze pôslì, co o̊ni mieli sěti[6]) běc; a tej běla dzûrka vé dvierzach, gdze mieli polc větknąc i o̊ni patrzeli czi są sěte; ale te dzeci větkli kněpel[7]) drzevenî. Na ostâtku o̊ni ich doch o̊bezdrzeli; tak ta vjelgo białka o̊stała doma, a chłop szed a vszetkich przijaceli hâlał[8]) dó gromady, co bě jich piekli a tą pieczeną jedli. Tak chłop rzek do białki: «Póradzi-ż tě jich zâbic», a piec o̊na ju miâ' napolôni. Tak te mêły drva nôsili; a ted kno̊p minî[9]) do tej białki, o̊na miâ' mu pókazac, jak o̊n ma sêdzec na o̊zegu kej zachce go piec. Tak o̊na sedne, a o̊gien běł rozgarniôny. Tak białka sę pósadzi, a kno̊p schvaci ją a vsěne ją v piec. Tej o̊na są úpiekła. A kej prziszed ten vielgi z przijacelami, to o̊n uzdrzel głovą białki v lužku, tak jak bě o̊na spała. Ted o̊ni sę nâjedli, a te mêły běli dâvno prycz.

1) горшки. 2) когда. 3) откармливали. 4) убивали (съ нѣм.). 5) малыхъ, мальчика (съ нѣм.). 6) сыты, т. е. откормлены. 7) палку. 8) созвать (съ нѣм. holen). 9) выражаетъ мнѣніе (съ нѣм. meinen).

35.

Разсказъ о крещеніи Вендовъ.

Na przed tu byli po̊gôni, jich nazyvali Vénďovie, tu ten coły kroj, i bądze kilka set lat że jich krszcził. Prziszed jeden xądz (piérszego puscele ná vodę i rzêkli, kedy masz tákiego mócnego Bo̊ga, to niech ci teraz z vo̊de pómoże; sę názyveł Lesłav); po̊temu przeszed drěgi, ten sę názyveł Otto, a te

ich zos dó tego cignoł[1]), a jeden vzoł kłónjicą[2]) z vo̊za i chceł go zâbic; a on úskocził, co on go nié trafił; tak on tego jíst-nego chrscił; i on rzek: daj Bog co jo cę nié zabił. Ot těch czas . . . . . (далѣе не умѣлъ старикъ разсказать.)

1) привлекалъ, собств. тянулъ. 2) тележную помочь.

(Записано въ Битовѣ.)

36.

О вѣщихъ (упырахъ).

Vieszczi kej pûmrze a bǫdze zachovôny v żark[1]), to o̊n se dostone żgło[2]) i żvie[3]) je, aż noblesszech prijacełov, ojca, matką, jédnego po drugêmu vcigne[4]). Tedy moc takǫ dostône, i jidze do zvo̊nov[5]) i zvo̊ni i tak dalek, jak teh głos jidze, to vszitci pûmrą. Tak nom te sto̊rzi lědze po̊viedale. Po̊ Po̊lsku je upior, po̊ Kaszubsku vieszczi. Oni viele razy odko-pały a rylem[6]) głovą sciąli, to oni v żarku sédzeli e běli decht[7]) živí, krej[8]) jim mogli vidzec ná lici, decht czervioni běli.

1) гробъ. 2) рубаху. 3) жуетъ. 4) втянетъ. 5) колокольня. 6) заступомъ. 7) совсѣмъ (съ нѣм.). 8) кровь.

(Записано въ Гржиницѣ, Gramenz.)

37.

О морахъ.

Ta mo̊ra przíndze e mo̊rzi lud. Ona prziszłâ z cize zemi e mo̊rziła jédnego chłopa vjedno. Tak jemu dóradzili[1]) jiny, o̊n miał zatknąc dzurą v dvierzi, povruzk[2]) tam vévlec, to jeden jiny zatknų tą dzurą jemu. A ted o̊n o̊cucił[3]) decht sziko̊vną[4]) dzêvką prze sebe v łożu. Tak o̊na go prósiła, on mieł jej tą dzurą o̊detknąc, ale o̊n to nié zrobił viot. Ta zostâ' ú niego, i on z nią sę o̊żenił i mieł z nią dzece. Tak kej te dzece běle vielgi, tak o̊na jedno dzecę prósiła, żebě tą

1) посовѣтовали. 2) веревочку. 3) увидѣлъ, замѣтилъ. 4) красивую.

dzurą o̊detkło. On to mieł zakozône[1]), ale to jedno dzecę to o̊detkło. Jak ono o̊detkło, to ona też běła prêcz.

1) запретилъ (какъ въ нѣм.: er hatte verboten).

(Тамъ же.)

88.

Загадка.

Sztěre chône[1]), sztěre patrône,
Dva po̊ganiacza, a jednego nádganiacza, a co to jest? —
Отвѣтъ: A to je krova.

1) мнѣ объясняли, что это значитъ четыре сосца у вымени.

(Тамъ же.)

IV.

НАРѢЧІЕ КАШУБОВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ПРУССІИ.

89.

Сказка о мальчикѣ, проданномъ дьяволу.

Jeden furman jâcheł, a tej jacheł przez błoto, a tej zâtěnuł tą, a ni muk nijak vějâchac. Tak są nâloz jeden co jemu chceł po̊moc, ale zapisac mieł jemu o czim nié viedzeł do̊ma. Ale měszleł że o vszětkim viedzeł, tak 'nen vzo voz a mu věpomog. Tak o̊n przéjacheł do dom, a tą beł syn urodzény. Tak ten furman zos bardzo jiscił[1]) że mieł syna zapisone. Tak 'nen syn kej uros, tak o̊n piteł: «ojcze, o czim klopocesz tak barzo»? Tak o̊n rzek: «ja ce mom diabłe zapisône». Tak 'nen knôp, «ej nie miej o tem są jiscec», że o̊n bě z teo věprzeszed, bělle uros. Tak 'nen chłop są barzo uczeł, co bě

1) безпокоился.

xǫdzę mog běc. Tak ôn széd dó piekła, a szed dâlek przez las, tak ôn nôc zâsta' tą, tak tą běł budýnk[1]) v tým lese, tak tą běła stóro baba dôma. Tak ôn ją prôsi, miâ' jeo wôbnoc otrzěmac. Tak ona godâ': «ja[2]), jak chłop moj przindze, ôn mdze viedzeł że tu cezî je, a tej ucknie se»[3]). Tak 'nâ 'noo knopa otrzyma; tak 'nen chłôp prziszed a cknął, «tě masz tu koo cezîwo». Tak 'nâ białka poviada: «ja ci poviem, tu taki knop jidze dó piekła». Tej ôn chceł' noo knopa zabic a 'na barzo prosâ', tak on 'noo niézabił, ale są mieł v piekle oviedzec[4]), ce tą o Remiaszu běło[5]) (to beł też jistny môrderz). Tak 'nen knop tą ósteł wôbnoc, a dregîwo dnia szed dó piekła. Tak jak on przeszed dó piekła, tak tą sedzeł jeden na leńcuchu[6]), a ten knop mieł wǫtçiny[7]) vode vząte a mieł take krôpiedło jak katolecke xądze miają; a jak przeszed, dichtig prisko na tewo co na leńcuchu běł, a tej ôn chceł zopis miec zos. Tak ten co na leńcuchu, trǫbi za temi înszimi, tak jinszi przěszli, a jeden nié przeszed nijak, a kej ôn muszeł przińc, to ôn nie chceł onô' zópisa dac; tak on vjedno vôdą nâ tewo co na leńcuchu běł chilił[8]), a jewo barzo polâło[9]). A tej ten co mieł zopis rzek: «bierz-ta a rzut-ta[10]) na Remiászovo lôże, gdze same brzětve ę nôże»[11]). Tak 'nen sę úżas a zopis věrzucił. Tak 'nen knôp vzǫł zopis, a tej szed nâzad do Remiâsza nâ nôc. Tak ôn temu Remiâsze 'ne pôviadeł jake łoże dla niewo běło. Tak Remiasz rzek, ten knop mieł jemu grzechi ôdpuscec; a knop chceł, ale poviadeł, żebě věszěkoł ten kij[12]) ce nówici[13]) zabił lědzi. Tak ôn ten kij vsadził v zěmią, a Remiasz muszeł klěknąc[14]) koł tewo kija; tak 'nen klěk tą a knop pôviedzeł że mieł tak długo klěczec, jak bě zas do nieo przeszed. Tak z knopą běł ksǫdz, ôn są doměsleł ôno' Remiasza, że tą kleczeł, szed tą na ten mol[15]); tej Remiasz kłeczeł jesz a z tewo kija běli rôzgi[16]) věrôsli a zeleniały a jabka věrôsli nâ nim; ale

1) строеніе. 2) да. 3) будетъ досадовать. 4) освѣдомиться. 5) какъ тамъ дѣло было съ Ремiашемъ. 6) на цѣпи. 7) ? 8) направлялъ. 9) поливало. 10) бери и брось. 11) гдѣ только бритвы и ножи. 12) отыскалъ ту палку. 13) наибольше. 14) стать на колѣни. 15) мѣсто. 16) прутья.

Remiasz běł zděchły ju. Tak o̊n jemu dał spóviedz[1]), a tej zruszeł ten kij, jabka spadle a vszětki dó nieba lecáłe: to běłe děsze[2]) zabitych; a Remiasz są rozsěpu' na kąski a przeszed do zbavienia.

1) исповѣдную молитву. 2) души.

(Записано въ Жарковцѣ.)

40.

О Кроснятахъ (карликахъ).

Běla roz jedna dzêvka a chodzěla vjedno[1]) doic krovą a bili tą krasniąta, a o̊na miala skorüpką, a o̊na miâ' jima v tą mléko lac; a oni to vipili a tą skorüpką full pieniądzy vjadno dêli. Tak dlügo ta dzêvka miâ' miech pieniądzi ju full. Tak 'nâ ze měslila, coż ja bdą z temi pieniądzami robiła; tak nie dâ' jima mlěka vicî. Tak 'ne kresniąta zapitali, jak mlika nie dêli. Tak onâ poviedzâ': ja nie brukuvâ'[2]) tych pieniądzi. A o̊ni poviedzeli: «na, na, ke ti nie bądzesz brukuvâ', tak me bądzeme viedzeli, co me zrobîmy». Tak co 'nâ miech pieniądzy miâ', z tewo miecha zo̊stâ'[3]) miech vszi. Tak onâ sa, 'na dzêvka, navrocila i davâ 'nym kresniątom mleka, tak dlügo jasz ta kresniąta nazad ji devâ'[4]) te piéniądze. Tak zo̊s ty kresniąta ją prosili na vesele[5]). Tak onâ przeszla i o̊ni ją tą do jedzênia przeroczâli[6]). A 'nâ dzêvka viedzâ' że glüpie bělo z nią, bo chceli ją zabic ta kresniąta. Ale jednak so jesz věszkrobâ'[7]) a uceklâ jim.

Jo roz też vidzil jedno kresnią, a ono sédzało na kolovroce[8]), a mialo czervioną mucką[9]) i nô mią[10]) so przeziralo. A ja go̊do̊l svojim starszim[11]), że jo vidzil, a mnie nie vierzéle, a drúgą noc ja vidzil zo̊s.

1) постоянно. 2) не нуждалась (съ нѣм.: brauchen). 3) сталъ. 4) давали. 5) на свадьбу. 6) пригласили. 7) собств. выскреблась, т. е. высвободилась. 8) веретено. 9) шапочку. 10) на меня. 11) родителямъ.

(Записано въ Сваржевѣ — Schwarsau: нарѣчіе Бежецкое.)

41.

Разсказъ о двухъ умникахъ и третьемъ глупомъ братѣ.

Bĕl jeden gbür[1]) a miel trzech sĕnov. A te dvaj bĕlĕ chitri, a trzecî bil glüpi. Tak pôsleł jich dô lasa. Tak vnoce jak 'ni zaczęli rambic, tak 'nen glüpi rzek: dajta pôkoj[2]); a tej ucek, a tej lesnŷ[3]) úchvycil 'nich chitrych, tak 'ni dvaj przĕszli v tormą[4]) a 'nen glüpi rzek: «a kej bĕ jesta mie, brace, slĕchála, to bĕ bĕlo dôbrze. A co môta teroz z tewo; teroz muszita sedzec v tormie; va glüpewo nié chceta slĕchac, a że ja glüpi jem, a jo-ta mom prosto»[5]).

1) мужикъ. 2) оставьте. 3) лѣсной сторожъ. 4) башню, тюрьму. 5) а я-то свободенъ.

(Записано тамъ же.)

42.

Разсказъ о волкѣ.

Niékara — to je vielk. Przez morze ôd Pucka przeplynuł niékara, a to bil vilk, ale mĕ zóveme niékara, a ôn to ôvce jud. Tak me przestavili tu jâdro[1]) od jédnewo môrza[2]) do drugîwo co be úchvycic. Tak nen niekára przeszed v to jadro, a tej me jewo zos ustrzelĕle w tym jedrze.

1) сѣть. 2) на Гельской косѣ, отъ открытаго моря (vielge môrze) до Пуцкаго залива (mêłe môrze).

(Записано въ Халепахъ, рыбацкихъ избахъ, на Гельской косѣ.)

43.

Шуточная пѣснь.

Kej tô jô beł gôspôdorzę[1]), — mieł jem bĕdło hojne[2]):
Sztĕrĕ kôte do robôte, — ĕ dva vruble dojne.
Przed tym bĕło take czase, — jadło sę bez ôkrase[3])
Kłuski z popiołú[4]) (bis).

1) хозяиномъ. 2) многочисленный скотъ. 3) безъ приправы. 4) клёцки изъ пеплу.

Mieł jem szura[1]) bez ǒgona[2]), — a z pułtorę wucha:
Zrobic deł jem z niewo sobie — dobrewo kożucha.
A zôs trze kulave[3]) mǒle[4]) — chtere sedale v stodole[5])
Pilnějąc zbożá[6]) (bis).

Pod páłacę mîm fundament — taki zakłodôny,
Żudnym spǒsobę nie może běc — věpoviedzôny:
Słûpe[7]) z viatra postaviône — na trze przętre[8]) odmierzone
Z gôre[9]) do dołû[10]) (bis).

A zôs scane z pajíczěne, — ǒkna vszetke z lode,
Jak to běło mieszkac miłe, — nie cerpiec głode.
E sve kure e sve szure — zásadził jem vszetke ďzure[10])
Bě se mnożełó (bis).

A dak[11]) snuži[12]) nad pałâcę — běł ôd ceni słunca.
Przezerâjąc sę chto nâ nien — ni mug dozdrzec kunca.
Bo běł dzivnie zbudovôny — pajiczíną obijôny
Od paj'ka decht vkuł[13]) (bis).

Łužko moje na povietrzu — běm sę nie skołâteł[14]),
A pod-spud[15]) konski ǒgon — vjedno przepleteł.
A pod głovą měsze[16]) jaje — gwesno[17]) tewo nicht nie znaje,
Bo go nie vidzéł (bis).

A jak zâcne[18]) pomieszkânie — kej běsce viedzêle.
Pǒti[19]) žéjece nâ sviece — takewo nie miele,
Jak jo jem vum ǒpoviedzeł — poviem vict, kej běm viedzeł,
Abo pamiętýł (bis).

Proszą viedzec ǒ mem pǒdvorze — jake sprzęte,[20])
V novim płęgu[21]) pǒrobione — jake są věkręte[22]);
Vǒz słomiany[23]) ǒszadzôny[24]) — kurzą farvą[25]) malovony
Na podziv sviatě (bis).

1) крысу. 2) безъ хвоста. 3) хромыя. 4) моли, отъ *моль* (насѣкомое). 5) въ амбарѣ. 6) сторожа хлѣбъ. 7) столпы. 8) яруса. 9) сверху. 10) дыры. 11) крыша. 12) красивая. 13) отъ паука совсѣмъ вокругъ. 14) ударился, 15) внизъ. 16) мышиное. 17) достовѣрно (съ нѣм.). 18) великолѣпное. 19) пока. 20) орудія. 21) плугѣ. 22) вычурности. 23) телѣга соломенная (т. е. сдѣланная изъ соломы). 24) шероховатый. 25) куриной краской.

Kôła běłe szibovône[1]) — ôgónami psemi,
A kej są to jachâło — nie tykało zemi.
A za sobą e przed sobą — parâdoveł[2]) tą ozdobą[3]),
Nie běło ztratě (bis).

Pěszno z przudku, lěpji slude[4]) — kôždemu sę zdało.
Sztěrě sledze[5]) pocigałe[6]) — barzo to lecało.
Kjele[7]) ône vskôk biegałe — e nidze sę nie scigałe[8])
Chyba na miescé (bis).

Czeludz môja dva stôre pse — e dva slepe kôte.
Kej jem jim kôzeł załožec[9]) — do svôjej robôte,
Slepe kôte pazurami[10]) — jak bě ôstremi szpónami
Dzarle ochotnó (bis).

A stôre pse zabôviale[11]) — stodółami memi,
Oᵉtmłocěle vszełko zbôže — ôgónami svemi,
A kej przěszło mierzec zbôže — nic nié běło, ach môj Bôže,
Jak posěpałó[12]) (bis).

Vszetko mnie sę nie udało, — tak poprzedac muszę.
Vząvsze pałką wudom sę[13]) — v jak nudalszą puszczę[14]),
A kej sę s kim vitac[15]) bądę — dom[16]) mu pałką, vnet[17]) go zbądę
Dlu vjikszé trvogi[18]).

1) обиты шинами. 2) нѣм. paradiren — щеголялъ. 3) убранствомъ. 4) сзади. 5) сельдя. 6) тянули. 7) когда. 8) не догоняли. 9) когда я имъ приказывалъ приняться. 10) когтями. 11) завѣдывали. 12) когда посыпалось. 13) отправляюсь. 14) въ самый дальній лѣсъ. 15) здороваться. 16) дамъ. 17) тотчасъ. 18) для пущаго страха.

(Вейеровское произношеніе. Сообщено г. Цейновою.)

44.

Простодушный женихъ.

V Kelnie niédalek Gdônska przěszěd ruz jeden prostôczk do zdôvâniu[1]), e pěszne do ôltorza przěstąpił. Ale jak jewo

1) къ вѣнцу.

sę xjądz zapyteł: «masz dobrą i nieprzymuszoną volę» i t. dal., pȯdrapeł[1]) sę nasz naożeni[2]) nuprzud v głovie, ȯtemk gębę[3]) co mu vszetki ząbe běło vidzec, e rzêk: «Ceż»[4])? Tej xądz ná niewo povsteł[5]): «Nuj, błaznie[6]), odpoviadaj! chcesz tě sę z tą panną żenic?» Nasz kochani naożeni jesz ruz sę v głovie pȯdrapeł, úsmiechną' e rzek: «Jegomosculku[7]), he co, co, kȯ[8]) ju[9]) sę jesz nigde nié żenił, co jo vej tej[10]) tak to nie viem, ale kȯ jô, żebe ju to niechceł, to bě ju to nieběł.»

1) поцарапать, почесать. 2) женихъ. 3) ротъ. 4) что такое. 5) на него напустился. 6) дуракъ. 7) уменьшит. отъ jegomość, ваша милость. 8) когда. 9) я. 10) vej tej: частицы безъ особеннаго значенiе.

(Въ Вейеровѣ, Neustadt.)

45.

О кроснятахъ.

Leżû jeden muż ze svoją białką v łużku. Tak ȯn ȯdeck[1]); movił do svojej białki: «Ve-le[2]) moja białko, tu som krusniąta, a pod mojim kołkem[3]) prządzę jedno, a múzyką barzo strogą[4]) majum z vielgim veselem». Tak jego białka móviła: «Chłopię, vělez z łużka a zervi czupką z głove, dadzom ce piéniendzy». Tak chłop zervoł czupką z głovy, tak krosnię przińdze dó niego. «Oddej me tą czupką, panie.» — «A jo ci jej nié oddom, jasz me zápłacisz.» Tak przińdze take małe krosnię, mniejszi jak chłopiec, a stáruchny, vąsy pȯd nosem miało jak ȯvczarz. A temu chłop movił: «Prodzi[5]) ci tej czopki nié oddam, aż mi miech piéniądzy przíniesesz. Kożdą noc jesta táncovała v mòji jizbie, moja białka miała kołko póstavione na skrzynią, a va sta go vzała a tej prządła.» Tak jak chłop vstoł ż łożka, to miech piéniądzy kol łożka leżoł. Tak żona sa úceszěła, svemu chlopu gąby[6]) dała, że miech z piéniądzami kol łożka leżo'.

1) проснулся. 2) смотри-ка. 3) прялка. 4) грозную. 5) Польск. prędzy, скорѣе, т. е. прежде. 6) поцѣлуй.

(Записано въ Хмѣльнѣ, въ Картаузскомъ округѣ.)

46.

Приглашеніе на свадьбу.

Mőji viêlci e przezâcni[1]) przêjacele! Prôszę vas z wunjiżênim wó věboczênie, że jo tak smiâłym stępę[2]) vjêżdżaję; gdeż môm jêdnę pȯvôżną[3]) chrzescijâńską sprâvę[4]), chtêrą wóde mnje łâskawie przejîc[5]) prôszę. Jem jo pȯsłôni wód wutcêveho[6]) pâna młodêho e wód wutcêve pâni młodê, to je wód N. N. Te dvje wȯsobe zameszlâją sôbie przejîc sakrâment małożêństva swiętêho na pjîrszi pȯniedzêłk. Zâproszaję viec vaspâństvo na pȯniedzêłk e na tak dłûgo, pȯki viesêle trvac mdze, bó ten akt chvalêbni bez lêdzi e bez przejâcoł wódprąviôni běc ni môże. Tak prôszą pôn młodî e paniê młodô żěbe ta rôczba[7]) żôdne věmovki[8]) nîmia', bó bě ten afekt zesmucôni wȯsteł. Zo tę wûsługę mdze ta młodô pôra[9]) z wutcevȯscą wȯsłaviôno, na każdim miêsce vaspânstvu vevzdzęczec gȯtôvo. Na wóstâtku prôszę tę môję lechâ prôsbę za vzdzêczną przejîc. Na kȯńce pȯsêłstvę mdę.

Jêszlem jo w czim dôbrze niêvemoviel
To vě lepî do mie przebivôjce,
Ze szklannîcą pîva przepijôjce;
Nie b[illegible]â bě to nôvina,
Chȯc bě běła szklônka vîna.
Niech mdze pȯchvalôni Jêzus Chrîstus.

1) почтенные. 2) шагомъ. 3) [illegible]жное. 4) дѣло. 5) принять. 6) почтеннаго. 7) приглашеніе. 8) отговорки. 9) пара.

47.

Тоже.

Mȯscêve[1]) Pâństvo!
Viêlce wuniżênie
Prôszę wó věboczênie.
Z'êmce do vielmȯżneho Pâństva tak měłym stêpkę vstâpieł.

1) Милостивые.

Mâm ce jo też sprâvę,
Żebě le mie vaspańistvo veboczêło[1])
E mo̊jim prosbom posłěchac sę raczêło.

Nôprzod jem jo tu przesłôni wód Nóvěszszeho Bo̊ga, Mâtki Przenosvjętsze e vszêtkich svięteeh; a pótemu wód têho dvo̊jga lědzi, co to zameszlâją

Wod kościoła Bożeho
Stâne małożênskeho.

Viec wo̊d vielmożneho Pâństva posługi le żądâją:
Żebě jim to łaskâvie wuczeniło
E svoją grzecznôscą ten akt przewozdobiło.

Vszakże to rzecz przezvo̊jito, że ten stôn małożênski bez lědzi spraviôni běc nimôże. Viec tej wûproszaję vielmościêve pâństvo, tak też wuprôszo młodi kavâler e panna brutka:
Żébęsce sę v po̊niedzêłk dô domu viesêlneho zgromadzêle
E tę sę dôbrze póczestovâle e jesz lepi zabovîle.
A potemu s têho dômu viesêlneho
Po̊provâdzim sę dô koscoła Bożeho.

A gdě kapłan tę pôrę lědzi przed tribunâłę Bozkim zviąże
Żebě e mě jesme tę běle,
Pâna Bo̊ga za nich proseěle.

A potemu po̊provâdzim sę do kancellâriji, czěle, po̊proste rzêksze, dô karczme.

Aně jesme sę tą pêrznę[2]) zabavîle,
Jêdnę abo pôrę szklonk pîva vępile
E tę[3]) nowożêncov miêdze sobą rozvieselêle.

S kârczme po̊provâdzim sę dô domu viesêlneho. Tę mdze co jesc e co pic, e na czim wusâdnąc,

Co Pôn Bog nadârzi,
To kuchorz wuvârzi.
Bądą tę sěte bârane
Przêd pane,

1) извинили. 2) минуту. 3) такъ.

Skо̊pe[1]) — Przéd chłope, Wо̊viêcki — Przed białêcki
Jagniątka — Przed brûtkę e dzevczątka;
Będze tę co jêszcze,— Mdą tę rĕbe co sę nazĕvâją lêszcze.
Wód kûrov e gęsi mie panna młodô rachûnka nieskłôdâ',
Bó mie czim rechlî v drôgę vĕsĕłâ'.
Bądą tę też jabka e wо̊rzeche
Dlo nas vszêtkich viksze wûceche.

Viec tej wûproszaję miłoscêve panstvo, tak też wuprôszo pon młodî e pânna młodô:
Żébĕsce vôzki, kо̊lâszki[2]) vĕprovodzâle
Pо̊-sztere abo szesc kо̊ni zaprzegâle.
Żebĕ także paniczkovie kо̊nie sodłâle
Prze pôrze pistolêtov do viesêlneho dômu przejeżdżâle.

Tô wespâństvo barzo mile mdą przijmóvale, e jo też tę będę
Tak e jo do kо̊chónech gо̊sci przĕpiję,
A môże jêdnę e dregą szklônkę vĕpiję.

Na kôncu miłoscêve pâństvo prôszę, âbe mie przeboczêło. Vszâkże vie pâństvo bârzo dôbrze wо̊ tim:
Żem jo newuczâły
V szkо̊łach niebyvâły
Dze môg bĕm sę czeho nawuczec,
Niêjedni pâni grzêcznie pо̊słĕżec[3]),
Jem tęż człо̊viek pо̊drôżni,
Proszę żebe mieszk[4]) nié wо̊steł prôżni.
Môm ce kо̊nika czórneho,
Prószę wó wо̊brok[5]) dlô nieho,
A dlo mie wó szkłonkę piva lub vôdki,
Po nâszemu zvône gо̊rzêłki;
A iêszle nie vôdki to vо̊de,
Dlo drûżbe viksze wо̊chote;
Lechô niê bĕła bĕ też nôvina,
Żebĕ bĕła szklônka rômu abo vina.

1) бараны. 2) коляска. 3) не одной госпожѣ вѣжливо послужить. 4) мѣшокъ, сума. 5) кормъ.

A têroz tim dwôjgu lêdzom daj Bôže szczestlêvi pôczątk e zbaviênni[1]) konc.

Niech mdze pôchvalôni Jêzus Chrîstus.

1) спасительной.

(46 и 47 изъ окрестностей г. Картузъ, Carthaus.)

48.

Человѣкъ выручаетъ души изъ ада.

Jeden pański kucharczyk[1]) szukał sobie służby i przyszed do samego piekła, tam kotły obskacał[2]), a tedy on trzy lata był v tom piekle u tych szatanov. Tak tedy ti szatani poszli na vędrovkę a jemu zakazały, co ôn ni miał zazdrzec do tych grapov[3]), co se tam gotovało. A on jednak nie mog se vstrzymac i zazdrzeł, a jeszcze vierznej[4]) obskacał; a v tych grěpach same dusze se gotovały. Tak tedy oni poznêli zaraz jak do domu przyszli, i jemu vadzili[5]), że tam zazdrzał. Tak oni sa pytali co on za myto[6]) chcał miec, tak on movił, że żadnego myta, jeno[7]) chcał v kôżdej grâpie svoją suknią umoczec. Tedy ta suknia była barzo cenżka. Tedy szed do svojich rodzicov z tą suknią. Tedy tej sukni ni mog doniesc, tak szed bez[8]) jedną łączkę i tam zasnuł na tej łączce. Tedy jak ôdeck[9]), to barzo viele oviec chódziło przy nim. Tak on se pytał, gdze ich ôvczarz był, a ony móviły, że ôn był jich ôvczarz, co ôn jich vybavił z mąk pieczelnych[10]).

1) поваренокъ. 2) чистилъ. 3) котлы. 4) вѣрнѣе, прилежнѣе. 5) выговаривали. 6) награжденіе. 7) только. 8) черезъ. 9) проснулся. 10) адскихъ.

(Ржешнско у с. Стенжицъ — Stendzyc — на сѣверъ отъ г. Косцержины — Behrendt.)

49.

Gąsor[1]) pierze[2]) na jezerze.
Ach muj miły inszą bierze.
Niechaj bierze, niechaj raczi,[3]),
O mnie Pan Bog nie zabaczi[4]).

1) гусакъ. 2) моется, плещется. 3) изволитъ. 4) забудетъ.

50.

Vedle lasa, vedle żełonego
Nie vidzelisce dzevcząca mojego?
Vidzelisme, sztere myszki gnała,
Sama piąta czarne oczka miała
I roszczką[1]) pógoniała.

1) прутикомъ.

(Такъ же.)

51.

Ej povoli, povoli — Chodzi kurek[1]) po roli[2])
A kokoszka po rżiskn[3]). — Kochajmy sia braciszku.
Łup, cup, nożka v nożkę — Skoczeł kurek na kokoszkę.

1) пѣтушокъ. 2) по пашнѣ. 3) по жниву.

52.

Koͤło Chójn'ci miasta w jedni vsi są stało
Że sę dvoje ledzi v sobie zakoͤchało (bis).

Woͤn tę do nie choͤdzeł, nockami vësodeł[1])
Co wo nji wusleszeł, vszetko ji poͤviodeł.

Woͤstatne noce woͤ pirszi goͤdzenie
Vstań koͤchancezko, woͤdprovadzisz te mnie.

Koͤchaneczka vsta', woͤdprovadzec chca'
Bjelechną chusteczką woͤczka vëcera'.

Woͤdprovadzeła go do dvoru peszneho:
«Jidze[2]) Jaszinku z Boͤgę do domu svoͤjeho».

Woͤn ją dali łudzi[3]), bë go dali viodła
Ale woͤd żalu ju dali ńi mogła.

Woͤdprovadzeła go jasz tę na rostaje[4]),
«Jo tę tu zabiję, jo cę niedostónę».

1) ночи просиживалъ. 2) иди. 3) манитъ. 4) распутье.

10

— «Ach moj nómjilszi, daj że sę wuprosec[1]),
Bądę jo do Bóga módletve zanosec».

«Ach mója nomjilszo, njedom sę wuprosec,
Bó tvójich módlitev je wu Bóga dosec»[2]).

E na kark ji skóczeł, ręce załamoveł,
Żodne letosce[3]) nad nię niewukozeł.

E tę ję zabjił e tę ją póchóveł
Pószed do dom, rodzicom poviodeł.

«Ej rodzice, rodzice, co vě pómĕslice,
Vszak mi szczereho kóchanio niezgúnice[4]).

Ej rodzice, rodzice, na smirc mie niesądzce
Ale z włosnim vyrokę spokojni le bądzce[5]).

Naprzod wó to proszę, na kóło mie bijce
A pótem mie na szebienicę cegnice[6]).

Magdalenka leżi pód zelonim drzevę,
A jo chcę bic bjiti pód gólim niebę.

1) упросить. 2) довольно. 3) никакой пощады. 4) ? 5) но удовольствуйтесь только моимъ собственнымъ приговоромъ. 6) тащите на висѣлицу.

53.

Svieci miesąc, słonce grzeje
Do kochanio serce mgleje[1]).
Kóchalesme sę dvie niedzele,
Wó tim ledze nieviedzele.

Jak sę ledze dowiedzele
Wójce, matce poviedzele.
Cebie biją a mie łają[2]),
Vóbojgú[3]) nôm vstíd zadają.

1) млѣетъ. 2) ругаютъ. 3) обоимъ.

Pujdę drogą wônim złobę
A tě, dzevczę, wôstań z Bogę.
Abo pujdę vedle bagna[1]),
A tě dzevczę, jidz do djabła.

Tě mie djobłu njepôlecoj[2])
Bô mie Pan Bôg nie wobieceł.

Je to v niebie zapisône
Że tě masz běc moj kochôni.

1) возлѣ болота. 2) не отсылай, собств. не поручай.

54.

Przesniło se Anuli w pôkôju leżąci,
Że vidzå' Jaszulinka pô môrze płěnąci.

Oj rěboce[1]), rěboce, dlo Bôga żeveho,
Nié vidzelesce też Jaszulinka meho.

Oj vidzele, vidzele, ale nieżeveho
Pô môrze plenąci, mieczem przebiteho.

Věskoczeła Anula z wôkna věsokieho
E věrvå' wôstri miecz z bôku Jaszinkoveho.

Oj věrvå', oj věrvå', sama sę przebiła
Svoje mełe[2]) serduszko na vodę pusceła.

1) рыбаки. 2) маленькое.

55.

Na 'ni stronie goj, goj[1])
Zeleńi sę moj, moj.

Tę pasturki pasą wołki[2]),
Ptoszki jedzą z gronka[3]).

A tě mełi Jaszku
Nie robi mie krzivde.

Jo do cebje zavżde chodzę
A tě do mie ńigde.

Nieszczestlevo matka běła
Co żołnierza pôrodzeła.

Żolnierz jedze borę lasę
Przemierając głodę czasę[4]).

Trzeba jeho pôratovac,
Chleba sole nie żalovac.

Suknia na njim nie brakuje
Viater dzurmi przelatuje.

1) роща. 2) воловъ. 3) съ кольевъ. 4) порою изнемогая отъ голода.

Cho̊což żołnierz wo̊bszarpani[1]),
Jednak jidze medze pani.

Sko̊ro v bębne wuderzono
Na vo̊jenkę rozkazono.

Starszo sostra jeho wuzna'
Ko̊njika mu wo̊bsodła'.

Młodszo sostra jeho wuzna',
V pravę ręczkę miecz mu da'.

Wo̊jc e matka go wuznale,
Wo̊czka svo̊je zapłakale.

Nie płacz wo̊jcze, nie płacz matko,
Povracę sę za trzę latka.

Nie vězed rek[2]) nji połtora
A tę cigne[3]) żołnierz z pola.

Kłaniaję sę Vaszmoscovi,
A jak dalek moj brat v po̊le?

«Wo̊n tę[4]) leżi na padôłku[5])
Trzimo głovkę na kamienku.

Sto̊ji ko̊njik nieżeveho
Czesze nożką koło nieho.

Věczosel doł pó kolana
Żalejąci sveho pana.

— «Po̊ki jo mieł sveho pana,
Jodeł jo to go̊le zorna[6]).

A têroz ńi pęczka słome.
Wo̊biedzą[7]) mie krěce[8]), vrone.

Lepji doma rolę wo̊rac,
Njiż na vo̊jnie verda[9]) wołac[10]).

Lepszo doma kapuszczezna,
Nież na vo̊jnie kurzeczezna.

Bo̊ na vo̊jnie szable kruszą,
Niejeden sę żegno[11]) z duszą.

Kjej sę bądzesz z jednim vjitel,
Mdze cę drěgi s tełu chvoteł[12]).

A trzeci ce njic nie rzecze,
Le[13]) cę z vierzchu szablą secze.

1) оборванный. 2) годъ. 3) идетъ въ походъ. 4) тамъ. 5) въ оврагѣ. 6) чистое зерно. 7) объѣдаютъ, или обижаютъ. 8) вороны. 9) кто тамъ, съ нѣм.: Wer da? 10) кричать. 11) прощается. 12) покуда станешь здороваться съ однимъ, другой тебя хватитъ съ тылу. 13) только.

56.

— Poviedz że mie mo̊ja luba, cze tě ko̊chosz mie?
— Vielgo mie wo̊chota bierze, wodpo̊viedzec: nie.
— Jo jem chłopczok szo̊kovni, peszni, mom złota e vse[1]).
— Ko̊żdo godo że tak je[2]); jo po̊viodaję: nie.
— Jo jem chłopczok stały, vierni; sviat mie vzorę zvie[3]).
— Cho̊což povie tak sviat cały, jo po̊viem: nie.

1) деревни. 2) каждая говоритъ, что это такъ. 3) называетъ примѣромъ.

57.

Pręgnowo (vies niedalek Gdonska).

Przed viele, viele laty běł tę, dze teroz Pręgnovo je, czerni las a las, tak że le kiede niekiede sę tę pasturz z bědłę[1]) zabłąkał. Jedną razą zgubił tu pasturk nolepszeho bulę[2]), chtereho ju trzi dnji prozno szukeł. Czviorteho przeszed wo͐n do jedne gore, czesto drzevę zarosłe, e jeho pies zaczą barzo łajac. Jak wo͐n som bleži do psa przestąpieł, vjidzeł wo͐n, jak jeho bik[3]) na przednech kolanach kleczeł e lizeł vierzch krziža. No ten cud[4]) vszestce ledze ze sąsedskjich vsi sę zeszłe e věko͐pale tę cały ko͐scoł, chtery jesz po͐dzisdzen v Pręgnovie steji.

1) со скотомъ. 2) быка. 3) быкъ. 4) на это чудо.

(51—56 записаны въ Косцержинѣ, Behrendt.)

58.

О Кросняткахъ.

V Mechovie so͐ krosniąta na jednem molu[1]). Tą je vielgo gora, a pod to gorą so͐ stêgne[2]), to idze až pod jeden dum, a kiej jo běła mâła, to mě tą niéraz zâzdrele[3]), te tą słupe[4]) o͐d kamieniov běłe, a te tą běła jedna białka ná nive idzôno[5]) grâbic[6]) žeto, a miâ mołe dzêcko przě se, a je položiła zâ rząd[7]) a to dzecko baro vrzêszczâ', a tej oni rzekli že miâ, jic to dzecko vzic a mu piersi dâc. A onâ rzekła, niech le lěži jež, a te jak nâ zôs przeszła, te ji dzêcko běło prêcz, a lêža' małe krôsnia, a to krôsnia to jesz žěje dziséjszeho dnia, a je decht malinki chłuop z tâko͐ viełgo gluovą a take grěby nuogi a rance a polce též grebi.

1) мѣстѣ. 2) тропинки. 3) заглядывали. 4) столпы. 5) и тамъ одна женщина пошла въ поле (какъ въ нѣм.: war auf das Feld gegangen). 6) сгребать граблями. 7) за суслонъ.

Jak jo͐ b'ła take mâłe dzêcko, te mě vic szłe zâzdrzec a te krosniąta, kiej me zazirâle, przeszle dô przěte co mě mogle jich decht vidzec, take czerzvione suknie 'ne mieli o͐blekłe.

A te jak b' oni za nâmi biegali, chceli nas chvâtac, a kiej sa mroczno robíło, te mě slěchâli że oni spievâle vszëtce, decht snôże[1]) mogle spievac. A te jo szła jédnowo viéczora spâc, a te jak jô běła v łużku, te jo ocucâła[2]), te stójało jedno mnie koła łużka a jo zaczą' vrzeszczec[3]), a jo nieviedzâ' nic co to běło, a muj wojc rzek, ja miâ' doch cicho běc. A tak jo leżâ', a tak są obrocała do drugî strône te wono zas se wobrocéło, a szło prêcz. Moj wojc je decht mug vidzec jak 'no szło.

1) очень хорошо. 2) ощущала. 3) кричать.

(Въ Лѣсновѣ — Lesno — въ сѣверной части Хойницкаго (Коницскаго) округа.)

59.

О вѣщихъ.

To bëło v Krôkovie przod laty katolěcki koscioł a tej zâmiarle chłuop a białka, e zamiarłe dvaj sënovie e trze corki. A te jak vicî dzêci onî nié mieli jak te pjinc, a te zâmiarle przëjacele decht vszëtki, a te záczâle oni zvonic. Naprzodku czuli te zvone organista tej on szed dó kosciołа e zâtrzymał te zvone, zaczął pácierz movic, te vicî nie zvonili; a te szed z nim ten co kule[1]) kopie a vicî jesz lëdzi, szle na smântarz[2]), a te odkopâle tewo chłuopa a tą białką co na przodkú zâmiarłe, te ta białka sedza' v zarku a ona miała czësto[3]) palce a miąso z rąku objadłe a te kolane obgrëzłe; a ten chluop też. Tak oni vząli szpadą a temu chluope a te białce głuovą zepchli; a te położełe jich zos v zark a dêli jima kôżdemu sztëk jâdra[4]) v zark. V tem jadrze są take malênke vązle, to te vieszczy kożdeho roku muszą taki vązel odrzeszec[5]), a te mają s tim robotą. A te zos oni jich zakopâli v kulą.

1) ямы. 2) кладбище. 3) чисто, т. е. совсѣмъ. 4) кусокъ сѣти. 5) такъ эти вѣщіе должны каждый годъ развязать по одному такому узлу.

(Тамъ же.)

60.

Matko moja matko — Cos mnie výchovała,
Lichej żes pociechy — Ze mnie doczekała.

Doczekała smutku — Viélkiegó frasunku[1]);
Provadzą na vojna — Jak psa na postromku.

A po skonczonej vojnie — Każda svego pojmie.

V polu muszę stojec — I v polu nocovac,
Choc by miał co jesc — Nimam v czym gotovac.

Dadzo mi kocełek — I przykryva[2]) na to,
A ja ubogi żałnierz — Stracę życe za to.

A cúreczka płacze — Lamentuje
Gdze své' męża postradała[3]).

— Ach cúreczko nie płacz — A mężá nie żałuj:
Cisni[4]) stary vionek — A novy mi podaruj.

1) печали. 2) крышку. 3) потеряла. 4) брось.

61.

Siva gąska, siva — Po jezorku pływa,
A z viélgego kochania — Rado nic nie byva.

Bieży voda bieży — Na dolé sią vraca:
A kandý[1]) się kandy — Kochanék obraca?

Bieży voda bieży — Po kamieniach buczy.
Chto kochác nie umi — Miłosc go nauczy.

1) куда.

62.

Ja parobek, ty parobek[1]) — Pudzem oba na zarobek[2])
Co zarobi, to przepije, — Przindze dó dom, żonka bije,
Żona płacze, lamentuje — A mąż spieva, podskakuje.

1) батракъ. 2) заработокъ.

(Въ Скаршевѣ — Schöneck, въ восточной части Косцержинскаго округа: нарѣчіе почти Велико-Польское.)

СОБРАНІЕ

СЛОВИНСКИХЪ и КАШУБСКИХЪ СЛОВЪ.

Собраніе это заключаетъ въ себѣ употребляемыя Померанскими Словинцами и Кашубами слова, которыя формою или значеніемъ разнятся отъ словъ Польскихъ, или же вовсе не существуютъ въ современномъ Польскомъ языкѣ.

Въ этомъ собраніи не помѣщены тѣ Словинскія и Кашубскія слова, различіе которыхъ отъ Польскихъ заключается лишь въ измѣненіи нѣкоторыхъ гласныхъ, составляющемъ постоянное и общее свойство Словинской и Кашубской рѣчи и указанномъ нами выше (таковы на примѣръ: превращеніе a въ o, o въ oͤ, y (ы) въ ĕ, пропускъ смягченія гласныхъ послѣ c, s, z, употребленіе ą вмѣсто ę и т. п.). Но коренныя слова, сходныя по звукамъ съ Польскими и отличающіяся отъ нихъ удареніемъ, приняты въ собраніе, насколько онѣ могли быть замѣчены составителемъ.

Не включены слова иностранныя (бóльшею частію нижненѣмецкія), весьма многочисленныя въ рѣчи Словинцевъ и Кашубовъ, кромѣ нѣсколькихъ, которыя такъ у нихъ усвоились, что получили совершенно Славянскую физіономію (на пр. глаголъ krĕgac, чаще употребляемый въ сокращенной формѣ krâc, получить, съ нѣм. kriegen).

Основнымъ матеріаломъ настоящаго собранія послужили слова, записанныя самимъ составителемъ съ устъ этихъ Славянъ. Тѣ выраженія, которыя онъ слышалъ у Словинцевъ, отмѣчены буквами сл.; эти же слова употребляются большею частію и у Кабатковъ, отличаясь тамъ только твердымъ произношеніемъ звука ł; лишь тѣ слова, которыя, сколько составитель могъ

замѣтить, исключительно принадлежатъ нарѣчію Кабатковъ, отмѣчены буквами каб. Наконецъ слова, при которыхъ нѣтъ никакой отмѣтки, слышаны составителемъ у Кашубовъ въ собственномъ смыслѣ: при кратковременности его пребыванія въ тѣхъ мѣстахъ, онъ вырочемъ не можетъ сказать утвердительно, чтобы то или другое слово, имъ записанное у Словинцевъ, не было также извѣстно Кашубамъ, или на оборотъ, чтобы многія слова, значащіяся въ этомъ собраніи какъ Кашубскія, не употреблялись и Словинцами.

Сверхъ того, въ собраніе включены слова изъ небольшаго рукописнаго лексикона Кашубскаго, составленнаго г. Флоріаномъ Цейновою и обязательно имъ сообщеннаго пишущему эти строки. Слова эти отмѣчены буквою ц. Онѣ записаны г. Цейновою у Кашубовъ въ Западной Пруссіи.

Г. Цейнова доставилъ часть собраннаго имъ лексическаго матеріала II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, которое напечатало этотъ матеріалъ въ приложеніяхъ къ своимъ „Извѣстіямъ" (*), подъ заглавіемъ „Сборникъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія." Тѣ слова, которыя находятся въ этомъ сборникѣ, отмѣчены здѣсь звѣздочкою. Впрочемъ, соображаясь въ настоящемъ глоссаріи съ этимъ „Сборникомъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія", составитель исключилъ попавшія въ него многочисленныя имена и слова иностранныя (какъ-то echo — эхо; Kristus, Christus — Христосъ; preson — тюрьма и т. под.), а равно слова, тождественныя съ Польскими (на пр. baba, brat, człoviek и пр.), и старался исправить вкравшіяся въ этотъ сборникъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточныя объясненія (такъ напр. слово jałóvica, объясненное въ Сборникѣ „сила, крѣпость", значитъ: нетель; rzegac (въ Сб. „ломать") значитъ: рвать (т. е. имѣть рвоту); rzec (въ Сб. „любезнѣйшій") значитъ: задница; sizen (въ Сб. „монастырь") значитъ: сажень и др.)

(*) „Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій", томъ V, л. 17.

Наконецъ, составитель пользовался еще небольшимъ спискомъ Кашубскихъ словъ, составленнымъ покойнымъ Прейсомъ и помѣщеннымъ при отчетѣ его Министру Народнаго Просвѣщенія, изъ Берлина, отъ 20 Іюня 1840 года. Отчетъ этотъ извѣстенъ ему въ Польскомъ переводѣ, напечатанномъ въ Краковѣ въ 1850 г., въ брошюрѣ «Kile słov wó Kaszebach e jich zemi, przez Wójkasena» (псевдонимъ г. Цейновы). Слова, заключающіяся въ этомъ спискѣ, отмѣчены здѣсь буквами пр.

Для удобства тѣхъ, которые будутъ пользоваться настоящимъ собраніемъ, не лишнимъ кажется повторить здѣсь въ азбучномъ порядкѣ объясненныя выше сокращенія, прибавивъ къ нимъ и другія, встрѣчающіяся въ этомъ глоссаріи:

быт. — Бытовскій край.

каб. — Кабатки; слово употребляемое Кабатками.

каш. — Кашубы.

пр. — сборникъ Прейса.

сл. — Словинцы; слово употребляемое Словинцами.

химѣл. — Химѣльно и окрестныя деревни.

ц. — рукописный сборникъ г. Цейновы.

* — „Сборникъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія“, напечатанный II Отд. Академіи Наукъ.

A.

*A a (у сл. всегда; каш. употребляютъ также ě); а.
Abo или.
Ako сл. какъ.
Alasâ (ц.) поди сюда!

B.

Baczec (ц.) думать: jo baczę.
Baic говорить: tak bajemě.
Balêjo (ц.) женск. ванна.
Bania каб. куполъ; (ц.) тыква; лысая голова.
Bârczol сл. суставъ (руки).
Bardysz бердышъ.
*Barłog мякина, солома.
*Barna, brona борона: первое преимущ. у сл.
Bartki (ц.): v bartki jic драться, схватившись за воротъ.
Bar-zo (въ нѣк. мѣстахъ Помераніи baro) очень.
*Batug, batog бичъ; *batożeszcze кнутовище.
*Bąbel пузыръ, нарывъ.
Bąbel сл. барабанъ, bąbelują барабаню; каш. (ц.) bębel.
Bębrotac, bębrotaję (ц.) плескаться въ водѣ.
Bączk мелкая мѣдная монета (4 пфеннига).
*Bąt перекладина.
Bědło скотъ; bědłuk (ц.) скотина, ein Stück Vieh.
Běkac сл.: běka na drzevie drozd (стучитъ).
Běllaczec: выговаривать l вмѣсто ł; běllěci жители нѣкоторыхъ деревень на югъ отъ Пуцка и Гельской косы, не умѣющіе выговорить твердаго л.
Bělle (ц.): bělle-chto кто-нибудь, bělle-jak какъ-нибудь, bělle-dnia когда нибудь.
Bélnik (ц.) негодяй.
*Belnî сильный, бодрый, способный; (пр.) belny прекрасный.
Bełtk родъ грибовъ.
*Bes, род. besě сирень.
Bêstri быт. пестрый.
Bezla возлѣ.
*Białka жена, женщина (у слов. и каш.; Кабатки употребл. niâsta).
Biaw сл., bioj каш. ступай вонъ.
Biczk (ц.) бычокъ.
Biel (ц.) бѣльмо; бѣль древесная.
Biélava (ц.) болото.
Biełtk (ц.) бѣлокъ (яйца).
Bieżeni сл. поносъ.

Bijàteka (ц.) драка.
Biotki (ц.) борьба, biotkovac się бороться.
Blach сл. запачканный (напр. въ навозѣ).
Bleczec сл. блеять, мычать (не громко): ŏvca, krova blecze; каш. bleczec, сл. bljêczec мурлыкать.
Bleszcz (ц.) бѣльмо; bleszczaty съ бѣльмомъ на глазу.
*Bliza маякъ.
*Blon облако.
*Blozno ободъ колеса (пр.); сл. bluozna полозья у саней.
Bŏdorz, bŏdarz багоръ (которымъ бьютъ угрей).
Bojac sa бояться; bojec sa (пр.).
Bokâ-dosc сл. совершенно довольно.
Bolĕsti сл. толстый, жирный: bolĕsti, to je mioszi.
Bolôce сл. болячка, рана.
Bor (пр.) лѣсъ и пустыня.
Bôrna сл. и каб. борона (пр.)
Borôvka брусника.
Bóženka сл.: на прощальныя слова «ŏstanice z Bŏgą» отвѣчаютъ «z Bóženką».
Brac są бороться: «a tej ŏni są schvacĕli te dvaj a brali są» (въ Осѣкахъ).
Braka (ц.) передняя вага у дышла.
Branca (ц.) объѣденная солома.
Brêdze сл. брежжится.
Brĕm сл. какое-то растеніе съ желтыми цвѣтами.
Brva бровь.
Brzad сл., *brzod каш. фруктъ, плодъ (у Прейса: brzoad, brzod, obrzad, obrzut, łowrzut, wowrzut, wobrzut, при чемъ онъ замѣчаетъ, что первыя двѣ формы слышалъ самъ изъ устъ Кашубовъ, а прочія сообщилъ ему Мронговіусъ; brzadza фруктовое дерево).
Brzĕch (ц.) брюхо.
Brzĕdki сл. злой; * пр. гадкій.
Bucac (ц.) толкать.
Bucha сл. гордость; *busznî гордый.
Budla (ц.) бутылка.
*Bula быкъ (пр.).
Bulbaczk какое-то водное растеніе.
Bulva сл. картофель.
Buntéję (ц.) возмущаю, бунтую.
Burboce (ц.) бурчитъ въ животѣ.
Busa сл. куполъ.

C.

Cały, сл. calí цѣлый; сл. calí calĕchni dzen цѣлый день.
Casnųc притиснуть; также cêsnųc.
Cąžkí, cęžkí тяжелый.
Cĕcac сосать; cĕc, cĕck (ц.) титька.
Cedl сл. короткое верхнее женское платье (съ нѣм. kittel).
*Cédzedło цѣдило.
Cenjô женск. (ц.) тѣнь.
Cerki, cerkev, cerkvia сл. церковь; (пр.) cerkev.

Cérkviszcze сл. кладбище (пр.).
Cérzleca мялица (чѣмъ треплютъ ленъ).
Cerzpiec сл. терпѣть; каш. cerpiec.
Ces черезъ.
Cesnąc сл. пихать (а не грести) весломъ.
*Cetno cze lěcho четъ или нечетъ.
*Cevka способный къ очинкѣ конецъ писчаго пера.
Cîc, tną сл. рѣзать.
Cîgło (пр. ц.) дышло.
Cîvka (ц.) мотушка.
Cknąc досадовать.
Côpac (ц.) толкать назадъ; совать; (пр.) pacopel назадъ.
Cviardî сл., cvârdy каш. твердый; (пр.) cviardy.

Ch.

Châduj (въ Избицахъ chodâj) ступай, иди сюда; (пр.) chadej.
Chałúpa (въ Избицахъ châłupa) изба.
*Charna (пр.), chorna кормъ.
*Charvatěnjo женск. (ц.) запустѣлое строеніе.
Chavo̊cec сл. пищать какъ куница.
Chcic сл. крестить.
*Chěcze жилой домъ.
Chějac (ц.) убѣгать, удирать.
Chěra (ц.) моръ; chersko тоже, увеличит.
*Chętka (ц.) желаніе.
*Chicho̊tac посмѣиваться.
Chitry сл. мудрый; каш. хитрый; сл. быстрый: chitro biego.
Chiżi скорый, быстрый; (пр.) chiże скорѣе.
*Chlastac хлестать; крѣпко трясти; рожать (много) дѣтей.
Chlîstva сл. глистъ.
Chłop мужикъ (пр.); мужъ: moj chłop мой мужъ; chłopc мальчикъ (пр.).
Chłost (пр.) хворостъ (?).
Chlunąc сл. дунуть.
Chmara (ц.) куча.
Chmura (ц.) облако.
*Chojka большая ель.
*Cho̊jna ель; хвойный лѣсъ.
Cho̊leva (ц.) голенище.
Chomarzec (ц.) грезить.
Cho̊mo̊nto (ц.) хомутъ.
Cho̊mor (ц.) комаръ.
*Chorí хворый, больной.
Cho̊rosc сл. болѣзнь; stědzôna cho̊rosc простуда.
Cho̊scec (ц.) приманивать.
Chôsnik сл. воръ; chostnik, choastnik (пр.).
Cho̊va (ц.) домашняя живность.
Chôva сл. карманъ.
Chronst сл. жукъ; (пр.) chrost.
Chropovaty (ц.) шероховатый.
Chrumî сл. хромой.
Chrzost, *chrost кустарникъ.
Chrzun (пр.) хрѣнъ.
Chtery который.
*Chto кто.
Chuchnųc сл. дунуть.
*Chutkí, сл. chútki скорый; chútinko скорехонько.
Chvacic сл. хватить.
Chvara сл. большая куча.

Cz.

Czanżki быт. тяжелый.
Czapac (ц.) хватать, ощупывать (на пр. въ потемкахъ.)
Czâ:ni сл., czasnŷ (ц.) медленный.
Czâszka (ц.) черепъ.
Czatovac (ц.) сторожить, czate засада.
Czcvioro каб.; czvioro каш. четверо.
Cze каш. (въ Помераніи) когда.
*Czěc чуять, слышать; czejący (ц.) бодрствующій; (пр.) czuję слышу.
Czěprina (ц.) волоса на передней части головы.
Czěrny (ц.) чистый, на пр. czěrne zboże; czěrny a czěrny совершенный.
Czerviony красный (пр.).
Czês сл. часъ.
Czípnik купецъ, скупающій по деревнямъ куръ, яйца и т. под.
Czkac (ц.) всклипывать.
Czlêk каб. человѣкъ (каш. człoviek).
Czło (ц.) пошлина.
Czlonki сл. суставы на пальцахъ.
Czopk (ц.) шляпа; czopka, czupka шапка.
*Czôrny черный (пр.).
Czterze (пр.) четыре.
Czułna челнъ.
Czviersznia сл. четверть (хлѣбная мѣра).

D.

Dachtac или dachczec сл. кудахтать: kuokosz dachcze.
Dálek далеко (пр.): jak dálek je ten glos sluszec. Но также daléko.
Dar, dor угощеніе.
Dârgac сл. долженствовать: on dargo (каш. ȯn muszi).
Dârna, durna, dzârna (ц.) дернъ.
Dâszic душить.
Dąbrova, dųbrova дубовый кустарникъ.
Dądo (?) пока.
*Děc дюжина.
Děmovato каб. туманно.
Del, сл. dyl доска.
Dênko (ц.) дно; круглая дощечка.
Dêra (ц.) чахотка.
Derda (ц.) амбаръ.
Derdávica кадушка, въ которой дѣлаютъ масло изъ кислаго молока; (ц.) derdovka.
*Derni кичливый.
*Děsza душа (пр.); утюгъ.
Dětk (ц.) мелкая монета въ 7 пфенниговъ.
Dêza сл. кадка (молочная).
Dêzvȯk (ц.) карманъ у женскаго платья.
Doba, duoba сл. время.
Dobětk скотъ.
Dôczuc są сл. услышать (напр. вѣсти).
Dójnica (ц.) дойная корова.

Dôka сл., duoka (пр.) *dôka, gdôka туманъ.
Dokarovac доплестись (на пр. do dom).
Dolégo mie (ц.) мнѣ больно.
*Dólena, dol'na долина.
Dom: dó dom домой.
Donąd (ц.) до того мѣста.
Dônjica (ц.) большое блюдо; *donnica сосудъ въ которомъ мелютъ табакъ.
Dônsla сл. десны; (пр.) dosle, donsva.
Dôrnica, dvôrnica каб. изба.
Dotam i dotąd туда и сюда; dotąd (ц.) до того мѣста.
Dozdrzelec (ц.) созрѣть.
Drâpie сл. когти (у кошки).
Drzeç sa сл. кричать какъ сорока или ворона: varna, sarka sa dı zé.
*Drĕch товарищъ.
*Drĕdzá ржа; dredzeviec ржавѣть.
Drĕgí другой.
Drĕmní карликъ.
*Drĕżéc дрожать; drĕżoch (ц.) трусъ.
*Dreżen дрожжи.
Dreżénj (ц.) сердцевина въ деревѣ.
Drĕżuk (ц.) пьяница, одержимый болѣзнію delirium tremens.
Drob сл., drab (пр.), drob, drábina (ц.) лѣстница.
Drobiazg домашная птица.
Drôbka лѣстница.
Drôbka (ц.) кусочекъ.
Drobní (ц.) дѣти, ребята.
Druvka (ц.) родъ яблоковъ.
*Drużba свадебный дружка; drużic исполнять обязанность дружки.
*Drvnioki деревянная туфли.
Drzĕsta (ц.) жидкій навозъ; drzĕstac (ц.) имѣть поносъ; drziszcz (ц.) страдающій поносомъ.
Drzevię (пр.) дерево.
Drzon сл. тернъ.
Duchvają (пр.) надѣюсь.
Dudk (ц.) удодъ (птица).
Duva сл. голубъ (съ нѣм.).
Dvanosce (пр.) двѣнадцать.
Dvierze двери (пр.).
Dviérzeje ворота; (пр.) dvierznia.
Dvigac (ц.) двигать.
*Dvojoki, *dvojok, (ц.) dvôjuk двойной горшокъ.
Dус дуть.
Dze гдѣ.
Dzęc sa сл. дѣться.
*Dzek благодареніе; *dzekovac благодарить.
*Dzĕk кабанъ.
Dzekc (ц.) деготь.
Dzêra дыра.
Dzerżava (ц.) взятая въ аренду земля.
*Dzesinc десять (пр.).
*Dzĕvi дикій; dzevî kur сл. тетеревъ; dziva svinia (пр.) кабанъ; *dzĕvok чудакъ.
Dzevinc девять.
Dzêżka (ц.) миска для молока.
Dzîr-zi (дзирзи) сл. и каш., каш. также dzêr-zi смѣлый; dzîrże сл. смѣло; dzerżî сл. смѣлѣе; dzêr-zosc смѣлость.
Dzisidzeń ныньче.
Dzôd нищій.

E.

E и (каш.).
*Egrest крыжовикъ.
Esz сл., jesz каш. еще (сл. также hejsz).
Eż сл. (также у западныхъ каш.) что (союзъ).

F.

*Fąfa щелчокъ по носу.
*Férnoga бродяга.
Fo̊rka (ц.) карманъ у женскаго платья.
Frant (ц.) мошенникъ; шутникъ; franto̊vka шуточный разсказъ; сказка.
Ftach, ftoch сл. птица; ftaszk сл. птичка; ftaszizna сл. птица (увелич.).
Fuse (ц.) гуща (кофейная и т. под.).

G.

Ga сл. когда (пр.); niga сл. никогда.
Gamba (пр.) ротъ.
Gadac (пр.), godac, go̊dac говорить.
Gádzena черви (собират.); сволочь.
Gajda (ц.) нога (отдѣльно взятая); сукъ.
Gałdzic, gełdzic щекотать.
Gatovac кричать.
Gânjic (ц.) гадить, портить.
Gapa ворона (пр.).
Garcel, gorcel сл. горло.
*Gardzec огораживать.
Garlo сл. горло.
Gbur мужикъ, имѣющій осѣдлость и поземельную собственность.
Gąganice гуси (собират.).
*Gągnotac гнусить.
Gąs сл. гусь (каш. gąs и gęs); gusa сл. (каш. gąsę) гусенокъ.
Gąsor журавъ (у колодца).
Gdakac, gdokac кудахтать.
*Gĕdlec щекотать.
Gełka (ц.) неразвившійся плодъ на деревѣ.
Glavk, glavka сл. родъ рыбы (по-нѣм. Blei).
Gląba сл. глубина.
Glĕchi глухой.
Glĕmza (ц.) сгущенное молоко.
*Glĕna (пр.) глина; glînca глиняная яма.
Glênj ломоть (хлѣба).
*Glistva глисть.
Głuszcz (ц.) глухарь.
Gniece są (ц.) онъ мямлитъ, gniota (ц.) мямля.
Gno̊t (ц.) кость.
Gode, go̊de Рождество.
Gôdka, go̊dka сл. языкъ, разговоръ.
Go̊dło (ц.) зовъ, кликъ.
Golc (ц.) бѣднякъ.

*Gŏnitva охота.
Gòno (ц.) мѣсто поворота плугомъ на пашнѣ.
Górdzela (ц.) горланъ.
Gorz гнѣвъ; gorzec są огорчаться, сердиться.
Gŏrzec сл. горѣть; svieczka sa gôro горитъ.
Górzoła, górzałka водка.
Govniol сл. жукъ.
Gôzdz (ц.) гвоздь.
Gòzdz сл. ступень, перекладина на лѣстницѣ.
Grable (пр.) грабли.
Grâjde (ц.) ноги.
Grânca граница.
*Grebí (пр.) толстый.
*Grĕpa куча; v grĕpie сл. вмѣстѣ.
Grĕzc (ц. пр.) ѣсть (о скотѣ).
Griká, griczka (ц.) греча.
Grobôszcze сл., *grobôvc могила.
Grômada куча; сходка.
Grômnica Срѣтеніе; (ц.) свѣчка, поставленная въ церкви (Weihkerze).
*Gronk горшокъ.
Grôno (ц.) куча; кисть (винограда и т. п.).
Grop сосудъ; *котелъ.
Grôtk, gruotk сл. дѣдъ; grotka, gruotka баба, бабка (повивальная).
Gruz, greżel (ц.) кусокъ (на пр. кирпича).
Gruzmaki: v gruzmaki stłuc (ц.) истолочь въ мелкіе куски.
Grzêbac скрести, царапать.
*Grzebc, *zgrzebc годовалый жеребенокъ; *grzebię, *zgrzebię жеребенокъ.
Grzebo (ц.) скребница.
Grzechótac (ц.) трещать; grzêchotka (ц.) трещотка.
Grzem сл. громъ.
*Grzĕpa холмъ; (пр.) grzebka.
Grzĕva (ц.) грива; grzĕvol (ц.) имѣющій большую гриву.
Gula (ц.) индѣйка; guluk (ц.) индѣйскій пѣтухъ.
*Gûsła колдовство; guslòrz колдунъ.
Gûszczer сл. осетръ (рыба).
Guz (ц.) шишка (на тѣлѣ); наростъ.
Gvarzec (ц.) болтать; gvarzic (быт.) говорить: czi gvarzisz pò mòskòvsku?
Gvâzdac (ц.) пачкаться.
Gviozda, gvioazda (пр.) звѣзда.
Gvîszcz (ц.) переодѣвшійся на святкахъ, чтобы пугать дѣтей.
*Gzika оса.

H.

Hârneja сл. особаго рода куртка.
Herszla сл. заступъ, лопата.
Het сл.: nynia to je het теперь шабашъ.
Hévo вотъ.
Hojny сл. обильный: hojne żeto.
*Holniejsza strona (пр.) правая сторона.
Honk затычка.
Hot сл. вотъ.
Hot (ц.) направо; k sòb' налѣво (крикъ воламъ когда пашутъ).
Huczec ворковать (какъ голубь).
Huja, uja сл. вотъ, сейчасъ.

I.

'Idze ступай прочь.
Iszczę sę (хмѣльн.) жалуюсь.
Iszle (въ Картуз.) шли; обыкн. szli, szle.

J.

Jachac ѣхать; jo jadą; сл. jol, jeli ѣхалъ, ѣхали.
Jâdloba сл. печаль, забота; jadlobic сл. гнѣваться.
*Jâdro большая сѣть; сл. jâdra сѣти (вообще).
Jałóvica нетель; jałovy безплодный; jáłovo jesc ѣсть постное.
Jamny милостивый, снисходительный.
Jan, jen (у слов., каб. и западныхъ каш.) только.
Janczec сл. пищать: kuot, szczenia janczi.
Janzy сл. нѣкоторые.
Jargolec sę (ц.) гнѣваться (когда гнѣвъ выражается жестами.)
Jârka сл. яровая рожь.
*Járzbina рябина.
Járzena сл. яровые хлѣба; (ц.) зелень.
Jarzębk (ц.) тетеревъ.
Jaskúlica сл., *jaskúleczka ласточка.
Jasní ясный; jasní prąg (пр. ц.) млечный путь.
Jásoter, jesôter осетръ.
*Jastre Пасха.
*Jastrzib ястребъ.
*Jasz даже.
Jaszczérzeca. сл. ящерица.
Jawovac лаять (какъ гончія за зайцемъ).
Jażdż сл., jôżdż каш. ершъ.
Jądrzni быт. крѣпкій; jędrzní (ц.) плодовитый.
Jątrzec (ц.) нарывать; jątrznica (ц.) нарывъ.
Jednok (ц.) единый сынъ.
Jednokolą задній или передній ходъ телѣги отдѣльно.
Jednosce (пр.) одиннадцать.
*Jegła (пр.) игла.
Jemiętucha (ц.) куликъ.
Jerzmo яремъ.
Jesz еще.
Jeż если.
Jic итти: jo jidą.
Jiczec стонать.
Jiczme, род. jiczmenia сл. и каш., каб. также jiczm, jiczma ячмень.
*Jigelnik, *jigelniczka, jelniczka (ц.) игольникъ.
*Jíglena можжевельникъ; (пр.) iglina.
Jimac są браться (за дѣло).
*Jimię или *miono имя.
Jiny иной; jinaczí иначе; jindzi сл. въ другомъ мѣстѣ.
Jiscic są безпокоиться.
Jistny (ten) этотъ самый; (пр.) istny; jistno provdą сущая правда.
Jivrâc сл., jivrovac (ц.) сердиться.
*Jizba изба, комната; jistebka, jizdebka избушка, комнатка.
Jódlena (ц.) ель.

*Jo̊psc барсукъ.
Jo̊trok, jütrok (ц.) сынъ; (пр.) jotrok и otrok; *jotrôcznik(пр.), jütrôcznik (ц.) зять; *jotrôczníca (пр.), jütrôczníca (ц.) невѣстка.
Ju уже.
Junc бычокъ (пр.).

K.

Ka сл.: ka bě какъ бы.
-ka приставочное: ztąd-ka оттуда, zevsząd-ka отовсюду.
Kabat, kabot сл. женская верхная куртка; kabatk каш. куртка.
Kacza, также klosavica (пр.) утка.
Kâczka маленькая улитка.
Kâlesko лужа.
Kałdun (ц.) брюхо.
Kalitka (ц.) футляръ.
*Kam (пр.), сл. также kâmě, род. kamienia, камень.
Kâmiszk сл. камушекъ.
Kania (ц.) коршунъ.
Karkuleca (ц.) клюка.
Kárpuza сл., karpûza каб. большая мѣховая рыбацкая шапка.
*Karsz бодрый (?).
Kârus карась.
Karva сл. корова (преимущ. старая).
Karvotk родъ жилета, носимаго подъ курткою.
Karznia сл. большая корзина (въ которой носятъ разныя вещи на плечахъ).
Kaszerz сл. родъ круглой сѣти.
Kata сл. хата.
*Kaveł кусокъ.
Ķavl жеребій.
Kazel быт. родъ короткой женской шубейки.
Kazki каждый: na kazkie sviąta каждый праздникъ (у каш. въ Помераніи).
*Kądzel веретено.
Kądzora (ц.) кудрявый.
Kąpa островокъ; kąpe, kąpki кочки на болотѣ.
Kąszczk сл. кусокъ.
*Kątor жаба; (пр.) kontor; kontorzny knap или knoap (пр.) мошенникъ.
Kątovnica подушка.
*Kej если; *kejinga иногда.
Kêł грязь.
*Kełp, также у слов. kewp (а не kelp) лебедь; (пр.) kełb, kewb.
*Kerz, *kerzk кустъ.
Kerznia, сл. также kerznica кадка для битья масла; kerzniac бить масло; kerzniok сл. палка для битья масла.
Keszk сл. творогъ (приготовленный въ четырехъ-угольномъ кускѣ: tvórog творогъ круглый или продолговатый).
*Kidłon плохой кафтанъ; юбка; (пр.) kedlona зимнее исподнее платье у рыбаковъ.
Kiszka (ц.) колбаса (кровяная).
Kita (ц.) пукъ (льну, пакли).
Kivac, jo kivią, on kivie, сл. кивать.
Klěc, jo klěją сл. клевать.
Klęki (пр.) полозья у саней.
Kleszcz лещъ (рыба).
*Klępa старая корова.

Klin сл. колѣни (у сидячаго, нѣмецк. Schooss).

Klobocon сл., kło̊bo̊con каш. аистъ (пр. klabocan); klobocon klepie.

Kłobuk (пр.) шляпа.

Kłoda (пр.), сл. также kluoda бочка: kluoda toflû бочка картофеля.

Kłónjica помочь телѣжная.

*Klusa кляча; (пр.) лошадь.

*Knaga старая корова; кривой деревянный гвоздь въ стѣнѣ.

Knovac вырубать (лѣсъ, сучья и т. п.) топоромъ.

Knôr-z (кнорзъ) сл. кабанъ (домашній).

Ko, ko̊ когда; какъ; ko̊-te тогда, итакъ; ko̊-cze когда.

-ko сл. прибавка къ словамъ, какъ Русск. -ка: patrz-ko смотри-ка; ale-ko но.

*Kobel канать.

*Kobĕła, сл. kuóbĕla кобыла.

*Kóbełka кузнечикъ; (пр.) kobelka.

Koc сл. хотя.

Kuoci сл. туфли.

Kochovac любить: сл. on sa kochuje, miluje z nią.

Kodz (ц.) кадь.

Ko̊kosz курица.

Kołatac колотить.

Kolebac (ц.) качать дитя въ люлькѣ.

*Ko̊léczka (?) рало.

Kołocz (ц.) бѣлый хлѣбъ, пирогъ.

Kolodzej сл., kołodzi (ц.) колесный мастеръ.

Kołovoz колея; kołovaži колеи.

Kołovrot, (ц.) kołvrot веретено.

Kołybka (пр.) люлька.

Kominnik (пр.) трубочистъ.

Komnió родъ сѣти, для ловли лещей.

Ko̊nkova сл. подкова.

Konôpl или ko̊nople (множ.) конопля.

*Kope пограничный холмъ, насыпь.

*Korbac балагурить; сл. kôrbic говорить вздоръ: tĕ kôrbisz; nie korbí; (пр.) karbic.

Ko̊rbacz кнутъ.

Ko̊rcz выкопанный съ корнемъ пень.

Korcze (ko̊kosz) курица кудахчетъ.

Korki деревянные башмаки.

*Kornotok пастушья собака.

Ko̊rszkev или ko̊rszczuk (masła) большая ложка масла.

Kuóseszczo сл. древко у косы.

Ko̊sz родъ сѣти для ловли угрей и миногъ.

*Ko̊stnica склепъ.

Ko̊t копыто (въ Хмѣльнѣ).

Ko̊ta, kôtka изба.

Kotev (пр.) якорь.

Ko̊tka кошка.

*Ko̊zeł козелъ; перекладина въ зданіяхъ; *ko̊zełki puszczac играть въ кегли.

Kraba сл. снарядъ для ловли сельдей.

Krâc см. krĕgac.

Kraczaj шагъ.

Krâk сл., krek каш. (ц.) воронъ; (пр.) krak.

Kraka кляча.

Krakac (ц.) каркать.

Krakúleca сл. клюка, изогнутая палка.

Krasny (пр.) прекрасный, свѣжій.

Krągel (ц.) кегля.

Kre (пр.) кровь.

Krěchi хрупкій.

*Krechta церковная паперть.

Krěgac, чаще krâc, ja krą, on krâ или krô, on krâł, krôł или krěgał получить, достать.

Krěpě (въ Хиѣльнѣ) крупа.

Krěplasty крупный (говоря о дождѣ).

Krěszec крошить.

*Krěszka (пр.), сл. также krêszka, груша.

Krêt кротъ.

Krêvc портной; (пр.) kravc.

Krêvki сл. муравьи.

*Kręgulec полевая ласточка.

*Kro икра (у ноги); (ц.) рыбья икра.

*Krocz рыбья самка; сельдь (самка).

Krogulc (ц.) копчикъ (птица, нѣм. Sperber).

*Kropielnica кропильница; *kropielniczka сосудъ для храненія святой воды.

*Krova, *korva, *karva, kruova (пр.), *krusza корова.

Kruj каб. рѣзакъ.

Kruszcz (ц.) желѣзо.

*Kruz горшокъ (?).

*Krząknąc откашливаться.

Krzebiet сл., *krzebt хребетъ, спина.

Krzem кремень (пр.).

*Krzésedło, (ц.) также krzósedło, (пр.) krzosidło огниво.

Krzeszec зажигать огонь.

*Krzevî кривой; сл. также хромой, безрукій.

Krzevina (ц.) кустарникъ.

Krzîdło крыло (пр.).

Krzînczica сл. улитка (?).

Ksądz, ksǫdz, ksodz, ksudz пасторъ, священникъ; (пр.) ksanc.

Ksążec мѣсяцъ; (пр.) ksażyc.

*Ksob влѣво, сюда; (пр.) ksobniejsza strona лѣвая сторона.

Kubk (ц.) горшечекъ.

*Kuchna курва.

Kudła (ц.) косма, kudłos косматая собака.

Kukla (ц.) сдобный хлѣбъ.

*Kukuczka, сл. kukulka кукушка.

Kula яма.

Kule сл. нѣсколько.

Kuling сл. куликъ.

Kulovac, *kulac катать.

Kulzac, kulzaję (ц.) прихрамывать.

Kumka лавка у печи.

Kumotr сл. крестный отецъ.

*Kur пѣтухъ; *kurk, *kurok (пр.) пѣтушекъ.

Kurdebie (ц.) картофель.

Kurno gviozda сл. какое-то созвѣздіе.

*Kurópatka куропатка.

Kuropłoch вѣтреникъ.

Kurpie (ц.) истасканные башмаки.

*Kurtac катать.

Kurtie быт. башмаки.

Kurzą, множ. kurząta, сл. цыпленокъ.

Kurzic сл. курить; каш. kurzį sniegą мететъ снѣгомъ.

Kuszic, kuszę (ц.) манить; kuszecel (ц.) искуситель.
Kusznąc поцѣловать: kuszni mie v rzĕc (брань).
*Kuzdrac sę лѣниво работать.
Kůznica сл. кузница.
Kvakac каркать (какъ ворона), квакать какъ лягушка (varna, żaba kvaka); квакать какъ утка (kaczka kvacze).
*Kviatoch пѣгій быкъ.
Kviczec хрюкать какъ свинья.

Ł (у Словинцевъ произнос. какъ l (среднее, не смягченное), у Кабатковъ и Кашубовъ какъ w).

Łagodny (ц.) кроткій.
Łajac сл. лаять, блеять: pies, kuoza łaje.
Łajno (ц.) говно.
Łâpica сл. ловушка.
Łaska сл. родъ дикихъ утокъ: calô czôrna, a ma znaczk biali.
Łĕczivo сл., łĕczevo каш. лучина (въ Изв. Акад. по недоразумѣнію объяснено: „подбородокъ“).
Łĕkac сл. глотать.
Łĕpic, łupic (ц.) лупить; *łĕpina шелуха.
*Łĕsy лысый; *łĕsĕpa (пр. łusina) лобъ; łesol (ц.) лысый человѣкъ.
*Łeszczący лоснящійся.
*Łęczec соединять.
*Łęczk смычокъ.
Łogpivo (ц.) звено цѣпи.
Łokac, łuokac глотать: сл. luoczisz глотаешь.
Łokc (ц.) локоть.
Łokomę (ц.) другъ подлѣ друга.
Łomjac, łomjaję (ц.) ломать.
*Łôni, сл. łoni въ прошломъ году; *łonski, сл. łonski прошлогодній.
*Łono лоно; ноша.
*Łova, *łavka лавка.
Łovitva каб. ловля (рыбная).
Łożâ сл. отдыхъ, привалъ: mieli tą svą łożů.
Łóża, łuoża сл. оправа; панель двери.
Łuczevo то же, что łĕczevo.
Łup (ц.) грабежъ.
*Łyna тетка.
Łyskavica, сл. liskavica молнія.
Łysko sę (ц.) блестить; *łysk быкъ съ бѣлымъ лбомъ.
Łyszcze sę сверкаетъ (молнія).
*Łża ложь; łżę (въ Хмѣльнѣ) лгу.

L (смягченное, у Словинцевъ lj).

Ljachi сл., каш. lĕchi (пр.) плохой; ljacho сл., каш. lecho мало; плохо; нечетно (cetno czĕ lĕcho); ljaszo (сл. и каш.) хуже.
Landzk (пр.) солдать.
Ljaszka сл. палка.
Latorozga (ц.) сучекъ, ростокъ.
Ljâtos сл. нынѣшнимъ лѣтомъ.
Ląb, lųb, родит. lâmbe каб. снопъ.
Le сл. только (пр.).
Lebavi лѣнивый.
Lebię (ц.) желаю, мнѣ хочется

Lecka вожжа.
*Lĕdze, род. lĕdzî люди.
Lĕdzena сл. жниво.
Legły (ц.) кривой.
Lejdok (ц.) распутный человѣкъ, мерзавецъ.
Lekac, lękaję лѣчить (ворожбой).
Lekcec быт. щекотать.
Leki (ц.) лѣкарства; lekorz лѣкарь.
Lemisz (ц.) рѣзакъ у плуга.
Lencuch цѣпь.
Lĕpa (пр. ц.) липа.
*Lęs (пр.) лисица.
*Lĕseca куча, стая.
Lĕst (пр.) листъ; lĕsty (пр.) книга.
*Lészczena орѣшникъ.
Letkî легкій.
*Letevka, letovka (ц.) гречиха.
*Lĕzac лизать.
*Leżeszcze лежанка, логовище.
Lik сл. и каб. всегда, все, постоянно.
Lik (ц.), *lijk воронка.
Lili (ц.) ласкательное слово: милашка, красавчикъ.
Lîn линь.
Lirovac (ц.) плакать, рюмить.
Lisa (ц.) длинная веревка.
*Lisztva колодка.
*Loc лить.
*Lola дурень.
Lolkę jic (ц.) итти вонъ.
Loska (ц.) палка; локоть (мѣра).
Ljub сл. хлѣбная мѣра, нѣмецк. Scheffel (ljub żeta, rże, tofiû); pôl-ljebi полъ-мѣры.

M.

Mac или mâcer, род. mâcerze сл. мать: у каш. обыкн. matka.
Mâceca мѣшокъ у невода, куда попадаетъ рыба.
Macecha сл., *macocha мачиха.
Machac (ц.) махать.
*Makłac, makłaję щупать.
*Málena малина.
Małzonkovie (ц.) супруги.
Manĕsta сл. цѣловальникъ (въ кабакѣ).
*Mania лѣвая рука.
*Marchev марковь.
Marnotrovny (ц.) расточительный.
Marzec или chómarzec (ц.) бредить, грезить.
Maska (ц.) кислое молоко; maskovac sę (ц.) скисаться (о молокѣ).
Maszchôpstvo сл. товарищество (?).
Matinko (пр.) матушка.
Mądel, mędel четверть копы (т. е. 15 штукъ).
*Mądrol, *mądrzela дока, всезнайка.
*Mechniosz болотистая, мшистая поляна.
Mêdek каб. родъ чепца.
Mêdzviedz сл., каш. międzviedz медвѣдь.
Mĕga комаръ, мошка.
Mejnk родъ рыбы (налимъ?).
Mĕkac sę (ц.) вертѣться на языкѣ (о какомъ нибудь имени и т. п.).

Meklec, mekleję (ц.) мошенничать (въ торгѣ).
Mełpa (ц.) обезьяна.
*Mëły малый.
Mëta (также maca) извѣстная мѣра (хлѣба, соли).
*Mgłosc дурнота.
Mialki (chleba) сл. крошки.
Miawczec мяучить.
Mich, вмѣсто mnich, (ц.) монахъ.
Miec, mom имѣть.
Miédnica (ц.) тазъ.
Miedzviedz (пр.) медвѣдь.
Miélezna сл. водоворотъ.
Miemc (иногда у Кашубовъ; Слов. всегда говорятъ Niemc) нѣмецъ.
Mier терпѣніе (ц.): won niemo mierë.
Mieszk (ц.) мѣшокъ.
*Mieza межа.
Miezga (ц.), *miozga весенній сокъ деревьевъ.
Miętka (ц.) мята.
Mikelka сл. мелкая рыбешка.
Mikkí сл., *mitki каш. мягкій; mikké viodro сл. оттепель.
Miłovac (пр.) любить (при этомъ сдѣлано Прейсомъ замѣчаніе, что Кашубы не знаютъ Польскаго выраженія kochać).
Mini сл. сладкій.
Mintus сл. налимъ (рыба).
*Miod медъ; *miodní сладкій.
*Miono имя.
Mioszi, mijoszi сл. толстый.
Mizé сл., каш. также midze, между.
Mlecz (ц.) молоки.
Mlodí молодой: młodosc płochosc, starosc nieradosc (посл.).
Mnji меньшій, nomnji наименьшій.
Moc (или szczenc) (ц.) моча.
Modry синій; modrok (ц.), modrókviat сл. василекъ.
*Moknąc są потѣть.
Mol мѣсто; моль.
Mora ночное привидѣніе; (muora) сл. ночная бабочка.
*Morszczezna, (пр.) muorszczina сѣверъ.
Mor-z (морзъ) морозъ; miar-znie морозитъ.
Mot сл. мотокъ.
Movic говорить; mova говоръ, языкъ.
Mrëczec сл. блеять (какъ коза); каш. мычать (тихо, говоря о коровѣ); (ц.) ворчать.
Mrok (ц.) сумерки.
Mrovka муравей; mróviszcze (ц.) муравейникъ.
Mrzeża, mrzeżka родъ небольшой сѣти.
Mrzost рыбій норость; икра; rëbë sa mrzostuju сл.
Muce кочки на болотѣ.
Mudrec, mudreję (ц.) затѣвать (на пр. шалость).
Muga сл. комаръ, мошка.
Mulka сл. поцѣлуй.
*Mulorz каменьщикъ.
Mumrzec (ц.) ворчать.
Mûnie сл. губы.
*Murlata поперечное бревно (?).
Myto плата, вознагражденіе.

N.

Nâ- сл. наи: nâmlodszi, nâvici (всего больше), nâmili (всего охотнѣе); у каш. обыкн. nô-: nômłodszi.

Nadgroda (ц.) расплата.

Nadzievac sę (пр.) надѣяться.

Nagî сл. нагой.

Nana и nêna сл. и западн. каш. мать; (пр.) nana.

Naożenia, nawożenia каш., novożenia сл. женихъ.

Navyknonc (пр.) научиться.

*Nazod назадъ.

Nącic sa сл. пріучаться; nanęcec (ц.) пріучать; nęcec (ц.) манить.

Nąkac, nękac (въ Хмѣльнѣ) гнать.

Nąza, nôza сл. нужда; nôznici сл. бѣдняки; nôzni czloviek сл. безсильный; nązic сл. мучить.

Nechnôc сл. минога.

Nega (ц.) намедни.

*Nekac гнать.

Nerki (ц.) почки (нѣм. Nieren).

Nesz! (ц.) впередъ!

Nészerich czloviek сл. любопытный (съ нѣм. neugierig).

Nick ничего (всегда у слов.; у каш. также nic).

Nié-ą сл. нѣтъ (въ смыслѣ глагола и нарѣчія).

Niéborok (ц.) несчастный.

Niebozos сл. какое-то созвѣздіе.

Niéboże! жаль! каб.: niéboże że sem niéschovał.

Niéchtery, niéchteren нѣкоторый.

Niecki лотокъ; сл. черпалка.

*Niécnota наглецъ, развратникъ.

*Niedołęga недоросль; негодный человѣкъ.

*Niédoviora, *niedoviárk невѣрующій.

*Niékara (пр.) волкъ.

Niełûsy гадкій, неряха.

Niepleka (въ Хмѣльнѣ) странный человѣкъ, чудакъ.

Nierzvięta ребята: mome tyle nierzviąt.

*Nievczero завчера.

Nieviasta, чаще niâsta женщина; у каб. niâsta всегда употребляется въ смыслѣ жена (у слов. и каш. białka).

Nievidûmy сл. невидящій (ná jedno woko, ná oboje woczû nievidûmy).

Niéviedro сл. дурная погода.

Nievod неводъ.

Niézdara (ц.) неуклюжій человѣкъ.

Nigdě никогда: nigdě prze nigdě никогда отъ роду.

Nîndze сл. нигдѣ.

Niva (пр.) пашня.

Nizo (пр.) глубь.

No сл. пусть.

Nôdrze сл. ноздри; каш. (ц.) nozdre.

Nógajca (пр.), *nogávica чулокъ.

Nôgli каб. быстрый; nôgle вдругъ.

Nokc ноготь.

Nôr сл. нырокъ (птица).

Nord (пр. nuort) каш. уголъ: v tom nordze; слов. говорятъ также nord въ этомъ смыслѣ,

a nort (v tom norce) употребл. въ смыслѣ: мѣсто.
Norda сѣверный вѣтеръ.
Nosol (ц.) носатый человѣкъ.
*Nozémnica молодая свинья.
*Nózimk весна.
*Nuchla картофель.
Nynia сл. и запад. каш. теперь; (пр.) ninia.

O.

Примѣч. Въ словахъ начинающихся съ гласной о, Кашубы постоянно приставляютъ w, подъ которою и см. эти слова; Словинцы и Кабатки допускаютъ букву о въ началѣ словъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ.

Obagnec sa сл. родить (говоря объ овцѣ).
Obłuda каб. привидѣніе.
Ocsati сл. съ большими клѣтками (сѣть).
Odchłast: za odchłast dvierzi каб. захлопнутыя (?).
Odnąd (пр.) оттуда.
Ogard сл., wogard садъ.
Ogolnąc (batogę) (ц.) хватить, ударить.
Okbaba (ц.) растеніе Mentha crispa.
Okonj сл., wokunj каш. окунь.
Omllic sa сл. ошибиться.
Onêgda сл. намедни.
Oparsec sa сл. опороситься.
Oplatoni сл. заплатанный.
Orzeł, род. orzeła (пр.) орелъ.
Osce сл. багоръ.
Osech (пр.) островъ.
Osina (пр.) горный хребетъ (?).
Ostropierz (пр.) растеніе Datura stramonium.
Otcze-nasz сл. отче нашъ (каш. pacerz).
Owod сл. оводъ.
O'zgamba (chleba) сл. кусокъ.
Ożeg, wożeg сл. кочерга.
Ożgniony опаленный, обожженный.

P.

Pájczina, pájczena сл. весло; vioslo значитъ багоръ: «jo nągrobią vioslą, jo jeżdżą pájczino». Кашубы въ Помераніи говорятъ páczina.
*Pajk паукъ; (пр.) pajk, pajik.
Pajíczena паутина; (пр.) pajczina, paiczina.
Palĕca сл., paljáca, pâlca каб. палка.
Pałąg дуга, на которую надѣвается сѣть.
Pândzec гнать (скотъ).
Panoszec (ц.) важничать.
Paprotac, paproczę (ц.) болтать пустяки.
Pâra сл. паръ.
Pârch сл. пыль.
Parchato żeba (ц.) жаба.
Parparc папоротникъ.
Párpora сл. золотая рыбка.
Pârsą сл. поросенокъ.
Paserb (ц.) пасынокъ.
*Pasiker большой молотъ.

*Pasturz пастухъ; *pasturka жена пастуха; *pastuch, *pasturk пастушокъ.
Pastviszcze (ц.) пастбище.
Patelnio (ц.) сковорода.
Pawnie (пр.) полдень.
Pazěcha: pod pazěchą сл. подъ мышкою.
Paznokc (пр.) коготь.
Pażec (въ Хмѣльнѣ) мурава.
Pączk (въ Хмѣльнѣ) блинъ.
Pęgvica (ц.) пуговица.
Pąk пукъ; *pęk снопъ соломы; *pęczk почка; подушечка для иголокъ; пучокъ соломы.
*Pękac, pękaję лопаться.
Pąknąc сильно ударить.
Pąkierz сл. пузырь (на водѣ).
*Pępk пупъ.
Pełnie полдень; обѣдъ.
Perk (ц.) маленькій сельдь.
Pěrzna, pěrzinka, pěrzilinka крошка; *pěrznę, *pěrzinkę немного; do pěrzînki до последней крохи.
Pěsk (ц.) рыло, морда.
Pěskac, jo piszczą (ц.) рыть, рыться.
Pěskovac (ц.) ругаться.
Pesnive lesty (пр.) молитвенникъ.
Pestka косточка (въ вишняхъ и т. под.).
Pětel (ц.) Staubbeutel in der Mühle.
Pětelj сл. бабочка (у Прейса по ошибкѣ petłeł).
Piâna сл. пѣна (употребительнѣе szûma, съ нѣм.).
*Piástunka нянька.
*Piec печь (для печенія хлѣба), *pieck печь комнатная.
Piec, pieką и pieczę (ц.) печь, пеку.
Pieczelny (также piekelny) адскій.
Pielecha (ц.) пелена.
Pienesztvo собират. деньги.
Piepiérzica сл. родъ птицы, Wasserhuhn; (пр.) przepierzica перепелка.
Pieralka (пр.) прачка.
Piesnia сл. пѣснь.
Pikôn родъ рыбы, Hornfisch.
Pilj-pilj, piljka piljka тига-тига (кличка гусей); утокъ кличутъ kaczi-kaczi.
Pilno (ц.) нужно; прилежно.
Pilovac сл. сторожить.
*Pinc (пр. panc, pint) пять.
*Pioc пѣть; сл. kur puoje пѣтухъ поетъ; piône пѣто; (пр.) poje поетъ.
Piondze (рѣдко pieniądze) деньги.
*Piornok писчее перо.
Piorun молнія. Кашубы говорятъ: piorun poli (палитъ), ale kej pôtemu zašoz grom wuderzi, ten věgasi (ц.).
*Piosk (пр.) песокъ.
Pipa (въ Хмѣльнѣ) дудка.
Pirs (ц.) титька; *pirse перси; грудь.
Pirszczen (ц.) перстень.
Pisc (ц.) кулакъ.
Piskac сл. играть на дудкѣ.
*Piskorz пискарь.
Pîsmio сл. письмо, za pismênię по писанному.
*Pitk, *pitok мужской членъ.
Płac, pielę полоть.

Płachta простыня.
*Plapa морда.
Plat сл. платокъ; холстъ: bladi jako plat.
Płatac, płotaję (ц.) платать.
Płávnica (на Гелѣ) родъ большой сѣти.
Plěce сл. легкія.
Plêce сл. плечи.
Plech (ц.) тѣмя.
Plěgavi (въ Хмѣльнѣ) гадкій, плюгавый.
Plesk (въ Хмѣльнѣ) ненастье.
*Plestac, pleszczę, (ц.) pleskotac болтать, говорить вздоръ.
Plěska сл., pleszka каш. трясогузка (птица).
Plěta заводь; (въ Хмѣльнѣ) лужа.
Pleva (ц.) плева (тонкая кожица); сл. ploͦva плева (отъ хлѣба).
*Płěvac, płěvaję плавать; *płěnąc, płěnę литься.
Plocinca сл. улей.
*Płochta простыня; сл. plochta прикрѣпляемое къ головѣ покрывало, принадлежность праздничнаго женскаго наряда.
Płom (ц.) пламя.
Plon сл. отдѣльное поле; мѣра земли = vłoka (30 морговъ).
Plos сл. клопъ.
Plotka сл. родъ рыбы (плотва?).
Pludze (ц.) широкіе штаны, нѣм. Plunderhosen.
Plüg сл. плугъ.
Pluto сл. поплавокъ.
*Płynt фунтъ.
Pochva (ц.) футляръ, ножны.
Póczvara чудовище.
Pódeszva, pódeszev (ц.) подошва.
*Poͦdkarbiac передразнивать.
Poͦdvóda каб. подвода: na poͦdvodze jedze.
*Poͦdwoͦgoͦnnica подхвостный ремень; большое половое отверстіе у скота.
*Poͦganiac погонять, poͦgoniocz погоньщикъ.
Poͦj иди, поди.
Poͦkrzeva крапива.
Poł (ц.) полъ.
Pol каб. подлѣ: pol moͦrza; (пр.) pol подлѣ, pol nie подлѣ ея.
Połc (ц.) пóлоть (ветчины).
Polc палецъ, *palecznik наперстокъ.
Polen, женск. polna полювъ, полна (на Гелѣ: въ другихъ мѣстахъ pełn, pełna).
*Poͦłkoszk койки телѣги.
*Poͦloch Полякъ.
*Poͦłtoracznik широкій возъ.
Poméjsk, puméjsk сл. маленькая птичка, по-нѣм. Fifitz.
Poͦmogar сл. истопникъ (въ пивоварнѣ).
Poͦmorzka Померанія (въ противоположность Кашубской землѣ: потому «po Poͦmorzku movic» значитъ: говорить по-нѣмецки); *Pomarenk Поморянецъ.
Pómuchla небольшая морская рыба, по-нѣм. Dersch.
*Poͦnor червякъ.
Poͦplonka сл. лихорадка, горячка.
Poprąg подпруга.
Porch, множ. pârgi сл. порогъ; (пр.) parg.
Porêd сл. по-порядку.

Pôrédusżk сл. гостинецъ, подарокъ на радости.
Porénk (пр.) утро; na porénk на другое утро.
*Poręcze перила; узда.
Pos сл. поцѣлуй: doj mnie pos.
Pôslod, *pôslode сзади.
Posog (ц.) приданое.
Pospievac se спѣшить.
*Pôstava видъ; станокъ ткача.
Postavnî сл. красивый.
Pôstórnek сл. постромка.
Posziden (пр.) ежедневный (правильнѣе, кажется, ежедневно).
Poszivorz сл. рогожникъ.
Pôt быт. горшокъ.
*Pôtcevy честный.
Potok (пр.) болото.
Pôtrov (ц.) отава.
*Pôtróvnica земляника.
Pôvarka сл. почка (Niere).
Pôvieka (ц.), pôviczka сл. вѣко (глазное).
Pôviviacz сл. какая-то трава, растущая въ картофелѣ.
Povor-z сл. веревка, канатъ; (пр.) povarz.
Pozdze, pozdzi поздно.
Pożecec сл. взять взаймы.
Prac, pierzę (ц.) бить, колотить; мыть (бѣлье).
Pravica (ц.) правая рука.
*Prażec жарить.
Prĕk: usze prĕk trzĕmac держать уши на-сторожѣ (говоря о собакѣ, о лошади).
Prĕs сл. жеребецъ.
*Prĕsok Прусакъ.
Priszczec сл. прыскать.
Prôcha сл. нищенство: jic na prôchą идти просить милостыню.
Procom, procomko (ц.), procim, procimu (пр.) насупротивъ.
*Procz, *wôprocz кромѣ.
*Prog, porg порогъ.
Proleszczk незабудка.
Prom (ц.) паромъ.
*Prosąk пороховой рожокъ (?).
Prosnąc попросить, пригласить.
Prosto (ц.) прямо; tĕ mosz prosto ты правъ; *prostok простякъ, простолюдинъ.
Prozniec, proznieję (ц.) лѣниться.
Prys быт. некладеный свиной самецъ.
Przebĕvk: przebĕvk sviata (ц.) древній старикъ.
Przechoszczac, -aję (ц.) приманивать.
Przeczec (ц.) отрицать, отнѣкиваться.
*Przecznik поперечникъ.
Przedsonk (ц.) сѣни.
Przegrâbic сл. перегресть (напр. черезъ рѣку); mĕ przĕgârniem мы переѣдемъ рѣку.
Przêki сл. поперекъ.
Przêlek сл. глотокъ.
Przelǫbic сл. разломить (на пр. дверь).
Przełudzac -aję (ц.) манить.
Przenąkac сл. приблизиться.
Przesny свѣжій.
*Przesc прясть; мурлыкать: сл. kot przedze, каш. kôt prządze.
Przętro (ц.), przętr, быт. prząter ярусъ; чердакъ.
Przątrz сл. нёбо (во рту).
*Przezdrzec sę осматривать себя,

глядѣться въ зеркало; *przed-rze Bog помоги Богъ. *)
Przidki (ц.) крутой.
Przikry (ц.) досадный.
Przindz (пр.) прійти.
Przіodzêvk одежда.
*Przod, *przodki, przodka впереди.
Przondki, przodki сл. кузнечики, саранча.
Przôsonki сл. какая-то ягода, нѣм. Keilbeere.
Psêc (ц.) портить.
Psosec (ц.) шалить.
*Pstroch пестрый быкъ.
Pszênca сл. пшеница.
*Ptoch (пр.) птица.
Pukavka (ц.) ружье.
Puster сл. черная повязка на головѣ, принадлежность дѣвичьяго убора.
Puszka (ц.) ружье.
*Puta, *pizda женская половая часть.

*) вѣрнѣе: прости Боже!

R.

Rad, rado сл. охотно; rêdosc радость, redovac są радоваться.
Râja сл. болото, топь.
Rąb (ц.) рубецъ.
*Rączka пробка (?).
Rączki сл. рукавицы.
Rąkajca сл. рукавица; viązla rąkajca сл. вязанная рукавица.
Rąkov, rękov рукавъ.
Rěba (пр.) рыба.
Rěbak сл. червякъ (пр. robak червякъ; ракъ-болѣзнь).
Rěbok рыбакъ (пр. rěbak).
*Rechełt порогъ, перекладина (въ клѣти).
Rěchli сл. скорый.
*Rěczec ревѣть: сл. krova răczi.
Rêga быт. рядъ.
*Rêk (пр. неправильно rjek) ракъ.
*Rek шестъ; rěki сл. загородка изъ шестовъ, устроиваемая въ водѣ для рыбной ловли.
Rêm сл. ремень.
Rêmio сл., *remią (пр.) плечо.
Rêmiôn сл., remionk (ц.) ромашка.
Rêna рана.
Rěnk рынокъ.
*Rêno утромъ; рано.
Rěpa оббитый кнутъ.
Rêsnąc сл. рости.
Rěszac, -aję, sę (ц.) трогаться, rěch (ц.) движеніе.
Rěszic сл. тронуть.
Rêva сл. мель.
Rêż каб. рожь; (пр.) reż хлѣбъ (зерновой).
Rębiarz (пр.) дровосѣкъ.
Rick груздь.
Rikac (въ Лебѣ) говорить.
Ril (ц.) лопата.
Rôb сл. улей: rôb pszczol.
Rocic (пр.) проклинать.
*Roczba сватанье.
Ruok (пр.) годъ.
*Roló пахотная земля.
*Romni ровный, *rovni равный (я не слыхалъ, чтобы эти двѣ

формы употреблялись съ такимъ различіемъ въ значеніи; напротивъ, и romny и rovny значатъ одинаково равный и ровный; первая форма употребительнѣе).

Ruosa сл. (пр.) роса.

Rosocha (ц.) разсоха (въ сохѣ).

Rospacze (ц.) отчаянье.

Rôstaje сл., rôstanie каш. двѣ расходящіяся дороги, распутье.

Rôvic sa сл. роиться: pszczole sa rôvio.

Rozga (ц.) прутъ.

Roznia (ц.) ржавчина.

Ruozum (пр.) разумъ.

Rozvîdzeje яснѣетъ, разгуливается (погода).

*Rozvora клинъ, орудіе для расперки; *rozvorznik курокъ, гвоздь которымъ натягивается лукъ.

Rôżk (также rôg) сл. уголъ.

Ruchna сл. платье и домашніе пожитки; (пр.) ruchna одежа, на пр. jo mom ruchen dosc у меня довольно одежи.

*Runo руно, шерсть.

Ruta рута: psio ruta полынь.

Rząd рядъ; *rząd путь ступени (?).

*Rzęsa водяной кресъ, ряса.

Rzec сл. задница.

Rzec сл. ржать: konj rži (произнос. также какъ rrzi).

Rzecoz цѣпь.

Rzegac тошнить (въ Изв. по недоразумѣнію объяснено: ломать).

Rzeknąc сказать; у слов. и каб. употребл. формы: ja rzeką, tě rzeczesz, on rzecze и т. д.

*Rzêm ремень.

*Rzeszec вязать, urzeszic привязать.

Rzetélny (czloviek) прямодушный.

Rzezko сл. быстро, проворно.

Rzezvy (ц.) свѣжій.

*Rzma холмъ (?).

Rzoza зарница; сл. rzuorzo заря.

S.

Sâ сюда: daj-sâ дай сюда, po'-le-sâ (въ быт. podz-le-sâ) подика сюда.

*Samc, samica, самецъ, самка.

Sandacz, сл. sandzanc судакъ (рыба).

*Sano сѣно.

*Sarka (пр.) сл., каш. *sroka, *seroka сорока.

*Sarna серна (самка); сл. sorn серна (самецъ), *soreń. Въ быт. sarna значитъ олень.

Saza (ц.) сажа.

Sąk (ц.) сукъ.

Scerzp сл. серпъ.

Scerzpli сл. чахлый, исхудалый.

Scîrz падаль, стерво.

Seczera, *sékera топоръ.

*Seczkarnio комната въ которой крошатъ, разсѣкаютъ.

Sěchi (ц.) сухой, sěsza (ц.) суша.

*Sedła лавка, скамейка.

*Sěka сука.

Sěmînie сл., somiôni, sumienie совѣсть.

Sěnogarleca (ц.) горлица.

Sěnol (ц.) сынишка (сынъ, въ смыслѣ презрительномъ).

Sermięga (ц.) одежда изъ грубой ткани.
*Servotka сыворотка.
Sěry (ц.) сырой.
Seszêca каб. рукоять (у плуга).
Setko (ц.) сито.
Sětî сытый, жирный.
Sěty сл. сыпанный.
Sîdlo сл. клѣтка въ сѣти.
Sîgnųc сл. достать, досягнуть.
Sikac (ц.) свистѣть; прыскать.
*Sikovka, *strzikovka оконечность (?).
Sînųc сл. сѣсть.
Sîżeń сажень.
*Skarnio щека.
Skâza сл. бѣда; *skazec исказить, испортить, разбить.
*Skiba скибка (хлѣба).
Sklnic sę (ц.) лосниться.
Skluo сл. зрачекъ.
*Sknera скряга.
*Skobronk, *skovronk, *skovork, сл. skovornek, skovarnek жаворонокъ.
Skóczke кузнечики.
*Skolec рыдать; сл. skolic визжать (какъ собака).
Skora, пр. skuora кора.
*Skorb скарбъ, кладъ.
Skôrc сл. скворецъ.
Skórepa скорлупа; сл. skoróре черепки.
*Skorznia (пр. skorznia и skożnia) сапогъ.
Skotorz сл. пастухъ (коровій).
*Skra искра.
*Skręta проволока; конецъ дышла прикрѣпленный къ телѣгѣ.
Skromno мало, скудно, напр. mięsa skromno.
Skronia (ц.) високъ.
*Skrov лоскутъ, тряпка.
*Skrzenia, *skrzinka сундукъ.
Skrzepiec (ц.) скрипѣть.
Skrzepice (пр.) скрипка.
Skunia (ц.) амбаръ.
Skvîrac, jo skvîrzą; skvirzec сл. плакать, пищать.
Skvîrz сл. сверчокъ.
Sla, род. sli, сл. slo, sli шлея.
Slâd сл. вслѣдъ.
Słąp родъ сѣти.
Slěch сл. високъ.
*Słěch слухъ, *słěchac слушать, słěszec слышать; słěsznie (ц.) пристойно; сл. slěchac принадлежать.
Slednî, slêni сл. послѣдній.
Słěga слуга.
Slêp сл. слѣпень.
Slěva (ц.) слива.
*Slod слѣдъ, вслѣдъ; задъ, задница; slodk (ц.) задняя часть; *slotki, *połděpki задніе щеки.
Slóvin сл. соловей.
Slúniszko, slúneszko сл. солнышко.
Směczk (ц.) веревка у кнута.
Smek, smok (пр.) улитка.
Směknąc шмыгнуть.
*Smiotana сметана, сливки.
Smiotonka (ц.) презрительное названіе Польской шляхты, употребляемое Кашубскимъ простонародьемъ.
Smirc смерть.
Smirdzec (ц.) вонять; smrod (ц.) смрадъ.

*Smodles (?) столярный ножъ.
Smok змѣй.
*Smork сопли, *smarkaty сопливый.
Smug (въ Хмѣльнѣ) небольшой лужокъ, небольшой клочекъ поля (*smug лугъ, болото).
Smukac гладить, posmuknąc провести рукою по чему нибудь.
Smura, smüra сл. туманъ.
Smużk (ц.) овчинка.
Sněc, sněję мотать.
Snod сейчасъ, тотчасъ.
*Snope, *lębe снопы.
*Snoži (пр. sznoži), также snuži, сл. snôžni красивый.
Sobaka сл. собака; (ц.) сука.
Sod (ц.) садъ.
Sodac, sodaję (ц.) садиться.
Sodc сл. садокъ (для рыбы).
*Sodk волосяное рѣшето.
Sodzel (ц.) саднина (на спинѣ).
Sonsz, zonsz (ц.) замша.
Sorbiec (ц.) хлебать.
Sosâcznik родъ сѣти.
Sosnina (ц.) сосна.
Sosznik (пр.) сошникъ.
Spara (ц.) щель.
Sparcha сл. спокойствіе, отдыхъ.
Sparzec (ц.) ошпарить.
Spaszovac (ц.) прійти въ упадокъ, разориться.
Speniežic (ц.) посеребрить.
Spic (ц.) застегнуть, spinac (ц.) застегивать; — sę становиться на дыбы.
Spik (ц.) високъ.
Spin сл. (пр.) пряжка.
Spisk (ц.) заговоръ, бунтъ.
Splevac (ц.) плевать.
Spojic (ц.) спаять, склеить.
Spory (ц.) большой, крѣпкій, здоровый.
Sprzątka растеніе, полевой тминъ.
Sprzejajec (ц.) благопріятствовать.
Sprzężesty (ц.) скорый, вспыльчивый, sprzężnosc (ц.) вспыльчивость.
Sprzesic sę (ц.) составить заговоръ.
Srogi (ц.) очень большой; сердитый; srożec sę (ц.) важничать.
Sromac sa сл. стыдиться (въ Хмѣльнѣ ja sromóm стыжусь); srómota сл. стыдъ; sromotlěvi сл. застѣнчивый.
Ssac сосать; dzeca sseje сл. сосетъ.
Stado (ц.) большое стадо.
Starczec (ц.) доставлять, устраивать.
Stârk сл. тесть; *stark старичокъ, дѣдъ, *starka старуха, бабушка, *starkȯvizna часть назначенная старикамъ.
Statk (ц.) посуда.
*Statkovac хорошо вести себя.
Stavac, stojec (ц.) стоять, stavac sę случаться; staje mi no to это мнѣ служитъ къ тому (ц.).
*Stebło стебель.
Steczka тропинка.
*Stědnąc остывать, stědzec (ц.) студить.
*Stědnio колодезь.
*Stêgna сл., у каш. stêgna (*stegna пр.) тропинка.
Stěgnąc (ц.) стынуть.
Stěkac sę встрѣчаться.
Stełk стулъ.

Stękac (ц.) стонать.
Stępa (ц.) ступа.
*Stępiac ступать.
*Stolem, stołym, stołm, stołmak великанъ.
*Stonik лацканъ (верхняя часть сюртука); лошадь, которую постоянно держать въ конюшнѣ.
*Stonio конюшня.
Stopa (ц.) подошва.
Störn сл., storn родъ рыбы (по-нѣм. Flunder).
Stórneczka сл. лента.
Stöv сл. прудъ.
Strapiały гнилой.
Straszk (ц.) страшилище, привидѣніе.
Strava (ц.) пища.
Strěch, strěcha сл. нищій, бѣднякъ; (пр.) strěch старикъ.
Strechlaty (ц.) малодушный, унылый.
*Strega ручей; (ц.) дождевой потокъ; сл. strěgâ, strużk, каш. strużka ручей.
Strełka стрекоза (Libellula grandis).
Strěmien (ц.) рѣка, ручей.
Strěpiec сл. гнить.
Stresza шалашъ, будка.
Stręczec (ц.) предлагать, поручать.
*Stręk стручокъ.
Stri, сл. strik дядя; strejenka, сл. strijna тетка.
Strogi грозный.
Stropiony (ц.) озабоченный.
Strovy, struovy сл. здоровый; каш. (также и сл.) zdrovy, zdruovy.
Strzebac, strzebię хлебать, втягивать въ себя сквозь зубы.
*Strzebro серебро.
Strzécina сл. тростникъ.
Strzecha крыша, преимущ. соломенная (простую крышу называютъ dak).
Strzem (ц.) стремя.
Strzena, strzana сл. тростникъ.
Strzêni, vestrzêni сл. средній.
Strzîbrznik серебряный грошъ (Silbergroschen).
Strzikovka (ц.) насосъ, шприцъ.
Strzîmk маленькая болотная птица (Rohrsperling).
Strziż маленькая птица (стрижъ?).
Strzoda стадо.
Stukac (ц.) стукать.
Stulec (ц.) сжать, на пр. stul gąbę сожми ротъ.
Stur (ц.) гной, нарывъ.
Stynka какой-то родъ рыбы.
Suszô каб. суша.
Sum сомъ (рыба).
Svadzba сл. свадьба.
Svândzi чешется; svędzec (ц.) чесаться.
Svąd чадъ.
Sviardnąc (ц.) твердѣть; svirdzac, svirdzaję (ц.) утверждать, подтверждать.
Svicec (ц.) праздновать.
Sviegotac, sviegocę (ц.) болтать, нести вздоръ.
Svierzbiec (ц.) свербѣть, svorb зудъ.
Svinka: dzeci svinką biją сл. играютъ въ мячикъ.
*Svioz (?) сосудъ для храненія масла.

Svit, svitânie разсвѣтъ.
Svojeglosny сл. собственный.
Svôk сл. своякъ; *svok, *svager шуринъ, sviegka (ц.) золовка.

Sz.

Szacha, *szach жердь.
Szadomorz сл. иней.
Szady сл. сѣрый.
Szadî косматый.
Szał (ц.) бѣшенство, szalec, szaleję (ц.) бѣситься.
*Szałaputa вертопрахъ, szałopata (ц.) дикарь.
Szałbierz (ц.) обманщикъ.
Szamotac (ц.) встряхивать, болтать.
Szanec, szaneję (ц.) почитать.
Szargac, szargaję (ц.) пачкать.
Szarodny (ц.) гадкій.
Szarzanca (ц.) саранча.
*Szastac быть нетерпѣливымъ, хвататься то за то, то за другое.
Szât сл., *szata платье.
Szątópierz сл. (пр. szatopierz), каш. szątóporka летучая мышь.
Szątopiorka шутка, шуточная пѣсенка.
Szcholk сл., szcholc (ц.) рукоять (на пр. ножа).
Szczebel (ц.) стебель.
Szczegułc пай, отдѣльный кусокъ чего нибудь.
Szczekovac лаять: pies szczekuje (ц.).
Szczélena (ц.) щель.
Szczepa (ц.) щепа, szczepiac, szczepiaję (ц.) расщепливать.
*Szczepac щипать.
Szczerba (ц.) зазубрина.
Szczery (ц.) искренній, вѣрный.
Szczesce счастіе.
Szczevac (ц.) уськать.
*Szczezla, *szczelena (?) чешуя на рыбѣ.
Szczéżeve сл. чешуя.
Szczig (ц.) чижикъ (птица).
Szczôv щавель.
Szczowci сл. бѣлокурый.
Szczuka сл. щука; szczuczęta маленькія щуки.
Szébiennica (ц.) висѣлица.
Szedzec (ц.) трунить.
Szeja сл. шея.
Szekôvny красивый.
Szeleszt (ц.) шелестъ.
Szelągпфеннигъ (мелкая монета).
Szemrac (ц.) бормототь.
Szĕmiec шумѣть: viatr szĕmi.
Szeniga кляча.
*Szepelec шепелять.
Szeptac, szepcę (ц.) шептать.
Szĕszka шишка.
Szĕszok (ц.) шишакъ, каска.
Sziba (быт.) тарелка.
Szkalec, szkaleję, szkalovac (ц.) бранить.
Szklona (на Гелѣ) стаканъ.
Szkolnią каб. школьникъ, ученикъ: s temi szkolniąty.
Szkrobac скрести.
Szkuna сл. амбаръ.
Szla, род. szlî какой-то родъ рыбы.
Szlabrotac сл. плескаться, пачкаться въ грязной водя.
Szlach слѣдъ; тропинка.
*Szlaga слякоть, дурная погода.

Szlapac (ц.) мочить; uszlâpac сл. замарать.
Szledrę (ц.) вкось.
*Szlupka женскій башмакъ.
Szmat, szmiot (ц.) куча.
Szmażec (ц.) жарить на сковородѣ.
Szmer (ц.) рубашечный рукавъ.
Sznażni (пр.) красивый, ловкій; sznaże dzievcze (пр.) пригожая дѣвушка.
Szosovac (ц.) колоситься, о ржи.
Szotor (ц.) тряпка, *szótora лоскутъ, заплата, *szotornik бродяга, сорванецъ.
Szperac, szperaję (ц.) рыться, копаться въ чемъ нибудь.
Szpetny (ц.) гадкій, szpecec (ц.) дѣлать гадкимъ, szpetel (ц.) гадкій человѣкъ, szpetnica (ц.) гадкая женщина.
Szpinia шкапъ.
Szplinda (ц.) втулка.
Sztĕga, sztîga сл. два десятка чего нибудь.
Sztĕnia сл. часъ; sztúdzinka сл. часокъ; sztenik (пр.) часы.
Sztůdor сл. поплавокъ, приспособленный къ снаряду, которымъ ловятъ сельдей: sztůdor do krabe przepravioni.
Sztrĕch или sztrĕcha сл. бѣднякъ.
Sztrekac (ц.) ломать.
Sztrĕkacz сл. перепелъ.
Sztrika (za bersztinia) сл. снарядъ, которымъ достаютъ янтарь.
Sztuknųc: jewo sztuknu' сл. ему рыгнулось.
Szturchac, sztĕrchac (ц.) толкать.
Szuba (преимущ. у слов.) длиннополое платье.
Szům шумъ.
Szur крыса.
Szutka (ц.) нюхательный табакъ.
Szútora тряпка.
*Szvaniac вынюхивать, пробовать.
Szviêrc сл. сверчокъ.
Szvistac (ц.) свистать.

Т.

Taczac торчать.
Tałalejstvo (ц.) сволочь.
Talko столько, настолько.
Tana (съ нѣм.) ель *).
Tancza сл. (пр.) дождевая туча.
Tanga сл. (пр.), *tęga (*tęcza) радуга.
Tar (ц.) торная дорога, tarovac (ц.) торить дорогу.
Tarczi какіе-то цвѣти, растущіе во ржи (Wucherblumen).
Taszemka (ц.) пóмочи.
Tą тамъ; tą e są тамъ и сямъ; *tę.
Tąpî сл., tępy (ц.) тупой, tępic (ц.) притуплять.
Tęptac (ц.) топать ногами.
Tątrąptac топать, стучать ногами.
Tczec, tczę (ц.) чтить.

*) въ Изв. неправильно „кадь“.

Tczi (ц.) пустой: tczi worzech.
Tĕcz тычинка, *жердь.
Tej и; *такъ, тогда.
Tĕję (ц.) жирѣю.
Tĕł (ц.), сл. tyl тылъ, спина.
Tele (ц.) столько, telki (ц.) такой большой.
Terovac, trovic изнурять.
Teroz (только у каш.) теперь.
Ter-zac сл. бѣжать; *terzac быстро ѣхать.
Tesc тесть.
*Teskno, *teszno страшно, боязливо; (ц.) teszno желательно: mi je teszno мнѣ сильно хочется; *tęszniec, *teszniec страшиться.
Tĕsącz, (пр.) tĕsuncz тысяча.
*Tinka кадка.
Tipka, tip: слова, которыми зовутъ цыплятъ.
Tkovac, tkuję (ц.) втыкать, набивать.
Tkvic (ц.) торчать: to ju v nim długo tkvi это онъ уже давно забралъ себѣ въ голову.
Tlec (ц.) тлѣть.
Tłĕc, tłĕkę (ц.) толочь; tlĕc sę (ц.) толкаться.
Tłĕsty (ц.) толстый, жирный.
Tobołа пастушеская сумка.
Toczac, toczaję (ц.) катить.
Toczec, toczę (ц.) цѣдить; точить зубами.
*Tol (*szteczka) кусокъ льна.
Tônio сл., toń (ц.) тоня.
Tonec, toneję (ц.) катить.
Tônji болѣе дешевый.
Topicelj сл. топь, болото.
*Topiec щелкать языкомъ.
*Topor, tĕpôrk топоръ; *topork топорикъ.
Torg сл. рынокъ.
Tovaresz (ц.) товарищъ.
Tragî каб., trĕgî сл. назадъ.
Trapierzec, trapierzeją сл. мучить, угнетать.
Traskovka ружье.
Travic (ц.) варить желудкомъ.
Trĕc, trĕję (ц.) отравлять, *trĕcezna ядъ.
Treszczec сл. трещать: treszcza v rękú трещитъ въ рукахъ.
Truchlec, truchleję каб. гнить.
*Truna гробъ.
Truna трутень.
Trvoga (ц.) бѣда, бѣдствіе.
*Trzesc, *trzisc трясти.
Trzéscina сл., trzcena (ц.) тростникъ.
Trzeszcz каб. творогъ.
Trzeva сл. кишки.
*Trzęsáviszcze трясина, болотистое мѣсто.
Trzmiel (ц.) шмель.
Trzpiot вертопрахъ.
Tu, сл. tu-hó, tudô, tĕdô, у западн. каш. также tudé, тутъ.
Túfle картофель: каб. túfleviczi картофельная зелень.
Tuk (ц.) жиръ.
Tulec (ц.) слегка нажимать, гладить, успокоивать.
Tvirdza (ц.) крѣпость.
Tvorca сл. плотникъ.
*Tvorz хорекъ.

U.

Примѣч. Въ словахъ, начинающихся съ этой буквы, Кашубы, и обыкновенно также Кабатки и Словинцы, приставляютъ придыхательную букву w, подъ которою и см. эти слова. Въ рѣдкихъ только случаяхъ Словинцы и Кабатки, а равно жители сосѣднихъ съ ними Кашубскихъ деревень въ Померанiи, допускаютъ въ началѣ словъ u безъ придыханiя. Такiя слова здѣсь приводятся.

Ubĕtk сл. житье.
U'cemięga тягость.
Ucknąc досадовать.
Ukleja, uklej, wukleja родъ рыбы.
Umaniêni обманъ, очарованiе.
Umiarlî сл. умершiй.
Upilâc сл. подстеречь.
Urok сл. дурной глазъ, uroczic сглазить.
Uzdĕchnąc сл. умереть, on uzdĕch онъ скончался (слово это употребляется безъ всякаго презрительнаго оттѣнка).
Użasnųc sa сл. испугаться.
Użekviat (въ Хмѣльнѣ) Апрѣль мѣсяцъ.

V.

Vâbic сл., каш. vôbic манить.
Vada (ц.) ссора.
Vâga сл. канатъ.
Vale-vale кличка гусей (тига-тига).
Vârcec сл. вертѣть.
Varga (ц.) губа, vargol (ц.) губастый человѣкъ.
*Varna (пр.) ворона (форма употребит. преимущественно у сл. и каб.; у каш. *vrona).
Varsznąc сл. киснуть, прокисать.
*Varta, *vrota шлагбаумъ (ц. varta караулъ).
Varząchev (masła) большая ложка масла.
*Vębórk ведро.
*Vędzedło удило (у узды).
*Vągarda ограда.
Vęgre (ц.) угри, водящiеся подъ кожею скота.
*Vąsévnica (пр.) гусеница.
Vątk утóкъ въ тканьѣ.
Vężeszcze (ц.) привязь, свора.
Vczerô сл., *vczéro каш. вчера.
Ve придаточная частица (у зап. каш.), на пр. v lese bĕli mòrdarze, ate oni-ve vzali jednókolą.
Vĕbav (пр.) избавленiе.
*Vĕcic высѣчь, выбить.
*Vĕdac выдать; выдать замужъ.
Vĕdra (ц.) бородавка на лицѣ; выдра.
Vĕgnanc изгнанникъ.
Vej смотри (у запад. каш.).
Vĕknųc сл. учиться.
Vêl, множ. vâle валъ, волна.
*Vełk (пр.), *vołk (пр.), *vilk, сл. vowk волкъ.
Vêlna сл. волна (шерсть).
Velnąc обозначиться (на пр. въ камнѣ).
Vernųc sa сл. вернуться.
*Vĕsoki, *vĕszi высокiй, высшiй.
Vĕzdĕchac сл. умирать (см. uzdĕchnąc).

Vězerac выглядывать.
Vězgadnąc угадать.
Viâra сл. обычай; сл. и каш. вѣра.
*Viater вѣтеръ; *viaterk, *vitrzek вѣтерокъ.
Viącel сѣть въ видѣ конусообразнаго мѣшка, употребляемая для ловли нѣкоторыхъ рыбъ.
Viązǫ каб. я вяжу: viązǫ rankajce.
Vicî сл. болѣе, vikszi бóльшій.
Vicher (ц.) вихорь.
Vid свѣтъ: vid haloc принести огня для освѣщенія.
Vidno видно.
*Viecha вѣха.
Viechc пукъ соломы.
*Viéczerza ужинъ.
Viek вѣкъ человѣческій, возрастъ.
Vielemovca сл. какая-то птичка (зеленаго цвѣта).
*Vielgi большой, *vielgosc величина, vielgoryb китъ.
Vier стружка, щепка.
Vierczipięta вѣтреникъ.
Viersza сл. особый снарядъ для ловли рыбы: «viersze do rîb lovienia po-slovinsku, a po-polsku żak».
*Vierzeja дверь, одна изъ половинъ воротъ; сл. viérzeje ворота.
Vierzglovie сл. темя.
Vierzgúleca сл. водная ласточка.
Vies, сл. также vîjes, род. vsě деревня.
Vieseń (пр.) осень.
Vieszki, vieszcz, женск. viészcziса упырь.
*Vieszczerzeca, (пр.) vieszczerzica, vieszczerka ящерица.
Vietvia сл., *vietev, (пр.) vietva, vietła, vietło вѣтвь.
Vievk, vjiva, vjiła ива.
*Vjedno всегда, постоянно.
Vjigo сл. иго.
*Víleca напильникъ.
*Vinc вѣнокъ.
Viodro погода.
Visęga (ц.) дрянной человѣкъ, повѣса.
*Vitka вѣтка.
Vitro сл. (пр.) утро, *завтра.
*Vłoczęga бродяга.
Vnękac втаскивать.
*Vobca свадебный дружка.
Vole (ц.) передняя часть плуга.
Vor сл. веревка, которою прикрѣпляется сѣть къ жердямъ.
Vowcha сл. какое-то созвѣздіе, иначе называемое ná niebie vôz.
*Vrek (или *korus) рѣпа (?).
Vrôbel сл. воробей.
Vrôdac, jo vrôdą примѣчаю: dzecą ju vrôda дитя уже примѣчаетъ.
Vrzéceno веретено.
Vsěnąc сл. всунуть.
Vszetki (пр.) весь, *vszetko все; сл. vszeden весь, vszêgda всегда.
Vtarek (пр.) вторникъ.
Vûnio сл.: dobrze vûnio хорошо пахнетъ.
Vyżo (пр.) вышина.
Vzdłuż вдлину.
*Vzîc взять.
Vzǫtk уловъ рыбъ.

W (произносится какъ ў или Англійское w).

Wĕstrî каб. быстрый.
*Wobezdrzec осматривать.
Wobuńca каб. покрывало (płochta) изъ тонкаго холста.
*Woct уксусъ.
*Wócząstko волосяное рѣшето (?).
*Wodchłanie (или *przepasc) мель, бродъ; *wodchłanie (или *cziszcz) чистилище.
*Wódezva вызовъ, кликъ.
*Wodzarty, *wobdzarty оторванный, отвлеченный; wodzarty ободранный.
Wogard сл. садъ; wogórdnica палисадникъ подъ избою.
*Wognivo колѣно (составная часть) цѣпи (?).
*Wógniszcze очагъ.
W°gniszczka одуванчикъ; *wógniszczka рѣдька.
*Wojc (пр.) отецъ.
*Woklepánc снопъ, изъ котораго зерна не совсѣмъ выколочены.
*W°koń, уменьш. *w°konk, каб. wokuń окунь.
*Wókrasa, *wóbona окрошка, рубленный жиръ.
*Wokrészena крошка, окрошка.
W°kręt сл. корабль: w°kretove корабли.
*Wołok бычекъ.
*Wołov свинецъ.
*Wolszena, (ц.) wolszka ольха.
*Wopak навыворотъ, *wopaczny перевернутый.
Wopasovac сл. внимательно смотрять, сторожить.
Wopâtrznik сл. пасынокъ.
*Wopol горючее вещество.
W°rac пахать.
Worczek валекъ (у конской упряжи).
Wos, woska осина; *woska тополь (?).
Wóseca (ц.) осина; *оса.
Woseł оселъ.
W°selnica сл. гусеница.
W°sla сл. оселокъ.
*Wososz пшено (triticum).
W°spac растлить дѣвушку; w°spôna беременна.
W°spodarz каб. вмѣсто gospodarz, хозяинъ.
Wôst сл. репейникъ.
Wostrąg сл. колючка.
W°strzi сл. острiе, лезвее.
Woszalec сл. обманывать; w°szalnâli pies сл. бѣшеная собака.
Wot (пр.), w°t, ot отъ.
Wotczim, *wotczem вотчимъ.
*Wotłok стебли съ корнемъ, оставшіеся на полѣ послѣ уборки хлѣба; wotłuk пустырь.
*Wotmęt водоворотъ, мель.
W°tnioc сл. отнять.
Wotnoga сл. рукавъ рѣки; *wotnoga корень (?).
W°tnud каб. оттуда.
Wótrebe (ц.) отруби.
Wotrok, otrok (преимущ. у сл. и каб., также у запад. каш.) сынъ, w°troci сыновья; otroczica дочь.
*Wotucha отвага, бодрость.
*Wotvożny отважный.

Wòvca (пр. wevca) овца.
*Wovod насѣкомое.
Wôz сл. змѣя, не ядовитая.
Wożeg кочерга.
*Wuchvacec ухватить.
*Wuczece чувство.
Wud сл. бедро.
Wugârlec сл. задушить.
*Wugoda выраженіе, предложеніе.
Wuja (ц.), сл. wujk дядя, wujna тетка.
Wúleca улица; *wuleczka дверцы.
Wulûmni сл. хромой, разслабленный.
Wumiejętny (ц.) искусный.
Wuntroba сл. печень.
*Wuroczec угощать, подчивать (?).
*Wuroczec очаровать, *wurok чародѣйствіе, очарованіе *).
*Wuroda красота.
Wurodzej, niewurodzej (ц.) урожай, неурожай.
Wusce (ц.) устье печное.
*Wustrzech мѣсто подъ крышей, у водосточной трубы.
*Wuzda, *juzda узда.
*Wużevienie пища.
Wużki быт. узкій.

*) Собственно «дурной глазъ».

X см. Ks.

Z.

*Zaběc забыть; jo zabądą забуду.
*Zabioskrzinka (пр.) раковина.
Zabłąkôni (ц.) заблудшій.
Zabuczic (пр.) забыть.
Zaceko (ц.) протекаетъ (отъ дождя).
Zacętosc (ц.) упрямство.
Zacic, zacenac (ц.) зарубить; — sę заикаться.
*Zachorzec захворать.
Zâdac komu очаровать, сглазить.
Zadarmòka даромъ.
Zadzerzgnąc (ц.) зашнуровать.
Zadżinąc (въ Хмѣльнѣ) вмѣсто zaginąc погибнуть.
Zagodka загадка.
*Zagumna, *gumno гумно.
Zajasnec (ц.) разсвѣтать.
*Zajc (пр.) заяцъ.
Zajikac sę (ц.) заикаться.
Zajimac sę (ц.) заниматься.
Zakrëvac (пр.) затворять.
Zaledvie (ц.) едва.
Zamarec, zamareję (ц.) вымарывать, стирать.
Zamreżec (ц.) зажмурить.
Zanadrze пазуха.
Zanurzec (ц.) окунуть въ воду.
Zapalczevy (ц.) запальчивый.
Zâpiac запѣть.
Zapoczic, zapoczną сл. начать.
Zarôbk, *zorobk заработокъ.
Zarzinąc (na dudelzaku) заиграть.
Zátrëpiac сгнить.
Zaviat сл. закладъ (когда бьются объ закладъ).
Zavitra сл. (пр. zavitro) завтра; zavitrzk сл. утро; востокъ

(Словинцы говорять о вѣтрѣ: viatr z pewnia, z ṕôlnoce, z vieczora, se zavîtrzka); zavitrzniejszo gviozda сл. утренняя звѣзда; (пр.) zaitrzk, zaitrze востокъ; *zavitrze востокъ, утро, *zavitrzni ранній.

Zavłoczec (ц.) вдѣвать нитку; боронить.

Zawoczny (ц.) заочный.

Zażec зажить (говоря о ранѣ).

Ząb зубъ; zębol (ц.) насмѣшникъ; zębiszcze дурной зубъ.

Zątpieni, zǫtpieni отчаянный.

Zbon (пр.) жбанъ; *кружка, кувшинъ.

Zdebełko, zdebenka (пр.) немножечко, крошечку.

Zdrêbią быт., zdrzêbio сл., zrêbią, zgrzêbią каш. жеребенокъ.

Zdredzac sa сл. родиться (говоря о плодахъ).

Zdrzec сл. глядѣть.

*Zdrzeszec связать.

Zĕbac качать (люльку).

*Zebnąc, *zębnąc зябнуть.

*Zec зять.

Zélinta (на Гелѣ) тюлень.

*Zemle, *zemełki лошадиный пометъ.

Zérvina сл. ржа.

*Zeviac зѣвать.

Zgêłka сырой, незрѣлый фруктъ (на пр. яблоко, груша).

Zglo сл. рубашка.

*Zgnilerna гнилость.

Zgniły лѣнивый.

Zgoła цѣликомъ, совсѣмъ.

Zgver (ц.) шумъ.

Ziélesko дурная, сорная трава.

Zimk (пр.) весна.

Zława низменное мѣсто, низменность: rosnie na zlavie.

Złync родъ сорной травы: пословъ. gdze v żece złync, tą je chleba künc (конецъ).

Zmárachovac изнурить, замучить (говоря о ночной *морѣ*).

Zmierch (ц.) сумерки.

*Zmóklena потъ.

Znak сл. навзничь.

Znicic развести огонь.

Znïja (преимущ. у Слов.) змѣя (ядовитая) *).

Zochomor (ц.) шумъ.

Zocz сл.: co — zocz что — такое.

*Zodzerzga задержка; бантъ.

*Zogánnica пощада (?).

*Zogarda загородка.

*Zogávica крапива.

*Zokónnica звѣзды (?).

*Zomk замокъ.

Zorza заря.

*Zopieck запечекъ.

*Zorno зерно.

Zot, zoat (пр.) желудокъ **).

Zrzodło (ц.) источникъ.

Zub! хлебай!: zub mleko.

Zvac звать: on zovie sę онъ называется.

Zvarcec (пр.), *zvrocec своротить, сбросить.

Zviedrzec sę (do grêpe) сблизиться, сдружиться.

Zviono сл. косякъ (у колеса).

---

*) Въ Изв. неправильно «выдра».

**) Въ Изв. неправильно: zot, brzech «употребленіе».

Zvir сл. крупный песокъ; zvirova droga шоссе.
*Zvon звонокъ, колокольчикъ; сл. и зап. каш. zvon часъ (zvon jeden, zvon dva и т. п.); zvónica сл., *zvonnica колокольня.

Ż.

*Żabica крюкъ у дверей.
Żâk особаго рода сѣть.
Żarłoka (ц.) обжора.
*Żarna, сл. żornki ручная мельница.
Żarny, rżany сл. ржаной.
Żarzevie, rzerzedze (ц.) горячiе угольи; żarzisty, rzerzesty (ц.) раскаленный.
Żągło сл. жало.
Żdac сл. ждать, ja żdą, on żdże, чаще dożdac, ja dôżdą или dôżdżą; dożdżê-le, dóżdże, póżdże-że погоди.
Żebro ребро.
Żec сл. жечь, ja żgą, te żżesz, ona żżeta; sêżgli сожгли, vëżgli выжгли.
Żedła, sedła (ц.) скамья.
Żedzel сл., żagel каш. парусъ.
Żek сл. учитель.
*Żeła жила.
Żełty, żłoty желтый.
*Żeniały, *żonaty женатый.
*Żevica смола.
Żevot (ц.) обычай; *животъ, жизнь; (пр.) żevot жизнь.
Żgło, żdżgło (пр.), *zgło рубашка.
Żîmki сл. тяжелый, трудный; быт. żëmki трудный.
Żmija змѣя.
*Żoden никто, ни одинъ.
Żoger (ц.) трутъ.
Żol (ц.) жалость; żolec sę (ц.) жаловаться; żal sę Boże Боже помилуй (ц.).
Żolac, rozżolac раскалять.
Żoli (wogiń) сл. пылающiй.
*Żor, сл. żûr, множ. żóravie журавль.
Żorenka (ц.) ступка.
Żowd сл. брюхо.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА ВАЖСКО-ДВИНСКИХЪ УДѢЛЬНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая статья г. Воронова есть интересный очеркъ судьбы Важско-Двинскихъ крестьянъ, состоявшихъ въ разрядѣ княжихъ или дворцовыхъ съ самаго поступленія ихъ во владѣніе государей Московскихъ. По этому нѣсколько словъ вообще о княжескихъ и дворцовыхъ имѣніяхъ въ древней Руси не будутъ, полагаемъ, здѣсь излишни.

Подъ именемъ княжескихъ, княжихъ, княженецкихъ, подклѣтныхъ селъ разумѣлись въ нашихъ древнихъ актахъ и лѣтописяхъ тѣ имѣнія, которыя князья отдѣляли изъ общей массы свободныхъ, т. е. не принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ, земель и назначали на удовлетвореніе потребностямъ своего двора. Хозяйственное управленіе было господствующимъ способомъ извлеченія дохода изъ княжескихъ селъ; рано встрѣчаемъ мы уже въ лѣтописяхъ указанія на занятія нашихъ первыхъ князей земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Княжимъ селамъ противополагались земли черныя, которыя принадлежали также князю, но приносили ему лишь опредѣленный доходъ, ограниченный тягломъ, которое лежало на черныхъ земляхъ. Князья постоянно заботились о привлеченіи на свои земли новыхъ поселенцевъ, для чего предоставляли имъ большія льготы. При Іоаннѣ III-мъ уже встрѣчаемъ названія дворцовыхъ селъ и дворцовыхъ крестьянъ, въ которые обратились княжескія села и крестьяне. При Іоаннѣ Грозномъ въ образованіи опричнины выразилась идея отдѣленія изъ общей

массы государственныхъ имуществъ опредѣленной части въ частную собственность государя. Эта частная собственность позже носила обыкновенно названіе царскихъ отчинъ, дворцовыхъ селъ и волостей, государевыхъ десятинныхъ пашенъ. Крестьяне въ этихъ дворцовыхъ имѣніяхъ раздѣлялись на пашенныхъ и оброчныхъ и пользовались опредѣленными участками земли Для повѣрки количества пашенъ, которыя предназначались въ обработку на государя, и земель, которыя отводились для самихъ крестьянъ, существовали роздаточныя и дозорныя книги. Оброчнымъ дворцовымъ крестьянамъ запрещалось пахать земли на сторонѣ, если оставались свободныя государевы пашни. Хозяйственное управленіе непосредственно въ самыхъ дворцовыхъ селахъ ввѣрялось особымъ прикащикамъ, во время же молотьбы хлѣба было выбираемо и приставляемы для надзора за этой работой по одному цѣловальнику. Произведенія, получавшіяся съ дворцовыхъ имѣній отъ хлѣбопашества, скотоводства, пчеловодства, рыболовства и т. д., шли не только на содержаніе двора и служилыхъ людей, но и въ продажу, когда оставался излишекъ этихъ произведеній. Такимъ образомъ, при Іоаннѣ IV, отъ продажи подобнаго излишка произведеній царскихъ отчинъ, состоявшихъ изъ 36 городовъ съ селами и деревнями, за удовлетвореніемъ потребностей двора, выручено было 60,000 руб.; а при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ 230,000 рублей. Увеличеніе потребностей заставляло увеличить число дворцовыхъ волостей на счетъ черныхъ, которыя, кромѣ того, съ развитіемъ помѣстной системы, постоянно раздавались въ помѣстья. Къ концу XVII столѣтія, по показаніямъ Котошихина, въ черныхъ волостяхъ считалось до 20,000 дворовъ, въ дворцовыхъ до 3,000, въ церковныхъ 117,000, а помѣщичьимъ не было счета. Въ Уложеніи мы находимъ черныхъ крестьянъ уже совершенно слитыми съ дворцовыми. Центральное завѣдываніе дворцовыми имѣніями сосредоточивалось въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Приказѣ Большаго Дворца и Хлѣбномъ Приказѣ. Ближайшее завѣдываніе

иміініями поручалось особымъ намістникамъ и волостелямъ, подъ начальствомъ которыхъ состояли въ селахъ особыя поселенія. Позднѣе, мѣстное управленіе дворцовыми имѣніями перешло въ вѣдомство воеводъ. Управленіе доходами дворцовыхъ волостей уже въ 1705 г. принадлежало Канцеляріи дворцовыхъ дѣлъ; въ 1721 году всѣ дворцовыя имѣнія переданы въ завѣдываніе Каммеръ-Коллегій. Екатерина I вновь поручила ихъ Дворцовой Канцеляріи. Въ 1729 г. устранено было всякое вліяніе воеводъ на дворцовыя имѣнія. Въ 1775 г. они поступили въ завѣдываніе Казенныхъ Палатъ и директоровъ Экономіи и были слиты съ имѣніями государственными или казенными. Но императоръ Павелъ I въ 1797 г. отдѣлилъ изъ числа казенныхъ имѣній нѣкоторыя, бывшія прежде дворцами и назначивъ на содержаніе членовъ императорской фамиліи, наименовалъ удѣльными. Таково происхожденіе удѣльныхъ крестьянъ и имѣній, подвѣдомственныхъ нынѣ Департаменту Удѣловъ и къ числу коихъ относятся и Важско-Двинскіе крестьяне, исторія коихъ излагается вслѣдъ за симъ.

Д. Ч. В. Вешняковъ.

1 ноября 1861.

Удѣльные крестьяне, живущіе по системамъ водъ Важской и Сѣверо-Двинской, занимаютъ почти весь уѣздъ Шенкурскій Архангельской губерніи, половину Вельскаго и небольшія части Тотемскаго, а въ особенности Сольвычегодскаго Вологодской, въ сложности такое пространство, величина котораго, говоря приблизительно, восходитъ до 4,453,400 дес. или 42,892 кв. в., слѣдов. уступаетъ своей цифрой только двумъ уѣздамъ Архангельской губерніи Кемскому и Мезенскому и двумъ Вологодской: Устьсысольскому и Яренскому (1), много превосходя порознь прочіе той и другой губерніи, особенно послѣдней (2).

Крестьяне эти, съ самаго поступленія сѣвернаго края Россіи въ непосредственный составъ Московскаго государства, принадлежатъ владѣтельному дому Россіи, составляя его фамильное имѣніе. Лѣтописи и разнаго содержанія акты нашего края, гдѣ только касаются сего предмета, вездѣ ясно и опредѣленно указываютъ на эту мысль. Эти документы, во-первыхъ, съ глубокой древности именуютъ Важско-Двинскихъ поселенцевъ сперва *княженецкими* (3), а потомъ *дворцовыми* (4); во-вторыхъ, даютъ такія свѣдѣнія, что напр. великій князь Іоаннъ

(1) Потому что имѣютъ пространства: Кемскій 221,685 кв. вер., Мезенскій 396,718, Устьсысольскій 154,652, Яренскій 52,386 кв. вер.

(2) Такъ Архангельской губерніи содержатъ пространства уѣзды: Холмогорскій 14,769 к. в., Шенкурскій 21,878, Онежскій 23,079, Архангельскій 36,411, Пинежскій 42,511, Вологодскій: Сольвычегодскій 38,102 к. в., Никольскій 29,296, Вельскій 24,519, Тотемскій 19,298, Устюжскій 18,560 к. в., Кадниковскій 14,997, Вологодскій 4,961, Грязовецкій 4,840 кв. вер. Опис. Арханг. губ. Пушкарева 1845 года и Волог. губ. вѣд. № 2, 1851 г.

(3) Сѣвер. арх. 1827 г., стр. 91.

(4) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ IX, стр. 262, изд. Эйнерлингомъ 1843 года и многія стар. граматы и записи.

Васильевичъ III, покоритель Великаго Новгорода, спустя 4 года послѣ сего событія, жертвуетъ въ Важскій Богословскій монастырь 15 деревень (1) изъ своихъ, какъ фамильную собственность великаго князя Московскаго (2), а предъ кончиною своею, въ 1504 г., завѣщаетъ сыну своему Василью, наслѣднику великокняжескаго престола: „Заволоцкую землю всю, Онего и Каргополь и все По-Онежье и Двину и Вагу и Кокшенгу и Вельскій погостъ и Холмогоры и всю Двинскую и Заволоцкую землю". Царь (3) и великій князь Іоаннъ Васильевичъ IV сыну Іоанну, также предполагавшемуся быть наслѣдникомъ отцу въ царствованіи: „да сыну же моему Ивану, говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи даю Заволоцкую землю, Каргополь, Вагу, Кокшеньгу, Вельскій погостъ, Колмогоры" (4). Все это вмѣстѣ съ царскимъ престоломъ, за смертію царевича Іоанна Іоанновича, наслѣдуетъ другой сынъ Іоанна IV Θеодоръ Іоанновичъ; за тѣмъ держитъ въ своемъ управленіи и пользованіи царь и великій князь Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ (5), царь и великій князь Василій Іоанновичъ Шуйскій (6) въ своемъ распоряженіи, какъ собственность; а царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ, родоначальникъ династіи Романовыхъ, вскорѣ по восшествіи на Всероссійскій престолъ (1620—21 г.) включилъ, по примѣру самодержцевъ Рюрикова дома, въ собственное владѣніе своей династіи, и своими новыми царственными распоряженіями и узаконеніями укрѣпилъ въ ономъ навсегда (7). Кажется излишне доказывать, что эти факты подтверждаютъ нашу мысль, исключая всякое сомнѣніе и недоумѣніе, что эти данныя прямо даютъ видѣть, что Важско-Двинскіе крестьяне издревле составляютъ фамильную собственность великихъ князей и

(1) Нынѣ казенныя.

(2) Великокняж. грам. Богосл. мон. игумену Кирилху 5 янв. 1482 г., хранившаяся въ прежде бывшей монастырской, а нынѣ приходской Богословской церкви.

(3) Собран. государ. грам. и дог. часть 1, стр. 393.

(4) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ IX, прим. 849.

(5) Тамъ же томъ X, стр. 13, прим. 25 и Арханг. лѣт. ст. 134.

(6) Опис. Волог. губ. Пушкина, стр. 20, 1845 г.

(7) Сѣв. арх. стр. 98 и 27, 1827 г.

царей, постоянно состоя въ непосредственной ихъ зависимости, не той, въ какой находилась въ древности вся Русская земля, въ силу которой они могли, кому хотѣли, раздавать города и волости, какъ законную собственность (1), а въ гораздо ближайшей, именно владѣльческой. Впрочемъ, при всемъ этомъ, надо сказать, что было время, когда тѣ крестьяне поступали во владѣніе и нѣкоторыхъ вельможъ, ибо тѣ же лѣтописи, которыя относятъ ихъ къ фамильнымъ владѣніямъ великихъ князей и царей, говорятъ: ближнему великому болярину Борису Годунову, еще въ началѣ царствованія Θеодора Іоанновича, дали во владѣніе Двинскую и Важскую области, приносившія ему ежегодно дохода по 32,000 руб. сер. (2). Царь и великій князь Василій Іоанновичъ Шуйскій 1606 г. отдалъ эти мѣста брату Димитрію Іоанновичу, коими сей и владѣлъ по 1610 г. (3); въ въ 1611 году, въ междуцарствіе, во время всеобщаго смятенія, когда крамолы и смуты волновали Русскую землю, атаманъ Днѣпровскихъ казаковъ, одинъ изъ крамольныхъ тріумвировъ Русскаго междуцарствія, Заруцкій захватилъ было ихъ себѣ въ добычу; но кара, уже тяготѣвшая надъ нимъ, не дала пожать плодовъ насилія... (4); въ 1614 г. дума царская, съ утвержденія юнаго Царя Михаила Θеодоровича, приговорила отдать ихъ въ вотчину за оказанныя отечеству услуги боярину и воеводѣ Дмитрію Тимофеевичу Трубецкому (5). Но это время, всякой можетъ видѣть, было такое, когда, не говоря уже о томъ, что у престола царскаго крамолы, смуты, перемѣны и безпорядки разнаго рода слѣдовали одни за другими, и Россія погружалась въ бѣдствія, что вездѣ почти и во всемъ неутомимо дѣйствовали произволъ и насиліе,—не говоря о семъ, самый престолъ

(1) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ I, стр. 143.

(2) Тамъ же, томъ X, стр. 13 и арх. лѣт. стр. 134.

(3) Опис. Арханг. губ. Пушк. 1845 г., стр. 33.

(4) Опис. Волог. губ. Пушк. 1846, стр. 20.

(5) Извѣст. о Русскихъ дворянахъ Миллера, стр. 133, Спб 1790 г.; Древн. Рос. Вивліоѳ. ч. VIII, стр. 388. Москва 1775 г. и опис. Арханг. и Волог. губ. Пушк. 1845 и 1846 г., стр. 20 и 33.

колебался, когда Рюриковская царская династія изнемогала и, наконецъ, совершенно прекратилась, а новая Романовская лишь только заявила жизнь въ лицѣ юнаго Михаила. При такихъ обстоятельствахъ государства и не удивительно, что такія личности были владѣтелями Ваги и Двины. Скажемъ болѣе, да имъ и естественно это обладаніе, по крайней мѣрѣ, тогда. Ибо кто были тѣ временные владѣтели Ваги и Двины? Лица, или касавшіяся престола царскаго или стоявшія у самаго подножія его. А если это такъ, то и здѣсь и въ приведенныхъ фактахъ не только не опровергается наша мысль, напротивъ подтверждается. Но оставимъ, что уже достаточно ясно безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, пойдемъ далѣе или правильнѣе спустимся въ глубь древности ко времени поступленія Важско-Двинскихъ крестьянъ въ число княженецкихъ и, не касаясь числа поступившихъ, какъ такого обстоятельства, которое къ нашему предмету не принадлежитъ, а требуетъ особаго разсмотрѣнія, посмотримъ, какимъ образомъ это дѣло произошло?

Вопросъ, очевидно, любопытный и для рѣшенія, по видимому, довольно трудный; потому что нѣтъ прямыхъ данныхъ, на которыхъ бы можно было основать рѣшеніе съ историческою достовѣрностію. Да къ тому же извѣстно, что во 1-хъ, Заволочье, въ составъ котораго входили Двина съ Вагою ([1]), состояло во владѣніи Великаго Новгорода до 600 лѣтъ на особыхъ правахъ или, вѣрнѣе, на правахъ вольности, слѣд. безъ строгой администраціи и полицейскаго надзора со стороны Владыки Новгорода; во 2-хъ, коренные насельнцы Заволочья былъ народъ одноплеменный, извѣстный подъ общимъ названіемъ Заволочской Чуди безъ всякихъ дѣленій, и ни мало не отличавшійся между собою ни языкомъ, ни вѣрою, ни образомъ жизни ([2]). Отъ всего этого затрудненія рѣшеніе вопроса еще болѣе увеличивается. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ случилось, что изъ одного и того же народа только нѣкоторые поступили въ соб-

([1]) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ I, стр. 25, прим. 64.
([2]) Тамъ же, томъ I, стр. 22 прим. 73.

ственность великаго князя. Нельзя же въ этомъ разѣ предполагать дѣятелемъ одинъ произволъ великаго князя, особенно Іоанна III, который, по сказанію безсмертнаго нашего историка Карамзина, во всѣхъ своихъ дѣлахъ являлъ рѣдкое величіе ума съ прозорливымъ благоразуміемъ и осторожностію (1).

Не отвергая высказанныхъ нами обстоятельствъ, затрудняющихъ рѣшеніе вопроса и не прибѣгая къ какому либо объясненію, лишь бы для дѣла благопріятному, мы не впадемъ въ противорѣчіе и не уклонимся, не говорю, отъ истины, а, по крайней мѣрѣ, правдоподобія, если скажемъ, что Важско-Двинскіе крестьяне поступили въ число владѣльческихъ великокняжескаго дома, во время присоединенія Двины и Ваги отъ Новгорода къ Москвѣ, прямо безъ всякихъ особенностей. Какимъ образомъ? По нашему мнѣнію очень просто.

Извѣстно, что Новгородцы, владѣя въ продолженіе 600 годовъ Заволочскими землями, очень хорошо могли ознакомиться и дѣйствительно ознакомились съ ними, съ ихъ привольемъ и богатствомъ, а дома между тѣмъ начали чувствовать и терпѣть стѣсненія, совершенно вопреки свободному ихъ характеру. Находясь подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, они, богатые и бѣдные, во множествѣ устремились въ пресловутое Заволочье, и (2), гдѣ находили для себя удобнымъ и выгоднымъ, стали селиться, а богатые устраивать помѣстья, пріобрѣтая ихъ у туземцевъ всѣми возможными средствами, и покупкою и силою и обмѣномъ, и такимъ образомъ оставаясь подъ покровительствомъ Новгорода, такъ сказать, убѣгали ближайшей зависимости отъ грознаго его вѣча. Изъ такихъ Важско-Двинскихъ помѣщиковъ, намъ извѣстныхъ, были: Своеземцевы, изъ рода которыхъ Василій Матвѣевичъ Своеземцовъ, посадникъ, въ 1315 г. пріобрѣлъ покупкою у начальниковъ Чудскихъ, Азики, Харагинца, Ровды и Игнатца земли и разнаго рода угодья въ нынѣшнемъ

(1) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ VI, стр. 208—219.
(2) Напр. въ нашихъ мѣстахъ, по р. Двинѣ, Вагѣ, Кокшенгѣ, Вели и Пежмѣ.

Шенкурскомъ уѣздѣ ([1]); Вареоломеевы, имѣвшіе владѣнія на Двинѣ и Вагѣ ([2]), Борецкіе въ большомъ количествѣ, тамъ и на Кокшеньгѣ ([3]), и Осколковы; нѣкоторые сюда же относятъ и Строгановыхъ ([4]).

Само собою разумѣется, что всѣ эти лица пріобрѣтали для себя земли лучшія, а во время владѣнія своего еще болѣе улучшили ихъ. Того требовали благоразуміе и выгоды.

Царь и великій князь Іоаннъ III въ 1462—78 г., уничтоживъ самобытность Новгорода, присоединилъ его на ряду съ другими городами Россіи къ Москвѣ, въ то же время присоединилъ къ ней и владѣнія Новгородскія, въ томъ числѣ Вагу и Двину ([5]), одно тутъ взявъ въ казну или роздавъ Московскимъ боярамъ ([6]), а другое описавъ на государя, именно владѣльческія помѣстья. Слѣдов. Іоаннъ III сдѣлалъ только лишь, что владѣнія Новгородцевъ перечислилъ или, иначе сказать, сдѣлалъ мѣну въ владѣльцахъ: на мѣсто владѣльцевъ Новгородскихъ вельможъ поставилъ владѣльцемъ Московскаго самодержца. Дѣло дѣйствительно совершилось очень просто,

---

([1]) Вотъ договорная ихъ грамота: «Се би челомъ Азика и Харагинецъ и Ровда и Игнатецъ, пріѣхавъ отъ своей братьи, Князю Ѳеонасью, на Василья на Матвѣева а наставилѣ подвойскіе и не идучѣ къ суду и урядилися рядомъ; а болѣ: Шенкурскій погостъ и земли Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ, до Вайкуги въ верхъ до Яноозера, а отъ Яноозера прямо въ Пѣзу, а тыи земли Василью и въ вѣки. А взяли Азика съ своею братьею у Василья двадцать тысячъ бѣлки на тыхъ земляхъ, гдѣ ни есть Шенкурскаго погоста. А заводъ тѣмъ землямъ по Семенгу рѣку, а по другую сторону Вагѣ выше Паденгѣ, по вытеклый руцей; и Паденга рѣка съ устья по обѣ сторонѣ въ верхъ до Сулонской межи, по Великой камень; а Шонга рѣка съ устья по обѣ стороны въ верхъ до Розеновой: а Поища рѣка по обѣ сторонѣ. А кто будетъ вкупился въ ту землю въ томъ заводѣ, а тѣ знаютъ своихъ продавчовъ въ тыхъ кунахъ. А что Шенкурскаго погоста и земли и воды и лѣсы лѣтніи и рѣки и лѣтніи рѣки и мхи и озера и соколья гнѣзда, гдѣ ни есть Шенкурскаго погоста, то все Василью себѣ и своимъ дѣтямъ въ вѣки. А пополонка далъ Василей десять рублей».

Запис. Геогр. Общ. книжка VIII. стр. 104. 1853 г. и Сѣв. Арх. стр. 15. 1827 г.

([2]) Опис. Новг. губ. Пушк. стр. 11, 1844 г.

([3]) Тамъ же и опис. Арх. губ. Молчан. 1813 г.

([4]) Опис. Новг. губ. Пушк. стр. 9, 1844 г.

([5]) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ VI. стр. 79.

([6]) Опис. Новг. губ. Пушк. стр. 16, 1844 г.

если оно было такъ; а отвергать безъ достаточной причины, кажется, нельзя, потому что:

а) На него намекаетъ донынѣ усвояемое смежнымъ съ удѣльными государственными крестьянами названіе *черносошныхъ* въ смыслѣ, по нашему понятію, черныхъ сохъ, сохъ черни или народа, бѣдняковъ ([1]), предполагающее существованіе крестьянъ съ противоположнымъ названіемъ бѣлосошныхъ, въ смыслѣ, по нашему понятію, бѣлыхъ сохъ, сохъ бѣлыхъ, высокихъ, знатныхъ и богатыхъ или, что тоже вельможъ, бояръ, или какое либо другое подобное ([2]), которое дѣйствительно нѣкогда существовало между нашими удѣльными крестьянами, но съ теченіемъ времени вышло изъ употребленія.

б) Его подтверждаютъ, хотя и не прямо, тѣ свѣдѣнія, что Іоаннъ III, изъ владѣній Новгородскихъ Важско-Двинскихъ взяли во первыхъ, на государя лучшія, слѣдовательно нынѣшнія удѣльныя; потому что эти владѣнія, по преимуществу, такъ назывались даже 114 годовъ спустя послѣ взятія ([3]); во вторыхъ, великій князь пожертвовалъ Богословскому монастырю 15 деревень, какъ фамильную собственность, прежде принадлежавшія Своеземцовымъ ([4]). И наконецъ:

в) Его неоспоримо доказываютъ сохранившіяся въ разныхъ старинныхъ бумагахъ и народномъ употребленіи названія многихъ удѣльныхъ волостей, общее «боярщины» или барщины и частное, наприм. по р. Вагѣ: «Васильевска волость, Ивановская, Федоровская, Афанасьевская, Владиміровская, Исаковская, Борецкая, Труфановская, Есиповская, Груздовская и Едемская ([5]) и по рѣкѣ Двинѣ Кирегбская и Афанасьев-

---

([1]) Ист. гос. Рос. Карамзина томъ IV, прим. 332 и томъ VI, стр. 82.

([2]) Тамъ же, томъ I, прим. 302.

([3]) Тамъ же, томъ X, стр. 13.

([4]) См. договорную грамату.

([5]) Эта фамилія и досель существуетъ у удѣльныхъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда, имѣющая родоначальникомъ своимъ Ивана Васильевича Своеземцева Едемскаго, бывшаго въ царствованіе Іоанна IV въ Шенкурскѣ городовымъ прикащикомъ или, что тоже, комендантомъ. См. Геогр. слов. Максимовича часть I, стр. 201 1804 г. и родосл. Своеземцовыхъ въ Синодикѣ.

ская (1); названія, видимо указывающія на прежнихъ владѣльцевъ ихъ и между прочими, намъ невѣстными, на Своеземцовыхъ и Борецкихъ.

Число всѣхъ Важско-Двинскихъ крестьянъ въ началѣ ихъ поступленія въ число княженецкихъ неизвѣстно; впрочемъ, едва ли простиралось свыше цифры 5,000 домовъ. Спустя 200 лѣтъ, именно:

Въ 1678 г.,	по переписямъ думнаго дворянина Богдана Васильевича Яковлева, было		12,433 дом.
» 1720 »		до	28,029 (2) д. м.
» 1762 »		»	32,427 (3) »

Населенность въ отношеніи къ пространству, ими занимаемому, очень малая: только лишь 1,3 муж. приводится на квадратную версту.

Занятія этихъ жителей были, главнымъ образомъ, земледѣліе, повсемѣстно существовавшее и постепенно, хотя сначала и медленно, увеличивавшееся съ увеличеніемъ народонаселенія и упадкомъ другихъ его промысловъ. Вотъ его развитіе, по достовѣрнымъ источникамъ и нашимъ соображеніямъ: съ самаго начала своего существованія, по всей вѣроятности, послѣдовавшаго во времена Новгородскія, Важское земледѣліе до 1700 г., въ теченіе 400 лѣтъ, заключало въ себѣ всей пахатной земли 32½ сохи или, что тоже, 16,250 десят.; до 1800 г. въ теченіе 100 лѣтъ возрасло это число до 38,250 (4) десятинъ.

Нельзя не замѣтить, какое удивительно быстрое развитіе земледѣлія въ послѣднемъ періодѣ сравнительно съ предшествовавшимъ! И это произошло сколько отъ указанныхъ нами

---

(1) Опис. Арх. губ. Молч. 1813 г. и вып. изъ писц. книгъ разныхъ годовъ.

(2) Сѣвер. архив. стр. 18 и 19 1827 г. и Начерт. ист. Холмогор. Крестинина стр. 37 1790 г.

(3) Сѣв. арх. стр. 19 и 20 1827 г.

(4) Царс. разн. грамоты напр. 1683 г.; и Истор. гос. Рос. Карамзина томъ IX прим. 816.

причинъ, столько же, если не болѣе отъ преобразованій Петра I, всюду распространившихъ свое вліяніе.

За земледѣліемъ лѣсные пригорѣлые продукты: дегтекуреніе и смологоненіе съ пековареніемъ (1). И эти промыслы занимали много рукъ на Двинѣ, Вагѣ, Кулуѣ и Тавренгѣ и сбывались сперва на Мурманскій берегъ (2), а послѣ, съ открытіемъ Архангельска, въ сей городъ.

Промышляли также ловлею звѣрей (3), птицъ и рыбы, но много въ меньшемъ количествѣ и не вездѣ, особенно послѣдними, безъ всякаго сомнѣнія, отъ скудныхъ улововъ, съ году на годъ увеличивавшихся отъ уменьшенія лѣсовъ и обмеленія рѣкъ, въ слѣдствіе умноженія народонаселенія.

По особой привиллегіи, вели торговлю солью, за которою по рр. Вагѣ и Двинѣ, нарочно отправлялись на соляные Бѣломорскіе заводы (4).

Для производства внутренней и мѣстной торговли издавна существовали рынки или ярмарки, изъ коихъ болѣе извѣстные и значительные были: Благовѣщенская въ Благовѣщенскомъ посадѣ, нынѣ погостѣ, близъ впаденія р. Устьи въ Вагу (5), и Тарновская (6) въ Тарновскомъ городкѣ при р. Тарновкѣ, нынѣ Шевдиницкій Богоявленскій погостъ. Благовѣщенская, она же Евдокіевская, открывалась каждегодно 1 марта, Тарновская 6 января, и обѣ продолжались съ недѣлю времени. На Благовѣщенской былъ гостинный дворецъ съ 55 избами, 53 торговыми лавками и 46 складочными анбарами, построенный въ 1670 г., по памятямъ Московскаго Приказа Большаго Дворца.

По управленію, Важско-Двинскіе дворцовые крестьяне, нераздѣльно вмѣстѣ съ прочими сословіями, подлежали, съ по-

(1) Истор. гос. Рос. Карамзина томъ X, стр. 144 и Сѣв. арх. стр. 207, 1827 г.
(2) См. торг. книгу, издан. Археол. Общ. 1851 г.
(3) Сѣв. арх. стр. 204 и 205 1827 г. и догов. Своез. съ Азикой 1315 г.
(4) Рус. Достопамят. 1805 г. часть I, стр. 132 и Начерт. ист. Хол. Крест. часть I, стр. 13, 1790 г.
(5) Геогр. слов. Рос. гос. Максимовича часть I, стр. 432, 1804 г.
(6) Волог. губ. вѣд. № 20, 1857 г.

ступленія въ великое княжество Московское, съ 1478—1613 г., вѣдѣнію великокняжескихъ намѣстниковъ; съ 1613 г. по 1723 г., когда дворцовыя волости начали состоять въ вѣдомствѣ Московскаго Приказа Большаго Дворца ([1]), что продолжалось 110 лѣтъ,—воеводъ; а съ 1723 г., когда на мѣсто Приказа Большаго Дворца учреждено высшее административное мѣсто по дворцовымъ крестьянамъ,— главной Дворцовой Канцеляріи; а въ 1797 г., съ закрытіемъ Канцеляріи Департамента Удѣловъ, подлежали особымъ чиновникамъ, подъ названіемъ дворцовыхъ управителей, правителей и управляющихъ, которыхъ до 1757 г. было въ продолженіе 34 годовъ одинъ, а съ этого же года два: управитель Шенкурской половины, заключавшей въ себѣ дворцовыя волости четвертей Шенкурской и Подвинской, и управитель Верховажской половины, состоявшей изъ волостей Верховажской и Кокшенской. Всѣ эти администраторы имѣли мѣстопребываніе въ г. Вагѣ или, что тоже, Шенкурскѣ; съ 1797 г. въ Архангельскѣ и немного спустя въ Вологдѣ ([2]). Вотъ они, намъ извѣстные:

Намѣстники:

Князь Михайло Васильевичъ Хворостинъ упр. съ 1507—14 г.

Воеводы:

Семенъ Өедоровичъ Глѣбовъ.	1613—1617([3]) 1624—1625
Борисъ Ивановичъ Похтевъ.	1626—27
Иванъ Филип. Стрешневъ, да Димит. Смертковъ .	1628—30
Стольн. Степ. Өед. Стрешневъ, да Еф. Филиповъ.	1631—33
Аөонасій Осиповичъ Прончищевъ	1634—37

([1]) Впрочемъ съ 1705 г. были нѣсколько времени подъ управленіемъ Ижорской канцеляріи.

([2]) Мы сюда не включаемъ правителей Двинской области, жившихъ въ г. Холмогорахъ, потому что земли Двинскія, которыя лежали выше р. Ваги, и которыя населяли дворцовые крестьяне, по межевымъ царскимъ грамотамъ, входили въ Важскую область.

([3]) 1617 г. былъ прикащикъ свитнаго дворца путный ключникъ Малой, съ 1618—24 г. прикащикъ Дружина Пустобояровъ.

Стольн. Петръ Григорьевичъ Очинъ-Плещеевъ . .	1638—40
Степанъ Андреевичъ Татьянинъ.	1641
Василій Ивановичъ Толстой.	1642—43
Андрей Ивановичъ Борецкій	1644—45
Стольн. Данило Семеновичъ Яковлевъ	1646 (¹)
Стольн. Князь Иванъ Михайловичъ Коркодиловъ.	1660—64
Степанъ Өедоровичъ Ждановъ.	1665
Стольн. Пароеній Павловичъ Сомовъ	1666—68
Князь Савелій Ивановичъ Козловскій.	1669—71
Стольн. Петръ Севастьяновичъ Хитрово.	1672—73
Стольн. Григорій Филимоновичъ Нарышкинъ. . .	1674—75
Дум. дворянинъ Богданъ Васильевичъ Яковлевъ .	1676—79
Стольн. Калина Григорьевичъ Благово	1680—81
Дум. дворянинъ Григорій Степановичъ Карауловъ.	1682
Стольн. Василій Петровичъ Измаиловъ	1683—84
Стольн. Павелъ Өедоровичъ Леонтьевъ	1685—86
Стольн. Степанъ Аөонасьевичъ Сабакинъ	1687—89
Стольн. Александръ Петровичъ Скуратовъ. . . .	1690—91
Стольн. Петръ Ивановичъ Взимковъ	1692—93
Стольн. князь Яковъ Ефимовичъ Мышецкій (²) .	1694—95
Стольн. князья Як. Ив. и Өед. Яковл. Вяземскіе	1696—97
Стольн. Петръ Яковлевичъ Кикинъ.	1698—99
Стольн. Алексѣй Сидоровичъ Синявинъ.	1700 (³)
Стольн. Гаврило Ивановичъ Старово-Малюкинъ .	1704
Комендантъ Дмитрій Алек. Соловьевъ.	1705
Коменд. Ст. Иванъ Григорьевичъ Ляпуновъ . . .	1710—13
Коменд. Матөей Ивановичъ Леонтьевъ	1714
Ландратъ князь Никита Александр. Дябринскій .	1715—20

(¹) Съ 1647—59 г. не было воеводъ, а по четвертямъ управляли земскіе судейки, изъ народа выбираемые.

(²) 1693 г. Взимковъ, а 1694 г. Мышецкій встрѣчали, вмѣстѣ съ прочими властями г. Шенкурска, Петра 1, проѣзжавшаго обратно изъ Архангельска въ Москву.

(³) Съ 1701—1703 г. по четвертямъ управляли бургомистры, изъ народа выбранные.

Коммиссары:

Ив. Галакт. Труновъ, Мак. Аник. Бартеневъ . .	1720—21
Иванъ Аѳонасьевичъ Болтруковъ	1722
Иванъ Галактіоновичъ Труновъ	1723—25

Управители:

Коллежскій совѣт. Матѳей Ивановичъ Рудаковъ .	1774
Надворный совѣт. Авраамъ Ивановичъ Ушаковъ .	1775—80

МѢСТА УПРАВЛЕНІЯ НАЗЫВАЛИСЬ РАЗЛИЧНО:

въ Шенкурскѣ:	съ 1603—1661	приказная изба ([1]).
	1661—1705	съѣзжая изба.
	1705—1710	приказная палата и изба.
	1710—1723	воеводскаго правленія канцелярія.
	1723—1730	дворцовыхъ волостей канцелярія и приказная изба.
	1730—1757	управительскія дѣла и приказная изба.
	1757—1774	управительскія дѣла волостей: Шенкурской половины и Верховажской.
	1674—1797	Архангелогородская дворцовая контора.
въ Архангельскѣ	съ 1797—1858	Удѣльныя экспедиціи и конторы.
и въ Вологдѣ	съ 1807—1858	

СЕЛЬСКОЕ ЧИНОНАЧАЛІЕ ВЪ САМЫХЪ ВОЛОСТЯХЪ СОСТАВЛЯЛИ:

съ 1505	старосты и сотскіе.
1534 ([2])	старосты, сотскіе, цѣловальники (присяжные), пятидесятскіе, даньщикъ или, что тоже,

([1]) Едва ли это не первое въ Шенкурскѣ присутственное мѣсто.

([2]) Съ 1852 г. Вага именовалась Важскимъ уѣздомъ, а около 1534 года раздѣлена была на 7 становъ: Шенкурскій, Подвинскій, Летцой, Ровдинскій, Вельскій, Слободскій и Кокшенгскій.

		смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, по тогдашнему житницъ.
съ	1552	излюбленные головы (1).
	1613 (2)	Земскіе, четвертные, старосты, сотскіе и денежные сборщики.
	1620	ямные (станціонные) цѣловальники.
	1674—1659	четвертные земскіе судейки.
	1700—1704	земскіе бургомистры (3).
	1723 (4)	старосты, сотскіе и десятскіе.
	1793 (5)	приказные, выборные, старосты и казенные, а вскорѣ головы.

Нынѣ всѣ дворцовые Важско-Двинскіе крестьяне, именуясь удѣльными, въ соотвѣтствіе названію Департамента Удѣловъ, высшаго ихъ административнаго мѣста, размѣщаются въ 1,872 селеніяхъ, въ числѣ 125,049 душъ об. п. (59,113 мужес. и 65,936 жен.).

Управляются удѣльною конторою, которая, образовавшись изъ конторъ Архангельской и Вологодской, съ 1859 года находится въ г. Вельскѣ, по волостямъ же вѣдаются приказами, которыхъ

---

(1) Жили въ г. Шенкурскѣ для присутствованія въ мѣстахъ управленія по порученнымъ имъ дѣламъ.

(2) Въ этотъ годъ уѣздъ раздѣленъ былъ на 4 четверти: Шенкурскую, Верховажскую, Подвинскую и Кокшенгскую.

(3) При нихъ въ четвертяхъ учреждены были земскія избы, мѣста сельской администраціи.

(4) Съ 1710—20 уѣздъ назывался Важскою долею, съ 1720 провинціей, а съ 1780 раздѣленъ на Шенкурскій и Вельскій, съ отдѣленіемъ нѣкоторыхъ частей въ уѣзды Красноборскій и Тотемскій.

(5) Въ уѣздахъ приказы: Шенкурскомъ: Великоникольскій, Благовѣщенскій, Устьпаденскій, Предтеченскій, Устьважскій, Кургоминскій и Борецкій; Сольвычегодскомъ: Верхотоемскій и Аѳанасьевскій; Тотемскомъ: Шевденицкій и Спасскій, и, наконецъ, въ Вельскомъ: Верховскій, Тавренскій и Устьвельскій.

Вологодской губерніи:

въ Вельскомъ уѣздѣ:	Устьвельскій.
	Тавренскій.
	Верховскій.
въ Тотемскомъ уѣздѣ:	Шевдиницкій.
	Спасскій.
въ Сольвычегод. уѣздѣ:	Верхотоемскій.
	Аѳонасьевскій.

Архангельской:

въ Шенкурскомъ уѣздѣ:	Благовѣщенскій.
	Великоникольскій.
	Предтеченскій.
	Устьпаденскій.
	Устьважскій.
	Кургоминскій.
	Всего 13.

Чл.-С. *П. Вороновъ.*

ТОПОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ГОРОДА КОТЕЛЬНИЧА.

Городъ Котельничъ ([1]) (Вятской губерніи) лежитъ подъ 58°,10′ с. ш. и 66°,25′ в. д. ([2]) отъ перваго меридіана, проходящаго чрезъ островъ Ферро. Онъ находится на правомъ берегу рѣки Вятки и лежитъ на ю.-з. отъ губернскаго города, по почтовому тракту, на разстояніи 97 верстъ; отъ Орлова въ 45 1/2, Яранска 125 1/2, Царевосанчурска 182, Нолинска 231 3/4, Уржума 287 3/4, Малмыжа 378 3/4, Елабуги 518 1/4, Сарапула 670 1/4,

([1]) Въ старину онъ назывался Кокшаровымъ и былъ населенъ народомъ финскаго происхожденія, Черемисами. Въ 1181 году онъ взятъ былъ приступомъ Новгородскими выходцами и такимъ образомъ вмѣстѣ съ Хлыновымъ сдѣлался, по времени, первымъ городомъ въ Вятской странѣ.

([2]) Смотр. Вятскія Вѣд. за 1855 годъ № 4 „Взглядъ на Вятскую флору или флору области Вятско-Камскихъ береговъ“. Географическое положеніе города Котельнича было опредѣлено вторично въ 1858 году, астрономомъ Гамовымъ.

Глазова 307, Кая 362, Слободскаго 128; отъ столицъ С.-Петербурга 1,480 и Москвы $876^{1}/_{4}$ вер.

Городъ, обращенный лицевою стороною на югъ къ рѣкѣ Вяткѣ, расположенъ въ довольно значительномъ углубленіи, прорѣзанномъ оврагами. Главный изъ нихъ, по которому течетъ рѣчка *Балдкиревица* ([3]), идетъ поперегъ города съ сѣвера на югъ и дѣлитъ городъ на двѣ половины: на восточную или нагорную, называемую иначе „монастырщиной", и западную, болѣе ровную, которая составляетъ главную часть города. Другой оврагъ, менѣе глубокій и почти сухой, идетъ съ запада на востокъ и соединяется съ главнымъ оврагомъ, окаймляя такимъ образомъ сѣверную линію половины города. Южная линія этой половины города также окаймляется оврагомъ, лежащимъ между этою половиной города и довольно высокимъ, но узкимъ хребтомъ, противоположная сторона котораго составляетъ крутой берегъ рѣки Вятки. Одинъ конецъ этого оврага, именно восточный, соединяется съ рѣкой Вяткой въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ соединенія съ ней главнаго оврага, а другой — западный примыкаетъ также къ рѣкѣ Вяткѣ, но отдѣляется отъ нея незначительнымъ возвышеніемъ, такъ что если бы прокопать это возвышеніе, то оврагъ въ весеннее половодье дѣлался бы проливомъ, а хребетъ островомъ. За возвышеніемъ, препятствующимъ этому оврагу соединиться съ рѣкой Вяткой, лежитъ устье другаго оврага, идущаго также съ запада на востокъ и, у этого самаго возвышенія, повернувшаго на югъ въ рѣку Вятку. Съ одной стороны этимъ оврагомъ, составляющимъ русло рѣчки Котлянки, а съ другой—рѣкою Вяткой, въ видѣ мыса образуется опять высокій, довольно длинный и узкій хребетъ противъ того самаго хребта, который лежитъ за оврагомъ передъ южной линіею западной половины города. По преданію старожиловъ, оба эти хребта составляли одинъ непрерывный хребетъ, точно

([3]) Такъ какъ рѣчки, о которыхъ будетъ рѣчь, очень малы, то названіе рѣчки всегда надобно полагать въ смыслѣ ручьевъ.

также какъ оба оврага составляли одинъ оврагъ, по которому рѣчка Котлянка впадала въ рѣку Вятку не далеко отъ впаденія въ нее рѣчки Балакиревицы. Но назадъ тому лѣтъ 90, одинъ изъ жителей города Котельнича—Куршаковъ, неизвѣстно по какому разсчету, направилъ впаденіе ее въ рѣку Вятку именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь впадаетъ. Такимъ образомъ, оврагъ, окаймляющій южную сторону западной половины города, есть не что иное, какъ старое устье рѣчки Котлянки. Въ это устье не далеко отъ возвышенія, за которымъ лежитъ нынѣшнее устье рѣчки Котлянки, впадаетъ рѣчка Родіоновка. Она течетъ оврагомъ, параллельно съ Котлянкой, съ запада на востокъ и, вдавшись немного въ югозападный уголъ города, прямо поворачиваетъ на югъ въ прежнее устье Котлянки. Часть города, неправильно расположенная па неровномъ мысѣ между устьемъ Родіоновки и нынѣшнимъ устьемъ Котлянки, называется „Остроконьемъ“ (отъ острый конецъ).

Устье рѣчки Балакиревицы и прежнее устье рѣчки Котлянки, во время весенняго разлива рѣки Вятки, дѣлаются довольно широкими и глубокими заливами, особенно первое. Оно, простираясь въ то время до 400 саж. въ длину и до 60 саж. въ ширину, представляетъ собою, ниже моста, очень удобную пристань для нагрузки судовъ, отправляемыхъ здѣшними купцами въ нѣкоторые приволжскіе города, преимущественно въ Нижній, Рыбинскъ, Саратовъ и Астрахань. Кромѣ этой пристани, суда нагружаются за восточнымъ концомъ хребта, находящагося предъ юго-западною частію города, и у западнаго или около нынѣшняго устья рѣчки Котлянки. Грузка судовъ продолжается не далѣе 15 или 20 мая, потому что съ этого времени вода уже съ значительною скоростію упадаетъ; впрочемъ, суда, съ товаромъ, идущимъ отсюда на Нижегородскую ярмарку, грузятся еще и въ іюнѣ мѣсяцѣ. На судахъ изъ здѣшняго города отправляются слѣдующіе товары ([4]): овесъ, мука, мѣшки, холстъ,

([4]) Смотри подробную отправку сихъ товаровъ.

юфть, кожи, шерсть, понрокъ, сальныя свѣчи, сургучъ, солонина, крупа, толокно. Всѣхъ же судовъ разнаго размѣра отходитъ отсюда отъ 10. до 13. Цѣнность отправляемыхъ на нихъ товаровъ приблизительно можно выразить цифрами отъ 70,000 руб. до 130,000 руб. Послѣднее бываетъ въ томъ случаѣ, когда отправляется отсюда значительное количество овса въ Рыбинскъ или другіе приволжскіе города.

При въѣздѣ въ г. Котельничъ съ восточной стороны или съ Орловскаго тракта, спускается, вдоль всѣхъ улицъ, до самаго оврага, пересѣкающаго городъ, довольно высокая гора, такъ что городъ съ этой стороны показывается, какъ бы въ огромной ямѣ, или котлѣ (5) и не бываетъ видѣнъ до тѣхъ поръ, пока не подъѣдешь къ самой границѣ его. Съ границы же онъ весь видѣнъ въ своей впадинѣ, какъ на ладони. Особенно хорошій видъ представляетъ собою въ западной половинѣ города, налѣво отъ первой улицы, гостинный дворъ съ соборомъ, Николаевскою церковію и окрестными каменными домами. Но почти ни при одномъ домѣ вы не замѣтите не только сада, но даже ни одного деревца. Только при уѣздномъ училищѣ, стоящемъ въ западной же половинѣ города, на правой рукѣ 3-й улицы, почти на самомъ берегу поперечнаго оврага, садъ изъ старинныхъ высокихъ березъ господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Недостатокъ садовъ въ нашемъ городѣ объясняется его тѣснотою, которая происходитъ частію отъ того, что никому не хочется строиться внѣ уютной котловины. Впрочемъ строиться внѣ городской черты можно только къ востоку на высокой и ровной пустоши, которая принадлежитъ городу. Съ прочихъ сторонъ городъ не можетъ расширяться, потому что на южной, на правой — течетъ Вятка, а съ запад. и сѣверной крестьянскія земли прилегаютъ къ самому городу. Съ западной стороны, или съ Яранскаго тракта, лицевая сторона города съ ея церквами видна за шесть верстъ.

---

(5) Не отъ этого ли мѣстоположенія онъ получилъ названіе Котельнича.

Чрезъ поперечный оврагъ, въ улицѣ, которая называется „первою" отъ набережной или Московскою, построенъ большой деревянный проѣзжій мостъ. Онъ давно уже пришелъ въ ветхость и нынѣ съ каждымъ днемъ можно ожидать, что онъ обрушится. Такъ какъ этотъ мостъ лежитъ на пути почтоваго сообщенія, то онъ и долженъ выстроиться не на городскія деньги, а на казенныя. Переписка о постройкѣ его начата по крайней мѣрѣ, лѣтъ восемь тому назадъ, если еще не болѣе, а все еще не кончена къ несчастію нашего бѣднаго города. Въ послѣдніе годы мостъ почти постоянно запертъ для проѣзжающихъ и доступенъ только для однихъ проходящихъ. Объѣздъ его возможенъ только въ одномъ мѣстѣ, именно: ниже моста чрезъ самое устье рѣчки Балакиревицы, гдѣ берега оврага сближаются и почти сравниваются съ дномъ его. Здѣсь наведенъ небольшой мостикъ, который каждую весну, предъ вскрытіемъ рѣки Вятки, разбирается и тогда опять предоставляется полная свобода ѣздить по большому мосту, не смотря на его ветхость ([6]). Во время разлива рѣки Вятки три арки этого моста затопляются почти до самыхъ сводовъ, особенно двѣ крайнія. Кромѣ весны, въ другое время года мостъ отпираютъ только для проѣзда какой нибудь важной особы, такъ какъ объѣздъ большаго моста очень неудобенъ. Съ наступающей весны чрезъ этотъ же оврагъ, на Богомоловской улицѣ, будетъ строиться на городскія деньги проѣзжій мостъ. Стоимость его въ смѣтѣ, которая въ 1859 году утверждена Строительною Коммиссіей, опредѣлена въ 3,500 р. Есть еще небольшой мостъ чрезъ устье рѣчки Родіоновки, соединяющій городъ съ тою частію его, которая называется Острокопьемъ.

Возвышенность, находящаяся къ югу отъ западной стороны города за оврагомъ, стоитъ того, чтобы еще упомянуть объ ней, такъ какъ здѣсь встарину находился городъ Кокшаровъ.

([6]) Впрочемъ, весною 1860 года чрезъ Балакиревичный заливъ утвержденъ правительствомъ и временной перевозъ.

Нынѣ на отлогихъ концахъ этой возвышенности построены купеческіе амбары, а на самой возвышенности и на скатѣ къ оврагу раскинуто не болѣе десятка самыхъ скромныхъ домиковъ. Почти на серединѣ этой возвышенности стоитъ каменный четырехугольный столбъ, какъ памятникъ давно бывшей на томъ мѣстѣ церкви. Недалеко отъ этого каменнаго столба еще въ недавнее время находился другой такой же столбъ. Въ настоящее время возвышенность, бывшая нѣкогда мѣстомъ города Кокшарова, очень необширна (7): длина ея простирается до 200 саж., а ширина менѣе 50 саж. Говорятъ, что еще не такъ давно этотъ хребетъ имѣлъ значительную широту, но отъ изгиба на него рѣки Вятки, онъ много осыпался. Можно думать, что черезъ два-три десятка лѣтъ его вовсе не будетъ и р. Вятка потечетъ по тому оврагу, которымъ онъ отдѣленъ теперь отъ города.

На восточной сторонѣ Балакиревичнаго оврага, мѣсто, отстоящее отъ него на два квартала отъ набережной улицы, называлось въ старину верхнимъ посадомъ; а на запад.—нижнимъ. На первомъ изъ нихъ прежде построенъ былъ мужскій монастырь во имя Св. Іоанна Предтечи. О существованіи здѣсь этого монастыря свидѣтельствуетъ теперь каменный четвероугольный столбъ. На нижнемъ посадѣ, на томъ прямомъ треугольникѣ, который образуется съ одной стороны Балакиревичнымъ оврагомъ, а съ другой прежнимъ устьемъ рѣчки Котлянки, въ старину находился дѣвичій монастырь „Введенскій". Онъ упраздненъ неизвѣстно въ которомъ году, но, вѣроятно, не ранѣе построенія церкви Св. Николая Чудотворца, т. е. не ранѣе 1745 года. Мѣстное преданіе говоритъ, что вся утварь и иконы сего монастыря перенесены были въ новопостроенную церковь. Дѣйствительно, въ настоящее время въ этой церкви находится довольно много древнихъ иконъ. Изъ нихъ болѣе извѣстны: икона

(7) На этой возвышенности и по сію пору еще жители находятъ различныя древности, какъ-то: монету, бердыши, кольчуги.

введенія во храмъ Божіей Матери и икона Божіей Матери — радости скорбящихъ.

Смотря на городъ съ противоположной стороны рѣки Вятки ([8]), видишь, что онъ какъ бы находится въ огромной впадинѣ, а направо и налѣво идутъ высокіе и крутые берега, въ которые мѣстами вдаются овраги: такъ съ полверсты отъ города вверхъ по рѣкѣ Вяткѣ находится довольно большой оврагъ, называемый по старинѣ „Семиглазовымъ". Такое названіе сему логу дано, какъ объясняютъ старожилы, по тому, что въ древности изъ этого оврага выходило будто бы страшное чудовище о семи глазахъ и похищало тѣхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались пускаться туда для отысканія кладовъ. И нынѣ этимъ чудовищемъ многіе изъ родителей пугаютъ своихъ дѣтей — конечно съ намѣреніемъ, чтобы они не бѣгали такъ далеко отъ города. Вѣрующіе же въ бытность кладовъ и по сію пору утверждаютъ, будто внутри этого семиглазоваго лога хранится кладъ, состоящій изъ огромнаго богатства. Что бы достать этотъ кладъ требуются слѣдующія условія: сойти въ оврагъ по крутому спуску задомъ напередъ и потомъ представить, живущему тамъ чудовищу, какъ хранителю клада, человѣческихъ семь головъ (вѣроятно, по числу глазъ, имѣющихся у змія), доставать же этотъ кладъ непремѣнно должно на Ивановъ день въ полночь. Пониже кладбища находится такой же оврагъ подъ именемъ „Свинцовскаго". Старики говорятъ, это названіе оврага произошло будто бы отъ нахожденія въ немъ прежде какой-то руды, хотя въ настоящее время никто и не подозрѣваетъ тамъ ея существованія. На другой сторонѣ рѣки Вятки, т. е. насупротивъ самаго города, находится еще третій оврагъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ „Кобыльяго ложка". Названіе такое онъ получилъ вслѣдствіе того, что въ немъ, во время бывающей Алексѣевской ярмарки, Татары имѣютъ обычай рѣзать своихъ лошадей.

([8]) У города она течетъ съ в. на з. и чрезъ полверсты или болѣе ниже города поворачиваетъ на югъ.

Пространство земли, занимаемое городомъ, заключается въ 133 десят. и 1,416 саж., да кромѣ того земли принадлежащей ему внѣ городской линіи 2,783 десят. 142 саж. Всего земли подъ городомъ состоитъ 2,916 десят. 1,558 саж. (9). Изъ этого количества принадлежитъ:

А. Городскому вѣдомству.

Внутри городской черты:	Десятины.	Сажени.
Подъ строеніями и дворами	1	141
„ огородами	—	1,279
Подъ пустопорожними мѣстами:		
„ пашнею	6	975
„ выгономъ	23	1,269
„ лѣсомъ	3	1,761
„ оврагами	2	1,890
Неудобныхъ земель:		
„ песками	13	1,379
„ обрывистыми мѣстами	13	1,786
„ улицами и площадями	14	755
„ дорогами большими и малыми . . .	2	2,049
„ озерами, рѣками, рѣчками	1	1,354
Итого внутри городской черты .	84	238
Внѣ городской черты:		
„ общественнымъ пастбищемъ	3	2,055
„ „ садомъ	2	2,275

(9) Свѣдѣнія эти взяты мною изъ градской думы „изъ вѣдомости о земляхъ, принадлежащихъ г. Котельничу", составленныя изъ таблицъ вычисленія гражданскихъ топографовъ Мин. Внутр. Дѣлъ.

	Десятины.	Сажени.
Подъ пустопорожними мѣстами	1	1,803
„ сѣнокосомъ	1,168	670
„ пашнею	14	1,655
„ лѣсомъ	916	746
„ болотами	19	2,330
Неудобныхъ земель:		
„ песками	140	223
„ обрывами	2	1,713
„ площадями и улицами	1	706
„ дорогами большими и малыми . . .	8	2,175
„ озерами, прудами, заливами, рѣками и рѣчками	492	1,574
Итого внѣ городской черты . .	2,773	1,125

Б. Разныхъ казенныхъ вѣдомствъ.

	Десятины.	Сажени.
Внутри городской черты:		
„ строеніями и дворами	—	512
„ огородами	—	959
Внѣ городской черты:		
„ строеніями и огородами	4	780
Итого . . .	4	2,251

В. Церковнаго вѣдомства.

	Десятины.	Сажени.
Внутри городской черты:		
„ строеніями и дворами	—	1,683
„ огородами	—	731
Внѣ городской черты:		
„ строеніями	—	59
„ огородами	—	17
„ кладбищемъ	1	1,906
Итого . . .	2	1,996

Г. Въ пользованіи частныхъ лицъ:

Внутри городской черты:	Десятины.	Сажени.
Подъ строеніями и дворами	22	889
„ огородами	25	1,060
„ неудобной	—	144
Внѣ городской черты:		
„ строеніями и дворами	1	1,484
„ огородами	1	1,971
Итого	51	748
Всего земель въ дачѣ г. Котельнича	2,916	1,558

Большая часть городской земли находится за рѣкой Вяткою подъ лѣсомъ, кустарниками и сѣнокосными участками. Хорошей земли и пригодной для земледѣльца, какъ сказано выше, не болѣе 21 десятины. Пахотною землею почти постоянно владѣютъ частные люди города и изъ очень небольшаго оброка. Посѣвъ же на ней производится исключительно близъ живущими крестьянами, которые снимаютъ отъ горожанъ эту землю и оставляютъ ее за собою. Рожь, овесъ, ячмень и небольшая часть льна, на этой городской землѣ составляютъ главные посѣвы.

Почва города почти исключительно глинистая, кромѣ малой части черноземной. Послѣдняя начинается съ середины города и идетъ на ю.-з. на небольшое разстояніе. Черноземъ есть также и по оврагамъ, находящимся внутри города. Нѣкоторые изъ небогатыхъ жителей садятъ въ этихъ оврагахъ разные огородные овощи. Садятъ же обыкновенно: огурцы, картофель, рѣдьку, свеклу, морковь, лукъ и въ особенности капусту. Обработка огородовъ бываетъ всегда не ранѣе сбытія въ оврагахъ весенней воды. Весь уходъ за огородными овощами, а равно и поливка ихъ, вообще лежитъ на однѣхъ женщинахъ, за то и выручку отъ продажи этихъ расте-

ній, онѣ получаютъ себѣ, а эта выручка иногда бываютъ достаточна для годоваго содержанія бѣднаго человѣка.

Выгоновъ для домашняго скота при городѣ совершенно не имѣется, отъ чего жители принуждены бываютъ въ лѣтнее время кормить скотъ дома и рѣдко выгонять его на пустоши, находящіяся на восточной сторонѣ города. По снятіи уже травъ съ луговъ, они отправляютъ скотъ за рѣку Вятку, гдѣ отдаютъ его подъ присмотръ пастуху, впрочемъ, за очень умѣренную плату. Пастухъ обязывается, съ своей стороны, дѣлать каждогодно изгородь для загона, на ночное время, скота; этотъ уходъ за скотомъ начинается всегда не ранѣе праздника Петра и Павла, а оканчивается уже позднею осенью.

За рѣками Вяткою и Моломою находятся сѣнокосные участки, числомъ до 279; они занимаютъ пространства 1,168 десят. и 670 саж. Всѣ они въ городской доходъ приносятъ не менѣе 2,400 руб. и отдаются на оброкъ съ торговъ, производимыхъ въ городской думѣ, только однимъ городскимъ жителямъ. На томъ же пространствѣ находится нѣсколько мелкихъ озеръ, считающихся тоже оброчными. Изъ нихъ: Халтуринское, Булдаковское и Дубовье — въ длину не болѣе одной версты, а въ ширину отъ 60 до 85 саж., прочія очень не велики. Изъ малыхъ рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Вятку болѣе извѣстны: Бѣлая, Черемуховка, Закалье и Мезжериха. Около устья рѣки Моломы лежитъ, посреди самой рѣки Вятки, островъ, имѣющій въ длину не болѣе ½ версты, но будучи песчанымъ, онъ не можетъ приносить дохода городу. Лѣса состоятъ большею частію изъ дровянаго и кустарниковъ (ивы), впрочемъ, въ маломъ количествѣ есть дубъ, осина, ель, пихта. Хвойный лѣсъ недавно погорѣлъ и его осталось на городской землѣ очень мало.

Климатъ въ Котельничѣ, можно сказать, довольно непостояненъ и суровъ. Онъ препятствуетъ иногда правильному созрѣванію хлѣбныхъ растеній. Такъ въ 1860 году овесъ и ячмень сняты не вполнѣ зрѣлые, особенно первый. Утренніе холода

весной и въ концѣ лѣта еще чаще бываютъ вредны для огородныхъ овощей, особенно: для огурцовъ и картофеля ([10]). Съ весны нерѣдко случается такъ, что когда на грядахъ бываютъ уже ранніе огурцы и домохозяинъ разсчитываетъ на большое ихъ изобиліе и выгодную продажу, вдругъ, въ маѣ, а иногда и іюнѣ наступаютъ довольно сильные утренники и такимъ образомъ всѣ его надежды и планы разрушаются: огородная зелень желтѣетъ и вскорѣ засыхаетъ. Не останавливаясь этимъ, онъ прибѣгаетъ ко вторичному разсажденію огурцовъ, но и на этотъ разъ бываетъ иногда не болѣе счастливъ, ибо съ того самаго времени, когда можно бываетъ надѣяться на частое снятіе огурцовъ, начинаются инеи. Такимъ образомъ, не очень надѣясь на постоянное и теплое лѣто, многія изъ огородницъ садятъ ихъ съ начала обыкновенно въ парники, гдѣ и сохраняютъ отъ такихъ неблагопріятныхъ случаевъ для нихъ. Впрочемъ, когда бываютъ жаркія лѣта, то ихъ выростаетъ въ достаточномъ количествѣ.

Въ нынѣшнее время климатъ здѣсь какъ будто измѣнился,—ибо вмѣсто прежнихъ правильныхъ зимъ, какъ разсказываютъ старики, теперь заступили, довольно значительныя оттепели, приносящія съ собою для жителей не малый вредъ, лѣтомъ же, напротивъ—продолжительные дожди. Однако, не смотря на суровость климата и его непостоянство, все таки нельзя сказать, чтобы онъ былъ вреденъ, хотя и встрѣчаются по временамъ, какъ въ городѣ, такъ и его уѣздѣ разныя эпидемическія болѣзни, какъ-то: холера, горячка, лихорадка (лихоманка, подруга, комуха) и кровавый поносъ, но всѣ эти болѣзни бываютъ преимущественно между бѣднымъ классомъ, и то большею частію отъ его же невѣдѣнія и нерадѣнія, а еще болѣе отъ неумѣреннаго въ лѣтнее время употребленія разныхъ растеній (грибовъ, ягодъ и пр.). На рогатый скотъ нападаетъ

([10]) Лѣтніе утренники съ инеами начинаются иногда вскорѣ послѣ Ильина дня.

иногда сибирская язва, зависящая, конечно, большею частію отъ недостатка и худаго качества корма, онъ также подверженъ чумѣ и воспаленію въ легкихъ.

Климатическихъ особенностей по городу означить съ большею достовѣрностію нельзя, ибо здѣсь метеорологическія наблюденія не велись постоянно. Съ 1830 по 1835 годъ, хотя и производились они при уѣздномъ училищѣ учителемъ Аѳанасіемъ Суворовымъ, но по малому числу лѣтъ, въ которыя они велись, о температурѣ здѣшняго мѣста заключить правильно нельзя; потому что для сего, кажется, необходимо нужно имѣть наблюденій за цѣлыя десятки лѣтъ. Съ 1857 года хотя они и велись мною у себя на дому, но только за одинъ этотъ годъ. Впрочемъ и изъ тѣхъ наблюденій, какія сдѣланы и записаны, можно имѣть нѣкоторое понятіе о температурѣ края. Такъ, за пять лѣтъ, начиная съ 1830 по 1835 годъ, а также и за 1857 годъ средняя годовая температура была +1,19 Р. Въ нижеслѣдующей таблицѣ выставлена средняя температура каждаго мѣсяца за всѣ 6 лѣтъ.

МѢСЯЦЫ.	ГОДЫ.						Среднее число.
	1830.	1831.	1832.	1833.	1834.	1857.	
Январь	— 9,8	—11,1	—11,4	— 11,7	—20,5	—11,5	—12,7
Февраль	— 8,9	— 7,8	— 8,9	— 7,1	— 6,0	— 8,7	— 7,9
Мартъ	— 2,7	— 5,3	— 5,5	— 5,9	— 3,1	— 3,3	— 4,3
Апрѣль	+ 2,9	+ 4,9	+ 4,5	+ 1,3	+ 1,6	+ 1,8	+ 2,83
Май	+ 8,6	+ 9,6	+13,2	+ 9,1	+ 9,5	+ 7,8	+ 9,63
Іюнь	+18,4	+11,4	+12,2	+18,8	+14,1	+12,6	+14,6
Іюль	+19,9	+13,0	+13,0	+15,7	+13,0	+15,3	+14.98
Августъ	+15,7	+ 8,0	+ 9,3	+12,0	+12,6	+ 8,2	+10,9
Сентябрь	+ 6,0	+ 3,7	+ 4,7	+ 4,3	+ 3,4	+ 3,4	+ 4,25
Октябрь	+ 1,1	+ 4,1	+ 0,5	+ 0,7	+ 3,3	+ 2,5	+ 1,87
Нонбрь	- 4,3	— 7,3	—12,5	— 7,4	— 6,4	— 8,5	+ 7,7
Декабрь	— 7,5	—12,9	—12,1	—11,4	—14,0	—14,15	—12,07
Среднее	+3,29	+ 0,86	+ 0,5	+ 1,53	+ 0,63	+ 0,43	+ 1,19
Зимы	— 8,73	—10,6	—10,8	—10,07	— 18,5	—11,15	—10,88
Весны	+ 2,93	+ 3,07	+ 4,07	+ 1,5	+ 2,7	+ 2,1	+ 2,71
Лѣта	+18,0	+10,8	+11,5	+15,5	+13,23	+12,03	+13,51
Осени	+ 0,93	+ 0,17	— 2,77	+ 0,8	— 0,1	— 0,87	— 0,58

Такимъ образомъ, въ означенные годы, средняя температура была: зимы —10,88, весны +2,71, лѣта +13,51, осени —0,58. Во время зимъ обыкновенно бываютъ морозы отъ —25° до —30°, а лѣтомъ жары отъ 24° до 28° и 30, впрочемъ, какъ тѣ, такъ и другіе въ одинаковой степени долго не остаются.

По симъ наблюденіямъ за каждый годъ приходитъ среднимъ числомъ до 203 дней выше 0° и 162° ниже его. О замерзаніи же и вскрытіи здѣшнихъ рѣкъ нигдѣ не упоминается. Впрочемъ, по замѣчанію стариковъ, Вятка становится въ промежутокъ времени отъ 15 октября до 15 ноября, а вскрывается не позже 17 или 18 апрѣля; Молома вскрывается и замерзаетъ всегда нѣсколькими днями ранѣе Вятки. Въ 1857 году замерзаніе рѣки Вятки произошло 25 октября, а вскрытіе 1858 года 20 апрѣля; замерзаніе въ 1858 году было 3 ноября, а вскрытіе въ 1859 году 7 апрѣля: такого ранняго вскрытія жители ни когда не помнятъ. Изъ этого выходитъ, что рѣки здѣсь бываютъ покрыты льдомъ не болѣе 6 мѣсяцевъ.

Для большей точности сообщается также низшая и высшая температуры каждаго изъ шести лѣтъ:

Мѣсяцы и годы.	Низшая темпера-тура.	Числа.	Мѣсяцы и годы.	Высшая темпера-тура.	Числа.
1830.			1830.		
Январь . . .	—19,6	19	Май.	21,2	19
Февраль . .	—16,8	21	Іюнь	23,0	13
Ноябрь. . .	—12,0	23	Іюль	24,0	30, 31
Декабрь . .	—26,5	31	Августъ . .	7,0	7, 9
1831.			1831.		
Январь . . .	—22,5	6	Май.	18,3	28, 29, 30, 31
Февраль . .	—12,8	3	Іюнь	16,8	1, 2, 3, 4, 5, 6
Ноябрь . . .	—22,8	25	Іюнь	19,8	10, 11, 12, 13
Декабрь. . .	—26,5	27	Августъ. .	11,6	9
1832.			1832.		
Январь . . .	—21,0	12	Май.	18,9	29, 30, 31
Февраль . .	—14,0	21	Іюнь	21,0	29
Ноябрь . . .	—23,0	4	Іюль	17,6	1, 14
Декабрь. . .	—19,0	10	Августъ . .	13,4	3, 6, 9, 17

Мѣсяцы и годы.	Низшая температура.	Числа	Мѣсяцы и годы.	Высшая температура.	Числа.
1833.			1833.		
Январь . . .	—24,2	6	Май	18,9	24
Февраль . .	—20,6	18	Іюнь	24,0	6, 21
Ноябрь . . .	—14,2	19, 22	Іюль	19,8	2, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 19, 20, 21, 23
Декабрь . .	—27,5	31	Августъ . .	17,4	5, 7, 8
1834.			1834.		
Январь . . .	—28,0	7	Май	21,0	30
Февраль . .	—29,8	2	Іюнь	25,0	9, 24, 22
Ноябрь . . .	—19,0	15	Іюль	22,5	29
Декабрь . .	—24,0	19, 20, 22	Августъ . .	23,3	5
. . . .			. . . .		
. . . .			. . . .		
1857.			1857.		
Январь . . .	—23,2	25	Май	18,3	21, 23
Февраль . .	—23,2	11	Іюнь	24,3	7, 8
Ноябрь . . .	—22,3	12	Іюль	25,7	3, 5
Декабрь. . .	—24,4	17	Августъ . .	20,7	7, 8

Изъ этой таблицы видно, что низшая температура приходится на декабрь и январь, а высшая на іюнь и іюль. Изъ наблюденій, производившихся за эти годы видно также число дней ясныхъ, пасмурныхъ и другихъ, а именно:

Годы.	Дней.							
	Ясныхъ.	Облачныхъ.	Пасмурныхъ.	Дождевыхъ.	Снѣжныхъ.	Тумaнныхъ.	Метельныхъ.	Грозовыхъ.
1830	96	85	90	21	41	10	9	13
1831	82	101	79	35	36	4	23	5
1832	79	58	103	42	39	10	24	11
1833	78	120	44	36	58	11	10	8
1834	89	112	61	36	40	8	16	5
. . . .	. .	. .	. .	. .	. .	. .	. .	. .
. . . .	. .	. .	. .	. .	. .	. .	. .	. .
. . . .	. .	. .	. .	. .	. .	. .	. .	. .
1857	73	108	79	46	33	12	9	6
Среднее число.	83	99	76	34	41	9	15	8

Слѣдовательно, ясныхъ дней въ году среднимъ числомъ бываетъ почти $^1/_5$ часть года, облачныхъ $^1/_3$, пасмурныхъ $^1/_6$, дождевыхъ $^1/_{10}$, снѣговыхъ $^1/_9$, туманныхъ $^1/_{40}$, съ метелями $^1/_{24}$, и съ грозою $^1/_{40}$. Грозы случаются не часто и при томъ не сильны и проходятъ въ скоромъ времени; онѣ начинаются съ послѣднихъ чиселъ апрѣля, а иногда и съ первыхъ мая, а оканчиваются августомъ въ первыхъ его числахъ. Такъ, первый громъ былъ въ 1858 году 20 и 21 апрѣля; въ 1859 году 18 апрѣля, послѣдній громъ былъ въ этомъ году 12 августа. Сильныя грозы бываютъ очень рѣдко и почти всегда безъ послѣдствій.

Изъ вѣтровъ чаще другихъ: сѣверовосточный и югозападный: первый изъ нихъ приноситъ лѣтомъ хорошую и теплую погоду, а зимою морозы; второй — лѣтомъ дожди и вообще ненастье, а въ зимнее время снѣгъ и даже оттепель, доходящую до + 2° Р. Вообще же количество и качество вѣтровъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Годы.	Вѣтры.								
	Сѣверный.	Тихо.	Западный.	Южный.	Сѣверовосточный.	Восточный.	Юговосточный.	Сѣверо-западный.	Югозападный.
1830...	12	63	37	21	60	24	18	23	107
1831...	10	51	41	38	68	25	27	22	83
1832...	6	47	38	19	80	40	38	26	72
1833...	13	29	29	22	98	32	17	20	105
1834...	19	20	65	21	48	46	30	22	94
......	..	..	..	..	..	..	..	..	..
......	..	..	..	..	..	..	..	..	..
1857...	8	54	14	5	108	19	26	59	72
	11	44	39	21	77	31	26	27	89

Отсюда видно, что тихихъ дней въ году бываетъ не болѣе 44, что составляютъ $^1/_8$ часть года,—остальные же вѣтре-

ные. Большіе вѣтры съ вьюгами бываютъ преимущественно въ ноябрѣ и февралѣ; въ апрѣлѣ наступаетъ ясная, теплая и тихая погода; въ маѣ же, съ первыхъ чиселъ и до 20, дожди съ холодными вѣтрами, продолжающіеся иногда недѣли по полторы и болѣе. Уже съ 20 мая устанавливается совершенное лѣто со своими жарами, но и оно продолжается не долго: случается иногда, что весь августъ бываетъ съ проливными дождями. Объ осени можно сказать, что она по большей части есть непрерывное ненастье, оканчивающееся только съ наступленіемъ зимы. Въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ падаетъ хлопьями снѣгъ, иногда съ перваго раза остающійся совсѣмъ зимовать ([11]).

Улицъ въ городѣ 10, изъ нихъ 5 дольныхъ, переходящихъ чрезъ Балакиревичный оврагъ и 5 поперечныхъ, идущихъ отъ рѣки Вятки подъ прямыми углами.

I. *Дольныя улицы:* 1) Набережная, находящаяся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега рѣки. Между этой улицей и той чертой, отъ которой начинается спускъ къ рѣкѣ Вяткѣ, тянется неправильный рядъ ветхихъ домовъ. И на самомъ спускѣ къ рѣкѣ Вяткѣ тѣснятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ точно такіе же бѣдные домики. 2) Московская или Вятская, называется обыкновенно первою (т. е. отъ набережной). Въ этой улицѣ чрезъ поперечный оврагъ проходитъ большой мостъ. 3) Воробьевская. 4) Богомоловская. 5) Солдатская. II. *Поперечныя улицы:* 1) Котельническая, 2) Шильниковская и 3) Предтеченская въ восточной половинѣ города, 4) Князевская и 5) Игошинская въ западной половинѣ города. Улицы вообще имѣютъ довольно правильное расположеніе и достаточную ширину, но по невѣжеству ли, небрежности ли жителей онѣ даже между богатыми домами не очищаются и не укрѣпляются галькою и отъ того, во время весны и осени, онѣ дѣлаются въ полномъ смыслѣ непроходимыми. Тротуары (сходни) наведены только

([11]) Первый снѣгъ въ 1859 году шелъ 3, 4 и 5 чиселъ сентября.

въ середнихъ трехъ дольныхъ улицахъ и въ поперечныхъ, пересѣкающихъ эти три улицы. Назадъ тому годъ не было почти ни одного квартала, въ которомъ бы тротуары не были ветхи ([12]).

Въ постройкѣ домовъ здѣшніе жители не отличаются большимъ вкусомъ и соблюденіемъ симметріи; они, при постройкѣ домовъ, имѣютъ въ виду не собственное удобство, а удобство для постояльцевъ во время ярмарки. Отъ того въ большей части домовъ комнаты устроены такъ, что почти каждая изъ нихъ имѣетъ особый ходъ изъ сѣней. Во время ярмарки многіе дома, смотря по ихъ величинѣ, количеству при нихъ амбаровъ и близости къ рынку, приносятъ отъ постоя и складки товаровъ дохода отъ 10 до 50 р. и отъ 50 руб. до 250 р. Отдѣльные дома есть очень порядочные, но общій видъ на городъ весьма непривлекателенъ. Къ лучшимъ домамъ здѣсь можно отнести дома купцовъ: Зыриныхъ и Кардаковыхъ. Обширный деревянный домъ купца М. И. Кардакова, построенный въ прошломъ году, какъ по плану, такъ и исполненію его, могъ бы занять видное мѣсто въ какомъ угодно большомъ городѣ. Всѣхъ домовъ, принадлежащихъ городскимъ обывателямъ, считается 340, въ томъ числѣ каменныхъ 12, полукаменныхъ 26 и деревянныхъ 302; кромѣ этого числа принадлежатъ казнѣ 6, обществу 9 и церкви 1.

Въ западной половинѣ города, черезъ домъ отъ моста, въ лѣвой сторонѣ отъ продольной улицы была еще недавно площадь величиною въ кварталъ. На ней въ линію по улицѣ стоитъ соборъ. На югъ отъ собора находятся два старыхъ гостиныхъ двора, состоящіе изъ 165 лавокъ. На западъ отъ собора и этихъ гостиныхъ дворовъ въ 1852 г. построенъ, въ видѣ квадрата, каменный гостиный дворъ съ подъѣздами на каждой сторонѣ. Въ этомъ дворѣ считается 120 лавокъ, по 15 со всѣхъ 4-хъ сторонъ, какъ внѣшнихъ, такъ и

([12]) Благодаря распоряженію дѣятельнаго начальника города Якова Александровича Рейнеке, городъ въ отношеніи чистоты и порядка приходитъ къ лучшему состоянію.

внутреннихъ. Во внутренности сего квадрата построены еще четыре деревянныхъ корпуса съ 60-ю лавками. Сверхъ того, частнымъ лицамъ принадлежитъ до 15 лавокъ, находящихся около означенной площади при домахъ. Такимъ образомъ, всѣхъ лавокъ, принадлежащихъ городу и частнымъ лицамъ, считается: 120 каменныхъ и 170 деревянныхъ. Однакожъ, не смотря на это количество, во время Алексѣевской ярмарки, все таки устраиваются по улицамъ, окружающимъ бывшую площадь, балаганы числомъ отъ 100 до 150.

Приходскихъ церквей въ городѣ три: 1) соборъ во имя Св. Троицы, Алексѣя человѣка Божія и Покрова Пресвятыя Богородицы; 2) Николаевская церковь во имя Св. Архангела Михаила, Казанской Божіей Матери и Святителя Николая. Она стоитъ на той же площади, на которой и соборъ. Только последній находится на востокъ отъ сѣверо-восточнаго угла каменнаго гостинаго двора, а первая на югъ отъ юго-западнаго угла того же двора, на берегу оврага, составляющаго прежнее устье рѣчки Котлянки. 3) Церковь Предтеченская во имя Св. Іоанна Предтечи, исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авивы; лѣвый придѣлъ теплаго храма не освященъ. Она находится въ восточной половинѣ города немного повыше моста въ линію продольней улицы и на той же сторонѣ ея, на которой въ западной половинѣ города стоитъ соборъ. Всѣ эти церкви каменныя. 4) Церковь Кладбищенская, во имя всѣхъ Святыхъ, деревянная на каменномъ фундаментѣ. Она находится на западъ отъ города въ полуверстѣ отъ него, почти на самомъ берегу рѣки Вятки.

1.

Первоначальное построеніе церкви во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ великомученицы Параскевеи, нарѣченныя Пятницы, относится къ царствованію Михаила Θеодоровича, т. е. къ тому времени, когда всѣ церкви еще на-

ходились въ старомъ городѣ Кремлѣ, обнесенномъ деревянною стѣною ([13]). Въ то время считалось тамъ три церкви: Алексѣевская (холодная), Троицкая и Архангельская (Николаевскаго прихода). Всѣ эти церкви были деревянныя и очень ветхія, въ особенности Троицкая, въ которой и служить было нельзя совершенно. А потому староста этой церкви, Павликъ Рябовъ, отправился въ 1624 году въ Москву къ святѣйшему патріарху Филарету Московскому и всея Руси съ просьбою отъ своихъ прихожанъ, чтобы имъ дозволено было построить новую соборную церковь во имя Пресв. Живонач. Троицы съ придѣломъ великомученицы Параскевы, нарѣченныя Пятницы, на новомъ мѣстѣ, находящемся за рѣчкою Котлянкою. Вскорѣ этотъ патріархъ благословилъ его и далъ грамоту на постройку той церкви за городомъ, на новомъ мѣстѣ, въ остроги у креста на площади, какъ сказано въ грамотѣ ([14]). Въ то же время патріархъ разрѣшилъ ронить и рубить лѣсъ и такимъ образомъ очищать мѣсто для постройки, какъ новыхъ церквей, такъ вѣроятно и самаго города. А оставшуюся же старую церковь онъ приказалъ разобрать и на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ престолъ, поставить небольшой столбъ, который и теперь тамъ находится,

---

([13]) Въ старину въ Кокшаровѣ надъ этою стѣною были съ трехъ сторонъ башни съ воротами подъ каждой. Главныя изъ нихъ находились съ вост. стороны; подъ этими же воротами висѣли двѣ иконы: одна Спасителя Нерукотвореннаго образа въ большомъ видѣ и другая Казанской Божіей Матери. Впослѣдствіи 1-я перенесена была отсюда въ таможню, бывшую тогда въ старомъ городѣ, а по уничтоженіи ея, пожертвована градскимъ обществомъ въ Николаевскую церковь (1810 году), въ которой и по сію пору находится подъ именемъ таможеннаго; 2-я перенесена была въ нижнюю расправу, а изъ нея во вновь учрежденный уѣздный судъ, въ которомъ существуетъ и теперь.

([14]) Смотр. хранящуюся въ мѣстномъ соборѣ грамоту Филарета Никитича, патріарха всея Руси, данную на построеніе новаго собора отъ 6 іюля 1624 году. Копія съ этой грамоты приложена въ концѣ этого описанія.

какъ остатокъ старины, хотя онъ можетъ быть перестроенъ съ того времени уже нѣсколько разъ.

Построенная на новомъ мѣстѣ церковь въ скоромъ времени подверглась опустошительному пожару, случившемуся въ ночь на 2-е число октября 1687 года и истребившему не только церкви, но и самый городъ. На другой же годъ послѣ этого сильнаго пожара Троицкая церковь вновь была построена ([15]) и на томъ же мѣстѣ, съ разрѣшенія уже Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, вѣроятно тоже деревянная и малая, потому что изъ записи 1703 года видно, что съ этого времени и съ разрѣшенія Діонисія, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, приступлено уже къ отводу вторичнаго новаго мѣста подъ соборную новозаводную церковь, на его архіерейской пашенной землѣ въ небольшомъ разстояніи отъ Николаевской церкви ([16]). Чрезъ два года послѣ отвода этого мѣста (именно 15 апрѣля 1705 года) была закладка каменнаго собора. На это число, въ четвертокъ, (какъ сказано въ записи), пріѣзжали изъ главнаго

([15]) Смотр. благослов. грамоту Іоны, архіеп. Вят. и Великоперм. на постройку новой церкви на томъ же мѣстѣ, вмѣсто сгорѣвшей Троиц. церкви (1688 года октября). Сія грамота хранится въ томъ же соборѣ. Копія этой грамоты приложена тоже на концѣ нашего описанія.

([16]) Въ записи 1703 года говорится, между прочимъ, „о мѣстѣ подъ соборную же Троицкую новозаводную каменную церковь, на его архіерейской, домовой, пашенной землѣ, противъ Николаевской церкви, въ полѣ мѣрою отъ часовни пятьдесятъ саженъ печатныхъ поперечника, а длинника отъ половничныхъ дворовъ отъ того двора прямо къ рѣчкѣ Балакиревицѣ семдесятъ три саж., а въ той земли отвели посадскіе жители пустошъ съ его архіерейскою домовою пашнею смежно длинника сто двадцать саж. печатныхъ, а поперечника восемьдесятъ пять саж. печатныхъ, а у мѣры и на отводѣ той земли были Котельнича города Предтеченскаго монастыря строитель монахъ Антоній, протопопъ собора Іоаннъ съ братіею, да градскіе люди: городничій Димитрій Кусковъ, посадскіе люди: тутъ слѣдуетъ подпись 26 человѣкъ, а на закладкѣ собора были: Троицкаго собора Іоаннъ Аммосовъ почти съ тѣми же посадскими людьми. Запись эта приложена въ концѣ описанія.

Хлыновскаго собора протопопъ Павелъ Лазаревъ съ братіею и чудотворнымъ образомъ Николая Великорѣцкаго, для всенароднаго молебствія. Въ 1721 году, во время сильнаго пожара, случившагося въ городѣ, новозаводная церковь много пострадала, но какъ была, на этотъ разъ, каменная, то не была истреблена совсѣмъ. Все таки до 1747 года она не могла быть вся поправлена, въ особенности не былъ поправленъ придѣлъ теплой церкви во имя Св. Алексѣя человѣка Божія. Послѣдній пожаръ, бывшій въ 1805 году, опять много повредилъ эту церковь, какъ внутри, такъ и извнѣ. Такіе сильные и частые пожары, случавшіеся въ городѣ и подвергавшіе соборъ крайнему бѣдствію, могли конечно истребить не мало драгоцѣнностей, хранившихся до того времени какъ въ церкви, такъ и ея архивѣ. Въ 1830 году соборъ былъ устроенъ окончательно: въ это время въ немъ, на сѣверной сторонѣ, устроенъ еще придѣлъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Не смотря на бѣдствія, которымъ соборъ подвергался во время пожаровъ, въ немъ и по сіе время хранится еще не мало дорогихъ предметовъ старины, изъ коихъ особенно замѣчательна икона Св. Алексѣя человѣка Божія ([17]). Она хранится, какъ надобно полагать, болѣе двухъ вѣковъ, ибо общее преданіе говоритъ, что эта икона была пожертвована собору царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, хотя грамоты о пожертвованіи оной, въ настоящее время, не находится въ соборномъ архивѣ. По какому именно случаю она была пожертвована царемъ здѣшнему собору, достовѣрно неизвѣстно, но мѣстное преданіе говоритъ, будто бы Алексѣй Михайловичъ имѣлъ обычай въ день своего ангела, разсылать по разнымъ мѣстамъ и городамъ иконы своего ангела. Не этому ли благочестивому обычаю царя обязанъ и нашъ соборъ иконою Алексѣя человѣка Божія, какъ пожертвованіемъ царскимъ? И не находится ли въ

([17]) Эта икона имѣетъ длины и ширины по 15 верш. и обложена серебряною ризою.

какой нибудь связи съ этомъ обстоятельствомъ учрежденіе Алексѣевской ярмарки, существующей здѣсь съ давнихъ поръ, какъ говоритъ мѣстное преданіе? Можетъ быть, въ свое время имѣлась и грамота отъ царя Алексѣя Михайловича о пожертвованіи иконы или объ учрежденіи ярмарки, но во время пожаровъ, неоднократно постигавшихъ городъ и соборъ, она утратилась вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями ([18]).

По недостаточности помѣщенія въ теплой церкви, въ настоящее время предположено колокольню сломать и перенести ее на нѣсколько саженъ ближе къ гостиному двору, а теплую церковь расширить, объ чемъ мѣстное духовенство, выправивъ новый планъ, представляло его на утвержденіе Святѣйшаго Синода, которымъ и разрѣшено произвесть означенную перестройку.

2.

Николаевская церковь до конца XVI вѣка находилась, какъ и прочія, въ старомъ городѣ въ Кремлѣ, подъ именемъ Архангельской Николаевскаго прихода. Во время пожара, бывшаго 1687 года ([19]), она, вмѣстѣ съ прочими церквами, сгорѣла; на другой годъ послѣ этого пожара она изъ стараго города Кремля (съ разрѣшенія Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго) перенесена была за рѣчку Котлянку на мѣсто, называемое посадомъ, что на Мельчаковскомъ огородѣ, находившемся въ то время около ограды дѣвичьяго монастыря. Построенная на семъ мѣстѣ церковь была деревянная и существовала не болѣе

([18]) По богатству церковныхъ одеждъ и священной утвари, Троицкій соборъ должно считать первымъ въ городѣ.

Въ Троицкомъ соборѣ хранятся 5 иконъ, оставшихся отъ ополченія, бывшаго въ 1855 году.

([19]) Смотри грамоту Іоны, арх. Вят. и Великоперм. на построеніе новой церкви, отъ 1688 года октября 9 дня. Копію съ сей грамоты см. въ концѣ описанія.

50 лѣтъ. Въ 1741 году было приступлено къ сооруженію новой церкви, уже каменной и нѣсколько дальше къ зап. отъ старой. Черезъ четыре года, именно въ 1745 году, была кончена холодная церковь и освящена во имя архангела Михаила. Въ 1753 году въ теплой церкви освященъ лѣвый придѣлъ во имя Николая Чудотворца, а чрезъ сто лѣтъ, наконецъ, въ этой же церкви еще былъ пристроенъ придѣлъ въ правой сторонѣ, во имя Казанскія Божіей Матери. Этотъ придѣлъ совсѣмъ былъ изготовленъ въ 1841 году и освященъ Неофитомъ, епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ.

Въ настоящее время Николаевская церковь много облагодѣтельствована своими прихожанами — богатыми купцами, изъ которыхъ особенной благодарности въ этомъ отношеніи заслуживаютъ: Михаилъ Ивановичъ Кардаковъ, братья Кардаковы, Семенъ Сергѣичъ Зыринъ. Отецъ братьевъ Кардаковыхъ, Прокопій Максимовичъ много помогъ устройству иконостаса въ холодномъ храмѣ и взялъ на свой счетъ всю позолоту этого иконостаса, которая при его жизни была только начата, а окончена уже сыновьями его. Позолота иконостаса и сѣни надъ престоломъ, поддерживаемой четырьмя столбами, — какъ иконостасъ, такъ и сѣнь вызолочены безъ всякой прикрасы,— стоитъ братьямъ Кардаковымъ 4,000 руб. сер. Иконы для иконостаса, въ числѣ 40, заказаны Михаиломъ Ивановичемъ Кардаковымъ за 4,000 руб. сер. въ Дивѣевской обители, въ которой, какъ извѣстно, искусство иконописанія стоитъ на довольно высокой степени. Купцы Зырины, особенно Семенъ Сергѣевичъ, пріобрѣли для сей церкви не мало утвари довольно цѣнной; такъ въ послѣднее время онъ пожертвовалъ еще богатое паникадило, стоющее до 600 руб. сер. Теплая церковь въ обоихъ придѣлахъ богата иконами, которыя украшены серебраными ризами, жертвованными въ разное время этими же купцами, т. е. Кардаковыми и Зыриными. Всѣхъ иконъ въ серебряныхъ ризахъ считается до 12; серебра въ ризахъ болѣе 2-хъ пудовъ и въ другихъ церковныхъ утваряхъ болѣе пуда. Въ библіо-

текѣ книгъ считается за 200 томовъ. Изъ книгъ древнѣе прочихъ Евангеліе 1677 года. Колоколовъ 9, изъ нихъ главный 74 пуда 30 ф. Къ этой церкви причислена часовня, подъ названіемъ Ширяевской, отстоящая въ 4-хъ верстахъ отъ города. Она почитается мѣстомъ явленія образа Спасителя и Владимірской Божіей Матери, находящихся съ давнихъ поръ въ Николаевской церкви, а потому къ этой часовнѣ бываютъ отсюда издавна, по установившемуся обычаю, два крестныхъ хода въ году. Одинъ бываетъ во второе воскресенье послѣ Троицына дня, а другой 26 августа, въ день Владимірской Божіей Матери. Первый бываетъ мимоходомъ, когда священникъ отправляется въ деревни для отправленія напольныхъ молебновъ. Второй, болѣе торжественный, привлекаетъ къ часовнѣ для богомолья очень много народу. Въ это время многіе изъ крестьянъ имѣютъ обыкновеніе приносить подъ свято молодаго пѣтуха, другіе же, кромѣ сего, приносятъ еще середку или переднее плечо баранины, тоже молодой. Пѣтуховъ приносится 300—400 штукъ, баранины отъ 20 до 30 пудъ. Послѣ все это приношеніе отъ крестьянъ дѣлится между церковнымъ причтомъ.

8.

Предтеченская церковь построена въ 1807, а освящена — теплая въ 1808 году, а холодная въ 1815 году. До сего же времени служба совершалась въ ветхой деревянной церкви, называвшейся монастырскою, по причинѣ бывшаго до Екатерины Великой на томъ же мѣстѣ мужскаго монастыря во имя Іоанна Крестителя Господня и въ ея же царствованіе упраздненнаго въ числѣ многихъ другихъ монастырей.

Къ этой церкви отнесена часовня, находящаяся въ 6 верстахъ отъ города, при деревнѣ Сѣнниковской. Прежде эта часовня, при которой она находится, принадлежала къ Предтеческому монастырю, а по уничтоженіи его причислена къ настоящей церкви. Во внутренности часовни находится очень много древнихъ иконъ, перенесенныхъ, какъ надобно полагать,

изъ уничтоженнаго монастыря. Здѣшніе крестьяне, не смотря на то, что давно принадлежатъ къ государственнымъ, и теперь называются монастырскими. Къ этой часовнѣ также, какъ и Ширяевской, два раза въ году носятъ отъ Предтеченской церкви св. иконы. Кромѣ Сѣнниковской часовни при этой церкви, еще недавно считалась другая — Репейнитская, но, по чрезвычайной ветхости и близости ея къ берегу рѣки Вятки, она была запущена. Съ 1858 года духовенство здѣшняго Троицкаго собора входило съ представленіемъ къ своему начальству, чтобы эту часовню, какъ уже за ветхостію и неудобнымъ мѣстоположеніемъ ея, оставленную лѣтъ 20 тому назадъ, разобрать и перенести ее съ того мѣста на городское кладбище, на ю.-з. отъ церкви. На такое представленіе духовное начальство согласилось вполнѣ. По постройкѣ этой часовни на новомъ мѣстѣ, установился изъ собора каждогодно, во время праздника Петра и Павла, и ходъ св. иконъ. А извѣстный здѣшній благотворитель Семенъ Сергѣичъ Зыринъ уже и предложилъ свои услуги выстроить ее въ хорошемъ видѣ на свой счетъ.

4.

Кладбищенская церковь до 1857 года была деревянная, холодная, и очень ветхая, почему съ разрѣшенія епархіальнаго начальства въ томъ же году она перестроена Михайломъ Ивановичемъ Кардаковымъ на полукаменную теплую ([20]). При этомъ онъ взялъ на свой счетъ и постройку новаго иконостаса, его позолоту, живопись и вообще все, что необходимо для св. храма. Имъ же въ 1859 году приложенъ къ этой церкви колоколъ въ 127 пудъ. Кромѣ того, на деньги, собранныя еще прежде, слито до 10 колоколовъ разнаго вѣсу, начиная отъ 1 пуда до 65 пудъ.

([20]) Въ 1857 году іюля 1 предъ сломкой старой церкви, послѣ литургіи разобранъ былъ св. престолъ и потомъ всѣмъ соборомъ здѣшняго духовенства, при большомъ стеченіи народа, перенесенъ на рѣку Вятку, гдѣ былъ сожженъ на плотѣ, нарочно приготовленномъ для этой цѣли.

Въ 1857 году приложенъ еще колоколъ вѣсомъ 15 пуд. Сем. Сер. Зырянымъ. За исключеніемъ этихъ 11 колоколовъ, вся церковь и ея утварь устроены иждивеніемъ купца Михаила Ивановича Кардакова. Изъ замѣчательныхъ предметовъ старины въ этой церкви заслуживаетъ особеннаго вниманія икона „Всѣхъ Святыхъ", писанная на холстѣ въ 1737 году. Она находится въ рамкѣ, имѣетъ длины 3 арш. и ширины $2^1/_2$ арш.

На седьмой недѣлѣ послѣ Св. Пасхи, въ четвертокъ, на кладбищѣ совершается поминовеніе усопшихъ. Этотъ поминальный день обыкновенно называется „Семикомъ", вѣроятно отъ того, что онъ бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи. Въ день Семика съ ранняго утра съѣзжается на кладбище для поминовенія усопшихъ родныхъ очень много народу какъ изъ деревень, такъ и изъ города. Сперва въ обычное время совершается заупокойная обѣдня, потомъ панихиды для однихъ въ церкви, для другихъ, по ихъ желанію, на могилахъ усопшихъ родныхъ. Для исправленія этихъ панихидъ, по окончаніи обѣдни въ городѣ, приходятъ всѣ священники отъ всѣхъ церквей. Когда панихиды будутъ отправлены для всѣхъ желающихъ, тогда всѣ священники со св. иконами отправляются изъ церкви на ту могилу, въ которой будто бы похоронены воины, падшіе въ сѣчѣ съ Новгородскими выходцами. Здѣсь служится такъ называемая всемірная панихида за всѣхъ воиновъ, которые пали въ этой битвѣ. Этой-то общей или всемірной панихидой и оканчиваются всѣ поминовенія, и народъ возвращается по домамъ. Замѣчательно, что во время совершенія всемірной панихиды многіе изъ крестьянъ имѣютъ обычай бросать въ яму, надъ которой служится эта панихида, деньги и яйца, изъ которыхъ первыя послѣ прибираются и уносятся въ церковь въ видѣ приклада. По окончаніи панихиды, тѣ же крестьяне, какъ бы въ знакъ той битвы, которая происходила около этого мѣста, бросаютъ одинъ въ другаго печеными яйцами, отъ чего и происходитъ въ это время между ними сильный крикъ и шумъ. Также еще по окончаніи панихиды, нѣкоторыя изъ крестьянскихъ бабъ,

растущую въ этой ямѣ траву вырываютъ и потомъ несутъ домой, гдѣ и хранятъ ее, какъ лекарство во время болѣзни своего домашняго скота. Никакого знака, который бы опредѣленно могъ указать на могилу убіенныхъ воиновъ, въ настоящее время не имѣется совершенно, кромѣ довольно широкой, но неглубокой и поросшей дерномъ и травою ямы, которая издревле всѣми признается мѣстомъ убіенныхъ. Это мѣсто находится въ нѣсколькихъ саженяхъ къ югу отъ церкви, и также въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ грани, съ которой начинается крутой спускъ къ рѣкѣ Вяткѣ.

Приходя на кладбище съ единственною цѣлію помянуть своихъ загробныхъ родныхъ, многіе изъ крестьянъ и даже горожанъ, имѣютъ еще обычай послѣ панихидъ обѣдать на могилахъ своихъ родныхъ, для чего и приносятъ сюда разныхъ кушаньевъ, какъ то: яицъ, блиновъ, пироговъ, жаренаго и проч., а крестьяне, мало того, привозятъ съ собою еще пиво и вино, впрочемъ, не обходятся безъ этого и нѣкоторые изъ горожанъ, хотя онѣ пьютъ и ѣдятъ безъ соблюденія тѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ, какіе замѣчаются у крестьянъ. Послѣдніе же на разостланную на могилѣ скатерть ставятъ всѣ яства и, угощая ими своихъ родныхъ и знакомыхъ, не забываютъ также угощать и своихъ загробныхъ родныхъ и друзей; для этого кладутъ имъ особо на могилу ватрушку и часть пирога, также пива и вина, то и другое потомъ льютъ въ нарочно проткнутую пальцемъ ямку, съ плачемъ приговаривая, что и онъ голубчикъ или голубушка дорогая (смотря по тому мужчина или женщина похоронены) любили прежде то или другое попить и поѣсть. Продолжая такимъ образомъ поминать, бесѣдующіе приходятъ то въ грустное, то въ веселое состояніе, иногда принимаются за плачъ и вой, то вдругъ опять за пляску и пѣсни, а подъ часъ совсѣмъ не кстати оканчиваютъ поминки дракой. Впрочемъ, такія исторіи случаются не часто, и то развѣ между такими мужиками, которые любятъ въ нетрезвомъ видѣ начинать ссоры и драки.

Въ Семикъ, на кладбищѣ, продаются разныя дѣтскія игрушки,

какъ то: сосновыя пищали, берестяныя дудки и рожки, деревянныя волынки (этотъ инструментъ, вѣроятно, Черемисскаго происхожденія), жимолостныя палки; также глиняные: дудки, шары, куклы и проч. дѣтскія забавы. Торговля подобными предметами начинается весьма рано и продолжается до вечерни и далѣе. Накупивши подобныхъ игрушекъ, сотни мальчишекъ начинаютъ ими потѣшаться. Обыкновенныя ихъ потѣхи состоятъ въ пальбѣ изъ пищалей, свистаніи въ дудки и бросаніи или катаніи глиняныхъ шаровъ (шарышей, по мѣстному). Такимъ образомъ, Семикъ, не смотря на то, что назначенъ для поминовенія усопшихъ, принимаетъ видъ веселаго праздника. И послѣ Семика городъ оглашается громкимъ свистомъ различныхъ дудочекъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сряду.

Мѣстное преданіе сообщаетъ мало подробностей о бывшемъ близъ Котельнича побоищѣ. Въ исторіи о Вятчанахъ упоминается, что оно происходило въ началѣ 15 вѣка, а именно въ 1418 году ([21]), слѣдственно относится къ тому времени, когда Вятскую страну наводняли многіе праздные люди, бѣжавшіе въ особенности изъ Великаго Новгорода. Измѣнившіе своему отечеству, такіе люди, не могли конечно жить мирно и въ другомъ мѣстѣ: такъ и дѣйствительно, по прибытіи своемъ въ здѣшніе лѣса и вообще страну, наполненную народомъ характера безпокойнаго и буйнаго, они стали производить и здѣсь разныя возмущенія и безпорядки. Къ такимъ знатнымъ бѣглецамъ изъ Великаго Новгорода, въ то время, въ особенности должно причислить Анфала Никитина и Разсохина. Оба они въ Вятскую страну пришли собственно, чтобы властвовать надъ туземцами, но какъ это властвованіе надъ симъ вольнымъ народомъ каждый изъ нихъ не хотѣлъ уступать безъ бою, то и рѣшено было битвою, которая, какъ сказано выше, произошла подъ городомъ Котельничемъ и кончилась смертію Анфала Никитина и побѣдою Разсохина.

([21]) См. Памятную Книжку Вятской губерніи „Достовѣрныя сказанія о древней Вяткѣ“, стр. 119. (Алек. Тангинскаго).

Изъ падшихъ воиновъ въ этомъ побоищѣ было больше Устюжанъ, союзниковъ убитаго здѣсь Анфала Никитина. По дошедшему же преданію, мы знаемъ имена только трехъ предводителей Устюжанъ: Василья, Өеодора и Патрикія. Этихъ воиновъ и по сіе время записываютъ въ памятки и служатъ по нимъ заупокойныя обѣдни. Старожилы же разсказываютъ еще, кромѣ того, что будто бы и черепа этихъ трехъ воиновъ хранились долгое время въ бывшемъ Предтеченскомъ монастырѣ, гдѣ они и показывались, какъ головы святыхъ воиновъ. Это даже заставляло страждущихъ въ то время головною болью прибѣгать сюда съ молитвою. Для этого, вѣрующіе въ ихъ святость, обвертывали ихъ полотенцами или чѣмъ нибудь другимъ, а потомъ снявши съ головъ, накладывали эти полотенцы уже на свои болящія головы, отъ чего и получали, будто бы, въ скоромъ же времени исцѣленіе: но по дошедшимъ слухамъ до одного изъ Вятскихъ архіереевъ, эти черепа, какъ служившіе въ народѣ къ распространенію суевѣрія, были, по приказанію его, похоронены.

На западъ отъ города, въ 1/2 верстѣ отъ него, по лѣвую сторону отъ Яранскаго тракта, находится общественный садъ (22), состоящій изъ ельника средней высоты. Садъ обнесенъ простою изгородью; ворота сада устроены съ сѣверной стороны или со стороны тракта. По южной сторонѣ сада проходитъ оврагъ, оба спуска котораго покрыты ельникомъ, а внизу неширокая долина, орошаемая ключемъ, спруженнымъ у восточной стороны сада. Отъ воротъ сада прямо на югъ идетъ широкая и единственная аллея, которая опускается, наконецъ въ долину оврага. По обѣ стороны этой аллеи насажены березки, рябинки и кусты смородины, которые почти всѣ принялись. Кромѣ того, на правой сторонѣ аллеи изъ тесу устроено мѣсто для кегельной игры, а на лѣвой — ка-

(22) Садъ устроенъ еще недавно, не ранѣе какъ 1852 года; въ устройствѣ онаго принимали довольно большое участіе: бывшій уѣздный судья Дмитрій Ивановичъ Лихачевъ и управляющій питейной конторы Петръ Андреевичъ Калугинъ.

чели, изъ которыхъ одна круглая. По ту и другую сторону аллеи въ томъ мѣстѣ, гдѣ она спускается въ долину оврага, въ тѣни деревъ устроены на столбахъ крытыя беседки. Въ садъ ходятъ только для прогулки и при томъ такъ, что рѣдко могутъ встрѣтиться здѣсь три или четыре семейства за разъ. Общихъ же собраній и увеселеній не бываетъ никогда.

Между городомъ и садомъ находятся два винныхъ подвала: изъ которыхъ одинъ каменный, а другой деревянный, весь обложенный дерномъ. Къ югу чрезъ оврагъ отъ нихъ находятся также два амбара: соляной и хлѣбный.

Жителей въ городѣ за 1858 годъ считалось муж. 1,397; жен. 1,363; всего же 2,760 человѣкъ ([23]). Въ томъ числѣ:

	Муж.	Жен.
Дворянъ:		
1. Потомственныхъ	12	22
2. Личныхъ	49	50
3. Бѣлаго духовенства	32	43
Городскаго сословія:		
1. Купцовъ	134	132
2. Мѣщанъ	722	799
Сельскаго сословія:		
1. Государственныхъ крестьянъ	—	—
2. Удѣльныхъ	3	1
3. Помѣщичьихъ крестьянъ	8	2
4. Дворовыхъ людей	1	4
Военныхъ:		
1. Регулярныхъ войскъ, находящихся въ городѣ	110	52
2. Безсрочно-отпускныхъ	16	—
3. Отставныхъ нижнихъ чиновъ	59	178
4. Солдатскихъ дѣтей	84	—
5. Лицъ, непринадлежащихъ къ означеннымъ разрядамъ	47	22

([23]) Смотри отчетъ городническаго правленія за 1858 годъ.

Изъ этого числа православнаго исповѣданія: муж. 1374; жен. 1,358; римско-католическаго: муж. 3; Евреевъ муж. 11, жен. 1; Татаръ: муж. 9 и жен. 4. Родившихся въ 1858 году было: мальчик. 63, дѣвоч. 57, умершихъ: муж. 46, жен. 51. Отсюда видно, что въ этомъ году, родившихся мужескаго пола предъ женскимъ было болѣе 16-ю человѣками, а умершихъ менѣе 15-ю. Родившихся же обоего пола предъ умершими было тоже болѣе 13-ю человѣками. Изъ числа родившихся въ этомъ году было: 2-е незаконнорожденныхъ и 1 мертворожденный. Браковъ въ продолженіи года было 34. Изъ сравненія девятой ревизіи съ десятою, оконченной въ 1858 году, оказывается, что въ 8 лѣтъ отъ девятой ревизіи число жителей въ городѣ увеличилось на $^1/_7$ часть.

Нравственность здѣшнихъ жителей находится въ довольно хорошемъ состояніи; это видно изъ того, что совершающихся между ними преступленій случается очень мало. Такъ по дѣламъ, производившимся въ здѣшнемъ городовомъ магистратѣ и уѣздномъ судѣ за послѣдніе два года, видно, что изъ лицъ городскаго состоянія содержалось подъ арестомъ: въ 1857 году — муж. 2; въ 1858 году—муж. 1, жен. 1, было прикосновенныхъ къ дѣлу: въ 1857 г.—муж. 70, жен. 2; въ 1858 г.—муж. 45.

Изъ преступленій чаще всего случаются воровство и мошенничество. Кромѣ означенныхъ лицъ городскаго состоянія, въ здѣшнемъ острогѣ за эти же два года содержалось крестьянъ Котельническаго уѣзда по смертоубійству: муж. 3, жен. 5, изъ коихъ оправдано: муж. 1, а осуждено: жен. 3; за грабежъ: муж. 2; за воровство и мошенничество: муж. 28, жен. 5, изъ коихъ оправдано: муж. 2, жен. 1; осуждено: муж. 15, жен. 3; за скотоложство: муж. 5, изъ нихъ осуждено 2-е, за святотатство: муж. 4, изъ коихъ осуждено 1; наконецъ, за буйственные поступки 1. Такимъ образомъ, лицъ сельскаго состоянія содержалось въ тюремномъ замкѣ болѣе за воровство и мошенничество.

Купцовъ къ 1860 году состояло: по первой гильдіи — 2, по второй—2, и третьей—44; по всемъ тремъ гильдіямъ—48.

Да, кромѣ того, иногородныхъ купцовъ, записавшихся гостями по 3-й гильдіи, 12; по довѣренностямъ отъ купцовъ 24 торгующихъ лица. Всѣ они ведутъ торговлю съ многими городами примѣрно на 1,500,000 руб. сер. ([24]).

Въ росписи на 1858 годъ означено въ расходѣ 6,302 руб., въ приходѣ 8,938 руб. 63¼ коп.; остаточныхъ отъ 1857 года наличными 668 руб. 21¼ коп., билетами Приказа Общ. Призр. 6,515 руб. 89 коп., остатокъ отъ 1858 года наличными 390 р. 58½ коп., билетами приказа 9,918 руб. 52½ коп.

По торговлѣ, городъ Котельничъ въ послѣднее время значительно возвысился и сдѣлался вообще гораздо оживленнѣе. Судя по большимъ капиталамъ, имѣющимся у нѣкоторыхъ купцовъ, его можно считать 5-мъ городомъ въ губерніи. Вообще его торговлю можно раздѣлить на внѣшнюю и внутреннюю. Первая—хлѣбомъ ведется преимущественно съ Архангельскимъ портомъ и частію съ Рыбинскомъ (съ послѣднимъ особенно, когда бываетъ малое требованіе хлѣба въ Архангельскій портъ). Нашимъ купцамъ, торгующимъ хлѣбомъ, благопріятствуетъ то обстоятельство, что они имѣютъ въ этомъ случаѣ мало соперниковъ, а потому, во время закупа хлѣба, они иногда могутъ сдерживать цѣны и назначать такія, которыя, болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ ихъ торговымъ соображеніямъ. Нынѣ впрочемъ соперничество начинаетъ значительно усиливаться, потому что и здѣсь появились торговыя конторы отъ нѣкоторыхъ купцовъ г. Архангельска, чего еще не было года съ два тому назадъ. Нѣкоторые изъ богатыхъ купцовъ, закупающихъ рожь, овесъ и ленъ еще съ осени, даютъ извѣстнымъ зажиточнымъ крестьянамъ (кулакамъ) большіе задатки. Эти крестьяне, объѣзжая многіе сельскіе торжки и ярмарки, а иногда и деревни, дѣлаютъ разныя закупки у поселянъ въ то время, когда они всего болѣе нуждаются въ деньгахъ на подать. Такимъ образомъ купцы,

([24]) На ½ часть этой суммы, если еще не болѣе того, производятъ торговлю купцы 2-е Кардаковыхъ и 2-е Зыриныхъ.

чрезъ своихъ задаточныхъ закупщиковъ, получаютъ потребные для нихъ товары гораздо выгоднѣе, чѣмъ чрезъ непосредственную покупку тѣхъ же товаровъ въ зимнее время въ городѣ. Задаточные закупщики стараются заподряжаться у купцовъ, какъ можно на бо̀льшее количество товаровъ съ обязательствомъ, по цѣнѣ, объявленной заранѣе, доставить товары по зимѣ въ городъ или прямо на пристань и при томъ къ извѣстному сроку.

Въ послѣдніе два или три года, къ Архангельскому порту (25) отправляемо было здѣшними купцами разнаго товара не менѣе, какъ по 30 барокъ въ каждый годъ; полагая въ каждой среднимъ числомъ по 25,000 пудъ, выходитъ, что въ Архангельскъ отправлялось товара не менѣе 750,000 пудъ. Въ Рыбинскъ въ послѣдніе годы также отправляется овса по крайней мѣрѣ барки по двѣ.

Менѣе богатые купцы ведутъ торговлю не хлѣбомъ, а другими произведеніями, и не съ Архангельскомъ, а съ другими городами, какъ-то: Нижнимъ-Новгородомъ, Казанью, Самарою, Саратовомъ и Астраханью. Въ эти города обыкновенно идутъ отсюда слѣдующіе товары: холстъ, овесъ, шерсть, поярокъ, кожа, юфть, желѣзо, мясо, свинина, масло и другіе съѣстные припасы.

Товары изъ Котельнича отправляются не во всѣ мѣста въ одно и то же время. Такъ напр. къ Архангельску всѣ товары идутъ сперва зимнимъ путемъ на Подосиновскую пристань, (Вологодской губерніи Никольскаго уѣзда), отстоящую отъ города

(25) Въ нынѣшнее время торговля съ симъ портомъ очень стала усиливаться, въ особенности льнянымъ сѣменемъ, куделью и льномъ, отъ чего и цѣна на этотъ товаръ много возвысилась противъ прежнихъ лѣтъ. Первая торговля Котельничанъ съ Архангельскомъ началась еще недавно, не болѣе, какъ лѣтъ 30 тому назадъ. До этого же времени товары отправлялись только до Великаго Устюга зимнимъ путемъ: первые купцы, начавшіе вести торговлю съ симъ портомъ, были: купцы Сергѣй Дмитріевъ Зыринъ, потомъ братья Иванъ и Прокопій Максимовы Кардаковы.

Котельнича на 278 верстъ, а оттуда весною на баркахъ, заготовляемыхъ тамъ заранѣе, отправляются по рѣкамъ Югу и Сѣверной Двинѣ ([26]). Къ Рыбинску и Астрахани товары грузятся всегда тотчасъ по вскрытіи рѣки Вятки (въ Рыбинскъ преимущественно идетъ овесъ, а въ Астрахань желѣзо и лѣсныя издѣлія); на Нижегородскую ярмарку слѣдуютъ: холстъ, мѣшки, поярокъ, клей, шерсть, юфть и свѣчи; отправка сихъ товаровъ начинается, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, всегда не ранѣе іюня мѣсяца.

По зимѣ же передъ Рождествомъ или послѣ Рождества идутъ отсюда разные съѣстные припасы, какъ-то: говядина, дичь, свинина, сало и масло. Эти припасы отправляются болѣе въ С.-Петербургъ, Москву, Урень, Макарьевъ на Унжѣ, а также и въ города своей губерніи. Всѣ отправляемыя произведенія здѣшняго края, во время лѣтней и зимней коммуникацій, закупаются либо въ самомъ городѣ, либо его уѣздѣ на сельскихъ торжкахъ и ярмаркахъ ([27]), на окружкѣ, какъ здѣсь называютъ.

Чтобы яснѣе видѣть количество товаровъ, идущихъ изъ Котельнича въ разные пункты и города, необходимо взглянуть на отправку ихъ хотя за одинъ годъ. Такъ въ періодъ торговли 1857—58 года отправлено было изъ Котельнича въ Архангельскъ и прочіе города.

Въ Архангельскъ: муки ржаной 180,000 пуд., по 30 и 35 к. за пудъ, на сумму 58,500 руб.; крупчатки 3,000 мѣшковъ 1-го сорта, по 9 руб. за мѣшокъ, на 28,000 руб., и 2,300 мѣшковъ 2-го сорта, по 6 руб., на 13,800 руб.; овса 30,000 четв., по 2 руб. 80 коп. и 3 руб., на 87,000 руб.; ржи 30,000 четв., по 28 и 30 коп. за пудъ, на 78,600 руб.; необдѣланнаго льна 28,000 пуд., по 2 р. 30 коп. и 2 руб.

([26]) Михаилъ Ивановичъ Кардаковъ и Семенъ Сергѣевичъ Зыринъ съ 1858 года участвуютъ въ компаніи пароходства по этой рѣкѣ.

([27]) Этихъ торжковъ и ярмарокъ особенно много бываетъ въ уѣздѣ въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ.

50 коп., на 67,200 руб.; обдѣланнаго льну 23,000 пуд. по 3 руб.; на 69,000 руб., льнянаго сѣмени 30,000 четв. (по 8 руб. за четв.), по 7 р. и 7 р. 25 коп. за четв., на 213,000 руб.; кудели 25,000 пуд., по 2 руб. и 2 руб. 15 коп., на 52,000 руб.; чесаной пакли 8,000 пуд., по 1 р. 30 коп. и 1 р. 90 коп., на 12,800 руб. Кромѣ этого отправлено было въ то время Казанскихъ товаровъ, какъ-то, гороха, крупъ, толокна, гречихи, всего на 15,000 руб. Такимъ образомъ, къ Архангельскому порту отправлено было всѣхъ товаровъ слишкомъ на 700,000 руб. За провозъ означенныхъ товаровъ отсюда обыкновенно платится: до Подосиновской пристани, по зимнему пути, отъ 13 коп. до 25 коп. съ пуда, а потомъ отъ нея до Архангельска; водянымъ путемъ на баркахъ, сходитъ отъ 6 до 9 коп.; весь же провозъ обходится нашимъ купцамъ отъ 19 до 34 коп.

Въ Великій Устюгъ: льна необдѣланнаго 10,000 пуд., по 2 р. 30 коп. и 2 р. 50 коп. за пудъ, на 24,000 руб.; кудели 10,000 пуд., по 2 руб. и 2 руб. 15 коп., на 20,800 руб. Зимній провозъ до сего мѣста обходится отъ 20 до 25 коп.

Въ Нижегородскую ярмарку: холста: рубашки 150,000 арш., отъ 4 до 7 коп., на 8,250 руб.; подкладки 700,000 арш., по $2^1/_2$ и $3^1/_2$ коп., на 21,000 руб.; храща 300,000 арш., по 2 и $2^1/_2$ коп., на 6,750 руб.; макриды 100,000 арш., по $1^1/_2$ до 2 коп., на 1,750 руб.; поярку 1,500 пуд., по 5 и 6 руб., на 8,500 руб.; юфти 1,500 пуд., отъ 18 до 20 руб. за пудъ, на 28,500 руб.; сальныхъ свѣчей 7,000 пуд., по 4 р. 50 коп., на 3,150 руб.; всего же, на 77,900 руб. Доставка товаровъ сюда стóитъ по водѣ отъ 13 и 14 коп., а гужемъ отъ 32 до 35 коп.

Въ Рыбинскъ: овса 20,000 четв. (по 5 пуд. 30 ф. съ кулемъ), по 21 и 26 коп. за пудъ, на 45,720 руб.

Въ Казань: мѣшковъ для крупчатки 100,000 штукъ, отъ 13 до 15 руб. за 1,000 шт., на 1,400 руб.; коровьяго масла 300 пудъ, по 4 р., на 1,300 руб.; солонины 1,000 пуд.,

по 60 и 70 коп., на 650 руб. Доставка сюда бываетъ по зимѣ отъ 14 до 15 коп., а весною отъ 10 до 14 коп.

Въ Лаишевъ: толокна 1,500 пуд., по 50 коп., на 750 руб.; овсяной крупы 500 пуд.; по 55 коп., на 275 руб.; солода 450 пуд., по 50 коп., на 225 руб. Провозъ по веснѣ отъ 5 до 7 и 8 коп. съ пуда; солонины до 1,200 пуд., по 90 и 1 р. 20 коп., на 1,200 руб.

Въ Саратовъ: мѣшковъ крупчаточныхъ 170,000 шт., на 2,380 руб.; простаго сургуча 2,000 пуд., по 40 и 60 коп., на 1,000 руб., желѣза: полосоваго 1,500 пуд., по 1 р. 30 коп. и 1 р. 50 к., на 2,150 р.; шиноваго 1,000 пуд., по 1 р. 80 к., на 1,800 р.; кулей до 3,000 штукъ, отъ 13 до 15 коп. за куль, на 420 руб. Доставка туда не превышаетъ 16 коп. съ пуда.

Въ С.-Петербургъ и Москву: мяса 1,000 пуд., по 1 р. и 1 р. 20 коп., на 1,050 руб.; коровьяго масла 3,200 пуд., по 4—5 р., на 14,400 руб.; свинины до 700 пуд., по 1 р. 20 коп., на 875 руб.; разной дичи на 500 руб. Обыкновенно всѣ эти припасы отправляются въ означенные города предъ Рождествомъ или послѣ него; провозъ ихъ доходитъ: въ Петерб. до 1 руб. и 1 руб. 20 коп., а Москву отъ 40 до 65 коп.

Къ Макарью на Унжѣ: мяса 700 пуд., по 1 р., на 700 руб.; свинины 500 пуд., по 1 р. 20 коп. и 1 р. 30 коп., на 660 руб.; кожъ сырыхъ 900 шт., по 2 р. 50 коп., на 2,250 р.; сала 800 пуд., по 3 руб. 80 коп., на 3,140 руб.; сухой рыбы, судака и леща, по 1 р. 40 и 1 руб. 60 коп., до 1,200 пуд., на 1,800 р.; коровьяго масла 700 пуд., по 4 р. 50 к., на 3,150 руб., сальныхъ свѣчей 200 пуд., по 4 р. 50 коп., на 900 руб. Извозъ по зимѣ доходитъ отъ 15 до 17 коп.

Въ Вятку, Слободской и Орловъ: сырыхъ кожъ 1,600 шт. на 4,000 руб.; листоваго табаку 800 пуд., по 1 руб. 30 коп. и 1 р. 60 коп., на 1,160 руб.; сырыхъ овчинъ 3,000 шт., по 40 и 60 коп., на 1,500 руб.; сухой рыбы 1,800 пуд. на 2,340 руб. Провозъ въ эти города: въ Орловъ 2 коп., Вятку 4, а Слободской 5 коп. съ пуда.

Въ Котельничѣ, на находящіеся при немъ заводы, куплено до 27,000 кожъ, по 2 руб. 40 коп. и 2 руб. 90 коп., на 71,550 рублей ([28]).

Внутренняя торговля и сама по себѣ, тѣмъ болѣе въ сравненіи съ внѣшней, очень скудна. Предметы внутренней торговли привозятся изъ Казани, Нижняго-Новгорода, Астрахани, Саратова, Архангельска, Велико-Устюга и Вятки. Эта торговля, конечно, могла бы больше оживиться, если бы ей не вредила такъ сильно городская Алексѣевская ярмарка, на которой товары бываютъ такъ разнообразны, что они могутъ удовлетворять потребностямъ всѣхъ классовъ провинціальнаго общества. Такъ какъ всякій товаръ можно покупать на этой ярмаркѣ гораздо выгоднѣе, нежели въ обыкновенное время у мѣстныхъ торговцевъ, берущихъ со своего покупателя двойныя цѣны, то здѣшніе жители, и городскіе и сельскіе, стараются во время оной закупать для себя годовую пропорцію всего, что нужно для домашняго хозяйства. Впрочемъ въ настоящее время появляются въ нашемъ городѣ купцы, которые начинаютъ примѣняться къ мѣстнымъ потребностямъ и, что еще важнѣе, начинаютъ подумывать о снисканіи довѣренности покупателей.

Постоянная торговля въ городѣ производится въ лавкахъ гостинаго двора со стороны Московской улицы; въ воскресенье и праздничные дни, сидятъ (преимущественно съ красным и желѣзнымъ товарами) и въ лавкахъ по другимъ сторонамъ его; каждодневно открыты также нѣкоторыя лавки при частныхъ домахъ, занимаемыя впрочемъ не самими домохозяевами. Изъ всѣхъ этихъ лавокъ занято товарами: панскими 9, желѣзными 2, бакалейными 5, москательными 9, фруктовыми 6, шорными 5, солью 5, всего 41.

Котельническое купечество имѣетъ постоянные закупы во многихъ городахъ, а именно: *изъ Казани* оно привозитъ сюда:

([28]) Все это количество, цѣнность означеннымъ товарамъ, а равно и стоимость отправки ихъ въ разныя мѣста взяты мною отъ тѣхъ купцовъ, которые сами занимаются торговлею и сбытомъ оныхъ.

крупчатки до 7,000 мѣшковъ 1-го и 2-го сортовъ, на сумму 55,000 руб., изъ этого впрочемъ количества не менѣе, какъ на 30,000 руб., отправляется къ Архангельску; сухой рыбы до 20,000, отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 60 к., на 30,000 руб.; свѣжей разной рыбы на 10,000 руб., прочихъ товаровъ, какъ-то гороху, разныхъ крупъ, орѣховъ, табаку листоваго, пеньковыхъ снастей на сумму 4,000 руб., фруктовъ на 6,000 руб., всего же на 105,000 р.

Съ Нижегородской ярмарки привозится ими: сахару и чаю на 12,000 руб.; табаку и сигаръ на 2,000 руб.; кубовой краски до 100 пуд. на 11,000 руб.; голландской бумаги на 200 руб.; простой писчей бумаги на 400 руб., Русскаго сукна на 1,000 руб.; разной фарфоровой посуды на 1,500 руб.; простаго табаку на 4,000 руб.; виноградныхъ винъ на 2,000 руб.; шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ матерій на 20,000 руб.; скобяннаго на 3,000 руб.; галантерейнаго на 1,500 руб.; всего на 8,600 р.

Изъ Астрахани доставляется здѣшними торговцами къ зимѣ: сухой рыбы не менѣе, какъ на 12,000 руб.; изюму разныхъ сортовъ, грецкихъ орѣховъ, сарачинскаго пшена, горчицы и масла горчичнаго (изъ Сарептской колоніи послѣдніе два предмета) на 2,000 р. Нынѣ, оттуда сухую рыбу наши торговцы начали вывозить въ такомъ количествѣ, что Вятскіе и Слободскіе купцы часто пріѣзжаютъ для покупки этой рыбы въ Котельничъ.

Изъ Архангельска тѣми же купцами, которые ведутъ хлѣбную торговлю съ этимъ городомъ, каждогодно, привозится, для домашняго употребленія, не менѣе какъ на 2,000 руб. виноградныхъ винъ. Изъ Архангельска же идетъ: треска, свѣжія и соленыя сельди, семга, ворвань и сахаръ, всего не менѣе, какъ на 15,000 руб. Въ послѣдніе два года, нѣкоторые изъ купцовъ стали привозить сюда треску въ очень большомъ количествѣ. Прежде эта рыба въ здѣшнемъ мѣстѣ была въ меньшемъ употребленіи, нежели нынѣ; нынѣ же, по случаю дороговизны на сухую и свѣжую рыбы, она стала разбираться очень быстро, въ особенности крестьянами своего уѣзда.

Изъ Соликамска доставляется сюда соли до 115,000 пуд. на сумму 69,000 руб., изъ этого количества до 80,000 пуд. частными лицами, а остальное количество казною.

Наконецъ на *Александровской ярмаркѣ*, для мѣстной торговли закупается здѣшними купцами разнаго рода товаровъ, а именно краснаго товара на 16,000 руб., крупчатки на 2,000 руб., сахара на 2,000 руб., чаю на 1,800 руб., кофе на 200 р., писчей бумаги на 600 руб., фруктовъ, на 1,800 руб., деревяннаго масла на 1,500 руб., всего же болѣе, чѣмъ на 35,000 руб. Вообще можно сказать, что и внутренняя торговля Котельнича увеличивается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Въ воскресные дни, какъ установленные правительствомъ для торговъ, постоянно производится торговля различными сельскими произведеніями и издѣліями, также всѣми мелочными предметами, составляющими главную и существенную торговлю мѣстнаго и небогатаго мѣщанина.

Кромѣ же воскресныхъ дней, въ другіе дни въ городѣ крестьянъ съ съѣстными припасами почти вовсе не бываетъ, почему всякій изъ городскихъ жителей и долженъ непремѣнно позаботиться о заготовленіи для себя припасовъ именно только въ этотъ праздничный день и при томъ на всю недѣлю. Въ простое время даже и мясныхъ лавокъ не имѣется, отъ чего пріѣзжему сюда нѣтъ почти никакой возможности достать чего нибудь по своему вкусу ([29]). Впрочемъ, не смотря на такое неудобство, жизненное продовольствіе не считается жителями городскими слишкомъ обременительнымъ. Только въ нынѣшніе послѣдніе годы здѣсь цѣнность на многіе предметы продовольствія сдѣлалась довольно высока.

Чтобы вообще видѣть, какія цѣны существуютъ здѣсь на разные съѣстные припасы, выставляемъ слѣдующую имъ таблицу:

([29]) Въ пятницу и среду, какъ дни постные, бываетъ достаточное количество рыбы.

Жизненные припасы.	Цѣна. Пудъ.	Цѣна. Фунтъ.	Цѣна. Штука.
Говядина:			
Свѣжая: Лучшая	1 р. 60 к. — 2 р. —	4 к. — 5 к.	—
Свѣжая: Средняя	1 р 20 к. — 1 р. 80 к.	3 к. — 4½ к.	—
Свѣжая: Низшая	80 к. — 1 р.	2 к. — 2½ к.	—
Голова	—	—	20 к. — 40 к.
Ноги	—	—	18 к. — 25 к.
Почки	—	—	8 к. — 10 к.
Языкъ	—	—	10 к. — 30 к.
Солонина: 1-й сортъ	1 р. 20 к. — 1 р. 50 к.	3 к. — 3¾ к.	—
Солонина: 2-й сортъ	80 к. — 1 р. 20 к.	2 к. — 3 к.	—
Телятина:			
1-й сортъ	80 к. — 1 р. 60 к.	2 к. — 4 к.	—
2-й сортъ	60 к. — 1 р. 20 к.	1½ к. — 3 к.	—
Голова	—	—	10 к. — 12 к.
Ноги	—	—	6 к. — 7 к.
Свинина:			
1-й сортъ	1 р. 60 к. — 1 р. 80 к.	4 к. — 4½ к.	—
2-й сортъ	1 р. 20 к. — 1 р. 40 к.	3 к. — 3½ к.	—
Баранина:			
1-й сортъ	1 р. 40 к. — 1 р. 70 к.	3½ к. — 4¾ к.	—
2-й сортъ	80 к. — 1 р. 20 к.	2 к. — 3 к.	—
Масла:			
Коровье	6 р. — 6 р. 80 к.	15 к. — 17 к.	—
Льняное	4 р. — 4 р. 80 к.	10 к. — 12 к.	—
Подсолнечное	6 р. — 6 р. 80 к.	15 к. — 17 к.	—
Горчичное	9 р. 60 к. — 10 р.	24 к. — 25 к.	—
Печеный хлѣбъ:			
1-го сорта (пшеничный)	—	6 к.	—
Калачи	—	—	1½ к.

Жизненные припасы.	Цѣна.		
	Пудъ.	Фунтъ.	Штука.
Заварные крендели	—	6 к.	1½ к.
2-го сорта калачи	—	—	3 к. за 6 шт.
Ржаной хлѣбъ	50 к. — 60 к.	1¼ к. — 1½ к.	—
Мука:			
Крупичатая 1-й сортъ	1 р 70 к. — 1 р. 80 к.	4 к. — 4½ к.	—
Крупичатая 2-й сортъ	1 р. 40 к — 1 р 50 к	3½ к. — 3¾ к.	—
Крупичатая 3-й сортъ	1 р. — 1 р 20 к.	2½ к. — 3 к.	—
Пшеничная здѣшняя	60 к. — 70 к.	1½ к. — 1¾ к.	—
Ржаная обыкновенная	40 к. — 50 к.	1 к. — 1¼ к.	—
Гречневая	1 р.	2½ к.	—
Гороховая	80 к. — 1 р.	2 к. — 2½ к.	—
Овсяная	60 к. — 70 к.	1½ к. — 1¾ к.	—
Толокно	60 к. — 80 к.	1½ к. — 2 к.	—
Ржаной солодъ	80 к. — 1 р.	2 к. — 2½ к.	—
Ячной	1 р. — 1 р. 10 к.	2½ к. — 2¾ к.	—
Крупа:			
Овсяная	60 к. — 70 к.	1½ к. — 1¾ к.	—
Ячная	75 к. — 80 к.	2 к. — 2 к.	—
Горохъ 1-го сорта	80 к. — 1 р. 20 к.	2 к. — 3 к.	—
„ 2-го сорта	70 к. — 1 р	1¾ к. — 2½ к.	—
Овесъ	22 к. — 30 к.	—	—
Рожь	40 к. — 45 к.	—	—
Сѣно	12 к. — 30 к.	—	—
Свѣжая рыба:			
Окунь	80 к. — 2 р. 80 к.	2 к. — 7 к.	—
Карась	1 р. 20 к. — 2 р.	3 к. — 5 к.	—
Лещъ	2 р. — 4 р.	5 к. — 10 к.	—
Щука	1 р. 20 к. — 2 р.	3 к. — 5 к.	—
Судакъ	2 р. 80 к. — 4 р.	7 к. — 10 к.	—
Язь	1 р. 20 к. — 2 р.	3 к. — 5 к.	—
Сомъ	2 р. — 2 р. 80 к.	5 к. — 7 к.	—

Жизненные припасы.	Цѣна.		
	Пудъ.	Фунтъ.	Штука.
Налимъ	2 р. — 2 р. 40 к.	5 к. — 6 к.	—
Мелкая разная	80 к. — 1 р.	2 к. — $2^1/_2$ к.	—
Севрюга (привозная) . . .	7 р.	$17^1/_2$ к. — 20 к.	—
Осетрина	6 р.	15 к. — 20 к.	—
Соленая рыба:			
Судакъ	2 р. — 2 р. 40 к.	5 к. — 6 к.	—
Сазанъ	2 р. — 2 р. 40 к.	5 к. — 6 к.	—
Щука	1 р. 80 к. — 2 р.	$4^1/_2$ к. — 5 к.	—
Осетрина	6 р. 50 к.	$16^1/_2$ к.	—
Севрюга	6 р. 50 к.	$16^1/_2$ к.	— (30).

Мы уже сказали, что въ г. Котельничѣ учреждена ярмарка, извѣстная подъ именемъ Алексѣевской. Ярмарка эта—самая значительная во всей губерніи и продолжается нынѣ болѣе трехъ недѣль (съ 1-го марта по 23 число). Впрочемъ, до 1851 года она продолжалась только до 18 числа (31); такъ какъ продажа многихъ товаровъ начинала увеличиваться только къ послѣднимъ днямъ ярмарки, то многіе изъ пріѣзжихъ купцовъ и городскихъ жителей просили правительство о продленіи ея еще на пять дней. Коренное же установленіе ея считается со времени царствованія Алексѣя Михайловича, который на этотъ разъ

---

(30) Цѣны жизненнымъ припасамъ мною выставлены со словъ людей опытныхъ.

(31) Существующая въ Котельничѣ Алексѣевская ярмарка со срокомъ отъ 1-го по 18 марта форменно узаконена Высочайше утвержденнымъ опредѣленіемъ Правительствующаго Сената, изъясненнымъ въ указѣ отъ 9 сентября 1843 года, а продолженіе срока отъ 18 по 23 число того же мѣсяца разрѣшено правительствомъ въ 1851 году.

и пожертвовалъ будто бы икону Св. Алексѣя человѣка Божія ([32]).

Въ старину Алексѣевская ярмарка была очень не обширна въ сравненіи съ настоящимъ ея положеніемъ: старожилы разсказываютъ, что она была въ то время сильнѣе только въ продажѣ лошадей, а не лавочными товарами, привозъ которыхъ усилился только впослѣдствіи.

Въ тридцатыхъ годахъ, гражданскій губернаторъ Кириллъ Яковлевичъ Тюфяевъ, по просьбѣ Вятскаго купечества, ходатайствовалъ у правительства о разрѣшеніи означенную ярмарку, вмѣстѣ съ иконой Св. Алексѣя человѣка Божія, перенесть въ городъ Вятку, съ тѣмъ, чтобы въ г. Котельничѣ каждогодно совершать только крестный ходъ съ этою иконою. Но на представленіе его о семъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отказалъ тѣмъ, что объ усовершенствованіи ярмарокъ и торжковъ заботиться должно болѣе на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ первоначально они были утверждены царями. Вслѣдствіе этого Алексѣевская ярмарка осталась можетъ быть навсегда въ г. Котельничѣ.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ Алексѣевская ярмарка стала очень увеличиваться, въ особенности съ установленія въ 1844 году постояннаго мѣстнаго ярмарочнаго комитета. Впрочемъ развитію сей ярмарки вредитъ нѣсколько послѣднее зимнее время, когда дороги начинаютъ портиться, отъ чего нѣкоторые изъ дальныхъ купцовъ, избѣгая затрудненій въ дорогѣ, увозятъ отсюда свои товары преждевременно, въ особенности, когда вторая половина марта бываетъ слишкомъ тепла. На ярмарку съѣзжаются купцы не только изъ городовъ Вятской губерніи, но также изъ другихъ губерній, какъ напр. изъ Московской и Владимірской, фабриканты съ краснымъ товаромъ и чайною по-

---

([32]) Находящаяся въ здѣшнемъ соборѣ икона сего угодника Божія своею стариною, древнею живописью и особенно преданіемъ, сохранившимся объ ней между жителями города, даетъ основаніе полагать, что она дѣйствительно временъ царя Алексѣя Михайловича.

судою; изъ Костромской — для закупа пушнаго товара и продажи чаю и сахару: изъ Ярославской съ полотнами; Нижегородской съ шапочнымъ товаромъ; Тульской съ желѣзными и стальными издѣліями; но болѣе купцовъ наѣзжаетъ все таки изъ своей губерніи: изъ Нолинска—съ пряниками и фруктами; изъ Слободскаго—съ мѣдною посудою и мѣхами; изъ Яранска и Слободскаго—съ краснымъ товаромъ, привозимымъ на ярмарку прямо изъ Москвы; наконецъ, изъ г. Вятки и Слободы Кукарки—съ чаемъ, сахаромъ, кубовою краскою и галантерейными вещами. Чай вятскіе купцы привозятъ на Котельническую ярмарку иногда прямо съ Ирбитской ярмарки, впрочемъ не въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ, съ первыхъ дней открытія ярмарки городъ становится вдругъ многолюднымъ и оживленнымъ и какъ бы средоточіемъ закупа и складки различнаго товара для многихъ городовъ своей губерніи. Въ это время здѣсь бываетъ одного пріѣзжаго народа по крайней мѣрѣ до 12,000 человѣкъ, а съ жителями городскими не менѣе 15,000 человѣкъ. Отъ такого многолюдства рѣдкій изъ домовъ въ городѣ не бываетъ наполненъ большимъ числомъ, разнаго рода и званія, постояльцевъ. Пуская пріѣзжихъ торговыхъ людей къ себѣ на квартиру, жители городскіе получаютъ немалыя выгоды, въ особенности тѣ, у коихъ дома на самомъ рынкѣ или вблизи его. Въ такихъ домахъ постоялецъ платитъ за одну комнату, въ какія нибудь двѣ или три недѣли, 10 и 15 руб. Слѣдственно хозяинъ, имѣющій 5 или 6 свободныхъ комнатъ, можетъ выбрать съ такихъ временныхъ постояльцевъ во время ярмарки отъ 50 до 100 руб.; такихъ хозяевъ въ городѣ не мало. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ своихъ домахъ по 10 и 20 комнатъ, почему и могутъ получать дохода отъ 100 до 250 руб. Хозяева небольшихъ и скромныхъ домовъ получаютъ тоже довольно значительный доходъ за постой такъ называемыхъ суточниковъ (т. е. живущихъ посуточно). Вообще всѣми жителями города, имѣющими свои дома и принимающими постояльцевъ, выбирается съ пріѣзжихъ торговыхъ людей не менѣе 4,000

руб. Уже изъ этого одного видно, что Котельническая ярмарка хотя и не можетъ стать на ряду съ прочими обширными ярмарками Россіи, все же можетъ быть очень полезною для своего края, а тѣмъ болѣе для своего города и его небогатыхъ жителей, которые, во время ея, могутъ нажить чѣмъ нибудь деньгу.

На самыхъ первыхъ дняхъ ярмарки и даже прежде всего производится довольно значительная торговля лошадьми. Торговля лошадьми продолжается не болѣе недѣли, послѣ чего хорошихъ и дорогихъ не бываетъ въ продажѣ, потому что лучшія лошади раскупаются съ квартиръ еще прежде открытія ярмарки. Обыкновенный приводъ лошадей бываетъ отъ 2,000 до 3,500 головъ. Главная закупка ихъ производится въ Кострому, Казань, Нижній-Новгородъ и Москву для заводовъ или коноводныхъ машинъ. Чтобы видѣть приводъ и продажу лошадей, мы выставляемъ таблицу за послѣднія 10 лѣтъ ([33]).

	Приведено. Рубли.	Продано. Рубли.
Въ 1848 году	50,000	28,000
„ 1849 „	38,000	18,000
„ 1850 „	32,780	9,785
„ 1851 „	31,780	18,250
„ 1852 „	33,800	18,400
„ 1853 „	30,000	16,000
„ 1854 „	40,000	21,000
„ 1855 „	31,000	15,000
„ 1857 „	37,000	16,000
„ 1858 „	17,850	17,850

([33]) За послѣднія девять лѣтъ свѣдѣнія взяты мною изъ мѣстнаго ярмарочнаго комитета, а за 1858 годъ изъ „статист. свѣдѣній о движеній Котельнич. ярмарки“, составленныхъ бывшимъ учит. Вят. гимназіи г. Савиновымъ и напечатанныхъ въ Вят. Губ. Вѣд. 1858 №№ 17 и 18.

Одновременно съ открытою продажею лошадей, въ гостиномъ дворѣ всѣ лавки и балаганы въ разныхъ мѣстахъ площади наполняются грудами разныхъ товаровъ. Для видимости общихъ оборотовъ торговли, означаемъ цѣнность привозимыхъ и сбытыхъ товаровъ за послѣднія 10 лѣтъ.

	Привезено. Рубли.	Продано. Рубли.
Въ 1849 году	936,090	625,872
„ 1850 „	814,345	418,896
„ 1851 „	778,779	417,259
„ 1852 „	804,925	476,690
„ 1853 „	657,015	346,390
„ 1854 „	635,060	316,985
„ 1855 „	468,820	244,120
„ 1856 „	379,603	267,379
„ 1857 „	428,483	298,582
„ 1858 „	1,069,496	706,099 (34).

Отсюда видно, что въ 1858 году обороты ярмарки противъ прежнихъ годовъ были гораздо значительнѣе, въ особенности противъ 1854. 1855, 1856 и 1857 годовъ, такъ неблагопріятныхъ для торговли по причинѣ войны. 1858 годъ показалъ, что неблагопріятныя обстоятельства, вызванныя войной, стали устраняться. Причиною особеннаго успѣха торговли на ярмаркѣ 1858 года была, между прочимъ, какъ говоритъ г. Савиновъ въ своей статьѣ (35), отсутствіе притѣсненій и разнородныхъ поборовъ съ торговцевъ, которые говорили, что „никогда

(34) Въ 1860 году привозъ товаровъ былъ на 1,817,700 руб., а въ продажѣ состояло на 917,676 руб. (смотр. Вятскія Вѣдомости за этотъ годъ №№ 16, 17, 18. Движеніе Котельнической ярмарки, составленное мною).

(35) Смотр. Вят. Губ. Вѣд. 1858 года № 14. „Кое что о Котельнической ярмаркѣ г. Савинова“.

еще не было для насъ такой спокойной и благополучной ярмарки; мы торговали, какъ бы отдыхая, — не было ни кляузъ, ни притѣсненій. Искренно благодаримъ такого справедливаго и внимательнаго начальника губерніи къ торговому сословію. Его превосходительство Николай Михайловичъ Муравьевъ своимъ личнымъ присутствіемъ осчастливилъ нашу торговлю".

Во всѣ эти годы важнѣйшими, по цѣнности и количеству привоза, были товары издѣлій Русскихъ фабрикъ и заводовъ. Чтобы видѣть, какіе сюда привозятся главные товары и въ какомъ количествѣ, для этого возьмемъ хоть ярмарку за одинъ 1858 годъ. Въ этомъ году привезено было на ярмарку: шерстяныхъ, шелковыхъ и бумажныхъ матерій на 350,000 руб., красной бумаги (достали) 700 пуд., на 18,000 руб., сахару до 30,00 пуд. на 30,000 руб., чаю разныхъ сортовъ до 100 ящиковъ на 13,000 руб., бакалейнаго и фруктоваго на 15,000 руб., который проданъ весь (вообще этимъ товаромъ здѣсь торгуютъ всегда очень хорошо), пушнаго товара на 53,673 руб., шорнаго на 14,000 руб., шапочнаго на 9,000 руб., крупчатки 1-го и 2-го сортовъ до 2,000 мѣшковъ, на 16,000 руб., кубовой краски разнаго достоинства до 148 ящиковъ на 120,625 руб., изъ этого количества продано на 90,000 руб., фарфору, хрусталю и галантерейныхъ вещей на 5,000 руб., желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій на 17,000 руб., москательнаго товара на 7,000 руб., овчинныхъ тулуповъ на 17,500 руб., кожевеннаго товара на 24,000 руб., листоваго табаку до 25,000 пуд. на 6,500 руб., игольнаго на 30,000 руб., мыла до 2,500 пуд. на 8,000 руб., разной рыбы до 16,000 пуд. на 24,000 руб., и тому подобныхъ товаровъ находилось въ продажѣ по крайней мѣрѣ на 80,000 руб. Кромѣ того, крестьянами было привезено разныхъ сельскихъ издѣлій и произведеній, какъ-то: муки ржаной до 50,000 пуд. на 15,200 руб., ржи до 2,000 пуд. на 575 руб., овса до 15,000 пуд. на 2,660 руб., киповаго хмѣлю болѣе 500 пуд. на 2,250 руб., льна до 7,000 пуд. на 19,250 руб., льняной кудели до 30,000 пудъ на 54,000

руб., холста разныхъ сортовъ на 18,000 руб., льнянаго сѣмени до 1,200 пудъ на 1,290 руб., и проч. Изъ всѣхъ привозныхъ мануфактурныхъ и заводскихъ товаровъ на здѣшней ярмаркѣ раскупается почти всегда не менѣе, какъ цѣлая треть. Въ городской доходъ, среднимъ числомъ, поступаетъ съ ярмарки отъ 3,000 до 4,500 руб. Для пріѣзжихъ торговыхъ людей открывается однимъ изъ жителей города гостинница, которой во всякое другое время вовсе не существуетъ (36).

Кромѣ Алексѣевской ярмарки, въ Котельничѣ бываетъ еще два небольшихъ съѣзда: изъ нихъ первый бываетъ всегда въ 1-е воскресеніе послѣ праздника Петра и Павла и называется торжкомъ „Всѣхъ Святыхъ". Торжокъ этотъ установленъ по случаю прихода св. иконъ въ городъ, прежде изъ многихъ, а нынѣ только изъ четырехъ самыхъ близкихъ къ городу селъ; онъ продолжается не болѣе трехъ дней. Время и случай первоначальнаго установленія этого крестнаго хода изъ окольнихъ селъ, неизвѣстны вполнѣ. Преданіе говоритъ, что онъ установленъ по случаю бывшаго сильнаго скотскаго падежа въ городѣ и его окрестностяхъ, а потому жители какъ городскіе, такъ и уѣздные, вѣроятно, не находя другаго средства къ избавленію отъ такого наказанія, какъ прибѣгнуть къ помощи Божіей и Его святыхъ угодниковъ, обѣщались каждогодно молиться и принимать св. иконъ въ городъ, надѣясь только этимъ заслужить предъ Всевышнимъ, посылающимъ на людей всѣ блага и кары, всѣ милости и благодѣянія. Такимъ образомъ, и нынѣ жители долгомъ считаютъ сходить въ соборъ помолиться „*прихожимъ*" иконамъ, многіе служатъ имъ молебны о здравіи своего семейства, а многіе принимаютъ ихъ къ себѣ на домъ. Обыкновенно иконы сюда *приходятъ* въ субботу, а *уходятъ* во вторникъ (37). Въ воскресенье послѣ обѣдни съ эти-

(36) Выдаютъ за вѣрное, что содержатель гостинницы въ 1860 году получилъ чистаго барыша до 1,000 руб., тогда какъ на затрату употребленъ былъ капиталъ не болѣе 300 руб.

(37) До 1857 года обыкновенно иконы уходили отсюда въ поне-

ми иконами бываетъ ходъ вокругъ города при сопровожденіи не малаго числа народа, а въ понедѣльникъ и вторникъ иконы принимаются желающими на дома.

Главная торговля на этомъ трехъ-дневномъ торжкѣ производится: косами, серпами, точильными брусьями, бураками, холстомъ и вообще всѣми предметами, необходимыми для поселянина, готовящагося къ полевымъ работамъ. Косъ бываетъ въ продажѣ отъ 2,000 до 3,000 по 18 и 25 коп. за штуку, на сумму отъ 440 до 660 руб., серповъ отъ 1,500 до 2,200 по 15 и 20 коп., на 270 и 374 руб., бураковъ разныхъ величинъ до 500 шт. на 50 руб., холста разныхъ сортовъ по меньшей мѣрѣ отъ 20,000 до 40,000 арш. отъ 2 до 6 коп., на 400—2,400 руб.; весь же оборотъ этого торжка простирается не болѣе, какъ на сумму 6,500 руб.

Въ это же время, или какъ говорится здѣсь, „о всѣхъ святыхъ" многіе изъ крестьянъ пріѣзжаютъ въ городъ за тѣмъ, чтобы нанять себѣ страдовку ([38]), т. е. работницу, на время полевыхъ работъ. Само собою разумѣется, что въ это время не мало приходитъ въ городъ такихъ крестьянскихъ женщинъ и дѣвицъ, которыя ходятъ по страдовкамъ. Многія изъ тѣхъ женщинъ, которыя живутъ въ услуженіи въ городѣ, дождавшись этого праздника, оставляютъ свои городскія мѣста и уходятъ въ страдовки. Къ этому побуждаетъ ихъ, разумѣется, болѣе выгодная заработная плата у крестьянъ, чѣмъ у городскихъ жителей. Надобно правду сказать, что такъ называемыя стряпки, или кухарки, отправляющія черную работу по хозяйству, въ

дѣльникъ, но въ 1857 году епархіальное начальство, по просьбѣ городскихъ жителей, разрѣшило оставлять ихъ въ городѣ до вторника.

([38]) Страдовка происходитъ отъ словъ страда, страдовать. Страдою называется время жатвы. Крестьянинъ говоритъ: „это было въ страду, въ страдную пору". Это значитъ — во время жатвы. Страдовать значитъ жать. Крестьянинъ говоритъ: „мы обстрадовались" это значитъ выжали хлѣбъ какъ во ржаномъ, такъ и въ овсяномъ полѣ.

городѣ получаютъ незавидную плату — отъ 75 до 1 руб., рѣдко 1 руб. 15 коп., а 1 руб. 50 коп., 2 руб. и болѣе, — очень рѣдко. Надобно замѣтить при томъ, что плата этой городской прислуги почти вся въ деньгахъ только и заключается. Но обратимся къ страдовкамъ. Сборнымъ пунктомъ для нанимающихся въ страдовки служитъ мѣсто около собора на самомъ рынкѣ. Это особенность, довольно замѣтная для тѣхъ, кто не жилъ въ Котельничѣ. Страдовки, смотря по способности къ работѣ и по времени, на которое рядятся, выговариваютъ себѣ плату отъ 5 до 10 рублей. Сверхъ того, поставляютъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имъ дано было извѣстное количество муки или зерноваго хлѣба, льна, холста и проч. Это называется „припросомъ“ и онъ получается страдовкой по окончаніи срока, при отходѣ отъ хозяевъ. Окончаніемъ срока для страдовки полагается Покровъ или еще обыкновеннѣе „Недостовъ день“. Этимъ послѣднимъ именемъ крестьяне называютъ празднованіе св. Модесту, которое въ разныхъ селахъ совершается ими въ разное время. Память св. Модеста совершается церковію 18 декабря. Но крестьяне едва ли знаютъ, что церковное праздество этому святому положено именно въ это число. Они празднуютъ св. Модесту въ одномъ селѣ, напр. на Круглышахъ или на Матюгахъ (это одно и то же село), въ первое воскресенье послѣ Покрова; въ другомъ, напр. у Екатерины, въ одно изъ слѣдующихъ за тѣмъ воскресныхъ дней; въ Спасскомъ, или обыкновеннѣе, у Спаса — за три недѣли до заговѣнья. Этотъ Спасскій Недостовъ день считается самымъ послѣднимъ срокомъ для страдовокъ. За тѣмъ праздники св. Модесту бываютъ въ селахъ Даровскомъ, у Срѣтенія и въ Лапушной. Въ этомъ послѣднемъ селѣ празднуютъ св. Модесту 8 ноября, т. е. въ Михайловъ день. Позже этого ни въ одномъ селѣ Котельническаго уѣзда не празднуется такъ называемаго „Недостова дня“. Въ нѣкоторыхъ селахъ вовсе не бываетъ этого праздника у крестьянъ, особенно, болѣе или менѣе, новыхъ селахъ. Почему именно

крестьяне празднуютъ св. Модесту, неизвѣстно. Только замѣчательно, что празднованіе этому святому они связываютъ, болѣе или менѣе, съ окончаніемъ жатвы, или вообще всѣхъ напольныхъ работъ. Въ приходъ св. иконъ изъ окольныхъ селъ ([39]) пріѣзжими крестьянами нанимается въ городѣ страдовокъ, а также пѣстуній и домовницъ отъ 100 до 200 человѣкъ. Въ работники молодые люди нанимаются преимущественно около Алексѣева дня (празднуемаго 17 марта), срокомъ до зимняго Николина дня или до Рождества. Плата работнику, смотря по его возрасту и силѣ, полагается отъ 8 до 17 руб. сверхъ непремѣннаго припроса, который состоитъ, главнымъ образомъ, изъ верхняго и исподняго платья и зерноваго хлѣба. Ни работники, ни страдовки не нанимаются по мѣсяцамъ, какъ городская прислуга, но, или на извѣстный періодъ времени, какъ объяснено выше, или же въ годъ.

Въ первыхъ числахъ сентября (7-го), по случаю прихода св. иконъ изъ г. Вятки, въ Котельничѣ бываетъ вторичный торжокъ, продолжающійся не долѣе 4 дней. Въ это время пріѣзжаетъ сюда гораздо болѣе народа, нежели на первый, — пріѣзжаютъ даже нѣкоторые купцы сосѣднихъ уѣздовъ, какъ-то: Слободскаго, особенно Орловскаго и Яранскаго, торгующіе красными товарами. Изъ Слободскаго и Уржумскаго уѣздовъ пріѣзжаетъ не мало Татаръ для закупа молодыхъ жеребятъ, которыхъ они уводятъ партіями отъ 50 до 150 головъ. Весь закупъ жеребятъ простирается, примѣрно, до 1,500 головъ. На этомъ торжкѣ, какъ и на другихъ, больше расходуются тѣ товары, которые отвѣчаютъ потребностямъ крестьянъ. Оборотъ этого торжка простирается не болѣе, какъ на 6,000 или на 10,000 руб. Вятскія иконы остаются въ нашемъ городѣ около двухъ сутокъ; отсюда онѣ отправляются въ Яранскъ. Во время хода этихъ иконъ, торгъ производится и въ селахъ, лежащихъ

([39]) Молотниковскаго, Юрьевскаго, Екатерининскаго и Гостевскаго.

какъ на пути изъ Орлова въ Котельничъ, такъ и на пути изъ Котельнича въ Яранскъ.

Учебныхъ заведеній въ городѣ считается въ настоящее время 5.

1) Уѣздное училище.

2) Приходское.

3) Пріуготовительное женское (съ августа мѣсяца нынѣшняго года откроется еще и женская школа 2-го разряда).

4) Училище для поселянскихъ мальчиковъ.

5) „ „ „ дѣвицъ.

Изъ учебныхъ заведеній первоначально открыто было малое народное училище ([40]). Оно открыто въ царствованіе Екатерины II, въ 1790 году сентября, при бывшемъ Вятскомъ директорѣ Стефановичѣ. Первымъ смотрителемъ въ этомъ училищѣ былъ протопопъ іерей Троицкаго собора Іоаннъ Загарскій, а учителемъ Зыковъ. Въ 1817 году, по просьбѣ гражданъ и съ согласія Вятскаго преосвященнаго Павла, утвержденъ былъ Казанскимъ университетомъ въ смотрители священникъ Николай Хлопинъ. Этотъ неутомимо дѣятельный новый начальникъ, побуждаемый недостаточностію тогдашнихъ средствъ къ содержанію училища, склонялъ къ пожертвованіямъ въ пользу училища чиновниковъ и гражданъ. Его стараніемъ собрано было въ разное время болѣе 3,000 руб. ассиг., на которые впослѣдствіи и былъ купленъ домъ для училища. По его же старанію, это малое народное училище въ 1825 году было преобразовано въ уѣздное. Въ новомъ уѣздномъ училищѣ ему разрѣшено было занимать двѣ должности: смотрителя и законоучителя.

Открытіе уѣзднаго училища происходило 12 марта того же года при непосредственномъ распоряженіи бывшаго тогда Директора Вятскихъ училищъ коллежскаго ассессора Ѳедора Яковлевича Попова, отъ котораго училище по этому случаю получило икону св. Алексѣя человѣка Божія, посланную съ нимъ преосвящен-

([40]) Смотр. исторію малаго народнаго училища со дня его открытія, хранящуюся въ здѣшнемъ училищѣ.

нымъ Павломъ въ благословеніе. Послѣ литургіи эта икона была принесена въ училище при колокольномъ звонѣ въ сопровожденіи духовенства, учащихся, наставниковъ, родителей и множества постороннихъ лицъ. Актъ открытія училища, начатый молебствіемъ, заключенъ былъ молебствіемъ возлюбленному монарху Александру Благословенному и всѣмъ благотворителямъ народнаго образованія. При открытіи училища находились, кромѣ чиновниковъ и гражданъ своего города, многіе изъ пріѣхавшихъ на ярмарку купцовъ. По предложенной въ это время подпискѣ собрано до 120 руб. ассиг. и нѣсколько книгъ. Вечеромъ купленный для училища домъ былъ иллюминованъ.

Въ 1836 году для училища купленъ былъ за 350 руб. ассиг. еще домъ съ мѣстомъ, — рядомъ съ прежде купленнымъ, но такъ какъ оба эти дома были довольно ветхи, то по прошествіи съ того времени не болѣе 10 лѣтъ они были проданы и на мѣстѣ ихъ, въ бытность тогдашняго Смотрителя М. В. Иванова, построенъ новый деревянный домъ на низкомъ каменномъ фундаментѣ съ флигелемъ и небольшими службами. Такимъ образомъ, въ настоящее время уѣздное училище занимаетъ по Богомоловской улицѣ пространство въ 40 саж. длины и 30 саж. ширины. Почти половина этого мѣста занята садомъ и огородомъ.

Уѣздное училище получаетъ на содержаніе изъ Уѣзднаго Казначейства по новымъ штатамъ (17 апрѣля 1859 года) 2,300 руб. Оно преобразовано въ 1835 году по уставу 1828 года и теперь состоитъ изъ 3-хъ классовъ. Въ немъ чиновниковъ и учителей 6, а учащихся въ 1857—58 году было 61 человѣкъ. При училищѣ находится фундаментальная библіотека, имѣющая начало съ 1807 года, а нынѣ состоящая изъ 298 названій, въ 534 томахъ; прочихъ пособій болѣе 60 томовъ. На содержаніе училищной библіотеки отпускается 85 руб.

Кромѣ того, по старанію бывшаго штатнаго смотрителя Ив. Ѳед. Коробицына открыта была по городу въ концѣ 1857 года, на выписку журналовъ, общая подписка. По этой подпискѣ собрано имъ 92 руб. сер. и на эти деньги въ 1858 году

выписано до 7-ми лучшихъ періодическихъ изданій. Имъ же и на тотъ же предметъ къ 1859 собрано 64 руб., да еще на дѣтскую училищную библіотеку 34 руб. На 1860 годъ такая же точно подписка сдѣлана была нынѣшнимъ штатнымъ смотрителемъ Михайломъ Андреевичемъ Поярковымъ и по ней собрано также болѣе 100 руб., да на дѣтскую библіотеку 16 руб. 50 коп., М. Ив. Кардаковъ, братья Кардаковы и С. С. Зыринъ каждогодно жертвуютъ на выписку журналовъ по 10 руб. Прочее же купечество, учителя, чиновничество и духовенство подписываютъ отъ 2 до 5 руб. Всѣ выписываемые журналы читаются въ продолженіе года жертвователями, а по окончаніи онаго поступаютъ въ училищную фундаментальную библіотеку. Но независимо отъ этой общей подписки, многіе изъ купечества и чиновничества выписываютъ также множество разныхъ журналовъ собственно для себя. Такъ въ 1859 году выписываемо было періодическихъ изданій училищемъ по подпискѣ и разными частными лицами города и его уѣзда, а именно.

Уѣзднымъ училищемъ:

Московскія Вѣдомости.
Отечественныя Записки.
Библіотека для Чтенія.
Журналъ для Воспитанія.
Русскій Вѣстникъ.
Дѣтскій журналъ, *Зальэскаго.*
Журналъ для дѣтей, *Чистовича.*
Подснѣжникъ, *Майкова.*
Журналъ М. Нар. Просвѣщенія ([41]).
Ученыя Записки.

Всего на 111 руб.

Чиновниками:

Московскія Вѣдомости	2	экз.
Петербургскія Вѣдомости	1	„
Сынъ Отечества	3	„
Искра	2	„
Русское Слово	1	„
Отечественныя Записки	1	„
Современникъ	1	„
Правосл. Собесѣдникъ	1	„
Шехеразада	3	„
Иллюстрированный Семейный Листокъ	2	„

Всего на 165 руб.

([41]) Впрочемъ изъ этого числа жур. М. Нар. Пр., Ученыя Записки и жур. для воспитанія выписываются въ училище изъ штатныхъ суммъ онаго.

Духовными:

Московскія Вѣдомости	1	экз.
Искра	1	„
Русскій Вѣстникъ	2	„
Народное Чтеніе	7	„

Всего на 68 руб. 50 коп.

Купцами:

Ваза	1	экз.
Сѣверная Пчела	1	„
Петербургскія Вѣдомости	1	„
Русскій Вѣстникъ	1	„
Русскій Дневникъ	2	„
Сынъ Отечества	2	„
Журналъ Мин. Юстиціи	5	„
Русское Слово	1	„
Собраніе ром. и пов.	1	„
Ласточка	1	„
Искра	1	„
Иллюстрація	1	„
Шехеразада	3	„
Экономическія Записки	3	„

Всего на 248 руб.

Мѣщанами:

Правосл. Собесѣдникъ	1	экз.

на 8 руб.

Крестьянами (въ уѣздѣ):

Сынъ Отечества	2	экз.
Сборникъ военный	1	„

Всего на 19 руб. 50 коп.

Присутственными мѣстами:

Сенатскія Вѣдомости	4	экз.
Журналъ М. В. Д.	3	„
Журналъ М. Г. И.	1	„
Московская Медицинская Газета	1	„
Газета Другъ Здравія	1	„

Всего на 76 руб. 75 коп.

Всѣми же выписано въ этомъ году на 696 р. 75 коп. ([42]).

Впрочемъ, нужно замѣтить, что здѣсь не означены журналы, выписываемые церквами, потому что какъ въ городскія, такъ и сельскія церкви получаются журналы по большей части чрезъ свое начальство, слѣдовательно и въ особыхъ пакетахъ безъ означенія какой именно журналъ.

Приходское училище учреждено въ 1825 году, со дня

([42]) Свѣдѣнія эти взяты мною изъ мѣстной почтовой конторы за 1859 годъ.

открытія уѣзднаго училища. Въ немъ преподавателей двое, а учащихся въ 1857—58 году было 65 человѣкъ; на содержаніе его отпускается изъ городской суммы 201 руб. 90 коп. Библіотека при этомъ училищѣ началась только съ 1830 года и въ настоящее время состоитъ изъ 53 назв. въ 91 томѣ. На нее отпускается 14 р. 30 коп. въ годъ.

Въ здѣшнемъ уѣздномъ училищѣ, какъ и другихъ, получаютъ образованіе обыкновенно дѣти чиновниковъ, гражданъ и крестьянъ: число послѣднихъ, вѣроятно, увеличивалось бы, если бы родители ихъ не считали для своихъ дѣтей достаточнымъ обученіе въ мѣстномъ поселянскомъ училищѣ. Сверхъ того, образованію дѣтей много препятствуетъ еще и невѣжество самихъ родителей, особенно мѣщанъ, которые вполнѣ довольствуются самымъ начальнымъ обученіемъ. Они разсуждаютъ обыкновенно такимъ образомъ: „сынъ нашъ научился бы только кое-какъ (или мало-малѣ) читать да писать, а намъ на что больше? ему не въ попы или чиновники идти“. Во время самаго ученія, такіе родители часто, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, отвлекаютъ своихъ дѣтей отъ классовъ. Мальчикъ, пропустивши нѣсколько уроковъ по волѣ родителей, въ другое время и самъ начинаетъ уклоняться отъ своихъ занятій. Много отставши въ ученіи отъ своихъ товарищей, онъ ждетъ не дождется, когда родители обратно возьмутъ его изъ училища. И точно, родители, видя безуспѣшность своего сына, или самими же расположеннаго къ лѣности и безпечности, берутъ его изъ училища, оставаясь потомъ въ претензіи на заведеніе. Взятаго, такимъ образомъ, мальчика изъ училища, родители большею частію отдаютъ въ питейный домъ какому нибудь родственнику-сидѣльцу въ подносчики, и здѣсь мальчикъ начинаетъ научаться всѣмъ тайнамъ кабацкихъ плутней. Впрочемъ, нужно замѣтить, что главная причина такого воспитанія дѣтей происходитъ отъ грубости нравовъ и бѣдности самихъ родителей.

Не лишнимъ считаемъ лѣтъ за 10 показать число учениковъ: 1) окончившихъ курсъ и 2) вышедшихъ до окончанія курса.

Въ уѣздномъ училищѣ:	Состояло.	Поступило.	Итого.	Вышло.	
				Не окончивъ курса.	По окончаніи курса.
Въ 1847—1848 году	42	23	65	20	6
„ 1848—1849 „	48	22	70	22	10
„ 1849—1850 „	46	19	65	19	9
„ 1850—1851 „	47	14	61	21	14
„ 1851—1852 „	38	18	56	15	7
„ 1852—1853 „	33	17	50	23	12
„ 1853—1854 „	27	24	51	17	5
„ 1854—1855 „	34	24	58	17	7
„ 1855—1856 „	41	17	58	15	6
„ 1856—1857 „	43	18	61	17	7

Такимъ образомъ, изъ 10-лѣтней сложности видно, что, среднимъ числомъ, въ каждый годъ, въ уѣздномъ училищѣ состояло до 40, поступало до 20, а всѣхъ было до 60 человѣкъ, изъ этого числа выходило, не окончивъ курса, до 18, а по окончаніи до 8 человѣкъ. Слѣдовательно, въ теченіи всего года выходила третья часть учениковъ, а оканчивала восьмая часть.

Въ приходскомъ училищѣ:	Состояло.	Поступило.	Итого.	Вышло.	
				Не окончивъ курса.	По окончаніи курса.
Въ 1847—1848 году	48	23	71	31	20
„ 1848—1849 „	48	30	78	32	13
„ 1849—1850 „	38	28	66	23	13
„ 1850—1851 „	43	33	76	27	12
„ 1851—1852 „	49	33	82	22	12
„ 1852—1853 „	57	43	100	12	14
„ 1853—1854 „	74	13	87	38	21
„ 1854—1855 „	49	29	78	28	13
„ 1855—1856 „	50	26	76	36	17
„ 1856—1857 „	40	5	65	26	10

Слѣдовательно, среднимъ числомъ, въ каждые изъ этихъ годовъ, въ приходскомъ училищѣ: состояло 48, поступало 28, а всего находилось 77; выходило изъ училища не окончившихъ ученія 29, а окончившихъ ученіе 13 человѣкъ.

Въ городѣ также существуетъ училище поселянскихъ мальчиковъ. Оно открыто съ 1843 года, между тѣмъ съ каждымъ годомъ въ немъ число учениковъ увеличивается довольно быстро. Въ 1858 году въ немъ считалось учащихся 61, а въ 1860 году на лицо до 90 челов. Въ 1859 году еще утверждено училище для дѣвицъ, которыхъ въ настоящее время считается не менѣе 22. Въ первомъ изъ этихъ училищъ положенъ законоучитель и помощникъ его, а въ женскомъ только одна наставница.

Въ концѣ 1858 года Котельническое градское общество въ одномъ изъ своихъ собраній, изъявило желаніе, по своимъ средствамъ, учредить въ городѣ школу для образованія дѣвицъ средняго сословія. Для помѣщенія этой школы общество назначило свободный общественный домъ, а на содержаніе ея обязалось вносить ежегодно при объявленіи гильдейскихъ капиталовъ: купцы 1-й гильдіи по 20 руб., 2-й — по 10 руб. и 3-й — по 1 руб.; сверхъ того, при совершеніи браковъ съ жениха и невѣсты съ купцовъ 1-й гильдіи 36 руб., 2-й — 19 руб., 3-й—5 руб., а съ мѣщанъ 80 коп.; при крещеніи новорожденныхъ сына или дочери съ купцовъ 1-й гильдіи 5 руб., 2-й —3 руб. и 3-й—1 руб. Сверхъ того, общество нашло возможнымъ, съ разрѣшенія высшаго начальства, употреблять на содержаніе школы часть городскихъ доходовъ, такъ какъ доходы гор. Котельнича въ довольно хорошемъ положеніи. Здѣшній купецъ 1-й гильдіи М. И. Кардаковъ объявилъ въ томъ же собраніи, что до формальнаго учрежденія женскаго училища, онъ обязывается открыть его на свой счетъ, для этой цѣли безвозвратно жертвуетъ отъ себя домъ и всѣ расходы по училищу, на первый годъ, принимаетъ на себя; сверхъ того, если онъ будетъ удостоенъ званія попечителя училища, то обязывается взносить ежегодно,

доколѣ сохранитъ это званіе, по 100 руб., равнымъ образомъ и супруга его, Надежда Дмитріевна, изъявила готовность принять на себя званіе попечительницы заведенія и вносить въ пользу училища, если она будетъ удостоена этого званія, ту же сумму, какъ и ея супругъ.

Впрочемъ, не смотря на стараніе гражданъ о скорѣйшемъ учрежденіи женскаго училища, открытіе его нѣсколько призамедлилось, причиною замедленія были матерьяльныя средства бѣдныхъ родителей, для которыхъ плата за право ученія по 10 руб. въ годъ съ каждой дѣвицы показалась обременительною. Посему, чтобы помочь этому горю, М. И. Кардаковъ обратился съ ходатайствомъ объ освобожденіи родителей отъ платы за образованіе дочерей ихъ въ училищѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по недостаточному подготовленію ученицъ, признавая неудобнымъ открыть до будущаго учебнаго года второразрядное училище, какъ ранѣе разрѣшено было начальствомъ, счелъ необходимымъ открыть сначала приходское женское училище, на что и получилъ дозволеніе.

Въ настоящее же время это приготовительное училище уже открыто. Открытіе онаго происходило 26 декабря прошлаго года въ слѣдующемъ порядкѣ: наканунѣ, т. е. 25 декабря, дѣвицы и ихъ родители слушали всенощную въ квартирѣ вновооткрываемаго заведенія, а на другой день послѣ обѣдни подняты были св. иконы въ училищѣ, гдѣ, въ присутствіи родителей ученицъ, чиновниковъ и почетныхъ жителей города, приглашенныхъ попечителями училища, совершено молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому. Потомъ, послѣ рѣчей, сказанныхъ наставниками на этотъ случай, общій городской праздникъ былъ заключенъ у г. Кардакова въ собственномъ домѣ завтракомъ, на который приглашено было все лучшее городское общество. На этомъ завтракѣ за частую слышались единодушные тосты какъ за здравіе благодѣтеля и просвѣтителя Россіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, такъ и за здоровье хозяевъ-

основателей и будущихъ попечителей училища гг. Кардаковыхъ, за начальствующихъ, наставниковъ и учащихся.

При открытіи сего училища поступившихъ ученицъ на первый разъ было до 37, а въ мартѣ мѣсяцѣ ихъ находилось уже до 45. При этомъ училищѣ по штату полагается: наставница, учитель и законоучитель.

По мѣрѣ умноженія и увеличенія денежныхъ капиталовъ, въ Котельничѣ стала появляться фабричная и заводская промышленность. Такъ до 50-хъ годовъ здѣсь не существовало ни одного завода, но съ этого времени ихъ появилось нѣсколько, вскорѣ одинъ за другимъ. Теперь, по большему обороту денегъ и количеству выдѣлываемыхъ кожъ, изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ кожевенный заводъ купца 1-й гильдіи М. И. Кардакова, находящійся на западной сторонѣ отъ города, на рѣчкѣ Котлянкѣ, саженяхъ въ 100 отъ впаденія ея въ рѣку Вятку. Заводъ этотъ построенъ только въ 1854 году, а уже имѣетъ довольно значительный сбытъ своего издѣлія; такъ во время послѣдней войны съ него много отправлялось юфти для арміи. Первоначально на немъ выдѣлывалась только некрашеная юфть, да вырѣзанныя формы для сапоговъ, но производство послѣднихъ вскорѣ было прекращено. Нынѣ въ самомъ большомъ количествѣ выдѣлывается крашеная юфть; изготовляется также: юфть бѣлая, черная и мостовье. На семъ заводѣ считается до 5 огромныхъ корпусовъ; въ нихъ и около ихъ до 100 чановъ; рабочихъ отъ 70 до 100 человѣкъ и одинъ мастеръ. Каждогодно выработывается кожъ приблизительно отъ 15 до 27 тысячъ штукъ. Въ 1858 году было выработано разной юфти до 16,000 штукъ, что составитъ до 3,525 пуд. Изъ этого числа выдѣлано: красной юфти до 9,000 штукъ, 1,500 пуд., по 18 и 19 руб. за пудъ, на сумму 27,750 руб., бѣлой 100 кожъ, 25 пуд., по 12 руб. за пудъ, на 300 руб., черной 4,000 штукъ, 1,800 пуд., по 10 руб. 50 коп., на сумму 11,400 рублей. Главная отправка юфти съ сего завода производится въ С.-Петербургъ, Москву и на Нижегородскую

ярмарку. На послѣднюю, сверхъ юфти, отправлено было въ 1858 году: шерсти бѣлой до 220 пуд., по 2 р. 20 коп., на 490 руб., красной 250 пуд., по 1 р. 20 коп., на 300 руб., и черной 400 пуд., по 50 коп., на 200 руб.; стружки до 700 пуд., по 1 р. 70 коп., на 1,190 руб. Всѣ выставленныя цѣны означеннымъ предметамъ представляютъ цѣны на мѣстѣ. Обыкновенный провозъ бываетъ: въ С.-Петербургъ отъ 1 р. 25 коп. до 1 р. 30 коп., въ Москву отъ 50 до 85 коп., до Нижняго Новгорода отъ 13 до 35 коп. Общій оборотъ сего завода простирается въ годъ отъ 60 до 80-ти тысячъ рублей ([43]).

Къ кожевенному производству Кардаковъ присоединилъ съ нѣкотораго времени еще три другія: салотопенное, свѣчное и клейное. Эти побочныя производства, какъ новыя, еще весьма незначительны; на каждомъ изъ нихъ состоитъ по 1-му мастеру и отъ 10 до 15 челов. рабочихъ; капиталъ на эти производства затрачивается не болѣе, какъ въ 10,000 рублей.

Въ 1858 году продано въ разныя мѣста: сала 1,000 пуд., по 4 р. 20 коп., на 4,200 руб., свѣчь 600 пуд. на 3,600 руб. и клею до 70 пуд., отъ 4 до 5 руб. за пудъ, на 315 руб.

На той же рѣчкѣ Котлянкѣ, немного ниже завода купца Кардакова, т. е. ближе къ устью этой рѣчки, находится кожевенный же заводъ мѣщанки Настасьи Халтуриной.

Этотъ заводъ состоитъ изъ одного небольшаго корпуса; при немъ считается 1 мастеръ и до 10 челов. рабочихъ. Здѣсь выдѣлывается юфти не болѣе 2,000 штукъ.

По ниже сего завода въ 1859 году построенъ еще третій кожевенный заводъ купца Николая Ив. Гусева. На этомъ заводѣ выдѣлывается юфть и изготовляется разная конская упряжь,

---

([43]) Всѣ эти свѣдѣнія по заводу взяты отъ самаго купца Кардакова.

какъ городская, такъ и деревенская, также мужская и женская обувь, какъ для горожанъ, такъ и для поселянъ (44).

Недалеко отъ этихъ кожевенныхъ заводовъ находится также сургучный заводъ мѣщанина Александра Вершинина. На немъ выдѣлывается до 2,000 простаго сургуча, по 50 коп. за пудъ, на сумму 1,000 руб.; отправка его производится болѣе въ низовые города: Нижній-Новгородъ, Симбирскъ, Пензу и Саратовъ.

Въ городѣ Котельничѣ съ 1859 года открыта еще фабрика табачная, сигарная и папиросная — купца 3-й гильдіи Климента Князева. Но, по недавности открытія этой фабрики, о производствѣ ея нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Въ настоящее время на ней считается 1 мастеръ и до 20 чел. рабочихъ.

Небольшихъ заведеній для литья свѣчъ, устроенныхъ при домахъ нѣкоторыхъ купцовъ и мѣщанъ, считается до 5-ти. На всѣхъ ихъ въ теченіи года выливается свѣчъ до 1,500 пуд., по 4 р. 50 коп., на сумму, 6,750 руб. Сало какъ для Кардаковскаго завода, такъ и для домашнихъ свѣчныхъ заведеній покупается, по большей части, либо въ самомъ городѣ, либо на ярмаркахъ, бывающихъ въ уѣздѣ.

Нѣсколько къ сѣверо-востоку, въ полуверстѣ отъ города, на-

---

(44) Независимо отъ городской кожевенной промышленности слѣдуетъ упомянуть еще о такой же промышленности крестьянъ Шильниковцовъ, живущихъ на сѣверо-западъ отъ города, въ деревнѣ Шильниковской. Эта кожевенная промышленность, хотя здѣсь существуетъ и очень давно, но развилась въ большемъ видѣ еще недавно. Въ настоящее время почти каждый житель этой деревни занимается шитьемъ либо сапоговъ, башмаковъ, рукавицъ холодныхъ и теплыхъ. При этомъ ремеслѣ, нѣкоторые мастера въ маломъ видѣ занимаются и выдѣлкою кожъ. Товаръ или издѣлія свои Шильниковцы сбываютъ обыкновенно по своему уѣзду на ярмаркахъ, а также въ городѣ по воскресеньямъ и на Алексѣевской ярмаркѣ. Такъ въ нынѣшнюю Алексѣевскую ярмарку продано ими: рукавицъ, сапоговъ и башмаковъ на 2,000 р. Теперь мастеровъ въ этой деревнѣ считается до 20 человѣкъ. Сбытъ годовой доходитъ, по меньшей мѣрѣ, до 50,000 паръ рукавицъ, какъ холодныхъ, такъ и теплыхъ; сапоговъ до 10,000 паръ и 20,000 паръ башмаковъ.

ходятся 6 кирпичныхъ сараевъ, принадлежащихъ купцамъ Кардаковымъ, Зыринымъ и нѣкоторымъ другимъ. На этихъ сараяхъ, при 100 и 120 человѣкъ рабочихъ, каждогодно выдѣлывается кирпича отъ 400,000 до 800,000 шт. (по 5 и 6½ руб. за 1,000 шт., на сумму отъ 2,200 до 4,600 руб. ([45]).

Здѣшніе жители очень мало занимаются ремеслами и промыслами. Изъ ремеслъ почти единственное—кузнечное ремесло. Работа здѣшнихъ кузнецовъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ оковкѣ телѣгъ, саней и кибитокъ, въ шинованіи колесъ, въ подковкѣ лошадей, а также въ изготовленіи на продажу ножей, топоровъ, косъ, серповъ, подковъ, гвоздей и проч. Всѣхъ кузнечныхъ работъ въ годъ бываетъ не менѣе, какъ на 7,000 руб. Издѣліями своими кузнецы торгуютъ не только въ городѣ, но и по сельскимъ ярмаркамъ. Всѣхъ кузницъ въ городѣ считается 15, а при нихъ до 25 мастеровъ и работниковъ.

Болѣе обыкновенный промыселъ между мѣщанами есть рыбная ловля. Здѣшніе рыбаки ловятъ преимущественно стерлядь, какъ болѣе цѣнную рыбу, ловятъ либо въ вольныхъ водахъ, принадлежащихъ собственно городу, либо казенныхъ съ платою оброка. На заоброченныхъ водахъ, отстоящихъ отъ города верстъ за 50 и болѣе, рыбаки живутъ иногда по нѣскольку мѣсяцевъ сряду. Для пойманной стерляди они имѣютъ особаго рода суда, такъ называемыя „прорѣзныя и шитики" (въ меньшемъ видѣ прорѣзныя). Эти суда, во время перехода съ одной ватаги на другую, служатъ какъ бы подвижными садками. Стерлядь, которая снетъ, во время лѣтнихъ жаровъ, они тотчасъ солятъ въ кадки. Наловивши на ватагѣ стерлядей до тысячи и болѣе штукъ, они въ тѣхъ же прорѣзныхъ привозятъ эту рыбу—разсортированную: въ Котельничъ, Орловъ, а чаще въ Вятку, гдѣ и продаютъ сотнями. Въ Котельничѣ обыкновенно продаютъ стерлядь только тогда, когда на нее цѣны

([45]) Свѣдѣнія по всѣмъ другимъ заводамъ собраны тоже отъ самихъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ сіи заводы.

не низки. Чуть цѣны на нее понизились здѣсь, всю ее мимо Котельнича проводятъ въ Орловъ и Вятку. По рѣкѣ Вяткѣ стерлядь ловится все болѣе около селъ Сарвижскаго и Васильковскаго, отстоящихъ отъ города внизъ по рѣкѣ на 60 и 80 верстъ. По этому-то стерлядь доставляется въ Котельничъ, Орловъ и Вятку не одними котельническими мѣщанами, а также и крестьянами означенныхъ селъ. Послѣдними ловля и продажа стерлядей производится чуть ли не въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ первыми. Въ лѣтнее время цѣны на стерлядь въ Котельничѣ бываютъ не одинаковы; онѣ большею частію зависятъ отъ большаго или меньшаго ея улова. Въ дешевое лѣто стерлядь стоитъ: среднiй сортъ отъ 10 до 15 коп. за фунтъ; крупной отъ 25 до 30 коп.; мелкая стерлядь отъ 8 до 10 к. Къ осени же цѣна на стерлядь бываетъ почти та же, что и лѣтомъ, но въ зимнее ея нельзя достать почти ни по какимъ цѣнамъ; въ это время она имѣется только у богатыхъ купцовъ, которые съ осени запасаютъ ее въ устроенныхъ на ключахъ садкахъ сотъ по пяти и болѣе штукъ. Въ заоброченныхъ водахъ попадаютъ иногда, кромѣ стерлядей, и осетры, но небольшіе, примѣрно отъ 35 ф. до 1 пуда. Стерлядь въ аршинъ длины здѣсь цѣнится очень дорого и притомъ не на вѣсъ, а на взглядъ. Кромѣ стерлядей, въ рѣкѣ Вяткѣ ловится также много другихъ видовъ рыбы, а именно: окунь, язь, щука, сорога, шаклея, сабля, налимъ, лещъ, сомъ (отъ 1-го пуда до 5-ти пудовъ), судакъ, ершъ, жерехъ, подуздъ, пискарь, бершъ (маленькій судакъ) и нѣсколько другихъ.

Орудія, употребляемыя здѣшними рыбаками при рыбной ловлѣ, суть слѣдующія: для стерлядей—самоловы или просто, какъ здѣсь называютъ, снасти. Каждый изъ рыбаковъ, занимающійся ловлею стерлядей, непремѣнно имѣетъ отъ 4 до 5-ти концевъ, составляющихъ одну снасть. Для бѣли же употребляются: честуха (весною), саки, невода, сѣти (съ ботомъ), фетили, морды, запоры, остроги, подольники; послѣдніе идутъ также и для лова стерлядей.

Рыбный промыселъ здѣсь начинается всегда съ открытія рѣки Вятки и продолжается почти до самаго ея замерзанія. Число людей, занимающихся этимъ промысломъ въ городѣ, не велико. Это отъ того, что рыбный промыселъ все таки требуетъ порядочной затраты денегъ, а къ этому не всякій изъ мѣщанъ, склонныхъ къ рыбной ловлѣ, способенъ по своему состоянію. Съ другой стороны, не могутъ заниматься рыбнымъ промысломъ многіе изъ городскихъ жителей и по тому, что далеко отстоятъ отъ города тѣ воды, которыя, болѣе или менѣе, обильны рыбою и удобны для рыбачества. Городскіе рыбаки, въ теченіи лѣтняго и осенняго времени, налавливаютъ стерляди отъ 100 до 200 пудовъ, по 4 р. 50 коп. и 8 руб. за пудъ, на сумму отъ 620 до 1,200 руб.; разной бѣли отъ 250—350 пуд., по 2 р. и 3 руб., на сумму отъ 625 до 875 руб. Впрочемъ, большая часть свѣжей и соленой рыбы по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ распродается здѣсь крестьянами рыбаками, пріѣзжающими изъ уѣзда.

Въ городѣ, даже во всемъ уѣздѣ его, нѣтъ порядочныхъ мебельныхъ мастеровъ. Стулья, столы, шкафы и диваны, все достается изъ Вятки. Въ послѣдніе два или три года мебель средняго достоинства стала вывозиться изъ Вятскаго уѣзда на Алексѣевскую ярмарку. Даже простые крашеные стулья, столы, шкафы, коммоды, сундуки—и это все покупается во время ярмарки отъ мастеровъ Вятскаго уѣзда. У насъ въ городѣ, ни больше, ни меньше, три столяра, которые дѣлаютъ, главнымъ образомъ, оконничныя рамы и въ рѣдкихъ случаяхъ, по заказу, какой нибудь шкафъ, гардеробъ, конторку и т. п. Ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ его нѣтъ порядочныхъ плотниковъ. И плотничная работа, требующая сколько нибудь чистой отдѣлки, производится орловскими мастеровыми.

Въ нашемъ городѣ нѣтъ каменщиковъ, которые бы хорошо клали печи. И для этой работы часто достаются люди изъ Орлова. Нѣтъ, за исключеніемъ, кажется, одного мѣщанина, порядочныхъ штукатурщиковъ и красильщиковъ. Нѣтъ ни часов-

щиковъ, ни серебряниковъ. Даже для луженія мѣдной посуды разъ или два въ годъ пріѣзжаетъ орловскій мѣщанинъ. Лучшимъ чеботнымъ въ нашемъ городѣ считается тоже пріѣзжій орловскій мѣщанинъ. Число портныхъ ограничивается тремя или четырьмя. Три булочника, у которыхъ, будь они въ другомъ городѣ, не стали бы покупать булокъ.

Многіе изъ мѣщанскихъ женщинъ и дѣвицъ занимаются у себя на домахъ: тканіемъ холстовъ и ихъ бѣленіемъ, тканіемъ изъ простыхъ крашеныхъ нитокъ половиковъ, тканіемъ опоясокъ и поясовъ, пряжею нитокъ, а также печеніемъ на продажу калачей, ржаныхъ и пшеничныхъ хлѣбовъ. Свои издѣлія онѣ сбываютъ преимущественно во время Алексѣевской ярмарки и тогда на вырученныя деньги накупаютъ матеріяловъ для своихъ работъ, а также и для своей одежды, заведеніе которой въ бѣдномъ мѣщанствѣ, по большей части, зависитъ отъ средствъ, слѣдовательно и трудовъ самихъ женщинъ. Въ лѣтнее время тѣ же бѣдныя женщины достаютъ средства къ содержанію своихъ семействъ обработкою своихъ огородцевъ.

Не лишнимъ считаемъ замѣтить объ одномъ, самомъ неблагодарномъ трудѣ здѣшнихъ бѣдныхъ женщинъ. Нѣкоторые изъ нашихъ купцевъ заготовляютъ по нѣскольку десятковъ тысячъ крупчаточныхъ мѣшковъ на продажу. Кроеные мѣшки сотнями раздаются для шитья бѣднымъ женщинамъ. На шитье онѣ употребляютъ свои нитки, за сотней мѣшковъ убиваютъ 7 или 8 дней усидчивой работы, и за каждую сотню получаютъ платы 60, много 65 коп. сер.! Что заставляетъ ихъ браться за такую неблагодарную работу, какъ не крайняя нужда, — чтобы только время не пропадало даромъ?

Въ лѣтнее время, когда поспѣваютъ ягоды, многіе изъ мѣщанъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, большими партіями отправляются за пaленикой, малиной, смородиной, черемухой и брусникой; такими же точно артелями ходятъ за грибами. Они, за ягодами и груздями, уѣзжаютъ внизъ верстъ за 20 и за 40

по рѣкѣ Вяткѣ, на боры „Разбойный и Суводской"; сюда уходятъ на недѣлю и болѣе и возвращеніе свое въ городъ принаравливаютъ къ воскресенью или другому какому нибудь празднику, чтобы набранное продать и потомъ опять пуститься туда же. Такимъ образомъ въ воскресенье, а также и простые дни лѣтомъ, очень много продается разныхъ ягодъ и грибовъ здѣшними мѣщанами, не говоря о крестьянахъ. Изъ ягодъ здѣсь болѣе всего ягодниками приносится на рынокъ: паленика, малина, смородина черная (красной менѣе), черемуха и брусника. Земляника появляется въ продажѣ не ранѣе Петрова дня, и потомъ скоро не продается; паленика и морошка бываютъ и довольно долгое время въ продажѣ, но все по немногу. Обыкновенная цѣна на паленику за ведро водоносное 50 коп., или 25 коп. $^{1}/_{2}$ ведра; почти та же цѣна бываетъ и на малину и смородину, если еще не дешевле того. Бруснику продаютъ на пуды — который стоитъ отъ 50 до 65 коп. Ягоды и грибы здѣсь, по большей части, продаются въ лукошкахъ.

Теперь скажемъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ жителей города Котельнича.

Обычаевъ и суевѣрій у здѣшняго простолюдина замѣчается довольно много, но всѣ опи, болѣе или менѣе, общи другимъ мѣстностямъ Россіи, а потому мы упомянемъ только о тѣхъ, которые считаемъ болѣе отличительными.

Скажемъ прежде всего о мольбѣ, извѣстной подъ именемъ „Троецыплятницы". Эта мольба совершается вслѣдствіе обѣщанія, даннаго по извѣстному случаю. Напр. въ домѣ мѣщанина или крестьянина кто либо изъ семейства нездоровъ. Родственники больнаго или самъ онъ обѣщаются исправить мольбу. По выздоровленіи больнаго обѣщанная мольба, рано, поздно ли справляется. Если больной пообѣщался исправить мольбу да померъ, не успѣвъ исправить своего обѣщанія, даннаго Богу, то родственники умершаго принимаютъ его обѣщаніе на себя и, рано ли, поздно ли, непремѣнно исправляютъ обѣщанную имъ мольбу—уже за упокой его души.

При совершеніи мольбы—Троецыплятницы соблюдаются слѣдующіе обряды: 1) до начала мольбы отыскиваютъ нѣсколько куръ троецыплятницъ ([46]) (т. е. такихъ, которыя вывели цыплятъ три раза); 2) во время обѣда не употребляютъ ни вилокъ, ни ножей; 3) куръ троецыплятницъ ѣдятъ однѣ только старушки-вдовы и при томъ безъ разговора, молча и 4) во время всего обѣда не бываетъ ни одного мужчины, ни даже дѣтей мужескаго пола.

Опишемъ поподробнѣе это празднованіе. Хозяйка дома, въ которомъ задумали праздновать „Троецыплятницу", сначала дѣлаетъ сборъ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ; — послѣдніе даютъ сборщицѣ: солода, муки, хмѣля и крупъ. По окончаніи сбора, хозяйка заблаговременно готовитъ пиво къ предстоящему празднику и варитъ его какъ можно больше, чтобы не было въ немъ недостатка. У достаточныхъ людей его бываетъ въ это время отъ 70 до 100 ведеръ и до 20 ведеръ *кануну*, т. е. сусла безъ хмѣля. Въ тотъ день, когда думаютъ поднять иконы въ домъ, хозяйка, зазвавъ къ себѣ нѣсколько женщинъ, начинаетъ съ ними общими силами готовить кушанья. Приготовленіемъ куръ троецыплятницъ должны заниматься и занимаются только однѣ „вдовушки". Кромѣ вдовъ, никто другой, ни изъ мужчинъ, ни изъ женщинъ, не долженъ касаться этихъ куръ. Только колоть ихъ можно давать и даютъ мальчику, имѣющему не болѣе 8 или 9-ти лѣтъ.

Перья этихъ куръ и внутренности отнюдь не бросаются, а, собравъ, складываютъ ихъ въ котомку или корчагу ([47]). Печенки, сердечки и пупки (мясистые желудки) кладутъ въ селянку, дѣлаемую изъ яицъ, сбереженныхъ отъ троецыплятницъ. Ощипанныхъ троецыплятницъ складываютъ въ горшокъ и варятъ въ немъ; эти куры назначаются въ кушанье однѣмъ вдовамъ. Варятъ или жарятъ особо и не троецыплятницъ для

([46]) Ихъ бываетъ отъ 1 до 3-хъ.

([47]) Большой глиняный горшокъ.

угощенія мужчинъ и женщинъ не-вдовъ. Кромѣ куръ, варятъ еще кашу или кисель, послѣдній только тогда, когда мольба исправляется за умершаго. Прочія приготовленія для угощенія гостей обыкновенны. Между тѣмъ какъ женщины хлопочутъ о приготовленіи яствъ, хозяинъ дома отправляется просить священника со св. иконами (при этомъ должно быть непремѣнно до 12 иконъ). Для несенія св. иконъ вмѣстѣ съ хозяиномъ приходятъ въ церковь его родные, знакомые и вообще тѣ, которые имѣютъ быть на его домашнемъ праздникѣ. Принесенныя иконы ставятся за столомъ въ переднемъ углу комнаты (въ суткахъ) на лавкахъ, покрытыхъ холстомъ или полотенцами. На столѣ, накрытомъ скатертью, ставятся куры, канунъ и кутья, если мольба приносится за кого нибудь изъ умершихъ. Послѣ молебна, на которомъ произносится эктенія о здравіи семейства, совершается и панихида за умершихъ родныхъ. За тѣмъ отчитывается надъ кануномъ и курами свято, т. е. молитва о приносящихъ, что нибудь подъ благословеніе церковное; при чемъ канунъ и куры окропляются святою водой. Этимъ оканчивается весь церковный обрядъ, послѣ котораго принесенное подъ свято убирается со стола и самыя иконы уносятся въ церковь. За тѣмъ тотчасъ же приступаютъ къ обѣду, въ которомъ участвуютъ изъ находящихся на лицо гостей только мужчины. По окончаніи обѣда всѣ мужчины удаляются изъ комнаты и въ той же комнатѣ, или въ другой, если есть другая, подается обѣдъ для женщинъ. Въ этотъ разъ накрываются два стола, стоящіе отдѣльно одинъ отъ другаго—одинъ для „вдовушекъ“, какъ онѣ сами себя называютъ, другой для остальныхъ женщинъ. Двери комнаты запираются, чтобы кто нибудь изъ мужчинъ нечаянно или съ намѣреніемъ не вошелъ сюда во время обѣда. Даже завѣшиваются тѣ окна, чрезъ которыя любопытствующій можетъ подмѣтить происходящее въ комнатѣ и тѣмъ нарушить святость устроенной трапезы. Принявши эти предосторожности и приготовивши все къ обѣду, женщины благоговѣйно кладутъ по нѣ-

скольку земныхъ поклоновъ и потомъ садятся за столъ—„вдовушки“ за одинъ, а прочія за другой. Садятся, разумѣется, по старшинству лѣтъ или по степени уваженія, какимъ кто изъ нихъ пользуется въ своемъ кружкѣ. Первое, что подается на тотъ и другой столъ,—это пироги съ говядиной. А какъ во время этого обѣда не должно быть употребляемо ни вилокъ, ни ножей, то пироги раздробляются слѣдующимъ образомъ: одна женщина беретъ пирогъ за одинъ конецъ, а другая за другой и такимъ образомъ разламываютъ пирогъ на двѣ половины. Эти половины, какъ и всѣ пироги, сколько ихъ требуется для обѣдающихъ, въ свою очередь, точно также разламываются между другими женщинами. Вслѣдъ за пирогами, тоже на оба стола, подается отваръ изъ троецыплятницъ. Но самыхъ троецыплятницъ подаютъ только на главный столъ, гдѣ обѣдаютъ вдовушки, а на другой столъ подаютъ другихъ куръ—не троецыплятницъ. За тѣмъ подаютъ на тотъ и другой столъ селянку съ внутренностями троецыплятницъ, а потомъ кашу или кисель, чѣмъ и оканчивается этотъ священный (по ихъ выраженію) обѣдъ. За обѣдомъ не подаютъ ни пива, ни вина, а только канунъ, часть котораго была освящена священникомъ чрезъ чтеніе молитвы и кропленіе святой водой. Вставши изъ за стола, опять всѣ благоговѣйно молятся въ землю. Надобно замѣтить, что и во время обѣда, послѣ каждой перемѣны яствъ, кладутся обѣдающими земные поклоны. Во все продолженіе стола обѣдающіе сохраняютъ глубокое молчаніе, не произнося въ слухъ ни одного слова, и только про себя творятъ молитву въ подражаніе будто бы той св. трапезѣ, на которой Царица Небесная угощала женъ мvроносицъ и не занималась никакимъ разговоромъ, а только слезно воздыхала и молилась въ душѣ за родъ человѣческій. Кости и другіе остатки отъ троецыплятницъ, поданныхъ на столъ, бережно собираются и складываются въ ту же котомку или горшокъ, куда прежде были положены отъ этихъ куръ перья и не употребляемыя въ пищу внутренности. Если есть по близости рѣка или прудъ, то эта котомка или корча-

га (большой горшокъ), наполненныя остатками отъ троецыплятницъ, съ камнемъ бросаются въ воду. Если же нѣтъ по близости ни рѣки, ни пруда, то остатки отъ троецыплятницъ скрываются гдѣ нибудь въ полѣ или въ лѣсу, и притомъ въ такое время, когда не можетъ быть свидѣтелей этого дѣла. Такая заботливость о схороненіи остатковъ объясняется тѣмъ, что эти куры, равно и остатки отъ нихъ, въ понятіи женщинъ-простолюдинокъ признаются чѣмъ-то священнымъ, чего не должно бросать гдѣ попало. Вообще надобно замѣтить, что у здѣшнихъ мѣщанокъ и крестьянокъ курица, выведшая три раза цыплятъ, обрекается на закланіе. Если, по случаю ея, не исправляется мольбы, или она не отдается въ другой домъ, гдѣ приготовляются къ мольбѣ, то она непремѣнно приносится подъ свято въ церковь, но не оставляется здѣсь, какъ другія приношенія, вѣроятно, изъ опасенія, чтобъ не досталась въ пищу какому нибудь мужчинѣ, а уносится обратно домой. Почему же курамъ не даютъ выводить цыплятъ болѣе трехъ разъ? Потому что и людамъ не позволяется жениться болѣе трехъ разъ. Почему троецыплятницъ должны ѣсть только вдовушки-старушки? Потому что онѣ болѣе достойны этого, какъ не могущія и не помышляющія вступить въ бракъ. Такъ объясняютъ нѣкоторыя изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ женщинъ-вдовъ. Но возвратимся къ тому дню, въ который исправляется мольба. Тѣ изъ гостей мужчинъ и женщинъ, которые были на обѣдѣ, бываютъ и вечеромъ. Но вечеръ, какъ и день, проводится скромно; не пьютъ ни пива, ни вина, а только канунъ. На другой день мольбы гости снова собираются и притомъ со своими пирогами, пѣтухами и деньгами — по гривнѣ или болѣе, — на вино. Въ этотъ день дозволяется употреблять пиво и вино; мужчины и женщины угощаются вмѣстѣ. Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній. Мольба съ описанными здѣсь обрядами исправляется въ городѣ мѣщанами. У крестьянъ подобныя мольбы совершаются съ нѣкоторыми измѣненіями. Напр. вмѣсто пироговъ у нихъ приготовля-

ются просто хлѣбы средней величины; вдовы и другія женщины обѣдаютъ за однимъ столомъ, хотя первыя считаются главными и необходимыми гостьями на этомъ обѣдѣ; всѣ кушанья, не исключая и троецыплятницъ, равно предлагаются какъ вдовамъ, такъ и не вдовамъ; обѣдъ для мужчинъ бываетъ послѣ того, какъ кончится обѣдъ женщинъ; день мольбы какъ мужчины, такъ особенно женщины проводятъ весьма набожно и не смотря на это на другой день во многихъ мѣстахъ вовсе не бываетъ пированья. Подобныя мольбы, какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, исправляются обыкновенно осенью. Въ сосѣднихъ уѣздахъ, Орловскомъ и Яранскомъ, эти мольбы неизвѣстны.

Кромѣ исправленія такой мольбы, нѣкоторыя изъ старыхъ женщинъ въ городѣ имѣютъ еще обыкновеніе сбирать иногда солоду и муки, на одинъ только *канунъ*. Изъ собранныхъ припасовъ дѣйствительно навариваютъ канчну, часть его несутъ въ церковь для освященія, а потомъ оттуда съ нимъ, какъ уже освященнымъ напиткомъ, идутъ по домамъ угощать тѣхъ добрыхъ людей, которые давали припасовъ на него. Собираютъ въ этомъ случаѣ на канунъ или вслѣдствіе обѣщанія, даннаго по какому нибудь случаю, или вслѣдствіе какого нибудь особеннаго сновидѣнія, изъ котораго заключивъ, по своему суевѣрію, что необходимо нужно потрудиться, пособирать на такой священный напитокъ. Сборъ на канунъ считается какимъ-то трудничествомъ, подвигомъ, который нужно принять на себя чтобы послужить Богу: по этому-то въ такомъ сборѣ нерѣдко участвуютъ и женщины довольно порядочныя, собственно изъ одного только труда, по вѣрованію ихъ, святаго и добраго. И канунъ, приготовленный изъ сборныхъ матеріяловъ, приносится въ церковь подъ свято, очевидно, въ намѣреніи угодить Богу. Но почему на этотъ разъ канунъ приготовляется изъ чужихъ припасовъ, а не изъ своихъ собственныхъ? Отнюдь не изъ желанія воспользоваться чужимъ добромъ. Нѣтъ, принесть подъ свято канунъ,

приготовленный изъ пожертвованныхъ припасовъ — значитъ и другимъ доставить случай послужить такимъ образомъ Богу, значитъ способствовать къ общему и бо́льшему прославленію Бога..

Ильинъ день крестьяне считаютъ особенно великимъ праздникомъ. Пріѣзжая въ этотъ день къ обѣднѣ, они привозятъ съ собою по бураку кануну (т. е. молодаго сусла безъ хмѣля), въ который спускаютъ по нѣскольку свѣжихъ колосьевъ. Во время обѣдни каждый крестьянинъ надъ своимъ буракомъ теплитъ свѣчу, а по окончаніи обѣдни надъ всѣмъ принесеннымъ кануномъ священникъ „отговариваетъ свято" ([48]). Послѣ чего всякій изъ крестьянъ несетъ свой буракъ на паперть, и тамъ половину кануна отливаетъ въ нарочно поставленныя для этого кадки, а оставшимся въ буракѣ кануномъ тутъ же угощаетъ своихъ знакомыхъ и одѣляетъ нищихъ, которыхъ въ то время бываетъ очень много. Кромѣ кануну крестьяне въ этотъ день привозятъ съ собою еще подъ свято небольшія части баранины, какъ то: грудинки, середки и плечики, а пчеловоды—отъ своихъ первыхъ подлазовъ небольшую часть сотовъ. Надъ тѣмъ и другимъ приношеніемъ, которое все оставляютъ въ пользу священно-церковно-служителей, „отговаривается свято" также послѣ обѣдни. По разсказамъ самихъ духовныхъ, въ Ильинъ день на церковно-служителей каждой изъ городскихъ церквей достается: баранины, по крайней мѣрѣ, отъ 10 до 20 пудъ, кануну отъ 30 до 50 ведеръ. Въ селахъ, гдѣ приходы состоятъ изъ однихъ крестьянъ, эти приношенія въ Ильинъ день бываютъ значительнѣе гораздо. Какъ много почитаютъ крестьяне Ильинъ день, это видно еще изъ слѣдующаго: недѣлю предъ Ильинымъ днемъ многіе изъ нихъ постятся. Особенно

([48]) Крестьяне называютъ такимъ образомъ слѣдующее священное дѣйствіе: читается Отче нашъ, поется трижды величаніе празднуемому святому, читается священникомъ молитва надъ приношеніемъ и самое приношеніе окропляется святою водою.

строгій постъ всѣ соблюдаютъ въ Ильинскую пятницу, которую считаютъ важнѣе самаго Ильина дня; во весь этотъ день крестьяне не работаютъ. Напротивъ, въ самый праздникъ послѣ обѣдни очень многіе изъ нихъ принимаются за работу.

Въ 1-ю пасхальную заутреню, во время встрѣчи Христа, рыбаки, отщипываютъ отъ своей свѣчи небольшой кусочикъ воску и кладутъ его въ пазуху, а самую свѣчу прилѣпляютъ у входа къ дверямъ или косякамъ, съ приговоромъ про себя: „какъ сюда валитъ теперь народъ, такъ бы шла лѣтомъ и рыба въ сѣти". Послѣ заутрени, каждый изъ такихъ суевѣровъ, принеся домой отщипленный кусочикъ воску, хранитъ его до времени рыбной ловли, а въ это время прилѣпляетъ по немногу къ каждой сѣти и тоже съ подобнымъ приговоромъ: „какъ пасхой въ церковь шелъ народъ, такъ теперь рыба иди въ сѣть". Точно такимъ же образомъ поступаютъ въ эту заутреню многіе изъ кузнецовъ, пчеловодовъ и звѣролововъ и произносятъ про себя подобные приговоры, относящіеся до ихъ занятій.

Почти всѣ, не только крестьяне, но и горожане, замѣчаютъ тотъ день, въ который былъ праздникъ Благовѣщенія. Въ этотъ день въ продолженіи года боятся начинать дѣла, сколько нибудь важныя. Въ праздникъ Благовѣщенія, говорятъ, что никакая птица на землѣ не вьетъ себѣ гнѣзда. По этому-то въ Благовѣщенскій день, т. е. въ тотъ, въ который праздновалось Благовѣщеніе, и не слѣдуетъ начинать никакого сколько нибудь важнаго дѣла.

Нѣкоторые вѣрятъ, что въ Великій четвертокъ утромъ рано надобно считать деньги, чтобы ихъ водилось больше. Для охраненія своихъ домовъ отъ огня, воровъ и всякихъ другихъ несчастій, могущихъ случиться въ году въ этотъ день тоже до свѣта обходятъ вокругъ дома съ иконою, или мало того объѣзжаютъ вокругъ него верхомъ на палкѣ съ разными приговорами. Вѣрятъ еще въ четверговую соль и придаютъ ей какое-то особенное свойство излѣчивать многія болѣзни: по

этому многіе берегутъ ее для разныхъ случаевъ, но въ особенности даютъ ее домашнему скоту во время болѣзни.

Вѣрятъ въ Ивановскую росу, которую, по этому случаю, нѣкоторыя изъ женщинъ собираютъ на этотъ день (24 іюня) посредствомъ разостланныхъ на травѣ платковъ, выжимаютъ изъ нихъ въ стклянки и хранятъ какъ цѣлительное лекарство отъ глазъ.

Вообще можно сказать, что въ домашней жизни здѣшняго простолюдина встрѣчается еще много подобныхъ суевѣрій и предразсудковъ.

Мы не станемъ говорить о частной жизни богатыхъ купцовъ. Они живутъ, какъ говорится, болѣе или менѣе на дворянскую ногу. Скажемъ о домашней жизни, общественныхъ отношеніяхъ и разныхъ обычаяхъ въ мѣщанствѣ. Общественная жизнь нашего мѣщанина или купца средней руки довольно проста и сохранила кое что изъ старины минувшей. Такъ напр. и по нынѣ единственнымъ развлеченіемъ дѣвицы служитъ посѣщеніе церкви, да и то, по милости своихъ строгихъ родителей, довольно рѣдкое. Въ этомъ случаѣ ихъ матушки обыкновенно держатся старой пословицы: „что видѣно, то по мѣдяно, а что не видѣно, то золото". Матери водятъ своихъ дочерей въ церковь не иначе, какъ только съ собою и то въ извѣстные главные и многолюдные праздники въ году, каковы: Николинъ день, Рождество, Пасха, Троицынъ день, Всѣ Святые (въ заговѣнье предъ Петровымъ постомъ) и пріѣздъ (въ первыхъ числахъ сентября по случаю прихода св. иконъ изъ г. Вятки). По причинѣ такого рѣдкаго быванія въ храмѣ Божіемъ, затворницы дѣвицы ждутъ этихъ праздниковъ съ особеннымъ какимъ-то желаніемъ и нетерпѣніемъ, а въ особенности Троицына дня и Всѣхъ Святыхъ, которые приносятъ имъ столько радости и веселья. А какъ Всѣ-Святые есть престольный праздникъ кладбищенской церкви въ Котельничѣ, то многіе изъ городскихъ жителей наканунѣ этого праздника приходятъ туда какъ ко всенощной, а въ самый праздникъ къ

обѣднѣ, и если въ то время бываетъ хорошая и ясная погода, то заботливыя матушки берутъ съ собою еще и своихъ дочекъ, которыхъ наряжаютъ какъ можно лучше съ намѣреніемъ показать ихъ женихамъ, которыхъ бываетъ тамъ за тѣмъ, чтобы тоже высматривать себѣ невѣстъ, очень много. Вообще этотъ празникъ для здѣшнихъ мѣщанскихъ жениховъ и невѣстъ доставляетъ не малыя удовольствія и выгоды, потому что не рѣдко случается, что кто либо изъ жениховъ, побывавъ въ этотъ день на кладбищѣ, тутъ же выбираетъ себѣ въ подруги жизни первую приглянувшуюся дѣвицу, въ слѣдствіе чего между тѣмъ и другимъ семействомъ затѣвается сватовство, а за тѣмъ и свадьба. Отъ этого-то между жителями нашего города составилась поговорка: „приведи-ка Богъ для старушекъ праздничка Всѣхъ-Святыхъ тепленькаго и хорошенькаго, а для дѣвушекъ женишковъ миленькихъ и пригоженькихъ“.

Вечеромъ того дня, въ который празднуется Всѣмъ Святымъ, между дѣвушками составляются хороводы и разныя игры, и притомъ гораздо въ большемъ видѣ, чѣмъ въ Троицынъ День. Главнымъ мѣстомъ для игръ и хороводовъ въ это время бываетъ деревня Шильниковская, находящаяся на сѣверо-восточномъ концѣ города, куда городскія дѣвицы сходятся, впрочемъ, не иначе, какъ по приглашенію какого либо семейнаго дома изъ той деревни. Въ здѣшнихъ хороводахъ и разныхъ играхъ дѣвичьихъ молодые парни нисколько не участвуютъ; въ этомъ случаѣ они или сами составляютъ отдѣльныя какія нибудь игры или просто смотрятъ на игры дѣвицъ.

О Рождествѣ, съ дозволенія городничаго, составляются открытыя игрища, на которыя, какъ и вездѣ, собирается обыкновенно большое число мѣщанскихъ дѣвицъ для пѣсенъ и пляски.

И на рождественскихъ сходбищахъ, какъ и на лѣтнихъ хороводахъ, молодые парни не принимаютъ почти никакого участія въ играхъ дѣвицъ. Если въ комнатѣ остается свободное мѣсто и самъ хозяинъ пригласитъ, извѣстныхъ ему молодыхъ людей, то въ этомъ случаѣ они могутъ войти и играть

въ карты или какъ нибудь иначе, но только между собою. Обыкновенная игра между ними бываетъ въ три листа (на ладыжки или на деньги) или какъ они выражаются „въ три листика съ доходцомъ". На игрища собирается много и неизвѣстнаго народа, особенно простыхъ бабъ и парней, но они приходятъ по большей части только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на игры дѣвушекъ и потомъ отправляются съ тою же цѣлію на какое нибудь другое игрище. Мѣсто, откуда смотрятъ на игры эти прихожіе люди, бываетъ постоянно около самыхъ дверей (въ кутѣ).

Кромѣ открытыхъ игрищъ, дѣвушки о Рождествѣ запросто собираются къ своимъ роднымъ поиграть въ жмачки (жмурки), въ жгутики и другія рождественскія игры. На этихъ собраніяхъ, имѣющихъ семейный характеръ, дѣвицамъ дозволяется играть и вмѣстѣ съ молодыми людьми, но разумѣется подъ надзоромъ своихъ строгихъ матушекъ, стерегущихъ за молодежью, чтобы не было съ ея стороны какихъ нибудь дерзкихъ выходокъ. На этихъ семейныхъ собраніяхъ между играющими допускается нѣкоторая вольность, какъ напр. въ пѣсняхъ своихъ, дѣвицы могутъ припѣвать имена тѣхъ молодыхъ людей, которые находятся въ игрѣ съ ними. Какъ открытыя игрища, такъ и семейныя святочныя собранія, дѣлаемыя въ мѣщанскомъ кругу, продолжаются не далѣе Крещенія.

Между бѣдными горожанами водятся о Рождествѣ такъ называемыя „ссыпщины" или вечеринки, составляемыя на общій счетъ между нѣсколькими знакомыми семействами. Чтобы справить такую вечеринку, для этого доставляютъ въ извѣстный домъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, какъ-то: муки, солода, хмѣля, пѣтуховъ и проч. Къ назначенному дню хозяйка дома приготовляетъ изъ этихъ припасовъ угощеніе для тѣхъ семействъ, которыя приняли участіе въ ссыпщинѣ. Ссыпщины проводятся также весело и шумно, какъ и всѣ святочныя собранія.

Въ самое Рождество между мальчиками еще и по сію пору соблюдается обычай ходить послѣ заутрени славить Христа, а на новый годъ вечеромъ кликать коляду (колядовать). Послѣдній обычай соблюдается не одними мальчиками, но и взрослыми мужчинами. Коляду кличутъ всегда по нѣскольку человѣкъ вдругъ, не входя въ домъ, а около окошекъ.

Обыкновенный ихъ припѣвъ въ этотъ вечеръ такой:

Виноградье красно-зеленое!
Ходятъ ребята коледовщики,
Виноградье красно-зеленое!
Ищутъ ребята Государева двора,
Виноградье красно-зеленое!
Государевой дворъ середи Москвы, середи ярмарки,
Виноградье красно-зеленое!
Вокругъ государева двора,
Бѣлокаменна стѣна,
Виноградье красно-зеленое!
Вокругъ-то бѣлокаменной стѣны все тынинки стоятъ,
Виноградье красно-зеленое!
На каждой-то тынинкѣ по маковкѣ
Виноградье красно-зеленое!
На каждой-то маковкѣ по крестичку,
Виноградье красно-зеленое!
На каждомъ-то крестичкѣ по свѣчушкѣ горитъ.
Виноградье красно-зеленое!
Еще самъ-то государь какъ свѣтелъ мѣсяцъ свѣтитъ,
Виноградье красно-зеленое!
А сама-то государыня, какъ утрення заря,
Виноградье красно-зеленое!
Милыя-то дѣточки, какъ часты звѣздочки.
Виноградье красно-зеленое!
Самъ-то государь намъ по рублику даритъ,
Виноградье красно-зеленое!
А сама-то государыня по полтинушкѣ даетъ;
Виноградье красно-зеленое!
Малыя-то дѣтоньки намъ по гривенкѣ дарятъ,
Виноградье красно-зеленое!

Покатилась колесница вдоль по улицѣ
По пирошки, да по шанешки,
Виноградье красно-зеленое!
Кто не дастъ пирога, разобьемъ ворота,
Кто не дастъ кишки, разобьемъ горшки ([49]).

Въ вечеръ же на новый годъ между дѣвицами въ простонародьѣ бываютъ различныя гаданья и ворожбы на счетъ своихъ будущихъ суженыхъ.

Считаемъ излишнимъ говорить о масляницѣ, которая въ нашемъ городѣ сопровождается тѣми же увеселеніями и обычаями, какія извѣстны повсюду. Умолчимъ также и о пасхальномъ препровожденіи времени, такъ какъ и оно здѣсь не отличается никакими особенностями противъ другихъ мѣстностей Россіи—ни въ увеселеніяхъ, ни въ обычаяхъ.

У нашихъ мѣщанъ есть обыкновеніе заводить „супрядки". Супрядки эти заводятся обыкновенно по осенямъ. Хозяйка извѣстнаго дома приглашаетъ къ себѣ на супрядку дѣвицъ изъ многихъ домовъ. Дѣвушки собираются въ назначенный день какъ можно ранѣе и при томъ каждая съ своей прялкой (прясницей). Хозяйка предлагаетъ имъ волокно или пачеси, смотря по тому, какая ей нужна пряжа. Работа весело продолжается цѣлый день до тѣхъ поръ, пока сама хозяйка не обойдетъ всѣхъ своихъ добрыхъ гостеекъ и не поблагодаритъ лично каждую изъ нихъ. По окончаніи трудовъ составляются между дѣвицами разныя игры и пляски, за которыми слѣдуетъ приличное угощеніе. У иныхъ супрядки дѣлаются такъ: за нѣсколько времени до супрядки раздаютъ волокно и пачеси по домамъ. Въ назначенный день женщины и дѣвицы уже съ готовою пряжею собираются къ хозяйкѣ, на которую работали, только за тѣмъ, чтобы попраздновать и попѣть пѣсни.

([49]) Припѣвъ этотъ списанъ со словъ самихъ „коледовщиковъ", какъ называютъ ихъ здѣсь.

Пословицы.

Изъ пословицъ и поговорокъ чаще другихъ можно слышать между жителями нашего города, слѣдующія:

Прежде нужно въ дѣлѣ знаться, да потомъ за дѣло браться.

Обручи подъ лавку, а доски въ печь, то не будетъ и ведрô течь.

Напьется, такъ съ королемъ дерется, а проспится, такъ и свиньи боится.

Отъ мѣста, такъ въ три дня невѣста, а не отъ мѣста, такъ и въ годъ не невѣста.

Завелъ бы корольки, да ноги коротки.

Сколько пива и вина, столько пѣсенъ и веселья.

Дѣло дѣломъ, пиво пивомъ, а судъ по формѣ.

И хорошо поживаетъ, да окна выбиваетъ.

Курица не пой пѣтухомъ, а баба не спорь съ мужикомъ.

Мужикъ не ворона, у него есть и оборона.

И дикарь не галка, у него есть и палка.

Скрипка да гудокъ раззорили весь домокъ.

На худой землѣ не выростетъ пшеница.

Домокъ не коза, за нимъ нужны и глаза.

Саша да Пахомъ, да третій Агафонъ.

Пословица бываетъ не ради Петровича.

Въ гости зовутъ мужиковъ безъ бабъ, а бабъ безъ работъ.

Дружбу-то дружитъ, да за ноги имаетъ.

Не за то звѣря бьютъ, что дюжъ, а за то что онъ людямъ чуждъ.

Загадки.

Станетъ, — выше коня, а ляжетъ — ниже воробья. . . . . Дуга.

Сорока въ кустъ, а Алексѣй за хвостъ . Сковорода и сковородникъ.

Шуба нова, да на подолѣ дыра. . . .	Прорубь.
Полонъ сусѣчекъ красныхъ яичекъ . .	Уголья въ печи.
Безъ рукъ, безъ ногъ, на липу лезетъ.	Въ квашнѣ тѣсто.
Въ избѣ комоло, на улицѣ рогато. . .	Уголъ дома.
Самъ не великъ зашелъ въ городокъ, всѣхъ людей прибилъ и самъ въ уголокъ.	Вѣникъ.
Стоитъ волчекъ, вырытый бочекъ. . .	Въ избѣ залавокъ.
Въ лѣсу, лѣсу жеребенки ревутъ и домой нейдутъ.	Зайцы.
Щука въ морѣ, концы на берегахъ. .	Матица въ избѣ.
Пять овечекъ сѣно теребятъ, да пять овечекъ труху подбираютъ.	Баба прядетъ куделю.
Вверхъ бурды, внизъ бурды, тѣ же бурды о середь избы	Мотовило.
Два веприка дерутся, возлѣ нихъ пѣнка бѣжитъ	Жернова на мельницѣ.
Подъ дубкомъ, дубкомъ, свилася клубкомъ, и съ хвостикомъ	Рѣпа.
Лошадь желѣзная, хвостъ портяной . .	Иголка съ ниткой.
Однолѣтняя трава съ лѣсомъ равна . .	Хмѣль.
Сорочка въ осочкѣ посвистываетъ. . .	Коса.
Сидитъ кикимора на болотѣ, не жнетъ, не молотитъ, денежки колотитъ. . .	Водяная мельница.
Лѣтомъ дѣвица, а зимою молодица. . .	Пень.
Семь листовъ бумажныхъ, да одинъ золотой	Великій постъ и Пасха.
Теренъ, какъ воронъ, рогатъ да не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ . .	Тараканъ (прусакъ).
Черенъ да не воронъ, рогатъ, да не быкъ, шесть ногъ безъ копытъ, кверху идетъ — ревомъ реветъ, книзу идетъ землю деретъ	Жукъ.
Бочка стонетъ, бояра пьютъ	Свинья и поросята.

По землѣ не хожу, и на небо не гляжу.	Рыба.
Виловато мотовило, за то по пански говорило и подъ небеса уходило . .	Летящее стадо гусей.
Слѣзу на анбарушку, обдеру телушку, кожу и мясо брошу, а сало съѣмъ.	Сокъ съ дерева.
Сталъ пень на пень, сталъ пень плакать, волосы вѣютъ, дубрава шумитъ . .	Сѣнокосъ.
Попикъ не высокъ, не низокъ, а на немъ сорокъ ризокъ.	Капуста.
Въ землю блошкой, а изъ земли коровашкомъ	Рѣпа.
На столъ не носятъ, ножемъ не рѣжутъ, весь міръ кушаетъ	Грудное молоко.
Два кума-Абакума, двѣ сестры Авдотьи, пять Патракеевъ, двѣнадцать лакеевъ.	Сани.
Лежитъ доска на болотѣ, не гніетъ и не сохнетъ	Языкъ во рту.
Молодъ былъ 100 головъ кормилъ, старъ сталъ, пеленаться началъ	Горшокъ, когда его разобьютъ, то обвиваютъ берестой.
Баба яга распорота нога, весь міръ кормитъ сама голодна.	Соха.
Стоятъ вилы, на вилахъ бочка, на бочкѣ ѣдало, на ѣдалѣ мигало, на мигалѣ рожь, во ржѣ свинки гуляютъ.	Человѣкъ.

Пѣсни нашихъ горожанъ, употребляемыя на вечеринкахъ, въ пляскахъ и лѣтнихъ хороводахъ, почти не имѣютъ самобытнаго мѣстнаго характера, потому что всѣ онѣ болѣе или менѣе точно изложены въ старинныхъ употребительнѣйшихъ повсемѣстно пѣсенникахъ. Изъ хороводныхъ пѣсенъ можно слышать здѣсь чаще другихъ слѣдующія:

6*

Первый-ётъ день не ѣлъ,
На сударушку глядѣлъ,
Другой-ётъ день не ѣлъ
Да на нарядъ ея глядѣлъ,
А третій-ётъ день не ѣлъ,
Взвился бы да улетѣлъ.
Взвился бы высоко
Да улетѣлъ далеко;
Увидалъ бы я сударушку
На синемъ на морѣ,
На легонькомъ караблѣ.
Добрый молодецъ похаживаетъ,
Да на карабликъ посматриваетъ,
Во звончатыя гусельчики возыгрываетъ,
Сударушкѣ въ теремочикъ
Голосочикъ подаетъ,
Что бы моя милая
Не дремала, не спала,
Дорогà гостя ждала,
Дорога гостя-гостечка,
Дружка миленькаго.

Безъ спросу мой милой
На широкій дворъ зашелъ,
Безъ докладу, моя радость,
Сѣни, двери растворилъ,
Да по горѐнки походилъ.
Еще милости прошу
На квартеру на мою,
На моей же на квартерѣ
Право нѣту не ково,
Не бывалъ право никто:
Первой ты, другой я,
Да третій вѣрная слуга.
Ужъ я вѣрную слугу
Во царевъ кабакъ пошлю,
За пивомъ, за медомъ,
Да за сладкимъ за виномъ.

Я хорошаго любила,
Много славы приняла,
Полюбить бы мнѣ такова
Шадровитаго, рябова
Васильюшку холостова.
Полно Васенька
За рѣчушку ходить,
У Катюши дочь Авдюшу
Любить такъ и любить.
У Катюши дочь Авдюша
Уродилась хороша,
Тонка и высока,
И на личикѣ бѣла,
И щечками ала:
Лице бѣлое какъ снѣгъ.
Щеки алы какъ и цвѣтъ.
Я состроила покой
На прикрасѣ на такой:
На зеленомъ на лугу
Стоятъ дѣвки на лугу.

Сяду я на добра коня поѣду
Во Китай городъ гуляти;
Я куплю же своей женѣ подарочекъ
Самое преотличное платьицо:
Принимай-ко, жена, да не гордися,
Душа-сердце мое, да не спѣсився;
Посмотри-те же, добрые люди,
Что жена то меня молодца не любитъ
Душа-сердце мое да ненавидитъ,
Я еще свою жену поправлю
Сяду, сяду на добра коня поѣду
Во Китай городъ гулять
Куплю же я своей женѣ
Самую прежестокую плетку:
Ты примайко-ко, жена, да не гордися,
Душа сердце мое, да не спѣсивься.
Посмотрите же, добрые люди,
Что жена-то меня-молодца любитъ,
Душа сердце мое да поцѣлуетъ,

Изъ свадебныхъ пѣсенъ замѣчательны болѣе тѣ, которыя поются на дѣвишникѣ, какъ на послѣднемъ прощальномъ вечерѣ подругъ дѣвицъ съ невѣстою:

При послѣднемъ было вечерѣ,
При Лизиномъ дѣвишничкѣ,
Прилеталъ же ясной соколъ къ ней,
Садился на окошечко,
На окошечко косящетое,
На стеколышко нѣмецкаго стекла.
Говорилъ же ей тятинька,
Говорила же ей маменька:
Ужъ ты, дитятко родимое мое,
Приголубь-ко ясна сокола къ себѣ.
Ахъ ты, мамонька родимая моя!
Мое сердце не воротится,
Сердце кровью обливается,
Лиза слезьми умывается.

Кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Кабы на меня не кручина
Не объ чемъ бы я не тужила,—
Не сидѣла бы я у окошечка,
Не глядѣла бы во чистое поле.
Ужъ я батюшкѣ говорила,
Свѣту своему доносила:
Не отдавай меня, батюшка, замужъ,
Въ ту сторону, куда я не хочу,
Та сторона съ измаленька не мила.
Тамъ горы-то крутыя, рѣки глубокія,
Тамъ люди-то живутъ лихорадливые,
Изъ ума выводятъ, къ побоямъ ведутъ.
У меня, младешеньки, умъ молодой
Разумъ худой.
Выду-ль я на путь: горючи слезы текутъ,
Помяну своихъ, мнѣ-ка тошно о нихъ;
Нѣтъ ли де здѣсь таковыхъ-то людей,
Кто бы распоролъ мою бѣлую грудь,
И кто бы посмотрѣлъ ретивое сердце.

Выискался есть такой человѣкъ:
На што пороть твою бѣлую грудь,
На што смотрѣть ретивое сердце,
Видно печаль и по яснымъ очамъ,
Видно кручинушку и по бѣлому лицу.

Ранымъ рано на зарѣ.
Стояли кони на дворѣ;
Никто за ними не ходилъ,
Никто ихъ не любилъ.
Выходила Лизавета на крыльцо,
Говорила таку рѣчь:
Пейте вы, кони, кушайте,
Слуги вѣрные слушайте,
Будьте готовы завтра мнѣ
Къ заутринѣ ѣхати.
Далѣ по далѣ отъ батюшка,
Далѣ по далѣ отъ родимова;
Ближе по ближе къ свекру въ домъ,
Ближе по ближе къ ласковому.
Пейте вы, кони, кушайте
Слуги вѣрные слушайте,
Будьте готовы завтра
Къ вечерни мнѣ ѣхати
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ
Съ Петромъ Михайловичемъ
Подъ златомъ вѣнцомъ стояти.

На горѣ-то стоитъ ёлочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка
Во свѣтелочкѣ дѣвушка,
Она бѣлится румянится,
Въ цвѣтно платье наряжается
Подъ златой вѣнецъ собирается,
Посылаетъ ея мамонька:
Ты поди мое дитятко, да ты поди родное!
Я нейду, нейду, да и не думаю,
Скажу: ночь темна, не мѣсячна,
Карауловъ нѣтъ, рѣки быстрые
Да на нихъ и перевозовъ нѣтъ.

Языкъ, которымъ говорятъ въ городѣ и его уѣздѣ, есть чисто русскій. Произношеніе словъ вообще просто и твердо: почти каждая буква въ словѣ выговаривается съ такимъ звукомъ, какой ей присвоенъ. Напр. слово хорошо, такъ и произносится хорошо, а не харашо. Вообще въ выговорѣ Котельничанъ не замѣчается особой мягкости. Рѣчь простолюдина, здѣсь, какъ вездѣ, довольно груба. Во многихъ словахъ онъ однѣ буквы замѣняетъ другими. Такъ въ глаголахъ изъявительнаго наклоненія букву *с* часто замѣняютъ буквой *ш*, напр. что ты ругаешша, бранишша, вмѣсто бранишься, ругаешься? Также въ глаголахъ неопредѣленнаго наклоненія въ окончаніи употребляютъ *ти* вмѣсто *ть*, напр. мѣняти, велѣти, говорити, вмѣсто мѣнять, велѣть, говорить; въ началѣ глаголовъ, начинающихся съ гласной буквы *ѣ*, употребляютъ *и*, ѣсть — говорятъ исти, *ч* вмѣсто *ц*, напр. черква, чѣпь, птича, вмѣсто церковь, цѣпь, птица; также букву *л* вмѣсто *г*, колда, толды, да инолды — когда, тогда да иногда, букву *ь* совсѣмъ выпускаютъ, напр. большо̀й, меньшо̀й — говорятъ болшой, меншой; *в* вмѣсто *г*, господь — говорятъ восподь; *м* вмѣсто *н* и наоборотъ, напр. Миколай, Микита, Нихаилъ, вмѣсто Николай, Никита, Михаилъ. Приведемъ нѣсколько словъ и выраженій, употребляемыхъ только въ простонародьѣ. Напр. вмѣсто умереть говорятъ помшиться; манако̀сить — что либо разумѣть; шехо̀рдиться — гордиться; огоивать — очищать или вообще приводить въ порядокъ; стюва́ть, счува̀ть — запрещать; едренѣть — толстѣть; едреный — крѣпкій, толстый; хирза́ть — болѣть; напр. онъ бажоной захирзалъ что то больно, — вмѣсто сильно заболѣлъ; бажѣть — желать; бажоный — желанный, дорогой; зоба́ть — брать въ ротъ прямо губами, въ особенности это слово относится къ крупѣ, толокну, напр. возьми позобли заспы-то, т. е. возьми и попробуй или поѣшь крупы; язаться, сулиться — обѣщаться; треснуть, мякнуть, бузгнуть, лопнуть, брызнуть — вмѣсто кого либо ударить; шильничать — хитрить; шепериться — занимать много мѣста, или въ смыслѣ деликатиться; мамо̀нъ — животъ: лико (гляди-ко)

какъ онъ мамо́нъ-то натолкалъ, вмѣсто какъ онъ наѣлся; брылы — губы; лихо — тошно; зенки, шары, толы — глаза; напр. экъ онъ зенки-то какъ налилъ—вмѣсто какъ напился; инды, инда — иногда, а то опять; лючки—хорошо, какъ слѣдуетъ, благополучно: дѣлай, говори лючки, дай Богъ вамъ лючки доѣхать. Лючки — это, должно быть искаженное слово людски, по человѣчески; енко—удобно, ловко; мелюзга́—какія нибудь малыя вещи; мелочь, говорятъ напр. о мелкой рыбѣ—мелюзга; вѣстимо— извѣстно; сиволапый—слово, употребляемое въ ругательствѣ; молъ—частица, часто употребляемая въ разговорахъ; бо́льно-сильно — очень; баскій—вмѣсто очень хорошій, красивый; коли—если, развѣ; въ сутычь—чуть достанетъ, силенько́мъ—вмѣсто ѣхать малою рысью; чуять—слышать; зыча̀ть — громко кричать; толкунцы — комары, мошкара; сулея, сулейка — бутылка, маленькая стклянка; грудка—творогъ изъ свернувшагося молока; лопоть, лопотина—одежда, платье; шелыга̀ло, шелыга, понугало—арапникъ, бичь; махалко—длинный бичь, употребляемый во время ѣзды гусемъ; вещь, сподоба, снадобье—лекарство; таратайка—маленькая двухколесная тѣлежка; ерандакъ—тѣлега на дрогахъ, но безъ кибитки; склоты—хлопоты; напр. онъ баженой какъ много надѣлалъ склоты-то, вмѣсто надѣлалъ хлопотъ; баять, бачить, щелычыть, тренькать, бахорить, балясить, баленьтресить, вмѣсто говорить, разговаривать, напр. хо́ди кума щелычить—то; доспѣть — что нибудь сдѣлать, напр. экъ онъ какую штуку-то доспѣлъ, вмѣсто сдѣлалъ какой нибудь предметъ. Вотъ еще нѣсколько выраженій, въ которыхъ простолюдинъ любитъ выражать свою досаду и гнѣвъ: некошной тебя побери; лѣшакъ тебя унеси; провались ты, окаянный, сквозь землю; сквозземельникъ ты эдакой; чтобы-те провалиться сквозь землю и ни дна не покрышки не хватить; ёлдыга; штё бы те околѣть; саванъ вѣшный, гробъ вѣшный; калига и проч.

Наружность здѣшнихъ жителей не отличается ничѣмъ особеннымъ. Росту они большею частію средняго, тѣлосложенія и мужчины и женщины крѣпкаго; волосы, какъ у мужчинъ, такъ и

у женщинъ, по большей части темнорусые. Черты лица у тѣхъ и у другихъ довольно правильныя и при всемъ томъ рѣдко можно встрѣтить въ нашемъ городѣ женщину, которая бы отличалась особенною привлекательностію.

Въ одеждѣ замѣтна нѣкоторая чистота и щеголеватость. Пожилые люди, по старому обычаю, носятъ еще длинные суконные сюртуки и чепаны; жилеты глухіе съ прямымъ воротникомъ и брюки, опущенные въ голенища сапоговъ, почему голенища дѣлаются высокія и при томъ съ лоскомъ, какъ старые батфорты. Но нынѣшнее молодое поколѣніе одѣвается далеко не такъ, особенно это можно отнести къ классу болѣе или менѣе богатому—къ купцамъ, какъ людямъ, бывающимъ въ другихъ лучшихъ городахъ, гдѣ они могутъ видѣть и перенимать все лучшее, принятое между высшимъ сословіемъ тѣхъ городовъ. Теперь богатые купцы для себя и своихъ женъ стали выписывать изъ столицъ различные дорогіе предметы роскоши, о которыхъ лѣтъ 10 тому назадъ старики, конечно, не могли и подумать иначе, какъ о вещахъ раззорительныхъ и ненужныхъ. Молодыя купчихи одѣваются въ самые модные костюмы, необходимою принадлежностью ихъ туалета считаются уже бриліантовыя кольца, брошки, серьги и фермуары; въ зимнее время нерѣдко можно видѣть на нихъ бархатныя платья, и бархатные салопы на лучшихъ лисьихъ мѣхахъ. Древняго наряда въ настоящее время вы не замѣтите здѣсь почти ни на комъ, исключая развѣ еще старушекъ, да и на нихъ видны уже не кокошники и ширинки, а простыя повязки — шелковыя косынки. Дѣвицы мѣщанскія въ лѣтнее время ходятъ просто въ волосахъ или же надѣваютъ чепчики, простенькіе уборы, сдѣланные изъ лентъ или бархатокъ; платья же носятъ обыкновенно ситцевыя, шерстяныя или кисейныя. Зимою мѣщанки одѣваются въ шубы на бараньемъ или мерлушчатомъ мѣху съ большимъ воротникомъ, носятъ также и мантильи на бѣличьемъ или лисьемъ мѣху. Нѣкоторыя изъ мѣщанокъ носятъ еще коротенькія парчевыя шубки, опушенныя

куньимъ, либо лисьимъ мѣхомъ. На головахъ, многія изъ пожилыхъ мѣщанокъ носятъ подчепешники и чехлики.

Браки въ нашемъ городѣ совершаются въ ранній возрастъ жениха и невѣсты, потому что родители опасаются, чтобы ихъ дѣти не могли безъ женатой жизни нравственно испортиться. По этому у насъ рѣдко можно встрѣтить неженатаго мужчину лѣтъ въ 30; на такого мужчину неблагосклонно смотрятъ всѣ, даже и тѣ семейства, въ которыхъ вовсе нѣтъ дочерей. Слѣдуя такому настроенію общества, родители-старики, какъ скоро сынъ ихъ достигъ совершеннолѣтія, начинаютъ хлопотать объ отысканіи ему невѣсты. Выборъ падаетъ болѣе на ту изъ дѣвицъ, которая можетъ быть не только доброю женою для своего мужа, но и женщиною, какъ говорится, работницею, потому что не только въ мѣщанскомъ быту, но даже и въ купеческомъ средней руки, зачастую не держатъ прислуги. Заботясь же о такомъ раннемъ пристройствѣ своихъ дочерей, родители заблаговременно также приготовляютъ для нихъ приданое, которое ко времени совершеннолѣтія дочери бываетъ почти все готово, исключая развѣ свадебныхъ нарядовъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ во время самой свадьбы.

Сватовство въ нашемъ городѣ, какъ и вездѣ въ нашемъ отечествѣ, непремѣнно производится чрезъ свахъ, какъ посредствующихъ съ той и другой стороны лицъ, но въ сущности хлопочущихъ единственно объ интересахъ своихъ, а не жениха и невѣсты. Задумавъ женить своего сына, родители, посовѣтовавшись въ своемъ домашнемъ кругу, съ благословенія Божія посылаютъ, уже выбранную заранѣе, бойкую сватунью въ тотъ домъ, гдѣ сыну ихъ болѣе нравится невѣста. Свахѣ поручаютъ узнать отъ родителей невѣсты, намѣрены ли они выдать свою дочь за ихъ сына, и если намѣрены, то что дается за ихъ дочерью въ приданое, какъ изъ денегъ, такъ и изъ платья. Если родители по чему либо не соглашаются выдать свою дочь за жениха, отъ котораго получили предложеніе, то сваха считаетъ своею обязанностію выхвалять достоинства же-

ниха, положеніе и характеръ семейства, къ которому онъ принадлежитъ и проч. Надобно замѣтить, что сватовство ведется сперва секретно, изъ опасенія, чтобы кто нибудь разными слухами и сплетнями не разстроилъ предположеннаго брака.

Родители невѣсты, узнавши отъ свахи о цѣли ея прихода, если согласны имѣть дѣло съ людьми, пославшими ее къ нимъ, то ласково и убѣдительно просятъ дорогую гостью остаться у нихъ и побесѣдовать съ ними о дѣлѣ. Переговоривъ съ нею о чемъ должно и угостивъ ее на порядкахъ, при разставаніи съ нею, родители невѣсты просятъ ее пожаловать въ извѣстный день вмѣстѣ съ женихомъ и его родными, при чемъ заказываютъ послѣднимъ: „чтобы будущіе сваты не безпокоились очень о приданомъ; на счетъ приданаго какъ нибудь сойдемся; если мы немного поприбавимъ, да они поубавятъ, вотъ у насъ и дѣло сойдется“. Если же за жениха, отъ котораго пришла сваха, родители невѣсты, по какимъ либо причинамъ, не намѣрены выдать свою дочь, то отказываютъ тѣмъ, что въ нынѣшній мясоѣдъ они не приготовились отдавать ее, или о выдачѣ ея немного подумаютъ, или же другимъ какимъ нибудь болѣе или менѣе ласковымъ словомъ.

Если посольство свахи увѣнчалось успѣхомъ, то родители жениха, женихъ и сваха отправляются въ назначенный день къ невѣстѣ. Невѣста, вмѣстѣ съ своими родными, встрѣчаетъ пришедшихъ гостей и садится гдѣ нибудь въ той же комнатѣ, въ которую приняты гости, но вскорѣ удаляется. Въ другой разъ невѣста выходитъ съ чаемъ, которымъ обноситъ всѣхъ пришедшихъ гостей, въ томъ числѣ и своего жениха. Въ третій разъ выходитъ угощать десертомъ, послѣ чего уходитъ въ свои домашнія комнаты и уже болѣе не показывается. Этимъ вечеръ, однако, не оканчивается. Вслѣдъ за невѣстой удаляются и ея родители, чтобы узнать отъ нея, нравится ли ей женихъ, и рѣшить между собою окончательно, что за нея дать въ приданое. Между тѣмъ и родители жениха спрашиваютъ его, согласенъ ли онъ взять за себя видѣнную невѣсту, совѣтуются

также съ нимъ и между собою относительно того, на чемъ имъ остановиться въ условіяхъ о приданомъ. Посовѣтовавшись такимъ образомъ и не находя препятствій къ соглашенію, родители жениха и невѣсты сходятся вмѣстѣ, сговариваются между собою, въ знакъ согласія ударяютъ по рукамъ и молятся Богу. Этотъ вечеръ обыкновенно называется „смотрами“ или „казаніемъ невѣсты“. Если въ этотъ вечеръ послѣдовало рукобитье, то оно празднуется особо въ другой вечеръ, который такъ и называется „рукобитье, сговоръ“. Чтобы просватать дочь, говорятъ здѣсь, для этого нужно сдѣлать форменный праздникъ, по которому бы всѣ знали въ городѣ, что такая-то невѣста дѣйствительно просватана за такого-то жениха. На этотъ форменный праздникъ, называемый сговоромъ, приглашаются родные и даже знакомые, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты и, кромѣ того, священникъ. По приходѣ священника—мать выводитъ изъ домашнихъ комнатъ невѣсту, которая рядомъ съ женихомъ становится передъ иконами. Священникъ впереди жениха и невѣсты, обращенный также къ иконамъ, съ животворящимъ крестомъ въ рукахъ, читаетъ извѣстную молитву. По прочтеніи молитвы, женихъ и невѣста прикладываются ко кресту, потомъ здороваются (цѣлуются) между собою, съ родителями и со всѣми присутствующими. Послѣ этого обряда женихъ и невѣста уже имѣютъ право сидѣть и ходить вмѣстѣ. Въ сговоръ невѣста даритъ чѣмъ нибудь своего жениха, его отца и мать, а также и священника; женихъ въ свое время непремѣнно отдариваетъ невѣсту, а также отца и мать невѣсты. Надо замѣтить, что смотры и сговоръ бываютъ нерѣдко и за одинъ разъ.

На другой день послѣ сговора женихъ приходитъ къ невѣстѣ съ гостинцами. Гостинцы онъ приноситъ невѣстѣ раза три и болѣе. Всякій разъ, когда онъ бываетъ у невѣсты съ гостинцами, собираются къ ней дѣвицы—ея родственницы или знакомыя. Онѣ пьютъ что нибудь на невѣсту и поютъ пѣсни, чтобы развлечь ее отъ грусти, которая овладѣваетъ ею въ

это время. Дня за два или за три до свадьбы бываетъ дѣвишникъ, на который собираются почти однѣ дѣвицы. Въ вечеръ дѣвишника дѣвицы поютъ пѣсни, грустное содержаніе которыхъ отвѣчаетъ настоящему событію и возбуждаетъ въ невѣстѣ иногда слезы. Впрочемъ, дѣвишникъ празднуется болѣе открыто, когда не празднуютъ сговора..

Наканунѣ свадьбы съ иконою отправляютъ въ домъ жениха и все имѣніе, идущее въ приданое его невѣсты, отправляютъ въ сопровожденіи постельницы, женщины опытной, которая передаетъ приданое жениху на руки и приготовляетъ спальную („подклѣтъ") комнату для будущихъ молодыхъ. Въ день брака, не задолго передъ тѣмъ временемъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, поѣзжане со стороны жениха собираются къ нему въ домъ. Тогда женихъ, а передъ нимъ отецъ и мать его кладутъ предъ иконами нѣсколько земныхъ поклоновъ. Потомъ отецъ и мать обращаются къ сыну, вмѣстѣ держа благословенную икону; сынъ предъ этою иконою кладетъ три земныхъ поклона и приклоняетъ голову; родители трижды крестообразно осѣняютъ иконою приклоненную голову сына и черезъ голову его передаютъ икону шаферу, иначе дружкѣ. Непосредственно за этимъ точно также благословляютъ его нарочно приготовленнымъ для этого случая хлѣбомъ, и также черезъ голову передаютъ этотъ хлѣбъ дружкѣ. Принявши такимъ образомъ благословеніе отъ родителей, женихъ падаетъ имъ въ ноги, цѣлуетъ ихъ руки и въ уста; за тѣмъ цѣлуетъ въ уста другихъ своихъ родственниковъ, и всѣхъ находящихся въ комнатѣ (50). Между тѣмъ въ домѣ невѣсты совершается точно такой же обрядъ благословенія, по окончаніи котораго шаферъ со стороны невѣсты извѣщаетъ жениха, что невѣста готова къ вѣнцу. Тогда жениховъ поѣздъ, въ которомъ участвуетъ и священникъ, отправляется

(50) При этомъ прощаніи жениха съ родными водится здѣсь обычай давать ему на дорогу денегъ, сколько кто можетъ дать, а особенно даются тутъ старинныя деньги—рубли и полтинники.

въ церковь, гдѣ дожидается прибытія невѣсты. По прибытіи невѣстина поѣзда, женихъ выходитъ изъ церкви на паперть, гдѣ встрѣчаетъ невѣсту и потомъ оба они входятъ въ церковь. Но чаще бываетъ такъ, что жениховъ поѣздъ, въ которомъ непремѣнно находится священникъ, отправляется не въ церковь, а въ домъ невѣсты. Здѣсь въ такомъ случаѣ посреди комнаты бываетъ накрытый и уставленный приборами столъ, на которомъ находится хлѣбъ съ солью или какое нибудь пирожное. Женихъ съ невѣстой, священникъ и поѣзжане обѣихъ сторонъ садятся за столъ, гдѣ, за исключеніемъ жениха и невѣсты, которые, по обыкновенію, въ день брака постятся, всѣхъ обносятъ рюмкою вина. Послѣ чего всѣ встаютъ изъ за стола, священникъ съ крестомъ въ рукахъ читаетъ молитву, прикладываетъ жениха и невѣсту ко кресту и потомъ всѣ, за исключеніемъ родителей невѣсты, отправляются въ церковь. Изъ церкви возвращаются непремѣнно другою дорогою, а не тою, какою ѣхали въ церковь. Въ домѣ жениха отецъ и мать его съ хлѣбомъ и стаканомъ меду на подносѣ встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ. Здѣсь молодые пьютъ медъ да здороваются съ родителями и сопровождаемые всѣми поѣзжанами и шаферами съ благословенными иконами входятъ въ комнаты. По пріѣздѣ въ домъ молодыхъ, тотчасъ же у нихъ бываетъ „подавай“ или бросаніе на драку ребятишкамъ и вообще всѣмъ тѣмъ любителямъ, которые имѣютъ сильное желаніе погулять и полакомиться на счетъ и на здоровье новобрачныхъ князя и княгини. Въ это время калачи, булки, пиво и вино расходятся для такихъ нецеремонныхъ посѣтителей въ большомъ количествѣ.

На другой день свадьбы молодые отправляются дѣлать визиты ко всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ привозятъ въ подарокъ конфекты, пряники (гостинцы). Тѣхъ, которымъ дѣлаютъ визиты, молодые просятъ въ тотъ же день пожаловать къ нимъ на вечеръ. А къ тѣмъ, у которыхъ не успѣютъ быть съ визитомъ, посылаютъ

приглашеніе. Этотъ вечеръ называется „веселымъ пиромъ“, которымъ и оканчивается свадебное торжество.

На третій день свадьбы здѣсь въ мѣщанствѣ непремѣнно топятъ баню для молодыхъ. Это дѣло исправляютъ услужливые шафера или дружки. Пока дружки исполняютъ возложенное на нихъ дѣло, въ домѣ молодыхъ между тѣмъ своимъ чередомъ идетъ сильное веселіе и пляска. Въ этомъ веселомъ состояніи гости провожаютъ своихъ молодыхъ въ истопленную баню. Изступленные крики, игра на скрипкахъ, бой въ сковороды и заслоны знаменуютъ это шествіе. А нѣкоторыя изъ пьяныхъ женщинъ даже взлѣзаютъ на крышу бани, въ которой находятся молодые, и хлещутъ изъ всей силы себя вѣникомъ съ разными притомъ приговорами и причудами. По выходѣ молодыхъ изъ бани дурачества гостей продолжаются пуще прежняго. Теперь многіе изъ гостей дѣлаются какъ будто чисто сумасшедшими, ибо, не ограничиваясь своимъ шумомъ, пляской и музыкой, они бросаютъ на полъ все, что ни попадетъ имъ подъ руку, какъ напр. горшки, корчаги, ведра и т. п. и все это разбиваютъ и разрушаютъ какъ бы въ честь молодымъ. Изъ этого можно до извѣстной степени судить и о нравственности здѣшняго простолюдина, впрочемъ, такое дикое веселіе бываетъ нынѣ только въ болѣе или менѣе грубомъ мѣщанствѣ.

Учит. Котельническаго уѣзд. училища *Илья Глушковъ*.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Грамота патріарха Филарета на построеніе новаго собора въ г. Котельничѣ ([1]).

Божіею милостію се азъ смиренный великій господинъ и государь святѣйшій Филаретъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи. Били намъ челомъ съ Вятки Котелнича города церковной староста Павликъ Рябовъ и во всѣхъ прихожанъ мѣсто, а сказали: храмъ де у нихъ въ кремлѣ городѣ ветхъ и служить въ немъ не мочно, и они де обѣщались воздвигнуть новой храмъ во имя Святые Живоначалные Троицы, да въ предѣлѣ святые великомученицы Парасковгеи, нареченные Пятницы, за городомъ въ острогѣ на новомъ мѣстѣ на площади у креста, и намъ бы ихъ благословити, велѣти бъ имъ на тотъ храмъ и на предѣлъ лѣсъ ронити и дати антимисы: и азъ смиренный великій господинъ и государь святѣйшій Филаретъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи, Котелнича города церковного старосту Павлика Рябова и всѣхъ прихожанъ благословилъ, велѣлъ имъ лѣсъ ронити и въ томъ лѣсу на Вяткѣ Котелнича города въ острогѣ на площади у креста воздвигнуть новой храмъ во имя Живоначалные Троицы, да въ предѣлѣ святые великомученицы Парасковгѣи, нареченные Пятницы, на новомъ мѣстѣ, а старой храмъ, которой нынѣ тутъ есть, велѣть розобрать, да что изъ того старого храма къ новому храму лѣсу на подѣлку пригодится, и тотъ лѣсъ къ новому храму на подѣлку имати, а что того лѣсу у нового храму за подѣлкою останется, и тотъ досталной лѣсъ вывезть на

([1]) Всѣ эти грамоты хранятся въ архивѣ здѣшняго Троицкаго Собора.

поле и скласть въ чистѣ мѣстѣ, или его складчи въ одно мѣсто, огнемъ спалить; а предѣлъ прирубить съ стороны, чтобъ двои царскіе двери на одномъ брусу не были, а былъ бы предѣлъ, церковь и олтари особно; а гдѣ былъ старой престолъ, и то мѣсто велѣть огородить и обрубить и землею насыпавъ покрыть и крестъ поставить, чтобъ тутъ никто не ходилъ и нечистоты бъ никакіе не прикасало; а онтимисъ старого престола въ новомъ престолѣ подъ доскою задѣлать въ десной столбецъ отъ восточные стороны, вытесавъ ящикомъ и задѣлавъ велѣть доскою накрыть по прежнему; а какъ тотъ новой храмъ и придѣлъ совершатся, и на тотъ храмъ и на предѣлъ велѣлъ имъ дать антимисы и освятити тотъ новой храмъ и предѣлъ попу со дьякономъ по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7132, іуля въ 6 день.

Подлинная грамота за печатью патріарха Филарета. На оборотѣ скрѣпа: діакъ Микифоръ Шипулинъ.

1624-го года іюля 6 дня
По описи № 1.

Грамота Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, на построеніе новой соборной церкви на томъ же мѣстѣ, вмѣсто сгорѣвшей Троицкой церкви.

Божіею милостію се азъ смиренный преосвященный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермьскій, по благодати Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, даннѣй намъ отъ пресвятаго и животворящаго Духа. Били челомъ намъ преосвященному архіепископу Котелнича города соборной Троицкой церкви протопопъ Іоаннъ съ братіею да староста церковной Якушко

Корякинъ съ приходскими люди, а въ челобитной ихъ написано: въ нынѣшнемъ де во 195 году октября противъ 2-го числа ночною порою въ пожарное время сгорѣла у нихъ соборная Троицкая церковь, и чтобъ намъ преосвященному архіепископу пожаловать ихъ, благословить имъ лѣсъ ронить, и въ томъ лѣсу воздвигнути вмѣсто погорѣлой церкви новую церковь во имя живоначалной Троицы теплую на прежнемъ церковномъ мѣстѣ, и о томъ дать нашу благословенную грамоту. И азъ смиренный преосвященный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермьскій, слушавъ ихъ протопопа Іоанна съ братіею и старосты церковного съ приходскими люди челобитья, пожаловалъ ихъ, благословилъ имъ на тою церковь лѣсъ готовить и въ томъ лѣсу воздвигнути вмѣсто сгорѣлой церкви новую теплую церковь во имя живоначалной Троицы на прежнемъ церковномъ мѣстѣ, и о томъ велѣлъ имъ дать сію нашу благословенную грамоту; а верхъ бы на той церкви былъ не шатровой и олтарь круглой, и изъ церкви во олтарь построить трои двери: царскіе, сѣверные, южные; а святыя иконы поставить по чину; а какъ та построится и ко освященію изготовится церковь, и тогда намъ возвѣстить, и мы укажемъ на освященіе дать отъ соборныя церкви святый антиминсъ и тое церковь по правиломъ святымъ освятить. Писанъ на Вяткѣ во градѣ Хлыновѣ, лѣта 7195-го октября въ 9 день. Къ сей благословеной грамотѣ преосвященного Іоны, архіепископа Вятского и Великопермьского, печать приложена.

Подлинную подписалъ Дьякъ Федоръ Пачезерецъ.

1686 года октября 9 дня.
По описи № 4.

Грамота тогожъ архіепископа на перенесеніе Алексѣевской холодной церкви на то мѣсто, гдѣ была церковь Архангельская Николаевскаго приходу.

Божіею милостію смиренный преосвященный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермьскій, по благодати Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, даннѣй намъ отъ пресвятаго и животворящаго Духа. Въ нынѣшнемъ во 195 году іюля въ 21 день били челомъ намъ преосвященному архіепископу нашея епархіи Котелнича города соборной Троицкой церкви протопопъ Іоаннъ съ братіею да тоежъ церкви староста церковной Якушко Корякинъ съ приходскими людми, а въ челобитной ихъ написано, чтобъ намъ преосвященному архіепископу пожаловать ихъ протопопа съ братіею и старосту съ приходскими людми, благословить, велѣть имъ церковь холодную Алексѣя Человѣка Божія перенесть на мѣсто, гдѣ была церковь Архангелская Николаевского приходу, что сгорѣла, и къ той церквѣ трапеза прирубить и совщить, потому что та ихъ церковь на Вятку пошатилась и служить опасно, а на томъ церковномъ мѣстѣ построити бъ имъ часовну. И мы преосвященный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермьскій, слушавъ ихъ протопопова Іоаннова съ братіею и старосты церковного съ приходскими людми челобитья, пожаловалъ, благословилъ имъ тое церковь Алексѣя Человѣка Божія съ того мѣста перенести, а на томъ церковномъ мѣстѣ построить часовню и о томъ (велѣлъ) дать имъ нашу благословенную грамоту противъ ихъ челобитья, а какъ та церковь построится и ко освященію изготовится, и тогда намъ возвѣстить, и мы тое церковь укажемъ по правиломъ святымъ освятить. Писана въ богоспасаемомъ градѣ Хлыновѣ, лѣта 7195 іюля въ 22 день. Къ сей благословепой грамотѣ преосвящен-

ный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермскій, велѣлъ печать свою приложить.

Подлинную подписалъ Дьякъ Федоръ Пачезерецъ.

1687 года іюля 22.
По описи № 2-й.

Сказка протопопа Іоанна съ священниками и приходскими людьми о пожарѣ, бывшемъ въ г. Котельничѣ на 2-е октября 1686 года.

Лѣта 7195-го ноября въ 7 день въ Котелничѣ въ Предотечевскомъ монастырѣ предъ казначеемъ старцомъ Нафонаиломъ да предъ сыномъ боярскимъ Петромъ Ложеницынымъ города Котелнича соборной Троицкой протопопъ Іоаннъ, да попъ Петръ, да попъ Ѳаддей, староста Іяковъ Корякинъ соборного Троицкого приходу съ мірскими людьми сказали: въ нынѣшнемъ во 195 году октября противъ второго числа волею Божіею погорѣлъ градъ Котелничь и церкви Божіи и колоколницы и колокола: соборныхъ Троицкихъ было семь колоколовъ, въ болшемъ было вѣсу семдесять пудъ, другой девятнадцать пудъ, третей пятнадцать пудъ, да въ двухъ колоколахъ восмь пудъ, да въ двухъ же малыхъ колоколахъ пятнадцать пудъ напримѣръ; а во всѣхъ семи колоколахъ 117 пудъ; а въ церковной троицкой казнѣ тѣмъ колоколамъ книгъ и описи не объявилось сколко въ нихъ вѣсомъ пудовъ: то наши и рѣчи.

На оборотѣ подписи:

Протопопъ Іоаннъ руку приложилъ.
Попъ Петръ руку приложилъ.
Попъ Ѳаддей руку приложилъ.

1686 года ноября 7.
По описи № 3-й.

Грамота Іоны, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, на построеніе Николаевской церкви на Мильчаковскомъ старомъ мѣстѣ, близь ограды Дѣвичьяго Монастыря.

Бо̂жіею милостію смиренный преосвященный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермьскій. Города Котельнича Николаевской церкви священникъ Игнатій билъ челомъ намъ преосвященному архіепископу о мѣстѣ о поставленіи церкви и много о томъ розглаголованія было: овіи глаголаху въ городѣ поставить, а иніи православніи христіане что и въ посадѣ поставить; а въ тѣхъ мѣстѣхъ наша домовая купленая земля: и мы смиренніи тою своею домовою землею на сиѣнъ и поступалися сколко доведется по мѣрѣ подъ церковь и посадскихъ людей подъ дворы, которые въ пожарное время погорѣли, а имъ бы православнымъ христіанамъ поступиться пустошью, о которой отъ насъ напредъ сего писано; и у нихъ учинилось непостоянство; и когда имъ то не годно буди такъ, и мы преосвященный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермьскій, благословили Николаевскую церковь строить на посадѣ на огородцѣ на Мильчаковскомъ старомъ мѣстѣ близъ ограды дѣвича монастыря. Къ сей благословеной грамотѣ преосвященный Іона, архіепископъ Вятскій и Великопермскій, велѣлъ печать свою приложить.

По описи № 6.
Безъ году и мѣсяца.

Указъ Діонисія, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, жителямъ города Котельнича и его уѣзда, о пощеніи и принесеніи покаянія въ великій постъ.

Божіею милостію смиренный преосвященный Діонисій, архіепископъ Вятскій и Великопермскій. По благодати всесвятаго

и животворящаго Духа, данней нашему смиренію епархіи нашея всеа Вятскія и Пермскія странъ люди Божія управляти и на всякій путь правости наставляти и во еже согрѣшающихъ и кающихся пріимати по реченному словеси, якоже отъ самого Господа Бога ко святымъ Его ученикомъ и Апостоломъ провѣщая: пріимите Духа Святаго, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся, и имъ же удержите—удержатся, и о семъ вамъ освященному всему духовному чину и всему православному христіанству вѣдомость предлагаю. Въ нынѣшнее настоящее время въ лѣто 1704 году мѣсяца февруарія въ день, по заповѣдемъ Божіимъ и по преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, указали мы преосвященный архіепископъ вамъ освященному духовному чину и церковному причту и всѣмъ православнымъ христіаномъ мужеска полу и женска и съ дѣтми ихъ въ сей святый великій постъ чтобъ постились и грѣховъ своихъ покаялись и души свои святымъ покаяніемъ обновили. И какъ сей нашъ преосвященного архіепископа указъ богоспасаемаго града Котелнича духовныхъ дѣлъ закащику соборному Троицкому священнику Григорію придетъ, и тебѣ бъ сей нашъ указъ того града Котелнича градской и всѣхъ приходскихъ церквей протопопу и священникомъ и церковному причту и приходскимъ людемъ во святыхъ церквахъ велѣть вычитать почасту, а въ Котелницкой уѣздъ по всѣмъ церквамъ безобходно послать съ сего нашего указу тебѣ духовныхъ дѣлъ закащику списки за своею рукою тотчасъ, не мотчавъ, съ нарочными посылщики съ трапезники ([1]) и велѣть всѣхъ церквей священникомъ по сему нашему указу коемуждо въ своемъ приходѣ чинить по сему нашему указу неотложно; а которые люди въ сей святый великій постъ будутъ въ отъѣздѣхъ, и тѣмъ людямъ сказать, чтобы они въ нынѣшнемъ же году въ иные посты на покаяніе приходили, и которые люди на покаяніи у кого будутъ и которые, забывъ страхъ Божій и заповѣди святыхъ Апостолъ и

([1]) Трапезникъ—сторожъ при церкви.

богоносныхъ Отецъ, и сему нашему преосвященного архіепископа указу учинятся ослушны, поститися не будутъ и на покаяніе не пойдутъ, и за чѣмъ не пойдутъ, и тѣмъ людемъ имянные росписи изо всѣхъ приходовъ за священническими руками велѣть присылать въ Хлыновъ въ приказъ преосвященного архіепископа и подавать казначею іеромонаху Никонору, да приказному человѣку Максиму Сисоеву, да дьякомъ Якову Давыдову, Ивану Полеву. Къ сему указу преосвященный Діонисій, архіепископъ Вятскій и Великопермскій, указалъ печать свою приложить.

1704 марта въ 5 день подалъ преосвященного архіепископа грамоту Котельницкого уѣзда Юрьевской волости Павелъ Оленинъ.

Запись о заложеніи соборной Троицкой церкви въ г. Котельничѣ.

1703 года апрѣля въ 15 день, по благословенію преосвященнаго Діонисія, архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, и по его изустному приказу, а по челобитью Котельнича города соборнаго церковнаго протопопа Іоанна съ братіею и приходскими людьми о мѣстѣ подъ соборную Троицкую новозаводную каменную церковь на его архіерейской домовой пашенной землѣ противъ Николаевской церкви, въ полѣ мѣрою отъ часовни пятьдесятъ саженъ печатныхъ поперечника, а длинника отъ половничныхъ дворовъ... двора прямо къ рѣчкѣ Башкиревицѣ семьдесятъ три сажени, а въ тое земли мѣсто отвели посадскіе жители пустошь, съ его архіерейскою домовою пашнею смежно, длиннику сто двадцать саженъ печатныхъ, а поперечника восемьдесять пять саженъ печатныхъ; а у мѣры и на отводѣ той земли были Котельнича города Предтеченскаго монастыря строитель монахъ Антоній, протопопъ Іоаннъ съ братіею, да градскіе и уѣздные люди: городничій Дмитрій Кусковъ, посадскіе люди:

Афанасій Халтуринъ, Иванъ Шабалинъ, Өедоръ Матвѣевъ, Павелъ Новоселовъ, Тимофей Пинаевъ, Өедоръ Пиковъ, Іовъ Мильчаковъ, Василій Пинаевъ; Тяглого стана: Ермолай Шабалинъ, Семенъ Щильниковъ, Павелъ Патрушинъ; Оброчнаго стана: Антонъ Петровъ, Ульянъ Гребенинъ, Алексѣй Селезневъ, Иванъ Девятой, Иванъ Мелчаковъ, Сергѣй Пушкаревъ, Кирило Сухихъ, Павелъ Сисоевъ, Василій Шошинъ, Якимъ Новоселовъ. Вмѣсто Тимофея Пинаева, Өедора Пикова съ товарищи, опричь ученыхъ, Михайло Шильниковъ руку приложилъ.

1705 года сентября въ 15 день было основаніе соборной Троицкой и Алексѣя Человѣка Божія каменной церкви въ четвертокъ, а на то число изъ Хлынова большаго собору пріѣзжали протопопъ Павелъ Лазаревъ съ братіею съ чудотворнымъ образомъ съ Николаемъ Великорѣцкимъ для всенароднаго моленія, а на основаніи были тоя соборной Троицкой и Алексѣевской церкви протопопъ Іоаннъ Аммосовъ съ братіею— подписали своею рукою.

Городничій Дмитрій Кусковъ руку приложилъ.
Осипъ Микишевъ и вмѣсто Алексѣя Селезнева по его велѣнію руку приложилъ.
Афанасій Халтуринъ руку приложилъ.
Котельничанинъ Наумъ Рогачевъ руку приложилъ.
Антонъ Степановъ руку приложилъ.
Осипъ Щепинъ руку приложилъ.
Василій Глушковъ руку приложилъ.
Котельничанинъ Степанъ . . . . руку приложилъ.

1708-го апрѣля 15 дня.
По описи № 7.

Сообщ. Учит. Илья Глушковъ.

БЫТЪ КРЕСТЬЯНЪ

КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ, ОБОЯНСКАГО УѢЗДА.

ВВЕДЕНІЕ.

Крестьяне, населяющіе Обоянскій уѣздъ, по происхожденію своему, раздѣляются на Русскихъ и Малороссіянъ. Первые считаются старожилами этой мѣстности и составляютъ главную массу населенія, а послѣдніе—переселенцы изъ Малороссійскихъ губерній, сохранившіе свои отличительныя черты въ языкѣ, въ образѣ жизни, въ обычаяхъ, въ одеждѣ, и составляютъ только около одной десятой доли населенія цѣлаго уѣзда. Малороссіяне, до изданія Манифеста 19 февраля 1861 года, принадлежали, большею частію, къ крѣпостному состоянію. Между крестьянами, составлявшими крѣпостное состояніе, встрѣчаются также переселенцы изъ Великороссійскихъ губерній, отличающіеся отъ прочихъ жителей уѣзда своимъ нарѣчіемъ и одеждою, но число ихъ въ общей массѣ Обоянскаго населенія незначительно. Здѣсь я намѣренъ представить бытъ Русскихъ крестьянъ, какъ господствующей части здѣшняго населенія.

Жилища.

Русскія селенія въ здѣшнемъ уѣздѣ имѣютъ между собою родственное сходство по своему скучному виду и беззаботному характеру населенія. Они расположены болѣе въ одинъ или два ряда, смотря по ихъ величинѣ, вообще неправильно, въ безпорядкѣ. Строенія сжаты и представляютъ сплошныя массы дворовъ, вытянутыхъ болѣе или менѣе въ кривыя, изломанныя линіи. Улицы и переулки тѣсны, такъ что въ иныхъ невозможно разъѣхаться двумъ телѣгамъ; отъ такой тѣсноты весною и осенью бываетъ на улицахъ невылазная грязь. Позади дворовъ расположены огороды и гумны, а тамъ, гдѣ селенія тянутся въ одинъ рядъ, огороды расположены впереди дворовъ, противу каждаго домовладѣльца.

Дворы вездѣ огораживаются плетнемъ изъ хвороста, но огороды и гумны не вездѣ имѣютъ плетневую огорожу, а во многихъ селеніяхъ обносятся валомъ изъ соломы, земли и хвороста. Среди двора, обыкновенно, крестьянинъ строитъ свою избу, а около ней располагаетъ остальную постройку. Изъ этого порядка слѣдуетъ исключить немногія постройки въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ и селеніяхъ, стоящихъ при большихъ дорогахъ, гдѣ жители имѣютъ постоялые дворы; тамъ домы строятся окнами на улицу.

Избы свои крестьяне строятъ деревянныя, которыя покрываются соломою, пригнетаемою притугами (жердями, полагаемыми на крышѣ); основанія ихъ обносятся завалиною; но рѣдко онѣ обмазываются глиною даже снаружи, а внутри никогда.

Тамъ, гдѣ жители побогаче, избы строятся на два отдѣленія, раздѣленныя сѣнями, изъ которыхъ налѣво и направо двери: однѣ ведутъ въ освѣщенную двумя красными и однимъ или двумя волоковыми окнами свѣтлицу—комнату болѣе чистую, иногда раздѣленную тонкою досчатою стѣною, образующую другой небольшой покой, называемый комнáткою; другая дверь изъ сѣней ведетъ собственно въ избу, гдѣ приго-

товляется кушанье и живетъ семья крестьянина. Избы бываютъ безъ дымовыхъ трубъ и съ дымовыми трубами; въ первомъ случаѣ онѣ называются черными, а въ послѣднемъ — бѣлыми. Встрѣчаются и такія связи, въ которыхъ изъ сѣней другая дверь ведетъ въ клѣть; но клѣти, большею частію, строятся особо отъ жилыхъ строеній. У бѣдныхъ же крестьянъ избы состоятъ изъ одного покоя съ сѣньми, нерѣдко плетневыми. Предъ входомъ въ сѣни у немногихъ бываетъ крыльцо, а скорѣе у порога съ наружной стороны лежитъ толстый отрубокъ дерева или большой камень. Нечистота и вонь первыя встрѣчаютъ входящаго въ жилище крестьянина: въ сѣняхъ у нихъ часто кормятся свиньи и куры; тутъ можно встрѣтить валяющееся на полу корыто, въ которомъ еще недавно кормились свиньи, или опрокинутую лоханку съ помоями, или что-либо подобное, а порою — и самихъ животныхъ, докучливымъ визгомъ напоминающихъ хозяину о своемъ существованіи; на лавкѣ стоитъ ведро или изва́ръ (ушатъ) съ водою и корецъ для черпанія воды. Сѣни вездѣ безъ потолковъ и съ немощеными полами, а обыкновенно съ земляными; у стѣны, отдѣляющей сѣни отъ бѣлой избы или отъ свѣтлицы, гдѣ она есть, на подставкахъ возвышается до самой крыши плетневая труба, обмазанная глиною; по угламъ валяется разный домашній хламъ, а иногда тутъ же помѣщаются ступа, жлукта (букъ) или что-либо другое изъ домашнихъ принадлежностей.

Внутренность свѣтлицы представляетъ видъ гораздо отраднѣе: вокругъ стѣнъ устроены лавки для сидѣнья; въ главномъ углу на полкѣ, прикрѣпленной къ стѣнамъ, помѣщаются святые (образа), прикрытые нѣсколько сверху рушникомъ (полотенцемъ); уголъ, гдѣ помѣщаются образа, называется святымъ угломъ, а полка, на которой они поставлены — божёнкою; подъ образами на лавкѣ у крестьянъ болѣе религіозныхъ стоитъ ручная глиняная кадильница, а на божёнкѣ — ко́новка (небольшой деревянный сосудъ съ ладономъ); около святаго угла стоитъ

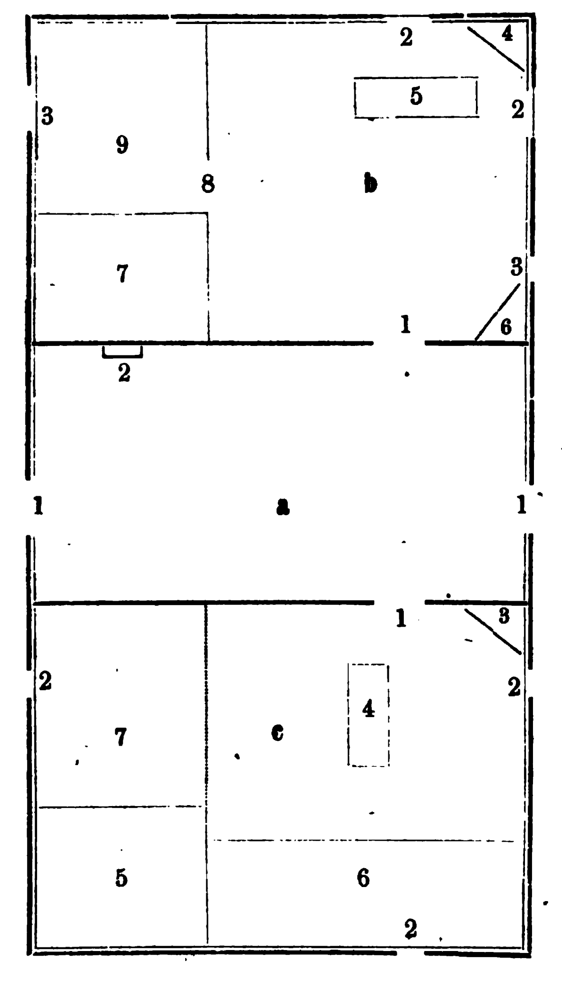
столъ, въ праздничные дни покрытый бѣлымъ настольникомъ (скатертью), на немъ всегда можно видѣть большую деревянную солонку, имѣющую форму стула со спинкою; въ другомъ углу вдѣланъ въ стѣны поставе́цъ (небольшой шкафчикъ), куда крестьяне ставятъ стеклянную посуду: бутылки, штофы, полуштофы и т. п.; на стѣнахъ висятъ два или три рушника́, вышитыхъ по концамъ красною бумагою, свидѣтельствующихъ объ искусствѣ молодой невѣстки или невѣсты — дочери крестьянина. Далѣе дверь въ комна́тку, если такая есть, освѣщенную однимъ и большею частію волоковымъ окномъ; около половины этой комнаты занимаетъ четырехъ-угольная груба (печь), выпущенная одною стороною въ свѣтлицу. Комнатка служитъ спальнею старшимъ въ семействѣ; здѣсь для спанья устрое́нъ примостъ, въ родѣ кровати, или лавка, къ которой приставлена скамья; въ углу отъ одной стѣны къ другой положенъ шестъ, на которомъ вѣшается платье. Мощеные полы въ своихъ жилищахъ имѣютъ только зажиточные крестьяне, и тѣ моются не болѣе двухъ разъ въ году.

Но самую грязную картину домашней жизни крестьянина представляетъ курная изба. Трудно найти что-нибудь грязнѣе, вонючѣе, нечистоплотнѣе житья крестьянина въ зимнее время въ курной избѣ. Едва вы вступаете въ нее —, и ваша голова готова удариться объ палати: это доски, которыя помощены на аршинъ ниже потолка и поддерживаются перекладиною, раздѣляющею избу на двѣ неравныя части: переднюю и заднюю. На этихъ палатяхъ крестьяне спятъ и грѣются. Подлѣ палатей печь; отсюда лазятъ прямо на палати. Печь дѣлается не изъ кирпича, а изъ глины, которую обиваютъ въ плотную массу чекмарями. Между палатями и поломъ устроенъ еще для спанья большой примостъ или нары. Трубы въ печкѣ нѣтъ, и когда печь топится, вся изба наполняется дымомъ, который всѣмъ рѣжетъ глаза, колетъ въ носъ, возбуждаетъ кашель; въ это время семья ходитъ согнувшись, а дѣти

лежатъ на печкѣ, свѣсивъ внизъ головы. Этотъ дымъ, выходя въ растворенныя двери и дымовое окно, оставляетъ на стѣнахъ вѣчную копоть. Передняя часть избы на цѣлый аршинъ выше задней, потому что здѣсь нѣтъ палатей; тутъ у стѣнъ придѣланы коникъ и лавка, въ переднемъ углу на божничкѣ поставлены закопченные образа, подъ образами стоитъ столъ, въ которомъ кладутся хлѣбъ, солонка, ножъ и ложки; около печи, въ той сторонѣ, куда обращено устье, къ стѣнѣ прикрѣплена полица (полка); на ней помѣщается кухонная посуда; на лавкѣ и на примостѣ валяется запачканная одежда и прочій домашній скарбъ; подъ примостомъ или подъ лавкою отгороженъ катухъ (мѣсто для куръ). Немощеный полъ почти также грязенъ, какъ хлѣвъ. И въ этой низкой, тѣсной, душной избѣ, освѣщенной двумя или тремя большею частію волоковыми окнами, помѣщается семейство крестьянина и непремѣнно кто-нибудь изъ скота, въ предохраненіе отъ холода, и вся нечистота отъ этихъ животныхъ. Ко всему этому прибавить должно, что всегдашними обитателями крестьянскихъ избъ бываютъ еще прусаки и тараканы. Они до такой степени размножаются, что покрываютъ потолокъ и стѣны, особенно ночью. Крестьяне такъ съ ними свыкаются, что не обращаютъ на нихъ никакого вниманія, не смотря на то, что они часто попадаются въ горшки съ кушаньемъ, залѣзаютъ соннымъ въ уши и причиняютъ чувствительную боль.

Съ учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ курныя избы стали здѣсь переводиться, и теперь болѣе строятся бѣлыя, гдѣ жизнь крестьянъ хотя та же самая, по крайней мѣрѣ свободная отъ дыма. Въ бѣлыхъ избахъ иногда отдѣляется часть противъ печи, гдѣ происходитъ стряпня, досчатою перегородкою; этотъ небольшой отдѣлъ называется топлюшкою.

Описавъ жилое строеніе крестьянина, прилагаю здѣсь для образца отъ руки сдѣланный планъ его.



a. *Сѣни.*

1) Входъ въ сѣни.
2) Дымовая труба.

b. *Свѣтлица.*

1) Двери въ свѣтлицу.
2) Красныя окна.
3) Волоковыя окна.
4) Святой уголъ.
5) Столъ.
6) Поставецъ.
7) Печь.
8) Дверь въ комнатку.
9) Комнатка.

c. *Изба, гдѣ приготовляется кушанье.*

1) Дверь въ избу.
2) Окна.
3) Образа.
4) Столъ.
5) Печь.
6) Прилостъ.
7) Топлюшка.

Домашняя утварь у крестьянъ слѣдующая: скамейки и треножники (табуреты о трехъ ножкахъ) самой грубой работы, а иногда вмѣсто табурета употребляется просто толстый отрубокъ дерева; столовая посуда большею частію деревянная: стáвецъ (блюдо безъ закраины), миска (блюдо съ плоскими краями), плоская тарелка, на которой рѣжется мясное, нѣсколько ложекъ, половникъ и солонка; одинъ или два ножа съ деревянными рукоятками, кухонная посуда: нѣсколько горшковъ различной величины, одинъ или два чугуна, калгушка

(выдолбленное изъ чурбана блюдо, въ которомъ расталкивается сало для щей), одна или двѣ сковороды; около печи въ углу стоятъ рогáчи (ухваты), чáпля (сковородникъ), лопата, на которой сажаютъ въ печь хлѣбы, и помело. Остальную принадлежность избы составляютъ: косарь для щепляніи лучины, дежá (кадка, въ которой заквашивается тѣсто — квашня) съ веселкою, сито, рѣшето, квасничка (кадка съ квасомъ), свѣтецъ или, вмѣсто его, кáганецъ (плошка изъ дна разбитаго горшка для освѣщенія избы), нѣсколько комéлокъ (плетушекъ) для сажанія птицъ, пряха (прялка), гребни и донца съ прочими прядильными приборами, мотовило, рубель и каталка (скалка).

При каждомъ домѣ есть подворное строеніе, соотвѣтствующее состоянію крестьянина. Около избы полнаго хозяина устроены слѣдующія надворныя принадлежности: 1) Анбаръ для ссыпки хлѣба, рубленый. 2) Рубленая клѣть, если нѣтъ такой при избѣ; тутъ, обыкновенно, хранится добро, или худóба (имущество) хозяевъ, какъ то: праздничное платье, мужское и женское, скрыни (сундуки) и лазбени (лубочные сундуки или деревянныя кадки съ крышками) съ холстами и проч. домашнею рухлядью. 3) Пунька (въ родѣ кладовой изъ плетня), обмазанная глиною или коровьимъ пометомъ, для разныхъ поклажъ. Пунька и клѣть служатъ также и для спанья нѣкоторымъ членамъ семейства лѣтомъ и зимою: тамъ спятъ мужья съ женами, особенно молодые, а потому въ больше-семейныхъ крестьянскихъ дворахъ бываетъ двѣ, три и болѣе пунекъ; у бѣдныхъ же поселянъ, за неимѣніемъ клѣти и анбара, въ пунькахъ хранится имущество и ссыпается хлѣбъ. 4) Сарай или навѣсъ, въ которомъ сберегаются отъ непогоды телѣги, сани, сохи, бороны и многія другія хозяйственныя принадлежности. 5) Погребица — навѣсъ надъ погребомъ. 6) Конюшня для лошадей съ яслями и комягою (большимъ корытомъ, въ которомъ даютъ лошадямъ овесъ). Комяги иногда утверждаются на небольшихъ столбахъ среди двора. 7) Овчàрухъ—хлѣвъ для овецъ.

8) Свинухъ — хлѣвъ для свиней. 9) Курникъ — небольшой сарайчикъ, гдѣ ночуютъ куры; но у многихъ хозяевъ куры и другія птицы большею частію размѣщаются по сараямъ, гдѣ попало. 10) Одинъ или два вóрка (мѣста, отгороженныя на дворѣ для загона скота на день). Кромѣ того, во многихъ дворахъ есть колодцы съ цыбора́ми (съ особеннымъ устройствомъ для черпанія воды); но они содержатся въ большой неопрятности.

Въ размѣщеніи надворныхъ построекъ у крестьянъ нѣтъ общаго плана, каждый строитъ ихъ по своему усмотрѣнію; но, во всякомъ случаѣ, хорошій хозяинъ старается обнести ими дворъ свой кругомъ.

На огуменникѣ стоитъ овинъ для сушки хлѣба и половéнь—сарай подлѣ молотильнаго тока, въ который сгребается съ тока мякина, и гдѣ хранятся цѣпы, грабли, вилы и лопаты.

Вся постройка покрыта соломою, и при томъ такъ сжата, что, въ случаѣ пожара, не представляетъ никакой возможности къ спасенію. Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ, въ предосторожность отъ пожаровъ, устроены противъ крестьянскихъ дворовъ землянки, въ которыхъ въ лѣтнее время крестьяне варятъ кушанья. Зимою, у нѣкоторыхъ, землянки служатъ для загона овецъ, когда онѣ ягнятся.

Одежда.

Мужчины въ обыкновенное время носятъ толстое посконное бѣлье домашняго приготовленія: рубаху, съ косымъ воротомъ и подоплекою, длиною до колѣнъ и порты на учкурѣ (гачникѣ), сверхъ которыхъ выпускается рубаха. Подпоясываются тканымъ или сученымъ изъ шерсти пояскомъ, на которомъ многіе имѣютъ обыкновеніе носить складной ножъ и гребешокъ. На шеѣ носятъ мѣдный крестъ или образокъ и ладонку на гитáнчикахъ (на бумажныхъ снуркахъ)

или на тесьмахъ. По праздникамъ же, пожилые и не такъ достаточные изъ молодежи надѣваютъ льняныя и пестрядинныя рубахи съ цвѣтными ластовицами, съ тою разницею, что льняная рубаха у молодежи бываетъ разшита красною бумагою въ подолѣ; а парни изъ богатыхъ домовъ, наряжаются въ красныя ситцевыя и такъ называемыя александрицкія (изъ александрійки) рубахи; порты надѣваютъ: пожилые—обыкновенные бѣлые посконные, менѣе достаточные изъ молодежи—набойчатые и тяглинные, а тѣ, которые побогаче—китайчатые, и нѣкоторые даже плисовые. Верхняя одежда лѣтомъ: по буднямъ — сѣрые и черные зипуны или свиты самодѣльнаго сукна, всегда старые; но въ жаркое время мужчины большею частію ходятъ въ одномъ бѣльѣ. По праздникамъ носятъ новыя свиты и черные волосенные (шерстяные) балахóны (въ родѣ халатовъ), тоже домашняго приготовленія; богатые же въ праздники надѣваютъ кафтаны тонкаго сукна синяго, чернаго и сѣраго цвѣтовъ. Зимою, по буднямъ, носятъ старые овчинные тулупы и полушубки, а въ праздники надѣваютъ новые или крѣпкіе тулупы и полушубки, или зимнее будничное платье поддѣваютъ подъ лѣтніе праздничные костюмы. Сверхъ верхняго платья, въ праздники, подпоясываются шерстяными кушаками, а въ непраздничные дни — чѣмъ попало: веревкою, ремнемъ, лишь бы чѣмъ подпоясаться. На головахъ въ лѣтнее время по буднямъ донашиваютъ старыя шапки, а многіе носятъ бѣлые войлочныя гильки—шапки въ родѣ колпаковъ; въ праздничные же дни надѣваютъ новыя шапки съ суконными или плисовыми верхами и бырчатыми (изъ овчинъ молодыхъ барашковъ) или другими какими либо околышами. Молодые парни по праздникамъ носятъ поярчатыя шляпы, которыя перевязываютъ лентами и бархатками, съ стальными или мѣдными пряжками, и увиваютъ мишурою и павлиными перьями. Зимою носятъ тѣ же самыя шапки, которыя надѣваютъ и лѣтомъ. На рукахъ носятъ кожанныя рукавицы съ шерстяными

везёнками (варьгами, связанными въ одну иглу), а нѣкоторые изъ молодежи въ праздничные дни надѣваютъ шерстяныя и замшевыя перчатки. Молодые неженатые крестьяне носятъ, для щегольства, перстни или кольца, мѣдные и оловянные, а богатые—серебряные. Обувь, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, одинакова: въ праздники—сапоги, а въ будни—лапти изъ липовыхъ лыкъ, съ суконными онучами; лапти, для прочности, проплетаются въ подошвахъ веревкою. Но лѣтомъ многіе въ будни часто ходятъ босые. Волосы на головѣ мужчины подрѣзываютъ въ скобку (кругомъ) и на переди пронимаютъ прямой рядъ (проборъ); молодые подрѣзываются выше, нежели пожилые, и подбриваютъ или гладко выстригаютъ затылокъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ всѣхъ возрастовъ стригутъ макушку. Бороды брѣютъ одни дворовые крестьяне.

Женщины въ обыкновенное время носятъ рубахи также, какъ и мужчины, изъ толстаго посконнаго полотна, а по праздникамъ—съ льняными, коленкоровыми и миткальными станками, но съ толстою посконною подставкою (нижнею частію отъ пояса до подола); у богатыхъ же онѣ нерѣдко бываютъ и додôльныя (цѣльныя, безъ подставки); молодыя женщины и дѣвицы праздничныя рубахи носятъ съ цвѣтными ластовицами, а льняныя, кромѣ того, бываютъ у нихъ съ строчеными, или шитыми красною бумагою, или же красными кумачными поликàми (оплечьями); но иногда женщины и дѣвицы носятъ праздничныя рубахи съ бѣлыми кисейными рукавами. Верхняя одежда у женщинъ и дѣвицъ не во всѣхъ селахъ бываетъ одинакова: въ иныхъ носятъ саяны, сукни и сарафаны, а въ другихъ—юбки и панёвы. Саяны носятся пожилыми женщинами болѣе китайчатые, а молодыми и дѣвицами—ситцевые и красные штофенные. Сарафаны и сукни носятъ какъ женщины, такъ и дѣвицы; первые шьются изъ волосени чернаго и темно-синяго цвѣта, а послѣднія — изъ толстаго самодѣльнаго сукна, окрашеннаго мареною или червленцемъ.

Саяны и сукни, подобно сарафанамъ, дѣлаются на мышкахъ (помочахъ), безъ рукавовъ. Панёвы дѣлаются изъ волосени, клѣтчатыя; у молодыхъ женщинъ и дѣвицъ нарядныя паневы разшиваются гарусомъ, шелкомъ и бумагою, и обшиваются позументомъ, лентами, тесьмою или полосками ситца въ длину и поперегъ. Юбки шьются изъ волосени и сукна, окрашенныхъ мареною или червленцемъ; но нѣкоторыя изъ женщинъ и дѣвицъ стали носить ихъ ситцевыя и китайчатыя. Праздничная одежда у молодыхъ женщинъ и дѣвицъ оторачивается въ подолѣ лентами или ситцемъ, а штофенные саяны иногда—золотою или серебряною бахромою; кромѣ того, нарядные сарафаны и сукни у нихъ обшиваются на груди позументомъ или парчею или бумажною наклейною тесьмою, и украшаются металлическими пуговицами въ одинъ рядъ отъ груди до подола. Во многихъ селеніяхъ нѣкоторыя пожилыя женщины носятъ еще шубки, въ родѣ сарафановъ, изъ волосени и суконныя чернаго и темно-синяго цвѣта, украшенныя также, какъ сарафаны и сукни, металлическими пуговицами; шубки считаются здѣсь самою старинною одеждою. Всѣ эти одежды носятъ зимою и лѣтомъ: въ праздники — новыя или нарядныя, а по буднямъ — старыя или расхожія; тѣ и другія носятъ иногда съ ситцевыми и бѣлыми полотняными фартуками. Лѣтомъ, нѣкоторыя изъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ надѣваютъ сверхъ сарафановъ, саяновъ и юбокъ парчевыя и красныя кумачныя или штофенныя душегрѣйки. Весною и осенью, женщины и дѣвицы изъ богатыхъ домовъ въ праздники носятъ синіе суконные кафтаны со сборками назади или нанковые и китайчатые халаты, а тѣ, которые побѣднѣе, носятъ одинаковые съ мужчинами свиты и балахоны; по буднямъ же всѣ надѣваютъ старые зипуны. Зимою, какъ женщины, такъ и дѣвицы, въ праздники носятъ новые овчинные тулупы и полушубки, а богатые изъ нихъ —такъ-называемыя Польскія шубы, на овчинномъ мѣху, съ лисьими воротниками, лифомъ и глухими карма-

нами на бокахъ, опушенными лисицею; по буднямъ же онѣ донашиваютъ старые тулупы и полушубки. Головной уборъ у женщинъ зимою и лѣтомъ одинъ и тотъ же. Въ обыкновенное время онѣ повязываютъ головы льняными косынками, большею частію запачканными, или старыми бумажными платками, а иногда просто какою либо тряпкою; нѣкоторыя же донашиваютъ старыя кички или однѣ сорòки (въ родѣ шапочекъ, надѣваемыя, обыкновенно, сверхъ кичекъ). Въ праздники большая часть здѣшнихъ женщинъ повязываютъ головы бумажными пестрыми платками, преимущественно красно-желтаго цвѣта, а многія изъ молодыхъ женщинъ—пестрыми или красными шерстяными и шелковыми платками. Но главный женскій головной уборъ составляетъ кокошникъ: у богатыхъ молодыхъ женщинъ онъ отдѣлывается золотымъ или серебрянымъ гасомъ и называется золотогла́внымъ, или золотогла́вомъ, а у тѣхъ, которыя побѣднѣе и вообще у пожилыхъ, кокошники отдѣлываются мишурнымъ позументомъ или парчею. Въ нѣкоторыхъ же селахъ носятъ кички различныхъ формъ, на которыя надѣваются сороки, шитыя спереди: у богатыхъ молодыхъ женщинъ—серебромъ и золотомъ, а у бѣдныхъ и пожилыхъ—шелкомъ или гарусомъ, съ блестками и мишурою. При кичкахъ и кокошникахъ носятъ подзатыльники съ шитьемъ, сообразнымъ отдѣлкѣ того головнаго убора, при которомъ они надѣваются. Въ иныхъ селахъ женщины носятъ повойники малиновые бархатные и парчевые: у молодыхъ женщинъ они отдѣлываются гасомъ или мишурною тесьмою, сообразно состоянію. Поверхъ кичекъ, кокошниковъ и повойниковъ молодыя женщины покрываются кисейными покрывалами, серпанками или большими пестрыми платками, которые подвязываются подъ подбородокъ и распускаются во всю длину назадъ; немолодыя же женщины обвязываютъ головной уборъ вокругъ бумажнымъ платкомъ или бѣлымъ полотенцемъ, и, сверхъ того, нѣкоторыя изъ нихъ покрываются платками и серпанками. Дѣвицы, во многихъ селахъ, въ праздничное время, повязы-

ваютъ головы лучшими платками также, какъ и женщины, съ тою только разницею, что у нихъ изъ подъ платка выпускается коса, въ концѣ которой вплетается лента; въ другихъ же селахъ онѣ повязываются платками кондырёмъ (въ видѣ повязки съ открытою маковкою), съ выпускомъ на спину косы, или просто покрываются платками. Въ обыкновенное время, онѣ ходятъ съ открытою головою, но болѣе повязываются или покрываются старыми платками. Прическа волосъ: сперва дѣлается прямой проборъ отъ лба до маковки, и волосы зачесываются назадъ, за уши, а потомъ заплетаются такимъ образомъ: у дѣвицъ—въ одну косу, а у женщинъ—на двѣ. Заплетать косы употребительно здѣсь три манеры: 1) простой—въ три пряќ (пряди); 2) въ дробнушкý—нечетнымъ числомъ прядей (отъ 5 до 15); 3) лопатнó — четнымъ числомъ прядей (отъ 4 до 18). Женщины заплетаютъ косы первымъ способомъ, а дѣвицы всѣми тремя. Въ нѣкоторыхъ селахъ молодыя женщины и дѣвицы выпускаютъ песики. На шеѣ носятъ крестъ или образокъ и ладонку, на гитáнчикахъ или тесемкахъ, а молодыя бабы и дѣвицы, кромѣ того, надѣваютъ жерёлки (ожерелье) изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ шариковъ; богатыя же носятъ нерѣдко ожерелья и янтарныя. Въ ушахъ молодыя женщины и дѣвицы носятъ серьги, а на пальцахъ кольца и перстни. Обувь у женщинъ и дѣвицъ зимою и лѣтомъ одинакова: въ будни лапти, а по праздникамъ—башмаки или сапоги. Лапти и сапоги носятъ съ онучами толстаго сукна, а башмаки съ суконными (шерстяными) чулками. Но, лѣтомъ, въ будни, крестьянки большею частію ходятъ босикомъ. Въ праздничномъ нарядѣ молодыя женщины и дѣвицы, когда идутъ въ церковь, въ гости или на игрище, берутъ въ руки платокъ.

Пища.

Постоянную и главную пищу крестьянъ составляютъ: ржаный хлѣбъ, щи и каша гречневая или просяная; прочая же пища у нихъ бываетъ болѣе или менѣе различна, смотря по

времени года. Въ зимніе посты они ѣдятъ: кислую капусту съ квасомъ, лукомъ и солеными огурцами; рѣдьку тертую съ квасомъ или нарѣзанную кусками—съ солью; картофель и варёнки (вареные свѣжіе бураки) съ огурцами и съ квасомъ, а иногда одинъ картофель съ конопляным̆ъ масломъ или сокомъ. Щи приготовляютъ, съ ноября мѣсяца до половины апрѣля, изъ кислой капусты или квашеныхъ бураковъ, а въ остальное время года изъ разной зелени: молодой крапивы, снытки, лебеды, чернобыльника, сурѣпки, щавеля, молодой гречихи и свѣжей капусты, и затираютъ ихъ ржаною мукою или просянымъ пшеномъ. Въ постные дни щи приправляютъ конопляным̆ъ масломъ или сокомъ, или приготовляютъ ихъ вовсе безъ всякой приправы. Кашу ѣдятъ со щами или съ квасомъ, а болѣе достаточные — съ масломъ; нѣкоторые приготовляютъ кашу съ тыквою, изрѣзавъ ее въ мелкіе кусочки, варятъ въ водѣ и потомъ кладутъ туда пшено. Иногда разнообразятъ свой постный столъ и другими кушаньями: ѣдятъ взваръ (сушеныя груши и яблоки, сваренныя въ водѣ); кулáгу (солоденное тѣсто), которую парятъ съ сушеными плодами: грушами, терномъ и калиною; сухари съ разсоленною водою; толокно изъ овсяной муки, затертой на водѣ; тюрю (крошенный хлѣбъ съ разсоленнымъ квасомъ или водою); горохъ разварной или обваренный и толченый, съ квасомъ или масломъ; юшку (похлебку) изъ кортофеля. На завтракъ варятъ: галушки изъ гречневаго тѣста; кулéшъ (жидкую кашицу) съ масломъ; соломату изъ гречневой и ржаной муки (ржаная мука предварительно обжигается, а потомъ засыпается въ кипятокъ), которую ѣдятъ съ конопляным̆ъ масломъ или сокомъ, а иногда съ толченымъ конопляным̆ъ сѣменемъ; вареники изъ гречневой муки съ начинкою изъ каши, капусты или юрды, приготовляемой изъ жмыховъ, остающихся въ маслобойнѣ отъ конопляннаго масла, которые мочатъ сутки въ водѣ, потомъ выжимаютъ, и выжатый сокъ варятъ до густоты; а когда поспѣваютъ земляника (по-здѣшнему—пáзубникъ), клубника и вишни, то варятъ вареники съ

начинкою изъ этихъ ягодъ; нѣкоторые же на завтракъ пекутъ блины изъ гречневой муки и ѣдятъ съ конопляныиъ сокомъ или масломъ. Но самый голодный постъ для крестьянъ—Петровка; къ этому времени, обыкновенно, истощаются заготовленные въ прокъ запасы, и многіе бѣдняки, кромѣ пустыхъ щей и хлѣба, ничего не ѣдятъ; зеленый лукъ и ботвинье изъ него составляютъ тогда лакомство для нихъ. Успенскій постъ представляетъ болѣе разнообразія въ пищѣ: въ то время, кромѣ всегдашнихъ своихъ щей и каши, они ѣдятъ свѣжіе и малосольные огурцы съ квасомъ, молодой картофель, пачáтки или кіюшки (кукурузу), иногда—дыни и арбузы съ хлѣбомъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ собираютъ разные грибы: сморчки, печерицы, грузди, полугрузди, красные грибы, бѣлянки, волвенки, сыроѣжки, свинухи, говорушки, опенки и нѣкоторые другіе, которые продаютъ въ городѣ и сами употребляютъ въ пищу солеными и варятъ въ щахъ, въ похлебкѣ, или же, обваренные въ водѣ, ѣдятъ въ холодномъ. Опенки въ урожайные годы многіе сушатъ для зимняго употребленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣки, постная пища иногда разнообразится также рыбою и раками; впрочемъ, роскошь эту въ будни позволяютъ себѣ весьма немногіе; крестьянинъ скорѣе продастъ пойманную рыбу или раки въ городѣ, чѣмъ станетъ употреблять ихъ въ пищу.

Въ постные праздничные дни пекутъ изъ ржаной муки пироги и лепешки, а иногда кныши (лепешки съ загнутыми краями) и ситники, иначе называемые буханцы или бабышки. Пироги начиняются обварнымъ и толченымъ горохомъ, кислою капустою, кашею, сушеными и мелко истолченными грушами, свѣжими бураками, натертыми на терку и поджаренными съ масломъ, морковью и толченымъ конопляньмъ сѣменемъ; а у болѣе достаточныхъ пироги иногда начиняются макомъ съ медомъ; нѣкоторые же пекутъ также пироги съ нѣтомъ или нѣтники, т. е. безъ начинки. Лепешки и кныши мажутъ сверху толченымъ конопляньмъ сѣменемъ, разведеннымъ густо на во-

дѣ или пережареннымъ съ лукомъ и масломъ. Многіе ограничиваютъ свой праздничный столъ обыкновенными ежедневными блюдами, а нѣкоторые дополняютъ его однимъ или двумя лакомыми кушаньями: они ѣдятъ отливники, приготовляемые изъ гречневой муки, которую сначала засыпаютъ жидко въ кипятокъ и, размѣсивъ, варятъ на огнѣ, потомъ жидкость эту отливаютъ въ особую посуду, и когда она застынетъ, рѣжутъ ее на куски и поливаютъ масломъ; кисель гороховый — съ масломъ и овсяный—съ сытою; червячки, приготовляемые изъ сваренной гречневой саломаты, протертой сквозь рѣшето, политые масломъ; лапшу изъ пшеничнаго или ржанаго тѣста, приправленную масломъ; короли изъ прѣснаго тѣста, которые пекутъ въ палецъ толщины, потомъ ломаютъ на мелкіе куски и поливаютъ: богатые—медомъ съ мятымъ макомъ, а бѣдные — разведеннымъ въ водѣ толченымъ конопляннымъ сѣменемъ; жареные въ маслѣ кислые и свѣжіе бураки. Рыбу ѣдятъ въ праздники немногіе, исключая послѣднихъ дней масляницы и праздниковъ: Благовѣщенія, Вербнаго Воскресенія и храмовыхъ; къ этимъ праздникамъ всякій крестьянинъ необходимостію считаетъ поймать или купить рыбы для своей семьи и на угощеніе гостей. Изъ свѣжей рыбы они приготовляютъ холодецъ (студень), щи, юшку (уху) и жаркое, а соленую рыбу ѣдятъ съ квасомъ. Раки ѣдятъ съ хлѣбомъ, или изъ шеекъ ихъ приготовляютъ холодное съ квасомъ, огурцами и лукомъ, а изъ отвара варятъ жидкую кашицу. Нѣкоторые изъ крестьянъ не употребляютъ раковъ въ пищу, по отвращенію къ нимъ, потому что раки иногда питаются падалью, бросаемою въ рѣки; другіе же считаютъ употребленіе ихъ въ пищу грѣхомъ.

Въ скоромные дни, по буднямъ, крестьяне ѣдятъ щи съ саломъ или съ одною приправою изъ яицъ и молока, творогъ съ молокомъ, кашу со щами, саломъ и молокомъ, а за неимѣніемъ каши—крошеный хлѣбъ съ молокомъ. Осенью и зимою ѣдятъ картофельную похлебку съ саломъ, просяную молочную кашу съ тыквою; покупаютъ въ городѣ во время

бойки скота говяжьи и бараньи потроха и приготовляютъ изъ требухи—холодецъ, а изъ печенки и легкаго—похлебку съ картофелемъ, или варятъ ихъ въ одной водѣ и ѣдятъ сухія съ хлѣбомъ. На завтракъ готовятъ: кулешъ съ саломъ, саломату, которую ѣдятъ съ саломъ или молокомъ, а иногда съ масломъ и со сметаною; вареники съ творогомъ и ѣдятъ ихъ съ топлюшкою (съ топленымъ и заквашенымъ молокомъ) или съ разведеннымъ на молокѣ творогомъ; пекутъ изъ ржанаго тѣста на сковородѣ пышки (тонкія лепешки) съ саломъ. Но самый лакомый завтракъ крестьянъ составляютъ блины съ масломъ и со сметаною. Есть, впрочемъ, много и такихъ бѣдняковъ, которые большую часть въ году ѣдятъ одни щи и сухой хлѣбъ.

Въ скоромные праздничные дни пекутъ ржаные пироги съ печенкою или какимъ либо мясомъ, а также—съ кашею и яйцами или морковью и яйцами; но чаще пекутъ лепешки, которыя, обыкновенно, сверху мажутся творогомъ съ яйцами или однимъ саломъ. Лѣтомъ и осенью нѣкоторые рѣжутъ баранчиковъ, куръ и поросятъ. Къ годовымъ праздникамъ, особенно къ Рождеству Христову, Свѣтлому Христову Воскресенію, къ храмовому празднику, а также поминкамъ по умершимъ и свадьбамъ рѣжутъ свиней, бычковъ, барановъ и разную птицу; тогда щи, похлебку и лапшу варятъ съ мясомъ, и приготовляютъ изъ него жаркое и студень. Большая же часть покупаетъ въ городѣ солонину и говядину для одного розговѣнья, а прочіе праздничные дни остаются при обыкновенной своей пищѣ. Но болѣе достаточные крестьяне иногда въ праздники ѣдятъ окрошку изъ мяса и яицъ съ квасомъ, творогъ со сметаною, молочную кашу и лапшу, просяные или пшеничные блинцы и коржики изъ сдобнаго тѣста съ масломъ и со сметаною. Въ храмовые праздники и на особенные житейскіе случаи, какъ напр. на крестины, свадьбы, поминки и т. п., для угощенія гостей пекутъ ряженый пирогъ (обыкновенный большой пирогъ съ начинкою), который разрѣзы-

вается за столомъ и поливается масломъ. Предметъ угощенія также составляютъ: яичница, сырники, сальникъ, яичникъ (запеченная на сковородѣ яичница въ видѣ большаго блина), коровай, драчена, приготовляемая изъ пшеничной муки, яицъ и масла, которыя разбалтываются въ водѣ, и жидкость эта наливается на сковороду, потомъ печется въ вольномъ духу. На званыхъ обѣдахъ кушанье, подаваемое въ заключеніе стола, называется разгонщикомъ, потому что гости, поѣвши его, должны вставать изъ за стола.

Лѣтомъ, нѣкоторые ловятъ перепеловъ, стрѣляютъ дичь, а зимою ловятъ куропатокъ и зайцевъ, но все это болѣе для продажи, чѣмъ для собственнаго употребленія. Зайцевъ считаютъ они нечистыми животными и не употребляютъ ихъ въ пищу. Многіе считаютъ также грѣхомъ употреблять въ пищу голубей, особенно бѣлыхъ, какъ символъ Божества.

Нѣкоторыя кушанья считаются непремѣнною принадлежностію извѣстныхъ народныхъ праздниковъ и обрядовъ, а именно: на Маргóсье (въ недѣлю Мvроносицъ)—жареная курица и яичница; въ день Св. Великомученика Никиты (15 сентября)—жареный гусь; въ день Св. Косьмы и Даміана (1 ноября)—жареная или вареная курица; на Свѣчки (наканунѣ Рождества Христова) и въ Крещенскую Коляду (наканунѣ Крещенія Господня)—пшеничная кутья съ сытою и взваръ; въ Богатый вечеръ (вечеръ наканунѣ Новаго Года)—жареный поросенокъ и колбасы, начиненныя гречневою кашею; на Масляницѣ—блины; въ день Сорока Мучениковъ (9 марта), преимущественно для дѣтей, пекутъ изъ прѣснаго тѣста жаворонки, или кулики въ видѣ птицъ; на Сердокрестье (въ среду на четвертой недѣли Великаго Поста) пекутъ изъ ржанаго тѣста кресты, которые берегутъ въ зерновомъ хлѣбѣ или мукѣ до весны, и съ нимъ въ первый разъ выѣзжаютъ въ поле засѣвать хлѣбъ, и тамъ съѣдаютъ ихъ; на крестины необходимую принадлежность составляетъ каша; въ день свадьбы—коровай (круглый хлѣбъ съ разными украшеніями); при похоронахъ—канунъ (медъ);

въ поминальные дни—пироги или блины, и также канунъ; а на сорочины, кромѣ пироговъ или блиновъ, пекутъ изъ ржанаго тѣста лѣсенку въ видѣ лѣстницы.

Изъ овощей обычный запасъ на зиму составляютъ: кислая капуста, квашеные бураки, картофель, огурцы, рѣдька, хрѣнъ, морковь, лукъ и тыква. Въ селеніяхъ, расположенныхъ при лѣсахъ, мочатъ груши, запасаютъ калину и тернъ. Но немногіе поселяне дѣлаютъ подобные запасы; большая часть довольствуется самыми ограниченными заготовленіями. Грушевый квасъ составляетъ вкусное питье. Для питья они также дѣлаютъ къ храмовому празднику и къ особеннымъ житейскимъ случаямъ брагу, въ обыкновенное же время пьютъ и употребляютъ для кушанья неуваренный квасъ, называемый сыровéцъ или суровéцъ.

Въ большихъ семействахъ въ стряпаніи кушаньевъ и исправленіи другихъ домашнихъ работъ бабы наблюдаютъ между собою очередь. Очередная баба, или, какъ здѣсь называютъ ее, деньщица никогда не обѣдаетъ вмѣстѣ съ другими, а въ продолженіе стола подаетъ и принимаетъ только кушанья, и обѣдаетъ послѣ одна.

Обычаи и обряды.

1. При рожденіи и крещеніи дѣтей.

Время родовъ крестьянки тщательно скрываютъ отъ всѣхъ, изъ глупаго предразсудка: чѣмъ больше людей будутъ знать о томъ, тѣмъ труднѣе будутъ роды; и потому при счастливыхъ родахъ женщины часто рождаютъ однѣ въ клѣтяхъ или хлѣвахъ, а иногда въ полѣ за работою, и приглашаютъ бабку послѣ. Но когда родильница мучится родами, то, дабы помочь ей, обращаются къ священнику и просятъ растворить царскія врата, хотя бы это требовалось ночью; многіе же въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ къ извѣстнымъ своимъ суевѣрнымъ сред-

ствамъ: страждущую переводятъ троекратно чрезъ порогъ, или чрезъ помело или чрезъ мужа, котораго кладутъ на порогъ ницъ. Повивъ младенца, бабка начинаетъ его омывать; тогда отецъ бросаетъ въ купель (сосудъ, въ которомъ купаютъ дѣтей) какую либо монету, чтобы озолотить свое дѣтище. Въ воспріемники новорожденному родители приглашаютъ преимущественно изъ постороннихъ лицъ, и при томъ такихъ, съ которыми бы не предвидѣлось имѣть въ жизни непріязненныхъ отношеній: всякую ссору съ кумовьями или неуваженіе къ нимъ крестьяне считаютъ особеннымъ грѣхомъ (*). Тѣ, у которыхъ не живутъ дѣти, въ день крещенія ребенка рано утромъ выходятъ на улицу и перваго встрѣчнаго приглашаютъ быть воспріемникомъ, въ томъ убѣжденіи, что онъ посланъ отъ Бога и что, быть можетъ, его счастьемъ новорожденный будетъ живъ.

Воспріемники приносятъ въ домъ родителей новорожденнаго ржаный хлѣбъ, обернутый въ бѣлый платокъ, и кладутъ его на столъ. Повивальная бабка увертываетъ младенца въ рубаху (мальчика—въ отцову, а дѣвочку—въ материнину) и передаетъ его куму, а кумъ—кумѣ. Взявши дитя, воспріемники отправляются для крещенія его въ церковь или въ домъ священника, и при этомъ несутъ съ собою въ гостинецъ священнику ржаный хлѣбъ и бутылку или полуштофъ водки. При погруженіи въ купель крещаемаго, замѣчаютъ: если онъ распространется въ водѣ, то скоро умретъ, а если сожмется, то будетъ долго жить.

По окончаніи таинства Св. Крещенія, кумъ и кума приносятъ обратно ребенка въ домъ его родителей и отдаютъ на руки повивальной бабкѣ, которая кладётъ его подъ святые на тулупъ или шубу, чтобы новорожденный былъ богатъ, а потомъ передаетъ его матери. Въ это время кумовьямъ

(*) Ни одна женщина не опростоволосится въ присутствіи кума, а во время полевыхъ работъ, когда всѣ женщины при мужчинахъ работаютъ въ однѣхъ сорочкахъ, всякая изъ нихъ, завидѣвъ кума еще издали, спѣшитъ надѣть свой сарафанъ; многія женщины даже босыми боятся показаться предъ кума.

дѣлается короткое угощеніе, а между тѣмъ собираются гости. Когда же гости соберутся, подается обѣдъ. Въ началѣ обѣда повивальная бабка подаетъ родному отцу новорожденнаго ложку каши, смѣшанной по поламъ съ солью, которую онъ, морщась, съѣдаетъ и ложку бросаетъ къ порогу; послѣ того запиваетъ водкою и угощаетъ ею породильню (родильницу) и гостей. Водка составляетъ главное угощеніе крестьянъ; хозяинъ въ продолженіе стола неоднократно обноситъ ею гостей, при чемъ не забываетъ и больную свою жену. Въ заключеніе обѣда подается каша, непремѣнная принадлежность этого случая; въ это время каждый изъ гостей кладетъ мѣдныя деньги повивальной бабкѣ и родильницѣ, каждой на особыя тарелки. По окончаніи стола, кума́ даритъ кума платкомъ. Кумъ, взявши платокъ, отдариваетъ куму деньгами, смотря по цѣнности подарка и по своему состоянію, а потомъ утираетъ имъ уста у себя и кумы, и цѣлуетъ ее троекратно. Вслѣдъ за тѣмъ гости расходятся, а воспріемники, при прощаньѣ, кладутъ роженицѣ, подъ головы на купанье новорожденнаго: кума—кусокъ мыла, а кумъ—вмѣсто мыла, что либо изъ денегъ. Само собою разумѣется, что крестины, или, какъ крестьяне называютъ, кстины празднуютъ одни только достаточные мужики, и то въ свободное время отъ работъ; бѣдняки же ограничиваются пріемомъ однихъ воспріемниковъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ крестинъ, какъ только родильница оправится сколько нибудь отъ болѣзни, бывшія на крестинахъ бабы, сговорившись вмѣстѣ, въ назначенный день приходятъ къ ней съ блюдами пироговъ, блиновъ, ха́рчи (мяса) или рыбы и всякой всячины, что только у кого могло на этотъ разъ случиться, при томъ достаточныя изъ нихъ приносятъ и водку. Родильница, бывши предварительно извѣщена о назначенномъ днѣ, также приготовляетъ къ этому случаю нѣкоторыя кушанья. Тутъ идетъ у нихъ столъ и пьянство цѣлый день. Удивительно, что употребленіе водки не приноситъ родильницѣ видимаго вреда. Крестьянки считаютъ

водку, а особенно настоенную на калганѣ и девесилѣ, цѣлительнымъ средствомъ для утоленія болей послѣ родовъ. „Выпьешь", говорятъ онѣ, „и костачки замигунуть".

По истеченіи трехъ дней послѣ родовъ, а иногда и болѣе, повивальная бабка размываетъ руки. Этотъ обрядъ происходитъ такимъ образомъ: бабка беретъ махотку или корецъ, насыпаетъ въ него горсть овса и, наполнивъ его водою, бросаетъ въ него три горячихъ угля (нѣкоторыя при этомъ нашептываютъ воду); потомъ кладетъ на полу, среди избы, вѣникъ и топоръ крестообразно. Родильница становится на нихъ правою ногою; въ это время повивальная бабка льетъ ей на обѣ руки воду, такъ чтобы вода текла до локтей, а родильница подхватываетъ воду съ праваго локтя лѣвою рукою и пьетъ ее; далѣе родильница льетъ воду на руки бабкѣ, и та дѣлаетъ тоже. Такимъ образомъ, каждая изъ нихъ льетъ воду на руки одна другой три раза, и всякій разъ сопровождается одними и тѣми же дѣйствіями. По окончаніи возливанія, они молятся Богу, за тѣмъ родильница благодаритъ повивальную бабку за труды и проситъ у ней прощенія, что надѣлала ей хлопотъ своими родами, кланяясь при томъ ей троекратно въ ноги. При этомъ родильница даритъ бабкѣ кусокъ полотна или миткаля мѣрою въ длину въ свой ростъ, ковригу хлѣба, солонку соли и копѣйки три серебромъ денегъ. Въ случаѣ же при родáхъ ухаживала за больною другая какая либо женщина, то родильница такимъ же образомъ льетъ и ей на руки воду, благодаритъ за хлопоты, проситъ прощенья съ поклонами и даритъ что-либо. Здѣшніе простолюдины считаютъ этотъ обрядъ священнымъ для себя: по суевѣрію своему, они убѣждены, что сама Божія Матерь, по рожденіи Спасителя, размывала также руки съ бабушкою Соломонéею, или Соломонидою.

Послѣ шести недѣль, кума (воспріемница) обязана придти къ родителямъ новорожденнаго и принести крестнику рубашку, поясъ и крестъ, или, по крайней мѣрѣ, одинъ поясъ, которымъ

она должна въ первый разъ подпоясать ребенка, а до того подпоясываніе дѣтей у простолюдиновъ считается грѣхомъ. При этомъ нельзя не замѣтить еще и слѣдующихъ обычаевъ, соблюдаемыхъ достаточными крестьянами:

Когда дитя достигнетъ годоваго возраста, тогда отецъ и мать его приглашаютъ къ себѣ воспріемниковъ и другихъ гостей и дѣлаютъ имъ обѣдъ. Въ это время крестный отецъ въ первый разъ стрижетъ волосы у крестника и кладетъ ему въ даръ на голову какую либо серебряную монету, а крестная мать— рубашку; также и другіе гости дарятъ ребенка: мужчины— деньгами, а женщины по куску полотна, ситца или миткаля на рубашку.

На другой день Рождества Христова празднуютъ такъ называемыя бабьи каши: многіе крестьяне, имѣющіе дѣтей, съ женами вечеромъ ходятъ къ повивальной бабкѣ и приносятъ ей водку, харчь, блюда пироговъ или блиновъ и всякой всячины, и здѣсь они ѣдятъ и пьянствуютъ часто до бѣла свѣта.

Въ Сырное Воскресенье, когда всѣ крестьяне, по принятому обыкновенію, ходятъ другъ къ другу прощаться на Великій Постъ, женщины, имѣющія у себя крестниковъ, дарятъ отцовъ ихъ платками, а тѣ отдариваютъ ихъ деньгами и дѣлаютъ имъ угощенье. Это обыкновеніе соблюдается въ первый годъ возраста дитяти.

2. На свадьбахъ.

Крестьянскія свадьбы бываютъ большею частію осенью и зимою—въ свободное время отъ работъ. Всѣ онѣ, обыкновенно, начинаются сватовствомъ. Выборъ невѣсты зависитъ собственно отъ родителей жениха, и рѣдко бываетъ, чтобы женихъ противорѣчилъ волѣ родителей; при томъ же всѣ вообще крестьяне мало обращаютъ вниманія на взаимную склонность вступающихъ въ бракъ. „Свыкнутца, слюбютца", гово-

рятъ они. Случается и такъ, если женихъ и невѣста не изъ одной деревни, то они не видятъ другъ друга до самаго сговора, а если у кого не бываетъ сговора, то и до самой свадьбы. Избраніе невѣсты основывается на ея хорошей нравственности, досужествѣ и доброй славѣ семьи, съ которою не стыдно было бы породниться; богатство и наружная красота въ этомъ случаѣ—достоинства второстепенныя.

Избравъ, такимъ образомъ, достойную дѣвицу, отецъ и мать жениха посылаютъ въ домъ невѣсты свата или сваху, людей болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, для предварительнаго объясненія съ родителями невѣсты. Свата принимаютъ ласково: „Миласти просимъ", говорятъ они, „сватъ — ни сватъ, а добрый чилэкъ". Но прежде нежели изъявятъ согласіе на замужство дочери, отецъ и мать совѣщаются съ родными. А между тѣмъ сватъ или сваха не разъ и не два навѣдывается въ домъ невѣсты узнать о согласіи или несогласіи на предлагаемый бракъ. И если родители невѣсты намѣрены выдать свою дочь за предлагаемаго жениха, въ такомъ случаѣ они передаютъ о томъ чрезъ свата жениховымъ родителямъ. Тогда родные жениха идутъ въ домъ отца невѣсты и, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій и остротъ, просятъ показать имъ невѣсту, хотя бы она была имъ хорошо извѣстна. Гостей угощаютъ водкою, а за тѣмъ входитъ невѣста, одѣтая въ праздничное платье, и низко кланяется гостямъ; но представленіе ее продолжается не долго: постоявъ предъ ними немного молча, она вскорѣ выходитъ вонъ и скрывается гдѣ либо до ухода сватовъ: это называется гляданками. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на гляданкахъ, вмѣстѣ съ родными, смотритъ невѣсту и самъ женихъ. Послѣ того, чрезъ день или чрезъ два, родные невѣсты, по приглашенію новыхъ сватовъ, отправляются въ домъ жениха смотрѣть его подворье. Тутъ родители жениха обязаны показать сватамъ все свое хозяйство. И если у нихъ дѣло пойдетъ на ладъ, то на другой день послѣ того, отецъ жениха съ кѣмъ либо изъ своихъ близ-

нихъ родныхъ идетъ самъ въ домъ невѣсты и несетъ съ собою хлѣбъ-соль и водку. Поздоровавшись съ хозяевами, онъ говоритъ: „Вотъ вамъ хлѣпъ-соль и Божья любовь! Што задумали, загадали, дай намъ Господи саварщыть у корысти, у радости“. На это отецъ невѣсты отвѣчаетъ: „Благадаримъ пакорна на добрыхъ ричахъ. Дай-та Господи намъ усё добрая!“ Принявъ хлѣбъ-соль, родители невѣсты собираютъ въ избу всю семью, зажигаютъ предъ иконами свѣчи и всѣ молятся Богу. Потомъ нареченные сваты садятся за столъ, угощаютъ другъ друга водкою и хлѣбомъ-солью, и здѣсь же условливаются о количествѣ такъ называемаго пбклажа. Надобно сказать, что между здѣшними крестьянами издавна существуетъ обыкновеніе давать отъ жениха невѣстѣ деньги, отъ 1 до 7 и болѣе рублей серебромъ, смотря по достатку женихова отца; но въ настоящее время это обыкновеніе въ нѣкоторыхъ селахъ стало выходить изъ употребленія. Деньги эти отецъ невѣсты получаетъ до свадьбы и употребляетъ ихъ на свадебные дары или на нарядъ невѣсты (*). При уходѣ свата домой, родители невѣсты даютъ ему также и свою хлѣбъ-соль. Этимъ обмѣномъ хлѣба-соли утверждается между ними обоюдное согласіе на бракъ; послѣ чего, та и другая сторона считаетъ себя не вправѣ отступиться отъ своего намѣренія.

Спустя нѣсколько дней, послѣ обмѣна хлѣба-соли, въ домѣ родителей невѣсты бываетъ пропо́й или пропива́нки. Въ назначенный день вечеромъ отецъ и мать жениха съ нѣкоторыми родными отправляются въ домъ невѣсты съ своимъ виномъ и снѣжею (кушаньями, приготовленными на этотъ случай). Здѣсь ожидаетъ ихъ общество, приглашенное со стороны родителей невѣсты. Вскорѣ по пріѣздѣ жениховыхъ родныхъ,

(*) Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ не такъ давно существовалъ извѣстный старинный обычай вносить господину за невѣсту купныя деньги, но съ нѣкотораго времени онъ совершенно исчезъ.

хозяева и ихъ гости садятся за столъ, а пріѣзжіе сваты угощаютъ ихъ привезенными съ собою кушаньями и водкою, и какъ только кто либо изъ родныхъ невѣсты возьметъ чарку въ руки, тогда молодыя бабы и бывшія здѣсь подруги невѣсты поютъ слѣдующую пѣсню, приноравливая ее къ тому лицу, которому поютъ:

Пойду я па вулицы,
Два двора минуючи,

Въ третьимъ паслухаю,
Што люди гавóрють.

А люди-та гаворють—
Всё батюшку бранють:

„Пьяница, прапойница
Ахимьинъ батюшка,

Прапилъ сваю чаду
Да за винную чару,

За винную чару,
За мядовай стаканчикъ“.

Въ продолженіе стола пѣвицы также поютъ и другія свадебныя пѣсни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Прамишъ горъ, прамишъ крутинькихъ,
Тамъ дарошка лижала,
Ой лёли, али лёй лёли!
Тамъ дарошка лижала;

Па тэй стёшки, па дарошки
Нихто тамъ ня ѣздя,
Ой лёли, али лёй лёли!
Нихто тамъ ня ѣздя.

Ѣхали, праѣхали
    Купцы Абаянцы,
Ой лёли, али лёй лёли!
    Купцы Абаянцы,

Купцы, купцы Абаянцы—
    Да Ахимьины братцы,
Ой лёли, али лёй лёли!
    Да Ахимьины братцы, —

Хвалилися, выхвалялися
    Сваею сястрою,
Ой лёли, али лёй лёли!
    Сваею сястрою:

„Наша систра Ахимьюшка
    Што багатымъ—багата,
Ой лёли, али лёй лёли!
    Што багатымъ—багата;

Въ нашай сястры Ахимьюшки
    Што багатства многа,
Ой лёли, али лёй лёли!
    Што багатства многа:

Шупки (*), юпки, абрядачки (**)
    Паламили грядачки,
Ой лёли, али лёй лёли!
    Паламили грядачки,

Шалкавыи паясочки
    Паламили крючочки,
Ой лёли, али лёй лёли!
    Паламили крючочки.

Атъ князей-та, акъ баяръ-та
    Паламилися сѣни,
Ой лёли, али лёй лёли!
    Поламилися сѣни“.

(*) Шубка—старинная женская одежда въ родѣ сарафана.

(**) Абряды — наряды.

2.

Ой у поли при дарожуньки
Ичмень урадилси,
Ой лёли, али лёй лёли (*)!
Ичмень уродился,

Да Ахимьюшки Уласьивнай
Енъ жать пригадилси,
Ой лёли, али лёй лёли!
Енъ жать пригадилси.

Ана жала, выбирала
Па дномъ каласочку,
Ой лёли, али лёй лёли!
Па дномъ каласочку.

Ва тў пору Ахимьюшки
Пить—ѣсть захатѣлась,
Ой лёли, али лёй лёли!
Пить—ѣсть захатѣлась.

Дѣ ни взялси Пятреюшка
Да на вóранамъ кóни,
Ой лёли, али лёй лёли!
Да на воранамъ кони.

Енъ шапку снялъ, кони унялъ,
Ниска пакланилси,
Ой лёли, али лёй лёли!
Ниска пакланилси:

„Бохъ у помочь табѣ, Ахимьюшка,
Иравой ичмень жати,
Ой лёли, али лёй лёли!
Иравой ичмень жати!

(*) Къ этой пѣсни есть другой припѣвъ: «Ой Донъ, Донъ, Донъ, ой вилъ, вилъ вилъ»!

Бохъ у помочь, Улясьивна,
Иравой выбирати,
Ой лёли, али лёй лёли!
Иравой выбирати!

—Ня сможышъ ли, Пятреюшка.
У горатъ схадити,
Ой лёли, али лёй лёли!
У горатъ схадити?

Ня сможышъ ли, Микитьивичь,
Мнѣ калачикъ купити,
Ой лёли, али лёй лёли!
Мнѣ калачикъ купити?

„Магу, магу, Ахимьюшка,
Я у горатъ схадити,
Ой лёли, али лёй лёли!
Я у горатъ схадити,

Магу, магу, Улясьивна,
Я калачикъ купити,
Ой лёли, али лёй лёли!
Я калачикъ купити."

—Пятреюшка Микитьивичь,
А семъ (*) я съ тобою,
Ой лёли, али лёй лёли!
А семъ я съ тобою. —

„Ахимьюшка Улясьивна,
Каляска тисненькя,
Ой лёли, али лёй лёли!
Каляска тисненькя."

— Пятреюшка Микитьивичь,
А я—на запяткахъ,

(*) Семъ—союзъ предположительный или желательный.

Ой лёли, али лёй лёли!
А я — на запяткахъ, —

„Ахимьюшка Уласьивна,
Тамъ горы крутыя,
Ой лёли, али лёй лёли!
Тамъ горы крутыя.“

—Пятреюшка Микитьевичъ,
А я—съ пасашочкамъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
А я—съ пасашочкамъ. —

„Ахимьюшка Уласьивна,
Тамъ лиса тямныя,
Ой лёли, али лёй лёли!
Тамъ лиса тямныя.“

— Пятреюшка Микитьивичъ,
А я—съ хванаречкамъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
А я—съ хванарêчкамъ. —

„Садись, садись, Ахимьюшка,
У каляску са мною,
Ой лёли, али лёй лёли!
У каляску са мною.“

Окончивъ ужинъ, хозяева и ихъ гости встаютъ изъ за стола, а за тѣмъ жениховы родные садятся за столъ и угощаются также отъ невѣстиныхъ родителей. Между тѣмъ пѣвицы усаживаются въ большую телѣгу или сани, ѣздятъ по деревнѣ съ пѣснями и бьютъ въ косы. Въ этомъ случаѣ преимущественно поется слѣдующая пѣсня:

Ой заюшка, ой заюшка,
Ой заюшка—гарностаюшка! 2

Куê (*) тибе, куê тибе,
Куêшъ тибе долга вечира нѣтъ? 2

Ай (**) у тибе, ай у тибе
Ай у тибе дѣ приведушка есть? 2

„Привадушка, привадушка,
Привадушка — камышъ-травушка, 2

Камышъ-трава, камышъ-трава,
Камышъ-трава и ключовая вада, 2

Прилука мая, прилука мая,
Прилука моя—бѣла ластушка. 2

Ана мине, ана мине,
Ана мине да привадила къ себѣ, 2

Заставила, заставила,
Заставила позна вечира ходить, 2

Заставила, заставила
Зиляну траву насить, 2

Заставила, заставила,
Заставила ключаву воду насить.“ 2

Ой бѣлинькій да малодинькій,
Малодинькій, свѣтъ Пятреюшка! 2

Куê тибе, куê тибе,
Куêшъ тибе долга вечира нѣтъ? 2

Ай у тибе, ай у тибе,
Ай у тибе дѣ привадушка есть? 2

(*) Куê—почему, зачѣмъ; почто.
(**) Ай—или.

„Привадушка, привадушка,
Привадушка—ой Ахимьюшка, 2

Прилука мая, прилука мая,
Прилука мая—Уласьивна свѣтъ. 2

Ана мине, ана мине,
Ана мине да привадила къ себѣ, 2

Заставила, заставила,
Заставила позна вечира хадить, 2

Заставила, заставила,
Заставила изюмъ-ягаду насить, 2

Заставила, заставила,
Заставила зиляно вино купить.“ 2

При уходѣ домой, отецъ жениха проситъ отъ невѣсты даровъ, говоря, что имъ нужны на дорогу пачпорты, съ чѣмъ бы можно показаться къ молодому князю. Понимая смыслъ сказанныхъ словъ, невѣста или мать ея выноситъ подарки и даритъ женихову родню, а даръ жениху отдается, для передачи ему, отцу или матери его; но если при этомъ находился женихъ, то даръ вручается ему тутъ же отъ самой невѣсты. Обыкновенные свадебные подарки у крестьянъ состоятъ изъ кусковъ холста для бѣлья, бумажныхъ платковъ и ширинокъ (небольшихъ полотенецъ). Крестьяне, получая даръ, утираютъ имъ уста у себя и у невѣсты и цѣлуютъ ее.

Послѣ пропоя, съ общаго согласія, назначаютъ время для сговора. Къ этому дню отецъ невѣсты созываетъ всю свою родню, друзей и знакомыхъ, а невѣста приглашаетъ дѣвицъ — подругъ своихъ. Вечеромъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты женихъ и его родные съ своею снѣдью и виномъ. Всѣ останавливаются у воротъ и говорятъ, что они люди чужестранные, ѣздятъ по полямъ ловить лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ, сбились съ дороги и

просятся переночевать. Сначала ихъ не пускаютъ, а потомъ отворяютъ ворота и гости взъѣзжаютъ на дворъ и входятъ въ избу, гдѣ ожидаетъ ихъ общество, приглашенное со стороны родителей невѣсты. Вскорѣ затѣмъ дѣлаются своды. Обрядъ этотъ происходитъ такимъ образомъ: на полу разстилается шуба вверхъ шерстью, на которую становятъ жениха и невѣсту; тогда отецъ и мать невѣсты благословляютъ ихъ иконою и хлѣбомъ-солью, потомъ передаютъ икону и хлѣбъ-соль родителямъ жениха, которые также благословляютъ ихъ. По окончаніи этого религіознаго обряда, женихъ и невѣста цѣлуются и цѣлуютъ всѣхъ безъ исключенія родныхъ и гостей. Невѣста дѣлаетъ подарки жениху и близкимъ его роднымъ, а затѣмъ родители жениха сажаютъ невѣстиныхъ родныхъ и гостей за столъ и угощаютъ ихъ своею спѣжею и виномъ. При чемъ дѣвицы и молодыя бабы поютъ свадебныя пѣсни:

1.

Згуркнула да галубушка
Ва сваёмъ галубничку,
Ой лёли, али лёй лёли!
Ва сваёмъ галубничку:

«Свѣтъ ты мой, да сизóй голупъ!
Идѣ тибѣ посадити?
Ой лёли, али лёй лёли!
Идѣ тибе пасадити?

Идѣ тибе пасадити,
Чѣмъ тибе накармити?
Ой лёли, али лёй лёли!
Чѣмъ тибе накармити?

Чѣмъ тибе накармити,
Чѣмъ тибе напаити?
Ой лёли, али лёй лёли!
Чѣмъ тибе напаити?

Пасажу сиза голуба
Ва свой галубничикъ,
Ой лёли, али лёй лели!
Ва свой галубничикъ,

Накормлю сиза́ голуба
Яраю (*) пшаницай,
Ой лёли, али лёй лёли!
Яраю пшаницай,

Напаю сиза̀ голуба
Ключавою вадицай,
Ой лёли, али лёй лёли!
Ключавою вадицай.»

Сплакнула Ахимьюшка,
У терима сидя,
Ой лёли, али лёй лёли!
У терима сидя:

«Свѣтъ ты мой, Пятреюшка!
Идѣ тибе пасадити?
Ой лёли, али лёй лёли!
Идѣ тибе пасадити?

Идѣ тибе пасадити,
Чѣмъ тибе накармити?
Ой лёли, али лёй лёли!
Чѣмъ тибе накармити?

Чѣмъ тибе накармити,
Чѣмъ тибе напаити?
Ой лёли, али лёй лёли!
Чѣмъ тибе напаити?

Пасажу Пятреюшку
Ва свой высокъ теримъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
Ва свой высокъ теримъ,

(*) Яровою.

Накармлю Пятреюшку
Слаткими прянички́ми,
Ой лёли, али лёй лёли!
Слаткими прянички́ми,

Напаю Пятреюшку
Слаткими мидами,
Ой лёли, али лёй лёли.
Слаткими мидами.»

2.

Ой стужитца, згарюитца
Чижотка,
Ой лёли, лёй лёли!
Чижотка:

«А хто шъ ета въ маемъ садику
Пабывалъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Пабывалъ?

А хто шъ ета маё гнёздушка
Взварушылъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Взварушылъ?

А хто шъ ета маихъ чижотушакъ
Разагналъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Разагналъ?»

Азываитца саловьюшка
На ляту,
Ой лёли, лёй лёли!
На ляту:

«Я у тваемъ да ва садику
Пабывалъ,

Ой лёли, лёй лёли!
Пабывалъ,

Я тваё да гнёздушка
Зварушылъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Зварушылъ,

Я тваихъ чижотушакъ
Разагналъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Разогналъ,

А сваю чижотушку
Къ себѣ взялъ.
Ой лёли, лёй лёли!
Къ сабѣ взялъ.»

Ой стужытца, да згарюится
Алгинья (*) (мать),
Ой лёли, лёй лёли!
Алгинья:

«А хто шъ ета въ маёмъ терния
Пабывалъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Пабывалъ?

А хто шъ ета маи столики
Паламалъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Паламалъ?

А хто шъ ета маи скатирти
Памаралъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Памаралъ?

А хто шъ ета лошки, тарелки
Пакалолъ,

(*) Евгенія.

Ой лёли, лёй лёли!
Пакалолъ?

А хто шъ ета зиляно вино
Разливалъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Разливалъ?

А хто шъ маю Ахимьюшку
Цалавалъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Цалавалъ?

А хто шъ ета Уласьивну
Милавалъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Милавалъ?»

Азываитца Пятреюшка
На каню,
Ой лёли, лёй лёли!
На каню:

«Я у тваёмъ да ва теримя
Пабывалъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Пабывалъ,

Я тваи да и столики
Паламалъ,
Ой лёли, лёй, лёли!
Паламалъ,

Я тваи и скатерти
Памаралъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Памаралъ,

Я тваи ложки, тарелки
Пакалолъ,
Ой лёли, лёй лёли!
Пакалолъ,

Я тваê зилянo вино
Разливалъ,
Ой лêли, лêй лêли!
Разливалъ,

Я шъ сваю Ахимьюшку
Цалавалъ,
Ой лêли, лêй лêли!
Цалавалъ,

Я шъ сваю Уласьивну
Милавалъ,
Ой лêли, лêй лêли!
Милавалъ.»

Поѣвши кушанья, привезенныя жениховыми родителями, хозяева и ихъ гости встаютъ изъ за стола и усаживаютъ женихову родню, и также угощаютъ ихъ своею снѣжею и виномъ, а подруги продолжаютъ пѣть:

3.

Винаградная ягатка
Раствитала,
Али ляй лêли, лêли!
Раствитала,

Раствитêмшы, ягатка
Ападала,
Али ляй лêли, лêли!
Ападала.

Ахимья батюшки
Гаварила,
Али ляй лêли, лêли!
Гаварила:

«Ни аддавай мине, батюшка,
Младу замушъ,
Али ляй лêли, лêли!
Младу замушъ,

Ни упавай, радимай мой,
На багаства,
Али ляй лёли, лёли!
На багаства.

Выбирай, радимай мой,
Чилавѣка,
Али ляй лёли, лёли!
Чилавѣка;

Ни зъ багатствамъ жыть, батюшка,
Шъ чилавѣкамъ,
Али ляй лёли, лёли!
Шъ чилавѣкамъ,

Ни съ высокими харомами
Думу думать,
Али ляй лёли, лёли!
Думу думать,

Да ни съ свѣтлымъ платьицамъ
Гаварити,
Али ляй лёли, лёли!
Гаварити;

Штопъ ня стыдна къ табѣ, батюшка,
Въ гости ѣхать,
Али ляй лёли, лёли!
Въ гости ѣхать;

Штопъ ня стыдна падружунькамъ
Пахвалитца,
Али ляй лёли, лёли!
Пахвалитца,

Што харошъ Пятреюшка
Урадилси,
Али ляй лёли, лёли!
Урадилси;

Енъ—и ростамъ, дароствамъ,
Красатою,
Али ляй лёли, лёли!
Красатою,

Енъ—сваею маладецкаю
Чистатою,
Али ляй лёли, лёли!
Чистатою,

Енъ и бѣлай, румёнай:
Чирнабровай,
Али ляй лёли, лёли!
Чирнабровай,

Енъ и чистай, рячистай,
Гаварливай,
Али ляй лёли, лёли!
Гаварливай.“

4.

Ни разливайси ты, мой тихай Дунай,
Ни заливай зиляныи луга!

Ва тѣхъ ли лугахъ—всё кавыла трава,
Ва тэй ли кавыля—тамъ бѣлай алень,

Тамъ бѣлай алень—залатыи рага.
Мима тамъ ѣхалъ Пятрей гаспадинъ,

Мима тамъ ѣхалъ Микитьивичь.
Вдарилъ аленюшку плётачкою,

Вдарилъ аленюшку плётачкаю,
Вдарилъ рагатаго бѣлай—шалкаваю.

Какъ згаварить яму бѣлай алень.
«Ты ни бей мине, Пятреюшка!

Ты ни бей мине, Микитьивичь!
Нѣвкая время гажусь я табѣ;

Будишъ жанитца, на свадьбу приду;
Па дворъ узайду, весь дворъ асвячу,

У терймъ приду, всѣхъ гастей взвисялю,
А больши всиго—Ахимью тваю,

Што бы ана да ни плакала,
Што бы ана ни лила да гарючихъ слêсъ".

Послѣ ужина пѣсни и пляски продолжаются довольно долго, и, наконецъ, всѣ разъѣзжаются или расходятся по домамъ. При отъѣздѣ жениха подруги поютъ.

Былъ у насъ, пабывалъ у насъ
Да низванай гость на дварѣ,

Цалавалъ, милавалъ
Ахимьюшку въ тирямѣ.

Хочь цалавалъ, хочь милавалъ,
Да ни шъ чемъ двару (*) наѣхалъ:

Да ни взялъ, да ни взялъ
Ахимьюшки съ сабою;

Толькя взялъ, толькя взялъ
Шыриначку съ махрами.

На другой день послѣ сговора бываетъ у нѣкоторыхъ охмѣлянье. Всѣ бывшіе на сговорахъ гости собираются также вечеромъ въ домѣ родителей невѣсты, пьютъ, ѣдятъ и веселятся до глубокой ночи.

Но когда день, назначенный для бракосочетанія, приближается, со стороны жениха и невѣсты избираются чиновные

(*) Домой.

лица на этотъ случай, для увеличенія пышности свадебнаго церемоніала. Со стороны жениха избираются: а) Дружко—распорядитель свадебнаго церемоніала, который долженъ быть непремѣнно женатый, расторопный, говорунъ и опытный въ своемъ дѣлѣ; онъ долженъ угощать всѣхъ гостей, поддерживать веселость ликующихъ и оберегать молодыхъ отъ порчи. б) Поддружье—помощникъ дружка (бываетъ не вездѣ). в) Посаженый отецъ (*) и посаженая мать: это крестные отецъ и мать жениха; они въ продолженіе свадьбы пользуются особеннымъ почетомъ и благословляютъ жениха образомъ и хлѣбомъ-солью вмѣстѣ съ его родителями при отъѣздѣ къ вѣнцу. г) Ранняя сваха—женщина, близкая по родству жениху, которая печетъ свадебный каравай, а при отъѣздѣ въ церковь будущей четы расплетаетъ косу невѣстѣ и осѣваетъ поѣздъ. д) Дядька—шаферъ: эту должность занимаетъ большею частію братъ невѣсты; онъ неотлучно находится при женихѣ и сопровождаетъ его къ вѣнцу и отъ вѣнца (**). Со стороны невѣсты избираются: а) Посаженый отецъ и посаженая мать—крестные отецъ и мать невѣсты; они также, какъ и жениховы посаженые отецъ и мать, пользуются въ продолженіе свадьбы особеннымъ почетомъ и благословляютъ невѣсту при отъѣздѣ къ вѣнцу вмѣстѣ съ ея родителями. б) Поздняя или повивальная сваха: она убираетъ голову молодой въ женскій уборъ и сопровождаетъ ее къ вѣнцу и отъ вѣнца. в) Постельницы—двѣ женщины, которыя приготовляютъ брачное ложе для молодыхъ.

Вечеромъ наканунѣ свадьбы во многихъ селеніяхъ дѣлаютъ въ домѣ невѣсты дѣвичникъ. На этотъ вечеръ невѣста созываетъ всѣхъ своихъ подругъ раздѣлить съ нею послѣдній вечеръ, а родители ея приглашаютъ также своихъ родныхъ и знакомыхъ. Поздно вечеромъ пріѣзжаетъ сюда женихъ, съ отцомъ и

(*) Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вмѣсто посаженаго отца бываетъ большой сватъ.
(**) Въ иныхъ мѣстахъ дядька означаетъ тоже, что дружко.

прочею роднею. Дѣвицы приносятъ съ собою блины и другіе съѣстные припасы и угощаютъ ими невѣсту и всѣхъ гостей. Здѣсь обыкновенно гости проводятъ время въ ѣдѣ и попойкѣ; дѣвицы въ продолженіе вечера поютъ и пляшутъ. Изъ пѣсенъ особенно поются въ этомъ случаѣ слѣдующія:

1.

Какъ при вечиру, вечиру,
У Ахимьюшки на дявишничку

Ахимья сонъ видила,
Сонъ ня весилъ и ни радастинъ.

Никаму ана сна ни сказавала;
Толькя сказала рôднай матушки:

«Гасударыня матушка!
Какъ я нынча сонъ видила;

Сонъ ня весилъ и ни радастинъ:
Бутта надъ нашымъ натъ шырокимъ надъ дваромъ

Узвивалси млатъ исмёнъ саколъ.
Енъ сѣлъ—упалъ на шырокай дворъ,

На шырокай дворъ на батюшкинъ,
На высокъ теримъ на матушкинъ,

На растворчита акошачка,
На сиребрину причалинку (*).»

—Ты дитё маё, дититка,
Ты дите маё милая!

Ты сайди съ высокаго тирима̀,
Привяти ты яснаго сакала,

(*) Причалинка—досчатая прибоина у окна.

Яснага сокала залётнага,
Добрага молатца заѣжжага.

«Гасударыня матушка!
Ужъ я рада пъ сашла съ терима,

Только больна испужалася,
Рѣзвы ношки паткасилися,

Рѣзвы ношки паткасилися,
Бѣлы ручки апустилися,

Изъ ачей да слёзы котютца,
Мнѣ на свѣтъ глядѣть ня хочитца.»

2.

Да ни по саду галушка
Литала,
Да ляли, лёли лёлюшки! 2
Литала,

Абъ вышанья крылушки
Бивала,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Бивала,

А всё шъ ана сокала
Будила,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Будила:

«Устань, праснись, сокалицъ
Исмяной!
Да ляли, лёли, лёлюшки, 2
Исмяной!

Да ни на́далга шъ я табѣ
Дасталась;

Да лёли, лёли, лёлюшки! 2
Дасталась,

Да ни надолга, ни на долгая
Времичка:
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Времичка:

У сиго тольки ночушку
Начивать,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Начивать;

Утра-рана соколы
Прилитять,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Прилитять,

Вазьмуть мине галушку
Съ сабою,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Съ сабою,

Аддадуть мине сокалу
Пать крылья,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Пать крылья;

Да и тамъ буду зимушку
Зимавать,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Зимавать,

Пасля таго — готъ цѣлай
Гадавать,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Гадавать.»

Па териму Ахимьюшка
Хадила,

Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Хадила,

Горькя ана плакала,
Рыдала,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Рыдала,

Залатою чипочкаю
Звянѣла,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Звянѣла,

А всё шъ ана батюшку
Будила,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Будила:

«Устань, праснись, батюшка
Радимай!
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Радимай!

Да ни нáдалга я шъ табѣ
Дасталась,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Дасталась,

Да ни нáдалга, ни на долгая
Времичка,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Времичка:

Усиго тольки ночушку
Начивать,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Начивать;

Утра-рана баяря
Пріѣдуть;

Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Прiѣдуть,

Вазьмуть мине Ахимьюшку
Съ сабою,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Съ сабою,

Аддадуть мине Пятреюшки
На руки,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
На руки;

Да и тамъ буду готъ цѣлай
Гадавать,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Гадавать;

Пасля таго вѣкъ цѣлай
Викавать,
Да ляли, лёли, лёлюшки! 2
Викавать.»

3.

На мари утёнушка
Да купалася,
На синёмъ сѣрая
Паласкалася;

Спаласнувшы, утушка
Вышла на бирихъ,
Вышатчи, сѣрая
Стрипянулася;

Стрипянувшы, сѣрая
Даваскрякнула:
«Свѣтъ маё, свѣтъ маё
Да синёя моря!

Свѣтъ маи, свѣтъ маи
Да жалтыи пяски!
Свѣтъ маи, свѣтъ маи
Да крутыи бирига!

Какъ-та мнѣ съ синимъ моримъ
Раставатися
Какъ-та мнѣ жъ жалтыхъ пясковъ
Паднииматися?

Ни хатя я съ синимъ моримъ
Да растануся,
Ни хатя я жъ жалтымъ пискомъ
Распрашшаюся:

Выпадуть снига - та тутъ
Да глубокаи,
Наступють-та марозы тутъ
Да хришшенскаи.»

У терима Ахимьюшка
Умувалася,
Бѣлами бялилами
Да бялилася,

Алыми румёнами
Да румянилася,
Чорнами сурмилами
Брови сурмила;

Насурмёвшы, Ахимьюшка
Да всплакнула:
«Свѣтъ ты мой, свѣтъ ты мой
Да высокай тирёмъ!

Свѣтъ ты мой, свѣтъ мой
Рóднай батюшка!
Свѣтъ мая, свѣтъ мая
Рóдна матушка!

Какъ-та мнѣ зъ батюшкай
Раставатися?
Какъ-та мнѣ съ матушкай
Распрашшатися?

Ни хатя я зъ батюшкай
Да растануся,
Ни хатя я съ матушкай
Распрашшаюся:

Какъ приѣдуть къ намъ
Князи-баяря,
Вазьмуть мине Ахимьюшку
Съ сабою,

Аддадуть мине къ Пятреюшки
На руки,
На руки, да на вѣшнаи
На вики.»

По отъѣздѣ гостей домой, невѣста выноситъ подарки и даритъ жениха и его родню.

Наконецъ, настаетъ день брака. Утро представляетъ множество хлопотъ въ домѣ жениха и невѣсты. Всѣ члены того и другаго семейства принимаютъ дѣятельное участіе въ различныхъ приготовленіяхъ къ свадебному пиру; но болѣе всѣхъ озабочены тогда отецъ и мать жениха. У нихъ долженъ быть главный свадебный столъ и угощеніе для всѣхъ гостей, при томъ же, какъ начинается утро, къ нимъ собираются гости, какъ-то: посаженые отецъ и мать жениха, дружко, ранняя сваха и другіе, въ присутствіи которыхъ долженъ свадебный коровай сажаться въ печь (*). По сборѣ ихъ, сперва ранняя сваха съ другими женщинами валяютъ на столѣ тѣсто для коровая; сваливши его, ставятъ на полу среди избы ступу или

(*) У нѣкоторыхъ коровай печется наканунѣ брака.

дежу, въ которой заквашивалось тѣсто (*), а подлѣ печи, тоже на полу, кладутъ зажженый вѣникъ; тогда дружко бьетъ плетью или кнутомъ (**) раннюю сваху, и она прыгаетъ чрезъ горящій вѣникъ и обѣгаетъ около ступы или дежи. Это дѣйствіе повторяется до трехъ разъ. Послѣ чего они троекратно цѣлуются; потомъ дружко обращается къ присутствующимъ при этомъ съ слѣдующую рѣчью: «Атецъ паражонай и мать паражоная, атецъ пасажонай и мать пасажоная, баяря-гости званаи, стараи старички барадатаи, добраи молатцы нижанатаи, краснаи дѣвушки замушъ ніаддаватаи, игрицы-пявицы, пирожнаи мастарицы, гаршешнаи пагубницы! баславитя карвай у печь пасадить?» На это всѣ отвѣчаютъ: «Бохъ баславитъ!» — «У другой расъ и усѣ три разы?» — «Бохъ баславитъ! Бохъ баславитъ!» Тогда дружко беретъ лопату и съ помощью ранней свахи сажаетъ коровай въ печь. Въ соединеніи съ этимъ обрядомъ поются особыя пѣсни, въ различныхъ варіантахъ, но всѣ онѣ, сколько мнѣ приходилось слышать, такъ искажены, что утратили всякій смыслъ.

Между тѣмъ съѣзжаются поѣзжане и начинается приготовленіе къ браку. Жениха одѣваютъ въ самое лучшее платье, обвязываютъ ему шею большимъ платкомъ или кладутъ его на плеча и пришиваютъ къ верхней одеждѣ у самыхъ плечъ, такъ что концы его висятъ по плечамъ, а средина нѣсколько опускается на спину. Подобнымъ образомъ уряжаютъ и дядьку, а дружка и поддружье перевязываютъ чрезъ плечо рушниками. Послѣ того растилается на полу шуба вверхъ шерстью и наступаетъ минута глубокаго молчанія. Родной отецъ беретъ ковригу хлѣба съ солью и икону, становится предъ разостланной шубою; сынъ становится противъ отца, на шубу, кладетъ три земныхъ поклона предъ иконою и говоритъ: «Прасти и

(*) Нужно замѣтить, что дружко во все время свадьбы бываетъ вооруженъ кнутомъ или плетью.

(**) Въ иныхъ селеніяхъ коровай печется изъ прѣснаго тѣста, иногда сдобный.

баслави, батюшка, на Божій суть пайтить?» Отецъ отвѣчаетъ: «Бохъ тибе баславить и я баславляю!» Женихъ съ благоговѣніемъ прикладывается къ иконѣ, цѣлуетъ хлѣбъ и отца. Такимъ точно образомъ благословляетъ жениха родная мать, а потомъ посаженые отецъ и мать и, наконецъ, всѣ домашніе, не исключая дѣтей. Во время благословленія женихъ плачетъ, мать рыдаетъ и у всѣхъ присутствующихъ навертываются на глазахъ слезы.

По окончаніи благословенія, жениха сажаютъ подъ святые за столъ, на свернутую вверхъ шерстью шубу; садятся также и всѣ гости, кромѣ дружка. Отецъ жениха обноситъ всѣхъ водкою, а между тѣмъ зажигаются у иконъ свѣчи. Когда гости выпьютъ и закусятъ, дружко кричитъ: «Просимъ братца (браться) за отчу!» Всѣ приподнимаются съ мѣстъ и молятся Богу, а посаженый отецъ читаетъ молитву: «Отче нашъ». Помолясь Богу, по приглашенію дружка, гости опять садятся. Дружко, возвысивъ голосъ, говоритъ: «Атецъ паражонай и мать паражоная, атецъ пасажонай и мать пасажоная, баяря-гости званаи, стараи старички барадатаи, добраи молатцы нижанатаи, краспаи дѣвушки замушъ ніаддаватаи, игрицы-пявицы, пирожнаи мастярицы, гаршешнаи пагубницы! баславитя маладому князю у добрай путь паѣхать?»—«Бохъ баславить!»—«У другой расъ и усѣ три разы?»—«Бохъ баславить! Бохъ баславить!» Послѣ того всѣ поднимаются съ мѣстъ, молятся Богу и тотчасъ опять садятся. Но вскорѣ дружко восклицаетъ: «Время у добрай путь!» Всѣ встаютъ и вслѣдъ за женихомъ выходятъ на дворъ. Женихъ садится вмѣстѣ съ дядькою на приготовленную для нихъ подводу; ставъ на телѣгу или сани, онъ крестится на всѣ четыре стороны и кланяется всему стоявшему на дворѣ народу. Прежде чѣмъ поѣзжане займутъ свои мѣста, выносятъ изъ избы дежу, ставятъ ее вверхъ дномъ впереди поѣзда, накрываютъ скатертью и кладутъ на нее сковороду и ковригу хлѣба съ солью; вмѣстѣ съ тѣмъ, подаютъ ранней свахѣ осыпало—блюдо, насыпанное хмѣлемъ или разнымъ зерновымъ хлѣбомъ,

сверхъ котораго кладутъ гребешокъ и комъ коровьяго масла, завернутый въ бумажку (*). Взявъ осыпало, она обѣгаетъ троекратно вокругъ поѣзда и осыпаетъ его тѣмъ или другимъ (**); при этомъ дружко стегаетъ ее неоднократно кнутомъ, а игрицы поютъ.

Заюшка лясы абигая,
Сѣринькій лясы абигая.

Сватьюшка хмѣлимъ асыпая,
Гордая хмѣлимъ асыпая,

Дружылушка услѣтъ ходя,
Харабрóй (храбрыи) крутомъ поря.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сваха осыпаетъ поѣздъ, стоя на телѣгѣ, и тогда дружко бьетъ кнутомъ только по землѣ. По окончаніи осыпанья, дружко забрасываетъ куда попало сковорду, садится самъ на подводу, и поѣздъ отправляется въ домъ невѣсты. Съѣхавши съ двора, игрицы поютъ:

Типла вода у колодизю
Стаяла,
Ой лёли, али лёй лёли!
Стаяла,

Усё вышанья да арѣшанья (***)
Спадмыла,
Ой лёли, али лёй лёли!
Спадмыла.

Ва томъ вышанью, у варѣшанью
Конь стаялъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
Конь стаялъ,

(*) Осыпало съ гребешкомъ и масломъ сваха везетъ потомъ въ домъ невѣсты, гдѣ она обязана намаслить и расчесать косу невѣсты и осыпать весь поѣздъ.

(**) Въ иныхъ селеніяхъ поѣздъ осыпаетъ самъ дружко.

(***) Орѣшникъ.

Падли коня, падли коня —
Млатъ друшко,
Ой лёли, али лёй лёли!
Млатъ друшко,

Гладя кóня, гладя кóня
Па бидрамъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
Па бидрамъ:

«Охъ, кóня мой, охъ, кóня мой
Вараной!
Ой лёли, али лёй лёли,
Вараной!

Таваришъ мой, таваришъ мой
Дарагой!
Ой лёли, али лёй лёли,
Дарагой!

Паѣдимъ конь, паѣдимъ конь,
Да са мной,
Ой лёли, али лёй лёли!
Да са мной

Да ва дальнiю, да ва дальнiю
Дарогу,
Ой лёли, али лёй лёли!
Дарогу,

Па раннiю, харошаю
Сватьюшку,
Ой лёли, али лёй лёли!
Сватьюшку.—

Ужо ли ты, раннiя сваха,
Убралась,
Ой лёли, али лёй лёли!
Убралась?

Ана вó вапсъ у золата
Увилась,
Ой лёли, али лёй лёли!
Увилась,—

Залатыя вахворушки (* —
Па плячамъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
Па плячамъ.

Чижала (тяжела) ты, ромшія сваха
На шировость,
Ой лёли, али лёй лёли!
На шировость;

Сестра коней стаялая
Ни вязуть,
Ой лёли, али лёй лёли!
Ни вязуть;

Али буйная да галовушки
Ня несуть,
Ой лёли, али лёй лёли!
Ня несуть».

Здѣсь повторяются первые 9 куплетовъ, съ тою разницею, что въ 4-мъ куплетѣ, вмѣсто: «плать дружко», говорится имя жениха, а потомъ:

«Да на красную, хорошую
Нявѣсту,
Ой лёли, али лёй лёли!
Нявѣсту,

Па красную, пахвальную
Ахвотью,
Ой лёли, али лёй лёли!
Ахвотью.—

(*) Подвѣски у серегъ.

Ужо ли ты, Ахимьюшка,
Убралась,
Ой лёли, али лёй лёли!
Убралась?

Ана пó паисъ у золата
Увилась,
Ой лёли, али лёй лёли!
Увилась,

Залатыи варворушки —
Па пличамъ
Ой лёли, али лёй лёли!
Па пличамъ.

Лихка, лихка Ахимьюшка
На пирявосъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
На пирявосъ;

Адинъ-та конь, и тотъ худой,
Да павёсъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
Да павёсъ;

Енъ буйнаю да галовушку
Да панёсъ,
Ой лёли, али лёй лёли!
Да панёсъ.»

Въ то же время, какъ женихъ собирается въ домѣ своихъ родителей, къ невѣстѣ собираются ея подруги и поѣзжане. Ее также наряжають въ лучшее платье, также благословляютъ отецъ и мать родные и посаженые и всѣ домашніе. При этомъ невѣста плачетъ на распѣвъ съ разными причетами, а подруги поютъ:

Шолкавая нитачка къ стѣнки льне,
Ахимья къ батюшки чиломъ бье:

«Баслави, батюшка, баслави!
Баслави, родимынькій, баслави!»

Шелкавая ниточка къ стѣнки льне,
Ахимья къ матушки чиломъ бье:
«Баслави, матушка, баслави!
Баслави, родная, баслави»!

Но если невѣста сирота, то предъ благословеніемъ ея кѣмъ либо изъ родныхъ поютъ:

Многа, многа у сыромъ дубу,
Многа вѣтьявъ и павитьявъ (*),

Многа вѣтьявъ и павитьявъ,
Многа листу шырокага,

Многа листу шырокага,
Многа моху зелёнага;

Только нѣтъ у сыромъ дубу
Залатой вярхушачки,

Залатой вярхушачки,
Пазалочинай макушачки.—

Многа, многа у А—юшки,
Многа роду и племяни,

Многа роду и племяни,
Многа дядюшакъ, тётушакъ,

Многа дядюшакъ тетушакъ,
Многа братцавъ, нявѣстушакъ,

Многа братцавъ, нявѣстушакъ,
Многа ближнихъ сусѣдушакъ;

(*) Мелкихъ боковыхъ вѣточекъ на главныхъ отросляхъ древеснаго ствола.

Толькя нѣтъ у А—юшки
Да роднай матушки (или батюшки).

«Ужъ ты, братицъ Лагутушка,
Ты пади ва канюшанку,

Ты пади ва канюшанку,
Асидлай варанà каня,

Асидлай варанà каня,
Ты паижжай къ Божій церкавки,

Ты паижжай къ Божій церкавки,
Ты удырь у бальшой колкалъ,

Ты удырь у бальшой колкалъ,
Разбуди маю матушку (или батюшку):

Што типерь не надамна
Да кы етаму времичку,

Да кы етаму времичку—
Къ маяму баславеньичку;

Кы Божью суду ѣхати,
Залатой винецъ принятн

Баславить мине не каму.
Баславить мине Бохъ—Судья,

Баславить мине Бохъ—Судья
Да рôднай батюшка (или матушка)».

По окончаніи благословенія, невѣсту сажають за набранный столъ, вокругъ ея садятся дѣвушки-подруги и до пріѣзда жениха поютъ жалобныя свадебныя пѣсни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

А зборы, зборы Ахимьюшкины,
А зборы, зборы Уласьивнай!

Сабрала падрухъ къ батьки въ домъ,
Пасадила всѣхъ за столъ,

Сама сѣла выша всѣхъ,
Накланила галовушку нижа всѣхъ,

Здумала думушку боля всѣхъ:
«Даражысь, даражысь, батюшка,

Даражысь, даражысь, радимай!
Бяри за мине сто рублёвъ,

За косу маю—тысичу,
За крóсу маю смѣты нѣтъ».

2.

Сѣла кукушка, сѣла рябая
Въ саду на рябиня,

Хатѣла ана, хатѣла ана
Рябину паламити;

Ана ни паламила, ана ни паламила,
Толькя нахилила (*).

Сѣла Ахимья, сѣла Уласьивна
У батюшкя пать святыми,

Хатѣла ана, хатѣла ана
Батюшку взвисялити;

Ана ни взвисялила, ана ни взвисялила,
Толькя расслязила.

(*) Наклонила.

3.

По марю утёнушка плавала,
Плавала, плавала.

У терния Ахимьюшка плакала,
Плакала, плакала,

Сидючи за убраныиъ за столомъ,
За сталомъ, за сталомъ,

Глядючи на зилёнай сатъ въ акошка,
Въ акошка, въ акошка,

На алаи и лазоривы твиточки,
Твиточки, твиточки:

«Бохъ судья маму батюшки рóднаму,
Рóднаму, рóднаму,

Што моладу въ чужы люди аддаеть,
Аддаеть, аддаеть,

Што моладу на чужую сторану,
Сторану, сторану!

Астаетца зилёнай сатъ бизъ мине,
Бизъ мине, бизъ мине,

И алаи и лазоривы твиточки,
Твиточки, твиточки.

Вставай, вставай, мой батюшка раненькя,
Раненькя, раненькя,

Паливай маи твѣтики чистёнькя
Чистёнькя, чистéнькя,

И ранними, вичерними зарями,
Зарями, зарями,

Пасля таго гарючими слизами,
Слизами, слизами,

Прикрывай маи твѣтики тавтою,
Тавтою, тавтою,

Пасля таго сирдешнаю таскою,
Таскою, таскою!»

—Буду, буду, маѐ дититка, уставать,
Уставать, уставать;

Буду, буду тваи твѣтики паливать,
Паливать, паливать,

И ранними, вичерними зарями,
Зарями, зарями,

Пасля таго гарючими слизами,
Слизами, слизами;

Буду, буду, маѐ дититка, прикрывать,
Прикрывать, прикрывать

Шолкаваю, палушолкаваю тавтою,
Тавтою, тавтою,

Пасля таго сирдешнаю таскою,
Таскою, таскою.

Въ продолженіе пѣнія всѣ плачутъ, а особенно невѣста и ея мать.

Заслышавъ жениховъ поѣздъ еще издали, хозяева затворяютъ ворота, и сначала какъ будто не пускаютъ его во дворъ, прося платы за пропускъ; но дружко подноситъ привратнику стаканъ водки, а иногда даетъ ему что либо изъ денегъ, и поѣздъ съ шумомъ въѣзжаетъ на дворъ. А между тѣмъ подруги въ избѣ поютъ:

«Матушка! што у поля пыль?
Рóдная! што у поля пыль?

— Дитятка! кони играють,
Милая! кони играють.—

«Матушка! баяря ѣдуть,
Родная! бояря ѣдуть.»

— Дитятка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! на дворъ узъижають,
Родная! на дворъ узъижають.»

— Дитятка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! у теримъ идуть,
Родная! у теримъ идуть.»

— Дитятка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! за столъ садятца,
Родная! за столъ садятца»

— Дитятка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! зъ за стала устають,
Родная! зъ за стала устають.»

— Дитятка! сиди, ня бойси,
Милая! нябось, ня выдамъ.—

«Матушка! за ручку вядуть,
Родная! за ручку вядуть.»

— Дитятка! Гаспоть съ табою,
Милая! Гаспоть съ табою.—

Войдя въ сѣни, женихъ и поѣзжане останавливаются на время; дружка кричитъ: «Атецъ паражонай и мать поражоная и проч. баславитя маладога князя у домъ увесть, съ маладою княгинiю свесть, къ Божьиму суду паѣхать, залатой винецъ принять.» Получивъ благословенiе, всѣ входятъ въ избу. Невѣста, окруженная подругами, сидитъ за столомъ, склонивъ голову на лежащiй противъ нея хлѣбъ, а на мѣстѣ, которое долженъ занять женихъ, сидитъ родной братъ невѣсты, съ дубиною въ рукахъ. Дружко, во-первыхъ, обращаетъ вниманiе на вооруженнаго брата невѣсты, и спрашиваетъ: «Ета што у васъ за чилэкъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «Хозяинъ. А вамъ што нужна?» И между ними завязывается разговоръ и наконецъ — торгъ за косу невѣсты. Торгъ на словахъ идетъ у нихъ на тысячи, а на дѣлѣ дружко даетъ продавцу за косу сестры гривны двѣ или три мѣдью и подноситъ четыре стакана или чарки водки, по числу угловъ въ избѣ. Тогда братъ снимаетъ у сестры съ головы повязку изъ платка, надѣваетъ ее на свою голову и выходитъ изъ за стола. За тѣмъ дружко подноситъ подругамъ по чаркѣ водки, и онѣ также выходятъ изъ за стола и прощаются съ невѣстою. Послѣ того одна изъ подругъ снимаетъ съ брата невѣстину повязку и надѣваетъ ее опять на голову невѣсты. Вслѣдъ затѣмъ женихъ и поѣзжане садятся за столъ. Женихъ, занявъ свое мѣсто подлѣ невѣсты, поднимаетъ склоненную ея голову и цѣлуетъ ее.

Въ нѣкоторыхъ селенiяхъ косу невѣсты продаютъ ея подруги, а у брата окупается только мѣсто для жениха подлѣ невѣсты.

За столомъ ранняя сваха, по примѣру дружка, испрашиваетъ благословенiя «молодой княгинѣ русою косу расплесть и молодому князу кудри расчесать». Получивъ благословенiе, она приступаетъ къ дѣйствiю; при чемъ надѣваетъ на свою кичку невѣстину повязку, а сверхъ повязки—женихову шапку, Въ это время поютъ:

Растварялися варотички
Да бязъ вѣтру, бязъ вихарю,

Да бязъ вѣтру, бязъ вихарю,
Бясъ сильнаго дробнаго дожжычку.

Ни слыхала Ахимьюшка,
Какъ баяря на дворъ узъѣхали.

Ана миталася, брасалася,
За дѣвушакъ харанилася:

«Схаранитя мине, дѣвушки,
Схаранитя мине, красная!

Какъ пріѣхалъ разаритель мой,
Какъ пріѣхалъ пагубитель мой,

Какъ пріѣхалъ расплятн-косу,
Расплятн-косу надвая.»

Какъ даслышался Пятреюшка,
На тестивамъ крыльцу сидючи:

«Ни плачь Ахимьюшка,
Ни тужи, свѣтъ Уласьивна!

Да ни я разаритиль твой,
Да ни я пагубитиль твой,

Да ни я расплятн—косу,
Расплятн косу на двая;

Разаритиль твой—батюшка,
Пагубитиль твой—матушка,

Пагубитиль твой—матушка,
Расплятн-косу—сватьюшка.»

Расчесавъ волосы у невѣсты и жениха, ранняя сваха снимаетъ съ себя невѣстину повязку и женихову шапку, обво-

дитъ ими троекратно вокругъ ихъ головъ и накрываетъ невѣсту полотенцемъ или платкомъ, подъ которымъ она стоитъ и въ церкви, во время брачнаго таинства. Послѣ того поѣзжанамъ подается короткій обѣдъ: всего три потрàвы (кушанья). Обѣдъ начинается обыкновенною рѣчью дружка, въ которой онъ испрашиваетъ благословенія «хлѣба - соли порушить». Женихъ и невѣста сидятъ молча и ничего не ѣдятъ. У нѣкоторыхъ въ это время подставляется имъ подъ ноги плетушка съ мякиною, въ которую они вставляютъ по одной ногѣ: женихъ—лѣвую, а невѣста—правую. Въ продолженіи обѣда дѣвки обыгрываютъ мужчинъ: подносятъ каждому по стакану или по кружкѣ кваса и при томъ поютъ:

Выкушай, Васильюшка,
Выкушай, Алдакимавичь,

Падари, Васильюшка,
Падари, Алдакимовичь

Ни рублёмъ, палтиняю,
Залатою гривнаю.

Кали будишъ насъ дарить,
Мы будимъ тибе хвалить,

Кали ня будишъ насъ дарить,
Мы будимъ тибе карить.

Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ селеніяхъ, кромѣ того, еще поютъ:

Ой Василій Алдакимавичь!
Енъ пáчтёнъ, пажалаванъ,

Енъ пачтёнъ, пажалаванъ,
У Гаврилы Микалаивича (имя господина):

Бизъ яго мёду ня пьють,
Сахару ня кушають,

Поть-пади, Васильюшка,
Поть-пади, Алдакимавичь!

Вотъ табѣ мѣста бальшоя,
Вотъ табѣ чара первая,

За тваю услугу,
За тваю вяликаю.

Всякій обыгрываемый мужчина обязанъ положить пѣвицамъ что либо изъ денегъ. Но если кто въ этомъ случаѣ не даетъ имъ денегъ, то онѣ продолжаютъ пѣть:

Василій Алдакимовичъ!
Ай у тибе денихъ нѣтъ?

Ты займи у таваришша
Сванго друга милага,

Сванго друга милага,
У вАрины Максимавнай.

А у Василья жана маладая—
На свадьбу яго сабирала,

У платокъ денихъ завизала,
Ана шъ яму приказала:

«Адари, мой друхъ, ни скупися,
Маладыхъ игрицъ ни стыдися,

Штобы мнѣ, мой друхъ—ни пазорна,
А табѣ мой друхъ—ни бящесна.»

Или:

Василій Алдакимовичъ!
Ай у тибе денихъ нѣтъ?

Ты займи у насъ,
Падари ты насъ.

Насъ игрицъ нянюшка:
Бизъ адной дивиюста.

По окончаніи обѣда, отецъ и мать невѣсты благословляютъ будущую чету образомъ и хлѣбомъ-солью, также на разостланной шубкѣ. Благословивъ дочь, они передаютъ ей въ руки и образъ, съ которымъ она должна ѣхать въ церковь. За тѣмъ всѣ садятся по мѣстамъ, и дружко испрашиваетъ благословенія «молодому князу и молодой княгинѣ къ Божьему суду поѣхать, золотой вѣнецъ принять и законъ получить». Послѣ того всѣ встаютъ съ мѣстъ, молятся Богу, но тотчасъ опять садятся, и на нѣсколько минутъ воцаряется тишина. Дружко опять кричитъ: «порà!» Тутъ снова всѣ встаютъ и, знаменуясь крестнымъ знаменіемъ, выходятъ изъ избы на дворъ. Женихъ и невѣста садятся на особыя телѣги, крестятся на всѣ четыре стороны и кланяются собравшемуся на дворѣ народу. Потомъ ранняя сваха осыпаетъ извѣстнымъ образомъ поѣздъ. Послѣ осыпанья, дружко забрасываетъ сковороду, и поѣздъ съѣзжаетъ со двора; при этомъ поютъ:

Прилила вода полая,
Прилила—прилилѣила (*),

Унисла—улилѣила (**)
У вУласа дочь милаю.

У вУласа дочь милаю,
Ахимью Уласьивну,

Какъ васплакнулъ Уласушка
Па сваёмъ миламъ дитятку:

«Ты вярнись, маё дититка,
Ты вярнись, маё милая,

(*) Лилѣить—о водѣ: виднѣться, блестѣть. Слово же «прилилѣила» употреблено здѣсь въ смыслѣ: прилила.

(**) Улилѣила—употреблено здѣсь въ смыслѣ: унесла.

Ты вярнись, маё милая!
Пазабыла три ключика,

Пазабыла три ключика
Да на шолкавамъ поися.»

— Ты радимай батюшка!
Я ня ключики забыла,

Пазабыла волю батюшкину;
Пазабыла нѣгу матушкину;

А типеря я у няволюшки—
На чужой я старонушки,

На чужой я старонушки,
У люта свёкра, свикровьюшки.

Или:

Съѣхала Ахимья са двара,
Сламила бирёзу сы верха.

«Стой, мая бирёза бизъ вирха,
Аставайси, мой батюшка, бизъ мине,

Аставайси, мой батюшка, бизъ мине,
Бисъ краснай дѣвки Ахимьи.»

Въ продолженіе пути отъ дому до церкви поютъ разныя пѣсни, напримѣръ:

У варотъ, у варотъ да зилёнай сатъ
Раствиталъ,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Раствиталъ;

Да на томъ саду пирпёлушка
Литала,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Литала,

Да па томъ саду рябая
Пархала,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Пархала.

Хто изуитца (*) пирпёлушку
Паймати,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Паймати?

Хто изуитца рябаю
Ухватити,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Ухватити?

Изувайтца да схадатай сватъ (**)
На кани,
Да ляли, ляли, ой ляли!
На кани.

Схадатай сватъ варана́ каня
Утамилъ,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Утамилъ,

Пирпёлушку рябаю
Ни вхватилъ,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Ни вхватилъ.

Да яму шъ чила́ (***) пирпёлушка
Рябая,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Рябая,

Ажно шъ (****) ета сватьюшка
Раннія,

(*) Вызовится, изъявитъ желаніе.
(**) Сватъ, который сватаетъ.
(***) Казалось, думалось.
(****) Между тѣмъ.

Да ляли, ляли, ой ляли!
Раннія.

Здѣсь повторяются первые 5 куплетовъ, а потомъ продолжается такъ:

Изуваѣтца Пятреюшка
На кани,
Да ляли, ляли, ой ляли!
На кани.

Пятреюшка варанá каня
Ни втамилъ,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Ни втамилъ,

Пирпѐлушку рябаю
Ухватилъ,
Да ляля, ляли, ой ляли!
Ухватилъ.

Да яму шъ чилà пирпѐлушка
Рябая,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Рябая,

Ажно шъ ета Ахимьюшка
Хвальная,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Хвальная.

А чѣмъ хвальна Ахимьюшка?
— Касою,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Касою:

Да у ней каса да да шолкава
Панса,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Панса,

А у косачки хендачка
Алая,
Да ляли, ляли, ой ляли!
Алая,

А сама Ахимья дѣвушка
Бравая (*)
Да ляли, ляли, ой ляли!
Бравая.

Предъ совершеніемъ брака, посреди церкви разстилается подножье (подножки), состоящее изъ куска полотна или ситцаля, на которое женихъ и невѣста стараются стать въ одно и то же время, потому что между простымъ народомъ существуетъ предразсудокъ: если кто изъ вступающихъ въ бракъ первый станетъ на подножье, тотъ въ жизни будетъ управлять, или, какъ они говорятъ, орудывать другимъ.

Послѣ таинства брака, на церковной паперти, поздняя сваха повиваетъ (убираетъ въ женской головной уборъ) молодую и опять покрываетъ ее тѣмъ же покрываломъ, подъ которымъ она стояла въ церкви. Въ нѣкоторыхъ же селахъ молодую повиваютъ, по пріѣздѣ отъ вѣнца, въ домѣ жениха.

Ѣдучи отъ вѣнца, поѣзжане поютъ, или, лучше сказать, кричатъ пѣсни, какія кому въ голову придутъ.

Отецъ и мать жениха, ожидая молодыхъ, раскладываютъ у воротъ небольшое пламя огня, чтобы разрушить всякую порчу, и, надѣвъ на себя на выворотъ тулупы, встрѣчаютъ ихъ у входа въ сѣни съ иконою и хлѣбомъ-солью. Молодые, приложась къ иконѣ, цѣлуютъ хлѣбъ, а потомъ отца и мать, и идутъ въ избу; въ это время кто либо изъ родныхъ подбрасываетъ подъ порогъ прòтерть (иглу съ протертымъ ушкомъ), въ предохраненіе молодыхъ отъ всякаго колдовства, а иные нечаянно осыпаютъ ихъ хмѣлемъ или хлѣбными зернами: это, говорятъ, для того, чтобы они во всю жизнь были веселы. По приходѣ

(*) Хорошая, красивая.

въ избу, новобрачныхъ сажаютъ въ передній уголъ за набранный столъ на свернутой вверхъ шерстью шубѣ; садятся и всѣ поѣзжане. Тутъ свекровь открываетъ закрытое лицо молодой пирогомъ. Дружко потомъ начинаетъ подносить гостямъ вино, и каждый, взявъ чарку, поздравляетъ молодыхъ съ законнымъ бракомъ: молодые встаютъ, благодарятъ и стоятъ, пока гость выпьетъ всю чарку; отпивая по немногу, гость кричитъ: «горько!», и молодые должны при этомъ цѣловаться. Обнесши всѣхъ гостей водкою, молодыхъ выводятъ изъ за стола тѣмъ же порядкомъ, какъ они вошли за столъ, то есть чтобы столъ не обходить кругомъ: иначе, по суевѣрію черни, у молодыхъ не будетъ дѣтей. Дружко и обѣ свахи, ранняя и поздняя, ведутъ ихъ въ клѣть на приготовленное для нихъ ложе; впереди идетъ одна изъ свахъ и прометаетъ дорогу новобрачнымъ, въ предостереженіе отъ порчи. До прихода молодыхъ въ клѣть, двѣ постельницы ложатся на брачное ложе, дабы, какъ говорятъ, обогрѣть постель. Въ иныхъ селеніяхъ обогрѣвать постель кладутъ чету супруговъ, живущихъ согласно и въ любви другъ съ другомъ. Дружко, пришедши съ молодыми въ клѣть, подноситъ обогрѣвающимъ постель по стакану водки, и они уступаютъ мѣсто новобрачнымъ. Здѣсь молодыхъ кормятъ курицею и подчуютъ водкою. Затѣмъ молодая, въ знакъ своей покорности къ мужу, снимаетъ съ него сапоги и при этомъ вынимаетъ изъ праваго сапога какую либо серебряную монету, которая, обыкновенно, кладется туда на этотъ случай. Свахи, раздѣвъ молодую, перемѣняютъ ей рубашку, часто въ присутствіи дружка; потомъ всѣ, оставя молодыхъ однихъ, выходятъ вонъ. Дверь снаружи замыкается замкомъ, отъ котораго ключъ беретъ дружко. Послѣ того, по предварительномъ испрошеніи дружкомъ благословенія «хлѣба соли порушить», начинается ужинъ. Въ продолженіе ужина игрицы обыгрываютъ мужчинъ точно также, какъ за обѣдомъ у невѣсты предъ отъѣздомъ къ вѣнцу, а дружко угощаетъ поѣзжанъ водкою и постоянно тѣшитъ ихъ своими остротами. По окончаніи

ужина, многіе уѣзжаютъ домой, а нѣкоторые остаются здѣсь. Между тѣмъ дружко, время отъ времени, подбѣгаетъ къ запертой двери спальни молодыхъ и спрашиваетъ ихъ: не пора ли имъ вставать? и когда получитъ ожидаемый отвѣтъ, идетъ, вмѣстѣ съ свахами, въ клѣть «поднимать молодыхъ». Во многихъ же селахъ молодыхъ поднимаютъ утромъ на другой день. Поднявши, ведутъ ихъ въ избу; впереди всѣхъ идетъ поздняя сваха съ рубашкою молодой, если только бракъ былъ счастливъ; при входѣ въ избу, она разбиваетъ горшокъ, въ знакъ цѣломудреннаго поведенія молодой. При чемъ поютъ.

Сватавьê, братавьê! за чѣмъ вы пришли? 2.
Ай вы—пить, ай вы—ѣсть, ай вы—съ нами пагулять? 2.
—Мы—ня пить, мы—ня ѣсть, мы—съ вами пагулять!—2.
Вышинка—ягатка атъ сонца красна. 2
Наша свѣтъ Ахимьюшка атъ батюшки чисна. 2
Наша свѣтъ Уласьивна—атъ радимага. 2.

То же поется и въ похвалу матери.

Сваха, положа рубаху молодой на плечо, пляшетъ по лавкамъ и бьетъ все, что только подъ руку попадется. Молодые подносятъ бывшимъ тутъ гостямъ вино, при чемъ каждый изъ нихъ, выпивъ вино, кладетъ что-либо изъ денегъ «на мыло, бѣлила и алыя румяна молодой.» Между тѣмъ бабы поютъ:

Ахъ бида, ахъ бида, ахъ бида,
Ахъ бида мая ни малинькія!
Ахъ ли, ахъ ли, ахъ ляли,
Ахъ ляли, ляли, ляли, ляли, ляли!

Што завуть мине ня дѣвушкою,
Вильчають ни малодушкаю.
Ахъ ли, и проч.

Какъ сы вечира была я дѣвушка,
Сы палуначи—малодушка,
Ахъ ли, и проч.

Кы бялу свѣту—хазяюшка,
Къ сарака надѣлямъ—матушка.
Ахъ ли, и проч.

Выхадила хазяюшка
На шырокаю дваринушку,
Ахъ ли, и проч.

На шырокаю дваринушку,
Закликала живатинушку.
Ахъ ли, и проч.

«Вы п-р-п-р-ужи, п-р-п-р-ужи (*), каровушки!
А вы вычь (**), вычь, авечушки!
Ахъ ли, и проч.

Вацу (***), вацу, маи свинушки!
Паганю васъ ва чисто паля гулять,
Ахъ ли, и проч.

Паганю васъ ва чисто поля гулять,
Паганю васъ ва синѣ моря паить.
Ахъ ли, и проч.“

Въ это время гости предаются неистовому веселью: пляшутъ, кричатъ и бьютъ посуду, если хозяева не успѣли прибрать её подальше.

Утромъ, на другой день брака, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, свекоръ и свекровь заставляютъ молодую невѣстку выметать избу; гости въ это время бросаютъ тайкомъ на полъ деньги, которыя новобрачная подбираетъ себѣ. Послѣ того посылаютъ ее за водою, куда сопровождаютъ ее мужъ и гости. Здѣсь всѣ обливаются водою и обливаютъ молодыхъ. Потомъ новобрач-

---

(*) Междом., употребляемое при сзанкѣ коровъ.
(**) Междом., употребляемое при сзанкѣ овецъ.
(***) Междом., употребляемое при сзанкѣ свиней.

ные, въ сопровожденіи дружка, свахъ и другихъ бабъ, идутъ къ родителямъ молодой съ блюдомъ харчи; при чемъ дружко несетъ съ собою и полуштофъ водки. По приходѣ, молодые кланяются отцу и матери въ ноги; молодой благодаритъ тестя и тещу за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, а его жену, и тутъ же ласково проситъ «къ батюшкѣ и матушкѣ на́ хлѣбъ на соль».

Въ этотъ день вечеромъ у родителей новобрачнаго бываетъ княжой пиръ или княжникъ. По сборѣ гостей веселый хозяинъ усаживаетъ всѣхъ за столъ и проситъ хлѣба-соли откушать. Когда гости усядутся, дружко обыкновеннымъ образомъ испрашиваетъ благословенія «хлѣба соли порушить». За тѣмъ начинается ужинъ и попойка. Въ продолженіе стола бабы поютъ пѣсни. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Изъ за лѣсу, лѣсу тёмнаго
Изъ за садику зилёнага 2
Вылитала тамъ стада гусиная, 2
А другоя либядиная; 2
Атставала либёдушка, 2
Атставала лебить—бѣлая 2
Прочь атъ стадичка либядинаго; 2
Приставала либёдушка, 2
Приставала лебить—бѣлая 2
Къ таму стаду—кы сярымъ гусямъ; 2
Ни взумѣла либёдушка 2
Па гусинаму васкрякнути, 2
Начинали не гуси шшыпать, 2
А либёдушка стала кричать: 2
«Ни шшыпитя гуси сѣран! 2
Ни сама я къ вамъ залитѣла! 2
Ни сваею ахотаю; 2

Занясло мине пагодаю (*):
Тучій тёмнаю, буйнымъ вѣтрамъ, 2
Буйнымъ вѣтрамъ, частымъ дождичкамъ». 2
Атставала Ахимьюшка 2
Прочь атъ карагода (**) красныхъ дѣвушакъ; 2
Приставала Ахимьюшка 2
Къ карагоду маладыхъ маладушакъ, 2
Начинали ие малодушки, 2
Начинали журить, бранить, 2
«Ни бранитя люди добраи! 2
Ни сама я къ вамъ пріѣхала, 2
Ни сваею ахотаю; 2
Завязли мине дабры кони, 2
Што дабры кони Пятренвы».

2.

Ласкавая тешша па навымъ сѣнимъ
Хадила,
Ой лёли, али лёй лёли!
Хадила,

Маладога зятюшку за ручушку
Вадила,
Ой лёли, али лёй лёли!
Вадила.

«Тешшунькя, мая матушка,
Тошна мнѣ,
Ой лёли, али лёй лёли!
Тошна мнѣ.»

Шъ чаго жъ табе, маё дититка,
Сташнилась,
Ой лёли, али лёй лёли!
Сташнилась? —

(*) Непогодою.
(**) Отъ хоровода.

«Да грязда ли твая Ахимьюшка
Тонка прясть,
Ой лёли, али лёй лёли!
Тонка прясть?»

— Грязда, грязда, маё дититка,
Навчина,
Ой лёли, али лёй лёли!
Навчина,

Научонная въ чужы люди
Аддана,
Ой лёли, али лёй лёли!
Аддана. —

«Да умѣя ли твая Ахимьюшка
Часта ткать,
Ой лёли, али лёй лёли!
Часта ткать?

И умѣя ли твая Уласьивна
Домамъ жыть,
Ой лёли, али лёй лёли!
Домамъ жыть?»

— Грязда, грязда, маё дитка,
Навчина,
Ой лёли, али лёй лёли!
Навчина,

Научонная въ чужы люди
Аддана,
Ой лёли, али лёй лёли!
Аддана. —

Предъ окончаніемъ ужина, когда молодая приготовляетъ дары для всѣхъ родныхъ гостей, бабы продолжаютъ пѣть:

3.

По марю, морю,
Да па синиму морю,
Лёли, лёли, лёли,
Али лёй лёли, лёли!

Тамъ плыли, праплыли
Чатыри утены,
Лёли и проч.

Чатыри утёны,
Чатыри маладыи,
Лёли и проч.

Пятая касатая —
Назатъ завярнула,
Лёли и проч.

Назатъ завярнула,
У тирёмъ заглянула,
Лёли и проч.

Што у терима рядють,
У высокамъ гутàрють?
Лёли и проч.

Красная Ахимья
Сталы расставляла,
Лёли и проч.

Палотны катала,
Сундукъ накладала, —
Лёли и проч.

Сундукъ новай яловай,
Скабы лавяныи,
Лёли и проч.

Скабы лавяныи
Замки залатыи,
Лёли и проч.

Замки залатыи,
Халсты альляныи (*)
Лёли и проч.

«Вы халсты маи, халсточки,
Халсты альляныи!
Лёли и проч.

Да ня готъ я васъ клала
Ни два накладала;
Лёли и проч.

Пришла на васъ гадина —
Висёлая вичарина.
Лёли и проч.

Висёлая вичарина
Весь даръ раздарила:
Лёли и проч.

А я свекру — рубашку,
Свикровьи — другую,
Лёли и проч.

Свикровьи — другую,
Танку альляную,
Лёли и проч.

Дивирёчкамъ сакалочкамъ
Усѣмъ па парточкамъ,
Лёли и проч.

А нявѣстушкамъ галубашкамъ
Усѣмъ па платочку,
Лёли и проч.

Сваей милай заловушки
Сы русой касы ленду.
Лёли и проч.

(*) Льняные.

Наси шъ, мая заловушка,
Наси шъ ты, красуйси!
Лёли и проч.

Какъ я красавалась,
Замушъ сабиралась.
Лёли и проч».

Послѣ же ужина происходитъ раздача даровъ такимъ образомъ: сначала дружко и ранняя сваха приносятъ коровай и кладутъ его на столъ, подостлавъ подъ него платокъ или ширинку; затѣмъ дружку подается ножъ съ обернутою въ платокъ рукояткою, и онъ, испросивъ благословенія, рѣжетъ коровай на куски, а подстилку изъ подъ коровая и платокъ, которымъ обернутъ былъ ножъ, беретъ себѣ. Потомъ кладутся на столъ дары, и на полу передъ столомъ разстилается шуба вверхъ шерстью. Новобрачные становятся на шубу, а дружко наливаетъ чарку водки и подаетъ ее молодой, которая беретъ и держитъ ее рукою, покрытою полотенцемъ такъ, что концы его спускаются внизъ до самаго пола; тогда дружко провозглашаетъ, обращая рѣчь свою, во первыхъ, къ отцу новобрачнаго: «Микита Кузьмичъ! Просють васъ сватъ бальшой, сватъ схадатай, друшко съ паддружьимъ, маладой княсь съ княгинію на сырчитай карвай! Падайди паближа, нашы маладыи паклонютца табѣ панижа». Вызванный, такимъ образомъ, отецъ беретъ отъ молодой чарку водки. Дружко продолжаетъ: «Чарачку выпивай, сырчитай карвай принимай, камарицкою пѣсинку запивай, нашихъ маладыхъ падаряй: ни рублёмъ — палтинаю, ни полтинаю—залатою гривнаю, а зъ гривинки што пажалуишъ,— за сваю честь — рубликавъ шесть, штобы нашымъ маладымъ было што пічесть. Нашы маладыи ианавя, имъ многа надамна: на кумачки, на тарачки (*), на завязачки, на паслѣднія дѣла иголачки, на разныи протари. Нашы маладыи хочуть казла ку-

(*) На оторочки.

пить, воду вазить, штобы наша маладая ни марилася (не утомлялася)». Новобрачные въ это время падаютъ отцу въ ноги и лежатъ, пока получатъ позволеніе встать. Выпивъ водку, онъ принимаетъ кусокъ коровая и даръ изъ рукъ дружка или самой молодой; затѣмъ цѣлуетъ молодыхъ и отдариваетъ ихъ деньгами или какимъ либо домашнимъ животнымъ, а дружко приговариваетъ: «Цалуй у вуста, што бы рошъ была густа, умалотиста и ужиниста, што бы исъ калосика — каврега, исъ палузирна — пирохъ». Такимъ точно порядкомъ раздаются дары и всѣмъ прочимъ гостямъ. При чемъ многіе, отвѣдывая понемногу вина, кричатъ: «Горько!» и молодые всякій разъ должны цѣловаться. Послѣ раздачи даровъ, вскорѣ всѣ расходятся по домамъ.

Спустя недѣлю или двѣ послѣ свадьбы, новый зять съ женою и своими родными, запасшись гостинцами, виномъ и снѣжею, отправляется къ тестю; тамъ бываетъ у нихъ умѣстное угощеніе и молодой одѣляетъ новую родню привезенными гостинцами: это первое посѣщеніе молодыхъ послѣ свадьбы называется отвбдами.

3. При смерти, похоронахъ и поминкахъ.

Умирающаго стараются еще за́ живо обмыть теплою водою, одѣть въ чистое платье и положить подъ святые, въ такомъ положеніи, какъ обыкновенно кладутъ покойниковъ; при чемъ даютъ ему въ руки, или, лучше сказать, держатъ въ его рукахъ зажженую восковую свѣчу и курятъ надъ нимъ ладономъ. Обмыть тѣло и одѣть человѣка послѣ смерти считается большимъ грѣхомъ: крестьяне вѣрятъ, что въ какомъ видѣ человѣкъ умеръ, въ томъ и долженъ явиться на Страшномъ Судѣ; потому многіе пожилые мужчины и женщины, бывши еще въ здоровомъ состояніи, приготовляютъ себѣ одежду къ смерти, называемою здѣсь смёртнымъ платьемъ. Какъ только человѣкъ испускаетъ послѣднее дыханіе, ставятъ близъ него на окнѣ стаканъ или чашку съ чистою водою, дабы, какъ говорятъ,

душа, разставаясь съ тѣломъ могла омыться въ ней отъ грѣховъ. Умирающихъ одѣваютъ: мужчинъ — въ одно бѣлье и подпоясываютъ поясомъ, а на ноги надѣваютъ сапоги или лапти, или просто оборачиваютъ ноги въ однѣ бѣлыя полотняныя обертки; на женщинъ и дѣвицъ надѣваютъ сверхъ рубахи сарафанъ или саянъ или подобную мѣстную одежду, по̀ которой подпоясываютъ поясомъ; обуваютъ ихъ въ башмаки или лапти, а иногда надѣваютъ одни только чулки или оборачиваютъ ноги въ полотняныя обертки. На голову женщинамъ надѣваютъ обыкновенный женскій головной уборъ, а дѣвицъ кладутъ съ расплетенною косою, перевязанною лентою. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на покойниковъ надѣваютъ, сверхъ одежды, саванъ. Пока покойникъ лежитъ въ домѣ, толпа знакомыхъ и незнакомыхъ стекается въ домъ умершаго смотрѣть его; при чемъ всякій приходящій жертвуетъ отъ себя на погребеніе покойника небольшое количество денегъ или восковую свѣчку. Близкія, по родству покойнику, женщины считаютъ непремѣннымъ долгомъ по немъ голосить (выть съ разными причетами). Въ этомъ плачѣ обыкновенно выражается сожалѣніе объ умершемъ и горькая участь осиротѣвшихъ, исчисляются всѣ добрыя качества и хозяйственныя занятія покойнаго. По выносѣ тѣла со двора, тотъ же часъ затворяютъ ворота: простолюдины вѣрятъ, если оставить въ это время ворота растворенными, то кто либо изъ домашнихъ долженъ вскорѣ умерѣть. Когда мать лишается въ первый разъ кого либо изъ дѣтей, то она не провожаетъ его на кладбище, дабы не умирали у нея другія дѣти. Въ день похоронъ дѣлается поминальный обѣдъ, который называется здѣсь горячимъ обѣдомъ. На похоронахъ и поминкахъ необходимую принадлежность составляетъ канунъ (медъ), а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, и кутья. Канунъ, послѣ погребенія, ставится также на все время сорокоуста въ церкви. Если къ похоронамъ брана была посуда или другія вещи изъ посторонняго дома, то ихъ стараются возвратить непремѣнно того же дня, изъ опасенія, чтобы въ томъ или другомъ домѣ не было

скоро другаго покойника; но ежели, по какимъ либо причинамъ, вещи, взятыя изъ посторонняго двора, не были возвращены въ день похоронъ, въ такомъ случаѣ возвращаютъ ихъ по истеченіи сорока дней. По возвращеніи съ похоронъ, есть обыкновеніе, при входѣ въ избу, взяться за печь, въ томъ убѣжденіи, что въ домѣ будутъ умирать прусаки и тараканы. Въ сороковой день послѣ смерти, пока душа умершаго, по мнѣнію крестьянъ, пребываетъ на землѣ между людей, пекутъ изъ тѣста лѣсенку — символъ восхожденія души умершаго на небо, и служатъ панихиду у растворенныхъ воротъ дома покойнаго. Лѣсенка съѣдается съ медомъ въ тотъ же день за поминальнымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда женщины, ходя по двору, плачутъ на распѣвъ, приговаривая: «Усѣ стёшки — дарошки прошла, а радимага батюшку (или кого-другаго) ни нашла. Ты радимай батюшка! на каго ты насъ пакинулъ.... съ кѣмъ намъ быть, съ кѣмъ намъ жыть, съ кѣмъ намъ горя гаривать?» и т. п. Поминальные обѣды у богатыхъ дѣлаются также чрезъ полгода, годъ, два и три года послѣ смерти; въ прочіе же поминальные дни служатся однѣ лишь панихиды въ церквахъ или на кладбищахъ, куда приносятся блюда съ пирогами или блинами и канунъ. Въ дни поминовенія усопшихъ крестьянки ничего не шьютъ: по народному вѣрованію, кто шьетъ въ эти дни, тотъ колетъ родителямъ (покойникамъ) иглою глаза. Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе крестьяне ходятъ на кладбище и катаютъ на могилахъ умершихъ родственниковъ красныя яйца съ радостнымъ восклицаніемъ: Христосъ воскресе! Есть еще обычай, соблюдаемый, впрочемъ, немногими: въ продолженіе шести недѣль по смерти кормить «птицу небесную». Для этого каждое утро осыпаютъ могилу родственника хлѣбными зернами.

4. При начатіи и оканчиваніи полевыхъ работъ.

Начало и конецъ полевыхъ работъ также сопровождается нѣкоторыми обрядами. При отъѣздѣ, весною, въ первый разъ въ

поле, для посѣва хлѣба, хозяйка застилаетъ столъ скатертью и кладетъ на него хлѣбъ-соль; тогда отъѣзжающіе и всѣ домашніе садятся по мѣстамъ; посидѣвши немного молча, всѣ встаютъ и молятся Богу, а потомъ, взявъ съ собою испеченные въ среду на четвертой недѣлѣ Великаго поста изъ тѣста кресты и благовѣщенскую просфору, отправляются въ путь. На пути всякая недобрая встрѣча, какъ напр. встрѣча съ священникомъ и т. п., по мнѣнію крестьянъ, обѣщаетъ дурной урожай хлѣба. По пріѣздѣ на ниву, сначала молятся Богу на востокъ, потомъ разсѣваютъ хлѣбъ, а за тѣмъ садятся завтракать; за завтракомъ прежде всего съ благоговѣніемъ съѣдаютъ благовѣщенскую просфору и сдѣланные изъ тѣста кресты, и уже послѣ принимаются за работу; въ началѣ прорѣзываютъ сохою на пашнѣ крестъ: двѣ борозды въ длину и одну поперегъ, а потомъ пашутъ обыкновеннымъ образомъ. Въ этотъ день не даютъ ничего въ займы, не взявъ чего либо въ замѣнъ. Весною, въ праздничные дни, служатъ молебны по полямъ объ изобиліи жатвы.

По сжатіи хлѣба, въ полѣ оставляютъ на нивѣ нѣсколько колосьевъ ржи на корню, какъ здѣсь говорятъ, *Ильи на бороду*, которые связываютъ узломъ; при чемъ кладутъ тамъ ломоть ржанаго хлѣба съ солью. Идя домой, бабы становятся въ концѣ своей пашни и перебрасываютъ чрезъ голову назадъ на пашню серпы. Все это дѣлается для того, чтобы и на слѣдующій годъ былъ хорошій урожай хлѣба. Нѣкоторыя изъ бабъ въ это время катаются по нивѣ и приговариваютъ: «жнивка, жнивка, аддай маю силку: на пестъ, на калатила, на малатила, на кривоя виртяно». Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, по окончаніи жатвы, жнецы съ пѣснями приносятъ послѣдній снопъ въ домъ помѣщика, который угощаетъ ихъ въ этомъ случаѣ водкою. Осенью, окончивъ паханіе, крестьянинъ дѣлаетъ на пашнѣ крестъ подобнымъ образомъ, какъ и весною въ началѣ паханія.

5. При новосельяхъ.

Хозяинъ, входя въ новоотстроенный домъ, приглашаетъ церковный причетъ освятить его и созываетъ родныхъ и знакомыхъ. Гости приходятъ съ хлѣбомъ-солью, и при этомъ нѣкоторые изъ нихъ приносятъ въ даръ хозяину что либо изъ своихъ домашнихъ мелкихъ животныхъ, какъ напр. поросенка, гуся, курицу и т. п. Крестьяне вѣрятъ, что всякій домъ долженъ быть выстроенъ на чью-либо голову изъ живущихъ въ немъ, и потому, дабы предотвратить несчастіе, при переходѣ въ него, отрубаютъ на порогѣ избы голову у курицы, которую послѣ въ пищу не употребляютъ. Иные же, для предотвращенія мнимаго несчастія, при закладкѣ домовъ, закапываютъ куриную голову подъ главнымъ угломъ; при чемъ также существуетъ обычай класть подъ прочими тремя углами деньги, чтобы въ домѣ было богатство. При закладкѣ матицы, хозяинъ всегда даритъ чѣмъ либо мастеровъ или угощаетъ ихъ водкою, дабы они не сдѣлали при томъ какого либо колдовства.

6. При пожарахъ.

Во время пожаровъ, крестьяне съ особенною дѣятельностію помогаютъ другъ другу, но оказываемая ими помощь мало приноситъ пользы: пожарные снаряды вездѣ худы и сохраняются небрежно; навѣсы, подъ которыми стоятъ они, совсѣмъ не охраняютъ ихъ ни отъ дождя, ни отъ снѣга; дроги, на которыхъ ставится бочка, или съ полуразрушившимися колесами, или вовсе безъ колесъ; самыя же бочки всегда стоятъ безъ воды, отъ чего въ лѣтнее время разсыхаются: при томъ же самая постройка въ деревняхъ, вообще покрытая соломою, такъ сжата, что во время пожара не представляетъ никакой возможности къ спасенію.

При сильныхъ пожарахъ обходятъ вокругъ пылающаго зданія съ какою либо иконою, но преимущественно съ образомъ Неопалимой купины, для того, чтобы пожаръ скорѣе

прекратился. Если же пожаръ грозитъ ближайшему строенію, то въ защиту отъ него выносятъ изъ дому икону и держатъ ее на рукахъ, обратившись лицомъ къ пожару. Пожары, происшедшіе отъ грозы, гасить считается грѣхомъ.

7. При неурожаяхъ.

При неурожаяхъ крестьяне служатъ молебны по полямъ съ освященіемъ воды; при чемъ священникъ или діаконъ обходитъ поле и окропляетъ его святою водою. Но если неурожай бываетъ отъ бездождія, въ такомъ случаѣ, кромѣ молитвы, они прибѣгаютъ къ суевѣрному своему средству: на улицахъ подлѣ колодцевъ обливаютъ другъ друга водою. Въ это время ни одинъ проходящій мимо суевѣрной толпы не исключается быть облитымъ съ головы до ногъ. Это дѣлается для того, чтобы пошелъ дождь.

8. При продажѣ и покупкѣ.

При продажѣ лошадей даютъ въ придачу узду или оброть, а при продажѣ коровы или овцы—веревку, привязанную за рога животнаго. Покупатель беретъ отъ продавца поводъ узды или веревку непремѣнно изъ полы въ полу, чтобы купленный скотъ благополучно жилъ у новаго своего хозяина. Купленную корову хозяйка въ первый разъ кормитъ на печной заслонкѣ хлѣбомъ съ солью, дабы она знала новый свой дворъ и служила на хлѣбъ и на соль. Никакая покупка и продажа не обходится безъ магарыча, т. е. безъ угощенія продавцемъ покупщика или покупщикомъ продавца водкою; крестьяне иногда, сойдясь въ цѣнѣ, долго еще толкуются о томъ: чей будетъ магарычъ?

9. При болѣзняхъ.

Во время эпидемическихъ болѣзней курятъ въ избахъ нефорощею, ѣдятъ и носятъ при себѣ чеснокъ и дѣлаютъ дег-

темъ на всѣхъ окнахъ, дверяхъ и воротахъ кресты (*). Многіе обращаются въ это время къ утѣшенію религіи: исповѣдываются и пріобщаются Св. Таинъ, дѣлаютъ крестные ходы вокругъ селъ и освѣщаютъ колодцы. Въ нѣкоторыхъ селахъ невѣжественная чернь прибѣгаетъ въ такомъ случаѣ къ суевѣрному обычаю опахивать смерть. Съ вечера собираются въ какой либо домъ дѣвки и бабы въ однѣхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, держа въ рукахъ что-либо могущее издавать звукъ, какъ напр. косы, сковороды, печныя заслонки и т. под.; когда же настигаетъ полночь, берутъ соху, впрягаютъ въ нее бабу — нeродицу, а сохою даютъ управлять дѣвкѣ, рѣшившейся нейти замужъ; прочія дѣвки помогаютъ тащить соху, вдовы набираютъ песка и разсѣваютъ его по проведенной бороздѣ. Такимъ образомъ, эта безсмысленная толпа ночью обходитъ вокругъ села съ шумомъ, крикомъ и со звономъ въ косы и другія звучныя вещи. Въ это время она доходитъ до остервененія и бросается на все, что встрѣчается ей на пути, стараясь уничтожить; горе тому человѣку, который, по невѣдѣнію, попадется ей на встрѣчу: его изобьютъ до полусмерти, а животныхъ совсѣмъ убиваютъ или разрываютъ на части. Послѣ чего утвердительно разсказываютъ, что онѣ своими глазами видѣли, какъ запуганная ими вѣдьма, умерщвляющая людей смертоносною язвою, въ видѣ необыкновенной собаки или страшной женщины, выскочила изъ за огородовъ и убѣжала отъ села прочь (**).

Обыкновенныя болѣзни поселянъ происходятъ, большею частію, отъ простуды и отъ нечистоты воздуха въ избахъ, потому между ними встрѣчается зимою гораздо болѣе больныхъ, нежели лѣтомъ; но, по суевѣрію своему, они многія болѣзни приписываютъ порчѣ злыхъ людей и дѣйствію нехорошаго гла-

(*) Заболѣвавшимъ холерою давали пить дегтярную воду и мазали животъ и поясницу дегтемъ.

(**) Этотъ обычай также соблюдается и при скотскихъ падежахъ.

за или злаго духа. Вообще при болѣзняхъ крестьяне, до ослѣпленія, склонны искать помощи у своихъ знахарей, или бабокъ (*), которые бы могли чрезъ наговоры и другія средства принести облегченія. Главные пріемы знахарскаго шарлатанства состоятъ въ томъ: бабка беретъ корецъ непитой воды, кладетъ туда три горячихъ угля и щепоть соли, начинаетъ шепотомъ наговаривать воду, по временамъ дуя на нее, потомъ беретъ въ ротъ наговорной воды, спрыскиваетъ больному лицо, грудь, руки и ноги, даетъ ему пить эту воду, и иногда еще долго шепчетъ надъ его головою; при чемъ придавливаетъ пальцами въ разныхъ мѣстахъ головы больнаго. Знахари тщательно скрываютъ свои заговоры отъ другихъ, оправдываясь тѣмъ, что заговоръ тогда только имѣетъ свою силу, когда онъ принадлежитъ одному лицу и сохраняется въ тайнѣ; но при открытіи его другому, онъ теряетъ свою силу. По этому, знахари передаютъ свое знаніе только въ глубокой старости или при смерти близкимъ своимъ родственникамъ, какъ наслѣдство. Вотъ нѣкоторые заговоры, которые пришлось мнѣ узнать.

Отъ укушенія змѣи.

На мари—на акіяня, на остравя, на кургания, тамъ стаить дупъ Таратынскай, патъ тѣмъ дубамъ ляжыть бѣлъ каминь, патъ тѣмъ камнимъ ляжыть чорная руно, патъ тѣмъ чорнымъ руномъ ляжыть змія скарапѣя. «Змія скарапѣя! выкинь свой ятъ лютай исъ хришшонога, паражонага, малитвиннага раба Божья (такого-то); а кали ты ня выкинишъ, то я тибе частыми дажжами замарю и камнями закладу, и усѣхъ лютыхъ змѣй качкавыхъ, палявыхъ, стипавыхъ, камышовыхъ пабью. И ты, старая змія, скличь сваихъ змѣй лютыхъ и вяли выкинуть ятъ исъ хришшонога, паражонага, малитвиннага раба Божья

(*) Бабка общ. род. знахарь и знахарка.

(такого-то); а кали ты ни вялишъ выкинуть ятъ, то я тибе пабядю. Аминь (*).

Отъ зубной боли.

Мѣсицъ на́ нибя, сырой дупъ у лѣся, бѣлый каминь у моря (въ морѣ); кали ети три брата сайдутца, тады (тогда) у хришшонага, паражонага, молитвиннага раба Божья (такого-то) забаля зубы.

Отъ кровотеченія.

На мари—на акіяня, на острава Діяня стаить дупъ, патъ тѣмъ дубамъ стаить конь карь, а ты, кровь, ни кань.

Всѣ эти заговоры, обыкновенно, бабки читаютъ троекратно.

Бываютъ и другіе способы знахарскаго лѣченія. Въ случаѣ сильной боли въ поясницѣ, извѣстной въ простонародьѣ подъ названіемъ утина, больнаго кладутъ на порогъ, головою въ сѣни, а ногами въ избу; бабка, положивъ на обнаженную спину больнаго прядильное донце, а на него пукъ нефорощи или просто вѣникъ, начинаетъ слегка рубить его топоромъ, тогда больной вспрашиваетъ у ней: «Бабушка, што ты рубишъ?» — «Утинъ, дититка, утинъ.» — «Рубй, руби, штопъ атрыгу не была.» Это повторяется троекратно. Нѣкоторымъ же изъ подобныхъ больныхъ бабки на порогѣ придавливаютъ поясницу колѣномъ съ подобнымъ разговоромъ. При колотьяхъ въ бокахъ, бабка беретъ три веретена и троекратно прикалываетъ больному бока и при томъ читаетъ шепотомъ заговоръ. Когда дѣти часто кричатъ (плачутъ) и по ночамъ не спятъ, то бабка, а иногда и сама мать, вечеромъ несетъ ребенка въ сарай, гдѣ ночуютъ куры, и заговариваетъ ему, какъ онѣ на-

(*) Этотъ заговоръ читается также и при укушеніи животныхъ. Тогда слова: «исъ хришшонага, порожонаго, малитвиннага раба Божья такого-то», замѣняются: «изъ бѣлай каровушки» или «пѣгай лашадушки» и т. п.

зываютъ, криксы такъ: «Куры рабаи, куры сѣраи, куры чорнаи! вазмитя сваи криксы атъ хришшоннаго, паражонага, малитвиннаго раба Божія маладенца (такого-то), аддайтя нашъ сонъ.» Нѣкоторые же въ подобныхъ болѣзняхъ въ курникѣ купаютъ дѣтей на деревянномъ обручѣ и снятую съ дитяти рубашку бросаютъ тамъ. Отъ испуга, знахарка кладетъ на порогѣ вѣникъ, ножъ, кусокъ перегорѣлой глины изъ печи и холодный уголь, на нихъ сажаетъ испуганнаго, ставитъ ему на голову блюдо съ водою и льетъ въ нее растопленный воскъ, олово или смолу до трехъ разъ, при чемъ читаетъ шепотомъ заговоръ; тогда, по мнѣнію простолюдиновъ, долженъ изобразиться въ слиткѣ тотъ предметъ, который былъ причиною испуга. Другія знахарки, и безъ предварительныхъ условій, ставятъ больному на голову блюдо съ водою и выливаютъ испугъ. Нѣкоторыя же ставятъ испуганнаго противъ печи и выливаютъ олово на печной шестокъ. При костоѣдицѣ въ пальцѣ, происходящей, по мнѣнію черни, отъ червя волосатика, называемой по здѣшнему—волосомъ, знахарка беретъ блюдо теплой воды и тридевять ржаныхъ колосьевъ или такое же число стеблей бѣлой нефорощи; связавъ ихъ въ пукъ, держитъ его надъ сосудомъ и плескаетъ изъ него воду на связанный пукъ, такъ что вода съ пука падаетъ на больной палецъ; при чемъ читается и заговоръ. Крестьяне вообще имѣютъ большую вѣру въ дѣйствительность знахарскаго лѣченія, отъ чего нерѣдко отъ самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ средствъ многіе получаютъ облегченіе.

Прочіе способы домашняго лѣченія употребительны здѣсь слѣдующіе. Отъ надрыва живота, отвариваютъ любистокъ и пьютъ отваръ, а также накладываютъ на брюхо глиняный горшокъ съ зажженнымъ внутри льномъ; послѣднее средство употребляютъ и при боляхъ въ поясницѣ. Отъ ломоты, сѣкутъ больныя части крапивою, вытираются въ печахъ нефтью, скипидаромъ и намыленными хрѣновыми листьями. Отъ кашля, отвариваютъ ржаную солому, выдернутую непремѣнно изъ за-

стрѣхи, и пьютъ отваръ; также выпиваютъ тридевять ложекъ кипятку изъ полнаго сосуда кипящей воды; многіе пьютъ нашатырь, растворенный въ теплой водѣ, и курятъ толстую сахарную бумагу. Отъ удушья глотаютъ цѣликомъ зернистый перецъ и пьютъ легкій настой струковатаго перца. При боли въ груди, принимаютъ по нѣскольку капель острой водки на квасу или на полугарной водкѣ и пьютъ рѣдичный сокъ. Въ головной боли прикладываютъ ко лбу листья кислой капусты, соленые огурцы и сѣрую глину; но при продолжительныхъ и упорныхъ головныхъ боляхъ подходятъ, во время литургіи, подъ переносъ. Въ запорахъ, слабительнымъ средствомъ служитъ огуречный разсолъ съ медомъ, мѣлъ, растворенный въ водѣ и водка, настоянная на сабурѣ. Отъ поноса ѣдятъ сушеныя груши, сухари, и пьютъ сухарную воду или растворенную въ водѣ золу. Въ лихорадкахъ служатъ молебны преподобному Марону, котораго считаютъ избавителемъ отъ этой болѣзни; подходятъ 12 обѣденъ подъ переносъ; окуриваются оленьимъ рогомъ, ремезинымъ гнѣздомъ, подсушенными щучьими жабрами, мелкою рыбою и украденнымъ самимъ больнымъ ракомъ; а также даютъ больному въ водкѣ проглотить нечетное число вшей о которыхъ онъ, выпивая водку, не долженъ знать; поятъ дегтемъ съ молокомъ, полыннымъ сокомъ, виномъ съ солью, дѣтскою мочею; обливаютъ лихорадочнаго внезапно холодною водою; нѣкоторые вѣшаютъ на шею зашитую въ тряпку живую лягушку или живаго паука, посаженнаго въ орѣховую скорлупу, и носятъ по нѣскольку дней; другіе, взявъ горсть хлѣбныхъ зеренъ, ходятъ съ ними къ рѣкѣ и, ставъ къ ней задомъ, бросаютъ ихъ черезъ себя въ воду, говоря: «Васъ (лихорадокъ) тутъ семдиситъ семь, — вотъ вамъ плата усѣмъ». Отъ зубной боли кладутъ росной ладонъ, перецъ, хрѣнъ, рѣдьку, соль, калонику (осѣдающую въ колесахъ и на оси смолу отъ сгустившагося дегтя); варятъ въ водѣ конопляное сѣмя и, вынувъ горшокъ изъ печи, бросаютъ въ него кусокъ кирпича, раждіенпаго до красноты; тогда больной,

укрывшись надъ горшкомъ, держитъ надъ парами открытый ротъ, отъ чего, по мнѣнію крестьянъ, вылазятъ изъ больныхъ зубовъ червячки, причиняющіе боль. Отъ жабы прикладываютъ свѣжій тертый буракъ, поджаренный въ коровьемъ маслѣ; нѣкоторые же перевязываютъ шею веревочкою, на которой коптился свиной окорокъ; но болѣе употребительный здѣсь способъ лѣченія жабы—придавливаніе горла двумя пальцами: большимъ и безъимяннымъ; такимъ способомъ лѣчатъ только тѣ, которые задавили этими пальцами слѣпущенка (крота). При легкой боли въ горлѣ, обкладываютъ шею шерстянымъ чулкомъ съ правой ноги или трутся горломъ о край печи. Рожу присыпаютъ мѣломъ, а многіе прижигаютъ льномъ такимъ образомъ: на больное мѣсто кладутъ красное сукно, а на него пучокъ льна, и зажигаютъ; когда же ленъ охватитъ огнемъ, то вдругъ прихватываютъ его другимъ концемъ того же сукна; это повторяется до тѣхъ поръ, пока больное мѣсто довольно напарится. Въ глазныхъ боляхъ, прикладываютъ къ глазамъ мазь, составленную изъ яичнаго бѣлка и небольшой части квасцевъ; дѣлаютъ примочку изъ свинцоваго сахара; иногда примачиваютъ водкою или водою изъ растаявшаго града, а нѣкоторые умываются двѣнадцать зорь росою. При лѣченіи бѣльмъ вдуваютъ въ глаза, посредствомъ дудочки, инбирь, свинцовый или обыкновенный сахаръ, натертый о свинецъ, нашатырь и поваренную соль. Въ курьей слѣпотѣ смотрятъ въ старую, безъ спицъ, ступицу. Если у кого бываетъ на глазу ячмень, то показываютъ кукишъ съ слѣдующимъ троекратнымъ приговоромъ: «Ичмень, ичмень, на тебѣ кукишъ, што хочешъ сабѣ купишъ; купи сабѣ тапарокъ, сяки сибе поперёкъ». При лѣченіи ранъ, дѣлаютъ пластырь или спускъ: берутъ немного свѣжаго воска и смѣшиваютъ съ небольшимъ количествомъ деревяннаго масла, кладутъ въ черепокъ и ставятъ въ печь на огонь; скипятивши этотъ составъ, даютъ ему застынуть и потомъ намазываютъ на полотно и прикладываютъ къ ранѣ. Въ нарывахъ, приворачиваютъ хлѣбъ съ солью, печеный лукъ,

свѣжее свиное сало, листья поддорожника съ мыломъ; но чтобы въ началѣ заморить нарывъ, то прикладываютъ свѣжій орѣхъ, свѣжія гречневыя крупы и отворогъ. Нарывъ на оконечности пальца занариваютъ еще и такъ: отвариваютъ донникъ и перевязавъ палецъ ниже нарыва туго ниткою, опускаютъ его въ горячій отваръ. Обожженную часть тѣла намазываютъ конопляннымъ масломъ или укладываютъ тертымъ сырымъ картофелемъ, морковью и буракомъ. При порѣзѣ, скребутъ чертовъ палецъ и присыпаютъ имъ рану или закладываютъ ее паутиною; а иногда засыпаютъ рану табакомъ или примачиваютъ водкою, настоенною на березовыхъ почкахъ. Въ чесоткѣ, смазываютъ больныя мѣста мазью, составленною изъ небольшаго количества горючей сѣры, купороса и коровьяго масла; нѣкоторые же омываютъ больныя части щелокомъ изъ гречневой золы или девесильнымъ и табачнымъ отваромъ. Въ случаѣ сыпи у дѣтей, отвариваютъ чистотѣлъ (chelidonium majus) и въ отварѣ купаютъ ихъ. Въ золотухѣ, купаютъ и поютъ дѣтей чередою, а нѣкоторые кормятъ сусальнымъ золотомъ. Въ летучемъ огнѣ или огникѣ, надъ болячками высѣкаютъ изъ кремня огонь; многіе припариваютъ эти сыпи помеломъ или посыпаютъ пепломъ изъ сожженной подошвы брошенной обуви. Лишаи мажутъ сокомъ изъ горящихъ дровъ и курительной трубки, чернилами и пóтомъ съ оконныхъ стеколъ; нѣкоторые же обводятъ вокругъ лишая три раза острымъ концемъ иглы и при каждомъ разѣ плюютъ. Въ насморкѣ, нюхаютъ прижженный конецъ хвоста у кошки: крестьяне убѣждены, что насморкъ происходитъ отъ питья воды, нанюханной кошкою. Отъ угара нюхаютъ тертый хрѣнъ, а въ зимнее время кладутъ въ уши мороженную калину. Въ грудницахъ женщины дѣлаютъ припарку: берутъ кусокъ заячьей кожи, обмакиваютъ его въ теплую квасную гущу и прикладываютъ къ больнымъ грудямъ. Если у какой женщины постоянно умираютъ дѣти, то, дабы рождать дѣтей болѣе здоровыхъ, она купается на дровосѣкѣ, подложивъ подъ себя деревянный обручъ; искупавшись, она рубитъ топоромъ въ мелкіе куски снятую съ

себя въ это время рубаху и тутъ же сожигаетъ ее. Въ любострастныхъ, или, какъ здѣсь говорятъ, въ дурныхъ болѣзняхъ, крестьяне обращаются къ своимъ знахарямъ, которые пользуютъ ихъ разными травами и снадобьями. Въ мочетеченіи, протаскиваютъ больнаго сквозь букъ. Отъ глистовъ мажутъ около губъ и пупокъ дегтемъ. Молочницу у дѣтей, по здѣшнему—плеснявку, мать стираетъ своею косою. Въ случаѣ пупочной грыжи у дѣтей ставятъ ребенка подлѣ дверной притолоки и противъ пупка его просверливаютъ буравцемъ въ притолокѣ дыру, или, поймавъ мышъ, даютъ ей укусить у дитяти пупокъ. Если случится ребенку сильно испугаться чего нибудь, то въ то время выворачиваютъ на немъ на изнанку рубашку, сосутъ у него противъ сердца, потомъ три раза плюютъ. Для лѣченія дѣтей, одержимыхъ младенческою болѣзнію, собираютъ по дорогѣ тридевять паръ соломенокъ, лежащихъ крестъ-на-крестъ и, отваривъ ихъ въ водѣ, перепускаютъ отваръ чрезъ коромысло, которое ставятъ для того однимъ концемъ въ какой либо сосудъ, и льютъ на верхній конецъ его отваръ, потомъ въ немъ купаютъ дитя; въ самыхъ же припадкахъ этой болѣзни накрываютъ ребенка матернимъ вѣнчальнымъ платкомъ или другимъ чѣмъ изъ вѣнчальнаго платья матери, а также зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи, подкуриваютъ тихомирнымъ или херувимскимъ ладономъ (ладономъ изъ церковнаго кадила, употреблявшимся на литургіи во время Херувимской пѣсни), или даютъ растворъ его, въ небольшомъ количествѣ, проглотить ребенку. Если случится что кто либо полюбуется ребенкомъ или похвалитъ его, то мать, дабы дитяти не попритчилось (не приключилось болѣзни съ глазъ), умываетъ его водою съ солью, или слизываетъ ему языкомъ три раза лице. Впрочемъ, здѣшніе крестьяне въ дѣтскихъ болѣзняхъ имѣютъ и похвальное обыкновеніе: какъ скоро ребенокъ заболитъ, то въ первый же воскресный или праздничный день приносятъ его въ церковь и пріобщаютъ Св. Таинъ.

Прививаніе оспы крестьяне считаютъ грѣхомъ, и если при-

вивается оспа ихъ дѣтямъ, то болѣе насильственными мѣрами со стороны начальства. Часто случается, что бабы откупаютъ у оспопрививателей дѣтей своихъ отъ прививанія оспы холстами или другимъ чѣмъ изъ домашнихъ издѣлій.

Хозяйство и промыслы.

Земледѣліе составляетъ главное хозяйственное занятіе здѣшнихъ поселянъ. Почва земли въ Обоянскомъ уѣздѣ, большею частію, черноземная и весьма удобная для хлѣбопашества. Крестьяне сѣютъ на своихъ поляхъ озимую рожь, пшеницу яровую и озимую, овесъ, гречиху, просо, ячмень, горохъ, чечевицу и ленъ; кромѣ того, сѣютъ коноплю на особыхъ конопляникахъ, располагаемыхъ обыкновенно около жилья. Рожь — наиболѣе распространенный хлѣбъ въ здѣшней мѣстности, составляетъ основу богатства здѣшняго земледѣльца; она главнѣйше поступаетъ въ продажу и частію на домашнее продовольствіе. Пшеницы крестьяне сѣютъ мало, и то болѣе на продажу. Овесъ, гречиха и просо сѣются въ большомъ количествѣ, на продажу и для собственнаго употребленія, а солома ихъ служитъ кормомъ для скота. Гороха, чечевицы и льна воздѣлывается немного. Здѣшній ленъ бываетъ малъ ростомъ и не волокнистъ, а потому жители покупаютъ ленъ болѣе привозный изъ другихъ губерній. Конопля засѣвается въ значительномъ количествѣ и годами родится хорошо; конопляное сѣмя и пенька, по здѣшнему — замашки, за удовлетвореніемъ домашнимъ потребностямъ, идутъ въ продажу.

Система хлѣбопашества трехпольная. Земля обработывается подъ посѣвъ обыкновенными Русскими орудіями: сохою съ двумя желѣзными сошниками и бороною, всегда деревянною. Подъ озимый хлѣбъ въ первый разъ начинаютъ пахать, или, какъ здѣсь говорятъ, парину метать, въ Петровъ постъ — въ концѣ мая или въ началѣ іюня; вторично пашутъ и боронуютъ при посѣвѣ, который обыкновенно начинается въ Успенскій постъ; но, при продолжительномъ бездождіи, посѣвъ озимаго хлѣба

бываетъ иногда даже въ сентябрѣ, какъ напр. въ прошломъ 1860 году. Большею же частію земледѣльцы держатся въ этомъ случаѣ своей пословицы: «хоть въ золу, да въ пору». Хорошіе хозяева подъ пшеницу троятъ землю, т. е. между первою и послѣднею вспашкою пашутъ ее еще, спустя недѣлю или двѣ послѣ Петрова дня. Подъ яровой хлѣбъ земля пашется и боронуется большею частію одинъ разъ при посѣвѣ, но болѣе старательные крестьяне иногда двоятъ яровую пашню: въ первый разъ пашутъ ее съ осени или же вскорѣ по вскрытіи весны, а вторично при посѣвѣ. Яровой посѣвъ или ранняя пашня здѣсь начинается съ Агава и Руфа (съ 8 апрѣля), когда, по мнѣнію крестьянъ, земля должна рухнуться, т. е. отойти отъ мороза. Въ яровомъ посѣвѣ хозяинъ наблюдаетъ слѣдующій порядокъ: сперва сѣетъ пшеницу, потомъ—овесъ, ячмень, горохъ (*), далѣе—просо, ленъ и, наконецъ, гречиху. Лучшимъ временемъ для посѣва гречихи считается Клечанская суббота (**) и Троицкая недѣля; послѣдній же сѣвъ ея бываетъ въ день Св. Акилины (13 іюня). Пашня съ посѣяннымъ хлѣбомъ обыкновенно забораниваетcя, а съ просомъ, спустя недѣлю послѣ посѣва, еще перепахивается или ломается. На удобреніе полей посредствомъ унавоживанія немногіе крестьяне обращаютъ вниманіе, но коноплянники вездѣ унавоживаются и любятъ болѣе жирную землю, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ самая отдаленность полей лишаетъ возможности крестьянъ удобрять земли навозомъ и хорошо воздѣлывать свою ниву. Уходъ за хлѣбами во время произрастенія состоитъ въ опалываніи нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ охраненіи отъ потравы разнымъ домашнимъ скотомъ. Рожь и пшеница жнутся серпами и всегда почти однѣми женщинами, а прочіе хлѣба всѣ косятся. Жатва въ здѣшнихъ мѣстахъ начинается около 8 іюля, а покосъ яро-

(*) Нѣкоторые горохъ сѣютъ моченымъ.

(**) Суббота передъ Троицынымъ днемъ. Клечанскою она называется потому, что въ этотъ день вечеромъ, по обыкновенію, приготовляютъ къ Троицыну дню, для украшенія въ церквахъ и домахъ, клечанье (молодыя зеленыя деревца).

выхъ хлѣбовъ—не позже 15 іюля. Хлѣбъ косится обыкновенными косами съ длинными рукоятками, къ которымъ прикрѣпляются деревянныя грабли съ длинными зубьями, посредствомъ которыхъ срѣзанный хлѣбъ, оставаясь на грабляхъ, удобно сбрасывается въ ряды колосьями въ одну сторону. Нѣкоторые изъ крестьянъ большеземельныхъ селъ, спѣша уборкою хлѣба, нанимаютъ жнецовъ и косарей. Сжатый хлѣбъ въ то же время связывается въ снопы и складывается въ крестцы, а скошенный, по просушкѣ въ рядахъ, связывается въ снопы и также складывается въ крестцы. Въ крестцѣ бываетъ тринадцать сноповъ; такихъ четыре крестца составляютъ копну. Уборка хлѣба съ полей въ урожайные годы оканчивается не ранѣе 15 сентября. Съ полей свозится хлѣбъ на огуменники и складывается въ одонки. Въ одонкѣ бываетъ отъ двадцати до тридцати копенъ. Хлѣбъ сушатъ въ овинахъ, но у кого нѣтъ овиновъ, молотятъ и несушеный. Уборка льна начинается въ началѣ августа, а пеньки — въ началѣ сентября. Сначала ихъ вырываютъ, связываютъ въ снопы и стоймя ставятъ въ крестцы, сушатъ и вымолачиваютъ сѣмена. А дабы волокнистыя части могли удобно отдѣляться отъ стебля, ленъ отмачиваютъ недѣлю и болѣе въ водѣ или сушатъ на солнцѣ, разстилая его по землѣ; пеньку же только мочатъ въ водѣ отъ 4 до 6 недѣль. Безсѣмянную пеньку, называемую здѣсь дерганцами и которая собирается въ половинѣ іюля, приготовляютъ къ тому однимъ способомъ сушенія на солнцѣ.

Вообще относительно здѣшнихъ урожаевъ можно замѣтить слѣдующее: въ хорошіе урожайные годы на лучшихъ крестьянскихъ земляхъ рожь родится самъ-пятнадцать, пшеница самъ-двадцать, овесъ самъ-тринадцать, гречиха самъ-двѣнадцать, просо самъ-шестьдесять, горохъ самъ-двадцать пять, ячмень и конопля самъ-десять. Десятина конопли въ такой годъ даетъ до тридцати пяти пудовъ пеньки. Эти цифры однакожъ не слѣдуетъ принимать за среднія числа урожая въ мѣстности: на другихъ худшихъ или дурно-обработанныхъ

земляхъ въ тотъ же самый годъ урожай бываетъ гораздо меньшій. Въ такіе годы цѣны на всѣ хлѣба бываютъ такъ низки, что не вознаграждаютъ трудовъ земледѣльца. Это одна изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ развитію здѣшняго земледѣлія.

Сѣнокосъ въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно начинается около 29 іюня и продолжается до косьбы овса. Скошенную и просушенную траву сгребаютъ въ копны деревянными граблями. Копны бываютъ отъ трехъ до пяти пудовъ. Копны потомъ свозятся съ луга и складываются въ стоги. Сѣно крестьяне болѣе продаютъ, нежели употребляютъ на кормъ своего скота.

Огородничество у здѣшнихъ крестьянъ находится на весьма низкой степени развитія. Оно ограничивается разведеніемъ капусты, бураковъ, картофеля; прочіе же овощи сѣются въ весьма маломъ количествѣ.—Нѣкоторые изъ крестьянъ сѣютъ бакши, которыя, кромѣ собственнаго продовольствія, приносятъ имъ выгоды.

Садоводство собственно у крестьянъ ничтожно, но у помѣщиковъ есть хорошіе сады, отъ которыхъ они имѣютъ выгоды.

Лѣсныхъ угодій въ Обоянскомъ уѣздѣ достаточно, такъ что жители, за удовлетвореніемъ своихъ нуждъ, доставляютъ въ городъ, для продажи, дрова и даже строевой лѣсъ. Природа въ этомъ отношеніи была здѣсь нѣкогда богата; къ сожалѣнію, здѣшніе лѣса, по небрежности, доведены до истребленія. Но съ нѣкотораго времени безразсудное истребленіе лѣсовъ прекращено попечительными мѣрами правительства, и приняты болѣе благоразумныя мѣры къ сбереженію ихъ: такъ что крестьяне рубятъ въ лѣсу только одни отведенные имъ участки, а прочій лѣсъ остается неприкосновеннымъ. Можно надѣяться, что при подобной бережливости, хотя чрезъ долгіе годы, здѣшніе лѣса достигнутъ совершенной полноты. Къ источнику крестьянскихъ доходовъ отъ лѣсовъ относится также сборъ съ дикихъ деревьевъ фруктовъ.

Скотоводство въ здѣшнихъ мѣстахъ въ плохомъ состояніи, какъ отъ недостака хорошихъ пастбищъ, такъ и отъ собственнаго нерадѣнія поселянъ. Всѣ хозяева держатъ лошадей, коровъ,

свиней, овецъ и козъ обыкновенныхъ породъ, свойственныхъ этому краю; рогатый скотъ вообще мелокъ, лошади въ немногихъ только селахъ хороши, въ другихъ же малорослы и слабосильны; коровы особенно тощи и немолочны. Объ улучшенiи породъ скота крестьяне не прилагаютъ никакого старанiя. Лѣтомъ и зимою старый и молодой скотъ держится вмѣстѣ; при этомъ естественно неизбѣжно рановременное по возрасту совокупленiе и размноженiе. Весною, лѣтомъ и осенью, въ теченiе пяти съ половиною мѣсяцевъ, скотъ питается на подножномъ корму, а остальное время года онъ питается скуднымъ кормомъ дома. Сѣно даютъ иногда только овцамъ и лошадямъ, нерѣдко съ яровою соломою. Овесъ дается лошадямъ только въ дорогахъ и не всегда на работахъ. Коровы довольствуются яровою и частiю ржаною соломою; мякиною кормятъ ихъ не всѣ и не всегда. Свиньямъ завариваютъ мякину со скудною подсыпкою муки. Помѣщенiя для скота нещитны, нечисты и неудобны.

Птицеводство почитается здѣсь необходимою принадлежностью всякаго хозяйства. Крестьяне держатъ гусей, индѣекъ, утокъ и куръ обыкновенныхъ породъ, какъ для собственнаго употребленiя, такъ и для извлеченiя дохода чрезъ продажу перьевъ, пуха, яицъ и самой живности.

Пчеловодство, по свойству цвѣтовъ здѣшнихъ растенiй и по обилiю ихъ въ дождливые годы, доставляетъ многимъ значительную выгоду въ хозяйствѣ. У нѣкоторыхъ есть довольно большiя заведенiя: есть мужички, у которыхъ послѣ роенiя пчелъ бываетъ на пасикѣ (*) до пяти сотъ и болѣе колодокъ (**); а такихъ, у которыхъ бываетъ по двѣсти и по сту колодокъ найдется много. Болѣе употребительные здѣсь ульи — такъ называемые стояны, съ двумя плоскими днами, въ которыхъ, на случай осмотра внутри улья работы пчелъ и подрѣзки меда,

(*) Пасика—пчельникъ, мѣсто, гдѣ стоятъ ульи.
(**) Колодка—улей.

дѣлается съ боку особое отверстіе, называемое колдзнею, которое закладывается дощечкою, замазываемою всякій разъ, послѣ открытія, глиною. Есть и другой родъ ульевъ: дуплятки, съ однимъ дномъ, но они введены у немногихъ.

Нѣкоторые изъ крестьянъ, живущихъ близъ рѣкъ, занимаются рыболовствомъ болѣе для продажи, нежели для собственнаго продовольствія. Употребительные здѣсь рыболовные снаряды: неводъ, сакъ, сѣть, бредень, вѐнтерь (сѣть на обручахъ), кубари (особенные кошели, сплетенные изъ тонкихъ прутьевъ) и хабо́та или хапо́ша (большой кошель, сплетенный изъ прутьевъ). Для ловли рыбы кубарями, устраиваютъ, въ узкихъ мѣстахъ рѣки, протока или залива, язы (перегородку изъ кольевъ), между которыми вставляютъ кубари устьемъ вверхъ рѣки. Хапоша ставится на прорывахъ плотинъ и при ядовыхъ (холостыхъ) скрыняхъ, во время спуска воды. Рыбу загоняютъ въ сѣти бо́лтомъ или хлутомъ (ботомъ). Здѣсь ловятся: сомы, щуки, караси, лини, окуни, карпы, меии, ерши, язи, вьюны, плотва, пискари, раки и иногда — лещи, судакъ и гальцы.

Охотою занимаются весьма немногіе крестьяне и посвящаютъ ей только время, свободное отъ занятій по хозяйству. Предметъ охоты составляютъ: звѣри — волкъ, заяцъ (русакъ), лисица, и птицы — дикая утка, куропатка, тетеревъ, дрофа, перепелка и чибисъ. Бекасовъ и куликовъ крестьяне не стрѣляютъ. Охота производится въ самыхъ малыхъ размѣрахъ и преимущественно осенью и зимою. Звѣрей ловятъ тенетами и стрѣляютъ изъ обыкновенныхъ ружей. Дичь стрѣляютъ тоже изъ ружей, а нѣкоторую, какъ напр. куропатокъ и перепелокъ ловятъ сѣтью. За перепелками также охотятся съ ястребомъ. Для приманки перепеловъ употребляется ба́йка (дудочка съ небольшимъ кожаннымъ мѣхомъ).

Бѣдные крестьяне нанимаются въ срокъ въ батраки (въ работники) на разные періоды времени: въ лѣто — съ Пасхи до Покрова дни или осенняго заговѣнья, въ зиму — съ Покрова или осенняго заговѣнья до Пасхи, или на цѣлый годъ. Въ

батрачки (въ работницы) нанимаются болѣе бездѣтныя солдатки и вдовы. Въ осеннее и зимнее время нѣкоторые занимаются поденною работою внутри своего уѣзда. Но весною, послѣ раннихъ яровыхъ посѣвовъ хлѣбовъ, весьма многіе крестьяне уходятъ партіями въ степныя губерніи для заработковъ; нѣкоторые изъ нихъ изъ ближайшихъ мѣстъ, на время уборки хлѣба, возвращаются домой, а послѣ уборки уходятъ опять туда же; другіе же, уходя съ весны въ отдаленныя мѣста, остаются тамъ до глубокой осени. Предметъ ихъ промысла составляютъ: покосъ, молотьба, нагрузка и выгрузка тяжестей при морскихъ и рѣчныхъ пристаняхъ, грàборство (земляная работа, какъ напр. копаніе канавъ, устройство плотинъ, водоемовъ и т. п.), плотничество, пиленіе лѣса и другія подручныя имъ работы. Этотъ промыселъ доставляетъ имъ весьма хорошія выгоды. Хорошій работникъ иногда вырабатываетъ съ весны до осени до ста рублей серебромъ.

Кромѣ плотниковъ и пильщиковъ, между крестьянами есть также и другіе ремесленники: каменьщики и штукатуры, кирпичники, кровельщики, колесники, бондари, маслобойщики, шиповалы или валнотепы (шерстобиты), швецы (шьющіе нагольные тулупы и зипуны), овчинники; въ помѣщичьихъ селеніяхъ есть столяры, сапожники, портные, кузнецы и ткачи.

Въ нѣкоторыхъ селахъ къ числу промысловъ принадлежитъ жженіе угля на продажу и плетеніе соломенныхъ кошелей, употребляемыхъ для ссыпки хлѣба. Въ пригородныхъ селахъ нѣкоторые занимаются извозничествомъ. Немногіе изъ крестьянъ по уѣзду имѣютъ мукомольныя водяныя и вѣтряныя мельницы. При проѣзжихъ дорогахъ нѣкоторые содержатъ постоялые дворы. Въ недавнее время изъ здѣшнихъ крестьянъ стали проявляться разнощики съ коробками, торгующіе по своему и ближайшимъ уѣздамъ мелочнымъ товаромъ.

Здѣшнія женщины, кромѣ присмотра за домашнимъ хозяйствомъ, лѣтомъ опалываютъ огороды и поля, жнутъ, вяжутъ въ снопы хлѣбъ, убираютъ ленъ и коноплю. Осенью и зимою

занимаются онѣ пряденіемъ льна, поскони, овечей шерсти, приготовленіемъ изъ этой пряжи разныхъ тканей, необходимыхъ въ домохозяйствѣ и, кромѣ того, часто вмѣстѣ съ мужчинами молотятъ хлѣбъ. Иногда крестьянки изъ зажиточныхъ домовъ собираютъ такъ-называемыя попрядухи: дѣвки и бабы съ вечера сходятся къ нимъ, съ донцами и гребнями, и прядутъ большею частію шерсть. Помочи эти созываются преимущественно подъ пятницу, когда крестьянки дома не дѣлаютъ никакой тажелой работы и не прядутъ поскони и льна, считая это грѣхомъ. Въ вознагражденіе за то хозяева угощаютъ ихъ сытнымъ столомъ. Полотна бѣлятъ весною и лѣтомъ, а сукна валяютъ осенью и зимою дома или на водяныхъ мельницахъ, гдѣ есть сукновальни. Немногія изъ женщинъ умѣютъ красить шерстяныя издѣлія собственнаго приготовленія, употребляемыя въ домашнемъ быту, и ткать пояса.

Народное веселье и праздники.

Народное веселье и забавы лѣтомъ и зимою состоятъ преимущественно изъ игрищъ на улицахъ. Въ праздничные дни молодежъ, одѣвшись въ нарядное платье, собирается на улицу; по сборѣ составляется хороводъ, по здѣшнему карагòтъ. Дѣвки и молодыя бабы становятся въ кружокъ, взявшись за руки, ходятъ кругомъ, поютъ хороводныя пѣсни, пристукивая ногами въ тактъ пѣсни, а молодые парни въ срединѣ круга, закинувъ шапку на бекрень, пляшутъ, выказывая другъ передъ другомъ свое искусство. Сюда собираются также сельскіе музыканты, и послѣ пѣнія въ хороводахъ, начинается пляска подъ музыку. Употребительныя здѣсь музыкальныя орудія: дудка, рожокъ, балалайка, скрипка, гармонія, гудокъ (*) и кувички (**).

(*) Четырехъ-струнный смычковый инструментъ, на подобіе скрипки, съ выпуклымъ исподомъ; на немъ играютъ дугообразнымъ смычкомъ, и при томъ ставятъ его на колѣно или просто держатъ перпендикулярно. Въ настоящее время гудки стали встрѣчаться здѣсь рѣдко.

(**) Пять тростниковыхъ дудочекъ, одна другой короче и выше тономъ, каждая

Въ лѣтнее время уличныя сборища часто продолжаются всю ночь, такъ что, послѣ уличнаго веселья, молодежь отправляется прямо въ поле на работу.

Нѣкоторые народные праздники сопровождаются особымъ родомъ увеселеній и обычаевъ.

На Святой недѣлѣ молодыя женщины и дѣвицы, собравшись на улицахъ, водятъ такъ называемые танки. Они водятся двоякимъ образомъ: въ одинъ рядъ и въ два ряда. Въ первомъ случаѣ, всѣ становятся въ одну линію, взявшись за руки, поютъ пѣсни и идутъ, приплясывая, за переднею дѣвкою или бабою, которая даетъ всему хороводу всевозможныя кривыя направленія. Въ послѣднемъ случаѣ, онѣ раздѣляются на двѣ равныя стороны, составляютъ двѣ параллельныя линіи, въ нѣкоторомъ отдаленіи одна отъ другой; взявшись за руки, поютъ пѣсни и подбѣгаютъ одна сторона къ другой, размахивая руками и пристукивая ногами, а потомъ возвращаются назадъ и повторяютъ дѣйствіе такимъ же образомъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на Св. недѣлю устраиваются качели, и молодежь качается и проводитъ время подъ качелями (*). Со дня Пасхи крестьяне перестаютъ засвѣчать огонь вечеромъ во избѣжаніе пожаровъ, въ томъ убѣжденіи, что огонь съ весны щенится. Въ религіозномъ отношеніи, въ дни Свѣтлой Седьмицы, существуетъ слѣдующій обычай: берутъ изъ церкви иконы, служатъ молебны по домамъ и дѣлаютъ для причта обѣды; при чемъ есть обыкновеніе, послѣ стола, бросать скатерть на кровлю избы, для того, чтобы родился ленъ высокъ. Эту обязанность, обыкновенно, исполняетъ жена причетника.

Въ недѣлю Мvроносицъ, называемою здѣсь Маргóсье и Маргòски, молодыя бабы собираются въ одно мѣсто и при-

---

съ однимъ отверстіемъ въ верхнемъ концѣ, въ которое вдувается воздухъ. Чтобы играть на нихъ, верхніе концы всѣхъ дудочекъ приставляютъ ко рту, дуютъ въ отверстія и, вмѣстѣ, съ тѣмъ съ искусствомъ вторятъ голосомъ звукамъ, происходящимъ отъ кувичекъ; тѣ и другіе звуки, сливаясь вмѣстѣ выражаютъ, «куви—куви».

(*) Въ другихъ селеніяхъ качаются на Троицкой недѣлѣ и на Петровъ день.

носятъ съ собою куръ, яйца и другіе съѣстные припасы, приготовляютъ изъ нихъ разныя кушанья, покупаютъ водку,— пьютъ, ѣдятъ, веселятся и съ пѣснями ходятъ по улицамъ и пляшутъ.

На Вознесеніе, предъ обѣднею, дѣвицы собираются въ какой либо домъ и, сломивъ зеленую вѣтку рябины или другаго дерева (*), убираютъ ее цвѣтами и лентами, ставятъ въ избѣ въ святой уголъ, а сами отправляются къ обѣднѣ. Между тѣмъ здѣсь приготовляется для нихъ закуска изъ принесенныхъ ими наканунѣ съѣстныхъ припасовъ. Послѣ обѣдни всѣ дѣвицы возвращаются сюда обратно, берутъ уряженную вѣтку, называемую кукушкою, и съ пѣснями несутъ ее въ садъ или лѣсъ крестить; куда нерѣдко сопровождаютъ ихъ молодые парни съ дудками, кувичками или другими музыкальными орудіями. Пришедъ въ назначенное мѣсто, кладутъ мнимую кукушку на деревѣ, вѣшаютъ на ней снятый съ шеи крестъ; потомъ всѣ раздѣляются по-парно и начинаютъ кумиться такимъ образомъ: каждыя двѣ дѣвицы поочередно подходятъ къ кукушкѣ, и одна изъ нихъ говоритъ: «куку», а другая отвѣчаетъ ей: «кума», по три раза; послѣ чего цѣлуютъ крестъ, а затѣмъ цѣлуются сами и обмѣниваются кольцами, въ знакъ условнаго родства по кумовству, въ которомъ онѣ пребываютъ до шести недѣль, а въ нѣкоторыхъ селахъ — въ продолженіе года. Въ соединеніи съ этимъ обрядомъ поютъ:

Ой релимъ (**), кукушка риба!
Ой релимъ! чья ты кума?
— Ой релимъ, я — кумушкина,
Ой релимъ, галубушкина.

Но многія при этомъ поютъ обыкновенныя пѣсни. Покумившись такимъ образомъ, онѣ закусываютъ и еще долго веселятся, а наконецъ расходятся по домамъ.

(*) Въ иныхъ селахъ отыскиваютъ растеніе кукушникъ, и вмѣсто зеленой вѣтки нарываютъ пучекъ этой травы.

(**) По другимъ селамъ поютъ: лелимъ вм. релимъ.

Въ день Сошествія Св. Духа, во всѣхъ деревняхъ дѣвушки также собираются вмѣстѣ и ходятъ въ лѣса или сады завивать вѣнки. Свивши вѣнки, надѣваютъ ихъ на головы. Въ иныхъ мѣстахъ дѣвицы, повѣсивъ вѣнокъ на дерево, цѣлуютъ сквозь него одна другую. Здѣсь онѣ поютъ пѣсни, закусываютъ и, нагулявшись вдоволь, возвращаются въ вѣнкахъ домой. Въ нѣкоторыхъ же селахъ въ этомъ убранствѣ идутъ онѣ къ рѣкѣ или широкому озеру и бросаютъ вѣнки въ воду, и изъ того, куда поплыветъ вѣнокъ или потонетъ, стараются узнать свою судьбу. Въ этотъ день въ избахъ и на дворѣ ставятъ клечанье и постилаютъ зеленую траву.

Въ дни: Ильи Пророка (20 іюля), мучениковъ Кирика и Улиты (15 іюля) и великомученика Пантелеймона (27 іюля), крестьяне не производятъ въ полѣ никакихъ работъ, считая ихъ строгими праздниками. Илья Пророкъ почитается блюстителемъ за уборкою хлѣба; онъ, по мнѣнію черни, 20 іюля считаетъ копны по полямъ. Крестьяне также вѣрятъ, что Илья Пророкъ разъѣзжаетъ на колесницѣ по небу, отъ чего происходитъ громъ.

Въ день Св. Мучениковъ Флора и Лавра (18 августа) крестьяне ничего не работаютъ на лошадяхъ. Въ этотъ день предъ обѣднею пригоняютъ лошадей къ церквамъ, служатъ молебны и окропляютъ ихъ св. водою.

Равнымъ образомъ Св. Священномученика Власія (11 февраля) считаютъ покровителемъ коровъ, и также пригоняютъ ихъ въ этотъ день къ церкви, служатъ молебны и окропляютъ св. водою.

24 іюня, въ праздникъ Рождества Іоанна Крестителя, ходятъ въ лѣсъ и въ поле собирать травы, которымъ приписываютъ цѣлебную силу; а 29 августа, въ день Усѣкновенія главы Крестителя, ничего съѣстнаго не рѣжутъ ножами, не варятъ щей изъ капусты и не ѣдятъ ничего круглаго, чтобы могло напоминать голову.

Въ святочные вечера, а особенно въ вечеръ подъ новый

годъ, дѣвушки гадаютъ о своей участи на слѣдующій годъ. Гаданія эти состоятъ въ слѣдующемъ:

Ходятъ на перекрестки, падаютъ на землю, слушаютъ, въ какой сторонѣ лай собакъ или другой звукъ, и по этому заключаютъ, въ какую сторону выйдутъ за мужъ. Ходятъ также къ церквамъ и слушаютъ: если послышится что-либо подобное пѣнію, то полагаютъ, что на будущій годъ выйдутъ замужъ, а если послышится плачь, то ожидаютъ смерти.

Загадавъ о чемъ либо, приносятъ въ избу по оберемку дровъ и оставляютъ ихъ на ночь въ избѣ; утромъ каждая изъ гадавшихъ дѣвицъ считаетъ, сколько въ принесенныхъ ею дровахъ находится полѣнъ: когда выходитъ четное число, то загаданное сбудется; а когда нечетное, то не сбудется.

Ложась спать, говорятъ: «лажусь я спать на Сіенскихъ гарахъ, три вангуля у галвахъ: адинъ видя, другой слыша, третій усю правду мнѣ скажа; кали я што найду, али што куплю, али надаракъ приму, то збудитца, а кали што прадамъ, али патиряю, али аддамъ, то ня збудитца».

Другія снимаютъ съ насѣста куръ, приносятъ ихъ вечеромъ въ избу и, посыпавъ имъ корму и поставивъ воды, наблюдаютъ за ихъ движеніями и дѣйствіями, и изъ того заключаютъ о свойствахъ будущихъ своихъ супруговъ.

Дѣвицы, желающія узнать своего суженаго, отходя ко сну, ставятъ у своего изголовья блюдо съ водою, на которомъ мостятъ мостъ, т. е. настилаютъ прутьями на подобіе моста; при чемъ говорятъ: «сужанай-ряжанай, пирвяди мине чирязъ мостъ!» Нѣкоторыя для того кладутъ въ головы гребешокъ или вѣникъ, говоря — въ первомъ случаѣ: «хто мой сужанай-ряжанай, тотъ мнѣ голову рашчеша»; во второмъ: «хто мой сужанай-ряжанай, тотъ придя са мною избу месть». Иныя, ложась спать, не разуваютъ лѣвую ногу, и при томъ говорятъ: «хто мой сужанай-ряжанай, тотъ мине разуя». Многія увѣряютъ, что дѣйствительно видятъ во снѣ своихъ суженыхъ.

На Новый Годъ, между утренею и обѣднею, дѣвицы, поло-

живъ лепешку за пазуху, выходятъ на улицу и спрашиваютъ перваго встрѣтившагося мужчину—какъ его зовутъ, и по отвѣту заключаютъ объ имени своего жениха.

Въ вечеръ подъ Крещенье, поѣвши кутьи, дѣвушки съ ложками выходятъ на дворъ, стучатъ ими въ ворота и слушаютъ, въ какой сторонѣ залаютъ собаки, и изъ того заключаютъ, въ какую сторону имъ придется выдти замужъ. И тѣмъ оканчиваются святочныя гаданія (*).

На Крещенье, послѣ обѣдни, всякій хозяинъ раскладываетъ на дворѣ снопы всякаго хлѣба и кормитъ имъ свой скотъ, который при томъ окропляетъ св. водою, въ предохраненіе отъ всякаго рода болѣзней. Нѣкоторые, окропляя скотъ св. водою, надѣваютъ шубу вверхъ шерстью.

На Масляницѣ, съ четверга, прекращаются всѣ работы; молодежъ и дѣти катаются съ горъ на салазкахъ. Молодые парни имѣютъ обыкновеніе катать въ это время дѣвицъ, сажая ихъ у себя на колѣняхъ. Вообще послѣдніе дни Масляницы проводятъ весело: послѣ катанья, играютъ, поютъ и пляшутъ до глубокой ночи. Многіе крестьяне ходятъ и ѣздятъ къ близкимъ своимъ роднымъ и знакомымъ, угощаютъ одинъ другаго водкою и блинами, а въ Сырное Воскресенье вечеръ посвящаютъ, по принятому обычаю, на прощанье другъ съ другомъ предъ Великимъ Постомъ.

Въ день Благовѣщенія всякій хозяинъ старается быть въ обѣдни и получить отъ священника просфору, съ которою онъ въ первый разъ весною выѣзжаетъ въ полѣ засѣвать хлѣбъ, и которою пчеловоды въ первый разъ закармливаютъ пчелъ. На этотъ день, домохозяева пекутъ изъ тѣста катышки (небольшіе хлѣбцы въ видѣ шариковъ) и даютъ ихъ овцамъ, въ предохраненіе ихъ отъ болѣзней. Праздникъ Благовѣщенія просто-

(*) Есть и другіе дни, въ которые дѣвицы гадаютъ о будущей своей судьбѣ, а именно: подъ Андрея Первозваннаго (подъ 30 ноября), подъ дни Св. Великомучёницъ: Екатерины (подъ 24 ноября) и Варвары (подъ 4 декабря).

людины почитаютъ такъ, что не принимаются ни за какія работы. Они вѣрятъ, что и птица на этотъ день не вьетъ гнѣзда.

Храмовые праздники бываютъ, большею частію, осенью и зимою, въ свободное время отъ работъ. Главную принадлежность этихъ праздниковъ составляетъ водка; всякій, сколько нибудь зажиточный крестьянинъ, зазываетъ на праздникъ къ себѣ гостей, дѣлаетъ для нихъ обѣдъ и напивается съ ними до пьяна. Погулявши, такимъ образомъ, въ одномъ домѣ, толпа пьяныхъ бродитъ изъ двора во дворъ, и гулянье продолжается дня три, четыре и нерѣдко недѣлю. Молодые люди, между тѣмъ, веселятся на улицахъ: поютъ и пляшутъ въ хороводахъ, играютъ на балалайкахъ, дудкахъ и другихъ инструментахъ.

О прочихъ же народныхъ праздникахъ, какъ напр. о Свѣчкахъ, Крещенской Колядѣ, днѣ Св. Великомученика Никиты и другихъ, отличительную принадлежность которыхъ составляютъ нѣкоторыя народныя кушанья, было сказано при описаніи пищи крестьянъ.

Игры взрослыхъ весною и лѣтомъ на улицахъ бываютъ слѣдующія:

Молодыя бабы и дѣвки «сѣютъ просо». Въ этой игрѣ всѣ становятся въ одну линію, одинъ подлѣ другаго, а одна пара становится противъ нихъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; потомъ тѣ и другія, взявшись за руки, поютъ:

Первая сторона (составляющая большой рядъ).

А мы пашню пахали, пахали,
Зилêная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая сторона (состоящая изъ одной пары).

А мы проса сѣили, сѣили,
Зилêная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Первая.

А мы проса выталкимъ, выталкимъ,
Зилêная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая.

А чѣмъ жа вы выталкитя, выталкитя?
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Первая.

А мы каней выпустимъ, выпустимъ,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая.

А мы каней пайманимъ, пайманимъ,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Первая.

А мы каней выкупимъ, выкупимъ,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая.

А чѣмъ жа вы выкупитя да выкупитя?
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Первая.

А мы дадимъ сто рублевъ, сто рублевъ,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая.

А мы ста рублей ни вазмемъ, ни вазмемъ,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Первая.

А мы дадимъ тысичу, тысичу,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая.

А мы тысячи ни вазмемъ, ни вазмемъ,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Первая.

А мы дадимъ дѣвушку, дѣвушку,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая.

Вотъ то-та намъ надамна, надамна,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

За тѣмъ пара, составляющая вторую сторону, не разнимая рукъ, поднимаетъ ихъ вверхъ и образуетъ между собою проходъ, въ который бѣжитъ вереницею первая сторона, и коль скоро добѣгаетъ до прохода, послѣдняя въ ряду дѣвица или женщина, стоявшая пара опускаетъ руки внизъ и отрываетъ ее отъ другихъ; послѣ чего она остается при нихъ. Потомъ та и другая сторона, ставши опять одна противу другой поютъ:

Первая.

Изъ нашага палку убыла, убыла,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

Вторая.

А у нашамъ палку прибыла, прибыла,
Зилёная мая ротавка, жолтай твѣтъ!

За тѣмъ первая сторона снова поетъ: «А мы пашни пахали, пахали», и игра, такимъ образомъ, продолжается до тѣхъ поръ, пока на первой сторонѣ останется одна пара. Послѣ того игру начинаютъ вновь, при чемъ вторая сторона заступаетъ мѣсто первой, а первая мѣсто второй.

Между дѣвицами и молодыми женщинами употребительна также игра «плетень». Въ этомъ случаѣ онѣ берутъ другъ друга за руки и заплетаются такъ, что лѣвая рука каждой лежитъ на правомъ плечѣ той, которая стоитъ впереди ея, при чемъ поютъ:

Заплятися, плитень, заплятися!
Ты завейси, камка дарагая!
Завярнися, труба залатая!

Послѣ того расплетаются и поютъ:

Расплятися, плитень, расплятися!
Ты развейси, камка дарагая!
Развярнися, труба залатая!

Молодежъ обоего пола вмѣстѣ играютъ въ рѣбки (горѣлки) мячь, селезня и утку. Описаніе первыхъ двухъ игръ, какъ болѣе извѣстныхъ, будетъ излишнимъ. Въ селезня же и утку играютъ такъ: Всѣ становятся въ кружокъ, взявшись рука за руку, ходятъ вокругъ и поютъ:

Силизѐнь за вуткаю гоня,
Маладой за сѣраю гоня:
«Пади, вутица, дамой,
Пади, сѣрая, дамой!
Въ тибе семира дитей,
Васьмой силизѐнь,
Дивятая вутка,
Дисятая шутка.»

При этомъ парень и дѣвица разыгрываютъ роли селезня и утки: селезѐнь ловитъ утку, а утка прячется отъ него то въ кружокъ, то изъ кружка; при чемъ утку весь хороводъ свободно пропускаетъ туда и обратно, а селезню всѣми мѣрами препятствуютъ уловить утку. Когда же селезню, послѣ долгихъ усилій, придется поймать утку, тогда виновные тому заступаютъ ихъ мѣсто, а прежніе селезень съ уткою становятся вмѣстѣ съ прочими въ кружокъ, и игра продолжается точно также.

Подобнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ селахъ играютъ въ кошку и мышку, но игра эта происходитъ безъ пѣнія.

Зимою въ домахъ въ праздничные вечера молодежь, собравшись вмѣстѣ, играетъ въ жутъ (жгутъ), короли и чо̀тки. Въ первой игрѣ всѣ садятся на полу въ кружокъ, спрятавъ руки подъ колѣна, такъ что, кто изъ нихъ держитъ въ рукахъ жгутъ— не видно, а одинъ парень или дѣвка усаживается въ рединѣ круга.

Тотъ, у котораго находится въ рукахъ жгутъ, ударяетъ имъ въ спину сидящаго въ срединѣ круга и въ тоже время прячетъ или передаетъ его своему сосѣду, такъ чтобы тотъ, котораго ударили, не могъ замѣтить того. Это продолжается

до тѣхъ поръ, пока ударяемый не обнаружитъ, въ чьихъ рукахъ находится жгутъ; послѣ того обнаруженный съ жгутомъ уступаетъ свое мѣсто сидящему въ срединѣ круга; а самъ заступаетъ его мѣсто; далѣе игра продолжается такимъ же образомъ.—Въ короли играютъ такъ: сначала всѣ кладутъ на столъ правыя руки одна на другую; потомъ первый снизу вынимаетъ свою руку, кладетъ ее сверху всѣхъ рукъ и говоритъ: «Расъ» за нимъ второй дѣлаетъ также и говоритъ: «Два», третій: «Три», четвертый: «Четыре», и такъ далѣе до десяти; но когда за тѣмъ кладутъ руки послѣдующіе, то говорятъ: первый—«Нижникъ», второй — «Вышникъ», третій «Краля», четвертый «Кароль», тотъ и дѣлается королемъ. Послѣ того всякій изъ играющихъ по очереди говоритъ королю: «Кароль, кароль, я твая слуга.» — «Што ты мнѣ за слуга?» вспрашиваетъ король. «Што заставишъ, то буду дѣлать», отвѣчаетъ слуга. И король означаетъ каждому изъ играющихъ какое-либо дѣло: одному—плясать, другому—смѣяться, третьему—плакать, четвертому—пѣсни пѣть, пятому—лицо сапухою (сажею) вымазать, шестому—три или четыре воза дровъ на лбу привезти (т. е. три или четыре раза лбомъ по столу провести) и т. п. Эти приказанія исполняются безъ всякаго прекословія; но когда всякій изъ играющихъ выполнитъ назначенное ему дѣло, тогда приступаютъ къ избранію новаго короля.—Игра въ чотки состоитъ въ томъ, что чотки (коротенькія камышевыя пластинки) разсыпаютъ по столу поочередно и берутъ со стола по одной такъ, чтобы взятою чоткою не тронуть другихъ; въ противномъ случаѣ, тронувшій чотки лишается права на игру до слѣдующей очереди, а за тѣмъ разсыпаетъ и беретъ ихъ другой и такъ далѣе.

Въ зимніе праздничные дни часто народъ собирается на кулачные бои. Эти битвы иногда происходятъ между крестьянами двухъ сосѣдственныхъ деревень, составляющихъ двѣ враждебныя партіи.

Иногда молодые крестьяне, какъ зимою, такъ и лѣтомъ собираются въ какое-либо глухое мѣстечко, укрывающее ихъ отъ взоровъ старшихъ; и играютъ въ карты и орлянку.

Дѣтскія игры:

Мальчики весною и лѣтомъ на улицахъ играютъ:

въ городки, » мячь, » кляпъ, или клёпъ, » шигарду (чихарду), » сучки (свинки) и шаровню, или гылю.	Игры болѣе или менѣе извѣстныя.

Послѣдняя игра состоитъ въ томъ, что одинъ подбрасываетъ деревянный шаръ вверхъ, а другой на лету бьетъ его швыркомъ деревяннымъ отрубкомъ, съ отесанною рукояткою, называемымъ гылею или шаровнею. Въ эти игры играютъ нѣсколько человѣкъ и бьютъ шаръ поочередно.

Весеннія и лѣтнія игры дѣвочекъ, въ которыхъ нерѣдко принимаютъ участіе и мальчики, бываютъ также на улицахъ. Эти игры слѣдующія:

1) Коршунъ. Въ этой игрѣ одна изъ дѣвочекъ старшихъ возрастомъ, беретъ на себя роль коршуна, а всѣ прочія представляютъ стадо другихъ птицъ. Послѣднія становятся вереницею и берутъ одна другую за задъ платья. Передняя изъ нихъ называется маткою, а остальныя — ея дѣтьми. Коршунъ же становится впереди, противъ всѣхъ и начинаетъ рыть землю; тогда матка вспрашиваетъ у него: «Коршунъ, коршунъ! што ты дѣлаешъ?» — «Ямачку рою», отвѣчаетъ коршунъ. «На што ямачку?» — «Капеичьку ишшу.» — «На што капеичку?» — «Иголачку купить.» — «На што иголачку?» — «Мишочикъ шшыть.» — «На што мишочикъ?» — «Салицы купить.» — «На што салицы?» — «Кулешъ пасалить.» — «На што пасалить?» — «Тваимъ дитямъ глаза залить.» И вмѣстѣ съ тѣмъ коршунъ бросается на дѣтей, съ тѣмъ, чтобы оторвать кого-либо изъ вереницы; но матка всячески ста-

рается заграждать ему путь и не допускать его до дѣтей. Оторванная отъ вереницы дѣвочка становится позади коршуна, держась за задъ его платья. Такимъ образомъ игра продолжается до тѣхъ поръ, пока коршунъ заберетъ по одной всѣхъ дѣвочекъ на свою сторону; потомъ бывшая матка становится коршуномъ, а коршунъ — маткою, и игра начинается снова.

2) Хрѣнъ. Игра эта состоитъ въ томъ: всѣ садятся въ одну линію, одинъ къ другому въ колѣни, и крѣпко обхватываютъ одинъ другаго руками, а двѣ старшія дѣвочки становятся подлѣ нихъ: одна по одну сторону, а другая по другую, и взявши въ руки платокъ (иногда палочку), носятъ его надъ головою сидящихъ (*), и при томъ поютъ:

Хрѣнъ, ты мой хрѣнъ,
Иравой ты мой хрѣнъ,
Хто тибе садилъ,
Хто паливалъ?
—Садилъ мине Иванъ,
Поливалъ Силиванъ;
Силиванава жана
При дарошки жыла,
Ана хажывала.
Ана ѣжжавала,
Пригаваривала:
Урадися мой хрѣнъ
И долахъ и толстъ,
И карешыкамъ простъ.—
На вулицы дивóчки,
Всê—залатаи виночки,
И синêвки и панêвки,
И чарвонныи пакровки,
И сахвьянъ сапожокъ.
Стукъ, стукъ у варотъ. (**)

(*) Въ нѣкоторыхъ селахъ старшія дѣвочки въ этомъ случаѣ не берутъ въ руки ничего, а только ходятъ вокругъ сидящихъ и прикасаются руками къ головамъ каждой изъ нихъ.

(**) Въ иныхъ мѣстахъ послѣдніи 6 строкъ замѣняются слѣдующими:

«Хто тамъ?» вспрашиваютъ сидящія дѣвочки. «Ивашка паповъ», отвѣчаютъ старшія дѣвочки. «За чѣмъ!» — «Дайтя хрянку на гавядинку.» — «Хрѣнъ ни паспѣлъ; за кольими паѣхали; аплитать будимъ.» Послѣ того старшія дѣвочки снова поютъ: «Хрѣнъ, ты мой хрѣнъ», и ходятъ около сидящихъ. Дѣйствіе это потомъ повторяется до четырехъ разъ, съ тою разницею, когда старшія скажутъ: «Дайтя хрянку на гавядинку», тогда сидящія отвѣчаютъ: въ первый разъ — «Хрѣнъ ни паспѣлъ, толькя колья бьемъ», во второй — «Хрѣнъ ни паспѣлъ, толькя плитень городимъ», въ третій — «Хрѣнъ ни паспѣлъ, толькя листья пуская; дажыдатца будемъ», въ четвертый — «Сарвитя, струхнитя, ды варта запритя». Тогда старшія дѣвочки тянутъ за руки первую изъ сидящихъ и отрываютъ ее отъ прочихъ, за тѣмъ и съ другими поступаютъ также. Позади всѣхъ сидящая дѣвочка называется бабкою; она обыкновенно выбирается изъ старшихъ возрастомъ.

3) Кушинчики. Въ эту игру играютъ такъ: дѣтей меньшаго возраста сажаютъ рядомъ; они то и называются кушинчиками (кувшинчиками). Двѣ дѣвочки, которыя болѣе другихъ возрастомъ, играютъ роли: одна—хозяйки, а другая — ея дочери, у которыхъ есть котъ. Роль кота, обыкновенно, даютъ мальчику. Котъ, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, валяетъ по нѣскольку кувшинчиковъ, будто бы съ молочнымъ, и наконецъ ловится въ мотъ. Тогда его бьютъ, и игра оканчивается смѣхомъ и нерѣдко слезами.

4) Свинья. Всѣ дѣти, кромѣ одного, ложатся ницъ въ рядъ одинъ отъ другаго въ нѣкоторомъ разстояніи. Тотъ, который не ложился, перепрыгиваетъ чрезъ каждаго изъ нихъ,

---

Ты расти мая каса
Да шолкава паиса:
Всѣмъ дѣвкамъ красата,
А молатцамъ сухата.
Стукъ, стукъ у варотъ!

и въ концѣ ложится самъ; за тѣмъ встаетъ крайній съ противуположнаго конца и дѣлаетъ тоже. Такимъ образомъ, всѣ, одинъ за другимъ, встаютъ, прыгаютъ и опять ложатся.

5) Дѣточки. Игра въ дѣточки происходитъ такимъ образомъ: дѣвочки большія возрастомъ становятся въ кружокъ и сажаютъ предъ собою маленькихъ дѣтей, а одна изъ нихъ, оставшаяся безъ дитяти, подходитъ къ каждой изъ стоящихъ въ кружкѣ и говоритъ: «Кума, кума, прадай дитя!» Однѣ отвѣчаютъ: «Не продажно», и она отходитъ прочь. А когда какая скажетъ: «Купи», тогда та и другая бѣгутъ около стоящихъ въ кружкѣ: одна въ одну сторону, а другая въ другую, и какая изъ нихъ, обѣжавъ кругъ, первая достигнетъ до оставленнаго дитяти, и дотронется рукой до его головы, та и остается при немъ; другая же опять идетъ покупать дитя. Подобнымъ образомъ игра продолжается далѣе.

6) Жилдочка (*). Въ этой игрѣ всѣ дѣти бѣгаютъ, а жилдочка ловитъ ихъ, и кого поймаетъ, тотъ становится жилдочкою и также ловитъ другихъ, а бывшая жилдочка перестаетъ быть ею и присоединяется къ прочимъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ игра эта называется сыркою, а въ другихъ вѣдьмочкою. При началѣ этой игры, чтобы знать, кому оставаться жилдочкою, сыркою или вѣдьмочкою, дѣти вѣдаются (копаются) слѣдующимъ образомъ: всѣ становятся въ рядъ, а одна изъ дѣвочекъ старшихъ по возрасту, указывая на каждаго по порядку, не исключая и себя, приговариваетъ: «Заицъ — мѣсицъ! — Идѣ (гдѣ) былъ? — У лѣся. — Што дѣлалъ? — Лыки дралъ. — Хто пабралъ? — Ваявода. — Вонъ пень — съ карагода. — Чечитъ — нечитъ — шышалъ — вышалъ — дикинь — выкинь.»

Или:

«Ходя свинья па бару, — рве траву лобаду; — рве и бире, — на биремачикъ кладе. — Тусъ — лусъ — пунья — звизда — княсь».

(*) Слово это, вѣроятно, происходитъ отъ слова желдакъ—солдатъ, ратникъ. Желдачка, измѣненное жилдачка—солдатка, ратничка.

Или:

«Пéри — éри — чуха — луха — пята — сóта — сéма — духа — макъ — хрéстъ — радивóнъ — выди вонъ.»

И на кого придется указать при послѣднихъ словахъ: «выкинь, князь, выди вонъ», тотъ отходитъ прочь. Такимъ образомъ дѣйствіе это повторяется до тѣхъ поръ, пока останется въ ряду одинъ, который безпрекословно принимаетъ на себя эту роль.

Иногда дѣвочки, сидя на улицахъ, играютъ въ крямушки (небольшіе кругленькіе камешки или черепочки, гладко обтертые объ кирпичъ). Ихъ обыкновенно бываетъ пять. Сначала крямушки разсыпаютъ по землѣ, а потомъ одинъ изъ нихъ подбрасываютъ вверхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искусно схватываютъ одною рукою съ земли другой, и съ нимъ уже ловятъ летящій крямушекъ. Дѣвочка, не выполнившая извѣстныхъ условій игры, лишается права на дальнѣйшую игру до слѣдующей очереди и передаетъ ее другой, и такъ далѣе. Искусныя въ этомъ успѣваютъ схватывать съ земли по нѣскольку крямушковъ и съ ними уловить тою же рукою подброшенный крямушекъ; или, взявши всѣ въ руку, подбрасываютъ одинъ вверхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ кладутъ по одному и по два на землю, а потомъ тою же рукою ловятъ летящій крямушекъ.

Въ домахъ, во всякое время года, мальчики и дѣвочки играютъ въ жмурки и кулючки. Жмурки — игра извѣстная. Игра же въ кулючки состоитъ въ томъ, что всѣ дѣти прячутся по разнымъ мѣстамъ, а одинъ, пока другіе спрячутся, закрывъ глаза, кулюкаетъ такъ: «Кулю, кулю баба, ня выкали глаза; гласъ паснѣлъ, кагрешку съѣлъ.» Потомъ отыскиваетъ спрятавшихся. За тѣмъ кулюкаетъ слѣдующій по очереди, а всѣ прочія прячутся.

Жизненныя средства.

Источники, изъ которыхъ крестьяне извлекаютъ средства для своего пропитанія, указаны выше; но трудно съ точностію опредѣлить, сколько ихъ можетъ приходиться на мѣстное

крестьянское семейство въ годъ; это зависитъ во первыхъ отъ количества поземельнаго надѣла крестьянъ на души, который въ здѣшнемъ уѣздѣ не равенъ, такъ что въ иныхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ на ревизскую душу приходится пахатной земли менѣе полуторы десятины, а въ другихъ крестьяне имѣютъ даже до восьми десятинъ, смотря по величинѣ сельскаго участка; во вторыхъ отъ промысла самихъ крестьянъ болѣе и менѣе прибыточнаго; въ третьихъ отъ прилежанія или нерадѣнія, ловкости или нерасторонности и многихъ другихъ причинъ. Еще труднѣе опредѣлить количество расхода крестьянина: кто болѣе заработываетъ, тотъ болѣе и издерживаетъ, и на оборотъ. Потому я намѣренъ показать лишь необходимый денежный расходъ здѣшняго государственнаго крестьянина.

Вотъ годовой расходъ десятидушнаго семейства, состоящаго изъ трехъ работниковъ, ихъ женъ, дѣвки — невѣсты и трехъ малолѣтныхъ дѣтей:

На уплату податей въ годъ съ каждой ревизской души по 95 коп. серебромъ, а съ трехъ душъ 2 руб. 85 коп. Общественнаго сбора съ души по 56½ коп. въ годъ, а съ трехъ душъ 1 руб. 69½ коп. Земскихъ сборовъ въ годъ съ души 1 руб. 77¼ коп., съ трехъ душъ 5 руб. 31¾ коп. Поземельнаго оброка выходитъ съ души отъ 1 руб. 15¼ коп. до 7 руб. въ годъ, съ трехъ же душъ, считая среднимъ числомъ по 4 руб. 7⅝ коп. съ души, 12 руб. 22⅞ коп. На капиталъ для обезпеченія продовольствія крестьянъ въ неурожайные годы по 6 коп. съ души въ годъ, а съ трехъ душъ 18 коп. (*). Соли 6 пудъ въ годъ—4 руб. 80 коп. Дегтю на подмазку четырехъ телѣгъ, изъ которыхъ обыкновенно одна подмазывается чаще, а прочія рѣже, въ годъ 2 пуда (одинъ половику, а другой чистаго) — 2 руб. 80 коп. Топоръ, бу-

(*) Кромѣ того во время рекрутскихъ наборовъ крестьяне взносятъ рекрутскихъ денегъ отъ 20 до 30 коп. серебромъ съ души.

равецъ, долото и пилка стоятъ 1 руб. 50 коп., становятся на пять лѣтъ, а въ годъ стоятъ 30 коп. Четыре серпа и три косы съ молоткомъ и брускомъ стоятъ 4 руб. 80 коп. и становятся на четыре года, а въ годъ — 1 руб. 20 коп. Четыре стана колесъ для четырехъ телѣгъ и четверо саней стоятъ 10 руб. и становятся на пять лѣтъ, а въ годъ — 2 руб. Конская збруя на четыре лошади стоитъ 8 руб. и съ починкою становится на пять лѣтъ, а въ годъ — 1 руб. 60 коп. Поддосокъ восемь паръ стоятъ 2 руб. 40 коп. и становятся на три года, а въ годъ — 80 коп. Подковка лошадей стоитъ въ годъ 65 коп. Расходу при перевозкѣ на рынки въ зимнее время хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ въ годъ 30 коп. Двѣ сохи съ приборомъ и двѣ бороны стоятъ 3 руб. 40 коп. и становятся на пять лѣтъ, а въ годъ — 68 коп. Три пары сапогъ для мужчинъ становятся на два года и стоятъ съ починкою 7 руб. 20 коп., а въ годъ 3 руб. 60 коп. Имъ же: три пары рукавицъ въ годъ — 75 коп., три шапки и три пояса стоятъ 2 руб. 85 коп. и становятся на три года, а въ годъ — 95 коп. На покупку лыкъ для лаптей цѣлой семьи въ годъ — 4 руб. 50 коп. Одежда у крестьянъ большею частію домашняго приготовленія, а потому она не входитъ въ расчетъ; крестьяне платятъ только за шитье и починку верхняго платья: этотъ расходъ, среднимъ числомъ, въ годъ не превышаетъ 1 руб. 50 коп. Кухонная посуда и другія принадлежности стоятъ въ годъ 1 руб. Два желѣзныхъ пута для лошадей стоятъ 96 коп. и становятся на шесть лѣтъ, а въ годъ — 16 коп. Три замка, нужныхъ въ домѣ, стоятъ 75 коп. и становятся на три года, а въ годъ — 25 коп. Кадки, ведра, ступа, корыто, рѣшето, сито, ночвы и другія домашнія принадлежности обходятся хозяину съ починкою въ годъ не менѣе 1 руб. Пастушьихъ денегъ въ годъ — 50 коп. На церковныя требы въ годъ — 1 руб. 50 коп. На разные мелочные расходы, какъ то: починку оконъ, поправку печей и проч. въ годъ — 40 коп. Итого всѣ необходимые денежные расходы полнаго хозяина простираются въ годъ на 53 руб. 51 коп. сереб-

ромъ. Насущное пропитаніе почти у каждаго крестьянина свое, а потому оно какъ-бы не считается.

Къ необходимымъ расходамъ крестьянина временно присоединяются расходы на свадьбу, похороны и крестины. Похороны и крестины еще не составляютъ значительнаго расхода для крестьянина, если исключить хлѣбъ, мясо и проч., что есть дома. Эти расходы даже въ богатыхъ домахъ не превышаютъ, первыя — 10 руб., а послѣднія — 3 руб. серебромъ; но свадебный расходъ, при домашнихъ харчахъ, простирается отъ 15 до 40 руб. серебромъ и болѣе.

Деньги на женскіе расходы здѣсь обыкновенно добываютъ сами женщины и выручаютъ нужное продажею холста и другихъ издѣлій собственнаго приготовленія. Дѣвицы одѣваются также сами — своимъ веретеномъ, при пособіи матерей. Весьма рѣдко можно встрѣтить, чтобы мужъ женѣ или отецъ дочери покупалъ что либо необходимое въ ихъ быту: большая часть здѣшнихъ супруговъ и отцовъ въ жизнь свою не покупали для своихъ женъ и дочерей даже иглы.

Членъ-сотрудникъ *Машкинъ.*

ВЕЛЬСКІЕ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРИЧЕТЫ.

Свадебные обряды дѣлятся на 4 части: *сватовство, смотрины*, *свадебный день* и *хлибены*; а причеты начинаются съ рукобитья, производимаго подъ конецъ сватовства и оканчиваются брачнымъ днемъ.

Сватовство.

Вельскій селянинъ, намѣреваясь женить сына, предварительно держитъ домашній совѣтъ, на которомъ, послѣ разныхъ разсужденій, назначаются невѣста и, для начатія дѣла, сватъ или *сватальщикъ*, по большей части, изъ близкихъ родственниковъ невѣсты. Послѣ совѣта, дѣло вскорѣ приходитъ въ движеніе: назначенный сватъ, человѣкъ на подобныя вещи опытный, съ отцемъ и сестрой или братомъ и невѣсткой жениха отправляется къ невѣстѣ, смотря по разстоянію и времени года, пѣшкомъ или на лошадяхъ. По прибытіи, тотъ же сватъ открываетъ шествіе въ избу, за нимъ слѣдуютъ спутники. Въ избѣ, по срединѣ ея, всѣ прибывшіе становятся рядомъ и помолившись Богу, вслѣдъ за низкими поклонами и хозяйскимъ привѣтствіемъ: *«добро пожаловать, милости просимъ»*, садятся на лавку близъ стола, всегда вдоль по половицамъ. Послѣ этого, тотчасъ начинается дѣло. Хозяинъ дома, не смотря на постороннихъ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ много, собравшись съ духомъ и принявъ видъ заботливости, обращается къ гостямъ съ вопросомъ: *«далекъ ли вашъ путь»?* Сватъ, какъ главное лице между прибывшими, встаетъ на ноги и, низко поклонившись, ведетъ

съ нимъ такую рѣчь: *«мы пришли къ тебѣ не въ гости «гостить, а за добрымъ дѣломъ, — за сватаньемъ: у тибя «есь доцъ невѣста NN, а у насъ женихъ NN, такъ не раз«судительно ли твоей цести отдать доцъ за нашово жениха. А «женихотъ нашъ и умомъ просужъ и личемъ дороденъ и бога«ствомъ вышеу»*. Хозяинъ на это предложеніе, какъ бы оно ни было лестно, никогда съ разу не дастъ рѣшительнаго отвѣта, а уходитъ для того съ женой въ другую избу или горницу, и тамъ, въ кругу родныхъ, дѣлаетъ совѣщаніе. Это, намъ кажется, одна только формальность: поелику нельзя повѣрить, чтобы невѣстинъ домъ заранѣе не зналъ этого дѣла, и въ умѣ своемъ не имѣлъ основныхъ мыслей къ его рѣшенію. Стокрыльная молва вездѣ съ одними свойствами. Она и здѣсь въ своихъ извѣстіяхъ быстрѣе многихъ сообщеній, летитъ повсюду, не удерживаемая ни временемъ, ни пространствомъ. Да и то надо сказать, что въ нынѣшнія времена всѣ женихи и невѣсты, въ каждомъ околодкѣ всегда на перечетѣ, еще много ранѣе свадебныхъ дѣлъ. Но какъ бы то ни было, хозяинъ не оставляетъ сдѣланнаго ему предложенія безъ общаго родственнаго разсужденія. Впрочемъ, и послѣ него отвѣтъ бываетъ уклончивый, который нельзя принять ни за согласіе, ни за отказъ. То невѣста молода, слышится въ отвѣтъ, то время несвободное или мало приготовились, да мало и подумали, не спросили того-другаго, третьяго, такихъ родныхъ, безъ совѣта которыхъ начинать дѣло не приводится. Тогда смѣтливый сватъ, зная эти вещи до *тонкости*, предлагаетъ хозяину водку, которая въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ у него въ запасѣ. Въ этомъ разѣ дѣло принимаетъ характеръ болѣе опредѣленный. Хозяинъ, отвергая водку, тѣмъ самымъ выражаетъ отказъ на предложеніе, а принимая оную, даетъ, съ своей стороны, можно сказать, полусогласіе, такъ что мать невѣсты тогда же узнаетъ у ней, по сему предмету, мысли, и всѣ вообще назначаютъ чрезъ два-три дня, а иногда и чрезъ недѣлю, въ день воскресный или какой либо праздничный, рѣшительные сговоры.

Въ этотъ промежутокъ времени держитъ ли еще невѣстинъ домъ или не держитъ о возникающемъ у него дѣлѣ родственный совѣтъ, неизвѣстно. Кажется, онъ болѣе хлопочетъ о разныхъ къ тому приготовленіяхъ, чѣмъ о совѣтѣ, вѣроятно, потому, что дѣло заранѣе рѣшено въ его умѣ. Но домъ жениховъ, въ это время, между многими дѣлами, тоже относящимися къ затѣвающейся свадьбѣ, успѣваетъ побывать у своего священника и испросить на оную его благословеніе.

Наконецъ, наступаетъ урочное время, сговорочный день. Тогда опять открывается или, правильнѣе, повторяется прежній процессъ перваго сватанья, состоящій изъ прежнихъ лицъ, рѣдко съ прибавленіемъ жениха и его матери, но какъ будто спѣшнѣе, потому что тотчасъ же, послѣ непродолжительныхъ взаимныхъ совѣщаній, окончательно устрояется дѣло. Накрывается столъ и въ большомъ обиліи убирается разными яствами. Пріѣзжіе гости по чину занимаютъ мѣста: отецъ или братъ жениховъ въ *суткахъ* (*) первое мѣсто, слѣва женихъ или другой гость, если жениха не бываетъ, справа мать, сестра или невѣстка, сватъ по край стола. Немного посидѣвши, всѣ встаютъ, молятся Богу, и отецъ жениховъ съ невѣстинымъ, въ знакъ общаго согласія на брачное дѣло, *бьютъ по рукамъ*, и тутъ же назначаютъ вѣнчальный день. За тѣмъ сватъ идетъ со стаканомъ водки изъ своего запаса къ невѣстѣ, которая, принявъ оный, выливаетъ водку въ свой стаканъ, для составленія на ней румянъ, и донынѣ употребляемыхъ въ селахъ и, по большей части, дѣлаемыхъ на водкѣ и водѣ, изъ краснаго сандала, а свату и чрезъ него всѣмъ семейникамъ жениха даритъ плàты, въ родѣ полотенецъ съ браными концами, заготовляемые ею съ 16-лѣтняго возраста, и этимъ самымъ выражаетъ полное свое согласіе на волю родителей. Послѣ всѣхъ этихъ церемоній, между гостями открывается пированіе и вполнѣ восходитъ до своего значенія; а невѣста до 3 разъ

(*) Передній уголъ въ избѣ или передняя часть ея.

накрываемая отъ матери или божатки, если мать вдова, платомъ и до 2 разъ скидывавшая оный, въ 3-й оставляетъ на себѣ и начинаетъ обычные причеты, продолжающіеся до самаго отъѣзда къ вѣнцу.

Такимъ порядкомъ производится Вельское свадебное сватовство. Надо впрочемъ сказать, что оно, во 1-хъ, не всегда бываетъ удачно, какъ мы представили: нерѣдко оканчивается отказомъ, всегда почти выражаемымъ отсрочкою дѣла на годъ или полугода; во 2-хъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ нѣсколько отъ представлённой нами нормы уклоняется, *наприм.*:

1) Въ *Вельскихъ* волостяхъ сватовство совершается за одинъ разъ и, со стороны невѣсты, заключается дарами; пріѣзжаютъ на него изъ дому женихова вмѣстѣ съ другими, нами поясненными, самъ женихъ и мать. Въ промежутокъ времени между сватовствомъ и смотринами, женихъ со сватомъ ѣздитъ или ходитъ къ невѣстѣ съ гостинцами, состоящими изъ пряниковъ, на такъ называемыя *побывки*, на которыхъ получаетъ отъ невѣсты подарки то платокъ, то шелковую или коленкоровую манишку, и окончательно объявляетъ о священническомъ благословеніи начатаго дѣла, съ назначеніемъ вѣнчальнаго дня.

2. Въ *Кулуйскихъ*, все свадебное сватовство улаживаетъ одинъ сватъ своею личностію, точно также, какъ мы показали, разумѣется, предварительно на то получившій отъ дому жениха довѣріе, скрѣпленное извѣстнымъ рукобитьемъ съ самимъ женихомъ, отцемъ и матерью, и въ конецъ дѣла отъ невѣстина дома угощается, какъ почетный гость *соломатомъ* (*).

3. Въ *Устьянскихъ*, въ сватовство даютъ только руку отъ невѣстинаго дома въ знакъ согласія на сдѣланное предложеніе, а рукобитье, какъ увидимъ ниже, и дары бываютъ на дѣвичникѣ, по нашему, смотринахъ.

(*) Овсяная крупа, замѣшанная или поджаренная на маслѣ.

Смотръ или смотрины.

Смотрины бываютъ всегда вечеромъ, наканунѣ вѣнчанья, въ присутствіи всѣхъ поѣзжанъ или приборянъ, простирающихся отъ 15 до 20 человѣкъ, именно: 10,—собственно приборянъ — священника съ причтомъ, жениха, отца, тысяцкаго, свата, дружки и 2 свахъ, и отъ 5 до 10 гостей. Распорядителемъ и управителемъ дѣла здѣсь бываетъ и сватъ и дружка, называемый индѣ *сторожъ* или *борозда*, а индѣ *провожатый* или *передовой*, и при томъ въ 2 экземплярахъ, дружка со стороны жениха и дружка со стороны невѣсты.

Обряды, относящіеся къ смотринамъ, суть слѣдующіе:

Всѣ поѣзжане первоначально собираются въ домъ жениха и вступивъ, въ свадебный чинъ и порядокъ, т. е. занявъ за столомъ, убраннымъ хлѣбомъ и солью, мѣста:—жéнихъ противъ средины стола, за нимъ по правую руку свахи и прочія женщины изъ поѣзду, по лѣвую: отецъ, тысяцкій, сватъ и священникъ съ женой, дружка съ клирошанами или, что тоже, съ церковниками, скамью, а прочіе гости—остальныя праздныя мѣста;—всѣ тутъ распиваютъ братыну пива, запасаются двумя-тремя короваями хлѣба и дружкиными *проводами*, и, послѣ сего, немного спустя, съ молитвою къ Богу, отправляются въ предлежащій путь, по большей части со двора и безъ колокольцевъ.

Только лишь въ невѣстиномъ домѣ завидѣлось или заслышалось приближеніе поѣзда, все въ одно мгновеніе приходитъ тамъ въ волненіе: начинается бѣготня, является безпокойство съ какою-то необъяснимо-робкою заботливостію и, что всего страннѣе и непонятнѣе, всѣ входныя двери и ворота запираются, какъ будто наѣзжаютъ люди не нужные, не въ пору, не во время, мало того, люди опасные, отъ которыхъ надъ обороняться не словами сильными, а запорами крѣпкими. По прибытіи поѣзда къ мѣсту, дружка,

зная свое дѣло, проворно соскакиваетъ съ экипажа и, подошедши къ окну избы или крыльцу, колотится и вмѣстѣ спрашиваетъ: *«эй, хозеева, нѣту ли товару?»* Отецъ невѣсты тоже, какъ знакомый съ свадебными обычаями, какъ разъ даетъ ему свой вопросъ: *«каково товару?»* и, получивши на него всегда употребляемый въ этомъ разѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ: *«куничъ да лисичъ»*, растворяетъ двери и встрѣчаетъ гостей съ эндовой пива и привѣтствіемъ: *«милости просимъ, добро пожаловать, мы давно ждемъ васъ»*; мать же съ хлѣбомъ и солью. Послѣ такой встрѣчи, священникъ со своимъ причтомъ, какъ не участвующій во внѣшней свадебной обрядности, благословивъ хозяевъ дома, первый приходитъ въ избу, ни мало не дожидая поѣзжанъ, которые, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, со всею точностію выполняютъ установленный обычай и заведенный порядокъ. Именно: дружка, принявъ пиво, идетъ съ нимъ впередъ, за дружкой слѣдуетъ сватъ, также съ пивомъ, но только съ жениховымъ, а за нимъ вереницей тянутся прочіе поѣзжане, непремѣнно всѣ по чиноположенію; по входѣ въ избу, дружка ставитъ пиво на столъ, закрывъ его подносомъ, а сватъ свое на *подволоку* (*) или подъ столъ; за тѣмъ всѣ садятся за столъ, всегда набранный, но закрытый, въ томъ же порядкѣ, какой мы выше показали. Тутъ слѣдуетъ взаимное угощеніе, какъ выраженіе съ обѣихъ сторонъ радушнаго привѣтствія. Вотъ является на сцену невѣстинъ братъ съ пивомъ, и обноситъ имъ, начавъ со священника, всѣхъ сряду, кромѣ жениха, которому подноситъ напослѣдокъ, потому что онъ, по принятому обычаю, тотчасъ за невѣстинымъ угощеніемъ открываетъ свое: беретъ у невѣстина брата подносъ со стаканами или ендову и, наполнивъ ихъ своимъ пивомъ изъ привезенной бочки, угощаетъ всю невѣстину родню. Между тѣмъ дружка, какъ

(*) Полки или полобошники въ избѣ.

бы для большаго сближенія между собою обѣихъ сторонъ, жениховой и невѣстиной, обноситъ въ то же время пивомъ тоже изъ женихова запасу, всѣхъ своихъ поѣзжанъ.

Уже за этими обрядами, которые можно назвать вступительными къ смотринамъ, собственно начинается дѣло смотринное. Сватъ, по окончаніи угощеній, требуетъ невѣсту за столъ. Отецъ ея, въ слѣдствіе ли этого требованія, или самъ по себѣ, также даетъ знать матери, чтобы невѣсту сряжали на смотръ. Дружка, предваряя наряды, какъ бы для привѣтствія и одушевленія на предлежащее дѣло, подноситъ ей опрокинутый на подносѣ стаканъ пива съ деньгами. Невѣста, знающая дѣло, опрокинувъ подносъ, пиво отдаетъ старшей причитальщицѣ, а деньги беретъ себѣ; не смѣтливая же получаетъ однѣ деньги, а пиво проливаетъ, потому что беретъ его, не оборотивъ подноса. Послѣ уже сего, по распоряженію отца, крестная мать, или иначе божатка съ замужнею сестрой, или же двѣ сватьи, гдѣ не бываетъ первыхъ, а индѣ, по принятому обычаю, дружка приступаетъ къ наряженію невѣсты. Женщины, будутъ ли то крестная мать или свахи, производятъ его съ тою особенностію предъ обыкновеннымъ, что невѣсту умываютъ изъ оловяннаго или бѣлаго каменнаго блюда надъ серебрянымъ кольцомъ или цѣпочкой, и яицами бѣлятъ и румянятъ въ двойной мѣрѣ противъ обыкновеннаго, одѣваютъ и убираютъ во все лучшее съ большимъ стараніемъ и вниманіемъ. И дружка справляетъ также, только съ безпрерывными, ему одному вѣдомыми шепотами и оканчиваетъ наведеніемъ на невѣсту красоты, видимо выражающимися въ троекратномъ ея обходѣ, тоже съ какими то таинственными шепотами. Это наряженіе, какъ оно ни просто, всегда бываетъ довольно продолжительно, такъ что изъ за стола поѣзжанъ нерѣдко повторяются требованія невѣсты. Наконецъ, по окончаніи всѣхъ срядовъ и высказаніи всѣхъ шепотовъ, по приглашенію отца, приходитъ за невѣстой священникъ и, послѣ благословенія

своего и родительскаго, уводитъ ее, въ сопровожденіи одѣвальщицъ, къ столу, предъ которымъ она, вмѣстѣ съ своими провожатыми, остановившись, молится Богу и раскланивается на всѣ стороны. Тысацкій и отецъ жениховъ, тотчасъ даютъ ей съ свитой обычное за столомъ мѣсто, именно подлѣ жениха по правую сторону. Тутъ опять происходитъ съ обѣихъ сторонъ угощеніе, подобное тому, какое мы видѣли въ первоначальномъ принятіи поѣзжанъ, прибывшихъ на смотръ. Братъ невѣстинъ беретъ подносъ или ендову пива и наливаетъ стаканы, а невѣста подноситъ всѣмъ гостямъ съ поряду, начиная со священника, жениху же послѣ, потому что онъ, выпивъ подносимое, тотчасъ наливаетъ своего и проситъ невѣсту, которая, надпробовавъ пиво, передаетъ брату. Здѣсь нельзя не сказать, что сватъ, какъ главный виновникъ дѣла, въ этой церимоніи завершаетъ свою роль: онъ во все продолженіе оной стоитъ на ногахъ, и вмѣстѣ съ невѣстой кланяется каждому угощаемому гостю, выражая тѣмъ, съ своей стороны, представленіе невѣсты и вмѣстѣ рекомендацію. Послѣ сего онъ уже со своими дѣйствіями не является на сценѣ свадебной, а вступаетъ въ ряды обыкновенныхъ гостей.

Такъ кончается смотръ, который, какъ видимъ, даетъ понятіе о невѣстѣ болѣе съ внѣшней стороны, чѣмъ съ внутренней и вообще выражаетъ болѣе формальность, чѣмъ существенное дѣйствіе. Мать или отецъ невѣсты тотчасъ же послѣ женихова угощенія приходитъ къ столу, и какъ водится, съ низкими поклонами и предложеніемъ пива, означающаго выкупъ, говоритъ: *«вы посмотрѣли нашу невѣсту, а мы жениха, такъ пора ей и вонъ изъ за стола»*. Невѣста, услышавъ волю родителей, для нея всегда священную, отдавъ поцѣлуй жениху, а прочимъ гостямъ поклонъ, не медля ни минуты, уходитъ изъ за стола въ *передпечье* (*) или *шовнышу* (**), гдѣ, накрытая отъ божатки плат-

(*) Часть избы передъ печью.
(**) Подлѣ передпечья комната.

комъ, до самаго вечера, можно сказать, изливается въ причетахъ и столь безщадно бьется, что, въ предотвращеніе непріятныхъ послѣдствій, на мѣсто причитанія всегда приносится довольно сѣна и, кромѣ того, подруги, при каждомъ пошибѣ, поддерживаютъ ее подъ руки. Выраженіе ли это горестнаго чувства, сильно растроганнаго приближающеюся перемѣною жизни, или просто обыкновеніе, столь глубоко укоренившееся, что непремѣнно, хотя бы и противъ воли, выполняетъ его всякая сговоренная, разгадать трудно. Можно, впрочемъ, думать, уже по самой продолжительности дѣйствій, что хотя онѣ поддерживаются обычаемъ, однакожъ болѣе или менѣе происходятъ отъ взволнованной чувствительности. Вечеромъ, прекративъ плачь дома, невѣста ходитъ съ причетами, уже менѣе слезливыми по улицамъ, а въ лѣтнее время за деревню, какъ бы для прощанія. Послѣ сего, уже въ ночь, происходитъ жженіе соломы, баня и передача дѣвичьей красоты. Жженіе соломы, справедливо называемое *дѣвичникомъ*, совершается нынѣ при однѣхъ пѣсняхъ и причетахъ безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ, вѣроятно отъ времени утраченныхъ, выражаетъ, по нашему мнѣнію, прекращеніе дѣвичьяго быта. Баня сговоренной или невѣстина не подходитъ подъ категорію обыкновенныхъ бань, во 1-хъ, тѣмъ, что ее натапливаетъ сестра или сноха; во 2-хъ, что въ ней неразлучный спутникъ невѣсты бываетъ дружка: онъ, при входѣ въ баню и выходѣ изъ ней, держитъ передъ, дѣлая на всѣ стороны безпрерывныя плеванія и шептанія, похожія на заклинанія, и въ самой банѣ, кромѣ разныхъ странныхъ дѣйствій и наговоровъ, неоднократно окачиваетъ невѣсту водой, тоже нашептанною. Передача или, по мѣстному, *сдача* дѣвичьей красоты всегда бываетъ сестрѣ или ближайшей родственницѣ и ограничивается только причетомъ, съ выраженіемъ разныхъ желаній сдаваемому лицу, а индѣ раздачею лентъ и пряниковъ всѣмъ дѣвицамъ. Между тѣмъ поѣзжане, съ самаго ухода невѣсты изъ за стола, производятъ подъ распоряженіемъ дружки, при угощеніи отца и матери не-

вѣсты, широкій пиръ, такъ что только лишь въ полночь, и то съ полусознаніемъ, оставляютъ его, ближніе, уѣзжая или уходя домой, а дальніе, ночуя тутъ же или у сосѣдей.

Въ такомъ видѣ совершаются смотрины во всѣхъ волостяхъ уѣзда, кромѣ Устьянскихъ, гдѣ онѣ, называясь *дѣвичникомъ*, сверхъ общаго, имѣютъ слѣдующія отличія:

1) Здѣсь сватъ видѣнъ чаще на сценѣ дѣйствія, чѣмъ тамъ: онъ именно, а не братъ невѣстинъ и женихъ, какъ въ самый пріѣздъ поѣзжанъ, такъ и во всѣ послѣдующіе разы, гдѣ мы видѣли оныхъ лицъ въ роли угостителей, онъ одинъ съ обѣихъ сторонъ обноситъ водкой или пивомъ всѣхъ гостей по ряду, отцу же невѣстину и чрезъ него невѣстѣ подаетъ послѣднимъ.

2) Столъ накрываютъ при гостяхъ, по большей части, въ такомъ видѣ, что на задній конецъ стола полагаютъ одинъ по верхъ другаго 4 коровая, три ржаные и одинъ пшеничный, на средину пирогъ съ рыбой, а по краямъ разныя Устьянскаго очага кушанья, простирающіяся индѣ до 15 перемѣнъ. Въ столованіи, какъ и вездѣ, въ употребленіи имѣютъ болѣе водку, чѣмъ пиво, не по достатку своего состоянія, а по обыкновенію, основанному на мнѣніи, что водка, какова бы она ни была, составляетъ почтеннѣйшее угощеніе, чѣмъ пиво, хотя бы оно было съ самой лучшей пивоварни.

3) Невѣсту выводятъ на смотръ постороннія женщины, болѣе всего старшія причитальщицы, извѣстныя подъ названіемъ *вывожатыхъ*.

4) По выводѣ идутъ обряды: невѣста, ставъ близъ стола, посреди своихъ спутницъ, обноситъ пивомъ и вмѣстѣ даритъ всѣхъ поѣзжанъ, начиная съ отца женихова; за тѣмъ отклоняется въ шовнышу или передпечье, на время рукобитья, которое обыкновенно происходитъ между жениховыми и невѣстиными родителями, какъ бы для большей обязательности, въ присутствіи всѣхъ собравшихся гостей и посѣтителей. Послѣ рукобитья опять подходятъ къ столу и въ этомъ случаѣ сперва

мѣняется съ женихомъ дарами: женихъ подноситъ ей какую либо вещь, болѣе всего пряникъ и деньги, и проситъ принять; невѣста, принявъ подносимое и передавъ матери, тогда же отдариваетъ его, по состоянію, или платкомъ или ширинкою; потомъ оба становятся въ рядъ, и подносятъ всѣмъ невѣстинымъ родственницамъ и знакомымъ по рюмкѣ водки или стакану пива, а въ заключеніе и самимъ себѣ; послѣ того, поцѣловавъ другъ друга, расходятся. Невѣста идетъ къ своимъ дѣвицамъ и разводитъ обычные причеты, а женихъ присоединяется къ поѣзжанамъ и вмѣстѣ съ ними вскорѣ отправляется домой.

Изъ всего этого видно, что Устьянскія смотрины въ обрядности сложнѣе, потому что содержатъ въ себѣ нѣкоторыя учрежденія, какъ то: рукобитье и дары, совершаемыя въ другихъ мѣстахъ, какъ мы уже видѣли, во время сватовства; а въ совершеніи, не можемъ не сказать, вялы, маложизненны и вообще грубы, какъ быть подъ стать состоянію народа, и потому болѣе скучны, чѣмъ занимательны.

Свадебный день.

Въ свадебный день, рѣшительный день, обрядность усложняется и при томъ со многими предосторожностями, ясно показывающими, что и нашъ селянинъ даетъ ему особенную важность и значеніе. Этотъ день, самымъ вѣнчаніемъ, видимо дѣлится по обрядамъ на двѣ части: *довѣнчальную* и *послѣвѣнчальную*.

Вотъ обряды первой части дня—довѣнчальной:

Въ томъ случаѣ, когда женихъ проводитъ предвѣнчальную ночь дома, онъ въ утро, въ присутствіи всѣхъ собравшихся поѣзжанъ, первѣе всего, ставъ предъ столомъ на полсть и, павши отцу и матери, тутъ же въ это время находящимся, въ ноги, испрашиваетъ на свое дѣло великое родительское благословеніе. Отецъ и мать, а индѣ божатъ и вмѣстѣ божатка, со слезами на глазахъ, и видимымъ трепетаніемъ въ рукахъ, отъ растро-

ганныхъ сердецъ, попеременно берутъ икону и производятъ обычное благословеніе, съ желаніемъ благословляемому всѣхъ благъ, какихъ можетъ пожелать горячо любящее сердце. Сцена трогательная, умилительная и назидательная для всякаго, не потерявшаго чувства! Послѣ благословенія, въ слѣдъ за обнесеніемъ всѣхъ пивомъ, женихъ съ гостями садится въ смотринномъ порядкѣ за столъ и держитъ себя тутъ во всемъ строго, гости же не упускаютъ удобнаго случая удобрить себя. Въ конецъ столованья дружка, вмѣстѣ съ другими пировавшій, встаетъ на ноги и, раскланявшись на всѣ стороны съ возваніемъ: «*Господи Іисусе Христе Сыне Божій*», приглашаетъ къ столу сперва отца и мать жениховыхъ, а потомъ и всѣхъ постороннихъ, приговаривая каждому: «*добро пожаловать къ намъ, за кнежой столъ, хлѣба-соли кушать.*» За этимъ распоряженіемъ, видимо клонящимся къ угожденію всѣхъ, особенно нынѣ нужному, для предотвращенія свадебныхъ непріятностей, и послѣ столованія званныхъ, поѣзжане выходятъ изъ за стола и, помолившись Богу, идутъ въ свадебномъ порядкѣ на дворъ, и оттуда, обнесенные иконою и обойденные съ шепотами дружкою, отправляются къ невѣстѣ, зимой на лошадяхъ: женихъ, на парѣ съ двумя колокольцами, а поѣзжане болѣе на одиночкахъ, лошадяхъ на 10, также съ колокольцами; а лѣтомъ и вблизи всѣ пѣшкомъ: дружка держитъ передъ съ колокольцемъ, на палку привязаннымъ, прочіе, по чину, слѣдуютъ за нимъ; въ обоихъ случаяхъ, впрочемъ, всегда бойко, съ нѣкоторою отвагою, безъ сворачиванья съ дороги, кажется, желая этимъ дать своему прибору значеніе княжьяго. По прибытіи, входъ въ невѣстинъ домъ происходитъ такой же, какъ мы описали въ смотру, а въ Устьянскихъ волостяхъ онъ имѣетъ замѣчательную особенность, состоящую въ томъ, что дружка, называемый передовымъ, постучавшись у избяннаго окошка съ своимъ обычнымъ воззваніемъ «*Господи Іисусе Христе Сыне Божій*», съ хозяиномъ дома, сквозь стѣну, ведетъ слѣдующій разговоръ: «*слуцицсе ли хозяинъ дома?*» спрашиваетъ дружка.

Хозяинъ въ отвѣтъ даетъ свой вопросъ: «*што вы за люди*». Дружка: «*Боговы да Господаревы*». Хозяинъ: «*Цево вы спрашиваите, дороги, цево ли; вотъ туда-то, туда дорога*». Друж. «*Мы не дороги спрашиваемъ; по рукобитью, по первому слову нашъ новобрацной князь велѣу поклонъ целобитье справить, кнегинѣ донести, щобы стритила на зеленой на уличѣ, на зеленой лисничѣ, на тринадчатой ступеницкѣ; щобы стритила на красномъ крылецкѣ, непреминно стритила на каменномъ мосту*». Хоз. «*Наша кнегиня за море ушла куньимъ слѣдомъ, море заперто, ключи въ море опущены, негдѣ взеть кнегины.*» Друж. «*Нашъ новобрацной князь говоритъ: «я въ лисѣ лисникъ, на морѣ ходокъ, рыбы ловечь, есь у меня большой неводъ, и ключи найду. И вотъ неводъ закинули, рыбу щуку изловили и роспороли, въ рыбѣ ключи нашли, море отперли, кнегиню вывели*». (*) Тотчасъ, послѣ этихъ словъ, является на мосту невѣста, встрѣчаетъ и провожаетъ жениха въ избу, который, вмѣстѣ съ поѣзжанами, идетъ и садится за столъ, подъ распоряженіемъ дружки, съ установленною и прежде описанною церимоніею.

Въ такомъ видѣ совершаетъ свое прибытіе женихъ въ невѣстинъ домъ съ поѣзжанами въ брачный день, если онъ на этотъ день проводитъ ночь дома. Но когда, за дальностію, послѣ смотринъ, ночуетъ здѣсь въ невѣстиномъ домѣ или у сосѣдей, тогда все дѣло начинается съ того, на чемъ мы остановились въ предыдущей статьѣ, т. е. со стола, и въ обоихъ случаяхъ идетъ одинаково. Именно:

Близъ полдня, по приведеніи всѣхъ утреннихъ дѣлъ и свадебныхъ потребностей въ порядокъ, женихъ съ своими поѣзжанами сходятся въ обыкновенное мѣсто собранія, въ избу либо въ горницу, и садятся за столъ, уже вполнѣ накрытый. Гости-поѣзжане вмѣстѣ съ жеманствомъ, неразлучнымъ ихъ спутникомъ во всякомъ

(*) Мы вездѣ въ примѣрахъ сохраняемъ правописаніе подлинника, должны однако замѣтить, что оно не всегда строго выдержано. Кажется здѣсь *ѣ* всегда, а не въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, произносится, какъ *и*. Ред.

состояніи, предлагаемое не оставляютъ безъ вниманія; женихъ же во все время столованія строго соблюдаетъ свое положеніе: онъ ничего ни пьетъ, ни ѣстъ, а только, между прочимъ, мѣняетъ короваи хлѣба, верхній хозяйскій, на столѣ находящійся, вмѣстѣ съ солью убираетъ въ свою коробью для отвоза домой и на мѣсто его полагаетъ свой, привезенный, такъ что предварительно срѣзываетъ горбушки у того и другаго и, сложивъ вмѣстѣ, полагаетъ въ пазуху для увоза съ собой къ вѣнцу съ тою мыслію, что эти горбушки, пробывшія въ пазухѣ во время вѣнчанія и согрѣтыя его тѣломъ, получатъ особенную силу, именно скрѣпятъ союзъ его съ новобрачною, если вмѣстѣ съ нею послѣ вѣнца будутъ съѣдены. Между тѣмъ невѣста въ это время, подъ руководствомъ и распоряженіемъ дружки или близкихъ замужнихъ женщинъ, сряжается къ вѣнцу, съ тѣмъ только отличіемъ отъ смотринныхъ срядовъ, что, во первыхъ, голову убираетъ наскоро, въ полуголовку, съ распущеніемъ косы и закрывается алымъ платкомъ; во вторыхъ, беретъ предосторожности отъ лихихъ людей, напр. по голому тѣлу спояськваетъ себя мерешечнымъ поясомъ или просто мерешкой, на крестъ навязываетъ съ купоросомъ воскъ или съ елеемъ пуговицу въ становую полу верхняго платка; втыкаетъ протошъ вверхъ носкомъ, въ башмакъ или котъ правой ноги; подъ пяту полагаетъ то самую крайнюю оконечность своей косы, то огниво или можжевеловыя ягоды; а вмѣстѣ съ этимъ не забываетъ будущаго своего благосостоянія и союза, *напр.* для перваго сыплетъ въ обувь жита, а для послѣдняго скрываетъ въ пазуху пирогъ съ рыбой, точно съ тою же цѣлію и вѣрованіемъ, съ какимъ женихъ полагаетъ себѣ въ пазуху верхніе срѣзы короваевъ. Такимъ образомъ, урядивъ себя, садится на лавку, какъ для отдохновенія, потому что въ сряды была все на ногахъ, такъ и для успокоенія волнующагося сердца, хотя минутнаго; потому что, немного посидѣвши, встаетъ и, видя приближеніе живой разлуки, съ

горькими слезами падаетъ въ ноги, сперва къ родителямъ, для полученія отъ нихъ благословенія, а потомъ и ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ съ прощаніемъ. Родители, кто бы они ни были, родные или посаженые, благословляютъ ее иконою и хлѣбомъ съ солью, ограждаютъ ручнымъ крестомъ, цѣлуютъ въ темя, и между тѣмъ обливаются слезами, особенно мать; родственники и знакомые напутствуютъ своими благожеланіями и плачутъ *на-взрыдъ;* кратко сказать: всё собраніе обращается въ плачъ. Сцена, раздирающая душу и невольно вырывающая слезу какого то горькаго безотчетнаго чувства. Но наконецъ, когда всѣ наплачутся вдоволь, отецъ и мать крестная выводятъ невѣсту къ столу. Невѣста, еще не успокоившаяся отъ плача, не съ разу уходитъ туда: она, какъ бы устрашившись застольныхъ гостей, подошедши до средины избы, вырывается у вывожатыхъ и отходитъ въ уголъ передпечья; тамъ, сдѣлавъ причетъ о своей дивьей красотѣ и этимъ какъ бы успокоивъ себя въ горѣ, опять идетъ къ столу и садится подлѣ жениха. Въ это же время входятъ въ число княжьяго прибора свадебные невѣстины чины: свахи и дружка и гости, и занимаютъ мѣста, обычаемъ имъ предоставленныя: свахи, напр. подлѣ свахъ и также дружка подлѣ своего сотоварища, а гости мѣста, какія бываютъ праздными, безъ особеннаго порядку.

Теперь, когда приборъ пришелъ въ полный свой составъ и во всемъ изготовился къ окончанію дѣла, ставъ изъ за стола и помолившись Богу, отправляется въ церковь, тоже черезъ дворъ, какъ и прежде, и не безъ особенностей, именно:

а) При выходѣ изъ за стола невѣста тайно дергаетъ скатерть, въ знакъ того, что она желаетъ, такъ сказать, сдернуть въ подобную себѣ участь всѣхъ подругъ своихъ; между тѣмъ подруги въ это время, уходя изъ избы, три раза хлопаютъ дверями, съ приговоркою жениху: *«мы тебѣ отдали олово, осталóсь у насъ золото».*

б) По выходѣ изъ за стола, предъ самою отправкою, дружка троекратно обходитъ весь приборъ съ шепотами или, какъ

мѣстно выражаются, *отпускаетъ* поѣздъ, обезопасивъ его своимъ знахарствомъ отъ лихаго человѣка и недоброй встрѣчи.

в) При отправкѣ, холостые парни, сельская молодежъ, стрѣляютъ изъ холостыхъ ружей поверхъ головъ сговоренныхъ, а дѣвки дергаютъ невѣсту за головный платокъ.

г) Поѣздъ свой приборъ совершаетъ въ порядкѣ: сперва слѣдуетъ священникъ, за нимъ женихъ съ тысяцкимъ и свахой; далѣе невѣста съ божаткой и вмѣстѣ съ свахой, а потомъ и прочіе чины и гости и, что замѣчательно въ этомъ порядкѣ, весь путь справляетъ бойко, отважно, съ поклонами всякому человѣку, на дорогѣ попавшемуся, по преимуществу невѣста, которая, кажется, желаетъ вездѣ оставить о себѣ доброе мнѣніе и вмѣстѣ побужденіе къ благожеланію.

д) По отбытіи всѣхъ приборянъ съ гостями и посторонних посѣтителей, мать невѣстина, между прочими дѣлами, распоряжается приданымъ, тотчасъ же отправляетъ постель къ жениху, если только свахи не увезли съ собой; а прочее и даже икону оставляетъ у себя до хлибеннаго дня.

Нѣтъ ни одной волости и деревни, нѣтъ ни одного дома и семейства, гдѣ бы не выполнялись упомянутые обряды съ буквальною точностію. Они заканчиваютъ первую часть вѣнчальнаго дня. Далѣе слѣдуетъ совершеніе вѣнчанія, таинства брака, куда уже не входитъ никакая житейская обрядность, только кромѣ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ дѣйствій, *напр.* тѣхъ, что брачущіеся во все время вѣнчанія стараются молитвенные поклоны творить вдругъ, будто бы для согласнаго житья; на подножники расчитываютъ статъ оба полно обѣими ногами для полновластія въ жизни; при обходѣ кругомъ налоя невѣста мѣтитъ приступить ногу жениха противъ царскихъ дверей, для большинства; и, сверхъ того, замѣчаютъ горѣніе своихъ свѣчекъ, будто бы предвѣщающее имъ свѣтлое или темное, счастливое или несчастливое житье-бытье. Эти дѣйствія и замѣчанія, безъ всякаго сомнѣ-

нія, родились еще въ старину отъ превратнаго пониманія вещей и нынѣ, не смотря на святость мѣста и священнодѣйствіе, гдѣ должна быть одна молитва, усердная молитва, твердо держатся недостаточнымъ просвѣщеніемъ. Это плевелы нашего селянина на нивѣ благочестія! Но оставимъ ихъ и обратимся къ предмету.

За вѣнчаніемъ начинается вторая часть брачнаго дня,—послѣвѣнчальная. Здѣсь уже на сценѣ брачнаго пира идетъ новое дѣйствіе, своя обрядность, свойственная ходу дѣла и притомъ совершаемая болѣе дружно и съ болѣе оживительнымъ духомъ, чѣмъ прежде, какъ мы видѣли. Вотъ она:

Послѣ совершенія таинства, тотчасъ весь свадебный приборъ уходитъ въ трапезу, гдѣ новобрачная, наскоро *окрученная* свахами, ѣстъ, вмѣстѣ съ новымъ своимъ другомъ, запазушный пирогъ съ рыбой, освященный таинствомъ и еще во время печенія сдобленный дружкиными шепотами, а тысяцкій съ одною свахою раздаетъ народу *кроянoe*,—пряники или калачи изъ пшеничной муки. Изъ трапезы отправляется въ домъ жениховъ съ прежними поклонами и, въ иныхъ мѣстахъ, съ бросаніемъ уличнымъ ребятамъ кроянаго. По прибытіи, путь держитъ въ избу или горницу черезъ дворъ съ такою обстановкою, что свекоръ и свекровь встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ и солью, индѣ порознь: свекоръ въ большихъ воротахъ, а свекровь на мосту, и то въ шубѣ на выворотъ, индѣ вмѣстѣ на лѣстницѣ или при входѣ въ избу, и въ обоихъ случаяхъ первѣе всего обсыпаютъ ихъ житомъ, въ знакъ богатаго житья, а потомъ уже даютъ благословеніе, состоящее въ крестообразномъ обнесеніи надъ ихъ головами хлѣба съ солью. Вступивши въ избу или горницу и помолившись Богу, садятся за столъ всегда съ правой стороны и по чиноположенію, впрочемъ не для столованья, а только для соблюденія порядка дѣла, потому что, вскорѣ послѣ постилки новобрачнаго своей скатерти на мѣсто хозяйской, всѣ уходятъ изъ за стола. Поѣзжане расходятся по разнымъ мѣстамъ,

давая этимъ себѣ какъ бы роздыхъ отъ свадебныхъ церемоній, болѣе или менѣе всегда утомительныхъ. Новобрачные удаляются въ другую комнату или избу и выполняютъ обряды, такъ сказать, семейные, обычаемъ принятые. Такъ они, до общаго столованія, прежде всего закусываютъ, во избѣжаніе употребленія общей столовой пищи, имѣя тутъ и прежде сказанныя коровайныя горбушки; потомъ, послѣ перерядовъ новобрачной, замѣчательныхъ двумя особенностями, во 1-хъ, тою, что головной платокъ, доселѣ покрывавшій новобрачную, свекоръ снимаетъ и, обнесши кругомъ головъ молодыхъ три раза, одинъ противъ солнца и два по солнцу, отдаетъ новобрачному сыну, который кладетъ себѣ въ пазуху; послѣ чего новобрачная, по мнѣнію нашихъ селянъ, дѣлается *молодой молодицей;* во 2-хъ, тою, что вода для умыванья выпрашивается ею съ поклонами у свекрови; послѣ таких перерядовъ оба получаютъ, уже какъ молодые, отъ отца—свекра, благословеніе, подобное встрѣчному; а въ заключеніе молодой наливаетъ, а молодая вмѣстѣ съ дарами подноситъ отъ своего состоянія свекру и свекрови пиво и водку; послѣ сего возвращаются къ столу. Тутъ, по занятіи съ прибоpомъ прежнихъ мѣстъ, происходитъ широкій, веселый и дружный пиръ, справедливо называемый *радошнымъ* или *почеснымъ* столомъ. Водка тутъ и пиво, особенно послѣднее, какъ говорятъ, рѣкой льется, кушанья слѣдуютъ за кушаньями и восходятъ въ числѣ до 15 и болѣе перемѣнъ, именно: холодное: студень ножная и брюшная, щи, жаркое изъ баранины, пироги съ рыбой: щукой, палтусомъ и треской, пироги съ говядиной, оладьи съ горохомъ и картофелемъ, яичница, каша *ялая* (*), соломатъ, яйца и молоко съ толокномъ; и великій говоръ, иногда съ приправою сельскихъ остротъ, слышится вездѣ; кратко сказать: тутъ все бываетъ, чѣмъ богатъ и радъ нашъ селянинъ, даже яйца, которыя для крошенья, бьются всѣми объ яйца молодыхъ, и молоко съ толокномъ или *болтуша*,

(*) Изъ ячной крупы.

которая, послѣ отвѣдыванья гостями, выпивается дружкой, кажется, въ ознаменованіе начальной брачной жизни. Главнымъ распорядителемъ пира дружка: онъ, такъ сказать, контроль, чрезъ котораго проходитъ все столовое приготовленіе. Онъ, наговаривая питья, нашептывая и кушанья съ воззваніемъ: *«Господи Іисусе Христе Сыне Божій»*, то и знаетъ, что угощаетъ пирующихъ. Послѣ сего не удивительно, что гости нерѣдко переходятъ предѣлы умѣренности. Впрочемъ, молодые, не смотря на это, строго соблюдаютъ воздержаніе, не столько по нехотѣнію ѣсть, сколько по опасенію имѣть свороблививыхъ дѣтей.

Наконецъ, столъ кончается. Молодые, разцѣловавшись съ гостями, отводятся священникомъ или дружкой со свахами, когда священника не бываетъ, на подклѣтъ, гдѣ молодая, во время раздѣванья, снимаетъ со своего молодаго сапоги, а индѣ еще шапку и перчатки, при каждой послугѣ, съ тремя поклонами и поцѣлуемъ, получая за то изъ сапоговъ, при снятіи ихъ, серебряную или мѣдную гривну, и брачное ложе занимаетъ послѣдняя и то не иначе, какъ послѣ усильной просьбы. Обычаи, по нашему мнѣнію, древніе, выражающіе рабство женщины и господство мужчины. Гости же дальные ночуютъ въ жениховомъ домѣ, а ближніе, вскорѣ послѣ молодыхъ, отправляются по домамъ.

На другой день молодые встаютъ послѣ всѣхъ, по буженію, которое дѣлаетъ индѣ дружка, а индѣ свекровь или одна изъ свахъ. Послѣ вставанья, по большей части, первымъ дѣломъ имѣютъ баню, которую натапливаютъ свахи изъ дровъ, приготовленныхъ гостями—родственниками невѣсты, называемыми *проводниками*, со всевозможнымъ стараніемъ, безъ головней и колоченья ихъ, для свѣтлаго и покойнаго житья; потомъ туалетъ, а затѣмъ здорованье, которое имѣетъ свою наглядность. Оно происходитъ въ такомъ видѣ, что молодые, вставъ посреди избы или горницы на полсти, нарочно для того постланной, всѣхъ подходящихъ къ нимъ цѣлуютъ съ обыкновеннымъ сельскимъ привѣтствіемъ: *«ноцевау или ноцевала ты здорово»*; молодая же, сверхъ того, кланяется каждому въ ноги, а

семейникамъ и бужельнику даритъ по рубахѣ, съ полученіемъ отъ нихъ денегъ въ видѣ отдарковъ. За этою церимоніею слѣдуетъ или вторичное столованіе у жениха, совершенно схожее съ перводневнымъ, и хлибены уже послѣ, какъ напр. въ Устьянскихъ волостяхъ, гдѣ и дары дѣлаетъ молодая послѣ этого столованья, или же самая поѣздка на хлибены.

Хлибены.

Хлибены, будутъ ли они на другой день послѣ свадебнаго, или черезъ два и три дня, или даже черезъ недѣлю, всегда имѣютъ одно свойство: отсутствіе церимоніальной обрядности, радушное и богатое хлѣбосольство. Дѣйствительно, смотря на хлибенное столованье, невольно скажешь, что это два новые родственные дома соперничаютъ въ угощеніи. Домъ молодаго построилъ, какъ мы видѣли, широкій и веселый столъ, домъ молодой старается какъ бы превзойти его. Онъ выставляетъ на столъ все лучшее, что есть у него въ достояніи и при томъ съ приготовленіемъ, какое только доступно его поваренному искусству; угощаетъ отъ всей души, съ открытымъ сердцемъ, безъ всякаго жеманства, короче сказать: онъ весь преданъ гостямъ. Да и они, надо признаться, отвѣчаютъ тѣмъ же: пируютъ *по свойски*, такъ сказать, *на распашку*, безъ малѣйшаго чванства и чопорности. Эти вещи у обѣихъ сторонъ кончаются съ окончаніемъ свадебнаго дня. А изъ обрядовъ, почему либо достопримѣчательныхъ, видимъ только одинъ въ началѣ стола: это тещино угощеніе зятя *житными* (*) блинами и дары ей за то

(*) *Прим.* Есть еще къ свадебному же дѣлу относящееся пировство, такъ называемое, *процесье*, совершаемое вскорѣ послѣ хлибенъ, и обычай—посылка тещею по три года молодымъ сыру, 29 іюня—въ Петровъ день. Но мы оставили ихъ, потому что прочестье, это обыкновенная перегостка тещи съ тестемъ у жениха, и обычай—посылка сыру не имѣетъ никакой замѣчательной обстановки.

отъ зятя, — *четвертка* (*) на сборникъ и деньги, полагаемыя на блинную сковороду. Поэтому предки наши этой гостьбѣ молодыхъ очень справедливо дали названіе хлибенъ.

Пиршество продолжается до полуночи. Всѣ разъѣзжаются въ веселомъ расположеніи духа. Молодые въ это время увозятъ приданное съ иконою (**).

ВЕЛЬСКІЕ СВАДЕБНЫЕ ПРИЧЕТЫ.

Причеты, какъ мы сказали, начинаются съ окончательной оговорки или, точнѣе, съ рукобитья и продолжаются до отъѣзда сговоренныхъ къ вѣнцу; слѣд. обнимаютъ собою все время, извѣстное подъ названіемъ запорученья невѣсты. Всѣ они, извѣстные намъ, за исключеніемъ тождественныхъ, суть слѣдующіе:

1. Въ рукобитье невѣста причитаетъ:

а) *въ Важскихъ волостяхъ.*

съ паденіемъ въ ноги:

Отцу.

1) Заходину мой батюшко
На великихъ на радостехъ;
Не ходи ко, батюшко,
На великихъ на радостехъ,
Не крести тко, батюшко,
Своево лича бумажново:
Не сына женитъ,
Не невисту въ домъ берётъ!
Избыватъ, отдаватъ
Свою доць голубушку.

(*) Ячныи.
(**) Четверть аршина какой либо матеріи.

Матери.

2) Ты не стауко, матушка,
Стола дубововo,
Не стели тко, матушка,
Скатерти *беручатые* (*),
Не носи тко, матушка,
На столъ хлиба билова,
Не засвицейко, матушка,
Свицу воску ярово;
Не крести тко, матушка,
Своbо лича бумажнова и пр...

Брату съ паденіемъ въ ноги.

3) Передъ тобой я, братеуко,
Камкой раскинусе̂,
Жемцугомъ рассыплюсе̂.
Ты сыми тко, братеуко,
Вольку вольную
Со своихъ корминичей,
Съ батюшка и матушки.
Откажи тко, братеуко,
Цюжу сыну мусскому,
Щобы онъ не надиеусе̂
На миня, младе̂хоньку.

Брату солдату, если есть, сидя на лавкѣ:

4) Отворю, младехонька,
Окошецка малехонько,
Роспусцу *зычёнъ* голосъ
По поднебью билому,
По подсончью красному,
По подлису темному,
Съ волости да на волось,
Съ городу на городъ,
Во житой святой городъ,
Голубоцку сизому,
Родному братеуку.
Какъ пришоубы братеуко
На родиму стóрону
Ко своимъ корминичамъ,
Къ цеснымъ родителямъ.
Снеубы братеуко
Вольку вольную
Со своихъ корминичей и пр.

Дѣвицамъ подругамъ:

5) Вы, мои голубущки,
Милые̂ подруженьки.
Вамъ *дивья, да болозѣ*:
До васъ жалосливы
Цесные̂ родители.

б) *Вельскихъ.*

Съ паденіемъ въ ноги:

Отцу.

6) Ты, мое̂ красное̂ соунышко,
Мой корминечъ, батюшко,
Ты скажи тко, батюшко,
Що гнѣвно воспрогниваусе̂

(*) Клѣтчатая, къ бедро вытканная.

На мою буйну голову, —
Вадумау избыть,
Отдать севогоды,
Що я тибѣ севогодной годъ,
Що много наскуцила;
Много напрокуцила.
Я тибѣ говорила, батюшко:
Що не ставай ко, батюшко,
Не ставай ко, батюшко,
Съ моимъ живымъ разлуцникамъ,
Съ нимъ на одну половоцку;
Ты не говори тко, батюшко,
Съ нимъ въ одно словецушко,
Ты не послушау, батюшко,
Миня, горюхи горкіê:
Вить ты моувиу, батюшко,
Съ нимъ въ одно словецюшко.
Вить приходиу лукавой сватъ,
Вить приходиу, лукавиусê,
Вить васъ омманывау,
Тибя, моево корминича,
Тибя, родново батюшка,
Мою родную матушку.

Матери.

7) Ты, моя корминича,
Моя родная (или богоданная) матушка,
Ты скажи тко, матушка:
Що задумау батюшко
Избыть, отдать севогоды.
Я тибѣ вить, матушка,
Объ цêмъ поканаюсê:
Ты порозмòвь, порозгòвори
Ты моево корминича,
Моево корминича,
Родново батюшка;
Щобы не отдавау вить батюшко,
На цюжу дальну сторону;
На цюжой дальной сторонѣ,
Хоть и та вода тецетъ;
Всê не та воля будêтъ.
Я жила вить, бидная,
У родново батюшка,
Будто въ саду погуляла,
А у родныя матушки,
Будто чвитъ расчвитала.

Примѣч. Подобные причеты братьямъ и сестрамъ.

Божаткѣ или матери крестной.

8) Ты, моя корминича,
Моя восприêмная матушка,
Крестовая божатушка.
Я тибя, божатушка,
Ждàла, дожидалисê
Въ ту пору, да во время,
Какъ приходиу лукавой сватъ.
Ты, моя корминича,
Восприêмная матушка,
Крестовая божатушка.
Я тибѣ, божатушка,
Объ цêмъ поконаюсê:
Ты порозмовь, порозгòвори
Всѣхъ моихъ цесныхъ родителей:
Моево корминича,
Родново батюшка
И мою родну матушку,
Всѣхъ голубоцковъ братичей,
Що не отдавау бы батюшка
На цюжу дальну сторону.
Мни можно знать да видати,
Въ горѣ догадатисê:

Вить пришла.
Неразмоусцича,
Туды же потакоусцича.
На своёй на сторонѣ,
Въ дому у родново батюшка
Всê поля вŭть ровныê,
Земли всê хорошіê,
Ростутъ хлибы билыê.

Отцу, сидя на лавкѣ въ переднемъ углу:

9) Ты, корминечъ, батюшко,
Ты скажи тко, батюшко,
Прибрау, выбрау, батюшко,
Мни волось заглушливу,
Деревню некрасивую.
Ета деревушецка
Стоитъ по край свиту билова;
Въ ету деревушецку
Нитъ не пути, не дороженьки.
Только есь дороженька:
Сѣрымъ волкамъ прибѣжисцê,
Воронамъ прилитисцê.
Кругомъ етой деревушецки
Всê болота зыбуціê;
Всê лиса дремуціê.
Въ ету деревушецку
Не сходитъ красно соунышко.
Только сходитъ красно соунышко,
Какъ станетъ закататисê.
У цюжа сына мусскаго
Всê поля гористыê,
Поля каменистыê,
Земли все песочныê;
Не ростутъ хлибы билыê.

Дѣвицамъ, приходящимъ на *заплацку*— печальные причеты, сидя на лавкѣ:

10) Ко мни идутъ да жалуютъ
Цесныê, любыê гостейки,
Мои милыê подруженьки.
Какъ я вить вамъ, голубушки,
Объ цêмъ поконаюсê:
Вы попойтê, любушки,
Любыхъ веселыхъ писенокъ.
Вы повеселитê, любушки,
Всѣхъ цесныхъ моихъ родителей;
Вить я вамъ, голубушки,
Объ цêмъ поконаюсê:
Вить я вамъ, голубушки,
Много позавидую:
Какъ у васъ, голубушки,
Ваши цесные родители
До васъ добры, жалôсливы,
И вашъ корминечъ батюшко
И ваша родная матушка,
Они добры, жалôсливы.
Вы пойдитê, голубушки,
Вы по веснѣ красною,
Вы на игрисца—гульбисца;
Тутъ поменитê, любушки,
Миня, горюху горькую,
На игрисцахъ—гульбисцахъ.
Мни вить можно знать да видати,
Въ горѣ догадатисê,
Съ вамъ не бывать, голубушки,
Мни на игрисцахъ—гульбисцахъ.
Вить миика, бидною,
Недолго сидѣти,
Недолго красоватисê,
Двѣ нидѣленьки времецко
Мни не знать ходомъ прохôдити,

Не знать сидьмя просидѣти,
Не знать Богу молитисê,
Не знать прицитать да плакати:
Мни часы цасуютсê,
Времена минуютцê,
Въ одинъ цасъ собираютцê.

в) *Кулуйской.*

Съ паденіемъ въ ноги.

Отцу:

11) Не бей ко, батюшко,
Крѣпка рукобитьича;
Ты не пей ко, батюшко,
Зелья, зелена вина;
Не давай ко, батюшко,
Правыя руценьки,
Не поруць, мой батюшко,
Мою буйную голову.

Матери:

12) Ты, моя корминича,
Да родная матушка,
Не приступай еê, матушка,
Ко пеци кирпицною,
Ко *чилу* (*) бумажному;
Не бери ко, матушка,
Огнивча булатново,
И кремешка алмазново,
Не добывай ко, матушка,
Огни искры яровой;
Не затепливай
Свици воску яровo;
Ты не стай ко, матушка,
Свици воску ярово;
Не давай ко, матушка,
Руцки правой сватушку.
Вы не поруцьтê
Миня, красну дѣвичу,
За поруки крѣпкіê.
Що мною наскуцила,
Мною напрокуцила!

Семейству:

13) Голубоцки сизенькіê,
Родимые братчи,
И вся люба семьюшка,
Вы розбейтê
Недоброй совить,
Думку крѣпкую,
Мысль злодійскую;
Вы сымитê
Большую большину
И волю великую:
Откажитê
Цюжому цюженину,
Дайтê пожить,
Покрасоватисê,
Да пожить дѣвичей
И послыть невѣстою.
Я молода,
Что травонька;
Я зелена,
Что ягодка;
Не росчвêу
Лазуривъ чвитъ.

(*) Цѣло надъ устьемъ печки.

г) *Устьянскихъ.*

Отцу.

14) Моê господарево,
Моê схоже соунышко,
Родимой батюшко.
Ты пощо, да для цево
Казнишъ мни буйну голову,
Безъ сабли вострыê,
Безъ ножа булатнóво.
Ты возми, мой батюшко,
Возми саблю вострую,
Ссики мою буйну голову;
И пусь моя глава
По землѣ катаитцê,
По гризѣ валеитцê,
Люди насмихаютцê.

Ему же съ матерью и братьями:

15) Моê господарево,
Моê схоже соунышко,
Мой родимой батюшко,
Ужь я що тибѣ наскуцила,
Да що напрокуцила,
Опила да объѣла;
Билую либедушку,
Родимую матушку
Платьичêмъ обнóсила;
Голубоцковъ сизенькихъ,
Родимыхъ братьичêвъ
Цеботамъ (*) обнóсила.

Дѣвицамъ.

16) Сизыê голубушки,
Милые подругоньки,
Васъ не всѣхъ, голубушокъ,
На имя извелицаю:
Спасибо, голубушки,
Що миня послушали
Не въ *перьырети* отъ роду,
Дѣвичей въ послѣдніê.
Ужь вамъ дивья да болѣе:
Що у васъ, голубушокъ,
Батюшки просужіê,
Матушки досужіê.
А у миня, горя биднаво,
Скородумцивъ батюшко,
Скородумка матушка:
Скору думу сдумали,
Миня запоруцили
На цюжую сторону,
За цюжова цюженина.
Ужь я, молодешенька,
Молода въ тоску пошла,
Зелена во круцину;
У миня, у дѣвичи,
Руцька, ношка тоненька,
Ужь только знаю, дѣвича,
Било умыватисê,
Хорошо средитисê.
Не узнала, дѣвича,
Въ которой стóронѣ
Сходитъ схоже соунышко.
Ужь мни быть съ людьми,
Со людьми не съ большими,
Съ мелкими, середними.

(*) Обувь.

Иногда такой:

17) Вы, мои голубушки,
Да вы, мои баженыё,
Не гоститё, не жалуйтё,
Не къ батюшку, не къ матушкѣ,
Не къ братьичамъ, не къ сестричамъ.
Садитесь, голубушки,
На брусяну лавоцку
Отъ кути да до кути (*).
Мои родители
Прибрали да выбрали
Фофанисца, цюдисца.
Вить какъ ношки у нево,
Какъ песты на мельничѣ.
А *тулово* у нево,
Какъ лоханка сильная.
Какъ руцьки то у нево,
Какъ ушаты сильныё.
Голова у нево,
Какъ котёлъ пивной.
Какъ уши у нево,
Какъ заслонки сильныё.
Глаза у нево,
Какъ у добрà быка.
Ротъ у нево,
Какъ у звиря лютово.
Ужь вы, мои баженыё,
Мни куды дѣваттсё,
Куды прислонитисё:
Вить, мои родители,
Охти! отказалисё,
Мни въ воду броситцё;
Наша Усья славная
Не приматъ дѣвичи.
Мни въ гору броситцё,
Гора не отворитцё.
Мни на цюжую сторону
Къ цюжу цюженину,
Надо *лапотины* (**) красныё.
У миня, у бидныё,
Только *красицьки лощеные*;
У миня, у бидныё,
Ищо нѣтъ *поцелка* (***) свитлова,
Да нѣтъ тюфлей гвоздисцатыхъ.
Не слыла вить я, дѣвича,
Невѣстою....

2. Между сговоркой или рукобитьемъ и смотринами.

а) въ *Устьянскихъ волостяхъ*.

На другой день рукобитья:

18) Мое господарево,
Наша свитлая свитлича,
Наша высокая горнича,
Въ свитломъ лисѣ ровена,
Не на коняхъ вожена,
Вить по Усьѣ плавлена,
На красу поставлена,
При большой дорогѣ,
Да при господаревой.
Мимо нашей свитличи

(*) Отъ печки до порогу.
(**) Одежда.
(***) Сборникъ.

Ходятъ люди добрыê,
Конныê и пѣшіê,
Колики и нисціê.
Що во етой свитличѣ
Есь дѣвича хрясная,—
Слово зауцено,
Во прицетъ положено.

При заваркѣ пива:

9) Мое господарево,
Родимой батюшко,
Ты на що, да для цево,
Къ какому празнику
Варишъ пиво хорошеê.
Токо ты варишъ
Къ Божью празнику;
Токо наварись, пиво хорошоê,
Съ судна стека скорая,
Стека хорошая,
Токо ты мни на свадьбу,
Да на провожаньê.
Мое господарево,
Родимой батюшко,
Ты пощо да для цево
Миня не послушашъ,
Ты всê свою думу думашъ,
Да на разлуку съ тобой вѣцную
Що бы тибѣ, родимой батюшко,
Наварить бы тибѣ
Не пива хорошово,
То тибѣ наварить бы
Квасу кислово,
Да не стеку скорово.
Ужъ у тибѣ, родимой батюшко,
Пиво твоê—
Не стеки и не збѣжи;
Наварись, пивушко,
Хуже квасу кислово.
Все пиво завариваш,
Ужъ видно, батюшко,
Задумау миня, дѣвичу,
Спроводить на цюжу сторону,
Къ цюжу цюженину.

По произволу невѣсты, когда ей вздумается, напр. по утрамъ:

20) Не могла дождатисê
Да побуду раннову,
Не могла дождатисê
Отъ родимой матушки
Да побуду раннову.
Видно матушка
Отказыватъ
Отъ житья-бытья.
Мни не миновать
Да цюжіê стороны.
Ты сходи ко, батюшко,
На цюжу на сторону;
Провидай, батюшко,
Каково житье-бытье
У цюжа цюженина.
Не пойдêшь вить, батюшко,
Ты житья провидывать
У цюжа цюженина;
Не поить тибѣ, батюшко,
На цюжой на сторонѣ.
Мни вить пашничѣ,
Мни житья не миновать
На цюжой на сторонѣ.
Мни сказали пашничѣ.
У цюжа цюженина
Посуда мидная,—
Крестъ да пугвича.

У соседки въ дому, съ паденіемъ *пластью* на полъ:

21) Я по цасту хòдила,
Да по долгу сидѣла
Со шитьемъ, собраньичêмъ,
Промежу окошецкомъ.
Топере отходила
Душа красна дѣвича:
Мни, красной дѣвичѣ,
Дивей викъ исходитъ.
Топере, топереци
Отходила
Душей красной дѣвичей.
Спасибо-те, тётушка,
За хлибъ, соль великую,
За госьбу любимую.

По задеревнѣ въ присутствіи подругъ своихъ:

22) Пойдитê вить, подругоньки,
Пò соки едрêныê,
Пойдитê, добры люди,
На дилу, работоньку,—
Пойдитê вить
Съ сохами, съ боронами;
Пойдитê вить
По ягодки, по рыжицки,
По борамъ, по росцичамъ,
Цастымъ ольшенницкомъ.
Пойдитê вы, добрыê люди,
По рицкѣ Шаткурьѣ
Сѣно косити.
Поменитê, любушки,
Миня, красну дѣвичу,
На дилѣ, работонькѣ,
Да придайтê жалобы
Родиму батюшку.
Топере, топереци
Заростай, дороженька,
Ельницкомъ, березницкомъ.
Топере отходила
Душа красна дѣвича.

При входѣ домой:

23) Не несутъ вить миня
Миня ножки резвыê.
Подломились мои,
Мои ножки резвыê.
Опустились руцки,
Мои руцки билыê.
Зàбиднось вить, зàбиднось,
Зàбиднось великая
На родима батюшка,
Въ цеботахъ ли истоптала,
Въ лопотьѣ ли обнòсила.
Зàбиднось вить, зàбиднось,
Зàбиднось великая
На родиму мàтушку,
Въ цеботахъ ли истòптала
Въ лопотьѣ ли обнòсила.

Вечеромъ при дѣвицахъ:

24) Вы ходитê, любушки,
Къ душѣ красной дѣвичѣ.
Не покиньте, любушки,
При послѣднемъ времицкѣ,
Придайтê жалости,
При послѣднемъ времецкѣ,

Къ душѣ красной дѣвицѣ,
Пособитê, любушки,
Горê мыкати,
Вы спойтê, любушки,
Дивью красну писеньку,
Коя всѣхъ красивѣê;
Пособитê, любушки,
Пошить, порукодильницеть.

По утру, передъ прiѣздомъ жениха на смотрины:

25) Мое господарево,
Какъ вышла красна дѣвича
На широку уличу;
Зашли подъ всѣ цетыре стороны
Цетыре туци грозныê.
Три туци подкатилисê
Надъ луга зеленыê,
На травы шелковыê.
Що тое грозные туци
Чвиты убоелисê,
Чвитъ за чвитъ
Схватилисê,
Къ землѣ приклонилисê.
Що тое грозна туца
Не остановиласê,
Пошла, покатиласê,
Откатилась туценька
На нашу на сторону,
Що на поля цистыê,
На бруни едреныê.
Що ты грозны туци
Бруни убоелисê,
Къ землѣ приклонилисê.
Що тутъ грозна туценька
Не остановиласê:
Пошла, покатиласê,
Надкатилась къ намъ,
На нашу сторону,
Столько стрѣлонка
Къ намъ во дворъ *колесцатой*.
Що тутъ грозна туценька
Не остановиласê.
Со всего скота и живота
Пошла, подкатиласê.
Столько стрѣлка стрѣлонка
Ко мни въ билы груди,
Порвала со ворота
Всѣ монеты и золото.

б) *Важскихъ*

По утру, передъ смотринами, подъ окошкомъ, съ убиваньемъ руками:

26) Я спала, высыпаласê
На мягкой постеленькѣ
У родимыê матушки.
Я ждала, дожидаласê
Раннаво буженьича,
Какъ пришла то матушка
Рукой побудила,
Другой прiокутала,—
Ты высыпайсê, дитятко,
У родимыя матушки,
Въ дивьемъ вику въ послѣдние.

в) *Вельскихъ:*

По утру, сидя подъ окошкомъ, съ убиваньемъ руками:

27) Я спала, высыпаласê,
Я ждала, дожидаласê,
Я съ зори свиту билова,
Схожа красна соунышка,
Тоски родныê матушки,
Не що будетъ матушка,
Миня розбудитъ матушка.
Какъ приходила матушка
Къ мягкой постеленькѣ.
Она рукой побудила,
Другой пріокутала.
Спи, высыпайсê, дитятко,
Сказала вить матушка,
Она ни знать жаліюци,
Не знать избываюци.
Миня разбудну младешеньку
Большой зазвонной колокоу.
Звонятъ къ ранной заутрини
Къ обиднѣ присвященнюю.
Какъ я кинусь да брошусь
Ко тазу луженому,
Во тазѣ луженомъ
Воды не слуцилосê.
Я кинусь да брошусь
Въ сутки, во большой уголъ.
Я слезами умоюсê,
Я тоскою утираюсê.
Моя родная матушка
Ходитъ, обряжатцê,
Ково дожидатцê,
Разѣ живыхъ разлуцниковъ.
Я сидя, призасидѣласê,
Гледя, приглядѣласê,
Я на своихъ голубушекъ,
На милыхъ подруженêкъ.
Онѣ сидятъ, бесѣдуютъ,
Говорятъ, совитуютъ,
Поютъ веселы писеньки.
Я подсушила, бидная,
Свои оци ясныê;
Я опустила руцки
Отъ ретива серча.
Ко мни идетъ да жалуитъ
Милая подруженька,
Ближняя сосѣдушка,
Вдова благоцестивая.
Мы съ тобой, голубушка,
Ходили, красовалисê
Ко ранной заутринѣ,
Къ обиднѣ присвященою,
На гульбища игрища,
Во лиса веселыê,
Во луги зеленыê
По грибки, по ягодки.

При приближеніи поѣзда:

28) Що больно взвоуновалисê,
Въ окошка спомиталисê.
Не що къ намъ наихали
Съ тово свиту билово
Мои цесныê родители.
Не що моя кормилича,
Моя родная матушка
И мой голубоцикъ братеуко́.
Не можно знать да видати,
Въ горѣ догадатисê.
Вить отъ лежаца деревча
Не живетъ отростеньича;

От тила мертвово
Не живетъ вставаньича.
Мни можно знать да видати,
Въ горѣ догадатисѐ.
Видно къ намъ наихали
Мои живые разлуцники,
Живыѐ супротивники.
Миня хотятъ розлуцити,
Миня съ родомъ, со племенемъ,
Со моимъ корминичѐмъ,
Съ роднымъ со батюшкомъ
И со родимой матушкой.
Ты, моѐ красное соунышко,
Корминечь батюшко.
Я тибѣ вить, батюшко,
Объ цѐмъ поканаюсѐ:
Ты сходи тко, батюшко,
Къ хитрымъ, мудрымъ
Мастерамъ.
Ужь ты скуй ко, батюшко,
Три заставы крѣпкіѐ,
И три щита зелѣзныѐ,
И три замка нѣмечкіѐ.
И ты постау ко, батюшко,
Перву заставу крѣпкую,
Поминовау поля цистово;
Другую заставу крѣпкую
Середь поля цистово;
Третью заставу крѣпкую
Кругомъ своево двора колесцата.
Ты запри тко, батюшко,
Въ три замка нѣмечкіѐ
И въ три щита зелѣзныѐ.
Ты не пущай ко, батюшко,
Моихъ живыхъ разлуцниковъ,
Живыхъ супротивниковъ.
Миня хотятъ розлуцити
Со родомъ, со племенемъ,
Со моимъ корминичѐмъ,
Со роднымъ, со батюшкомъ
И родимой матушкой,
(Со злой лихой мацихой).
Мни ка, бидной,
Пашною горюхѣ
(Горькой сиротѣ безцесною
Сиротѣ безталанною);
Мни ка какъ не плакати,
Какъ горя не мыкати.
Мни надо плакати,
Убиватисѐ,
Слезами умыватисѐ.

По пріѣздѣ поѣзда дѣвицы поютъ пѣсню:

29) Наихау воръ злодій женихъ
На конехъ вороныхъ.
У ево кони вороныѐ;
На нихъ сбруя горитъ,
Извосцицки молоденьки,
На ихъ платьѐ шумитъ.
Извосцицки вожжей тряхнутъ,
Отъ ихъ кони дрогнутъ.
Кони копытомъ землю бьютъ,
Отъ ихъ земля дрожитъ.
Садиссѐ во саноцки,
Столько дымъ пошоу.

г) *Терминскихъ.*

При въѣздѣ поѣзда на дворъ:

30) Утрось, по утру ранешенько,
Пахались витры буйныѐ
Со всѣ цетыре стороны;
Потянуу буѐнъ витеръ

Съ поудневую сторону,
Витеръ студѐнъ и холоденъ.
По тому витру буйному
Два облацка знималисе̂,
Въ одно мисто сдвигалисе̂,
Туцей становилисе̂.
Катилась грозна туца
Лисы темные̂ мимо,
Грези церные̂ мимо,
Луга зеленые̂
И поля широкіе̂.
Какъ храниу Богъ, миловау
Лисы темные̂ и грези церные̂,
Въ лугахъ травы шелковые̂,
Въ поляхъ хлибы билые̂.
Не дошла грозна туца
На нашъ дворъ колесцатой,
Сильны громы гренули
И молніе̂й опа̀лило.
Это не громы гренули
И не молніе̂й опа̀лило.
Огромну миня
Мое̂ красное̂ соунышко,
Мой корминечъ батюшко.
Опалила вить миня,
Моя корминича,
Моя родная матушка,
Миня словомъ неласковымъ,
Другимъ непривитливымъ;
Мни приказала матушка
Мни, охти, сряжатисе̂
На цюжу дальну сторону
За цюжа цюженина.
Ты постау ко, батюшко,
Къ воротамъ привратницка,
Къ дверямъ придверницка.
Не пускай ко, батюшко,
Цюжихъ живыхъ разлуцниковъ
Къ намъ во свитую свитличу,
Къ намъ во сто̀лову горничу,
Въ сутки, за золоты столы.
Не ве̂шняя вода
Къ намъ во дворъ заливаласе̂,
Въ нашу свитлую свитличу,
Во столовую горничу,
Въ сутки, за золоты столы.
Прикажи тко ты, батюшко,
Мни сле̂зно плакати
И жалобно прицитати
Цюжому роду племени,
Цюжимъ живымъ разлуцникамъ.

Примѣч. Между сговоркой или рукобитьемъ и смотринами, во всѣхъ волостяхъ бываетъ каждый день у невѣсты много причетовъ, кромѣ перечисленныхъ нами; но всѣ эти причеты ничто иное, какъ произвольный невѣсты наборъ словъ, не интереснаго сложенія.

3) Въ смотрины или вообще въ смотринный день.

а) Въ *Вельскихъ волостяхъ:*

Самой себѣ, —послѣ смотринъ при закрытіи:

31) Я не долго хо̀дила
Да много прохо̀дила.
Я прохо̀дила, бидная,
Свою буйну голову
Да дивью кра̀соту.
Я срежалась, бидная,

Поскорие прежнево.
Я думала: къ намъ
Нашли, наихали
Родной мой братеуко
Со своимъ прибраньичёмъ,
Со службы чарскіê,
Со службы осударевы.
(Пріихали родная матушка
Съ тово свиту билова).
Я обвернусь, младешенька,
Сирою кокушицей,
Я, по лицу злоцасная,
Съ волости на волось,
Съ городу на городъ,
Во житой святой городъ,
Къ голубоцку сизому,
Родному братеуку.
На кладбисцчê *дресвисце*.
Стану Богу молитисê,
Щобы создау же Осподи
Тонку витру буйново
Со всѣ цетыре стороны.
Ты раздуй, буявъ витеръ,
Желтыê песоцики
Со крутыê могилоньки.
Выньсê, гвозьê булатноê,
Гвозьê позолоценоê,
Изъ крышки билодубовыê.
Раскройсê, дубова доска,
Раскройсê, билая парца.
Ты, моя корминича
Да родная матушка,
Ты взведи оци ясныê
Да зними брови цорныê,
Зними руцку правую
Перекрести било личо,
Сотвори молитву святую,
Щобы дау тибѣ Осподи
Въ руцки владиньицо,
Въ ножки хоженьицо.
Ты пойди тко, матушка,
Въ домъ родительской;
Станêмъ жить по старому,
По старому, по прежнему.
Не можно знать да видати,
Въ горѣ сдогадатисê.
Отъ сухова деревча
Ниту отростельича,
Отъ мертвыê матушки
Ниту блаславеньича.
Вить не кукушка кукуитъ,
Твоя горюха горюитъ,
Твоя горюха горькая,
Твоя доць безматерня.
Ты бласлови ко, матушка,
Ты бласлови ко, братеуко,
На цюжу дальну сторону.
На, цюжой на стôронѣ
Надо жить умѣюци,
Говорить надѣюци;
Надо сорокъ разумовъ,
Петьдесятъ обыцаêвъ,
Надо оммавка заицья,
Ласкота лисичая.
На цюжой сторонушкѣ
Назовутъ воронушкой.
Видно, пролитеу
Мой дивій викъ
Еснымъ младымъ сôколомъ,
Мимо моей буйной головы,
Крылышкомъ не задêжиу онъ.
Я молода, що ягодка,
Що травонька зелена.
Мни прибрали да выбрали
Не цюдисца, а уродисца,
Людсково потыцисца,
Слугу Осударева;
Ево дило поднацельное
Ево хоромы новыê
Во сыромъ бору шатаютцê,
Съ вершинами сплетаютцê,
Къ землѣ приклоняютцê.

Отцу предварительно съ обращеніемъ къ Богу.

32) Благослови тко, Осподи,
Мать Божья, Богородича,
Живонацельная Троича,
Кресты животворясщіє̂,
Поприцитать, поплакати,
Перевести все свитьичє̂
Про своє̂ живиньичє̂,
Какъ я во дивушкахъ
Жила, красоваласє̂
Въ дому, у роднобо батюшка.
Ты мое, красное соунышко,
Ты, мой корминечъ батюшко,
Ко мни пожалуй, батюшко,
Съ сцесныкъ благословленьичє̂мъ.
Ты бласлови тко, батюшко,
Поприцитать, поплакати;
Ты не убойся, батюшко,
Моево убожесва.
Какъ моє̂ убожесво
Къ тибѣ не навикъ привезалосє̂.

Матери.

33) Гдѣ куды дѣваласє̂
Моя корминича,
Родная (богоданная) матушка.
Ко мни пожалуй, матушка,
Съ цесныкъ бласловеньичє̂мъ.
Ты бласлови тко, матушка,
(На мѣсто родныє̂ матушки)
Ты не убойсє̂, матушка,
и пр. . . . .

Послѣ того, какъ отецъ и мать окрестятъ ручнымъ крестомъ и позволятъ причитать.

Священнику:

34) Поглежу да пбсмотрю
По застолу дубовому,
У насъ, за дубовымъ столомъ,
Сидятъ гости не званыє̂,
А жданыє̂,
У насъ за дубовымъ столомъ,
Сидитъ духовный батюшка,
Наша красота прикрасная,
Стопа запристольная.
Ко мни пожалуй, батюшко,
Съ цесныкъ бласловеньичемъ,
Ты огради тко, батюшко,
Своей правой руценькой,
Осіей святымъ крестомъ.
Твое бласловленьичє̂
Станетъ хранить да миловать
Всеуды во всяко времецко.

Тысяцкому.

35) Я поглежу да пбсмотрю,
По застолу дубовому,
На дубовой лавоцкѣ
Сидитъ младой тысечкой.
Онъ цюжу сыну мусскому
Родной прицитатцє̂,
Зятє̂мъ называтцє̂.
Ужъ младой тысечкой

Молодъ излукавиусê,
Свитъ NN.
Ты пожалуй, тысечкой,
Я зову, дожидаюсê,
Зову не для здарьича,
Для оцново свиданьича.
Дай ко въ оци видити,
Вставь целомъ ударити,
Низенько поклонитисê.
Покорно благодарствую
На скоромъ прихоженьичѣ,
На многомъ приношеньичѣ,
Тибѣ на гривнѣ золота,
На другой серебра.

Свату:

36) Поглежу да пòсмотрю,
По застолу дубовому,
У насъ, за дубовымъ столомъ,
Сидитъ молодой, лукавой сватъ.
Онъ, молодъ, излукавиусе.
Отъ тибя, лукавой сватъ,
Всѣ огни загорилисê,
Клюци закипѣлисê.
Ты, молодой, лукавой сватъ,
Ты ходиу къ моимъ цеснымъ родит.,
Ты къ нимъ ходиу, лукавиусê,
Ты ходиу, омманывау,
Ты имъ ходиу, нахвастывау,
Що у цюжа сына мусскови
Много хлиба билово,
Много скота рогатово,
Много деньги лежацiê.
Вить у нево ниту хлиба билово,
Нитъ скота рогатово
Нитъ деньги лежацiê.
Ты изволь стать да выступить
Изъ своево миста любимово.
Твое платьê не износитцê
Цеботы не истопцютцê.
Гледь наша свитла свитлича
Не черезъ поле цистое,
Гледь, докинешъ зыценъ голосъ.
Покорно благодарствую и пр.

Сватьямъ:

37) Поглежу да посмотрю,
По застолу дубовому,
Сидятъ цесныê гостейки,
Цюжу сыну мусскому
Роднêй прицитаютцê,
Сестричами называютцê.
Ко мни пожалуйте, сватьюшки,
Къ дѣвичѣ запоруценой,
Хоша на малъ единой цасъ,
Ко мни, горюхѣ горькою.
Ко мни идутъ да жалуютъ
Цесныê, любыê гостейки.
Какъ я вить вамъ, сватьюшки,
Объ цêмъ поконаюсê:
Какъ я вить буду
У васъ, на вашей стòронѣ,
У цюжа сына муссково,
Вы поуците, сватьюшки,
Къ уму да разуму.
Какъ у васъ жить, на вашей стòронѣ,
Надо жить умiюци,
Говорить надiюци,
Надо держать голова поклонная
Да серчê покорциво.
Я головой поклонилась,
Серчемъ покорилась
Цюжу сыну мусскому,
Покорно благодарствую и пр.

Жениху:

38) Призадумаусê
Цюжъ мусской сынъ,
Призадумаусê
Цюжъ мусской сынъ
На наши хлибы билыê,
На скатерти шелковыê,
На наши питья пьеныê.
Ко мни пожалуй
Цюжъ мусской сынъ.
Я тя зову, дозываюсê,
Зову не для здарьича,
Для оцново свиданьича,
Щобы мни въ оци видити,
Стать целомъ ударити,
Низенько поклонитисê
Личêмъ до сырой земли,
Главой до резвыê ноженьки.
Ты сходи тко, цюжъ мусской сынъ,
Сысци моево корминяча,
Роднова батюшка,
Щобы пришоу вить, батюшко,
Со цеснымъ бласловленьичêмъ.
Ко мни пожалуй, батюшко,
Дай бласловленьичê
Принять здарьê многое
Отъ цюжа сына мусскова.
Покорно благодарствую и пр.

Дружкѣ:

39) Ужь ты, дружка вѣрная,
Ты сходи тко, дружка,
Къ моему корминичу,
Родному батюшку,
Щобы онъ сватиу добра коня,
Вить у васъ оторваусê доброй конь
Отъ столба дубовово,
Отъ кольча злацêново.
Убижау вить доброй конь
Во цисто полê;
Вить изломау вить добрый конь
Сани, скоцки дубовыê,
Щобы сватиу вить батюшка,
Сватиу бы батюшка
У цюжа сына мусскова
Добра коня.
Ты пойзжай ко,
Цюжь мусской сынъ,
Домой, на свою сторону,
Къ своему корминичу,
Родному батюшку;
Ты исцê поѣзжай ко
Цюжь мусской сынъ,
На гору Шабанову.
Тамъ диуки дешевыê,
Набилены, намазаны
И ко колу привязаны.

Крылошанамъ или иначе причетникамъ:

40) Я поглежу да посмотрю,
По застолу дубовому,
Сидятъ за дубовымъ столомъ
N N
Ко мни пожалуй
N N
Хоша на малой единой цасъ,
Ко мни, за берцату занавису,
Къ дивичѣ запорученой.
Хоша на малъ единой цасъ
Я тибя зову, дозываюсê,
Зову не для здарьича,

Для оцнова свиданьича,
Щобы мни въ оци видити,
Стать целомъ ударити,
Низенько поклонитисѣ
Личêмъ до сырой земли,
Главой до резвыхъ ноженокъ.
Тибѣ покорно благодарствую
На которомъ прихоженьичѣ,
На многомъ приношеньичѣ,
Тибѣ на гривнѣ золота,
На другой серебряной.
Твоя кудри въ сто рублей,
На каждой кудерецкѣ
По большой жемцюжинькѣ.

Примѣч. 1. И прочимъ поѣзжанамъ или гостямъ причитаютъ подобное.

Примѣч. 2. Всѣ дарятъ деньгами, а женихъ приходитъ съ дружкой; женихъ съ дарами, а дружка съ пивомъ. Невѣста принимаетъ дары съ поцѣлуемъ и передаетъ на время сестрамъ, а пиво и съ деньгами въ оном причитальщицѣ.

Во время даровъ, за послѣднимъ кушаньемъ.

41) Що за цюдо цюдное,
Що за диво дивное:
Да моя кормиинча
Да родная матушка
Даритъ платы билыê,
Да полотна билыê.
Не осудитê, гостейки:
Не тонко предено,
Не било пробилено.
Я пряла за рабячеево,
Я билила гулеюци.

Причетъ при здачѣ красоты.

42) Ужь я стану, молодешенька,
Съ раêмъ прощетисе.
Ты прощей ко, прощей ко,
Моя дивья кра̂сота,
Моя брусовая лавоцка,
Мое окно косещато.
Ты расчвитай, мой зеленой садъ,
Зеленой садъ, получче прежнево.
Вить пролитѣу мой дивей викъ,
Красота минавалисê;
Пролитѣу мой дивей викъ
Младымъ еснымъ соколомъ
И крылышкомъ не задѣжну онъ.
Мни вить цасы цасуютце,
Въ единъ цасъ сбираютце,
И тотъ единъ цасъ хоцетъ миноватисê.
Я вижу муку вицную,
Муку бесконецную.
Я у батюшки жила
Красовалисê,
У матушки жила,
Будто алой макъ чвила,
У братичевъ жила,
Будто въ гостѣхъ погостила.
Я пойду, молодêшенька,
Во свой зеленой садъ,
Я розсію, бидная,
Свою дивью красоту.
Ужь какъ тутъ не мистицко
Моей дивьей красотѣ.
Я пойду, молодêшенька,
Во цисто̂ полê

Ужь я розсію, бидная,
Свою дивью красоту.
Ужь какъ тутъ не мистицко
Моей дивьей красотѣ,
Я пойду, молодёшенька,
Къ сибѣ, во высокъ теремъ,
Я одамъ свою красоту
Своей меньшой сестричѣ.
Ты носи тко, сестрича,
Мою дивью крáсоту,
Ты живи тко, сестрича,
Ниже травы зеленыё,
Тише воды клюцёвыё.

Во время жженія соломы, при женихѣ и безъ него дѣвицы поютъ пѣсню:

43) Ужь ты, соловей, соловей,
Соловей, ты птича пиуцая,
Деревà ли тибѣ не было,
Оприць етово дерева,
Оприць осинушки горькіё,
Ужь ты, молодечь, молодечь,
Удалой доброй молодечь,
N N
Невисъ ли тибѣ не было,
Выбирать ли тибѣ не изъ ково,
Оприцъ этой дѣвичи
N N
Ужь ты, дивича, дивича,
Душа красная дивича,
Жениховъ ли тибѣ не было,
Выбирать ли тибѣ не изъ ково,
Оприць етово молодча.
N N
Ужъ какъ ты божыласё,
Право, право въ замужъ нейду,
Ей Богу! не подумаю
За етово молодча,
На то, Богъ, не подумаю
И на то Спасъ не помилуетъ.
Какъ ужъ понѣци
N N
За однимъ столомъ сидятъ,
Одну думку думаютъ,
Одну думу за единую,
Одно кушаньё кушаютъ,
Съ одново блюда церпаютъ.
И одной лошецкой хлёбаютъ.
За тѣмъ бьемъ целомъ писенькой,
Удалой доброй молодечь,
Съ душой красной дивичей.

б) *Важскихъ.*

Во время сидѣнія невѣсты за столомъ дѣвицы поютъ припѣвки:

1.

44) Изъ за лису
Тёмново,
Изъ за тёмново,
Дремуцёво,
Вылетало
Стадо лебедей,
Другое стадó,
Сирыхъ гусей.
Отставала
Лебедь билая

Проць отъ стада
Лебединово,
Приставала
Лебедь билая
Ко стаду,
Ко сирымъ гусямъ.
Сиры то гуси
Крыкали,
Билу то лебедь
Сципали.
Не сциплитêсь,
Гуси сирыê:
Не сама я
Къ вамъ залитѣла.
Занисло миня погодою,
Що погодою осêнною,
Осеннымъ цастымъ дожикомъ,
Цастымъ дожемъ,
Буйнымъ витрòмъ.
На тихихъ на заводехъ
Не лебедушка плавала
Красная дивича плакала
N N
Не бранись, цюжой батюшко,
Не сама я къ вамъ
Во дворъ зашла,
Завезли миня
Добры кони
N N

45) Во свитлой свитличѣ,
Во свитлой было свитличѣ,
Во столовой новой горничѣ
Столовали кнезья боера,
Всê боере то Московскіê,
Всê купчи то Ерославскіе,
Разшутились, распотѣшились
Они вздумали обжонити
Удалово добра молодца
N N

2.

Какъ N N отъ ево
Во быстру рику рыбичей;
N N за êй пошеу
Съ неводами шелковыми,
Съ молодчами удалыми.
Идуци, похвалетцê:
Ужь я изловлю, изловлю
Изъ быстрой рики рыбичу:
Ужь я достоплю, достоплю
Душу красну дивичу.

в) *Терминскихъ*.

Тысяцкому:

46) Какъ у насъ есь во свитличѣ,
Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,
Сидитъ младой тысечкой,
Будто младъ свитêу мисечь.
Изволь стать да выступить
Изъ миста любимово;
У те платьê не износитцê,
Цеботы не истопцютцê.
Ты целомъ здрастуй, гось,
Гось возлюбленной,
На скоромъ прихоженьичѣ,
На многомъ привошеньичѣ.
Твоя голова во сто рублей,
Кудри въ петдесять рублей.
Ты, сильная богатина,
Въ животахъ не знаиссê,
Въ хоромахъ заблужаиссê,
Много скота рогатово
И деньги лежалыê.

Священнику:

47) Я посмотрю да поглежу,
Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,
Сидитъ нашъ духовный батюшка,
Наша красота черковная,
Стопа запристольная,
Рука бласловлённая.
Ты замишаусê, батюшко,
Ты цюжихъ, живыхъ разлуцниковъ,
Ты подойди да подступи
Ко мни, ко младêшинькѣ,
За берцату занавису,
Ко закрытой дивичѣ.
Дай ко, батюшко,
Мни бласловленьичê
Итти на цюжу на сторону
За цюжа цюженина.
Ваше бласловленьичê
Велико есь на семъ свитѣ.
Оно на огнѣ не горило
И на водѣ не тонуло
И въ лисѣ не заблужаитцê.
Целомъ здраствуй, батюшко,
На скоромъ прихоженьичѣ,
На многомъ приношеньичѣ,
На гривнѣ золота, на другой серебра.

Сватальщику:

48) Какъ у насъ есь во свитличѣ,
Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,
Сидитъ лукавой сватъ.
Ты приходиу, омманывау,
Всê неправуду сказывау;
Говориу лесливой сватъ
Про цюжа цюженина.
Сильная богатина,
Въ животахъ не знатцê,
Въ хоромахъ заблужатцê,
Полонъ дворъ скота рогатово,
Много деньги лежалыê.
Ужь какъ не сама я видѣла,
Отъ людей я слышала,
Ево дворъ, хоромы новыê
Стоятъ въ верхъ вершиною,
Лисъ въ небеса ввиватцê,
Вершинками сплитатцê;
И скота рогатово
Пѣтухъ да курича,
А деньги лежалыê
Одна полушка мидная.
Оно на подилѣхъ хожено,
Христа ради прошено
У купца богатово.
А изъ посуды мидныê
Кресъ да пугвича.
Тибѣ подай Богъ истинный
За неправуду великую,
Тибѣ три цирья въ бороду,
Цетвертый въ голову.
Тибѣ коробка своробу
Домой на свою сторону,
Своей жинѣ боеринѣ
И сердешнымъ дитонькамъ.
Ищê подай Богъ истинный
За неправуду великую,
Тибѣ домой не доихати,
Тибѣ въ *дроводњу* (*) заихати,
Добра коня поколоти,

(*) Дрокосѣка, гдѣ дрова рубятъ;

Тибѣ домой выбрести
Съ етово морозу *хресцово*, (*)
Въ пецѣ заблудитисê,
Штями изваритисê.
Ты пріѣхалъ
На банномъ *ожогѣ* (**),
Платье кортомлêноê,
У те лапти липовы.
Прошу не прогниватцê,
Злой, лукавой сватъ.
Я не сама собой иду,
Не перо въ рукахъ держу.
Вздумали, надумали
Мои билыê лебедоцки,
Милые подругоньки
Ето всê надумали
Про цюжа цюженина.
Целомъ здраствуй,
Цесонь гось возлюбленный,
На скоромъ прихоженьичѣ,
На многомъ приношеньичѣ,
Тибѣ спàсибо, спàсибо,
На гривнѣ золота,
На другой серебряной.
Твоя голова во сто рублей.
Кудри въ петдесятъ.

Сватьѣ:

49) У насъ есь во свитличѣ,
Во столовой горничѣ,
Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,
Цюжа кнеза сватьюшка.
Изволь стать да выступить
Изъ миста любимово,
Изъ за золота стола.
Що за спись спѣсивая,
За гордось великая.
Ужъ той порой да временемъ,
Платье не износитсê,
Цеботы не истопцютцê.
Ей донеситê висточку
Черезъ многихъ добрыхъ людей.
Ты целомъ здравствуй, сватьюшка,
Ты со посиду, со городу,
Госья переѣзжая,
Дочь купча богатово,
Ты умила, сватьюшка,
Ко мни зайти, въ зеленой садъ,
Низенько поклонитисê
Всѣмъ билымъ лебедушкамъ
И милымъ подругонькамъ.

Жениху:

50) У насъ есь во свитличѣ,
Во столовой горничѣ,
Въ суткахъ, за золотымъ столомъ,
Цесонъ гось возлюбленный,
Гроза великáя.
Мни не можно, младешенькѣ,
Мни назвать да взвелицеть,
Що на цюжой сторонѣ
Мни гроза великая.
Изволь стать да выступить
Изъ миста любимово
За бирцату занавису,

(*) Сильный такъ, что хрустить подъ ногами.
(**) Кочерга—батогъ, которымъ мѣшаютъ или колотятъ въ печи.

Ко круцинной лавичѣ,
Ко закрытой дивичѣ.
Призистаньте, дивичи,
Милыê подругоньки,
Стиной билокаменной,
Оградой монастырскою.
Мни нездравьичê пришло,
Гроза великая.
Ужъ мни дайтê нà оци
Мни моево корминича
Да родново батюшка
И тоску сердецную,
Родную матушку.
Я до тово, до селева,
Была не завидлива
На ето здарье малое.
Ово по посаду хожено,
Христа ради прошено.
Оно въ казаки нанималасê
На челой круглой годъ.
Тако велитъ мни батюшка
Примать здарье малое.
Возму въ билы руки,
Здыму выше буйны головы,
Брошу на полы дубовыê.
Вы, мои голубушки,
Билыê лебедоцки,
И милыê подругоньки
Топцитê ето здарье малое.

г) *Устьянскихъ:*

При поднесеніи вина.

Отцу:

51) Моê господарево,
Моê схоже соунышко,
Родимой батюшко,
Ты пощо приходишъ,
Ты цево приносишъ
Горько зелено винò.
Не зелено вино,
Только зельê лютоê,
Съ тобой разлука вицная,
Родимой батюшко.

Матери:

52) Мое господарево,
Билая лебедушка,
Родимая матушка.
Ты пощо приходишъ,
Ты цево приносишъ
Горько зелено винò,
Не зелено вино.
Только зелье лютоê,
Разлука вицная
Съ тобой, родимая матушка.

Брату:

53) Мой господарь,
Ясонъ соколъ,
Родимой брателко,
Ты пощо да для цево
Приходишъ ты,
Цево приносишъ

Горько зеленð вино.
Не зелено вино,
Только зельê лютоê
То родимой брателко,
Съ тобой разлука вицная.

Во время сряженія невѣсты къ столу, дѣвицы поютъ пѣсню:

54) Ужъ ты, камоцка,
Камоцка,
Камка бронная,
Камка хрусцетая,
Не давайсê развертыватцê
Ни князю, ни боерину,
Не тому мужу,
Що, среди стола,
На золотѣ,
Охъ, ты дивича душа,
Не давайсê высматриватцê
Ни князю, ни боерину,
Не тому сыну хресьенскому,
N N
Ужъ я брала въ руку
Золоты ключи,
Отпирала окованныê дверцы,
Брала мелко-хрусцету камку;
Кроила по подолу
Синь, кафтанъ,
Синь раструбистой,
По сердецку пережимистой,
По поламъ цасто-трубистой.

Во время столованья:

55) Похожу по терему,
Поглежу по тêсану,
Глядо, гдѣ есь во споремѣ
Дорогой любимой гось,
Книжное уценіе,
Грамотѣя мудрая.
У ево, у молодца,
Глава во сто рублей,
Кудри въ петдесятъ,
На каждой кудрѣ
По жемцужной кистоцкѣ.
Не убойсê, молодецъ,
Ты ко мни прити.
Тибѣ ко мни ити
Не поля цистыê,
Не луга зеленыê
Перетти, переступить.
Добро пожаловать,
Прими стаканъ пива,
Пивовары пьеныê,
Ужъ ты пей на здоровьичê.

Прим. На этотъ манеръ причитается всѣмъ столующимъ поименно, которые подходятъ и дарятъ деньги.

4) Въ свадебный день.

а) *въ Терминскихъ волостяхъ.*

По утру:

56) Що мни, младѣ,
Малêшенько спалось,
Много во снѣ видѣлось.
Заблудилась бидная

Далѣце. во тимномъ лису,
Середь болота ржавцины.
Стоитъ *бугра церная* (*),
Къ ей *островъ* (**) приставлена.
Въ ету бугру церную
Я по острòвѣ слазила.
Въ етой бугрѣ церною,
На пецѣ кирпицною,
Сидитъ звирисцо лютоê,
На середѣ кирпицною
Змія извиваетцê,
Въ суткахъ, подъ окошецкомъ,
Сидятъ борзыê кобели;
Въ кути, подъ окошецкомъ,
Сидятъ сороки вѣсцици;
У дверей, на лавоцкѣ,
Стоитъ мѣшокъ съ мекинами.
Ето на пецѣ кирпицною
Свекрисцо ворцежливое,
На середѣ кирпицною
Свекровка ворцежливая.
Въ суткахъ, подъ окошецкомъ,
Ужъ ето не борзыê кобели,
Богоданныê братьича,
И не сороки вѣсцицы,
Ето богоданныê сестричи,
Вистямъ переносцицы,
И не мѣшокъ съ мекинами
Моя лада милая.
А звирь-отъ россердіусê,
Змія заизвиваласê;
Я млада испугаласê,
Я со сна бросиласê.
Все не во сняхъ видилось,
Мни ка въ евь гризилось.

б) *Вельскихъ.*

По утру.

Отцу:

57) Ты мой корминечъ, батюшко,
Ко мни пожалуй, батюшко,
Ко мни, горюхѣ горькою,
Съ цеснымъ бласловленьичêмъ.
Ты бласлови тко миня, батюшко,
На цюжу дальну сторону,
Своимъ цеснымъ бласловленьичêмъ
И святой иконою.
Твоê бласловленьичê
Станетъ хранить да миловать
На цюжой на сторонѣ.
Вить мни ка надо, батюшко,
Мни надо путêмъ пецаловать
На цюжу дальну сторону.

Прим. Матери также.

Брату:

58) Господарь мой, братеуко,
Само большой братеуко!
Ко мни пожалуй, братеуко,
Съ сцеснымъ бласловленьичêмъ.

(*) Изба черная.

(**) Ель суковатая.

Ты бласлови тко, братеуко,
На цюжу дальну сторону.
Исце объ цёмъ поканаюсё:
Позову въ товарисци.
На цюжу на сторону.
Ты на цюжой на сторонѣ
Опомисти мистицко,
Отопци подворьичё.

Крестной матери:

59) Гдѣ куды дивалаcё
Моя воспрёмная матушка,
Крестовая божатушка.
Ко мни пожалуй, божатушка,
Съ цесныиъ бласловленьичёмъ.
Миня бласлови тко, божатушка,
На цюжу дальну сторону.
Исцё тибѣ, божатушка,
Объ цёмъ поканаюсё:
Со мной пожалуй, божатушка,
Во кнежіё сватьюшки.
Ты, моя божатушка,
На цюжой дальной сторонѣ
Отопци подворьичё,
Опомисти мистецко,
Осмотри живиньичё,
Какъ мни жить, привыкати
На цюжой дальной сторонѣ.

Сестрѣ:

60) Ты, моя голубушка,
Родная сестрича,
Я въ забытяхъ позабыла,
Во слезахъ не увидѣла,
Ты пожалуй, сестрича
Съ цесныиъ бласловленьичёмъ.
Ты пожалуй, сестрича,
Во кнежіё сватьюшки,
На цюжу дальну сторону;
Отопци подворьичё.

Прим. Всѣ благословляютъ.

Во время сидѣнія невѣсты за столомъ, дѣвицы поютъ припѣвки: 1) Изъ-за-лѣсу лѣсу... 2) Во свитлой свитличѣ... (см. въ Важскихъ — смотрины).

в) *Устьянскихъ*

По утру при постели, дѣвицы:

61) Мое господарево,
Моя сизая голубушка,
Ужъ ты спишъ ли, не спишъ,
Али думку думашъ.
Токо спишъ, голубушка,
Спи на здоровьичё;
Токо думку думашъ
Не продумайсё,
Не продумай, любушка,
Своей буйны головушки.
Севодни сево цасу,
Пили пѣтухи въ саду,
Пиуци на троихъ на синяхъ,
Трои ранны пѣтухи,
Первыё пѣтухи поютъ,
Вилятъ спать ложитисё,

Да просыпатисê;
Трои пѣтухи поютъ,
Вилятъ пробужатисê.
Ужъ стань, сонливоê,
Пробудись, дремливоê.

При вставаніи съ постели:

62) Мое господарево,
Ужъ я спала да лежала
На мегкой постеленкѣ,
Темну ноць коро̂тала.
Мегку постеленку
Камешкомъ пролѐжала,
Крутыê столовьича
Всѣ слезами потопила,
Однело тѐплое
На ногахъ продѐржала.
Доуго дожидаласê
Отъ схожа соунышка,
Отъ родима батюшка
Побуду раннево,
Отъ родимы матушки
Нареду скорово,
Отъ родима братеука
Слова торопливово,
Отъ милыê невѣстушки
Слова ворцежливова.
Не могла дождатисê:
Миня стали, дивичу,
Жаловать да миловать
Жалобой недоброю,
Цюжой дальной стороной.

Отцу:

63) Мое господарево,
Моê схоже соунышко,
Родимой батюшко,
Ты про свой сонъ сказывай,
Либо у миня спрашивай.
Сево дни, сево цасу,
Мни много во снѣ видѣлось,
Видіусê, привидіусê
Божей сонъ нерадосной:
Будто я хожу, блужу
На цюжой на сторонѣ,
Въ лисѣ заблудиласê,
Въ травѣ забродиласê,
Въ росѣ замоциласê.
Я дошла да до̂брѣла
До рики уроцисца;
Снела съ правой руки
Дорогъ злаценъ перстень.
Я пошла, дивича,
По подлису темному,
Куда перстень катитцê,
Трава розниматце,
Роса обиватцê.
Моя, красная дивича,
Я дошла да добрѣла
До рики уроцисца,
Дошла до деревни,
До дворисца старово,
До избисца утлово.
Я зашла да забрѣла
Во дворисцê староê,
Во избисцê утлоê.
По край стола сидитъ
То старицисцê староê;
Передъ пецкой ходитъ
То орлиха старая;
По лавоцкамъ сидятъ,
То орли малыê;

По полу похныкиваютъ
Какъ сороки висцици.
Какъ не быть, не миновать
На цюжой на сторонѣ,
Въ домѣ у хресьенина,
Въ грозѣ у цюженина.
По край стола сидитъ,
Не старисцê староê,
Мни ка красной дивичѣ
Богоданной батюшка;
Передъ пецкой ходитъ
Не орлиха старая,
Мни ка богоданная матушка.
Тутъ по лавоцкамъ сидятъ
То не орлята малыê,
То мои богоданные братьича;
По полу похныкиваютъ
Не сороки висцици,
Мни ка, красной дивичѣ,
Богоданныя сестричи.

Ему же передъ срядами къ вѣнцу:

64) Ужъ я стану, бласловясь,
Пойду, перекрестясь.
Прошу у батюшка
Божья бласловленьича.

Матери:

65) Милая лебедушка,
Родимая матушка,
Дай бласловленьичê
Во страшной путь ити;
Во страшной путь ити
Страшно напускатисê,
Съ великимъ бласловленьичêмъ
На водѣ не тапывать,
На огнѣ не гарывать.

Во время срядовъ поютъ дѣвицы пѣсню:

66) Какъ у зетя молодово
Какъ у NN
Были кудри накладныê,
Накладныê, завитыê,
Завитыê, золотыê.
Що съ по тѣмъ же его кудрямъ
Тесть отъ даритъ
Во сто рублевъ коня.
Выводитъ тесть-отъ коня
Зять-отъ съ лавки не ставатъ,
Онъ шапки не сыматъ,
Целомъ не побиватъ.
У насъ етово здарья
Дома довольно.
Какъ у зетя было, зетя
У N N
Были кудри накладныê,
Накладныê, завитыê,
Завитыê, золотыê,
Що съ по тѣмъ же ево кудрямъ,
Теща даритъ
Во сто локоть трубу,
Выноситъ теща трубу,
Зеть же на ноги не встатъ,
Шапки не сыматъ,
Зеть целомъ не побиватъ.
У насъ етово здарья
Дома довольно.
Какъ у зетя было, у зетя,
Зетя молодово,
Были кудри накладныê,
Накладныê, завитыê,

Завитыê, золотыê,
Що съ по тѣмъ ево кудрямъ
Шурья дарятъ красною дивичей,
Выводятъ шурья красную дивичу,
Зять-отъ съ лауки то вставатъ,
Зять-отъ шапку сыматъ,
Зять-отъ целомъ побиватъ.
У насъ етого здарья
Дома не слуцилось.

Во время сидѣнія, за столомъ, поютъ на мосту:

67) То що по терему ходитъ,
Сыръ на блюдѣ носитъ:
Сыръ-отъ снигу биляê;
Поцему сыръ снигу биляê,
Потому зеть тестя любяê,
Отдана доци за нево любая.
Приборяне, наизжане,
Кушайтê, воскушаитê,
На наше здарье не надійтêсь,
У насъ земля неродима.
Худыê льны те родетцê,
Не тонко предено,
Несицно полотно натканo.
Коли надо полотно по полтинѣ,
Дари тко по рублинѣ,
Немного рублêвъ надо.
Насъ немного дивичъ во соборѣ,
Столько сорокъ дивичъ,
Безъ одной дивичи.
Дари ко сê намъ по полтинѣ,
Насъ немного дивичъ:
Намъ немного полтинъ надо.
Дари ко сê по гривнѣ:
Насъ немного дивичъ во сборѣ,
Только сорокъ безъ одной дивичи.
Не сойдетцê по гривнѣ,
Дари ко сê по поклону.

г) *Важскихъ*.

От стола воротившись:

68) Дайте конеци
Назадъ воротитисê,
Со раêмъ проститисê,
Съ цесной дивьей красотой,
Съ милыми подруженькамъ.
Я ходила, бидная,
Въ лисъ, по красны ягодки,
По цêрну смородину;
Потеряла, бидная,
Изъ косы ленту алую,
Другу тальянскую.
Я пошла, молодехонька,
Искать ленты алыê
По церной тропиноцкѣ.
Я нашла, молодêхонька:
Стоитъ свитла свитлича,
Столовая горяича.
Я зашла, молодêхонька,
Во свитлую свитличу,
Во столову горничу.
Сидитъ въ суткахъ,
Въ большомъ углу,
Сидитъ звирищê лютоê;
На *середѣ* (*) кирпицною

(*) На полу.

Ходитъ змія лукавая,
Ходитъ, извиваетцê,
Къ ногамъ бросаитцê;
На брусовыхъ лавоцкахъ
Сидятъ сороки висцици.
Могу знать да видати,
Въ горе догодатисê:
Въ суткахъ, во большомъ углу
Сидитъ не звирисцê лютоê,
Богоданной батюшка;
На середѣ кирпицною
Не змія лукавая,
Богоданная матушка;
На брусовыхъ лавоцкахъ
Не сороки висцици,
Жениховы сестрицы.

При отъѣздѣ къ вѣнцу дѣвицы поютъ:

69) Прощай вить, любезная;
Рады бы проститисê,
Проститцê воли нитъ.
Закрыты ясны оци
Подъ аленкимъ платкомъ
Красавича, забавнича,
Хошъ плотоцикъ оброни.
Рада бы я платокъ сронить:
Платоцка въ руцкахъ нитъ.
Красавича, забавнича,
Хошъ руценкôй махни.
Рада бы руценькой махнути,
Руценка зàнята.
Красавича, забавнича,
Хошъ писемчê напиши.
Рада бы письмо писать,
Писариковъ здись нитъ.
Писарики, сударики
По далеку живутъ,
По дорогу берутъ.

Чл.-С. *П. Вороновъ.*

ЭТНОГРАФІЯ.

1. ЭТНОГРАФІЯ НАРОДОВЪ, НАСЕЛЯЮЩИХЪ РОССІЮ.

а) *Принадлежащихъ къ Славянскому племени.*

1. **Очеркъ домашней жизни** и нравовъ великорусскаго народа, въ XVI и XVII ст. *Н. И. Костомаровъ. Современникъ.* 3, 4, 9 и 10; стр: 1—62, 293—350, 67—102, 503—564.

   Очерки эти составлены съ тою цѣлью, чтобъ наглядно, рельефно такъ сказать, уразумѣть домашнюю жизнь нашихъ предковъ. Для этого авторъ объясняетъ въ своей статьѣ: 1) Жилыя мѣста. 2) Городъ. 3) Москва. 4) Посады. 5) Слободы. 6) Села и деревни. 7) Дворы и дома. 8) Домашняя мебель и утварь. 9) Одежда. 10) Пища и питье. 11) Образъ домашней жизни. 12) Здоровье и болѣзни. 13) Семейные нравы. 14) Порядокъ домоправленія. 15) Выѣздъ изъ дома и путешествіе. 16) Пріемъ гостей. 17) Пиршества, пьянство. 18) Увеселенія, игры и забавы. 19) Праздники. 20) Домашніе обряды и 21) Вѣрованія.

   Разборъ этой статьи *Н. Некрасовымъ*, см. въ 40-мъ № „Русской Рѣчи“, 1861 г.

2. **Очерки древне-русскаго быта.** *И. Прыжовъ. Наше Время.* 45; 4 стр.

   Въ этой статьѣ авторъ говоритъ о нищихъ.

3. **Акты**, относящіеся до обычаевъ, нравовъ, обрядовъ и повѣрьевъ Шуянъ въ XVII вѣкѣ. Сообщилъ *В. Борисовъ. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ.* 3; стр. 11—29.

4. **Различныя направленія** въ изученіи русской народности. *Отечеств. Записки.* 3; стр. 24—50.

   Статья написана по поводу слѣдующихъ сочиненій: 1) Пермскій Сборникъ, кн. II. 2) Лѣтописи русской литературы, кн. I и III. 3) Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія *Д. Щепкина.* Вып. 1.

5. **Очерки народнаго быта.** *Успенскій. Современникъ.* 3; стр. 241—250.

6. **Черты** для характеристики русскаго простонародья. *Н. — бовъ. Современникъ.* 9; стр. 27—88.

   Разборъ сочиненія: „Разсказы изъ народнаго русскаго быта". М. Вовчка.

7. **Нѣсколько словъ** о домашнемъ бытѣ русскихъ крестьянъ. *А. А. Пеккеръ. Олонецкія Губ. Вѣд.* 15, 16, 40 и 41; 8 стр.

8. **Наши сельскіе обыватели.** *Ф. Лиліенталь. Сынъ Отечества.* 20; 4 стр.

9. **Очерки жизни** въ Восточной Сибири. Статья *А. С. Московскій Вѣстникъ.* 28; 4 стр.

   Въ этой статьѣ описана вечерка — любимый обычай крестьянскихъ парней и дѣвушекъ въ зимніе праздники и извѣстный во всей Восточной Сибири, особенно же въ Иркутской губ. Вечерка — это тоже что деревенская пирушка или крестьянскій балъ. Въ этой же статьѣ помѣщены 2 плясовыя пѣсни.

10. **Сибирскіе очерки.** (Изъ сельскаго быта). *Ѳ. Губановъ. Русскій Міръ.* 79; стр. 245—257.

11. **Замѣтки о Сибири.** Статья *Ю. В. С.-Петербургскія Вѣд.* 23; 4½ ст.

   Письмо 2-е; 1-е было помѣщено въ № 215, 1859 г.

12. **Письмо изъ деревни.** *К. Кавелинъ. Московскія Вѣдомости.* 192 и 194; 4 стр.

   О юридическомъ бытѣ нашихъ крестьянъ.

13. **Очеркъ** изъ современной религіозной жизни Русскаго народа. *Г. М—скій. Православное Обозрѣніе.* 12; стр. 592—604.

14. **Этнографическій очеркъ Мещовскаго** уѣзда. *П. Ламетри. Калужскія Губ. Вѣд.* 26, 27 и 28; 20 стр.

Повѣрья и примѣты. Леченіе болѣзней травами. Препровожденіе праздниковъ и увеселенія, хороводныя, хоровыя и плясовыя пѣсни. Обычай крестить кукушку. Устяжныя пѣсни. Пѣсни при прощаніи съ масляницей и при встрѣчѣ весны. Загадки. Пѣсни подблюдныя.

Вотъ нѣкоторыя изъ болѣе замѣчательныхъ пѣсенъ:

1.

Я по бережку похаживала,
Чернобыль-траву заламывала,
Гусей-лебедей загонивала;
Тега-тега, гуси-лебеди домой!
На встрѣчу мнѣ лакей молодой,
Ты, лакей-лакейчикъ молодой,
Не шути ты шутки надо мной,
Не бей меня по бѣлому лицу:
Мое личико дымчатое,
Ретиво сердце разсыпчатое.
Приду домой — догадаются,
Съ чего лицо разгорѣлося?
Али много пито, али много бито.

2.

Дунай мой, Дунай,
Веселый Дунай!
Молодецъ дѣвкѣ челомъ,
Съ молодца шляпа долой.
Дѣвушка, подай,
Раскрасавица, подай!
Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя.
Не радостенъ, не веселъ,
Самъ заплакалъ и пошелъ.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Съ молодца шляпа долой.
Ты, вдовушка, подай,

Раскрасавица подай!
Я слуга, сударь, твоя
Я послушаю тебя,
Черны кудри расчешу,
Пуховую шляпу наложу,
Онъ радостенъ и веселъ;
Самъ запрыгалъ и пошелъ.
Дунай мой, Дунай,
Веселый Дунай!

Помѣщаемъ также нѣкоторыя загадки, изъ той же статьи:

1.

Подъ дубкомъ,
Подъ карандушкомъ,
Ни клубкомъ,
Ни камушкомъ.

Отгадка:

Огурецъ.

2.

Стоитъ стаюта,
Виситъ висюта,
Пришла Аксюта,
Покачнула стаюту,
Упала висюта,
Съѣла Аксюта.

Отгадка:

Стаюта—дубъ, висюта—жолудь, Аксюта—свинья.

3.

Летитъ воронъ,
Носъ окованъ,
И гдѣ панетъ,
Руда канетъ.

Отгадка:

Пуля, пущенная изъ огнестрѣльнаго оружія.

4.

Стоитъ попъ низокъ,
На немъ сто ризокъ.

Ризки снимешь,
Сам заплачешь.

Отгадка:

Луковица.

5.

Сквозь стѣну быка испеку.

Отгадка:

Яйцо.

6.

Красный пѣтушокъ по жердочкѣ бѣгаетъ.

Отгадка:

Огонь.

15. **Хозяйственный и этнографическій очеркъ Каширскаго уѣзда.** *П. Сумароковъ. Сельское Хозяйство.* 7 и 8; стр. 1—23 и 63—77.

Содержаніе: Мѣстность. Почва. Истребленіе лѣсовъ и его послѣдствія. Топливо и сѣнокосы. Пренебреженіе къ торфу и камню. Состояніе хлѣбопашества и скотоводства. Крестьяне: ихъ хозяйственный бытъ, примѣты, повѣрья, пѣсни, игрища, промыслы, нравы и обычаи.

16. **Село Нижне-Покровское,** Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи. *Воронежскія Губ. Вѣд.* 12—14.

Въ этнографическомъ отношеніи.

*17. **Бытъ Подолянъ,** издав. *К. Шейковскимъ.* Т. 1-й, вып. 1-й и 2-й. Кіевъ. Въ Губ. тип. 1860. Въ 12-ю д. л. VI, 71, III, 74 стр. Ц. 80 к.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) въ Отечественныхъ Запискахъ. 1860 г. № 10; 2) въ Современникѣ 1860 г. № 9, и 3) въ „Извѣстіяхъ И. Ак. Наукъ" Т. IX, вып. 3.

18. **Въ дорогѣ.** (Изъ путевыхъ записокъ). *С. В. Максимовъ. Отечественныя Записки.* 8; стр. 219—271.

Это путешествіе совершено съ этнографическою цѣлью; въ описаніи его есть много любопытныхъ фактовъ изъ жизни крестьянъ и торгующаго класса губерній черноземной полосы Россіи.

19. **Взглядъ** на народный быть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Орловскаго уѣзда (Вятской губ.). *Вятскія Губ. Вѣд.* 28.

Въ этой статьѣ говорится объ обычаяхъ и народныхъ увеселеніяхъ. Особенно замѣчательно празднованіе Новаго года. Въ этотъ день поселяне Орловскаго уѣзда имѣютъ обыкновеніе пѣть коляду. Вотъ пѣсня, которая поется при этомъ:

„Виноградье красно, зеленое,
„Еще ходятъ же ребята колядовщики,
„Виноградье красно, зеленое (*).
„Еще ищутъ же ребята Государева двора,
„Государевъ-то дворецъ середи Москвы стоитъ,
„Середи Москвы стоитъ, середъ ярмонки;
„А вокругъ его двора стоитъ желѣзный тынъ,
„А на каждой тынинькѣ по маковкѣ,
„Что по маковкѣ и по золотому кресту,
„А самъ-то Государь, какъ светѣлъ мѣсяцъ взошелъ,
„А сама-то Государыня, какъ утрення заря,
„Малы дѣтоньки, часты звѣздочки:
„Самъ-то Государь на крылечко выходилъ,
„На крылечко выходилъ и по рублику дарилъ;
„А сама-то Государыня по полтинѣ дарила;
„Малы дѣтонки по копѣечкѣ.

„Покатится колесница вдоль по улицѣ,
„По пироги, по шанги, въ печь по кишки;
„Ножъ то на полицѣ, солоница на божницѣ,
„Рѣжьте и ѣшьте и намъ подавайте;
„Не дашъ кишки, разобьемъ горшки,
„Не дашъ пирога, разобьемъ ворота,
„Виноградье красно, зеленое.

20. **Сельскій бытъ** и промышленность Пустозерцевъ. *Г. Терентьевъ. Архангельскія Губ. Вѣд.* 49, 50 и 51; 9 стр.

21. **Поселяне** Воронежской губерніи. Статья *Р. Русскій Художественный Листокъ.* 34.

Содержаніе: 1) Историческій очеркъ постепеннаго за-

(*) Сей стихъ повторяется послѣ каждаго новаго стиха.

селенія Воронежскаго края. 2) Статистико-этнографическія замѣтки о настоящемъ населеніи Воронежской губ.

22. **Нѣсколько словъ** о народномъ бытѣ на низовьяхъ Волги. *А. Самойловъ. Русскій Вѣстникъ.* 1—2; стр. 66—70.

*23. **Матеріалы** для описанія быта Пермяковъ. *Роговъ. Пермскій Сборникъ.* 2; стр. 1—127. Эта же статья издана отдѣльнымъ оттискомъ. Москва. Въ 8-ю д. л. 127 стр.

Продолженіе статьи, напечат. въ „Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ", 1858 г., за апрѣль мѣс.; въ ней помѣщены: 1) Одежда и обувь. 2) Пища и питье. 3) Праздники и замѣчательные простые дни. 4) Пѣсни, пляски и игры. 5) Свадебные обряды. 6) Родины. Крестины. Воспитаніе дѣтей. Имянины. Похороны. Поминки.

24. **Замѣчанія о мѣстности** и жителяхъ 3-го стана Красноуфимскаго уѣзда. *Гр. Городской. Пермскій Сборникъ.* 2; 3 стр.

25. **Краткое описаніе** занятій, нѣкоторыхъ обычаевъ, образа жизни, одежды, поговорокъ и пословицъ села Тушны, Симбирскаго уѣзда. *Симбирскія Губ. Вѣд.* 46 и 47; 4 стр.

Содержаніе: Образъ жизни. Одежда. Поговорки и пословицы. Примѣты. Обычаи святочные. Обычаи при крестинахъ. Обычаи при похоронахъ. Обычаи при свадьбахъ. Предразсудки. (Извлечено изъ матеріаловъ для статистическаго описанія Симбирской губерніи).

У Тушнинскихъ крестьянъ особенно замѣчательны нѣкоторые примѣты, напр. не должно ложиться въ передній уголъ ногами, также садиться на избной порогъ, изъ опасенія накликать на свою голову несчастія.

Если воробей прилетитъ въ комнату, то это знакъ, что въ домѣ будетъ покойникъ, или какое нибудь несчастіе. Кошку не берутъ изъ дома въ домъ даромъ, въ предотвращеніе ссоры между людьми этихъ домовъ. Кто часто надѣваетъ чулки или рубашку на изнанку, того не любятъ люди. Не надобно есть съ ножа, говорятъ Тушнинцы, чтобы не сдѣлаться злымъ. Если во время дождя выйдетъ изъ облаковъ солнце, знакъ, что въ это время непремѣнно кто нибудь потонулъ; если кто нибудь во время стола просыплетъ соль, то это предвѣщаетъ ссору. Не должно въ домѣ держать ежа, чтобы не случилось несчастія; если воронъ сидитъ на церкви и каркаетъ, то предвѣщаетъ покойника; если воронъ,

пролетая надъ дворомъ, каркаетъ, то предвѣщаетъ несчастіе въ томъ домѣ; если голубь прилетитъ въ комнату, то предвѣщаетъ радость; если же синичка — то несчастіе.

Въ болѣзняхъ крестьяне, за отдаленностью аптекъ, а частію по привычкѣ, употребляютъ слѣдующія домашнія лекарства для леченія: къ ранѣ отъ укушенія бѣшеной собакой, прикладываютъ золы, полученной отъ сожженія собачьей шерсти, а лучше всего, говорятъ, если шерсть можно получить отъ самой бѣшеной собаки, укусившей человѣка, когда убьютъ ее.

Ужаленный змѣею спѣшитъ окунуться въ рѣкѣ прежде змѣи, ужалившей его, которая будто бы ползетъ въ воду всегда прежде ужаленнаго ею; если ужаленный окунется прежде змѣи, змѣя околѣетъ.

Кому начинаютъ ночью видѣться дурные сны, тому должно, пробудясь, укусить подушку и переворотить ее, для того, чтобые дурные сны обратились въ хорошіе.

Когда услышатъ первый громъ весной, то кувыркаются чрезъ голову, или моются чрезъ серебро, для того, чтобы предохранить себя отъ болѣзней на цѣлый годъ.

Между предразсудками первое мѣсто у жителей села Тушины занимаетъ вѣра въ лѣшихъ, оборотней, домовыхъ и пр.

Инымъ даже случается будто видѣть домоваго собственными глазами въ сѣнномъ амбарѣ, въ видѣ хозяина дома, накладывающаго сѣна скоту, а иногда въ такомъ же видѣ подлѣ скота. Изъ этой суевѣрной мечты извлекаются невѣжествомъ разныя примѣты. Если домовому не нравится мѣсто, на которомъ поставленъ домъ, то хозяинъ, при всѣхъ усиленныхъ трудахъ, всегда остается бѣденъ. Предъ несчастіемъ въ домѣ, домовой обыкновенно плачетъ и стонетъ на дворѣ. Многимъ являлся онъ будто бы и въ избѣ по ночамъ и сгонялъ ихъ неоднократно съ постели. Какъ домоваго считаютъ хозяиномъ дома, такъ лѣшаго хозяиномъ лѣса. Говорили прежде, что нѣкоторые будто видѣли лѣшаго въ лѣсу, ростомъ выше лѣса, который въ ночное время кричитъ и поетъ, какъ человѣкъ, плачетъ какъ ребенокъ, свищетъ, гаркаетъ, хлопаетъ въ ладоши, и тѣмъ заводитъ людей въ совершенно незнакомыя мѣста.

Разныя явленія природы объясняютъ такъ: солнечное и и лунное затмѣнія происходятъ отъ скрадыванія свѣта злыми

духами, чтобы въ темнотѣ удобнѣе имъ было уловлять въ свои сѣти христіанъ; громъ и молнію они производятъ отъ быстраго движенія колесъ огненной колесницы пророка Иліи; падающія звѣзды почитаютъ за огненныхъ змѣй или демоновъ, которыя будто бы летаютъ къ людямъ и вселяются въ нихъ, отъ чего такъ много бѣснующихся.

Пятница и среда считаются тяжелыми днями, по этому въ эти дни никогда не начинаютъ никакого дѣла, а иначе успѣха не будетъ въ дѣлахъ.

26. **Краткое описаніе** занятій, одежды и различныхъ обычаевъ села Кременокъ, Симбирскаго уѣзда. *Симбирскія Губ. Вѣд.* 45; 2 стр.

Извлечено изъ матеріаловъ для статистическаго описанія Симбирской губерніи.

27. **Нѣсколько словъ о казакахъ** и ихъ образованіи. Статья *К. Русскій Инвалидъ.* 77.

28. **Черноморскіе пластуны.** *Чтеніе для Солдатъ.* 6; стр. 33—42.

29. **О русскихъ поклонницахъ** на востокѣ. Статья *Б. В. С.-Петербургскія Вѣд.* 110; 2—1/2 ст.

30. **Русская крестьянская дѣвушка.** *П. Полевой. Разсвѣтъ.* 10, 11 и 12; стр. 107—127, 229—247 и 359—382.

Въ своей статьѣ, авторъ намѣренъ былъ прослѣдить весь ходъ жизни крестьянской дѣвушки, отъ колыбели до свадьбы, съ тѣми любопытными подробностями, которыя весьма мало вообще извѣстны; также обратить внимание и на бытъ и нравственное вліяніе, среди которыхъ живетъ и развивается крестьянская дѣвушка, съ самаго ранняго дѣтства своего. Статья составлена на основаніи сочиненій: Сахарова, Терещенко, Калачева, Буслаева, Аѳанасьева и др.

31. **Два слова о раскольникахъ.** *Ф. Воропоновъ. Одесскій Вѣстникъ.* 78; 4—1/2 ст.

Въ статьѣ говорится о раскольникахъ въ этнографическомъ отношеніи.

32. **Солоноски, совошники и рогожницы.** *Е. Мухачевъ. Пермскій Сборникъ.* 2; 3 стр.

Особаго рода промыслы въ Пермской губерніи. 1-й относится къ соли, 2-й и 3-й къ чаю.

33. **Кулаки.** *А. Хвостовъ. Иллюстрированный Семейный Листокъ.* 143—144; 2 стр.

34. **Вожи** За-камской стороны. Статья *И. Л. Самарскія Губ. Вѣд.* 53; 2 стр.

Вожи, въ былое время, были люди, хорошо знающіе топографію мѣстности, они служили въ качествѣ проводниковъ и разсыльныхъ.

35. **Бѣломорскія женщины.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 37; 2 стр.

36. **Лашманы.** *Русскій Вѣстникъ.* 9; стр. 74—79.

Лашманы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, существуютъ со времени Петра I-го; этотъ особый разрядъ низовыхъ жителей, предназначался великимъ преобразователемъ Россіи для рубки, тески и вывозки корабельныхъ лѣсовъ.

37. **Русскій годъ.** *В. Плаксинъ. Семейный Кругъ.* 6, 9, 22, 44, 45 и 47; 40 стр.

Въ этой статьѣ говорится о праздникахъ, увеселеніяхъ, обычаяхъ и вообще о домашнемъ житьѣ-бытьѣ русскаго народа, въ продолженіи всего года. 1-я статья была помѣщена въ Семейномъ Кругѣ. 1859 г. № 12 (см. прошлогодній Библ. Указатель, № 298).

38. **Неопрятность крестьянъ** въ домашней жизни. *Е. Пуховъ. Вятскія Губ. Вѣд.* 33; 4 стр.

39. **Москва** и ея особенности. *П. Лебедевъ. Наше Время.* 30; 3 стр.

Хроника Московской жизни.

40. **Тафа.** *Ф. Д—скій. Листокъ Русск. Общ. Пароходства и Торговли.* 9; 2 ст.

Слово *тафа* — чисто мѣстное, крымское, происходитъ отъ турецкаго слова „Танфа", что значитъ артель.

41. **О сбытѣ петербургскими ворами** краденыхъ вещей. *И. Соколовъ. Сынъ Отечества.* 1, 3, 4 и 11; 15 стр.

Чрезвычайно любопытные факты изъ жизни петербургскихъ воровъ, такъ называемыхъ мазуриковъ. Первыя 3 статьи помѣщены въ „Сынѣ Отечества" 1859 г. 50—52. (См. прошлогодній Библ. Указатель, № 320).

42. **Кое-что служащее** продолженіемъ разсказовъ: „о сбытѣ

петербургскими ворами краденыхъ вещей". *И. Соколовъ. Сынъ Отечества.* 13, 15, 17 и 19; 12 стр.

43. **Замѣтка** объ обличительной статьѣ г. Соколова (О сбытѣ краденыхъ вещей ворами). *Петербургскій Старожилъ. Сынъ Отечества.* 13; 2 стр.

44. **Исторія моды** отъ XVI ст. до настоящаго времени. *Иллюстрація.* 118; 1 стр.

45. **Одежда женщинъ** въ Россіи. *Русскій Художественный Листокъ.* 13; 2 стр.

Одежда женщинъ: губерній Орловской, Иркутской и Бессарабской области.

46. **Наряды женщинъ** въ Торжкѣ. Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 17.

47. **Наряды крестьянъ** Воронежской губерніи. *Иллюстрація.* 137 и 138; 4 ст.

48. **Архангелогородскіе женскіе костюмы.** (Этнографическій типъ). *Калейдоскопъ.* 41; 1 стр.

49. **Чадры.** (Этнографическій очеркъ). *Калейдоскопъ.* 32; 2 стр.

Чадры — восточное покрывало женщинъ.

50. **По поводу русской упряжи.** *Оберточный Листокъ.* 37; 2 стр.

По поводу статьи „Сѣверной Пчелы" о желѣзно-конной дорогѣ, въ С.-Петербургѣ.

51. **Народные музыкальные** инструменты въ Россіи. *Русскій Художественный Листокъ.* 14, 20 и 21.

Очеркъ исторіи музыкальныхъ инструментовъ въ Россіи до конца XVIII ст. Музыкальные инструменты Великороссіянъ, Малороссовъ, Грузинъ, Кавказскихъ горцевъ, Финновъ, Татаръ, Киргизовъ, Калмыковъ и Сибирскихъ инородцевъ. Эти инструменты слѣдующіе: Варганъ, Бубны, Погремушки, Цимбалы, Лира, Бандура или Кобза, Торбанъ, Сопилка, Бюре, Бюшкюръ, Гангдангъ, и Кенгерга-Цилангъ (Послѣдніе 5 инструментовъ принадлежатъ сибирскимъ инородцамъ).

б) *Этнографія инородцевъ, обитающихъ въ Россіи.*

52. **Русскіе инородцы.** *Н. Костомаровъ. Русское Слово.* 5; стр. 1—100.

I. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи, (Изъ лекцій русской исторіи, читанныхъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ 1860 г. Статья этнографическаго содержанія.

53. **Очерки языческой** Литвы. *С. Рутковскаго. Подснѣжникъ.* 9; стр. 21—39.

54. **Объ Эстахъ** или полувѣрцахъ Псковской губ. *М. Миретварцевъ. Памятная книжка Псковской Губ.* на 1860 г.; стр. 45—61.

Содержаніе: Языкъ. Физическія и нравственныя свойства. Жилища. Одежда. Пища. Обряды и повѣрья.

55. **Путешественникъ по неволѣ.** Чухонцы на пароходѣ. *Наше Время.* 24; 3 стр.

Нѣсколько этнографическихъ данныхъ объ этомъ народѣ, сообщенныхъ однимъ путешественникомъ, ѣхавшимъ на Волжскомъ пароходѣ, вмѣстѣ съ Чухонцами, отправлявшимися на переселеніе въ Самарскую и Саратовскую губерніи.

56. **Изъ Самары.** *А. Самойловъ. Русскій Вѣстникъ.* 14; 3 стр.

Разсказъ о Чухонцахъ переселенцахъ, встрѣченныхъ авторомъ на пароходѣ, на Волгѣ.

57. **Мезенскіе Самоѣды.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 30; 5 стр.

58. **Цыгане.** (Этнографико-характер. очеркъ). *Калейдоскопъ.* 5; 3 стр.

59. **Армянскій Епископъ** Николай и Армяне въ Польшѣ. Переводъ съ армянскаго. *Радуга.* 5 и 6; 9 стр.

60. **Тайна раздра.** *Ѳ. Березкинъ. Одесскій Вѣстникъ.* 38; 1 стр.

Статья касающаяся вопросовъ о Евреяхъ.

61. **О родахъ занятій** виленскихъ Евреевъ. *Виленскій Вѣстникъ.* 59; 2 стр.

62. **Нѣсколько словъ** о Евреяхъ Западнаго края Россіи. Статья *Л. А. Разсвѣтъ, органъ русскихъ Евреевъ.* 1; 3 стр.

63. **Благотворительность** у Евреевъ. *И. Соловейчикъ. Разсвѣтъ, органъ русскихъ Евреевъ.* 19; 4 стр.

64. **Физіологическій взглядъ** на жизнь русскихъ Евреевъ. *Л. Гельбакъ. Разсвѣтъ, органъ Русскихъ Евреевъ.* 19; 2 стр.

65. **Еврей земледѣлецъ.** *О. Валь. Гакармель.* 12, 13 и 14; 9 стр.

66. **Нѣсколько словъ** по поводу статей г. Мандельштама, въ защиту Евреевъ. *А. Корева. Виленскій Вѣстникъ.* 20; 8—$^1/_2$ ст.

67. **Евреи Виленской губерніи**. *А. К. Корева. Памятная кн. Виленской губ. на* 1860 г. Ч. 2; стр. 37—88.

Отрывокъ изъ составленнаго подъ руковод. Департамента Генер. Штаба статистическаго описанія Виленской губ.

68. **Евреи;** разборъ ст. А. Корева, помѣщенной въ Памятной кн. *Виленской губ. Е. Соловейчикъ. Разсвѣтъ, органъ русскихъ. Евреевъ.* 7, 8.

69. **Нѣсколько словъ** по поводу статьи г. Корева о Евреяхъ. *І. Варманъ. Виленскій Вѣстникъ.* 42; 4—$^1/_2$ ст.

70. **Кое-что о Евреяхъ.** *О. Воль. Виленскій Вѣстникъ.* 26 и 27; 14—$^1/_2$ ст.

По поводу статьи г. А. Коревы п. з. Евреи, помѣщенной въ Памятн. книжкѣ Виленской губ. на 1860-й годъ.

71. **О догматизмѣ** въ спорахъ за и противъ Евреевъ. *А. Паосоверъ. Разсвѣтъ, органъ русскихъ Евреевъ.* 25 и 26; 8 стр.

72. **Евреи въ Харьковѣ.** *М. Крѣпостининъ. Прибавленіе къ Харьковскимъ Губ. Вѣд.* 10.

73. **Объясненіе по поводу** статьи г. *М. Д.* „Гоненія Евреевъ" въ Одессѣ. *Палеологъ. Русскій Міръ.* 11.

74. **Крымчаки.** *П. Лякубъ. Разсвѣтъ, органъ русскихъ Евреевъ.* 13; 2 стр.

Въ этой статьѣ сообщаются свѣдѣнія о первыхъ еврейскихъ поселенцахъ въ Крыму, извѣстныхъ подъ названіемъ Крымчаковъ.

75. **О политическомъ устройствѣ** черкеских племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. *Н. Кармовъ. Русскій Вѣстникъ.* 16; стр. 518—550.

Кромѣ этнографическихъ и топографическихъ свѣдѣній,

авторъ, слегка, касается общественнаго устройства и другихъ, сосѣдственныхъ Черкесамъ, народовъ, и излагаетъ происходившія, въ послѣднія 15 лѣтъ, въ черкесскомъ обществѣ неудачныя попытки къ переворотамъ.

76. **Свѣдѣнія о природѣ** и хозяйствѣ Кабарды. *Кн. Т. Г. Баратовъ. Экономическія Записки.* 28; и *Ставропольскія Губ. Вѣд.* 34.

Настоящая статья есть отрывокъ изъ сочиненія о Кабардѣ; въ ней сообщаются топографическія, этнографическія и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія.

77. **Кабарда.** *Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ.* 11; стр. 1—6.

78. **Нѣсколько свѣдѣній** о религіозныхъ обычаяхъ мусульманъ шіитовъ и о причинахъ различія ихъ съ суннитами. *М. Майсуровъ. Кавказъ.* 23; 4 ст.

79. **Характеристика племенъ,** обитающихъ въ Эриванской губерніи. *М. Майсуровъ. Кавказъ.* 69; 2 стр.

Авторъ описываетъ Армянъ, Татаръ и кочующихъ народовъ на Кавказѣ.

80. **Очерки дагестанскихъ нравовъ.** Статья *Ев. Чим. Кавказъ.* 84 и 85.

81. **Нравы и обычаи** въ Дагестанѣ. *Г. Пржецлавскій. Военный Сборникъ.* 4; стр. 269—318.

82. **Канлы въ немирномъ краѣ.** *А. Руновскій. Военный Сборникъ.* 7; стр. 199—216.

Канлы это то же что корсиканская вендета.

83. **Тушинъ.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 27; 2 стр. съ рисункомъ.

Тушины—жители Тифлисской губерніи, обитающіе по хребту Кавказскихъ горъ.

84. **Осетины.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 32; 2 стр. съ картинкою.

85. **Кавказскіе огнепоклонники.** *Калейдоскопъ.* 39; 4 стр.

86. **Черкешенка.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 36; 2 стр.

87. **Муша.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 31; 1 стр.

Подъ этимъ названіемъ понимаютъ на Кавказѣ собственно носильщика разныхъ тяжестей.

88. **Записки Черкеса.** Два мѣсяца въ аулѣ. *Каламбіи. Библіотека для Чтенія.* 6; стр. 1—90.

Въ этой статьѣ представлена, въ повѣствовательной формѣ, жизнь черкеса у домашняго очага.

89. **Замѣтка о Кавказѣ.** *Кавказецъ. С.-Петербургскія Вѣд.* 167; 2—$^1/_2$ ст.

Авторъ этой статьи нападаетъ на г. Рыжова за его статью „Магометъ-Аминь", по поводу многихъ невѣрностей и ошибокъ въ ней.

90. **Чобанъ.** Разсказъ изъ быта горскихъ татаръ въ Крыму. *Радуга.* 5 и 6; 13 стр.

Чобанъ — пастухъ овецъ. Разсказъ настоящій основанъ на поэтической канвѣ — обычаѣ у Крымскихъ татаръ похищать невѣстъ.

91. **Очеркъ горскихъ народовъ** праваго крыла кавказской линіи. Статья *А.—Д. Г. Военный Сборникъ.* 1; стр. 273—324.

Топографическій очеркъ закубанскаго края и очеркъ быта и прошлой исторіи закубанскихъ народовъ: 1) Ногайскія племена. 2) Черкесы, Абадзехи, Шапсуги, Натухайцы и пр.

92. **Абхазія,** ея горы и горцы. Сцены изъ кавказской жизни *В. Савиновъ. Сынъ Отечества.* 2 и 3; 6 стр.

93. **Волжскіе Татары.** *П. А. Шино. Современникъ.* 6 и 7; стр. 255—290 и 121—142.

Содержаніе: 1) Джіинъ (народный праздникъ). 2) Деревенскій мулла. 3) Деревня Акбудаево и Ризвангъ-бай. (Изъ путевыхъ замѣтокъ по волжскимъ губерніямъ).

94. **Замѣтки о Татарахъ-поселянахъ.** *Л. Сахаровъ. Нижегородскія Губ. Вѣд.* 46 и 47.

95. **О Татарахъ** Рязанской губ. *Н. Глѣбовъ. Рязанскія Губ. Вѣд.* 40 и 41; 6 стр.

96. **Эмиграція Татаръ** Таврической губ. *В. Фильковичъ. С.-Петербургскія Вѣд.* 199; 10—$^1/_2$ ст.

97. **Переселеніе Крымскихъ Татаръ.** *Н. Щербань. Русскій Вѣстникъ.* 23—24; стр. 211—229.

98. **О Татарахъ** Пензенской губ. *Н. Глѣбовъ. Пензенскія Губ. Вѣд.* 17, 18 и 19.

99. **Казанскіе Татары.** *А Мартыновъ. Сѣверная Пчела.* 21; 10—½ ст.

100. **Этнографическій очеркъ** Казанскихъ инородцевъ. *В. Лядовъ. Разсвѣтъ.* 7; стр. 141—162.

Содержаніе: Татары, Черемисы, Чуваши и Мордва.

101. **Изъ письма** астраханскаго жителя. *Православное Обозрѣніе.* 12; 4 стр.

О Калмыкахъ.

102. **Калмыки.** *А. Писемскій. Библіотека для Чтенія.* 1; стр. 1—34.

Въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

103. **Путешествующіе Киргизы.** *П. Небольсинъ. Русскій Вѣстникъ.* 17; стр. 41—49.

Характеристика нѣкоторыхъ Киргизовъ, пріѣзжавшихъ, въ 1858 г., въ Петербургъ.

104. **Киргизоманія.** *І. Желѣзновъ. Русскій Вѣстникъ.* 21; стр. 45—51.

Замѣчаніе на ст. г. Небольсина: „Путешествующіе Киргизы", въ которой г. Желѣзновъ заступается за Уральскихъ казаковъ, затронутыхъ въ ст. г. Небольсина.

105. **По поводу статьи:** „Путешествующіе Киргизы". *Л. Плотниковъ. Русскій Вѣстникъ.* 23—24; стр. 245—277.

106. **Охота** у Киргизъ-Кайсаковъ. *К. Калачевъ. Сынъ Отечества.* 11 и 12; 4 стр.

107. **Баксы.** Разсказъ. *Иллюстрированный Семейный Листокъ.* 99—100; 3 стр.

Баксы — это киргизскій лекарь, или вѣрнѣе знахарь, колдунъ.

108. **Портреты** киргизской депутаціи. *Иллюстрація.* 116; 1 ст.

109. **Случай** на пути. *Вяргизовъ. Сынъ Отечества.* 37; 4 стр.

Въ этой статьѣ помѣщены нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія изъ быта Мордвы.

110. **Замѣтки о нѣкоторыхъ обычаяхъ** Мордвовъ села Кильдюшева, съ приходскими его деревнями Киртели и Кадышевой, Симбирскаго уѣзда. *Симбирскія Губ. Вѣд.* 43; 3 стр.

Извлечено изъ матеріаловъ для статистическаго описанія

Симбирской губерніи. — Свадебные обычаи, крестины, праздники, языкъ, одежда, игры.

111. **Чуваши.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 38 и 39; 5 стр.

112. **Зауральскіе Финны.** *В. Андоевъ. Разсвѣтъ.* 9; стр. 369—388.

Въ этой статьѣ описанъ домашній бытъ, обычаи, вѣрованія, одежда, пища и проч. Самоѣдовъ и Остяковъ.

113. **Путевыя замѣтки** горнаго туриста. *Ѳ. Германъ.* Статья 1-я. *О Вогулахъ. Производитель и Промышленникъ.* 15; 6—½.

114. **Вотяки и Черемисы.** *Памятная книжка Вятской губ. на 1860-й годъ.* стр. 159—166.

Содержаніе: Бытъ, одежда, религіозныя вѣрованія, молитвы и пѣсни. (Изъ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1838 и 1839 г., приб. №№ 1, 3, 5 и 10).

115. **Алтай** и его обитатели. Статья *Д. С. Московскій Вѣстникъ.* 23—24; 5 стр.

Содержаніе: Растительное и животное царство. Исторія и этнографія обитателей Алтая: Калмыковъ, Татаръ и Кумадинцевъ.

116. **Алтай.** *Потанинъ. Иллюстрація.* 118; 2 ст.

117. **Азія и Сибирь.** *А. Павловскій. Народное Чтеніе.* 1, 2, 3, 4, 5 и 6; стр. 39—91, 101—129, 96—119, 48—75, 34—58 и 13—35.

Содержаніе: Кяхта и Китайцы — Кяхтинская торговля чаемъ. — Остяки. — Раздѣленіе инородцевъ Сибири. — Финское племя и его вѣтви. — Мѣста жительства Остяковъ. — Типъ, костюмъ и характеръ. — Жилище и домашній бытъ. — Образъ жизни. — Управленіе. — Религія. — Самоѣды. — Мѣсто жительства, наружность, костюмъ, жилище, пища, характеръ. — Бытъ, свадьба и похороны. — Религія. — Тадибы и ихъ чарованія. — Народная литература. — Героическія сказанія, пѣсни, легенды, Тунгусы и Якуты.

118. **Замѣтка** о Сибири. Статья *Ю. В. С.-Петербургскія Вѣд.* 227; 10—½ ст.

119. **Остяки.** (Этнографическій очеркъ). *Калейдоскопъ.* 34; 2 стр.

120. **Нѣсколько словъ** о Заболотныхъ и Ачирскихъ инородцахъ

Тобольскаго округа. Статья *В. И. Тобольскія Губ. Вѣд.* 48; 4 стр.

Эти инородцы принадлежатъ къ остяцкому племени, исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Селенія ихъ расположены по лѣвую сторону Иртыша, на сѣверъ отъ Тобольска. Статья составлена изъ оффиціальныхъ свѣдѣній.

121. **Инородцы,** обитающіе въ Туруханскомъ краѣ. *А. Мордвиновъ. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ.* 2; стр. 25—64.

Инородцы эти суть: Тунгусы, Долганы, Остяки, Самоѣды, Юраки и Якуты.

122. **Тунгусы.** *Д. С. Московскій Вѣстникъ.* 12; 3 стр.

123. **О Тунгусахъ.** *Кривошапкинъ. Енисейскія Губ. Вѣд.* 1; 2 стр.

124. **Изъ статистическаго описанія** Енисейскаго округа. *М. Ф. Кривошапкинъ. Енисейскія Губ. Вѣд.* 2, 3 и 4; 10 стр.

О Тунгусахъ и прочихъ инородцахъ. Самоядь.

125. **Нѣкоторыя свѣдѣнія** о законахъ и обычаяхъ инородцевъ Березовскаго округа. *Тобольскія Губ. Вѣд.* 8, 9 и 10; 8 стр.

Содержаніе: 1) Права лицъ духовныхъ. 2) Законы и обычаи.

126. **Татары** Западной Сибири. Статья *В. Амуръ.* 26; 6 стр.

127. **Мангуны.** *Амуръ.* 33; стр. 482—486 и *Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ.* 12; стр. 9—15.

Мангу или, какъ Русскіе называютъ ихъ, Мангуны есть Тунгузское племя, обитающее по обоимъ берегамъ Амура, отъ селенія Нюнгню до селенія Пунки.

128. **О Шаманахъ,** какъ кудесникахъ. Статья *Н. П. Амуръ.* 34, 36, 37 и 38; 10 стр.

129. **Алеуты.** Этнографическій очеркъ. *Калейдоскопъ.* 33; 2 стр.

---

2. СВАДЕБНЫЕ И ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ.

130. **Этнографическая замѣтка.** *П. Гундобинъ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 23; 1 ст.

Здѣсь говорится о довольно странномъ обычаѣ, случающемся при свадебныхъ обрядахъ. На другой день свадьбы,

въ домѣ новобрачныхъ, производится попойка. При этомъ сватъ, сваха и гости опутываютъ себя *красными* лентами и съ крикомъ и пѣснями катаются по городу.

131. **Свадебные обряды** въ Васьяновской волости Кадниковскаго уѣзда. *В. Кичинъ. Вологодскія Губ. Вѣд.* 53; 2 стр.

132. **Обычаи поселянъ** въ окрестностяхъ м. Чуднова, Житомирскаго уѣзда. *Волынскія Губ. Вѣд.* 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13; 16 стр.

Содержаніе: Вечерницы, досвитки и сходки на улицѣ, змовыны (уговоръ), сватанье (заручины), каровай и чоботоносыны, весилье (свадьба).

133. **Крестьянскія свадьбы** въ Слободскомъ уѣздѣ. *И. Красноперовъ. Вятскія Губ. Вѣд.* 22, 23 и 24; 9 стр.

Пѣсни, которыя поютъ на свадьбахъ въ Слободскомъ уѣздѣ:

1.

На синемъ на морюшкѣ
Плыветъ лебедь бѣлая
Со своими дѣтками-лебедками.
Не гдѣ взялся добрый молодецъ,
Петрушенька Кировичь.
Ты убилъ лебедь бѣлую;
Разбрызнула кровь по синю 'морю,
Разнесъ кости по темнымъ лѣсамъ,
Развѣялъ пухъ по чистымъ полямъ,
Не гдѣ взялась красна дѣвица,
Ошто Аннушка Марковна;
Беретъ перья, беретъ перья,
Беретъ перья лебединое,
Кладетъ въ шапку соболиную,
Не гдѣ взялся добрый молодецъ,
Все Иванушко, все Иванушка,
Все Иванъ-отъ Гавриловичь.
Тебѣ Богъ помочь, красна дѣвица,
Ошто Аннушка Марковна!
Тебѣ брать перья лебединое,
Тебѣ класть въ шапку соболиную!
Она ему ни словечка не сказала,
Ужъ ты дѣвица-красавица,
Угрюмая, непривѣтливая,

Теперь ты со мной ломаешься;
Ошто будетъ то — за мной пойдешъ,
Ошто будетъ то — будешь у кроватушки стоять,
Ошто будетъ то — станешь разувать меня.
Отвѣчала ему дѣвица;
Ошто этого не будетъ никогда,
Чтобы стала разувать я тебя.
У тебя — у гады, ноги грязныя;
У меня — у млады, руки бѣлыя,
У меня — у млады, на рукахъ перстни золотые.

2.

Кто-то меня утѣшитъ, бѣдную?
Утѣшитъ не утѣшитъ родной батюшка?
Его утѣшеньицо не вѣчное:
Не вѣкъ съ нимъ жить.
Кто меня утѣшитъ бѣдную?
Утѣшитъ—не утѣшитъ родна матушка
Ея утѣшеньицо не вѣчное,
Не вѣчное, полувѣчное:
Полвѣка съ ней жить.
Кто-то меня утѣшитъ бѣдную?
Утѣшитъ, не утѣшитъ Иванъ господинъ
Его утѣшеньицо вѣчное,
Вѣчное, на вѣки вѣчное;
Вѣкъ съ нимъ жить.

3.

На горѣ-то стоитъ елочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ стоитъ столичокъ,
За столичкомъ стоитъ Аннушка.
Приходитъ къ ней батюшко;
Звалъ, звалъ Аннушку съ собой:
Ты пойдешъ, Аннушка со мной?
Я нейду, нейду батюшка, съ тобой:
Ночи темны, не мѣсячны,
Лѣса густы — караульщиковъ нѣтъ,
Рѣчки быстры — перевощиковъ нѣтъ, —
Насъ съ тобой не проведутъ.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ бесѣдушка,
На бесѣдушкѣ Аннушка,
Приходитъ къ ней Егорушко,
Звалъ, звалъ Аннушку съ собой:
Ты пойдешъ, пойдешъ Аннушка со мной.
Пойду, пойду Егорушко съ тобой.
Ночи свѣтлы, мѣсячны,
Лѣса рѣдки — караульщики есть, —
Рѣки тише — перевощики есть, —
Насъ съ тобой перевезутъ;
На бѣлыхъ рукахъ перенесутъ.

134. **Второй разсказъ** Никиты Сливаева. Изъ быта донскихъ казаковъ. *П. Сонинъ. Московскій Вѣстникъ.* 11 и 28.

Въ этой статьѣ описана казацкая свадьба.

135. **Свадьбы** крестьянъ Малоярославецкаго уѣзда. *Толмачевъ. Калужскія Губ. Вѣд.* 20; 7 стр.

Тутъ же помѣщено нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ.

136. **Свадебные обряды** крестьянъ великорусскихъ селеній Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи. *А. Николаевъ. Московскій Вѣстникъ.* 20; 5 стр.

Настоящая статья есть продолженіе статьи, напечатанной въ „Москвитянинѣ", 1854 г. „О свадебныхъ обрядахъ Малороссіянъ Суджанскаго уѣзда".

137. **О свадебныхъ обычаяхъ** поселянъ Брянскаго уѣзда. *Н. Успенскій. Орловскія Губ. Вѣд.* 25, 26, 28, 29 и 30; 26 стр.

Вотъ нѣкоторыя изъ свадебныхъ пѣсенъ:

1.

Летитъ черная галка низехонько,
Подлетаетъ ясенъ соколъ близехонько,
Оглянись черная галка на меня!
Отвернись ясенъ соколъ отъ меня,
Ищи себѣ такой галки, что меня:
Черненькой, хорошенькой, галочки.
Я всѣ боры и лѣса прилеталъ,
Не нашелъ такой галки, какъ тебя!
Идетъ, идетъ Аннушка рѣзьвенька,
За ней Васильюшка, близенько.
Оглянись, Аннушка на меня!

Отвернись, Васильюшка, отъ меня!
Ищи себѣ такой дѣвки, что меня,
Умненькой, хорошенькой, Аннушки!
Я всѣ города проѣзжалъ
Не нашелъ такой дѣвки, что тебя!

2.

Стой, стой, верба!
Стой развейся
И развернися!
Пріѣхали къ вербѣ
Семьсотъ бояръ
Три четыре
Все верховые!
Стали вербу сѣчь, рубить,
Стали бояръ одарять
Всѣмъ боярамъ по вербѣ;
Всѣмъ боярамъ по часовни;
Одному дружку вербы нѣтъ,
Молодому не досталося.
Дружко боярамъ насмѣялся;
Вы, бояре, хоть большіе
У васъ вербы чесовыя;
У меня сваха молодая.
Молодая, веселая!

3.

Прилетѣлъ сизый голубь
Съ темного лѣсу:
Сизая моя голубушка!
Погуркай со мною.

Гдѣ мнѣ тебя, голубчика,
Посадите будетъ!
Посажу я голубчика
Въ орѣховой клѣткѣ.

Чѣмъ мнѣ тебя, голубчика,
Накормити будетъ!
Накормлю я голубчика
Ярою пшеницею.

Чѣмъ мнѣ тебя, голубчика,
Напоите будетъ!
Напою я голубчика
Холодною водицею.

Пріѣхалъ Васильюшка
Съ чужой стороны:
Красная моя Аннушка!
Поговори со мною.

Гдѣ мнѣ Васильюшку
Посадите будетъ!
Посажу я голубчика
За тесовый столикъ.

Чѣмъ мнѣ тебя, голубчика,
Накормите будетъ!
Накормлю я Васильюшку
Мягкими калачиками.

Чѣмъ мнѣ голубчика
Напоите будетъ!
Напою я Васильюшку
Сладою сытицею.
Красная моя Аннушка!
Погутри со мною.

138. **Обряды крестьянъ** при свадьбахъ въ Пензенской губерніи. *П. Ѳеоктистовъ. Пензенскія Губ. Вѣд.* 4, 5, 6 и 7.

Пѣсни свадебныя:

1.

Ахъ вы соколы, соколы, соколы вы мои ясные!
Ужъ куда вы вечеръ летали?
Ужъ мы летали, летали мы съ моря на море.
Ахъ вы соколы, соколы, соколы вы мои ясные!
Ужъ и что же вы тамъ видали?
Ужъ мы видали, видали сѣру утушку на западѣ.
Ахъ вы соколы, соколы, соколы вы мои ясные!

Ужъ и что же вы ее не взяли?
Ужъ хотя мы ее не взяли,
За то перья всѣ ей повыщепали.
Ахъ вы молодцы, молодцы, молодцы вы мои добрые!
Ужъ куда вы вечеръ ѣздили?
Ужъ мы ѣздили, ѣздили; мы изъ города во городъ.
Ахъ вы молодцы, молодцы, молодцы вы мои добрые!
Ужъ и что же вы тамъ видѣли?
Ужъ мы видѣли, видѣли красну дѣвицу во теремѣ.
Ахъ вы молодцы, молодцы, молодцы вы мои добрые!
Ужъ и что же вы ее не взяли?
Ужъ хотя мы не взяли,
По рукамъ мы съ ней ударили,
Быть же дѣлу—быть же сва́дебкѣ,
Быть же свадьбѣ—быть дѣвичничку,
Быть же дѣвичьему праздничку.

2.

Ахъ Натальѣ сонъ привидѣлся,
Свѣтъ Васильевнѣ привидѣлся:
Прилеталъ къ ней младъ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На златую на причелинку.
Никому она не сказывала,
Лишь открыла родной матушкѣ,
Государыня матушка,
Свѣтъ Ѳедосья Ивановна!
Ужъ и чтой то за сонъ мнѣ видѣлся?
Прилеталъ ко мнѣ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На златую на причелинку.
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое.
Свѣтъ Наталья Васильевна!
Приручай къ себѣ ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Дорогаго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Матвѣя Патрикевича.

3.

У Варвары матушка
Не добра была, не ласкова,
Лишь была она привѣтлива:
Посылала свое дитятко,
Посылала свое милое,
Во зеленый боръ по ягодки,
Посылаючи наказывала:
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое!
Выбирайко себѣ ягодку:
Изъ малины малинушку,
Изъ калины калинушку,
Изъ черной ягоды смородинку.
Государыня матушка,
Свѣтъ Ѳедора Панфиловна!
Ужъ я выбрала себѣ ягодку:
Изъ малины малинушку.
У Варварѣ матушка
Не добра была, не ласкова;
У Савельевнѣ привѣтлива.
Посылала свое дитятко,
Посылала свое милое,
Въ высокъ теремъ гостей смотрѣть.
Посылаючи наказывала:
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое!
Выбирайка себѣ молодца:
Изъ князей себѣ князика,
Изъ бояръ себѣ боярина,
Изъ военныхъ военнаго,
Изъ приказныхъ приказнаго,
Иль изъ чина посадскаго,
Изъ крестьянъ сына крестьянскаго.
Какъ идетъ ея дитятко,
Скоры ноги подгибаются,
Бѣлы руки опускаются,
Ясны очи помутилися,
Горючи слезы катилися:

Я не выбрала матушка
Лучше сына посадскаго,
Свѣтъ Ивана Савельевича.

4.

Тонкое деревцо, свирельчатое —
Умное дитятко Митрофанушка,
Подходилъ къ городу онъ тучею,
Грянулъ громомъ къ высоку терему,
Самъ залеталъ въ окошечко яснымъ соколомъ,
Заставалъ Марью онъ одну въ терему,
Заставалъ Ивановну одинехонько:
Что же ты, Марья душа, да одна въ терему?
Что же ты Ивановна одинехонька?
Батюшка съ матушкой къ обѣдни пошли,
Меньшія сестрицы въ лѣсъ по ягодки,
Съ сосѣдками ближними,
Съ красными дѣвушками.
Глупыя, неразумныя жилички и работнички,
Что мнѣ не дали знать, какъ Митрофанъ придетъ,
Что жъ не сказали мнѣ, какъ Семеновичъ былъ?
Не такъ бы я дѣвица убиралася,
Не такъ бы въ цвѣтно платье наряжалася.

5.

Во горницѣ, во свѣтилицѣ два голубя на шкафѣ, два сизыхъ на шкафѣ,
Они пьютъ и льютъ, во цымбалы бьютъ, въ гитару играютъ,
Варварушку, свѣтъ Павловну всегда забавляютъ.
Варварушка, свѣтъ Павловна, въ теремѣ гуляетъ.
Убрана головушка разными цвѣтами,
Убраны ея рученьки разными перстнями.
Варварушка, свѣтъ Павловна! тебя матушка кличетъ.
Ахъ дѣвушки, голубушки, право не слыхала!
(Запѣваются опять всѣ первые шесть стиховъ).
Варварушка, свѣтъ Павловна! тебя батюшка зоветъ!
Ахъ дѣвушки, голубушки, право не слыхала!
(Запѣваются тѣмъ же порядкомъ, какъ выше).

Варварушка, свѣтъ Павловна! тебя Титъ кличетъ Савельевичъ!
Ахъ дѣвушки, голубушки, сама я слыхала!

6.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой стоитъ свѣтелочка; 2
Во свѣтелочкѣ Анисья сидитъ.
Приходитъ къ ней родной батюшка,
Онъ и звалъ ее съ собою идти.
Ты пойдемъ, пойдемъ Анисья со мной:
Ночь свѣтла, свѣтла и мѣсячна,
Рѣка глубока, — переходъ на ней есть.
Я нейду, нейду — не слушаюсь тебя!
Ночь темна, темна, не мѣсячна;
Рѣчка быстра — переходу на ней нѣтъ.
(Повторяется съ начала и продолжается далѣе такъ):
Приходилъ къ ней Степанъ господинъ,
Онъ и звалъ ее съ собою идти:
Ты пойдемъ, пойдемъ Анисья со мной!
Ночь темна, темна — не мѣсячна,
Рѣчка глубока, переходу на ней нѣтъ;
Во сыромъ бору дорожки не знать.
Я иду, иду — послушаюсь тебя:
Ночь свѣтла, свѣтла мѣсячна,
Рѣчка быстра, переходъ на ней есть,
Во сыромъ бору дорожка видна.

7.

Какъ у сокола, какъ у яснаго
Болятъ крылушки 2.
Нельзя соколу, нельзя ясному
По садамъ летать 2.
Не одинъ леталъ, съ канарейками,
Мелкими пташками 2.
У (имя жениха) свѣтъ (отчество)
Голова болитъ 2.
Голова болитъ, платкомъ связана
Платкомъ связана 2.

Не простымъ платкомъ
Гарнитуровымъ 2.
Изъ платка кудри, изъ платка русы
Завиваются 2.
Пересыпались они въ три ряда,
А въ четвертый рядъ 2.
По плечамъ лежатъ — словно жаръ горятъ
Словно жаръ горятъ 2.
А на шеюшкѣ, а на шеюшкѣ
Платокъ розовый, 2.
Жилетъ штучковой.
Во правой рукѣ 2.
Трость серебряна, съ алой лентою
Съ этой тросточкой 2.
Онъ въ Москвѣ гулялъ и по Питеру
Не одинъ гулялъ 2.
Съ генералами, съ сенаторами
Господа въ Москвѣ 2.
Вздивовалися, изумилися
Что за дитятко 2.
Что за милое уродилося?
Не бѣла ль заря 2.
Его родила, его родила?
Иль святелъ мѣсяцъ 2.
Воспоилъ, вскормилъ; воспоилъ, вскормилъ?
Не часты ль звѣзды 2.
Возлелѣяли, возлелѣяли?
Ахъ вы глупые, неразумные
Господа въ Москвѣ!
Насъ породила родна матушка,
Воспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Возлѣяли няньки, мамушки —
Няньки мамушки — сѣнныя дѣвушки.

Пѣсня на разлуку съ подругами.

8.

Изъ — за лѣсу, — лѣсу темнаго,
Мимо садику зеленаго,
Летитъ стадо лебединое,
А другое стадо гусиное.

Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго;
Приставала лебедушка
Ко тому ль стаду гусиному.
Не умѣетъ лебедушка,
По гусиному кликати,
Ее стали гуси щипати,
А лебедушка кричати:
Не щиплите гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою.
Отставала (имя невѣсты)
Отставала (отчество).
Отъ подругъ красныхъ дѣвушекъ;
Приставала (имя)
Приставала (отчество)
Къ молодымъ молодушкамъ.
Не умѣетъ (имя невѣсты)
На головушкѣ справити,
Ее стали бабы журити,
А (отчество невѣсты) плакати:
Не журите, бабы старыя. —
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своей охотою:
Завезли меня добры кони
Что добры кони (имя жениха),
Что (имя, отчество жениха).

Пѣсни плясовыя:

9.

У нашего господина
Разыгралася скотина,
И коровы и быки
Разинули кадыки.
Овечушка ялова
По рѣчушкѣ плавала,
Увидала старова:
Сидитъ старый на дубу,
Гнетъ черемхову дугу,
Дуга лопнула

Сердцо дрогнуло.
Ужъ ты, дядюшка Тарасъ,
Не доѣхалъ ты до насъ:
Твоя сестра
На горѣ росла,
Быковъ пасла;
Быки пестреньки,
Рога востреньки.
Ужъ вы дѣвки татарки
Взяли бъ въ руки по палкѣ.
Ударили бъ въ доску,
Поѣхали бъ въ Москву,
Купили бъ коровку,
Коровка то съ кошку,
А удой то съ ложку.

10.

Ужъ ты Танюшка, Таня,
Чѣмъ талантлива была?
Ты таланъ ли мой таланъ
Таланъ дѣвичій обманъ!
Не успѣла обмануть,
Растегала бѣлу грудь.
Господа вы коммисары,
Не видали ль нашей Тани?
Мы видать-то не видали,
Одинъ голосъ лишь слыхали:
Что на мельницѣ въ анбарѣ,
Тамъ на пыли, на мукѣ.
У молодца на рукѣ.
Три дня хату не топала
Много сору накопила.
Пойду я ко дядюшкѣ,
Попрошу лошадушки:
Родимой мой дядюшка,
Пожалуй лошадушки!
Родная племянница!
У насъ такъ не водится,
Соръ возомъ не копиться,

У насъ такъ ведется,
Днемъ изба метется,
Что жъ мнѣ дѣлать дядюшка,
Что нечиста хатушка?
Живутъ шорничи,
Да сапожнички,
Чумазые — кузнецы,
Удалые молодцы,
Еще плотнички
Безтопорнички,
Днемъ работу работаютъ,
Ночь по дѣвушкамъ гуляютъ.

139. **Обряды бракосочетанія** между крестьянами Шадринскаго уѣзда. *И. Кожинъ. Пермскія Губ. Вѣд.* 26.

140. **О свадебныхъ обрядахъ** г. Чердыни. Ст. *Я—П—аго.* Дополненіе къ статьѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, помѣщенной въ 1-й кн. Пермскаго Сборника. *Пермскій Сборникъ.* 2; стр. 132—161.

Содержаніе: 39 свадебныхъ пѣсенъ. Въ текстѣ помѣщенъ рисунокъ, изображающій уборъ чердынской невѣсты, во время дѣвишника.

141. **Свадебные обряды** крестьянъ Кузнецкаго уѣзда. *Томскія Губ. Вѣд.* 2 и 3; 9 стр.

Помѣщаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ пѣсенъ:

1.

Сѣмена наши сѣмена,
Сѣмена наши сахарныя!
Немножко васъ посѣяли,
Васъ много уродилося:
По всему полю чистому,
По раздольицу широкому,
До Кіева до города,
До высокаго терема,
Во кутѣ, за занавѣсой,
Супротивъ печи, на лавочкѣ,
Подъ окошечкомъ косящетымъ,
Растужится, расплачется
Тутъ красная дѣвица,
(Имя и отчество)
По своей, она по русой косѣ,

По своей дѣвьей красотѣ,
Доселева тебя косынька,
Доселева тебя, русая,
Родна матушка чесывала,
Родна сестрица плетывала,
Въ овсенишно мелко зернышко
Во овсяно бѣлоярово.
Теперича, моя косынька,
Разшибли тебя на двое.
Заплетутъ двѣ русы косы,
Обовьютъ кругъ буйной головы,
Стану, молодешенька
По утру вставать ранешенько
Выйду я на красно крыльцо,
Погляжу я во всѣ четыре стороны,
Ударюсь объ мать — сыру землю.

2.

Ѣздилъ, ли поѣздилъ (имя) сударь.
Ужъ онъ ѣздилъ — поѣздилъ девять городовъ
Ко десятому городу приступилъ,
Приступать къ нему сталъ
Ужъ онъ завидѣлъ (имя) одну въ терему,
Завидѣлъ (отчество) одну въ высоцинѣ,
Онъ сталъ (имя) спрашивать
Сталъ онъ ее выпытывать;
Кто у тебя (имя) милъ въ родѣ?
— У меня въ родѣ батюшка
Напаче того родная матушка.
— Эй ты, (имя) не правда твоя.
Эй ты (имя) не истина твоя.
— У меня въ родѣ (имя жениха)
Напаче того (отечество его).
— Это, (имя невѣсты), правда твоя
Это истина твоя.

3.

Меня батюшка не любитъ,
Отдаетъ меня замужъ.
Зарекся мой батюшка,

Вѣчно въ гости не бывати
На глаза меня не принимати.
Я горе — бѣдня
Въ три годочка стосковалась,
Въ три минуты сгорѣвалась,
Попрошу я, горе — бѣдная,
У ласточки крыльевъ,
У соловьюшки голосочку,
У кукушечки жалобочку;
Полечу я, горе — бѣдная,
На свою родимую сторонку,
Сяду я, горе — бѣдная,
Къ батюшкѣ на ворота.
Ужъ какъ братилка вышелъ,
Тугой лукъ натягаетъ,
Застрѣлить меня хочетъ:
Ужъ какъ другой-то братъ вышелъ,
Тужѣе того натягаетъ,
Ужъ какъ батюшка вышелъ,
Стойте, дѣти не стрѣляйте,
Не мое ли дитя плачетъ,
Не мое ли возрыдаетъ,
Не мое ли дитя милое,
Не ваша ли сестра родимая,
Ласточка косатая,
Перепелочка крылатая!
Зачѣмъ рано вылетывала,
Изъ своего тепла гнѣздышка?
— Не сама собой вылетывала,
Выманиваетъ младъ — ясенъ соколъ
Изъ своего тепла гнѣздышка.
— Свѣтъ же наша (имя нев.),
Свѣтъ наша (отчество).
Зачѣмъ рано замужъ пошла
Изъ своего тепла гнѣздышка
Въ любо мѣстечко.

142. Свадебные обычаи При-Аргунцевъ. Н. [illegible]. *Вѣстникъ Имп. Рyск. Географ. Общества*. 12; стр. 147—182.

143. **Письмо къ редактору.** *Смирновъ. Московскія Вѣдомости.* 34; $^1/_2$ ст.

О нелѣпыхъ обычаяхъ, встрѣчающихся, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на другой день свадьбы.

144. **Свадебная пѣсня.** *Б. Княжицкій. Мода.* 17.

145. **О похоронахъ** въ Подольской губерніи. *К. Шейковскій. Кіевскій Телеграфъ.* 24—26.

Содержаніе: 1) примѣты, предвѣщающія смерть; 2) обряды при копаніи; 3) обряды, слѣдующіе послѣ смерти; 4) обряды, совершаемые въ честь покойниковъ, нѣкоторыя повѣрья и представленія о загробной жизни; 5) пословицы и поговорки, относящіяся къ похоронамъ. Статья эта вошла въ составъ соч. „Бытъ Подолянъ". Кіевъ, т. 1-й, вып. 2; стр. 1—55.

146. **Погребальные обряды** въ Житомирскомъ уѣздѣ Волынской губерніи. *Волынскія Губ. Вѣд.* 29—32.

---

3. ПРАЗДНИКИ, ИГРИЩА И НАРОДНЫЯ ГУЛЯНЬЯ.

147. **Коляда и таусень** въ Меленковскомъ уѣздѣ Владим. губ. *В. Гребнеръ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 8; 2 стр.

Коляда и таусень — старинный обычай, наканунѣ Новаго года ходить подъ окошки и пѣть пѣсни.

148. **Коляда** въ Судогодскомъ уѣздѣ. *В. фонъ-Гребнеръ. Владимірскія Губ. Вѣд.* 27.

149. **Слѣды исторической мысли** въ жеребьяхъ дѣтскихъ игръ Вологодской губ. (Гипотеза не безъ вѣроятности). *В. Поповъ. Вологодскія Губ. Вѣд.* 49; 3 стр.

150. **Крестьянскія игрища** въ Котельническомъ уѣздѣ. *Вятскія Губ. Вѣд.* 7 и 9.

Въ этой статьѣ помѣщено нѣсколько пѣсенъ.

*151. **Рождество Христово.** Повѣствованіе о томъ, какъ Москвичи встрѣчаютъ этотъ праздникъ, а равно и Новый годъ. Сост. *Н. П. Прот....повъ.* Москва. Въ тип. А. Семена. 1860. Въ 12-ю д. л. 88 стр.

152. **Первое Мая въ Сокольникахъ.** *Иллюстрація.* 123.

153. **Петербургскія загородныя** гулянья и танцы въ среднемъ кругу. *И. Соколовъ. Сынъ Отечества.* 23; 4 стр.

154. **Ржевскій карнавалъ.** *Посторонній человѣкъ. Московскія Вѣд.* 47; 1 ст.

Описаніе довольно страннаго обычая, въ Ржевѣ, во время

ярмарки, начинающейся съ субботы первой недѣли Великаго поста. Молодые парни и дѣвки запасаются горохомъ и идутъ на мѣсто ярмарки и тамъ упражняются киданіемъ другъ въ друга горохомъ. Авторъ возстаетъ противъ этого обычая.

155. **Канунъ Иванова дня.** *А. Алексѣевъ. Саратовскія Губ. Вѣд.* 15; 2 стр.

156. **Кулачные бои** въ Саратовѣ. *А. Андреевъ. Саратовскія Губ. Вѣд.* 12; 2 стр.

157. **Вербное Воскресенье въ старину.** *Полтавскія Губ. Вѣд.* 12; 6 стр.

Статья г. Забѣлина, заимствованная изъ „Москвитянина" 1850 г.

158. **О празднованіи Новаго года.** Археологическій очеркъ. *А. Х—въ. Православное Обозрѣніе.* 1; стр. 47—68.

Матеріалами служили: сочиненія древнихъ отцевъ и писателей церковныхъ: археологическіе словари и сборники (Дюканжа, Мартеня), изслѣдованія новѣйшихъ археологовъ: Августа, Бинтерима и историковъ Неандера и Беньо.

159. **Вертепъ.** *Н. Щукинъ. Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общества.* 8; стр. 25—35.

Вертепъ—это ручной театръ, на которомъ въ Иркутскѣ представляютъ мальчики, куклами, событія изъ временъ Рождества Христова. Въ этой же статьѣ, въ началѣ, описанъ довольно странный обычай славить Христа по-латынѣ въ Иркутскѣ и по-гречески въ Якутскѣ.

160. **Изъ путевыхъ замѣтокъ.** Статья *В. Амуръ.* 22; 5 стр.

Содержаніе: Деревенскій праздникъ въ селѣ Покровскомъ. Старинная пѣсня. Деревня Петрова.

---

4. ПРЕДАНЬЯ, ПОВѢРЬЯ, ПРЕДРАЗСУДКИ, РЕЛИГІОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ, МИѲОЛОГІЯ И ДЕМОНОЛОГІЯ, КАКЪ СОБСТВЕННО РУССКИХЪ, ТАКЪ И ИНОРОДЦЕВЪ, ОБИТАЮЩИХЪ ВЪ РОССІИ.

*161. **Объ источникахъ и формахъ** русскаго баснословія. *Дм. Щеглинъ.* Вып. 1-й. Москва., тип. В. Грачева и Ко. 1859, Въ 8-ю д. л., XX и 134 стр.

Основная мысль этого сочиненія есть, по выраженію

автора, „рѣшеніе общей исторической задачи миѳа въ частныхъ границахъ русской басни". Содержаніе перваго выпуска представляетъ, въ главныхъ чертахъ, новый взглядъ на существо миѳа, опредѣляетъ источники и средства его образованія и раскрываетъ, въ осязательныхъ примѣрахъ, живую связь русскаго баснословія съ исторіей отечественнаго слова.

Разборы этого сочиненія были помѣщены: 1) въ „Семейномъ Кругѣ" 48; 2) въ Московскомъ Курьерѣ 14 и 17; 3) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 55.

162. **О происхожденіи миѳа.** *А. Н. Аѳанасьевъ. Московскія Вѣд.* 55; 4 ст.

По поводу соч. г. Щепкина „Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія".

163. **Коляда.** *С. Микуцкій. Виленскій Вѣстникъ.* 37.

Выписка изъ книги: Glossarium mediæ et infirmae latinitatis., etc. *Ducange*, которою доказывается ошибочность мнѣній многихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Шафарика, что коляда есть Славянское божество.

164. **Разсказъ о Лісунѣ,** (записанъ *М. Исаенко*, въ Батуринѣ). *Черниговскія Губ. Вѣд.* 28.

165. **Вечеръ подъ хатою сосѣда.** *И. Федоровичъ. Саратовскія Губ. Вѣд.* 9; 2 стр.

Разсказъ о вѣдьмахъ, записанъ со словъ, въ селѣ Квасниковкѣ, за Волгой.

166. **Замѣтки о повѣрьяхъ** Малороссіянъ Суджанскаго уѣзда. Статья *Н. Производитель и Промышленникъ.* 12.

О домовомъ, вѣдьмѣ, вѣдюкѣ, упырѣ, ховалѣ, марѣ, вовколаки, лѣшемъ и русалкѣ.

167. **Нѣсколько словъ** о ворожбѣ и гаданіяхъ. *П. Ильинскій. Душеполезное Чтеніе.* 12; стр. 450—476.

168. **Для исторіи** ложныхъ книгъ. (Трепетникъ. — Дни добрые и злые.—Рафли). *А. Н. Пыпинъ. Архивъ Н. Калачова.* 1860. 2; стр. 15—27.

Всѣ эти ложныя книги, заглавія которыхъ приведены выше, очень важны для исторіи суевѣрій и предразсудковъ прежняго времени. Такъ „Трепетникъ" принадлежитъ къ

гадательнымъ книгамъ, которыя въ старину строго запрещались. Она разсказываетъ о значенiи примѣтъ, исключительно тѣхъ, когда у человѣка трепещетъ какая нибудь часть тѣла. Заглавiе 2-й книги само говоритъ о ея содержанiи. Наконецъ „Рафли" было тоже что-то въ родѣ гадательныхъ книжекъ, употребляемыхъ при игрѣ въ кости.

169. **О происхожденiи и значенiи** нѣкоторыхъ обычаевъ, соединенныхъ, въ православной церкви, съ празднованiемъ Св. Пасхи. *Ѳ. Лебединцевъ. Руководство для сельскихъ пастырей.* 6; 17 стр.

170. **О суевѣрiяхъ,** встрѣчаемыхъ на праздникѣ Рождества Христова въ Кiев. уѣздѣ. *Вас. Сикачинскiй. Кiевскiя Губ. Вѣд.* 30.

171. **Мѣстный обычай** въ г. Бѣлгородѣ въ праздникъ Пятдесятницы. *Руководство для сельск. пастырей.* 14; 5 стр.

Обычай этотъ заключается въ томъ, что женщину переодѣваютъ въ безобразный мужской костюмъ, а мужчину въ женскiй и такимъ образомъ водятъ три дня по городу съ пѣснями и плясками. Обычай этотъ и совершенiе его называются *нѣмчиками*.

172. **Обычай въ праздникъ** Пятдесятницы украшать храмы и дома цвѣтами и деревьями. *В. Н—въ. Душеполезное Чтенiе.* 5; стр. 47—53.

173. **Этнографическая замѣтка.** *В. Борисовъ. Владимiрскiя Губ. Вѣд.* 12.

Авторъ описываетъ обычай, существующiй въ г. Шуѣ, посылать тайно съ милостыней, состоящею изъ денегъ или восковыхъ свѣчей, избраннаго человѣка, по случаю чьей либо болѣзни, съ тою цѣлью, что тотъ, кто найдетъ у себя милостыню, помолится за болящаго.

174. **Дополненiе** къ предъидущей статьѣ. *Гундобинъ. Владимiрскiя Губ. Вѣд.* 16.

175. **Куричья братчина** или троецыплятница. *Вятскiя Губ. Вѣд.* 31 и 32.

Подъ этимъ названiемъ въ Вятской губернiи существуетъ обычай, по которому крестьянинъ, послѣ какихъ либо домашнихъ несчастiй, даетъ обѣтъ справить куричью братчину, родъ семейнаго праздника, въ которомъ курицы, особенно высидѣвшiя трижды цыплятъ, играютъ важную роль.

176. **Замѣтки** о нѣкоторыхъ неправильныхъ религіозныхъ понятіяхъ и предразсудкахъ простого народа. *М. Чемена. Херсонскія Епарх. Вѣд.* 1, 2 и 9; стр. 31—36, 82—86 и 587—598.

177. **О народномъ суевѣріи** и вліяніи его на жизнь. *Свѣточъ. К. Божковскій.* 2; стр. 45—98.

Сочиненіе г. Божковскаго раздѣляется на 4 отдѣла: 1) Указаніе главныхъ источниковъ суевѣрія и причины, поддерживающія его въ народѣ. 2) Описаніе суевѣрія съ многоразличными повѣрьями. 3) Изображеніе вліянія суевѣрія на жизнь; тѣ печальныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ суевѣріе. 4) Указаніе на средства къ искорененію суевѣрія въ нашемъ народѣ.

178. **Источникъ суевѣрія,** причины, поддерживающія его, и пр. *Божковскій. Полтавскія Губ. Вѣд.* 26 и 27; 10 стр.

179. **Средство противъ суевѣрій** и предразсудковъ народа, относительно лица священника. *Руководство для сельскихъ пастырей.* 42; 12 стр.

180. **Слово о суевѣріи.** *Руководство для сельскихъ пастырей.* 10; 8 стр.

Сокращенно переложено изъ „Вечери духовной", сочин. іеромон. Симеономъ Полоцкимъ, умершимъ въ 1682.

181. **Остатки язычества** въ нашемъ простомъ народѣ. Статья *К. Д. Руководство для сельскихъ пастырей.* 41; стр. 132—155.

Остатки въ народѣ демонологіи: 1) Вѣрованіе въ домовыхъ. 2) Вѣрованіе въ существованіе русалокъ. 3) Вѣрованіе въ существованіе водяныхъ и лѣшихъ. 4) Вѣрованіе въ существованіе кикиморъ и огненныхъ змѣй.

182. **Матеріалы** для исторіи простонародныхъ суевѣрій. *Современникъ.* 6; стр. 193—216.

Составлено по соч.: 1) Объ Антихристѣ, противъ раскольниковъ, соч. Нильскаго; 1859 г. 2) Le raskol. Essai historique sur les sectes religieuses en Russie. P. 1859.

183. **Невѣжество и суевѣрія** простого народа, относительно скота (въ статьѣ: Скотоводство Тверской губ.). *Тверскія Губ. Вѣд.* 46; 5 стр.

184. **Батуринъ.** Мѣстечко Черниговской Губ. *М. Исаенко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 1, 8, 9, 11, 12, 14, 15—19 и 22.

Содержаніе: 1) Исторія. 2) Этнографія (Предразсудки и суевѣрія. Образцы мѣстнаго нарѣчія. Народныя пѣсни, пословицы и поговорки). 3) Статистика.

185. **Кометы и суевѣрныя преданія объ нихъ.** *Иллюстрированный Семейный Листокъ.* 57—58; 1 стр.

186. **Воспоминаніе о кометѣ** 1858 г. Взглядъ на нихъ простаго народа. *В. Аревьевъ. Пермскія Губ. Вѣд.* 33.

187. **Кликуши.** *А. Клементовскій. Московская Медиц. Газета.* 25—27; 10 ст.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 1860. № 251 и 2) въ газетѣ Наше Время, 1860. 37; ст. *Прыжова.*

188. **Иванъ Яковличъ,** лже-пророкъ. *Прыжовъ. Наше Время.* 34; 4 стр.

189. **Что такое** Иванъ Яковлевичъ? *Кн. Н. Голицынъ. Наше Время.* 28; 2 стр.

Разборы кн. г. Прыжова помѣщены: I) въ Современникѣ 1861. 2. II) Въ Русскомъ Словѣ, 1861. 2. III) Въ Свѣточѣ, 1860. 3.

190. **Мѣстныя народныя заговариванья** отъ червей у скота. *Записки Юрьевскаго Общ. Сельскаго Хозяйства,* выпускъ II; 1 стр.

Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ.

На морѣ на окіянѣ, на островѣ на буянѣ, тутъ лежалъ бѣлъ камень. На этомъ камнѣ сидитъ змѣя скоропея: „Эй же ты змѣя скоропея, я пришелъ къ тебѣ съ нуждою". Съ какою? „Найти ту змѣю, коя укусила раба Божія (имя рекъ или такую-то скотину)".—Я, говоритъ, не пойду. „А я тебя громомъ убью".—Я отъ грома спрячусь въ землю. „А я насыплю тебѣ въ уши лютаго зелья. „И пошла змѣя скоропея по чистымъ полямъ и по шелковымъ травамъ, по пнямъ, по изгородямъ и по гнилымъ колодамъ и по дрязгамъ, — и нашла ту змѣю, коя укусила раба Божія, и говоритъ ей: „вынь изъ этого раба три жала, чтобъ не болѣло и не пухло и не ломило. Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь". (Наговариваютъ на хлѣбъ, которымъ трутъ больное мѣсто).

От ъ притки.

Во имя Отца и Сына Св. Духа. Отговариваю притку — денную, ночную, встрѣшну, поперешну, полуденну, полуношну, водяную, нутряную, часовую, получасовую. Не я притку отговариваю, — отговариваетъ притку Михаилъ архангелъ, Гавріилъ архангелъ, Николай чудотворецъ, и вся отговариваетъ небесная колесница. Отсылаю притку на море на окіянъ, на островъ на Буянъ, на бѣлый камень *Латарь*: тамъ принимаютъ притку 77 молодцовъ, одинъ молодецъ (сказать трижды); запираетъ притку въ 77 замковъ, въ 77 ключевъ (трижды); отсылаютъ притку въ окіянъ море, въ бѣлу рыбицу: тамъ тебѣ притка жить хорошо, привольно... Вамъ цвѣтамъ не разцвѣтать; тебѣ притка на мою смерть не отрыгать. Небо и земля ключь! Аминь.

191. **О народной медицинѣ Южно-Руссовъ.** *Ст. Нов. Московская Медицинская Газета.* 5, 6 и 11.

192. **Домашнія средства,** употребляемыя жителями при-Аргунскаго края при леченіи болѣзней, и народные врачи при-Аргунцевъ. *Н. Кашинъ. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества.* 11; стр. 121—145.

Содержаніе: 1) Лекарства растительныя. 2) Лекарства минеральныя. 3) Народныя акушерства и хирургія. 4) Народные врачи-знахари и вообще суевѣрное леченіе болѣзней.

193. **Заговоръ отъ грыжи.** Сообщилъ *В. И. Ламанскій. Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общества.* 11; 1 стр.

194. **Понятія** алтайскихъ инородцевъ о душѣ. *В. Вербитскій. Томскія Губ. Вѣд.* 5; 3 стр.

195. **Кончина вѣка** по преданіямъ алтайскихъ народовъ. *В. Вербицкій. Томскія Губ. Вѣд.* 30; 3 стр.

Признаки кончины вѣка, по преданіямъ: 1) Кузнецкихъ Алеутовъ и 2) Алтайцевъ.

196. **Черемисскія вѣрованія.** *Вятскія Губ. Вѣд.* 27; 4 стр.

Всѣ некрещеные Черемисы до настоящаго времени вѣруютъ такъ:

Богъ единъ, но люди вѣруютъ различно, такъ что каждый народъ имѣетъ свою вѣру, подобно какъ каждое дерево въ лѣсу имѣетъ свои листья и цвѣты. Всѣхъ вѣръ на землѣ семьдесятъ семь, потому что люди говорятъ семью-десятью семью языками.

Вѣры всѣ угодны Богу, потому что онъ самъ далъ каждому народу свою вѣру, перемѣна которой есть такое преступленіе, которое не останется безъ наказанія.

Изъ обитающихъ на землѣ народовъ, Черемисы должны покланяться благому существу — Юма-ланъ и злому — Кереметъ-ланъ.

Юма сотворилъ міръ и человѣка и управляетъ вселенною, поэтому онъ Чила-кугуша (Вседержитель), котораго христіане называютъ ветхимъ-денми, отъ Юма (сѣдой). У него есть своя семья, каждый членъ которой устрояетъ по волѣ Юмы, счастіе Черемисъ. Члены эти: Юмонъ-аба (мать Юмы); отъ нея зависитъ продолженіе жизни человѣческой; Младе-аба (земная мать), управляющая землею; Кюдуртуше-юмо, хранящій черемисскую скотину; Тюнявь-юмо (небесный богъ),

правящій небесами, и, наконецъ Шочмашъ-аба, (мать рожденія), отъ которой зависитъ плодъ черемисскихъ супруговъ и размноженіе ихъ домашней скотины. Юмо и каждый членъ его семьи имѣютъ у себя по благому духу, которые производятъ пищу для Черемисъ и ихъ домашней скотины, и по докладчику, обязанность которыхъ состоитъ въ возвѣщеніи Черемисамъ потребностей и желаній. Кереметъ также вѣченъ (собезначаленъ) Юмѣ, только меньшій братъ его; онъ при сотвореніи и человѣка захотѣлъ дѣлать тоже, что дѣлалъ старшій братъ, но не будучи равенъ силами, онъ только искажалъ его творенія. Когда Юмо захотѣлъ сотворить сушу и велѣлъ Кереметю, плававшему по водѣ въ видѣ селезня, достать изъ подъ воды земли, то онъ, исполнивши приказаніе брата, отдалъ ему не всю землю, бывшую у Кереметя во рту, а на поданную Юмѣ землю онъ дунулъ, и она тотчасъ же покрыла воды; остальную землю Кереметъ выбросилъ изо рта, и она образовала горы. Сотворивъ тѣло человѣка, Юмо пошелъ въ другое мѣсто, чтобы сотворить душу, а чтобы Кереметъ не надсмѣялся надъ его твореніемъ, онъ приставилъ ее къ тѣлу пса, который былъ сотворенъ сначала безъ шерсти. По уходѣ брата, Кереметъ явился предъ тѣломъ и произвелъ такой холодъ по всему свѣту, что песъ едва не замерзъ, что возбудило въ Кереметѣ сожалѣніе, и онъ далъ псу шерсть. Въ благодарность за это: песъ подпустилъ этотъ холодъ къ тѣлу человѣка, а Кереметъ изъ зависти это тѣло охаркалъ и тѣмъ положилъ въ немъ зародышъ всѣхъ болѣзней.

---

5. ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ, ПѢСНИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ.

197. **Народныя преданія** Олонец. губ. *К. Петровъ. Олонецкія Губ. Вѣд.* 1, 2 и 27; 6 стр.

1) Панское озеро. 2) Лодка съ блескомъ. 3) Бочка съ золотомъ. 4) Коровы.

198. **Древнѣйшія эпическія преданія** славянскихъ племенъ. *Ѳ. Буслаевъ. Русское Слово.* 10; стр. 246—269.

*199. **Памятники** старинной русской литературы, издав. Гр. *Гри. Кушелевымъ-Безбородко,* подъ редакціею *Н. И. Костомарова.* Сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи. Вып. I и II. Спб. 1860. г. Въ тип. П. Кулиша. Въ б. 4-ю д. л. 303 и 483 стр. Приложеніе при журналѣ *„Русское Слово"*.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) Въ „Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ"; томъ IX, вып. 3. 2) Въ „Современникѣ", 11. 3) Въ „Спб. Вѣд." 233.

*200. **Историческіе очерки** русской народной словесности и искусства. Соч. *Ѳ. Буслаева.* Т. I и II. Русская народная поэзія и древне-русская народная литература и искусство. Спб. Въ тип. Товарищ. „Общ. польза". 1861. Въ 4-ю д. л. II, III, 643 и 429 стр. Ц. 7 р.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) Въ „Современникѣ" 12; стр. 222—305. 2) Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 12. 3) Въ „Русскомъ Словѣ". 1861. 2, 3 и 4. 4) Въ журналѣ „Время" 1861. 4. 5) Въ „Современникѣ" 1861. 1. Ст. *А. Пыпина.* 6) Въ Журналѣ „Мин. Нар. Просвѣщенія". 1861. 5. Ст. *В. Водовозова* и 7) въ Библ. для Чтенія 1861, 7.

201. **Деревенскія преданія.** *Криницкій. Московскій Вѣстникъ.* 33; 4 стр.

202. **Преданія** о временахъ Пугачева. *Николаевъ. Саратовскія Губ. Вѣд.* 25.

203. **Преданія** о временахъ Пугачева. *Г. Сапожниковъ, А. Николаевъ, Алексѣевъ* и *—скій. Саратовскія Губ. Вѣд.* 5, 6, и 14.

204. **Изъ воспоминаній** прошедшаго. *Саратовскія Губ. Вѣд.* 22 и 23.

Въ 1-й ст. говорится о первой холерѣ въ Саратовѣ, во 2-й — о татарскихъ монетахъ, находимыхъ въ курганахъ, на берегу Волги и преданіе о нѣкоемъ ханѣ Сарторіусѣ, отъ котораго, будто бы, Саратовъ получилъ свое названіе.

205. **Чихонастовскій курганъ.** *Андреевъ. Саратовскія Губ. Вѣд.* 8.

Въ этой статейкѣ разсказано одно преданіе.

206. **Ратовъ наволокъ.** *Г. Заринскій. Архангельскія Губ. Вѣд.* 45; 2 стр.

Такъ называется приходъ, лежащій при р. Вайнугѣ текущей въ р. Емцу. Въ этой статьѣ разсказывается преданіе о нападеніи Новгородцевъ на мѣстную Чудь или Лопь, въ XIV столѣтіи.

207. **Крестнозеро** (Лодейнопольскаго уѣзда, въ Гонгинскомъ погостѣ). *Н. Тихоміровъ. Олонецкія Губ. Вѣд.* 48; 2 стр.

Здѣсь описано преданіе о происхожденіи этого озера.

208. **Озеро Свитязь.** *М. Дмитріевъ. Виленскій Вѣстникъ.* 41. 8 — ½ ст.

Озеро Свитязь, воспѣтое Мицкевичемъ, лежитъ въ 3-хъ миляхъ отъ города Новогрудка, по такъ называемому Валевскому тракту. Въ настоящей статьѣ это озеро разсматривается съ поэтической стороны преданія и исторіи.

209. **Брянскія преданія**. *Д. Карякинъ. Оберточный Листокъ.* 26, 27, 31 и 32; 10 стр.

210. **Кумъ** (народное повѣріе). *Ев. Писаревъ. Вологодскія Губ. Вѣд.* 1859. 33; 4 стр.

211. **Крещатый дубъ.** Преданіе. *М. Исаенко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 38.

212. **Преданія о кладахъ.** Матеріалы для исторіи новогородскаго края. *Ф. Воропоновъ. Одесскій Вѣстникъ.* 107.

213. **Разсказы о кладахъ.** *М. Исаенко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 51.

214. **Разборъ сочиненія:** „Народныя русскія легенды“. *Отечественныя Записки.* 4; 1 стр.

215. **Легенда** про нѣкоего Варсонофія, да про нѣкоего старца-странника благочестиваго. Стих. *В. Крестовскаго. Сынъ Отечества.* 36.

216. **Изъ могильныхъ преданій.** Легенда о кровосмѣсителѣ. *Н. Костомаровъ. Современникъ.* 3; стр. 209—218.

Преданіе объ одномъ человѣкѣ, убившемъ своего отца и смѣсившемся съ своею родною матерью.

217. **Черноморская легенда.** *Е. Сталинскій. Кавказъ.* 65 и 66; 20 — ½ ст.

218. **Притча** о нуждѣ и лихоимствѣ. *Развлеченіе.* 34; 2 стр.

Записано со словъ старушки О. П. Крюковою.

219. **Воронья богиня**. Грузинская легенда. *Н. Дункель-Велингъ. Кавказъ.* 34; 6 — ½ ст.

220. **Погане поле.** Легенда. (Стих.) *П. К—ко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 29.

Урочище „Погане поле“ находится на границѣ Нѣжинскаго и Козелецкаго уѣздовъ.

221. **Легенды и повѣрья** украинскаго народа. *А. Новосельскій. Кіевскій Телеграфъ.* 75—77.

222. **Русскія пѣсни** изъ собранія *П. И. Якушкина. Отечественныя Записки.* 4, 5, 6, 7, 10 и 12; стр. 1—106—154—186—228—260—288.

Лирическія пѣсни, обрядовыя пѣсни: а) свадебныя, б) величальныя, в) хороводныя. Эти же пѣсни были отпечатаны отдѣльными книгами. Спб. въ тип. Глазунова. 1860. Въ 8-ю д. л.

223. **Русскія народныя пѣсни,** съ ихъ поэтической и музыкальной стороны. (По поводу собранія П. И. Якушкина, напечат. въ 4-мъ № Отеч. Зап.). *Отечественныя Записки.* 4 и 5; стр. 445—478 и 241—262.

По поводу собранія пѣсенъ г. Якушкина, въ этой статьѣ выписываются и разбираются пѣсни изъ сборника г. Сахарова, Стаховича, Чулковскаго и Новиковскаго. См. ст. объ этихъ пѣсняхъ въ 4-мъ № „Время". 1861.

224. **Нѣсколько русскихъ пѣсенъ.** *Г-жа Кохановская. Русская Бесѣда.* 1; стр. 41—132.

Содержаніе: Молодецкія пѣсни, дѣвичьи пѣсни, пѣсни жениха и невѣсты. Всѣ эти пѣсни относятся къ одной курской мѣстности.

225. **Остатки** боярскихъ пѣсенъ. Г-жа *Кохановская. Русская Бесѣда.* 2; стр. 71—142.

См. ст. объ этихъ пѣсняхъ въ 4-мъ № „Время". 1861.

*226. **Сборникъ** великорусскихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ. *И. Худяковъ.* Москва. Въ тип. Н. Эрнста. 1860. Въ 8-ю д. л. 174 стр.

См. объ этихъ пѣсняхъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв." 1861. 7.

*227. **Сборникъ** русскихъ духовныхъ стиховъ. Составл. *В. Варенцовымъ.* Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. Въ тип. Товарищ. „Общ. Польза". 1860. Въ 8-ю д. л. 148 стр. Ц. 1 р.

Разборы этой книги помѣщены: 1) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 233. 2) Въ „Библіотекѣ для Чтенія" 12. 3) Въ „Русскомъ Инвалидѣ" 253. 4) Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 11. 5) въ „Современникѣ" 11. 6) Въ „Русскомъ Словѣ". 1861. 1. 7) Въ „Русской Рѣчи". 1861. 21 и 23 ст. *Ѳ. Буслаева.* 8) Въ жунналѣ „Время". 1861. 4. и 9) Въ „Журн. Мин. Нар. Просв." Ст. *А. Филонова.*

228. **Нѣсколько словъ** о томъ, какъ собираются и издаются у насъ народныя пѣсни. *Н. Отто. Московскія Вѣдомости.* 277; 2 ст. и *Сѣверная Пчела.* 286.

По поводу изд. г. Варенцовымъ: Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ.

*229. **Пѣсни, собранныя** *П. В. Кирѣевскимъ.* Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Москва. Въ тип. А. Семена. 1860. Въ 8-ю д. л. VI, 84 и XXXIV стр. Ц. 50 к.

Разборы этого изданія находятся: 1) Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 253. 2) Въ „Русскомъ Словѣ“ 11. 3) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 233. 4) Въ „Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ“ Т. IX, вып. 3. 5) Въ „Вѣкѣ“ 1861. 32, статья *Ѳ. Устрялова.* 6) Въ „Журн. Мин. Нар. Просв“. 1861. 7, статья *А. Филонова.* 7) Въ „Отеч. Зап“. 1861. 2. 8) Въ „Свѣточѣ“ 1861. 2; и 9) въ „Русск. Инвалидѣ“. 1861. 71.

230. **Народныя пѣсни** въ Судогодкомъ уѣздѣ. *Владимірскія Губ. Вѣд.* 26; 3 стр.

Сообщены В. Гребнеромъ.

231. **Пѣсни,** записанныя въ мѣстечкѣ Ольшевкѣ (Козелецкаго уѣзда). *Д. Лавриненко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 49 и 50.

232. **Былины, пѣсни** и духовные стихи. Сообщ. *П. Н. Рыбниковъ. Олонецкія Губ. Вѣд.* 17, 33 и 35; 5 стр.

Содержаніе: 45. Былина о Василіѣ Игнатьевичѣ. 61. Былина о двухъ братьяхъ, двухъ Ливикахъ и кн. Романѣ Дмитріевичѣ. 43. Былина о Лжедмитріѣ. 78. Былина о добромъ молодцѣ неудачливомъ и рѣчкѣ Смородинкѣ. Стихи о чудѣ святителя Николая. (Записаны со словъ пѣвцовъ—каликъ).

233. **Пѣсни** обитателей Томской губерніи. *Я. Андреевъ. Томскія Губ. Вѣд.* 49; 4 стр.

1. Пѣсни сѣверныхъ Самоѣдовъ. (Переводъ изъ Кастрена).

234. **Пѣсни заводскихъ крестьянъ** Оренбургской губерніи Верхнеуральскаго уѣзда. *Оренбургскія Губ. Вѣд.* 25, 26; 5 стр.

Эти пѣсни собраны *А. Михайловымъ.*

235. **Пѣсни святочныя** г. Чердыни. *Пермскія Губ. Вѣд.* 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 38.

236. **О народной** изустной словесности Орловской губерніи. Пр. *В. Поповъ. Филологическія Записки.* 2; стр. 105—112.

О народныхъ пѣсняхъ, простонародныхъ сказкахъ, съ точки зрѣнія лингвистической.

237. **Разбойничья пѣсня**. Записана *Н. И. Костомаровымъ*, въ Сердобскомъ уѣздѣ, въ селѣ Волхонщинѣ. *Архивъ Н. Калачова*. 1.

238. **Пѣсня** 1736—1739 г. *М. Семевскій*. *С.-Петербургскія Вѣдомости*. 152.

Пѣсня эта относится къ войнѣ 1736—1739 гг. и начинается такъ:

Власьевъ славный генералъ,
Азоевъ самъ собою взялъ,
А Михинъ (Минихъ) живодеръ,
Солдатскихъ кишекъ неберегъ.

*239. **Старосвѣтскій бандуриста**. Кн. 1-я. Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. Собралъ *Н. Закревскій*. Москва. Въ Университетской тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 136 и VI стр.

240. **Пермскіе сказочники** и Петроній. *Н. М. Благовѣщенскій*. *Русское Слово*. 9; стр. 132—150. См. № 252.

Авторъ доказываетъ, что сказка „о томъ, какъ жена забыла мужа“, помѣщенная во 2-й кн. „Пермскаго Сборника“, заимствована у Петронія изъ его „Satiricon“. Содержаніе этой сказки слѣдующее: Одна жена была до того неутѣшна, послѣ смерти своего мужа, что день и ночь проводила на его могилѣ, въ слезахъ и жалобахъ. Одному солдату приставленному караулить повѣшеннаго преступника, надоѣло ея горе, онъ рѣшился её утѣшить и заставить позабыть покойнаго: это очень легко удалось ему. Штофъ водки и ласки новаго любовника утѣшили неутѣшную вдову.

241. **Русскія народныя сказки**. *В. Крестовскій*. *Библіотека для Чтенія*. 8.

Сказки: 1) Про царя Ивана Васильевича, про горшеню Мороловова да про боярина Дворскаго. 2) Волга и Вазузя. 3) Колобокъ. 4) Морозко. 5) Колокольчики валдайскіе.

242. **Народная сказка**. *А. Товичъ*. *Русскій Міръ*. 89; 3 стр.

243. **Славянскія сказки**. *Ѳ. И. Буслаевъ*. (Изъ лекцій о народной поэзіи, читанныхъ въ 1857—1858 и 1858—1859 акад. годахъ. *Отечественныя Записки*, 10; стр. 641—688.

Эта статья составляетъ 12-ю главу изъ „Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства.

244. **Библіографическая замѣтка**. *П. Шестаковъ. Московскія Вѣдомости*. 251.

По поводу статьи г. Буслаева „Славянскія сказки", помѣщенной въ 10-мъ № „Отечественныхъ Записокъ".

245. **Живая свирѣль**. Сказка въ стихахъ. *Г. Данилевскаго. Часъ Досуга*. 1; стр. 62—70.

Эта сказка была уже разъ помѣщена въ одномъ журналѣ 40-хъ годовъ.

246. **Казка про кравця** и вовка.—Про козла и барана.—Можебилиця. *П. Ефименко. Черниговскія Губ. Вѣд*. 21.

Записаны въ х. Николаевѣ, Борзенскаго уѣзда и въ г. Переяславлѣ.

247. **Лиса—Патрикѣевна** (рус. народн. сказка). *А. Витте. Подснѣжникъ*. 1; стр. 1—11.

248. **Сказка объ Иванѣ Бѣломъ**. *Лѣтописи Русской Литерат*. 1859. 5; стр. 8—15.

Заимствована изъ Сборника Е. Филимонова.

249. **Сказки и притчи**, записанныя въ Шадринскомъ уѣздѣ *А. Зыряновымъ. Пермскій Сборникъ*. 2; стр. 162—179.

Содержаніе: 1) Донскіе казаки и султанъ-басурманъ. 2) Мать и два сына. 3) Жона забыла мужа. 4) Лѣсной. 5) Невѣста горбунья. 6) Аксенко. 7) Ивашко — медвѣжьи уши. 8) Скупой мужъ. 9) Солдатъ и медвѣдь. 10) Солдатъ и нечистый духъ. 11) Купецъ и конторщикъ. 12) Пустынникъ. 13) Дьяволъ — подъ силой молитвы. 14) Монахъ — спасенная душа.

250. **Сказки**, объясняющія представленія Подолянъ о загробномъ мірѣ. Изъ книги: *Бытъ Подолянъ*, издав. К. Швейковскимъ. Т. 1. вып. 2-й. Кіевъ, стр. 59—74.

Сказки: 1) Иван розбійнык. 2) По независящимъ отъ автора обстоятельствамъ 2-я сказка не могла быть напечатана; въ ней изображаются куріозныя похожденія москаля въ пеклѣ. 3) Смерт' за куму. 4) Чоловік від Богу.

251. **Первый винокуръ**. Древнее сказаніе. *Солдатская Бесѣда*. 3; стр. 187—212.

252. **Сонъ Пресвятой Богородицы**. *Руководство для сельскихъ пастырей*. 5; стр. 103—125.

Тутъ же приложены 2 списка самаго сна — одинъ пол-

ный, другой краткій, съ рѣзкой печатью языка и фантазіи малороссійскаго народа.

253. **Финская поэма,** или сказка, Калевала (Финляндія). *Журнал для Дѣтей.* 47, 48, 49, 50; стр. 738—800.

254. **Разсказъ Шадринца.** (Образчикъ нарѣчія). (Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ). *S. Пермскій Сборникъ.* 2; стр. 180—184.

255. **О народномъ говорѣ** Орловской губерніи. *В. Поповъ. Орловскія Губ. Вѣд.* 3, 4 и 5; 14 стр. и *Филологическія Записки.* 3.

*256. **Малороссійскія пословицы,** поговорки и загадки и галицкія приповѣдки. Собралъ *Н. Закревскій.* Москва. Въ Унив. тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 139—244. (Помѣщена во 2-й кн. „*Старосвѣтскій бандуриста*“).

257. **Додатокъ** до украинскихъ помовокъ та погудокъ. *П. Ефименко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 23—26.

258. **Дополненіе** къ украинскимъ пословицамъ и поговоркамъ. *П. Ефименко. Черниговскія Губ. Вѣд.* 1860. 38 и 40; 4 стр.

259. **Статистическое описаніе** села Ярославичь Дубенскаго уѣзда. *А. Ясинскій. Волынскія Губ. Вѣд.* 1; 2 стр. (окончаніе).

Въ настоящей статьѣ помѣщены пословицы и пѣсни.

260. **Присловья** въ Олонецкой губерніи. *К. Петровъ. Олонецкія Губ. Вѣд.* 33; 2 стр.

Извлечено изъ „Русскаго Дневника“.

261. **Боскоѣды.** *Олонецкія Губ. Вѣд.* 40; 2 стр.

По поводу предъидущей статьи. — Боскоѣдами называютъ крестьянъ Шелтозерскаго общества, въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, по слѣдующему случаю. Однажды въ ночь передъ свадьбою, домашняя собака (по чудски *боска*) ощенилась на печкѣ. Лишь только затопили печь и поставили къ устью горшки съ мясомъ, щенята, вѣроятно, отъ жару, расползлись отъ матки по печкѣ и одинъ за другимъ попадали въ горшки, чего хозяева не замѣтили. Собрались, наконецъ, гости, сѣли за столъ, подали деревенскіе щи, въ которыхъ плавали сабачьи морды, уши и лапы. Съ крикомъ и бранью гости выскочили изъ за трапезы, — и съ того времени названіе *боскоѣдовъ* присвоено всѣмъ здѣшнимъ жителямъ.

262. **Причитанья по покойнику (въ Кунгурскомъ уѣздѣ).** Сообщилъ крестьянинъ *Е. Бурдинъ. Пермскій Сборникъ.* 2; стр. 128—131.

263. **Любовное заклинаніе** изъ слѣдственнаго дѣла 1769 г. *Лѣтописи Русской Литературы.* 1859—60; 6.

Во имя сатаны и судьи его демона, почтеннаго демона пилатата игемона, встану я, добрый молодецъ, и пойду я, добрый молодецъ, ни путемъ, ни дорогою, заячьимъ слѣдомъ, собачьимъ набѣгомъ и вступлю на злобное мѣсто и посмотрю въ чистое поле, въ западную сторону, подъ сыру матерую землю и пойду я своей буйной головою о землю сыро-матерую поклонюсь и помолюсь самому сатанѣ. Гой еси ты государь сатана! пошли ко мнѣ на помощь рабу своему часть бѣсовъ и дьяволовъ: Зеследеръ, Пореастонъ, Коржанъ, Ардунъ, Купалолака, съ огнями горящими и съ пламенемъ палящимъ и съ ключами кипучими, и чтобъ они шли къ рабицѣ дѣвицѣ или молодицѣ и зажигали бъ они по моему молодецкому слову ея душу и тѣло и буйную голову, умъ и слухъ, и ясныя очи, и бѣлое лице, и ретивое сердце, и бурую печень, горячую кровь и всѣ тѣлесныя жилы и суставы и ея думу и думицу на похотѣнье и погляденье, и чтобъ она раба отъ всего тѣлеснаго пламени не могла-бы на меня добраго молодца и на мое бѣлое лице наглядетца и насмотретца, и шла бы она въ мою молодецкую думу и думицу и въ молодецкую тѣлесную мою утѣху, и не могла бы она насытить своею черною *п*..... моего бѣлаго *х*.. и не метывала бы она дѣвица или молодица меня добраго молодца отъ своей думы и думицы и ясныхъ очей, и не могла-бы она безъ меня ни жить ни быть, ни ѣсть ни пить какъ бѣлая рыба безъ воды, мертвое тѣло безъ души, младенецъ безъ матери, и сохла-бы она по мнѣ своимъ бѣлымъ тѣломъ, какъ сохнетъ отъ великаго жару и отъ краснаго солнышка и отъ буйнаго вѣтра и которая трава лодшейная (sic) и отколдоватца бы ей отъ моихъ сихъ словъ, наговоровъ и приговоровъ никакимъ хитрецамъ и мудрецамъ, ни старымъ ни молодымъ, ни краснымъ дѣвицамъ.... (*) вы

(*) Не разобрано.

мои слова полны и наговорны, какъ великое океанъ море, крѣпки и лѣпки, крѣпчае и лѣпчае клею карлуку и тверже и плотнѣе булату и камню. Тутъ моимъ словамъ ключь и замокъ, и положу я тотъ ключь и замокъ самому сатанѣ подъ его золотъ престолъ, а когда престолъ его разрушится, тогда и дѣло сіе объявится.

О СВОДНЫХЪ БРАКАХЪ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Въ одной изъ книжекъ *Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи* за 1861 г. помѣщена весьма интересная статья г. Муллова *о сводныхъ бракахъ.* Авторъ весьма искусно описываетъ намъ эту малоизвѣстную форму брачнаго союза въ настоящемъ ея состояніи; онъ весьма отчетливо выставляетъ отношенія сводныхъ браковъ какъ къ сферѣ гражданской, такъ и къ господствующей церкви. Но намъ кажется, что нельзя вполнѣ понять значенія сводныхъ браковъ путемъ изслѣдованія лишь настоящаго ихъ положенія; это явленіе сдѣлается удобообъяснимымъ только съ исторической точки зрѣнія. Вотъ причина, по которой мы рѣшаемся предложить краткій очеркъ образованія сводныхъ браковъ на Руси.

Прежде всего необходимо замѣтить, что по нынѣ дѣйствующимъ законамъ гражданскимъ и духовнымъ сводный бракъ не имѣетъ у насъ силы ни юридической, ни канонической. Но и въ этомъ неправомѣрномъ состояніи своемъ сводный бракъ считается своднымъ лишь въ глазахъ полиціи, духовенства и образованной массы народа; лица же, прибѣгающія къ этой формѣ брака, или вовсе не признаютъ ее за бракъ, совершенно отвергая оный по своему религіозному заблужденію, или признаютъ ее, въ своей, конечно, лишь средѣ, за полное таинство церковное, со всѣми личными и имущественными послѣдствіями. Такое совмѣщеніе въ понятіяхъ о сводномъ бракѣ двухъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на самое существованіе брака вовсе не случайно; оно, напротивъ, указываетъ на историческую связь обоихъ взглядовъ, а именно на то, что сводный бракъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, есть ничто иное, какъ послѣдствіе несостоятельности того религіознаго заблужденія, которое вовсе отвергало существованіе брака.

Отверженіе брака какъ таинства почти столь же древне въ нашемъ отечествѣ, какъ догматическое уклоненіе отъ православія, ибо отверженіе брака есть видъ отверженія церковныхъ таинствъ вообще.

Первое категорическое отверженіе таинствъ мы видимъ на Руси въ концѣ XIV вѣка, въ Псковѣ и Новгородѣ, въ ученіи стригольниковъ. Основатель этого ученія, діаконъ Карпъ, а за нимъ его послѣдователи, нападая на злоупотребленія, преимущественно же мздоимство и невѣжество бѣлаго духовенства, утверждали, что можно обходиться безъ священства и церквей, и призывали міранъ къ отправленію духовныхъ требъ. Отвергая затѣмъ исповѣдь и священство, проповѣдуя духовное достоинство всякаго христіанина и въ міранинѣ, они считали не нужнымъ проториться на подаяніе за требы и панихиды, ходить въ церковь, поминать усопшихъ и пріобщаться. Хотя въ современныхъ извѣстіяхъ ничего не говорится объ отверженіи стригольниками брака, но изъ духа всего ихъ ученія, изъ отверженія церковныхъ обрядовъ, таинствъ вообще и въ особенности священства само собою слѣдуетъ, что бракъ перестаіъ у нихъ быть таинствомъ и совершаться по церковному чину. Въ этомъ отношеніи весьма правдоподобно предположеніе автора «Исторіи о расколахъ въ Россійской церкви», архіепископа Воронежскаго и Задонскаго Игнатія, что супружество было у стригольниковъ предоставлено свободному желанію лицъ, безъ всякихъ обрядовъ. Мы считаемъ излишнимъ упоминать здѣсь о причинахъ, обусловившихъ появленіе стригольническаго ученія вообще, признавая основательнымъ мнѣніе по сему предмету преосвященнаго Игнатія, принимающаго эту секту за отголосокъ религіозно-реформатскаго движенія запада, по бывшей въ то время связи Новгорода и Пскова съ западною Европою. Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что къ установленію такого понятія о бракѣ содѣйствовали многія современныя обстоятельства. Новѣйшія историческія розысканія доказываютъ, что въ древней Руси, особенно на сѣверѣ, по причинѣ малочисленности священниковъ и дурной организаціи духовнаго управленія, не только дьяконы отправляли церковныя службы, но даже и люди вовсе не посвященные, и что послѣдніе часто совершали браки между простолюдинами, подобно тому, какъ это соблюдалось относительно рабовъ даже въ Византіи до послѣдовавшаго при императорѣ Алексіѣ Комнинѣ запрещенія (*). Если же, кромѣ этихъ фактовъ, мы возьмемъ въ соображеніе необузданную грубость нравовъ низшихъ сословій того времени, еще далеко не свык-

(*) Объ этомъ будетъ сказано подробнѣе ниже.

шихся съ христіанскимъ ученіемъ, а съ другой стороны замкнутость Русскихъ женщинъ высшихъ сословій и естественное стремленіе выйти изъ этой замкнутости, подъ вліяніемъ приходившихъ съ далекаго запада понятій, то предположеніе почтеннаго автора «Исторіи о расколахъ», восходятъ на степень достовѣрности историческаго факта. Извѣстно, какъ распространилось ученіе стригольниковъ вскорѣ послѣ своего появленія. Если вообще распространеніе этой секты находило себѣ пищу въ современныхъ недостаткахъ духовенства и церковнаго управленія, то очевидно, что и вытекшее изъ сего ученія понятіе о бракѣ должно было быть ничѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ современныхъ въ обществѣ понятій о бракѣ и способахъ его совершенія.

Хотя ученіе стригольниковъ было окончательно осуждено Константинопольскими патріархами Ниломъ и Антоніемъ и Московскимъ митрополитомъ Фотіемъ; хотя основатели ереси были лишены жизни, а послѣдователи ихъ подвергнуты разнымъ церковнымъ и гражданскимъ преслѣдованіямъ, но, вѣроятно, ученіе стригольниковъ, поднявшее въ концѣ XV вѣка опять голосъ въ формѣ новой ереси жидовствующихъ, не исчезло и сохранилось въ предѣлахъ Новгородскихъ, послуживъ пищею для дальнѣйшихъ религіозныхъ броженій и церковныхъ оппозицій въ той мѣстности. Въ ученіяхъ раскольническихъ Соловецкихъ и Поморскихъ отцевъ мы видимъ явные слѣды стригольничества. Съ тѣмъ вмѣстѣ должно было сохраниться и ученіе о бракѣ. И дѣйствительно, по мѣрѣ утвержденія на сѣверѣ, послѣ Соловецкой осады, безпоповщинскаго раскола, мы видимъ отверженіе брака по образцу стригольниковъ, что и вызвало, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сводные браки.

Взглянемъ на ученіе о бракѣ въ различныхъ согласіяхъ безпоповщины.

Поморскіе наставники, при самомъ основаніи Выгорѣцкой киновіи, въ началѣ XVIII вѣка,—проповѣдывали, что крещеніе и исповѣдь могутъ быть совершаемы настоятелями изъ міранъ; прочія же таинства: евхаристія, елеосвященіе, священство, бракъ, міропомазаніе болѣе на землѣ не существуютъ, за несуществованіемъ на землѣ правильно рукоположеннаго священства, безъ котораго эти таинства не могутъ быть совершаемы. Непризнанію брака способствовало скитское всеобщее направленіе, господствовавшее въ Поморскомъ согласіи; нарушеніе же этого завѣта блудомъ и прелюбодѣяніемъ считалось грѣхомъ, который, впрочемъ, легко выкупался наложеніемъ разныхъ эпитимій.

Ѳеодосѣевское согласіе сначала отвергало только дѣйствительность тѣхъ браковъ, которые были заключены сектаторами въ православной

церкви, до поступленія въ согласіе, но затѣмъ перестало вовсе признавать бытіе брака на землѣ, по той же причинѣ, какъ и Поморское согласіе. Увлекаясь ненавистью къ православію, раскольники сей секты возненавидѣли *бракъ* болѣе *блуда*, считая блудъ естественнымъ, неизбѣжнымъ грѣхомъ, при невозможности заключенія брака въ церкви, за отсутствіемъ священства, грѣхомъ, легко искупаемымъ наложеніемъ нѣкоторыхъ эпитимій, тогда какъ бракъ, заключенный въ церкви, въ которой царемъ Антихристъ, составляетъ, по ихъ понятіямъ, грѣхъ, во вѣки непрощаемый. Взглядъ этотъ раскольники нынѣ подтверждаютъ тѣмъ, что непризнаваемый ими бракъ совершается торжественно, явно, какъ бы съ безстыдствомъ и соблазномъ, тогда какъ блудъ происходитъ тайно, а потому, не возбуждая соблазна, *тайно* и *судится* и скорѣе прощается, на томъ основаніи, что самая тайна, облекающая совершеніе этого грѣха, есть нѣкоторое уже мученіе совѣсти, способствующее ея искупленію. Въ дальнѣйшемъ суевѣрномъ развитіи своемъ это ученіе стало приводить въ оправданіе свое, что по священному писанію жена—Ева—отъ діавола, а дѣва—Богородица—отъ Бога, въ слѣдствіе чего легче грѣшить блудомъ съ дѣвою, не связываясь постоянными узами, нежели съ женою, въ бракѣ постоянномъ. Такой взглядъ произвелъ развратъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, между прочимъ и потому, что Ѳеодосѣевское согласіе было значительно распространено не въ однихъ селеніяхъ, но и въ городахъ, такъ какъ этой секты преимущественно держались люди торговые, обладавшіе значительными капиталами, постоянно жившіе въ Москвѣ и другихъ промышленныхъ центрахъ. Соблазны городской жизни находили не только безпрепятственное, но самое широкое примѣненіе въ помянутомъ ученіи о блудѣ. Нерѣдко случалось, что дочери богатѣйшихъ купцовъ, убѣгая изъ родительскихъ домовъ, поселялись въ Ѳеодосѣевскихъ скитахъ и тамъ, подъ видомъ наружнаго благочестія, утопали въ развратѣ. Такой мрачный порядокъ вещей особенно укоренился на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, на которомъ, съ теченіемъ времени, явилось цѣлое поколѣніе такъ называемыхъ *сиротинокъ* или *воспитанниковъ*; поколѣніе это было плодомъ блуда, возведеннаго въ принципъ жизни. Случалось, и особенно въ низшихъ сословіяхъ, въ средѣ крестьянской, что отсутствіе нравственныхъ узъ вело не только къ кровосмѣшенію, но и къ мужеложству. Слѣдственныя дѣла губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, погибающія въ архивной пыли, могли бы представить много фактовъ въ подтвержденіе нашихъ словъ.

Основатель третьей отрасли безпоповщинскаго толка, Филиппъ, пошелъ еще далѣе. Онъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ не только

разводить вѣнчавшихся въ православной церкви на чистое житіе, но и называть братьями и сестрами. Такимъ образомъ въ Филипповскомъ согласіи вскорѣ утратилась не только всякая мысль о бракѣ или постоянномъ сожительствѣ, но воцарился болѣе глубокій развратъ, нежели въ Ѳеодосѣевщинѣ, поддерживаемый совершенною утратою сознанія родственныхъ отношеній. Впрочемъ, и здѣсь особеннымъ развратомъ отличались горожане; въ селеніяхъ же догматъ безбрачія умѣрялся постоянно вліяніемъ родовыхъ понятій и семейнымъ образомъ жизни—этою единственною формою внутренняго домашняго быта Русскаго поселянина (*).

Мысль о безбрачіи находила себѣ долго пищу, кромѣ преобладанія въ безпоповщинѣ скитскаго направленія, еще и въ убѣжденіи о скоромъ скончаніи міра и наступленіи страшнаго суда; въ такое время казалось неумѣстнымъ увлекаться прелестями земной жизни и заводиться семьей и хозяйствомъ. Но страшный судъ не наступалъ, а развратъ, порождаемый отверженіемъ брачной жизни, безпрестанно увеличивался, не смотря на всѣ мѣры духовной строгости, принимаемыя постоянно и повсюду по приговору старовѣрческихъ соборовъ. Такое безъисходное состояніе убѣдило благомыслящихъ раскольниковъ мало-по-малу, почти безсознательно, снова обратиться къ супружеской жизни. Явился цѣлый рядъ сочиненій, въ доказательство, что бракъ на землѣ не можетъ истребиться до скончанія міра; сочиненія эти, кромѣ доводовъ догматическихъ, заключаютъ въ себѣ, на каждомъ шагу, ссылки на примѣры изъ исторіи гражданской и на непреложность естественнаго порядка вещей. Стали утверждать, что продолженіе бытія на землѣ невозможно безъ плотскаго совокупленія, что это совокупленіе даже и въ животномъ царствѣ имѣетъ нѣчто похожее на постоянное супружеское сожитіе, и что, слѣдовательно, тѣмъ необходимѣе строгое единобрачіе для поддержанія гражданской связи между людьми; что только бракъ утверждаетъ семейную жизнь, обезпечиваетъ воспитаніе дѣтей и права наслѣдства. Такъ началъ писать въ первой половинѣ прошлаго столѣтія Ѳеодосѣевецъ Иванъ *Алексѣевъ* (**), а за нимъ многіе другіе. Большая часть купцовъ и мѣщанъ разныхъ безпоповщинскихъ согласій,

(*) Нѣчто подобное мы видимъ на востокѣ; хотя тамъ, по закону Магомета допускается многоженство, но этою формою супружества, гаремами, пользуются лишь лица богатыя и живущія въ городахъ, простой же народъ, и въ особенности поселяне, имѣютъ большею частію по одной женѣ. Тоже самое мы видимъ въ Россіи въ Татарскихъ селеніяхъ.

(**) Его сочиненіе «О тайнѣ брака».

люди семейные, жившіе въ городахъ, не замедлили оказать сочувствіе къ этому новому направленію, и вотъ начинается цѣлый рядъ попытокъ возстановленія въ безпоповщинѣ законнаго супружества. Выше было сказано, что обвѣнчанные въ православныхъ церквахъ, при вступленіи въ безпоповщинскія согласія, были разводимы, и что въ дальнѣйшей ихъ жизни блудъ былъ предпочитаемъ браку. На первый разъ установилось теперь постоянное блудное сожитіе одного и того же мужчины съ одною и тою же женщиною, соединявшимися навсегда подъ именомъ *явныхъ прелюбодѣевъ;* они обыкновенно должны были, отъ времени до времени, подчиняться разнымъ эпитиміямъ и ограниченіямъ, особенно женщины послѣ родовъ, но тѣмъ не менѣе это было уже фактическое супружество. Далѣе, это фактическое супружество получаетъ формальный характеръ, черезъ что подъ конецъ теряетъ вовсе видъ блуда, и становится постояннымъ супружествомъ не только въ его религіозномъ, но и гражданскомъ значеніи. Такъ заведено было обыкновеніе, чтобы дѣвицы, вступавшія въ подобное сожитіе съ согласія, конечно, родителей, притворно убѣгали или увозимы были своими будущими сожителями тайно изъ родительскаго дома, и на другой же день являлись въ родительскій домъ какъ бы съ повинною головою; родители сначала прятались отъ нихъ, но потомъ начинали ласкать ихъ, принимать и посѣщать. Впослѣдствіи это прятанье прекратилось и родители, на другой день послѣ бѣгства дочери, принимали ее съ мнимымъ ея похитителемъ, какъ молодыхъ, съ обычнымъ благословеніемъ. Затѣмъ, вмѣсто похищенія и бѣгства, установилось словесное изъявленіе согласія со стороны родителей на подобный бракъ, съ предварительнымъ благословеніемъ, а черезъ нѣсколько времени, даже съ записаніемъ сего на бумагѣ, въ формѣ акта, при постороннихъ иногда свидѣтеляхъ. Чтобы дать сему сожитію и происходящимъ отъ него дѣтямъ всѣ гражданскія права, раскольники въ то же время вѣнчались въ православной церкви, очищаясь потомъ эпитиміей въ своихъ моленьяхъ; когда священники отказывались совершать сей обрядъ, то раскольники даже соглашались записываться православными и, еще скорѣе, единовѣрцами. Вступавшіе такимъ образомъ въ бракъ назывались *новоженами* (*). Долго эти новожены, принадлежа въ частности къ разнымъ безпоповщинскимъ толкамъ, не составляли отдѣльнаго толка и потому, какъ разбросанное стадо, примыкали по неволѣ къ своимъ едино-

---

(*) Кромѣ *новоженовъ*, существуютъ *старожены*, которые были вѣнчаны въ православныхъ церквахъ до поступленія въ расколъ и удержали супружество, съ соблюденіемъ разныхъ эпитимій по поступленіи въ безпоповщинское согласіе.

согласникамъ, болѣе или менѣе не любившимъ ихъ и даже иногда извергавшимъ ихъ изъ своей среды. Такъ, въ 1751 году Ѳеодосѣевцы соборно положили: *съ новоженами не жить въ одномъ домѣ, не пить и не ѣсть вмѣстѣ и дѣтей ихъ не крестить; буде же новожены принесутъ раскаяніе, то разводить ихъ съ женами въ разныя деревни и снова перекрещивать.* Подобныя же правила постановили противъ новоженства и Поморцы въ 1794 году, въ знаменитыхъ по этому случаю *пяти статьяхъ.* Въ 1765 году является у новоженовъ свой особый наставникъ изъ Ѳеодосѣевцевъ, *Гаврило Артамоновъ*, устроившій моленную, въ которой сталъ совершать описанные браки. Подъ вліяніемъ его, но въ особенности его послѣдователей, Московскаго купца *Монина* и настоятеля устроенной симъ послѣднимъ (близь Преображенскаго кладбища, въ Покровской улицѣ, въ собственномъ домѣ) моленной, *Василья Емельянова*, установилась окончательно форма безпоповщинскаго брака, на слѣдующихъ основаніяхъ, почерпнутыхъ изъ Коричей.

Извѣстно, что Римскій языческій бракъ имѣлъ два вида: *connubium*—полный, привилегированный гражданскій бракъ, и *concubinatum*—бракъ частный, съ меньшими правами и обрядами, допускаемое и признаваемое закономъ сожитіе. Эти двѣ формы перешли и въ христіанскую Византію. Такъ какъ первая форма брака, торжественная, совершаемая въ церкви, какъ таинство, съ употребленіемъ вѣнцевъ, считалась въ числѣ эманципацій, т. е. обвѣнчанные такимъ образомъ рабы получали свободу, то высшія сословія, удержавъ эту форму исключительно для себя, оставили для рабовъ вторую форму брака, основанную на понятіяхъ о конкубинатѣ, не влекшую за собою свободу гражданскую, имѣвшую не столь торжественный, а болѣе частный характеръ, и состоявшую въ изъявленіи родителями согласія, клятвѣ жениха и невѣсты во взаимной любви и вѣрности, извѣстномъ молитвословіи, безъ употребленія вѣнцевъ и безъ пресвитерскаго даже участія, но только съ записаніемъ при свидѣтеляхъ. Слѣды этихъ двухъ формъ перешли въ первоначальные Греческіе каноны, внесенные къ намъ послѣ крещенія Руси при Владимірѣ Святомъ и сохранившіеся въ Коричей нашей. Вслѣдъ за тѣмъ, въ XI в., императоръ Алексій Комнинъ уничтожилъ эту неполную форму брака, напоминавшую язычество. Хотя объ этомъ законодательномъ дѣйствіи Алексія Комнина и упоминается въ нашей Коричей; но раскольники, со времени Монина и Василья Емельянова, стали утверждать, что заповѣдь Комнинская, какъ лишь царская, имѣла силу только для Греціи, а не для всей восточной церкви, ибо не была постановленіемъ вселенскаго собора. Слѣдовательно, продолжаютъ они, завѣтъ Комнина не простирается на Русь, гдѣ эта форма брака пріобрѣла, чрезъ Коричую,

силу, какъ церковный уставъ, ибо древніе Русскіе православные цари и святители нигдѣ и никогда ея не запрещали. Отсюда они выводятъ, что Русскіе государи не запретили, а слѣдовательно позволяли то, что Греческіе въ своей землѣ уничтожали. До отдѣленія старой вѣры отъ Россійской церкви въ этой формѣ брака они не нуждались, но теперь, по случаю неимѣнія священства и церквей, считаютъ себя въ правѣ пользоваться ею, какъ установленною въ Кормчей. Когда жена Монина, связанная съ своимъ мужемъ лишь такимъ бракомъ, вздумала отъ него убѣжать къ любовнику, на томъ основаніи, что этотъ бракъ не считается правительствомъ за дѣйствительный, то Монинъ подалъ жалобу, съ подробнымъ объясненіемъ сущности своего брака митрополиту Платону и бывшему министру духовныхъ дѣлъ, кн. Голицыну, домогаясь признанія своего супружества законнымъ и возвращенія, на этомъ основаніи, къ нему жены его; начавшееся по сему въ Синодѣ дѣло было рѣшено въ пользу Монина. Вѣроятно на этомъ основаніи, Сенатъ разрѣшилъ совершаемые означеннымъ порядкомъ въ Монинской моленной браки признавать законными и вписывать ихъ въ особыя книги, заведенныя при этой моленной. Тогда раскольники разныхъ безпоповщинскихъ толковъ, для огражденія своихъ гражданскихъ, наслѣдственныхъ правъ, стали вѣнчаться у Монина, не соглашаясь даже съ его ученіемъ, особенно богатые купцы Ѳеодосѣевскаго согласія; послѣдніе, заключивъ супружество въ Монинской моленной, являлись потомъ на Преображенское кладбище, для очищенія себя разными эпитиміями, постоянно показываясь тамъ врозь съ своими женами. Всѣ вообще брачившіеся такимъ образомъ, бывая въ прочихъ безпоповщинскихъ моленныхъ, могли слушать службу лишь въ преддверіяхъ. Двѣ моленныя, подобныя Монинской, но, кажется, безъ такого же признанія отъ правительства, существовали въ началѣ XIX вѣка и въ Петербургѣ, одна на Малой Охтѣ и другая въ домѣ купца Пѣшнева. Въ 1834 году Монинская моленная, за разные безпорядки, вѣроятно за вѣнчаніе лицъ безпаспортныхъ или не имѣвшихъ правъ на вступленіе въ бракъ, была уничтожена, вслѣдствіе чего прекратилось и признаніе правительствомъ безпоповщинскаго брака; съ того времени всѣ брачные безпоповцы въ духовныхъ и гражданскихъ спискахъ, равно какъ и во время ревизій значатся неженатыми и жены ихъ относятся къ семействамъ своихъ родителей въ качествѣ дѣвокъ, съ прижитыми ими дѣтьми, какъ незаконными (*). Съ того времени большая часть послѣдователей призна-

(*) Послѣдняя моленная, гдѣ совершались безпоповщинскіе браки, не подалеку отъ Москвы, была уничтожена въ 1853 году, по распоряженію губернскаго начальства.

нія законнаго брака въ безпоповщинѣ обратились или къ единовѣрію, или къ православію, такъ что въ настоящее время это согласіе почти уже не существуетъ.

Такъ мысль о возрожденіи брака въ безпоповщинѣ, поощренная правительствомъ, принесла отрадный плодъ, воротивъ послѣдователей своихъ къ семейной жизни, смягчивъ ихъ нравы, примиривъ ихъ съ понятіями гражданскими и съ самою церковью. Послѣдствіемъ этого явленія осталось множество полемическихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту брака и противъ него. Сочиненія защитниковъ брака отличаются умѣренностью, начитанностью, отчасти философскимъ направленіемъ и даже поэтическимъ талантомъ; противники же ихъ, *бракоборы*, показали въ своихъ письменныхъ произведеніяхъ духъ нетерпимости, доходящій до ругательства, фанатизмъ самый невѣжественный и нерѣдко плачевное скудоуміе—обыкновенный результатъ ослѣпленнаго, неразумнаго упорства. Вообще, согласіе брачущихся старовѣровъ есть самое грамотное проявленіе раскола.

Изъ этого очерка видно, какое важное мѣсто занимаетъ бракоборство въ исторіи Русскаго раскола, какъ по догматическому своему значенію, такъ и по вліянію своему на общественную и домашнюю жизнь многочисленныхъ послѣдователей разныхъ согласій безпоповщинскаго ученія; но настоящая статья объ этомъ предметѣ составляетъ лишь краткій перечень свѣдѣній, извлеченныхъ большею частію изъ письменныхъ источниковъ раскола и дополненныхъ разказами самихъ поклонниковъ старины; спеціальную же монографію бракоборства въ безпоповщинѣ, съ подробными выписками изъ источниковъ, авторъ надѣется представить на судъ читателей въ непродолжительномъ времени.

Д. Ч. ***В. Фуксъ.***

О СИБИРСКИХЪ ДВОРЯНАХЪ И ДѢТЯХЪ БОЯРСКИХЪ.

Въ Тобольскѣ и вообще въ Сибири, съ самаго покоренія ея до конца XVIII столѣтія, былъ разрядъ (1) служивыхъ людей, извѣстныхъ подъ названіемъ *Сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ*. Въ объясненіе, что это были за люди и какимъ образомъ пріобрѣтали эти званія, помѣщаю извлеченныя мною свѣдѣнія, частію изъ исторіи Сибири, а болѣе изъ старыхъ архивныхъ дѣлъ и бумагъ Сибирскихъ.

Такъ называемые городскіе дворяне и дѣти боярскіе въ Россіи происходили изъ низшаго дворянства. Дѣти боярскіе этимъ именемъ названы потому, что служили при боярахъ, подъ ихъ попеченіемъ и надзоромъ. До учрежденія великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ регулярнаго войска, дѣти боярскіе ходили на войну. Государь давалъ имъ земли и помѣстья, за что они обязаны были приводить съ собою на войну вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ. Въ войскахъ Іоанна III было 300,000 боярскихъ дѣтей и 60,000 сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе ему мало стоило: ибо всякій сынъ боярскій, надѣленный отъ казны землею, служилъ безъ жалованья ([2]). Въ концѣ XVI ст. войско въ Россіи состояло: изъ дворянъ, раздѣленныхъ на три степени--большихъ, среднихъ и меньшихъ Московскихъ и такъ называемыхъ выборныхъ, присылаемыхъ въ столицу изо всѣхъ городовъ на три года; 6,000 всадниковъ изъ дѣтей боярскихъ ежегодно собирались на берегахъ рѣки Оки выгонять Татаръ изъ Рязанскихъ предѣловъ ([3]).

([1]) Древнѣйшая изъ разрядныхъ книгъ, которыя даютъ понятіе о прежнемъ состояніи войска, сколько доселѣ извѣстно, начинается съ $\frac{6976}{1471}$ года.

([2]) Истор. Росс. Государств., Карамзина, томъ VII стр. 192, изд. 4.

([3]) Псковская лѣтопись графа Толстаго.

Въ 1499 году 21 ноября послалъ великій князь Іоаннъ III Васильевичъ въ Югорскую землю и на Вогуловъ воеводъ князя Семена Өедоровича Курбскаго, князя Петра Ушатаго и Василья Гаврилова. «Съ княземъ Семеномъ *дѣтей боярскихъ* Цыгора и Володю Сугурскихъ и Вятчанъ, которые жили на Московской землѣ, Костю Яковлева сына Путвина и Леву Иванова сына Алексѣева, да Петрушу Копова и Устюжанъ съ ними 1,304 человѣка и Вязьмянъ и Вятчанъ 500 человѣкъ (4). Съ княземъ Петромъ Ушатымъ *дѣти боярскіе* Вологжаце Микита Тимоөеевъ сынъ Мотовтинъ, Микита Кушниковъ, да Вятчане Гаврило Софоновъ и Иванъ Бобровниковъ и съ ними Важанъ и Пенянъ 2,000, безъ 80 человѣкъ. Съ Васильемъ Гавриловымъ дѣти боярскіе Вологжане Осипъ Савельевъ да Өедька Неправдинъ и всѣхъ съ воеводами людей 4,024 человѣка» (5).

По учрежденіи регулярнаго войска, дворяне и дѣти боярскіе служили въ полкахъ. По покореніи Сибири вошли въ нее изъ Россіи дворяне и дѣти боярскіе, потомъ здѣсь вновь *верстаны были* въ эти званія или по царскимъ граматамъ или властію воеводъ и потомъ губернаторовъ.

Въ $\frac{7167}{1659}$ году отобраны были въ Сибири отъ дѣтей боярскихъ сказки: кто изъ какихъ сыновъ *верстанъ* въ это званіе, въ какихъ годахъ, при которыхъ бояpахъ-воеводахъ, какіе имъ назначены были оклады и за какія службы. Беру, для примѣра, имѣющуюся у меня выписку изъ этихъ сказокъ или, какъ сказано въ нихъ, изъ толпы (столбца) $\frac{7167}{1659}$ г. о родѣ Черкасовыхъ. «Атаманъ Аөанасій Черкасовъ сказалъ: отецъ его Иванъ Александровичъ, а, по тогдашнему, Черкасъ Александровъ (6) (о которомъ по означеннымъ сказкамъ дѣтей боярскихъ въ 7167 г. значится), служилъ съ Ермакомъ въ атаманахъ и Сибирь взяли вмѣстѣ, послѣ служилъ въ Тобольскѣ въ Татарскихъ головахъ (начальникъ полка) и получалъ жалованья денегъ 25 рублей, хлѣба 50 четвертей и соли 3 пуда въ годъ». Въ 1594 году командированъ былъ изъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, для строенія города Тары, и подъ начальствомъ его было служилыхъ Татаръ 100 человѣкъ. Это подтверждается и Сибирской Исторіей. Въ 1594 году, для построенія города Тары, повелѣно было воеводѣ князю Ан-

---

(4) Разрядн. книга архив. иностранн. дѣлъ № 131, стр. 16—17.

(5) Rerum Moscovit. avctores varii anno M.D. C., стр. 61—62. Разр. Импер. Акад. Наукъ № 44.

(6) Замѣтимъ кстати, что и Василій Тимоөѣевичъ Ермакъ назывался по-тогдашнему Ермакъ Тимоөѣевичъ.

дрею Елецкому взять къ себѣ въ Тобольскѣ Литвы, Черкасъ и казаковъ 100 человѣкъ подъ командою головы Своитина Рупозова, также и Тобольскихъ служилыхъ Татаръ 100 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Черкаса Александрова и двухъ Татарскихъ головъ Баязейта и Байбахты, Тобольскихъ ясачныхъ Татаръ тѣхъ волостей, которыя отъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, лежатъ, 300 человѣкъ, подъ командой ихъ же Татарскихъ начальниковъ, да еще изъ тѣхъ же ясачныхъ Татаръ 150 человѣкъ въ работу на суда, которымъ изъ Тобольска до Тары идти опредѣлено (7).

У Черкаса Александрова были дѣти Борисъ и Аѳанасій, и этотъ Аѳанасій, по грамотѣ изъ Сибирскаго приказа, *верстанъ* въ Тобольскѣ въ дѣти боярскіе, при воеводѣ князѣ Иванѣ Петровичѣ Буйносовѣ-Ростовскомъ (1613—1616), а окладъ ему былъ денегъ 10 рублей, хлѣба ржи и овса 16 четвертей, соли 3 пуда. И какъ пріѣхалъ въ Тобольскъ (1623 г.) бояринъ воевода князь Юрій Яншеевичъ Сулешевъ, то послалъ его съ отписками къ Москвѣ, и онъ, Аѳанасій, съ малодушія своего, съ Москвы сошелъ въ Соловецкій монастырь, а изъ Соловковъ ходилъ въ Русскихъ городахъ лѣтъ съ шесть, а въ его мѣсто *поверстанъ* въ Тобольскіе дѣти боярскіе Спиридонъ Шелеховъ; «и какъ онъ, Аѳанасій, изъ Русскихъ городовъ пришелъ въ Тобольскъ 7138 г., то за службу отца его, по приговору боярина и воеводы князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, велѣно ему, Афанасью, быть въ атаманахъ, вмѣсто прежняго атамана Корнила Дурынина, и окладъ ему учиненъ, что ему, Корнилу, былъ, денегъ 14 рублей съ четвертью, хлѣба ржи и овса 15 четвертей, соли 3 пуда. У него, Аѳанасья Черкасова, дѣти: Михайло 35, Игнатій 25, Марко 18, Евдокимъ 15, Яковъ 12, Максимъ 9 лѣтъ, а сѣнныхъ покосовъ вверхъ по Тоболу въ Черкасовѣ ереку на 250 копенъ».

Другой сынъ Черкаса Александрова — Борисъ сказалъ объ отцѣ своемъ то же, что и братъ его, Аѳанасій, и о себѣ, что «*поверстанъ* за службы отца своего въ дѣти боярскіе 7138 г., при бояринѣ и воеводѣ князѣ Алексѣѣ Никитичѣ Трубецкомъ, и окладъ ему учиненъ 10 рубл. денегъ, хлѣба ржи и овса 5 четвертей, соли 3 пуда. У него дѣти Василій, Герасимъ и Иванъ; деревня безсѣнная, покосовъ по рѣчкѣ Суклёму отъ города 15 верстъ и, кромѣ того, сѣнные покосы повыше города на устьѣ Черкасова ереку на 200 копенъ».

Василій Борисовъ Черкасовъ, сказавъ о дѣдѣ своемъ Черкасѣ

(7) Сибирск. истор. Миллера, Кн. I, гл. 4 § 56.

Александровѣ и отцѣ Борисѣ Ивановѣ, о себѣ далъ сказку, что въ 7155 году, по приговору боярина и воеводы Ивана Ивановича Салтыкова, велѣно ему, Василью, служить въ Тобольскѣ съ дѣтьми боярскими въ недоросляхъ, а окладъ ему учиненъ: денегъ 5 рублей, корму хлѣба ржи 3 четверти, соли два пуда безъ четверти. У него сѣнные покосы дѣда и отца его за рѣкою Иртышемъ выше Черкасова ереку.

Прочіе же братья его, Герасимъ и Иванъ Борисовы, и дѣти дяди его Аѳанасья, Михайло и Евдокимъ служили въ Тобольскихъ дѣтяхъ боярскихъ; а Игнатій, Яковъ и Максимъ Аѳанасьевы также служили въ Тобольскѣ въ дѣтяхъ боярскихъ и были въ сраженіи, подъ командою головы Алексѣя Шульгина, противъ Киргизовъ, въ 1693 году, у озера Семисъ-Куля: первые два убиты, а послѣдній взятъ въ плѣнъ и претерпѣлъ тамъ жестокія истязанія и раны, и, бѣжавъ оттуда, служилъ въ Тобольскѣ въ дѣтяхъ боярскихъ, и прибавлено было ему жалованье.

Герасимовы дѣти внуки Васильевы и правнуки Черкаса Александрова: Иванъ, Алексѣй, Степанъ, Гаврило, Нефедъ и Никита Евдокимовъ, внукъ Аѳанасья, служили въ Тобольскихъ дѣтяхъ боярскихъ. Осипъ Яковлевъ служилъ въ Тобольскѣ въ дѣтяхъ боярскихъ, получалъ жалованья денегъ 7 рублей, хлѣба ржи и овса 7 четвертей, и потомъ опредѣленъ Сибирскимъ дворяниномъ, съ жалованьемъ по 20 рублей, хлѣба по 20 четвертей. Былъ въ Барневской слободѣ (8) комисаромъ и потомъ въ Тобольскѣ оберъ-рекетмейстеромъ, и по смѣнѣ оттуда въ Исетскомъ дистриктѣ правителемъ и, наконецъ, въ городѣ Пелымѣ воеводою до 1736 года.

Теперь обратимся къ другимъ, принадлежащимъ сюда, вѣрнымъ источникамъ, которые находятся у меня въ рукахъ. По челобитью Тобольскихъ дворянъ Петра и Ѳедора Толбузиныхъ повелѣно 1694 года, за многотрудныя службы, голодное терпѣніе, осадное сидѣніе и за смерть на Албазинской стѣнѣ отца ихъ постигшую, прибавить къ ихъ окладамъ денежнаго, хлѣбнаго и солянаго жалованья.

За построеніе на рѣкѣ Тоболѣ Усть-Суерской и Бѣлозерской слободъ, около второй половины XVII ст., и на рѣкѣ Пышмѣ слободъ Калиновской и Юрмытской, и за водвореніе въ нихъ крестьянъ, велѣно Тобольскому дворянину Фефилову быть дворяниномъ по Московскому списку. Одному изъ потомковъ этого Фефилова въ грамотѣ Сибирскаго приказа, 6 января 1709 года, сказано: генеральный президентъ, ко-

---

(8) Барневская слобода основана въ Щадринскомъ дистриктѣ въ 1686 году слободчикомъ Ѳедькой Мизихинымъ.

мендантъ Московскій и провинцій Сибирскихъ судья, князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ съ товарищи приказали: за многія службы Тобольскому дворянину Фефилову пожаловать ковшъ (серебряный), косякъ камки, пять аршинъ сукна и быть ему приказчикомъ Тобольскаго уѣзда въ Нижненицинской и Туринской слободахъ.

По указу государя Петра I и по приказу Сибирскаго губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, 20 іюня 1712 года, Нерчинскому коменданту, стольнику и воеводѣ Ѳедору Родіоновичу Качанову, велѣно дѣтей Василья Пѣшкова: большаго Ѳедора приверстать въ его великаго государя службу въ того Васильева окладъ, а меньшаго Прокопья въ дѣти боярскіе, въ окладъ дѣда его Ѳедора Пѣшкова, а до тринадцати лѣтъ жалованья имъ не давать и въ посылки и въ службы ихъ посылать не велѣть, а какъ 13 лѣтъ имъ минетъ, и то ихъ жалованье давать и въ нарядъ всякой наряжать.

Нѣкоторые казаки, за усердную службу въ Сибири, жалованы были въ дѣти боярскіе. По приказанію того же губернатора Гагарина, въ январѣ 1713 года, велѣно помянутому воеводѣ Качанову Нерчинскаго коннаго казака Спиридона Епифанцова записать въ дѣти боярскіе и къ прежнему его окладу прибавить жалованья рубль. На челобитную Нерчинскаго сына боярскаго Петра Обросимова, просившаго, за старостію его и очною скорбію, перемѣнить его отъ службы сыномъ его Еремеемъ, послѣдовала резолюція князя Гагарина: «Приверстать его въ окладъ отца его и въ именныхъ нерчинскихъ книгахъ имя его справить и за службы прибавить два рубля, двѣ юфти, хлѣба и жалованья давать по вся годы безъ задержанія».

Дѣти боярскіе употреблялись по службѣ на разсылки и разныя болѣе важныя порученія. Вотъ очень примѣчательный указъ, не только относительно названія статьи нашей, но и въ другомъ отношеніи. «По указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Нерчинскъ стольнику и воеводѣ Ѳедору Родіоновичу Качанову. Въ нынѣшнемъ 1711 году, сентября въ 4 день, билъ челомъ великому государю Нерчинской сынъ боярскій Лука Кочмаревъ, по его де государеву указу, посыланъ былъ онъ въ Китайское государство съ купчинами съ Петромъ Худяковымъ, съ Иваномъ Саватѣевымъ, для усмотрѣнія пріему и продажи царскаго величества казны, и съ тѣми де купчинами въ той посылкѣ былъ онъ съ 706 году по нынѣшній 711 годъ, и служилъ де ему, великому государю со усердіемъ, и въ тѣхъ посылкахъ у посланныхъ его царскаго величества товаровъ съ ними, купчинами, учинилъ многую прибыль, и за прежнюю де его посылку, что былъ съ Петромъ

Худяковымъ, дано ему его царскаго величества жалованья, по опредѣленію губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, тысяча двѣсти рублевъ, а въ тѣхъ же де караванехъ, которые были цѣловальники и тѣмъ де дано за посылку его царскаго величества жалованные ковши и протчее, а служилые люди перемѣнены чинами, и къ окладамъ ихъ учинены придачи; а онъ де, Лука, чиномъ не перемѣненъ, и къ окладу его придачи не учинено; а за нынѣшнюю посылку съ Иваномъ Саватѣевымъ государева жалованья ничѣмъ ему не дано, и чтобъ великій государь пожаловалъ его, велѣлъ за ту его къ нему службу своимъ царскаго величества жалованьемъ пожаловать и чиномъ перемѣнить и къ окладу его своего великаго государя жалованья прибавить. А, по справкѣ въ канцеляріи Сибирской губерніи, Нерчинскій сынъ боярскій Лука Кочмаревъ въ прошломъ 1706 году посыланъ въ Китайское государство при его великаго государя казнѣ съ купчиною съ Петромъ Худяковымъ, и въ той посылкѣ учинено его великаго государя казнѣ прибыли, за всякими того каравана расходы, двѣсти шестьдесятъ одна тысяча семьсотъ семдесятъ восемь рублевъ, двадцать пять алтынъ, полпяты деньги. Въ 709 году онъ же, Лука, посланъ былъ въ Китай при его великаго государя казнѣ съ купчиною съ Иваномъ Саватѣевымъ, а въ той посылкѣ его великаго государя казнѣ учинено прибыли, за всякими того каравана расходы, двѣсти двадцать три тысячи пятьсотъ пятьдесятъ рублевъ, девятнадцать алтынъ, двѣ деньги. А Его Великаго Государя жалованья окладъ ему денегъ тринадцать рублевъ. И по указу Великаго Государя и по помѣтѣ Сибирской губерніи губернатора князя Матвѣя Петровича Гагарина, велѣно за тое его Луки Кочмарева службу быть въ Нерчинску, по Московскому списку, во дворянехъ, къ прежнему его окладу къ тринадцати рублемъ прибавлено денегъ тридцать рублевъ, соли тридцать пудъ, а за хлѣбное жалованье дать ему земли противъ окладу его, противъ рубля по десятинѣ вполъ» . . . . «да подъ сѣнные покосы отвести ему лугу двадцать пять десятинъ, да ему, Лукѣ, за тоежъ царскому величеству службу и учиненную прибыль дано его царскаго величества жалованья на Москвѣ изъ канцеляріи Сибирской губерніи кружка да кубокъ серебряные вѣсомъ въ десять фунтовъ, десять аршинъ матеріи по десяти рублевъ аршинъ, бархату веницейскаго гладкаго десять аршинъ на кафтанъ, сорокъ соболей во сто рублевъ и проч.... 1711 года сентября 1 дня (9).

Въ 1712 году присланы изъ Нерчинска въ Тобольскъ, а оттуда

(9) Изъ современнаго списка этого указа воеводѣ Качанову.

отправлены въ Москву Нерчинскій сынъ боярскій Плотниковъ... *съ плавленымъ серебромъ вѣсомъ 4 пуда 35 фунт. и 59 золотниковъ* ([10]).

По приказу Сибирскаго губернатора князя Гагарина, писанному въ мартѣ 1713 г. Нерчинскому воеводѣ Качанову, посланы изъ Нерчинска, *съ опытами красной мѣди и съ мѣдною рудою*, въ провожатыхъ дворянинъ Иванъ Протопоповъ и сынъ боярскій Спиридонъ Епифанцовъ (11).

Изъ приказа того же губернатора, писаннаго въ декабрѣ 1712 года, Нерчинскому воеводѣ Качанову, видно, что изъ Нерчинска прислано въ Тобольскъ съ провожатымъ сыномъ боярскимъ Алексѣемъ Поповымъ великаго государя казны *всякой мягкой рухляди въ 22 мѣшкахъ, да въ ящика двѣ тысячи жемчугу половинчатаго* (12).

По окладной книгѣ въ 1712 году, при губернаторѣ Гагаринѣ писанной, показано дворянскихъ фамилій по Московскому списку, служившихъ въ Сибирской губерніи, 20 фамилій, пожалованныхъ въ Московское дворянство 8, да въ дальнихъ до Енисея городахъ Московскихъ дворянъ 5 фамилій (13).

По высочайшему указу Государственной Статсъ-Конторы 9 февраля 1725 года, повелѣно было составить вѣдомости: сколько въ провинціяхъ, при штатскихъ и другихъ дѣлахъ, состоитъ на лицо дворянъ и дѣтей боярскихъ и какіе получаютъ они оклады. По силѣ этого указа, изъ Тобольской губернской канцеляріи, отъ 10 іюля того же года, представлена въ Статсъ-Контору вѣдомость, изъ которой видно, что, по опредѣленію бывшаго тогда въ Сибири губернатора, князя Михаила Владиміровича Долгорукова, для службъ и разныхъ посылокъ положено дворянъ 50, дѣтей боярскихъ 100 человѣкъ. По опредѣленію Правительствующаго Сената, 9 августа 1727 года, съ дворянъ и дѣтей Боярскихъ Сибирской губерніи, значащихся въ вѣдомости отъ губернатора князя Долгорукаго, и съ дѣтей ихъ, кои будутъ комплектованы на мѣсто умершихъ и выбылыхъ, велѣно подушныхъ денегъ не брать (14).

Съ того времени, когда Сенатъ началъ опредѣлять въ Сибирь на разныя должности штабъ и оберъ-офицеровъ, Сибирскіе дворяне остались только въ должностяхъ коммиссарскихъ и опредѣляемы были къ разнымъ государственнымъ сборамъ, управляли волостями государственныхъ крестьянъ, назначались къ закупкѣ и отправленію въ разныя мѣста провіанта.

(10) Изъ современнаго списка этого указа воеводѣ Качанову.
(11) Тоже.
(12) Тоже.
(13) Изъ бумагъ стараго Тобольскаго губернскаго архива.
(14) Изъ современныхъ бумагъ стараго Тобольскаго губернскаго архива.

Въ 1737 году Сибирскій Приказъ составилъ штатъ Сибирскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, апробованный Сенатомъ и присланный при указѣ въ Тобольскую Губернскую Канцелярію. По силѣ этого указа, большая часть Сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ опредѣлены въ военную службу въ новоучрежденный драгунскій полкъ и пѣхотный батальонъ, для гражданской же службы оставлено 76 дворянъ и 277 дѣтей боярскихъ (15).

Послѣ этого, на основаніи Высочайшаго указа изъ Правительствующаго Сената, отъ 12 марта 1744 года, Тобольскіе губернаторы сами жаловали изъ природныхъ дѣтей боярскихъ—въ дѣти боярскіе и потомъ въ Сибирскіе дворяне. При этомъ жалованьи, они не имѣли никакого равенства съ Россійскими дворянами, и дворянство ихъ не распространялось на потомство (16).

Во время губернаторства въ Сибири Чичерина, въ 1770 годахъ, было Сибирскихъ дворянъ, по Московскому списку, нѣсколько фамилій, а именно: Рачковскіе, Сухотины, Кругликовы, Годлевскіе, Куртуковы, Мельниковы и проч. (17).

По книгамъ 1703 и 1705 годовъ, дворянамъ, служившимъ въ Тобольскѣ, былъ окладъ жалованья по 10 рублей, хлѣба по 15 четвертей, соли по 3 пуда; дѣтямъ боярскимъ: деньгами по 7 рублей, хлѣба по 7 четвертей, овса по 3 четверти, соли по 2 пуда. Въ 1725 году жалованья Сибирскимъ дворянамъ: деньгами по 50 рублей, вмѣсто хлѣба, по 10 юфтей (кожъ); дѣтямъ боярскимъ: деньгами по 10 рублей, вмѣсто хлѣба, по 5 юфтей. Въ 1737 году жалованья Сибирскимъ дворянамъ по 17 р. 62 коп., дѣтямъ боярскимъ по 8 р. 81 коп. и хлѣбные оклады (18). По указу 1765 года, 4 октября, положено Сибирскимъ дворянамъ жалованья по 17 р. 62 коп., хлѣба по 5 четвертей 4 четверика и 1 гарнцу; дѣтямъ боярскимъ по 8 р. 62 коп., ржи по 3 четвертки и 4 гарнца.

Когда же Воинской Коммиссіей полагались штаты жалованья всѣмъ военнымъ чинамъ, тогда и Сибирскіе дворяне и дѣти боярскіе причтены къ регулярному войску и начали получать жалованье отъ Коммиссаріата вмѣстѣ по одной вѣдомости съ Сибирскими казаками (19).

---

(15) Изъ современныхъ бумагъ того же архива.

(16) Изъ современныхъ бумагъ стараго Тобольскаго губернскаго архива.

(17) Оттуда же и изъ копій съ оффиціальныхъ бумагъ, принадлежавшихъ Березовскому расправному судьѣ Каширеву.

(18) Изъ современныхъ бумагъ стараго Тобольскаго губернскаго архива.

(19) Оттуда же.

Въ бумагахъ Тобольскаго губернскаго архива 1780 и 1790 годовъ, а равно и въ архивахъ Березовскихъ Земскаго и Окружнаго Судовъ, я видѣлъ нѣкоторыя упоминаемыя лица, писавшіяся: «изъ Сибирскихъ дворянъ» или «изъ дѣтей боярскихъ *такой-то*».

Д. Ч. *Николай Абрамовъ.*

ОПИСЬ ГОРОДА ШУИ 1778 ГОДА.

Шуя, какъ населенное мѣсто, по письменнымъ документамъ, извѣстна около четырехъ сотъ лѣтъ. Конечно, въ такой продолжительный періодъ своего существованія она имѣла свои эпохи и измѣненія. Въ настоящее время этотъ городъ занимаетъ весьма немаловажное мѣсто по своему мануфактурному и промышленному положенію; а потому любопытнымъ почитаю сообщить объ немъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія за восемьдесятъ два года тому назадъ. Означенныя свѣдѣнія основываются на найденной мною недавно рукописи, которая носитъ названіе: «Опись краткая города Шуи и строенію въ ономъ городѣ» Опись эта составлена въ 1778 году Шуйской воеводской канцеляріей, по предписанію ревизіонъ-коллегіи директора и Владимірскаго генералъ-губернатора графа Романа Воронцова. Должно замѣтить, что эта опись исполнена весьма неудовлетворительно и кратко, судя по данной графомъ Воронцовымъ программѣ, которая находится у меня, и состоитъ изъ шестнадцати пунктовъ довольно интересныхъ, но все таки можетъ дать понятіе, въ какомъ бѣдномъ положеніи была тогдашняя Шуя и ея жители, особенно въ сравненіи съ послѣдней половиной XVII столѣтія, когда въ ней процвѣтали офенская и городская торговля (*), мыловаренные, скорняжные, сыромятные и кожевенные заводы, Шуйская иконопись, кузнечное мастерство и проч. Шуя имѣла въ это время и могла похвалиться значительнѣйшимъ населеніемъ, что видно изъ разныхъ, хранящихся у меня, документовъ и изъ книги, изданной мною: «Описаніе г. Шуи». Упадокъ населенности Шуи начинается съ начала XVIII столѣтія и его нужно отнести къ частымъ и истребительнымъ походамъ и войнамъ, веденнымъ преобразователемъ

(*) Акты г. Шуи, стр. 121 и 123.

Россіи Петромъ I. Такъ Шуяне въ челобитной, поданной царю въ 1705 году, жаловались, между прочимъ, что изъ числа ихъ выбраны на государеву службу въ Архангельскъ, Астрахань, на богомольныя ярмарки и въ разные уѣзды и села въ бурмистры, цѣловальники, въ таможни, земскую избу и конскую и прочіе придаточные должности для сборовъ казенныхъ доходовъ, какъ то: *десятой* деньги, съ ношенія Русскаго платья и пошлины съ крестьянскихъ *бородъ*, въ годъ по восьмидесяти и болѣе человѣкъ: «а въ Шуѣ, государь, до солдацкаго набору всего посадскихъ людей было *двѣсти* съ малымъ числомъ домовъ, въ томъ числѣ вдовьихъ дворовъ съ тридцать и больши, а въ прошлыхъ, государь, 1703 и 1704 годахъ, взято, по твоему в. г. указу, съ Шуи съ посаду, въ солдацкую службу 101 человѣкъ, а достальныхъ 3 человѣка велѣно доставить. А къ Архангельскому городу выбрали мы въ цѣловальники одного человѣка добраго *и грамотѣ* умѣющаго съ великою нуждою. А нынѣ посацкіе люди многіе померли, такъ же нынѣ, по тому в. государя указу, велѣно съ Шуи взять въ солдацкую службу съ посадскихъ людей указное число, и нынѣ, государь, совершенная въ вышеозначенныхъ многихъ службахъ за малолюдствомъ нужда и неуправленіе. Всемилостивѣйшій государь, просимъ вашего величества, не вели, государь, за скудостію людей и за многими службами, сиротъ твоихъ имать, чтобъ намъ убогимъ остальнымъ и малолюднымъ, за неуправленіемъ многихъ вышеписанныхъ службъ и податей, отъ тебя, великаго государя въ пенѣ и въ наказаніи не быть, и твоихъ в. государя службъ и податей не отбыть и не розбрестись. Вашего величества рабы Шуйскіе земскіе бурмистры Семенъ Деминъ съ товарищи, апрѣля — дня 1705 году». Изъ другихъ актовъ видно, что въ послѣдующее за симъ время поборы людьми съ Шуи нисколько не уменьшились: кромѣ наборовъ въ солдаты, набирались Шуяне цѣлыми семьями въ Петербургъ, на Валуйки, въ Смоленскъ и другія мѣста, такъ что въ буквальномъ смыслѣ въ Шуѣ оставались только калеки и нищіе, словомъ старый да малый. Послѣ всего этого легко вообразить себѣ, какую ужасающую и грустную картину представляла тогда бѣдная Шуя! Къ довершенію раззоренія Шуянъ, въ 1710 году послѣдовалъ страшный пожаръ, опустошившій городъ до основанія. Жители не только лишились домовъ и своего имѣнія, но остались и безъ куска хлѣба. Такимъ образомъ причина скудости состоянія Шуи и ея жителей въ 1778 году изъ представляемаго здѣсь описанія очень будетъ понятна для всякаго. Приведемъ самый текстъ его:

ОПИСЬ КРАТКАЯ ГОРОДА ШУИ И СТРОЕНІЮ ВЪ ОНОМЪ ГОРОДѢ.

I.

Земляной валъ, которой мѣрою вокругъ 520 саженъ, изъ онаго три проѣзда; восемь церквей каменныхъ, въ томъ числѣ въ срединѣ осыпи — двѣ церкви, первая Покрова Пресвятыя Богородицы, вторая ц. Усѣкновенія главы Св. Пророка Іоанна Предтечи (нынѣ эта церковь не существуетъ). Да на форштатѣ шесть церквей: первая, соборъ Воскресенія Господня, вторая Святаго Чудотворца Николая, третья ц. Воздвиженія Честнаго Креста, четвертая Святаго Великомученика Георгія, пятая ц. Всемилостиваго Спаса, шестая — Живоначальныя Троицы (что былъ мужскій монастырь). Одна каменная часовня, на форштатѣ (что нынѣ духовное училище). Канцелярія воеводская въ срединѣ осыпи, и при ней архивъ и тюрьма, деревянныя ветхія, да каменная кладовая полатка, магистратъ, и приономъ тюрьмы (на форштатѣ), два дома казенныхъ деревянныхъ въ срединѣ осыпи,—первый домъ воеводскій, второй домъ *описной* ветхій. Одинъ казенной каменной магазинъ для поставки вина, три соляныхъ казенныхъ деревянныхъ амбара на форштатѣ, четыре питейныхъ дома, въ томъ числѣ одинъ изъ нихъ въ осыпи. *Двѣсти пятьдесятъ три двора обывательскихъ*, въ томъ числѣ въ срединѣ осыпи деревянныхъ 63 дома. На форштатѣ каменныхъ 3, дерев. 182,—да съ фабриками каменныхъ 2; дерев. съ фабриками 3; семь кожевенныхъ заводовъ на форштатѣ, въ томъ числѣ дерев. съ пристройкою каменною два, деревянныхъ пять; одна фабрика фламскихъ полотенъ купца Якова Холщевникова, производство имѣетъ на 26 станахъ, пошлинъ платитъ въ казну по два рубли со стана.

II.

Списокъ перечневой, сколько въ городѣ Шуѣ и онаго въ уѣздѣ какихъ чиновъ дворянъ, купцевъ, мѣщанъ, крестьянъ и разночинцевъ состоитъ и заключается подъ симъ, имянно: въ городѣ Шуѣ воевода одинъ; товарищъ его 1; секретарь 1; казначей 1. Приказныхъ служителей канцеляристовъ 6; подканцеляристовъ 5; штатной воинской команды подпоручикъ 1; сержантъ 1; капралъ 1; рядовыхъ 23; барабанщикъ 1; — купцевъ 124; мѣщанъ 293 человѣка; находящихся не у дѣлъ—бывшій воеводскій товарищъ ассесоръ 1; разночинцевъ 28; крестьянъ экономическихъ 5 чел.; владѣльческихъ 10; и того въ городѣ жителей (мужскаго пола?) всѣхъ сословій 603 души. Въ уѣздѣ

онаго благородныхъ дворянъ, дѣйствительно живущихъ въ уѣздѣ,—15, крестьянъ экономическихъ 1493; владѣльческихъ 8020 душъ; вѣдомства канцеляріи конфискаціи 4; итого всего въ городѣ съ уѣздомъ жителей 10,135 душъ.

III.

. Вѣдомость доходовъ денежной суммы окладныхъ, вступившихъ по Шуйской канцеляріи въ каждый годъ. Откупной питейной 8269 рублей; съ мельницъ: съ казенной 185 руб., съ четырехъ экономическихъ 246 руб. 48 коп.; съ пустошей казенныхъ 4 р. 30 к.; *съ записныхъ раскольниковъ* пошлинъ, съ 445 человѣкъ муж. пола, 242 руб. 10 коп.; съ купечества, со 124 душъ, 422 р. 65 коп.; съ мѣщанства, съ 393 душъ, 466 руб. 70 коп.; съ крестьянъ экономическихъ, съ 1498 душъ, 4044 руб. 60 к.; съ безпомѣщичьихъ, съ 4 душъ, 10 руб. 80 коп.; съ владѣльческихъ, съ 8020 душъ, 5621 рубль. И того доходу казеннаго 19,512 руб. 73 копейки.

IV.

Вѣдомость о доходахъ казны неокладныхъ, сколько оныхъ по Шуйской канцеляріи годовыхъ вступило, значится подъ симъ: съ купечества капитальныхъ 541 рубль 3 коп.; *съ фабричныхъ становъ 206 р. 29 к.*; съ исковыхъ челобитныхъ 6 руб.; мировыхъ пошлинъ 20 коп.; съ печатныхъ 10 р. 83 коп.; посаженныхъ 69 к.; восковыхъ 41 коп.; штрафныхъ за покупное въ другихъ уѣздахъ вино 5 руб.; крѣпостныхъ 195 руб. 7 к.; *поголовныхъ* 9 коп.; приводныхъ 91 к.; новоположенныхъ крѣпостныхъ 15 р. 40 к.; пашпортныхъ 109 руб.; за гербовую бумагу 15 р. 44 к.; накладныхъ при платежѣ подушныхъ 142 р. 74 к.; съ явочныхъ челобитныхъ 13 р. 75 к.; истинныхъ за вино 3817 руб. 44 коп.; за гербовую бумагу 10 р. 46 к.; за проданную набѣглую лошадь 6 р. 50 коп.

V.

Вѣдомость, учиненная изъ докладныхъ Шуйской воеводской канцеляріи реестровъ, по отмѣткамъ повытчиковъ о состоящихъ у нихъ рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ дѣлахъ, у кого именно. У Ивана Челышева рѣшеныхъ 85 дѣлъ, нерѣшеныхъ 1; у Козьмы Романова рѣшеныхъ 35 дѣлъ, нерѣшеныхъ 4; у Михайла Черныхъ рѣшеныхъ 35; у Петра Черныхъ рѣшеныхъ 115 дѣлъ, нерѣшеныхъ 48 дѣлъ; у Ивана Гнехова рѣшеныхъ дѣлъ 146, нерѣшеныхъ 3; у Семена Охотникова рѣшеныхъ 48 дѣлъ, нерѣшеныхъ 1; у Михайла Красовскаго нѣтъ ничего; у Андрея Чернова рѣшеныхъ 37 дѣлъ; у Ивана Өедорова рѣшеныхъ 1 дѣло.—Къ этой вѣдомости, нелишнимъ считаю, съ своей

стороны, прибавить, что подъячіе Шуйскіе того времени, видно, очень честные люди были, такъ что нынѣшнимъ чиновникамъ, въ скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ, едва ли придется соперничать! Сомнѣваюсь, впрочемъ, въ добросовѣстности приказныхъ тогдашняго времени тѣмъ болѣе, что отъ генералъ-губернатора Воронцова неоднократно предписывалось извѣщать его о скорѣйшемъ рѣшеніи текущихъ дѣлъ въ Шуйской воеводской канцеляріи.

VI.

Вѣдомость, учиненная въ Шуйскомъ городовомъ магистратѣ, о покупкѣ и продажѣ хлѣба и другихъ припасовъ въ прошлыхъ и въ нынѣшнемъ 1778 годахъ, что дороже и что дешевле оказалось хлѣба и прочихъ продуктовъ по нижеслѣдующимъ цѣнамъ, при семъ прилагается на оборотѣ сей краткой описи:

ТАБЛИЦА О ЦѢНАХЪ НА ПРОДУКТЫ.

Въ 1773 году.	Въ покупкѣ.		Въ продажѣ.		Въ 1774 году.	Въ покупкѣ.		Въ продажѣ.		Въ 1777 и 1778 годахъ. Четвертями.	Дороже. Въ покупкѣ.		Въ продажѣ.	
Четвертями.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.	Четвертями.	Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.		Рубли.	Копейки.	Рубли.	Копейки.
											Покуп.		Прод.	
Пшеница . . .	4	15	4	25	Пшеница . . .	4	40	4	20	Пшеница . . .	—	15	—	—
Рожь	2	80	2	40	Рожь	3	50	3	60	Рожь	1	10	1	20
Мука ржаная.	2	50	2	60	Мука ржаная.	3	60	3	80	Мука ржаная.	1	10	1	20
Крупа гречн.	3	65	3	75	Крупа гречн.	5	40	5	50	Крупа гречн.	1	65	1	75
Овесъ	1	35	1	45	Овесъ.	1	50	1	60	Овесъ	—	5	—	15
Ячмень. . . .	1	60	1	80	Ячмень	3	40	3	50	Ячмень. . . .	1	60	—	—
Сѣмя льняное.	3	15	3	25	Сѣмя льняное.	4	15	4	25	Сѣмя льняное.	—	90	1	—
Горохъ. . . .	3	40	3	60	Горохъ. . . .	4	40	4	50	Горохъ. . . .	—	80	—	90
Пудами.					Пудами.					Пудами.				
Сало	—	14	—	15	Сало	—	17	—	18	Сало	—	2	—	3
Медъ.	3	9	3	10	Медъ	3	15	3	25	Медъ.	—	5	—	15
Хмѣль	4	26	4	36	Хмѣль.	3	90	4	—	Хмѣль	Дешев.		былъ.	
											—	26	—	36

Ч. С. *Владиміръ Борисовъ.*

РѢКА ЛОКНЯ.

Прочитавъ въ «Исторіи Государства Россійскаго» г. Карамзина (изд. Эйнерлинга, кн. 1, т. II) подъ годомъ 1127, о нашествіи Половцевъ, которыхъ послы были схвачены въ окрестностяхъ рѣки Сейма (стр. 102), и снеся это мѣсто съ мѣстомъ въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», г. Соловьева (изд. 2, 1856 г., стр. 96), мнѣ кажется, что предположеніе ихъ о мѣстѣ рѣки Локни—нельзя признать основательнымъ.

Карамзинъ пишетъ: «Послы ихъ (Половцевъ) не могли уже возвратиться и были схвачены въ окрестностяхъ рѣки Сейма, посадниками Ярополка». Въ примѣчаніи 245 на это мѣсто читаемъ: «И пріиде ихъ (Половцевъ) со Селукомъ и съ Ташемъ и сташа у Ратьмирѣ дубровѣ за Выремъ (рѣкою Виромъ Слободс. Украинс. губ.) и имаша послы ихъ на *Локнѣ*». Это мѣсто исторіографъ поясняетъ такъ: «думаю, одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ Семь или Сеймъ».

Г. Соловьевъ говоритъ: «Половцы явились на зовъ Всеволода, въ числѣ 7,000, и стали за рѣкою Выремъ у Ратимировой дубравы; но послы ихъ, отправленные къ Всеволоду, были перехвачены на рѣкѣ *Локнѣ*», а въ примѣчаніи 179 поясняетъ: «Рѣка (Вырь) въ Харьк. губерн., впадающая въ Сеймъ», въ примѣчаніи же 180 о рѣкѣ Локнѣ замѣчаетъ: «впадающей въ Вырь». И такъ, у одного историка р. Локня впадаетъ въ р. Семь, а у другаго въ р. Вырь. Слѣд., мѣстность рѣки Локни до этого времени еще не опредѣлена съ точностію.

Въ отказной книгѣ новому городу Суджѣ (*), учиненной 7172 (1664) года стольникомъ Герасимомъ Рагозинымъ, между прочимъ, написано: «А отъ Путивльской и Крымской стороны изъ подъ Татарскаго шляху вышла рѣка *Локня* и, обошедши городъ Суджу, впала въ рѣку Суджу выше города». И если нѣтъ другой р. Локни въ Харьк. губ., впадающей въ р. Вырь или въ Семь, то можно утвердительно сказать, что р. Локня впадаетъ не въ Вырь, Семь или Сеймъ, а въ р. Суджу (въ 3 вер. отъ г. Суджи Курской губ.), которая, пройдя чрезъ г. Суджу съ восточной и частію южной сторонъ, впадаетъ въ трехъ верстахъ ниже города, подъ селомъ Куриловкою, въ Рѣку Псёлъ.

(*) Копія съ этой описи и съ описи окружной межи Суджанскаго уѣзда препровождены мною въ Императорское Русское Географическое Общество въ 1851 и 1853 годахъ.

А потому въ означенныхъ мѣстахъ исторіи должно разумѣть не другую р. Локню, а ту, которая, хотя вытекаетъ почти на границѣ Харьковской губ. съ Курскою, подъ слободою Юнаковкою (въ 18 верс. отъ г. Суджи), но впадаетъ въ р. Суджу, въ чемъ можно болѣе увѣриться изъ того, что при началѣ р. Локни находится, смежное съ Юнаковкою (Харьк. губ. въ 18 верс. отъ г. Суджи), «село Локня», съ прибавленіемъ названія «духовничая,» потому что было подарено духовнику Императрицы Елисаветы Петровны — Дубянскому; по теченію той же рѣки внизъ, находится село «Козачья Локня» (отъ г. Суджи по Льговской дорогѣ на прямую линію въ 3, а по дорогѣ въ 6 верс.); далѣе по Льговской дорогѣ, съ лѣвой ея стороны (въ 2 верс. отъ дороги и въ 15 в. отъ г. Суджи), стоитъ село «Малая Локня», въ просторѣчіи называемое «Сотницкимъ», отъ владѣнія тѣмъ селомъ издавна, Сумскаго казачьяго полка сотеннаго города Суджи сотника Давидова, на рѣчкѣ «Локонькѣ», впадающей въ р. Локню подъ селомъ «Козачья Локня». Три названія селеній: «Духовничая Локня, Козачья Локня и Малая Локня», достаточно оправдываютъ мое предположеніе, что можно разумѣть не другую какую Локню, а Локню, находящуюся Курск. губ. близь г. Суджи и впадающую въ рѣку Суджу.

Самая поимка пословъ Половецкихъ на рѣкѣ Локнѣ, впадающей въ р. Суджу, а не въ р. Вырь или въ р. Семь (Харьк. губ. Сумскаго уѣзда) могла быть удобнѣе, по ближайшему ея разстоянію отъ г. Курска (90 в.), а не на той, которая, будто бы, впадаетъ въ р. Вырь, при которой находится село Виры, отстоящее отъ г. Курска далѣе 170 в. Не противорѣчитъ это предположеніе и тому, что послы Половецкіе были схвачены въ окрестностяхъ р. Семи, потому что рѣка Семь протекаетъ не далѣе 20 верстъ отъ р. Локни, что можно назвать окрестностію р. Семи. Нелишнимъ считаю здѣсь пояснить, какъ правильнѣе называть рѣку «Семь», или «Сеймъ». Эта рѣка, вытекая въ Обоянскомъ уѣздѣ (Курс. губ.) изъ *семи* отдѣльныхъ *ключей* и сливаясь въ одинъ источникъ, справедливо могла назваться рѣкою «Семь», а не «Сеймъ», потому что, хотя слово *сеймъ* также означаетъ собраніе — соединеніе многихъ людей, но оно не могло быть перенесено на собраніе семи источниковъ, появившись изъ Польскаго языка уже тогда, когда въ здѣшнихъ мѣстахъ начали имѣть понятіе о народныхъ сеймовыхъ собраніяхъ Польскихъ (*).

Ч. С. *Дмитрюковъ.*

(*) Сл. *сеймъ* обще-Славянское, а не исключительно Польское. Слова *сеймъ*, *соймъ*, *сугмъ*—чисто-Русскія. *ред.*

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ КНИГИ КОЗМЫ ИНДИКОПЛОВА (*).

Краткое описаніе рукописнаго сборника, содержащаго въ себѣ сочиненіе Козмы Индикоплова, находится въ письмѣ С. Ив. Гуляева, изъ Барнаула, отъ 22 марта 1860 г., къ г. секретарю Общества Ѳ. Г. Тернеру.

Экземпляръ, ему принадлежащій, писанъ, по его мнѣнію, не позже XV в., между тѣмъ какъ экземпляръ Козмы, въ Макарьевской Четьи-минеѣ, писанъ въ XVI в. (и именно въ 1542 г., какъ видно изъ послѣсловія синод. библ. № 997); экземпляръ же Козмы, находящійся въ публ. библіотекѣ—въ XVII в. (изъ биб. гр. Толстаго, отд. I, № 51). Оба эти свѣдѣнія сообщены г. Буслаевымъ (въ его Историческихъ очеркахъ рус. народной словесности и искусства, I. 617, II. 325).

Предоставляя спеціалистамъ нашимъ опредѣлить важность этого новаго списка Козмы, а равно значеніе стариннаго перевода Козмы, какъ книги научной и произведенія литературнаго, я остановлюсь на немъ только по отношенію къ Греческому тексту.

Сличеніе извлеченій изъ Козмы, сдѣланныхъ г. Гуляевымъ, съ текстомъ не привело меня къ важнымъ результатамъ. Филологъ—славянистъ, конечно, можетъ заинтересоваться тѣмъ, какимъ образомъ переводилось въ старину такое-то греческое слово; но филологъ-эллинистъ или византинистъ едва ли найдетъ въ этомъ переводѣ что-нибудь такое, что бы могло послужить пояснительнымъ варіантомъ для Греческаго текста, давно изданнаго и переведеннаго на Лат. и на Франц. языки. (Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum, Edid. Montfaucon, 1706. Parisiis t. 2)

Извѣстная *христіанская топографія* Козмы, писателя VI в., есть сочиненіе въ высшей степени замѣчательное по этнографіи, такъ какъ оно представляетъ намъ разказъ очевидца, самого Козмы, о народахъ,

(*) Извлеченія эти доставлены въ Этнографическое Отдѣленіе членомъ-сотрудникомъ С. И. Гуляевымъ.

жившихъ въ то время въ Эѳіопіи, Аравіи, Персіи и Индіи, и о ихъ торговыхъ сношеніяхъ. Въ этомъ отношеніи Козма давно оцѣненъ, какъ источникъ, служащій посредствующимъ звеномъ между историками Александровыми, Птолемеемъ и между мусульманскими историками VIII в. и дальше, и оцѣненъ такими знатоками, каковы были Геренъ, Нибуръ, Неандеръ и Риттеръ. Козмографъ и зоологъ, мнѣ кажется, былъ онъ не блестящій, но не стану мѣшаться не въ свое дѣло. Что касается до упоминанія *о Руси*, между современными ему народами, то это единственное названіе, прибавленное переводчикомъ отъ себя. Да не смутитъ оно ни прежней, ни новой партіи Русотолковниковъ: Руси у Козмы нѣтъ: неловко же было переводчику въ цѣпи столь многихъ племенъ не упомянуть о Руси.

Г. Гуляевъ имена собственныя нарочно прописываетъ такъ, какъ они въ рукописи: отъ того, вмѣсто Кикладъ или Цикладъ, читается Клюклу, вмѣсто Іоніи—Неовію и т. п. Считаю нужнымъ замѣтить, что названія Снеледова и Цыниста приведены переводчикомъ согласно съ текстомъ, гдѣ первое означаетъ Цейлонъ, а второе, собственно *τζινίτζα*—Китай.

Д. Ч. *Дестунисъ*.

БЫЛИНЫ О ЦАРѢ ИВАНѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ.

Взятіе Казани (*)

По городу Татаринокъ погуливаетъ,
Надъ нашимъ надъ царемъ насмѣхается:
Не взять тебѣ Казань городъ ни во сто лѣтъ,
Ни во тысячу годовъ.
На это нашъ государь приразгнѣвался,
Приказалъ нашъ государь подъ Казань городъ
Подкопы подкопати.
Подъ рѣчку Казанку подкопы подкопали,
Много бочекъ закатали
Съ черныма порохомъ.
Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровыя,
Молодые пушкари изъ подкопу выходили,
Свѣчки догорѣли,—бочки не разорвало.
На то нашъ государь приразгнѣвался и пріосердился,
Приказалъ нашъ государь
Пушкарей своихъ казнить,
Саблей головы рубить.
Всѣ наши пушкарчики задумались, стоятъ,
Ничего не говорятъ.
Одинъ же пушкаричекъ осмѣлился,
Къ царю близко подходилъ,
Ему рѣчи говорилъ:
Грозный царь Иванъ Васильевичъ!

(*) Пѣсня эта извлечена изъ прекраснаго сборника пословицъ, загадокъ, басенъ и пѣсенъ, доставленнаго въ Общество въ 1849 г. отъ директора Пермскихъ училищъ, подъ заглав. «Этнографическіе очерки села Новаго Усолья». По словамъ автора, она записана со словъ одного пріѣзжаго мужика.

Не приказывай казнить,
Прикажи мнѣ говорить:
«На ходу то наши свѣчки скоро горятъ,
Во глухомъ-же мѣстѣ онѣ тихо горятъ...
Не успѣлъ слова вымолвить,—
Свѣчки догорѣли, бочки розорвало.
Теперь нашъ государь привозрадовался,
Приказалъ нашъ государь
Пушкарей своихъ дарить,
Всѣмъ пушкарямъ по пятидесятъ рублей,
Одному пушкарчику пятьсотъ ему рублей;
За то ему пять сотъ:
Къ царю близко подходилъ,
Ему рѣчи говорилъ.

Федоръ Ивановичъ Пожарскій (*).

Грозенъ былъ воинъ чарь нашъ батюшка,
Первый чарь Иванъ Васильевицъ.
Сквозь дремуцій лѣсъ съ войскомъ силою
Онъ прошелъ въ страну Татарскую,
Себѣ чарство взялъ Казаньское,
Государьство Астраханьское;
Вывелъ Перфила изъ Новагорода,
Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ,
То чарьское серьче разгоралося
Пусче огня, пусче полымя.

Вотъ сказалъ онъ рѣцью громкою:
У меня есть дзе всяки мастеры,
Есть такіе розны дохтуры,
Но всѣ прячютчя—старый за малаго,
И хоронятча малый за стараго;
А одинъ изъ нихъ лишъ не прятсчетчя,
То малютка палачъ, то Гурбатовъ сынъ.

(*) Записана со словъ крестьянина села Кужендѣева (Нижегородской губерніи Ардатовскаго уѣзда).

Ну, пойдзи ка сюда, гой, Гурбатовъ сынъ!
Сослужи ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную,—не измѣнную:
Во полаты ступай, въ чарьски камены,
Взявъ чаревича тамъ за цёрны кудри,
Распояси съ него шелковой поясъ,
Золотой перстень сними съ правой руки.
Отведзи самаго на Москву на рѣку
Впрямь на мѣсто, на то мѣсто лобное,
И на плаху на ту—что на липову;
И сними тамъ съ него буйну голову,
А мнѣ къ явкѣ подай саблю вострую,
Саблю вострую въ горюцей его рудзе.

И увидзелъ то Федоръ Ивановичъ,
Федоръ Ивановицъ—Пожарской сынъ,
Изъ косясчита изъ окошечька;
Пропустивши чаря вдоль по уличе,
Вдоль по уличе, вдаль отъ тсерема,
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
Охъ ты гой еси, Гурбатовъ палачъ,
Не за свой ты кусъ принимаешся,
Самъ кускомъ такимъ подавишся.
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго,
Слугу вѣрнаго свово стряпцаго;
Свово стряпцаго, что не лудцава,
Что не лудцава, свово клюшницка:
На сьними, онъ пробалъ, съ него голову,
Снеси саблю къ чарю, въ горюцей рудзе,
А къ чаревицю не прицавствуйся.

Вотъ на утро чарь Иванъ Васильевицъ,
На поминки собралъ поголовно народъ,
Онъ бояръ повелѣлъ въ медьвежны вшиватсь,
Во медьвежны вшиватсь по Москвѣ рѣкѣ пусцатсь,
А поповъ приказалъ во кули зашиватсь,
Во кули зашиватсь, по Москвѣ жъ рѣкѣ пусцатсь
Что чаревица не засцюняли.

Вотъ съезжаютчя всѣ въ платьѣ цёрнымъ,
Въ платьсьѣ цернымъ, во пецальнымъ,

А ѣдзетъ лишь Федоръ Ивановицъ,
Федоръ Ивановицъ, Пожарской сынъ,
Пожарскій сынъ во нарядѣ чвѣтномъ,
Во нарядзе чветномъ, въ яркомъ золотсе,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены, что не лудція
А веселье въ самомъ такъ и свѣтитча.

Вотъ увидзѣлъ то чарь Иванъ Васильевичъ,
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ:
Ой ты гой еси, Федоръ Ивановицъ!
Федоръ Ивановицъ Пожарскій сынъ;
Аль объ горѣ моемъ ты не свѣдался,
Что срядитча посмѣлъ, словно въ радостный пиръ?
А Пожарскай сынъ отвѣчаетъ чарю:
Я батюшка чарь, все въ отлуцкѣ гулялъ,
Все въ отлуцкѣ гулялъ за охотою,
И поймалъ сокола что не лудчава,
Цто не лудчава тсеэ ближнява:
То сына тсеэ роднаго.
И возрадовался чарь, и отвѣтсилъ ему:
Ужъ ты гой еси, Федоръ Ивановицъ,
Федоръ Ивановицъ—Пожарскай сынъ,
Вѣдь не мнѣ бы чаремъ, а тсеэ должно бытсь,
Ты умѣлъ соблюстси чарьски сѣмены.

Темрюкъ Темрюковичь Черкасскій.

Собралъ чарь Иванъ Васильевицъ поцестный пиръ, похвальный пиръ, всѣ сидзятъ, пьютъ-ѣдзятъ, калацыка кушаютъ и бѣлаго лебѣдзя рушаютъ; а одзинъ гостсь не пьетъ и не ѣстъ, калацыка не кушаетъ, и бѣлаго лебедзя не рушаетъ; ужъ ты гой еси, мой любимый гостсь: что ты не пьёшъ, не ѣшъ, калацыка не кушаешъ и бѣлаго лебедзя не рушаешъ; не зло ли ты думаешъ? не лихо ли складываешъ? Не лихо я думаю, не зло я складываю; у меня съ молода охотичька была, съ молодыхъ дёнъ толи бѣшеная, съ борчами поборотчя бы мнѣ, съ удальцами поводитчя бы; въ Москвѣ борчовъ не годзилося и лихихъ удальчовъ не луцалося. Посылалъ чарь Иванъ Васильевицъ во всѣ города, во губерніи, отыскать удальчовъ, разудалыхъ бойчовъ; то и ѣдутъ къ селу два брата родные, два Андрея, два Андреевица; то везутъ на сеѣ лубьи свѣжія, словно лошадзи; то ихъ нагнали удалыя

молодчи, вишь на тройкѣ, и говорять имъ, што чарь Иванъ Васильевицъ проситъ васъ въ гости къ сеѳ; то они пріѣхали ко широкому дворцу чарскому, стали сапожки потягивать, цулоцки поправливать: то увидѣлъ изъ косясцыта окошицка Темрюкъ Темрюковицъ, молодой Церькасовицъ, кинулся, бросился, 300 скамей повалилъ, 700 гостей задавилъ, да 200 удалыхъ молодчовъ; то и схватился еще боротча съ малымъ братомъ; и былъ Темрюкъ на рѣзвыхъ ногахъ, а оцутился Темрюкъ на буйной головѣ; то увидзѣла Марья Темрюковна, молодая Церькасовна; ужъ ты гой еси мужикъ—мужицый сынъ, крапивны твои сѣмены, на сколько бы ты не боролся, на сколько бы ты не водзился на страмъ бы ты тѣла не давалъ. То изволилъ говоритсь чарь Иванъ Васильевичъ: ужъ ты гой еси Марья Темрюковна, молодая Церькасовна, впредь Тсемрюкъ пуотсъ не хвалитчя.

СТИХЪ О ЛѢНИ (*).

Слово Іоанна Златоустаго!
Братіе, вы долго не спите,
Много не лежите.
Вставайте вы рано,
Ложитеся поздно.
Лежа вамъ добра невидати
И грѣховъ не очистити.
О, горе таковому лѣнивому!

Лѣнивому милу не бывати,
Лѣнивому въ судьяхъ не живати,
Лѣнивому сладкаго не ѣдати,
Лѣнивому брашнаго не пивати,
Лѣнивому сряднаго не уносити.
О горе таковому лѣнивому!

У лѣниваго за плечами камень
На плечахъ -- тараканы
О горе таковому лѣнивому!

Лѣнивый, какъ пьяная свинья по грязи валяется
И объ уголъ она чешется.
О горе таковому лѣнивому!

Лѣнивый—атъ, какъ пестъ, по улицѣ шатается,
И людямъ-то онъ завидуетъ;

(*) Поютъ слѣпцы нищіе, калеки перехожіе. Изъ статьи г. Берентова «Село Шельбово Юрьевскаго уѣзда».

На чужое добро онъ надѣется,
И на окна онъ глядитъ,
О горе таковому лѣнивому!

Лѣнивый-атъ, какъ червь капусту точитъ.
О горе таковому лѣнивому!

Навыкъ же лѣнивый чужими трудами кормиться.
О горе таковому лѣнивому!

Лѣнивый-атъ дому не хозяинъ,
И дѣтямъ своимъ не отецъ,
И женѣ своей не мужъ.
О горе таковому лѣнивому!

Лѣнивый-атъ, какъ трутень по печи валяется,
И спитъ онъ, не просыпается;
Онъ и проснется, Богу не молится;
Что и знаетъ, да не прочитаетъ.
О горе таковому лѣнивому!

У лѣниваго во брадѣ посмѣшиство,
На языцѣ гордость,
Во главѣ его унынie,
На сердцѣ его печаль.
О горе таковому лѣнивому!

У лѣниваго сатана гнѣздо въ сердце свила.
О горе таковому лѣнивому!

На лѣниваго бѣды и напасти,
Яко снѣгъ на главу его летитъ.
О горе таковому лѣнивому!

Не наслѣдовать лѣнивому царствiя небеснаго.
О горе таковому лѣнивому!

Наслѣдовать лѣнивому злу муку превѣчную.
О горе таковому лѣнивому!

Объ лѣнивыхъ рабахъ самъ Господь Богъ не печется.
Отъ великой лѣности избави Господи и помилуй!

СТИХЪ О 12 ПЯТНИЦАХЪ.

Пріидите, людіе, послушайте писаніе Божіе,
Поученіе Климента — Папы Римскаго,
Пріимите правило малое;
Да сохранитъ человѣкъ заповѣдь Божію, —
Великихъ въ году дванадесять пятницъ.

Первая великая пятница
На первой недѣлѣ поста великаго.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу убилъ братъ брата, Каинъ—Авеля.
Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ убійства,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Вторая великая пятница
Противъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу воплотился Господь въ Дѣву Марію.
Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ плотской похоти,
И діавольскаго искушенія сохраненъ будетъ,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Третія великая пятница
Противъ Свѣтлаго Воскресенія Христова.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу распятъ былъ Іисусъ Христосъ.

Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ отъ непріятственной силы сохраненъ будетъ,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Четвертая великая пятница
Противъ вознесенія Іисуса Христа Бога нашего.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу вознесся Господь на небеса.
Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ воднаго потопленія,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Пятая великая пятница
Противъ Троицы Нераздѣльныя.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу сошелъ Духъ Святый на землю,
Показался Господь въ трехъ лицахъ,
Отецъ и Сынъ и Святый Духъ.
Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ избавленъ будетъ отъ трясучкой скорби,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Шестая великая пятница
Противъ Ильи пророка Божія.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу взятъ былъ Илья и Енохъ въ живѣ на небеса.
Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ грома,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Седьмая великая пятница
Противъ Спаса Преображенія.
Въ эту пятницу преобразился Господь на Ѳаворѣ
Предъ учениками, предъ апостолами.
Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,

Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ при дорогѣ —
При пути отъ лихихъ людей,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Осьмая великая пятница
Противъ Успенья Пресвятыя Богородицы.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу за престоломъ представилась Мать Пресвятая Богородица.
Кто той пятницѣ станетъ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ нужды и печали,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Девятая великая пятница
Противъ Іоанна Постителя.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу Царь Иродъ Іоанну главу отсѣкъ.
Кто той пятницѣ станетъ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ зубной и головной ломоты,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Десятая великая пятница
Противъ Космы-Демьяна безсребренниковъ.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу мучилась Праскева мученица у Максимиліана царя,
Стояла за вѣру за крещеную,
За крестъ, за молитву, за истину.
Кто той пятницѣ будетъ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ на суду отъ судей напрасно не осудится,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Первая на десять великая пятница
Противъ Рождества І. Христа Бога нашего.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу родился самъ І. Христосъ отъ Дѣвы Маріи.
Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ узритъ при смерти Пресвятую Богородицу,
Помилованъ будетъ отъ Бога.

Вторая на десять великая пятница
Противъ Божія Богоявленія.
Почему та великая пятница?
Въ ту пятницу крестился Господь въ Іорданѣ рѣкѣ отъ Іоанна Крестителя.
Кто станетъ той пятницѣ поститися
Святымъ постомъ и молитвою,
Тотъ человѣкъ записанъ будетъ у Господа въ животной книгѣ.

Кто эти дни сохранитъ и помилуетъ,
Помилованъ будетъ отъ Бога,
А кто эти пятницы не сохранитъ
И совокупится съ женою,
У того зародится дѣтище
Либо глупо, либо нѣмо,
Либо еретникъ, либо клеветникъ,
Либо воръ, либо разбойникъ
Или всякому дѣлу начальникъ будетъ.

(Изъ ст. г. Беренштова «Село Шельбово Юрьевскаго уѣзда»).

МОЛИТВА СВ. ІОАСАФА.

I.

Боже Отче Всемогуще,
Боже Сыне Присносущне,
Боже Душе Параклите,
Многозарный міру Свѣте;
Въ тріехъ лицѣхъ пребывая,
Существо си тожде зная!
Къ Тебѣ, грѣшный, прибѣгаю,
Многи слезы проливаю;
Благоволи мя Ты пріяти,
Тебѣ Богу работати;
Донележе даси жити,
Хощу Твой рабъ выну быти.
Тебе ради міръ лишаю,
Царство и други оставляю;
Честный вѣнецъ мнѣ ничтоже,
Тебе ради, Христе Боже;
Нѣсть ми воля царствовати,
Много богатства содержати;
Во уметы вся вмѣняю,
Тебѣ, Христе, подражаю
Изъ палаты свѣтлы иду
Въ лѣсы темны обитати.
Изъ града гряду въ пустыню,
Любя зѣло въ ней густыню;
Яко Твоя воля будетъ,
Даждь, да Твой рабъ въ ней пребуду;
Тебѣ выну работая,
Въ совершенства поступая.
Кромѣ Тебе мнѣ ничто же,
Лѣть творити благо, Боже.

Ты ми путь мой Самъ направи,
Да живу Ти, Самъ настави;
Вся надежда моя къ Тебѣ,
Ты спаси мя, живый въ небѣ.
Ты же дебре и пустыни,
Прими мя въ густыни,
Безмятежно въ тебѣ жити,
Богу живу послужити;
Иду внутрь тя обитати,
Ты ми буди, яко мати;
Питаючи съ древесъ плоды
И дивіими быліи роды;
Сладки чаши оставляю,
Токовъ Твоихъ водъ желая,
Да возмогу отъ тѣхъ пити,
Потоки отъ очей слезъ точити,
Грѣхи моя омывая,
Бога въ милость преклоняя;
Міра славу, сребро, злато,
Цѣнно имамъ, яко блато;
Точію то ми есть требѣ,
Что намъ Господь хранитъ въ небѣ;
Того хощу азъ искати,
Скорби и нужды злострадати;
Труды многи положити,
Токмо дабы въ небѣ жити;
Тѣснымъ путемъ итти тщуся,
Да въ пространствѣ водворюся;
Свѣтло небо, въ немъ же сладость,
Безконечная вся радость;

Звѣрей дивіихъ азъ не боюся,
На Христа я надѣюся
Яко имать укротити,
И подастъ ми мирно жити.
Тѣхъ ми паче умніи звѣри,
Страшни иже зли безъ мѣры,
Ибо душу у́иваютъ,
Егда ону въ грѣхъ прельщаютъ.
Но и отъ тѣхъ мнѣ Спаситель,
Христосъ будетъ защититель,
На Нь же весьма уповаю,
Всего ему мя вручаю.
Желаю же Варлаама зрѣти,
Дабы жити намъ купно,
Да имъ я наставлюся
Къ Богу живу и спасуся;
Онъ мя къ Богу примирилъ есть,
Свѣтомъ правды просвѣтилъ есть;
Онъ же ми жизни вождь да будетъ,
Съ нимъ духъ мой выну пребудетъ;
Съ нимъ вѣкъ жити гдѣ желаю,
По смерти быти—чаю;
О! даждь, Христе, получити,
Съ Варлаамомъ здѣ мнѣ жити.
И по смерти пою славу,
Въ свѣтломъ небѣ Бога Отца величаю,
Духа Святаго прославляю;
И нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ,
аминь.

II.

СТИХИ О ВРЕМЕНАХЪ АНТИХРИСТОВЫХЪ.

По грѣхомъ нашимъ, на нашу страну
Осѣни облакъ зѣло мрачный;
Постигла насъ тма несвѣтимая,
Солнце угаси свѣтлая,
Свѣтъ свой не яви,
На лицы земли;
Прежде вечера, въ часы дневные,
Наступила нощь зѣло темная;
Луча измѣни естество свое,
Свѣтлая луча во тму преложися;
Звѣзда въ небеси
Свѣтъ свой угаси,
Земля и вода свой плодъ сократи;
Паде съ небесе сапъ горящій,
Пшеницу сломи несозрѣлую;
Изъ разсѣлинъ горы каменны
Изыде змій многоглавый,
И со многими крокодилами,
Огради стадо овецъ мысленныхъ,
Умертви овцы и со настыри.
Обагрись земля отъ овецъ крови,
Возсмерде воздухъ отъ овецъ плоти;
Премѣни море естество свое,
На себѣ зря тѣлеса святыхъ;
Наступи зима зѣло лютая,
Уби виноградъ всезеленый.
Духъ Антихристовъ возвѣя на насъ,
Смути вѣру всю Православную,
Оскверни души христіанскія.
Въ тая времена во плачевная
Всякая душа православная
Не могла пребыть безъ рыданія.
И нынѣ о томъ воспомянетъ кто,
Каковыхъ святынь мы лишилися!
Живемъ, грѣшніи, по своей волѣ,
Не слышимъ нынѣ гласа пастырей,
Наставляющихъ ко спасенію,
Въ число времени настоящаго,

Измѣненія триврѳменнаго,
Треволненія всегубительна,
Благочестія нарушенія,
Церковнаго колебанія
Отъ самаго основанія,
Богословія противленія.
А мы, грѣшніи, за грѣхи наша,
Послѣ сихъ временъ породилися;
Живемъ, грѣшніи, по своей воли,
Живыхъ насъ гробамъ что не предали!
Не видали бы плачевныхъ дней,
Не терпѣли бы глада нужнаго.
Не имѣемъ мы покаянія,
Умираемъ мы безъ причастія,
Лишаемся мы жизни вѣчныя!
Въ чемъ надежда наша ко спасенію?
Мы скитаемся вси безъ пастырей,
Отъ лютыхъ звѣрей уядаеми.
Аще помяну благочестіе,
Когда процвѣталъ кринъ церковный;
Не могу пребыть безъ рыданія,
Солнечна луча зайде отъ пророкъ,
Дневный нашъ свѣтъ тмою осѣни,
Духъ антихристовъ всѣхъ насъ возвѣри.
Богъ дастъ имъ мѣста нарочитыя!
Изсушила воля память смертную,
Вкоренила въ сердце прелесть земную;
До конца тлѣетъ благочестіе;
Лихоимцы вси грады содержать,
Немилосердые въ градѣхъ первіи,
А смиренніи отъ градовъ бѣжать,
Слезно плачутся—негдѣ скрытися;
На мѣстахъ пути зліи наставницы,
Православніи вси ограблены;
Отъ отечества вонъ выгнаны,
Отцы братіею ненавидимы,
Всѣми сродными оклеветаемы,
Вдовы и сироты вси обижены,
Беззаступныи во изгнаніи,
Духовный законъ съ корене ссѣлъ,
Законъ градскій въ конецъ истребленъ,
Въ закона мѣсто водворилося
Беззаконіе и нечестіе;
Миръ съ любовію остави землю,
Блудъ со злобою и нечистота
На мѣсто любви водворилися.
Во страны языкъ уклонилися.
Трезвость и постъ съ воздержаніемъ
И растлѣніемъ затворилися;
Пьянственные домы со объядѣніемъ
И веселіемъ водворилися;
Съ пути христіанскаго совратилися
Ко обычаямъ странъ поганыхъ.
Любезно вси склонилися. —
Вперися, душа, крилы легкими,
Растерзай своя мрежа тлѣнная,
Вскорѣ возлетай выспрь, подъ облаки,
Протирай очи свои мысленны,
Взирай по городамъ равнимъ образомъ,
Постизай соборъ малъ оставшій,
Христіаны съ мѣстъ всѣ изгнаны,
Отъ отечества отлученныя,
Въ горахъ каменныхъ пребывающихъ,
Прахомъ, пепломъ покрывающихъ.
Не страшись, душа, страха тлѣннаго;
Поминай, душе, страхъ вѣчный,
Возверзи печаль свою на Господа,
Предай самъ себя въ руцѣ Божіи.
Изведи воды изъ очей своихъ,
Омывай черность свою грѣховную,
Самовластіемъ очерненную;
Вѣрою наступи на главу зміи,
Любовію зри къ Самому Богу!
Стадо мысленно звѣрми разплѣни,

Лучъ церковный тмою помрачи;
Церкви Божія затворилися,
Какъ овощники всѣ явилися;
А мы, грѣшніи, за грѣхи наши,
Отъ ходу ея отлучилися.
Ликъ святителей не видимъ нынѣ,
Чинъ священническъ среброиъ весь плѣненъ;
А мы, грѣшніи, словесны овцы,
Скитаемся мы въ дивѣй пустыни,
По горамъ, стезямъ по каменнымъ,
Питаемся мы злакомъ горкіимъ,
Питіе пьемъ отъ очей слезы
Уязвляемся крокодилами;
Неистови владѣютъ нами!
Вавилонская любодѣица.
Отъ своей чаши напоила насъ,
Растлѣніемъ прельстила весь міръ
Сластолюбіемъ, славолюбіемъ,
Сребролюбіемъ почтила всѣхъ,
Горделивыхъ всѣхъ честныхъ наречe;
На сѣдалищихъ первыхъ учини,
Соборъ нищихъ всѣхъ возненавиднмъ бысть;
Сродникъ бѣдныхъ возгнушалися,
А съ богатыми и погаными вси соединилися;
Отцы чадъ своихъ возгнушалися,
Честь къ родителямъ мимо идетъ.
Солнце къ вечеру приближается,
Тому дни конецъ познавается.
Что еще нынѣ ожидать будемъ?
Слово Божіе совершается
И пророчество все исполняется.
Страхъ Антихристовъ устрашаетъ міръ,
Милосердая вся вѣщаетъ къ нимъ,
Облакъ свѣтлый тмою помрачи,
Лѣта, времена, то все премѣни,
Соборъ святыхъ въ конецъ низложи,
Изъ дальнихъ странъ возврати,
Во изгнаніи всѣхъ тѣхъ осуди,
Живущихъ внутри, и тѣхъ улови,
Милость съ лестію пометаетъ въ міръ,
А свою злобу открываетъ имъ.
На пути знаки вопрошаеми,
Не имущія знакъ возвращаеми.
Мало кто избѣгнетъ его руки,
Развѣ токмо той, имущій крылѣ,
Паритъ мысленно въ мѣста дальняя,
Горы съ холмами, въ мѣста каменны,
Будутъ Богомъ тамъ вся спасаеми.
Тому Христу надежею вся восприемлеми. Аминь.

III.

Кто бы, кто бы мнѣ построилъ —
Во темныхъ лѣсахъ келью?
Гдѣ ка люди то не знаютъ,
Гдѣ ка звѣри то не ходятъ,
Гдѣ ка птицы не летаютъ.
Мы ушли бы, мы укрылись,
Отъ мірскаго отъ соблазну,
Отъ Антихристовой сѣти!
Какъ на нынѣшнее время,
На конецъ-отъ будетъ вѣку,
Будутъ трусы и мятежи,
Будутъ лживые пророки.
Пророчетъ же Самъ Господь Богъ
Своимъ пречистыми устами:
Вы, любимыя моя дѣти,
Православные христіане,

Вы не весело живите,
И не щепетко носите,
Не забы Бога ходите;
Народится сынъ пагубный,
Онъ отъ дѣвки отъ Жидовки;
Онъ отъ Данова колѣна,
Онъ отъ матери Магданы;
Народится онъ, нацарится,
Онъ размечетъ свои сѣти,
По всей области вселеннѣй;
Онъ станетъ всѣхъ прельщати,
Въ свои сѣти уловляти.
Ой вы стойте, мои свѣты,
Вы за крестъ и за молитву
И за вѣру христіяньску.
Ой вы, сильные, боритесь,
Немощные, уходите
Вы во горы, во вертепы,
И во пропасти земныя;
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками и пеплами;
Не уморю я васъ, мои свѣты,
Голодною я васъ смертью;
Напою я васъ, мои свѣты,
Едной капелькой дождевой;
Накормлю я васъ, мои свѣты,
Единой крошечкой Христовой.
Аминь.

IV.

Охъ ты, время, время злое,
Время злое да остальное;
Какъ еще того будетъ злѣя да остальнѣя,
Какъ родится духъ нечистый,
Злой, нечистый духъ, Антихристъ,
Онъ отъ дѣвки отъ Жидовки,
Отъ нечистыя блудницы.
Когда начальство будетъ Риму,
Тогда горе будетъ міру;
А онъ богомъ самъ назовется,
Онъ на царство нацарится.
Тако время намъ настало,
Попущеніе Бога святаго!
И страсти и боязни пришли,
На насъ вси во казни;
Охъ, увы, намъ будетъ горе:
Вси изсохнутъ рѣки, море;
Такъ увянутъ древеса,
Намъ явятся ложна чудеса,
Что начнутъ кричати,
Пріемше его печати.
Ой, Владыко Отецъ,
Пріими своихъ избранныхъ овецъ;
Вонми нашъ вопль и крикъ,
Утоли печаль велику;
Охъ! увы, друзи мои, братцы,
Наидутъ звѣри плотоядцы;
Будутъ громы, шумы, вѣтры,
На путѣхъ бездны мертвы;
Не будетъ источникъ востоку,
Поидутъ на западъ, какъ наступятъ,
Сильны глады, изомрутъ
Стары и млады, что не будетъ
Въ церквахъ требы;
И померкнетъ солнце въ небѣ!
Не было страсти отъ вѣка,
Не дастъ луна свѣта;
Не сіяютъ звѣзды мракомъ.
Кто помянетъ свято имя,
Всюду будутъ гонимы
Отъ туги и печали;
И день къ вечеру скончати
Нѣту въ слезахъ мочи,
Когда проидючи,

Нѣту въ скорбѣхъ утѣхи,
Непріятны игры и смѣхи.
Аще другъ друга встрѣчаютъ,
Горьки слезы проливаютъ;
Изомрутъ матери на младенцахъ.
То куда намъ будетъ дѣться?
Какъ въ домѣхъ и путѣхъ страшно,
Но не будетъ намъ грѣшнымъ брашно;
Станемъ вопити и кричати,
Какъ избыти его печати,
Наши грѣхи и пороки,
И снидутъ трисвятые пророки.
Они станутъ вѣщати
Не имѣть его печати.
Когда все провѣщаютъ,
Онъ жизнь имъ скончаетъ;
Разоставитъ онъ заставы,
Не могутъ скрытися и млады и стары.
Они начнутъ хватати,
Къ своей вѣрѣ прибивати;
А его слуги люты,
Намъ наносятъ зѣльны муки. Аминь.

(Красноуф. уѣзда, Сылвинск. зав.)

СКАЗАНІЕ О ЛѢСТОВКѢ ПРЕДЪ ОБРАЗОМЪ БОЖІИМЪ (*).

Каждому христіанину должно на всякій день седмицу лѣстовокъ исправлять для воспоминанія святыхъ церковныхъ таинъ;—заключается христіанскій законъ:

а) Крещеніе. б) Мѵропомазаніе. г) Священство. д) Причастіе. е) Исповѣданіе. г) Законный бракъ и ж) Освященіе.

Лѣстовка имѣетъ въ себѣ *четыре лопоски*, въ коихъ исповѣдуется *четыре Евангелиста*.

Обшивка около лопосковъ Евангельское ученіе.

Около лопосковъ 7 передвижекъ — въ знакъ церковныхъ Таинъ.

Гдѣ связана лѣстовка по 3-й ступенькѣ на сторонѣ — и въ лѣстовкѣ еще 3 крупныхъ, всего девять, то значитъ *девять чиновъ ангельскихъ*.

Отъ связки простое мѣсто *земля*.

За тѣмъ *12 бабочекъ*, то значитъ 12 апостоловъ съ Господомъ по землѣ ходили.

38 бабочекъ значитъ 38 недѣль Пресвятая Богородица во чревѣ Христа носила.

33 бабочки—33 года Господь по землѣ ходилъ.

17 бабочекъ—17 пророчествъ о немъ было.

Этой лѣстовкѣ раскольники надивиться не могутъ, что какой святоша ее изъ Москвы сюда вынесъ!

(Сообщено въ 1852 г. Ѳ. В. Бузолинымъ, Тюменскимъ гражданиномъ).

(*) Скопировано съ лѣстовки, доставленной изъ Москвы къ одному *Поморской секты* раскольнику (Алексѣю Ермакову), на двухъ лопоскахъ надпись, что выписано, *изъ ераногpафа* листа 239-го.

ЧЕРТЫ РЕЛИГІОЗНОСТИ.

Въ г. Шуѣ и Шуйскомъ уѣздѣ, въ простомъ народѣ (преимущественно между женскимъ поломъ) строго соблюдаются, между прочимъ, слѣдующіе обычаи и обряды.

Предъ двунадесятыми и другими праздниками, многіе *говѣютъ послѣднюю пятницу*, т. е. предъидущую дню предстоящаго праздника. Каждая изъ такъ почитаемыхъ пятницъ имѣетъ особое значеніе; говѣніе пятницы состоитъ въ томъ, что цѣлыя сутки не ѣдятъ хлѣба и не пьютъ даже воды.

Первая изъ такъ почитаемыхъ пятницъ считается Крещенская, предъ праздникомъ Богоявленія Господня (января 6-го).

Вторая,—передъ заговѣньемъ, за недѣлю до сырной недѣли.

Третья — Срѣтенская, предъ праздникомъ Срѣтенія Господня (февраля 2).

Четвертая,—Благовѣщенская, передъ праздникомъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25 марта).

Пятая, — (*) Страстная, на Страстной недѣлѣ великаго поста.

Шестая,—Троицкая, передъ праздникомъ святыя Троицы и Сошествія Св. Духа.

Седьмая,—Ильинская, передъ праздникомъ св. пророка Іліи (іюля 20).

Осьмая, — Успенская, передъ праздникомъ Успенія Божіей Матери (августа 15).

Девятая,—Ивановская, передъ праздникомъ св. Іоанна Крестителя Усѣкновенія Честныя Главы (августа 29).

Десятая, — Рождественская Богородичная, передъ праздникомъ Рождества Пресвятыя Богородицы (8 сентября).

Одиннадцатая,—Здвиженская, предъ праздникомъ Воздвиженія Животворящаго Креста (сентября 14).

(*) Въ простонародіи называютъ *страшная*.

Двѣнадцатая,—Христорождественская, передъ перaздникомъ Рождества Христова (25 декабря) (*).

2) Въ праздникъ Усѣкновенія Главы Іоанна Крестителя многіе не ѣдятъ яблоковъ и картофеля (**), по убѣжденію, что Іродіада играла главой Іоанна, какъ яблокомъ: ѣсть яблоки—говорятъ они—значитъ подражать ей, а въ чемъ подражать?—Этого объяснить не могутъ.

3) Въ праздникъ Крестовоздвиженія не начинаютъ совершенно никакого дѣла, по убѣжденію, что все начатое въ этотъ день будетъ безуспѣшно и безполезно. Есть убѣжденіе, что въ этотъ праздникъ никакая изъ птицъ не начнетъ вить себѣ гнѣзда.

4) Въ болѣзняхъ и несчастіяхъ молятся разнымъ св. угодникамъ.

Отъ слѣпоты и болѣзней глазъ, молятся:

1) Образу Казанской Божіей Матери.
2) Мученику Мину Египтянину.
3) Архидіакону Лаврентію.
4) Мученику Логину сотнику.

Отъ головной боли:

Святому пророку и предтечи Іоанну.

Отъ зубной боли:

Священномученику Антипію.

Отъ лихорадки:

1) Преподобному Марою.
2) Мученицѣ Фотиніи Самарянынѣ.
3) Преподобному Василію Новому.

Отъ болѣзни грыжи:

Святому великомученику Артемію.

(*) Всѣ двѣнадцать пятницъ говѣютъ, по предразсудкамъ, отъ разныхъ болѣзней и несчастій; каждая изъ пятницъ имѣетъ впрочемъ свое особое значеніе.

(**) Картофель въ простонародіи называютъ земляными яблоками.

Отъ безплодства и безчадія:

1) Преподобному чудотворцу Роману.
2) Преподобному Ипатію, иже въ Руфинѣ.

Объ облегченіи отъ труднаго рожденія:

1) Образу Богородицы Ѳеодоровскія.
2) Св. великомученицѣ Екатеринѣ.

О нелюбви мужемъ жены:

Святымъ мученикамъ Гурію, Самону и Авивѣ.

Объ исцѣленіи младенцевъ отъ болѣзни:

1) Образу Богородицы Тихвинскія.
2) Преподобному Семіону Богопріимцу.

Отъ младенческой болѣзни родимца:

Св. великомученику Никитѣ.

Объ избавленіи отъ оспы:

Св. мученику Конону Саврійскому.

О просвѣщеніи разума къ изученію грамоты:

1) Св. безсребренникамъ Козьмѣ и Даміану.
2) Св. пророку Науму.

Объ открытіи къ изученію иконнаго писанія:

Св. апостолу Іоанну Богослову.

О сохраненіи отъ скоропостижныя смерти:

1) Священномученику Садофу.
2) Великомученицѣ Варварѣ.
3) Священномученику Харлампію.
4) Священномученику Онуфрію великому.

Объ избавленіи отъ мукъ—умершаго безъ покаянія:

Преподобному Паисію великому.

Для прогнанія лукавыхъ духовъ:

1) Преподобному Нифонту.
2) Святителю Марофу.

Объ избавленіи отъ блудныя страсти:

1) Преподобному Мартиніану.
2) Преподобному Іоанну Многострадальному.
3) Преподобному Моисею.
4) Мученицѣ Ѳомаидѣ.

Объ избавленіи отъ пьянства и запоя:

1) Св. мученику Вонифантію.
2) Преподобному Моисею Мурину.

О сохраненіи отъ пожара и молніи:

1) Образу Богородицы «Неопалимая Купина».
2) Святителю Никитѣ Новгородскому.

О бездождіи и о ведрѣ:

1) Святому пророку Иліѣ.

Объ избавленіи отъ падежа рогатаго скота:

1) Святителю Медосту.
2) Священномученику Власію.

Объ избавленіи отъ падежа лошадей:

Св. мученикамъ Флору и Лавру.

О сохраненіи стадъ отъ хищныхъ звѣрей:

Св. великомученику Георгію.

О соисканіи украденныхъ вещей:

1) Св. мученику Ѳеодору Тирону.
2) Св. мученику Іоанну Воину.

О сохраненіи отъ злаго бѣсовскаго очарованія:

Священномученикамъ Кипріану и Іустиніи.

Устарѣлыя дѣвицы, желая выдти поскорѣе замужъ, молятся святой мученицѣ Прасковеѣ, и просятъ слѣдующими словами: «Св. мученица Прасковея, подай мнѣ жениха поскорѣе».

Въ болѣзни ногъ, люди, не придерживающіеся раскола, молятся святителю Митрофану Воронежскому, а раскольники и старообрядцы въ этого святителя не вѣрятъ.

Раскольниковъ и старообрядцевъ въ г. Шуѣ и Шуйскомъ уѣздѣ очень много; секты ихъ разныя и носятъ особыя названія, такъ напримѣръ: Поповщина, Беспоповщина, Нѣтовщина, Перекрещенцы, по Спасову обряду (*), и пр.

Петръ Ильинъ Гундобинъ.

(*) Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Шуѣ была секта Хлыстовъ, но, благодаря старательнымъ мѣрамъ правительства, давно уже истреблена.

ЧЕРТЫ НРАВОВЪ МОЛДАВАНЪ.

(бывшаго 5 округа Подольскаго военнаго поселенія).

Наружный видъ сихъ жителей имѣетъ въ себѣ отличительную характеристическую особенность и черты.

Они всѣ почти росту средняго, дородны, головы у нихъ не слишкомъ малыя, щеки полныя, грудь возвышенна и рѣдко закрыта, волосы на головѣ и бородѣ черные, глаза каріе, тѣлосложенія крѣпкаго, къ физическимъ трудамъ очень способны, ловки и проворны, къ старшимъ весьма почтительны и уважительны, нравственности хорошей, наружности привлекательной, наиболѣе подвергаются болѣзнямъ: горячкѣ и лихорадкѣ.

Домашній бытъ. Жилища ихъ по большей части состоятъ изъ двухъ избъ съ сѣнями и кладовою, покрытыхъ соломою, обмазанныхъ внутри бѣлою, а снаружи желтою глиною. Внутри каждый домъ весьма опрятенъ и чистъ. Всѣ иконы, находящіяся въ домѣ, покрыты въ родѣ занавѣсовъ бѣлыми тонкими утиральниками, шитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ въ разные узоры. Постель ихъ вся покрыта бѣлымъ или чернымъ войлокомъ и подушками, шитыми по угламъ разноцвѣтнымъ шелкомъ весьма искусно. Столъ всегда покрытъ бѣлою, чистою скатертью, тоже шитою по обѣимъ концамъ шелкомъ одного цвѣта; на немъ во всякое время стоитъ хлѣбъ бѣлый, хорошо испеченный, изъ пшеничной муки. Платье мужское лѣтнее—*повседневное*, составляетъ: *манта*, то есть *свита* — въ родѣ тетеліи, сшитая изъ бѣлаго простаго сукна домашней работы, у коей воротникъ висящій въ одинъ аршинъ ширины и длины; и *праздничное—кафтанъ*, изъ сукна темно-зеленаго или темно-голубаго тонкаго. *Кушакъ* разноцвѣтный—хорошъ. *Рубашки* изъ тонкаго холста домашней работы, у коей воротникъ весь шитый разноцвѣтнымъ шелкомъ. *Сапоги* подкованные изъ черной воловой кожи, съ длинными голенищами. *Шапки* высокія

изъ бѣлыхъ барашковъ, по большей части концомъ сшитая; а въ зимнее время бѣлый *кожухъ* — или тулупъ, а по немъ *манта* бѣлаго сукна. *Женское платье* — демикатонный, такъ называемый *зипунъ*, обложенный по рукавамъ и поламъ галуномъ, а иногда и безъ рукавовъ. На шеѣ, вмѣсто ожерелья, носятъ въ нѣсколько рядовъ часто унизанныя *парче*, такъ называемая турецкая монета серебрянная, весьма тонкія и маленькая, похожая на русскую пятушку. На головѣ *нафража*, которою женщины и дѣвицы обвертываютъ кругомъ голову и лицо такъ, что одни только глаза видно, почему наружность ихъ бываетъ бѣлая и довольно пріятная; вмѣсто сапоговъ, носятъ онѣ *папуци*, то есть *башмаки* желтой кожи, сверху шитые гарусомъ.

Пищу ежедневную составляютъ: *борщъ* съ говядиною, и *мамалига*, то есть *лепешки* изъ *кукурузовой муки*, съ молокомъ или *брындзою*, т. е. съ сыромъ, дѣлаемымъ изъ овечьяго молока или съ молокомъ *коровьимъ* или съ масломъ, *либо съ саломъ*; а въ постные дни *капуста* вареная и *мамалига* съ постнымъ масломъ или *съ огурцовымъ разсоломъ*. Въ праздничные дни, *борщъ съ курицею* или *цыпленкомъ*, *плачинда*, т. е. *пирожныя*, величиною въ тарелку, съ свѣжимъ сыромъ на маслѣ печенныя, или вмѣсто оныхъ *виртуши*, т. е. пирожное съ сыромъ, или *сливами*, либо съ *изюмомъ*, свернутое колесомъ весьма тонко и круто, и жаренное на сковородѣ съ масломъ, и такъ же жаркое изъ *курицы*, *гуся*, *утки и поросенка*.

Обычаи и обряды. 1. *При рожденіи младенца*, повивальная бабка даетъ знать приходскому священнику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проситъ его отъ имени хозяина потрудиться въ домъ для прочтенія молитвы надъ родившею и новорожденнымъ младенцемъ. При таковомъ радостномъ случаѣ бываетъ учрежденіе трапезы, на которое приглашенные родственники и сосѣди, собираясь, приносятъ съ собою хлѣбъ, муку и разнаго рода овощи въ знакъ благожеланія новорожденному, и угощаемы бываютъ весьма радушно и благоприлично. Столъ ихъ составляютъ: *плачанди*, *виртушки*, *бризды*, *масло*, *молоко*, *холодное* и *жаркое* — что все вмѣстѣ ставятъ на столъ. Водки мало употребляютъ, и вмѣсто пива пьютъ *бражку* собственнаго произведенія, выдѣланную изъ просяной муки.

2. *При крещеніи младенца* тѣ же самые соблюдаются обряды, съ слѣдующею разницею, что при крещеніи повиваль-

ная бабка кладетъ младенца на разостланный на землю кожухъ вверхъ шерстью, и поставляетъ на одной и другой сторонѣ головы хлѣба, коего младенца, принимая на руки старшій воспріемникъ, бросаетъ на кожухъ нѣсколько копѣекъ серебряныхъ, коего примѣру послѣдуютъ и прочіе воспріемники обоего пола. По совершеніи таинства, бываетъ угощеніе радушное воспріемниковъ, родныхъ и сосѣдей, и употребленіе пищи той же самой, что при рожденіи младенца.

3. *При свадьбахъ.* Женихъ, по предварительномъ учиненіи согласія съ невѣстою, посылаетъ избранныхъ имъ изъ родныхъ старостъ въ домѣ ея родителей, которые, въ ознаменованіе своего согласія на выдачу своей дочери въ замужество за объявленнаго жениха, даютъ посланнымъ старостамъ платки, купленные въ лавкѣ, или нифраницы, т. е. бѣлые платочки изъ тонкаго холста, собственной работы самой невѣсты, шитые по угламъ разноцвѣтнымъ шелкомъ весьма искусно.

4. *При бракахъ.* Женихъ наканунѣ брака ѣздитъ на верховой лошади съ двумя боярами, т. е. шаферами, по всѣмъ родственникамъ и знакомымъ и возитъ съ собою водку въ баклагѣ (это деревянный сосудъ, весьма искусно выдѣланный изъ круглаго куска липоваго дерева, который весь обвитъ въ разные узоры ремешками съ свинцовою крышкою), коею подчивая, сидя на лошади, при дверяхъ дома хозяина, хозяйку и всѣхъ домашнихъ, проситъ очень вѣжливо на свадьбу. На другой день, т. е. въ воскресенье, женихъ и невѣста, испросивъ у родителей своихъ благословеніе, отправляются въ церковь, въ сопровожденіи всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, для бракосочетанія, по совершеніи коего женихъ и невѣста отходятъ въ свои домы. Послѣ женихъ съ боярами отправляется на лошади въ домъ невѣсты, гдѣ, при дверяхъ дома получивъ отъ родителей благословеніе, окропленіе св. водою и троекратное обрасываніе на крестъ ржанымъ зерномъ, входитъ въ домъ, гдѣ по окончаніи торжественнаго обѣда и послѣ выкупа невѣсты у сестеръ ея нѣсколькими копѣйками серебряными, брошенными на деревянную тарелку, забираетъ невѣсту свою, покрытую уже за обѣдомъ платкомъ, со всѣмъ ея приданымъ, въ домъ свой, гдѣ пируютъ весьма благоприлично и благопристойно.

5. *При похоронахъ и панихидахъ.* Замѣчательное и довольно любопытное у Молдаванъ есть обыкновеніе при совершеніи погребеній сопровождать умершаго до могилы даже и

лѣтомъ на саняхъ четырьмя волами, къ рогамъ коихъ привѣшиваютъ платки бѣлые изъ домашняго холста, шитые разноцвѣтнымъ шелкомъ по угламъ. По совершеніи погребальнаго обряда, бываетъ учрежденіе трапезы благоприличное, на которую сзываютъ нищихъ и бѣдныхъ, и по окончаніи трапезы напутствуютъ ихъ калачами изъ пшеничной муки и надѣляютъ по малой части деньгами, съ обязательствомъ, дабы они взносили молитвы свои объ умершихъ къ Богу.

6. При неурожаяхъ, засухахъ, скотскихъ падежахъ, моровыхъ язвахъ, есть у Молдаванъ религіозное обыкновеніе, посредствомъ приходскихъ священниковъ, приносить Господу Богу умилостивительныя жертвы, т. е. отправлять богослуженія, молебны, водоосвященія.

Въ одержимыхъ болѣзняхъ, они пользуются по большей части домашними средствами: *сырою капустою*, *сливнымъ отваромъ*, *водою съ погашеннымъ въ оной углемъ*.

Занятіе ихъ наиболѣе любимое: *скотоводство, пчеловодство* и *хлѣбопашество*.

Народное увеселеніе у нихъ совершается при игрѣ музыки весьма благоприлично и благопристойно. Таковыя всегда отправляются въ домѣ почетнѣйшаго хозяина, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ позволительное время правилами св. отецъ, куда собираются обоего пола люди: мужчины, женщины и дѣвицы, которые въ погодное время на дворѣ, а въ ненастное — въ домѣ весьма скромно и благопристойно производятъ пляску въ родѣ *кадриля*, забравшись за руки, ходятъ кругомъ по комнатѣ, дѣлая разныя фигуры.

Эта пляска называется *джокъ* или *джоцъ*. Есть еще другой родъ пляски подъ названіемъ *арнауцешти*, которую танцуютъ одни только холостые мужчины. Эта пляска имѣетъ въ себѣ весьма любопытныя, пріятныя и замысловатыя фигуры; и какъ оная есть веселаго рода, то и танцуютъ ее поскорѣе, съ различными разстановками. Управляющій сею пляскою ведетъ впередъ всѣхъ танцующихъ съ палкою въ правой рукѣ, а на палкѣ платокъ, и командуетъ всѣми танцующими по правиламъ, ему очень извѣстнымъ; то ведетъ ихъ всѣхъ за собою шибко, составляя правильный кругъ, то выправляетъ ихъ въ прямую линію. *Музыку* составляютъ однѣ скрипки, три или четыре, на которыхъ играютъ весьма искусно и съ большою ловкостію *Цыгане*.

Какъ страна, называемая *Молдавіею*, находящаяся по обѣимъ сторонамъ *Днѣстра*, не что иное было въ древности, какъ Сибирь Римская, куда ссылаемы были всѣ преступники, то и всѣхъ родовъ *увеселенія, пляски* и *пѣсни*, ознаменованы унылостію, наводящею тоску на слушающихъ (*), и языкъ ихъ весьма похожъ на Латинскій, такъ что знающій хорошо оный можетъ, безъ всякой трудности, понимать, разговаривающихъ между собою Молдаванъ.

Стоитъ не малаго вниманія и замѣчанія господствующая вѣжливость женскаго пола какъ въ замужнемъ, такъ и въ дѣвическомъ состояніи, а равно въ высокой степени стыдливость, происходящая отъ непорочности нравовъ ихъ. *Во первыхъ*, женщины и дѣвицы никогда не входятъ въ питейные домы, и горячихъ напитковъ отнюдь и ни подъ какимъ предлогомъ не употребляютъ. *Во вторыхъ*, женщина или дѣвица, идущая съ кувшиномъ къ колодезю по воду и замѣтившая мужчину, идущаго противъ нея, до тѣхъ поръ будетъ стоять на одномъ мѣстѣ, пока мужчина не минуетъ ея.

Благочинный, протоіерей *Викторъ Мартиновскій*. 1850 г.

(*) Объясненіе очевидно неудачное. *Ред.*

ЧЕРТЫ НРАВОВЪ КРЕСТЬЯНЪ ТОТЕМСКАГО УѢЗДА.

Крестьяне вообще нрава миролюбиваго, тихаго и немстительнаго, за исключеніемъ развѣ селеній по р. Кокшенгѣ и окрестностей, у жителей которыхъ нравы нѣсколько суровѣе. Мягкость, терпѣливость, немстительность преобладаютъ въ народѣ. При совѣщаніяхъ поселянъ, при ихъ разговорахъ и даже спорахъ, не замѣтно нетерпимой вспыльчивости. Вообще добродушные и вѣжливые, они выслушиваютъ чужія мнѣнія и убѣжденія терпѣливо, не споря и, сознавши свою неправоту, охотно соглашаются, особливо, если имъ говорятъ безъ брани, ясно и отчетливо (*).

Кромѣ землепашества, крестьяне занимаются куреніемъ дегтя, обработкою льна, строеніемъ по р. Сухонѣ судовъ, рубкою и возкою дровъ — на соловаренные заводы, коихъ въ уѣздѣ 2: владѣльческій и казенный, первый въ 2-хъ, а второй въ 35 верстахъ отъ города. Рыбная ловля производилась всегда, но до 1846 г., по незначительности своей, не заслуживала почти никакого вниманія. Обильный ловъ стерлядей, величиною отъ 1 ф. до 25 ф. и болѣе, открывшійся въ августѣ 1846 г. въ р. Сухонѣ, обратилъ на себя особенное вниманіе многихъ и преимущественно жителей городской слободы подъ названіемъ *Зеленя*, единственныхъ въ этомъ родѣ промышленниковъ. Главный сбытъ стерлядей въ 1846 г. былъ владѣльцу здѣшняго соловареннаго завода Макарьевскому купцу Кокореву и Тотемскому 3-й гильдіи купцу Вахрушеву. Цѣна на эту рыбу, во время ея лова, въ августѣ и сентябрѣ была отъ 10 до 25 и 30 коп. сер. за фунтъ. Въ этотъ годъ нѣкоторые изъ рыболововъ были такъ счастливы, что продали стерлядей на сумму до 100 р. сер. и болѣе. Что же касается до

(*) Это замѣчаніе конечно, безъ всякихъ почти исключеній, должно относиться по всему нашему народу. Примѣры противнаго бываютъ, когда съ нимъ не говорятъ *безъ брани, ясно и отчетливо*. *Ред.*

ловли стерлядей въ 1847 г., то она въ Сухонѣ такъ обильна, что цѣна на эту рыбу съ половины августа постоянно стоитъ отъ 3 до 5 коп. за фунтъ. Въ первый разъ,—какъ помнятъ старожилы,—въ р. Сухонѣ стерлядь незначительной величины была изловлена въ 1815 г., въ 80 верстахъ отъ города по теченію рѣки, и съ той поры до 1846 г. она ловилась довольно рѣдко. Исключая *самолововъ*, *курш* и *помчей*, никакихъ другихъ снарядовъ для ловли рыбы ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не употребляютъ. Всѣ они общи съ тѣми, кои употребляются въ уѣздахъ, прилежащихъ Тотемскому. *Самоловъ* появился на Сухонѣ не ранѣе, какъ въ 1845 г. Онъ состоитъ изъ тонкой веревки, къ которой прикрѣплены на волосяныхъ лѣсахъ, длиною въ полъаршина, съ пробками, ничѣмъ не наживленные крючки, не въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи (четверть, полторы четверти и болѣе). Самоловъ этотъ, для ловли преимущественно стерлядей, бросаютъ въ плесахъ поперегъ рѣки, прикрѣпляя концы его или кольемъ или камнями. Стерлядь, проходя или играя, зацѣпляется за крючки, такъ что рѣдкая уже можетъ съ нихъ свернуться, притомъ, попавъ на крючекъ, рыба становится крайне кроткою. *Курша* дѣлается на подобіе рукава изъ мережи, длиною сажени въ три; въ отверстіе этого рукава вставляется кольцо въ діаметръ около аршина съ четвертью. Такія ловушки ставятся въ весеннее время, вскорѣ по открытіи воды подлѣ береговъ, и ими большею частію ловятся щуки. *Помча* устроивается на подобіе дѣтской колыбели и состоитъ изъ квадратной, величиною въ 1 сажень, мережи, къ бокамъ которой, съ весьма значительною мережи въ срединѣ послабою, пришиваются тоненькіе шестики, къ которымъ прикрѣпляются длинныя веревки. Веревки эти привязываются къ устроенному въ рѣкѣ цѣпу, помощію коего погружается помча на самое дно рѣки; противуположный же конецъ цѣпа служитъ къ поднятію помчи. Для прикормки рыбы опускается на помчу въ кошелѣ пареный овесъ, а иногда и творогъ (сыръ). Передъ помчею, на разстояніи сажени противъ теченія рѣки, устроивается изъ тонкаго березника, шириною сажени въ полторы, не частая, впрочемъ, загорода. Загорода эта, а равно и шумъ, отъ нея происходящій, предотвращаетъ испугъ рыбы, какъ при подъѣздѣ къ помчѣ, такъ и при поднятіи ея.

Грамотность въ уѣздѣ, за исключеніемъ торговаго села

Шуйска, распространена очень мало. Нынѣ училища заведены: въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ 6, удѣльныхъ 2 и 1 малая заводская школа въ Леденскомъ солеваренномъ заводѣ. Въ этихъ училищахъ обучается дѣтей крестьянъ государственныхъ мужеска пола 140, женска 4, удѣльныхъ 80 и заводскихъ служителей 40. Всего училищъ въ уѣздѣ 9, а въ нихъ обучающихся 264 человѣка.

Всѣ крестьяне отличаются большою набожностью, за исключеніемъ развѣ поселеній по р. Кокшенгѣ и ея окрестностямъ, гдѣ менѣе замѣтно усердія къ церкви. Вообще же рѣдкій изъ поселянъ, за лѣностью и нерадѣніемъ, останется въ праздничный день дома. Каждый непремѣнно идетъ въ церковь, гдѣ между утренею и литургіею во многихъ изъ приходовъ есть обыкновеніе слушать или прологъ или четью-минею.—Въ Святую Пасху обыкновенно приносятъ въ церковь куличь, сыръ и яица, часть которыхъ, по освященіи, отдѣляется священно-церковно-служителямъ, а оставшееся количество уносится домой. На могилы родственниковъ поселяне большей части уѣзда, въ положенные для поминовеній дни, приносятъ разнаго рода пироги, коихъ часть отдѣляется священно-церковно-служителямъ и часть бѣднымъ; изъ оставшагося количества, помянувъ сами, часть уносятъ домой для тѣхъ, коимъ не было возможности прійти къ церкви.

Въ селеніяхъ Кокшенгскихъ, при встрѣчѣ почетнаго гостя, въ домѣ или даже на крыльцѣ, имѣютъ обыкновеніе всѣ встрѣчающіе кланяться въ ноги. Такимъ же поклономъ сопровождаетъ хозяйка, только уже вдругъ всѣмъ гостямъ, сидящимъ у нея за столомъ, каждое блюдо, поданное ею на столъ. Тоже самое дѣлаетъ и хозяинъ, при подачѣ стакана вина, и передъ дорогимъ гостемъ, если онъ не пьетъ, въ добавокъ къ поклону, становится на колѣни, и не прежде встанетъ, пока весь стаканъ не будетъ выпитъ.—При закладкѣ новаго дома есть обычай на каждомъ углѣ, при второмъ рядѣ бревенъ, класть по серебряной монетѣ, цѣнность которой соразмѣряется съ состояніемъ хозяина. Деньги эти у богатыхъ идутъ плотникамъ, а бѣдные или этого теперь не дѣлаютъ, или даютъ ихъ плотникамъ въ число слѣдующей имъ за работу платы. При закладкѣ скотнаго двора есть обычай—по срединѣ его ставить елку, что будто бы предохраняетъ скотъ отъ падежа,

заблужденія въ лѣсу и хищности звѣрей, и будто же бы отъ того скотъ бываетъ болѣе приплодный и здоровый.

При входѣ въ новый домъ, прежде всего вносятъ помело, квашню, пѣтуха и кошку какъ предметы, необходимѣйшіе и такіе, которымъ сопутствуютъ довольство, счастье и тишина.

Построивъ баню и истопивъ ее въ первый разъ, всегда бросаютъ на каменку соль, полагая, что отъ того баня будетъ не горька и безъ угару.

Существуетъ любопытный обычай — *заниматься*, преимущественно, впрочемъ, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кубенскомъ и въ окрестныхъ селеніяхъ. Молодой парень *занимается* съ тою дѣвушкою, на которой хочетъ жениться. Въ этомъ *занятіи* нѣтъ ничего предосудительнаго, и оно продолжается иногда до 3 лѣтъ и болѣе. Съ вѣдома родителей, они дѣлаютъ другъ другу подарки: дѣвица ежегодно тчетъ парню поясъ или вышиваетъ ему полотенце, а онъ ей даритъ кольцо или платокъ. На лѣтнихъ гуляньяхъ и зимнихъ вечеринкахъ *занимающійся* долженъ плясать или вообще играть непремѣнно съ тою дѣвицею, съ которою занимается. Невыполненіе сего непремѣнно влечетъ къ разрыву занятія. Въ эти занятія женихъ и невѣста узнаютъ характеръ другъ друга. Если находятъ въ характерахъ такое несходство, что полагаютъ невозможнымъ жить въ добромъ согласіи, то занятія ихъ прекращается, и это прекращеніе ни въ чьихъ глазахъ: ни родителей, ни деревни, ни всего околодка, не считается предосудительнымъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обычай пропивать невѣсту. Когда послѣдуетъ рѣшительное согласіе на бракъ, то отецъ жениха, послѣ рукобитья, непремѣнно долженъ угостить всю невѣстину родню. Угощеніе это дѣлается въ домѣ жениха или всѣ ѣдутъ въ городъ, если онъ близко, и тамъ совершаютъ пропой. Онъ считается необходимымъ для того, чтобы новые родственники и послѣ свадьбы жили въ добромъ согласіи. Въ другихъ мѣстахъ, послѣ рукобитья, невѣста дѣлаетъ хлопокъ, который состоитъ въ томъ, что, услыхавъ о рукобитьи, она бѣжитъ отъ дверей въ передній уголъ подъ иконы и, ударившись о лавку и закрывшись платкомъ, творитъ причетъ. Послѣ вѣнца новобрачныхъ садятъ на шубы или на что нибудь шерстяное, для того, чтобы не постигла ихъ бѣдность.

(Изъ статьи штатнаго смотрителя Тотемскихъ училищъ *Павла Левитскаго*. 1847 г.

НѢКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ ВЪ Г. ЗАРАЙСКѢ И УѢЗДѢ.

1. Дѣвицы—дочери горожанъ, съ десяти лѣтъ и далѣе до выдачи ихъ въ замужество, почти нигдѣ не показываются, и, избѣгая обществъ, не ходятъ даже въ церковь, кромѣ одной первой недѣли великаго поста. Причины такого обыкновенія они сами не знаютъ, а держатся его по вліянію на нихъ матерей и бабушекъ, которыя, въ объясненіе и извиненіе обычая, употребляютъ старинную поговорку: «Не видятъ—дѣвка золото, увидятъ—дѣвка олово» (*).

2. Въ томъ же городѣ издавна заведено: при поминовеніи усопшихъ, когда бываетъ обѣдъ и приглашаются родственники, поставлять такъ называемую *чашу* съ подслащеннымъ напиткомъ. По окончаніи стола, послѣ краткой молитвы, чаша эта разливается въ стаканы и священникъ, а если онъ не одинъ, то старшій изъ священниковъ разноситъ стаканы и послѣ всѣхъ выпиваетъ самъ. Особенныхъ обрядовъ при семъ не бываетъ. Но въ нѣкоторыхъ деревняхъ, близкихъ къ Зарайску, при разнесеніи чаши соблюдается такое обыкновеніе: родственники покойнаго, особенно младшіе его по лѣтамъ, напримѣръ дѣти племянники и внуки, предъ взятіемъ стакана изъ рукъ священника, дѣлаютъ земные поклоны и, перекрестясь, пьютъ поднесенный напитокъ. Поклоны эти относятся къ усопшему и выражаютъ ими память о немъ, почтеніе и благодарность за тѣ благодѣянія, какія онъ имъ дѣлалъ при жизни своей.

3. Въ ближайшихъ къ Зарайску селахъ и деревняхъ, изстари вошло въ обычай въ недѣлю Святой Пасхи, когда святыя иконы обносятся по домамъ — нерукотворенный образъ Христа Спасителя не вносить въ домъ, а оставлять его на дворѣ или среди улицы (предъ домомъ). Обыкновеніе, по видимому, странное: но, судя по причинамъ, оно уважительно. Именно: жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ это водится, въ то время, когда святыя иконы переносятся изъ дома въ домъ, сопрово-

(*) Очевидно этотъ обычай не *народный*, а собственно *сословный*. Желательно бы изслѣдовать, когда этотъ *боярскій* обычай сталъ переходить къ гостямъ и посадскимъ и въ какихъ еще другихъ мѣстностяхъ уцѣлѣли подобные остатки затворничества женщины? Совершенно противуположные обычаи, свидѣтельствующіе о полной свободѣ дѣвушки, господствуютъ у насъ вездѣ въ крестьянствѣ и даже въ торговомъ классѣ, напр. въ Торжкѣ, Боровичахъ и проч. *Ред.*

ждають оныя всѣмъ міромъ и, не имѣя возможности входить въ каждую избу, остаются на дворѣ или на улицѣ. Такъ какъ главная цѣль, для которой онѣ сопровождаютъ иконы та, чтобы помолиться Богу и святымъ его, то они и оставляютъ для себя образъ Христа Спасителя и предъ нимъ горящую свѣчу въ фонарѣ въ то время, когда образъ Воскресенія съ другими иконами вносится въ домъ и остается тамъ до окончанія молебна.

Города Зарайска соборный протоіерей, магистръ *Михаилъ Ремезовъ*. 1849 г.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ ВЪ РЖЕВСКОМЪ УѢЗДѢ.

Наканунѣ свадьбы собираются въ избу князя (жениха), и въ одной комнатѣ сидитъ сама княгиня, подъ покрываломъ, въ вѣнчальномъ нарядѣ, окруженная родными и дружкомъ, а въ другой избѣ (комнатѣ)—женихъ (князь) съ отцемъ, матерью, дружкомъ и родными. Дружка князя (иначе называемый знахаремъ) (*) въ этой избѣ ставитъ по срединѣ на полъ грестьяный (перегорѣлый, легко раздавливающійся) камень и на него сковороду; потомъ вмѣстѣ съ родными поднимаетъ князя такъ, чтобы онъ не коснулся ни пола, ни сковороды, и ставятъ его осторожно на сковороду, такъ чтобы находящійся подъ нею камень не раздавился. Пока князь стоитъ, дружко его (главный дружко, знахарь) снимаетъ съ божницы образъ, и съ восковою свѣчею въ рукахъ ходитъ вокругъ жениха, творя свои молитвы. Послѣ троекратнаго обхожденія вокругъ князя, его снимаютъ опять такъ, чтобы онъ не касался ни пола, ни сковороды, и ставятъ на полъ. Послѣ этого дружко ударяетъ топоромъ въ

(*) Выбираютъ для должности дружки обыкновенно такого человѣка знающаго, знахаря или колдуна, который бы при случаѣ могъ отстранить какое нибудь бѣдствіе отъ свадьбы; напр. если бы какой нибудь завистникъ или другой колдунъ захотѣлъ бы превратить всю свадьбу въ волковъ, что случалось иногда, по вѣрованію простонародія.

сковороду такъ, чтобы находящійся подъ нею камень разбился, и приговариваетъ при этомъ: «какъ этотъ камень разбился, такъ чтобы всѣ враги нашего князя распались». Далѣе берутъ жениха подъ руки и ведутъ къ избѣ княгини, при чемъ дружко идетъ впереди со свѣчою и съ плетью за поясомъ (*). Приходятъ къ двери: заперта. Дружко вынимаетъ плеть изъ за пояса, ударяетъ ею въ дверь три раза, потомъ берется рукою за скобку двери, нѣсколько отворяетъ и опять притворяетъ, что онъ повторяетъ до трехъ разъ. Послѣ третьяго раза входятъ въ избу, гдѣ за столомъ стоитъ невѣста подъ покрываломъ. Князь и княгиня взаимно раскланиваются, послѣ чего князя ставятъ возлѣ княгини рядомъ. Столъ бываетъ накрытъ въ это время бѣлою скатертью, на которой поставлены хлѣбъ-соль, пиво въ кружкахъ и вино въ полуштофахъ. Дружко въ красной рубашкѣ изъ кумачу, въ набойчатыхъ штанахъ синяго цвѣта съ полосати, и въ шапкѣ съ пряжкою (**), какая шапка бываетъ у всѣхъ участвующихъ въ свадьбѣ. Здѣсь дружко вызываетъ сперва родныхъ, а потомъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы благословляли князя и княгиню,—говоря такія слова: «Иванъ Ѳадеевъ, «Иванъ Ѳадеевъ (или другое имя два раза) приходи благословлять нашего князя новобрашнаго съ княгиней новобрашной «хлѣба соли кушать. Не надо намъ твоего злата и серебра, «у нашего князя новобрашнаго и княгини новобрашной много «своего злата и серебра, а дорого намъ твое благословенье. «Всѣ приходите благословлять, а кто не будетъ благословлять, «тому ни самому выходить, ни своихъ дочекъ замужъ не «выдавать (***)». Вызванное лицо тотчасъ является къ столу, раскланивается съ женихомъ и невѣстою; дружко же подноситъ ему стаканъ вина или кружку пиву, смотря по значенію вызваннаго лица. Послѣднее выпиваетъ за здоровье княгини и кладетъ въ чашку, стоящую на столѣ, грошъ или какую ни-

(*) Эта плеть виситъ постоянно за поясомъ у дружка даже въ церкви.

(**) То есть шапка съ павлиными перьями.

(***) По мѣстному выговору эта рѣчь слѣдующая «Ив. Ѳ., Ив. Ѳ. приходзи басславлятць нашего князя новображнаго съ княгиней новображной, хлѣба соли «кушатць. Не нада намъ твайго злата и серебра, а дорого намъ твое басдавенье: «у нашего князя новображнаго и княгини новображной много свайго злата и се«ребра. Усѣ приходзите басславлятць, а кто не будзетъ басславлятць, тому не самому «выходзитць, ни своихъ доцокъ за мужъ выдаватць.»

будь мѣдную монету, раскланивается и уходитъ на прежнее мѣсто.

Тоже самое повторяется и съ остальными присутствующими, пока всѣ они не выпьютъ за здоровье князя и княгини, причемъ каждый отдѣльно вызывается дружкомъ, и кладетъ въ кружку какую нибудь монету.

Когда этотъ обрядъ испиванія за здоровье новобрачныхъ кончится, тогда дружко вызываетъ охотниковъ пѣть, при чемъ торгуется съ ними въ такихъ выраженіяхъ: намъ надо своего князя съ княгиней повеселить, что возьмете?» Охотники отвѣчаютъ: «мы не дорого возьмемъ: усяго сорокъ сороковъ пироговъ, вядро «вина и вядро пива.» Дружко отвѣчаетъ: «Нѣтъ, этаго много, у нашего князя столько нѣтуци; а возьмите пирога, полштыха горѣлки и вядро пива.» Послѣ долгихъ разговоровъ, наконецъ соглашаются. Разгульные молодцы начинаютъ пѣть разныя пѣсни: Святой Кузьма Дземьянъ,

Баслави свадзевку сыгратць, и т. д.

Когда они отпоютъ, то получаютъ обѣщанную плату. Послѣ того начинаютъ пѣть дѣвушки и въ это время происходятъ пляски. За пѣніе дѣвушекъ платитъ тотъ, на кого поютъ пѣсню. Послѣ плясокъ садятся за ужинъ: говяжій студень, пирогъ на каждаго гостя (доля ржанаго и доля пшеничнаго), *сѣрые щи* изъ первыхъ листьевъ и баранина, послѣ каждаго кушанья всѣ угощаются виномъ.

Такимъ образомъ пиръ продолжается за полночь, послѣ чего княгиню увозятъ въ свою родную избу, а женихъ остается дома, гдѣ былъ пиръ.

На другой день происходитъ самое вѣнчаніе.—Когда дружко ѣдетъ за невѣстой, дабы взять ее къ вѣнцу, то беретъ съ собою вина, пива, пироговъ и пряниковъ, чтобы *выкупать* дорогу въ воротахъ, которыя прійдется проѣзжать свадебному поѣзду княгини. На этихъ воротахъ бываютъ заставы различнаго рода, напр. ребятишки изъ деревни кладутъ колъ, бревно и т. п. Тогда дружко раздаетъ загородившимъ разные припасы, поитъ ихъ виномъ и пивомъ, угощаетъ пирогомъ, а бабамъ и дѣвкамъ раздаетъ пряники.—Кто прежде пріѣдетъ къ церкви, женихъ или невѣста, тотъ ждетъ въ *караулкѣ* или избѣ, гдѣ живетъ церковный сторожъ. Когда пріѣдутъ князь и княгиня, то идутъ въ церковь, гдѣ и совершается обрядъ вѣнчанія. Послѣ обряда ѣдутъ домой къ жениху. Здѣсь, у воротъ,

встрѣчаютъ ихъ отецъ и мать, если живы, а не то посаженный отецъ съ хлѣбомъ и солью, въ шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, чтобы богато было жить. У воротъ же собирается толпа, которая долго не пускаетъ новобрачныхъ въ домъ, и каждый изъ толпы требуетъ выкупа, который и раздаетъ имъ дружно въ видѣ разныхъ припасовъ, пряниковъ, вина и т. д.

Когда войдутъ въ избу, въ которой уже накрытъ столъ, то обыкновенно находятъ мѣста князя и княгини занятыми двумя или тремя лицами, которыя требуютъ выкупа за свои мѣста. Когда ихъ выкупятъ, то князь и княгиня становятся на своихъ мѣстахъ, а вывороченныя шубы, лежавшія до тѣхъ поръ на лавкахъ, снимаютъ дружкомъ послѣ нѣсколькихъ ударовъ плетью съ приговорами.

Потомъ начинается обѣденный столъ, за которымъ упиваются родные и знакомые и всѣ вообще *поѣзжане* (участвующіе въ брачномъ поѣздѣ). При этомъ, не выходя изъ за стола, дружко начинаетъ раздѣлять дары княгини между родными и всѣми поѣзжанами; дарятъ даже такихъ, которые зайдутъ нечаянно въ это время въ избу.

При этомъ дружко беретъ каждый подарокъ, кладетъ его на плеть, и подавая кому слѣдуетъ, приговариваетъ: «Наша княгиня новобрачная по рѣкамъ не ходила, зуевъ (*) не ловила, дары милому гашила (**) и т. д.»

Дружко на плети подаетъ, напримѣръ, платокъ, кому онъ предназначенъ; получивши подарокъ, лицо отплачиваетъ деньгами, кладя ихъ въ блюдо, приготовленное для этого на столѣ: кто гривну, кто болѣе, кто менѣе, смотря по состоянію. Случаются даже неудовольствія при этомъ распредѣленіи подарковъ.

Когда всѣ подарки розданы, продолжаютъ пировать. На другой день послѣ свадьбы и вѣнчанія, рано утромъ заставляютъ молодыхъ (новобрачныхъ) идти съ ушатомъ на ключь, за водой.—Лишь только они нальютъ ушатъ, какъ толпа народа, окружающая ключь (колодезь), отнимаетъ у нихъ ушатъ и выливаетъ воду; это повторяется нѣсколько разъ какъ бы съ желаніемъ помутить или поссорить молодыхъ. Если же мо-

(*) Куликъ (птица).

(**) Готовила.

лодые успѣютъ набрать. воды въ ушатъ до прихода толпы, то на дорогѣ отнимаютъ у нихъ ушатъ, выливаютъ воду, и часто разбиваютъ самый ушатъ такъ, что молодые возвращаются безъ воды. У воротъ ихъ дома, снова дѣлаютъ заставу: или запираютъ ворота, или ставятъ колья, и т. п. и долго не впускаютъ, пока молодые не дадутъ выкупа. Послѣ того бываетъ еще пиръ у невѣсты.

Петръ Сокальскій. 1855 г.

СЛОВА ДРУЖКИ НА СВАДЬБАХЪ ВЪ ХОЛМОГОРСКОМЪ УѢЗДѢ (*).

Дружки (шафера) въ назначенный день брака, пріѣхавъ отъ жениха въ домъ отца невѣсты, привѣтствуютъ его рѣчью:

«Здравствуй, господинъ хозяинъ! прикажи пожалуй про княжну здравіе сказать и про молодую княгиню спрошать. Нашъ князь молодой первобрачной въ пути и въ дороги и въ добромъ здоровьи съ оццомъ и матерью, съ родомъ и племенемъ и оццомъ духовнымъ, съ нами, храбрыми дружками, и велѣлъ нашъ князь молодой у тебя добра господина поспросится и низко поклонится: ваша молодая княгиня добра ли здорова съ оццомъ и матерью, съ родомъ и съ племенемъ, съ тетушками и съ молодушками, съ любимыми госьюшками и съ красными дѣвушками. Еще велѣлъ нашъ князь молодой у тебя, добра господина, поспросится и низко поклонится: есь ли у вашей княгини у воротъ приворотники, у дверей придворники, а за ней провожатые, а ежели у васъ нѣтъ, то нашъ князь своихъ представитъ. Еще нашъ князь молодой первобрачной велѣлъ у тебя господина поспросится и низко поклонится и прикажи пожалуй и благослови на широкой дворъ заѣхать съ конями и санями и въ высокъ теремъ зайти съ гостями и удалыми молодцами.»

Потомъ, обращаясь къ невѣстѣ и ея подружкамъ:

«Здравствуйте, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, княгиня первобрачна! Нашъ князь молодой бьетъ челомъ хлѣбной силой — пряниками»

(*) Власьевской волости, въ Моржегорскомъ селеніи.

Отъ невѣсты и отца ея возвращаются къ жениху и встрѣчаютъ его привѣтствіемъ.

«Господинъ князь первобрачной! мы, слуги и работники твои и ходили къ добру господину хозяину про твое здравіе сказали и про молодую княгиню спросили. Молодая княгиня добра и здорова съ отцомъ, матерью, съ родомъ и съ племенемъ, съ тетушками, съ молодушками и съ любимыми госьюшками и съ красными дѣвушками. На ноги ставала, поклонъ отдавала, къ себѣ въ домъ призывала, милости просимъ!»

Обращаясь къ отцу жениха, привѣтствуютъ его:

«Здравствуй, господинъ хозяинъ, мы, слуги и работники твои, ходили въ чистое поле, въ темную едому (лѣсъ), за куницами, лисицами, черными звѣрями и соболями, и попалъ намъ въ чистомъ полѣ куней слѣдъ и изъ чистово поля въ темную едому и въ чистомъ полѣ стоитъ дворъ, какъ городъ, изба какъ теремъ: тутъ мы куней слѣдъ потеряли, на кругъ обошли, на другой обошли, на третей обошли, а куньево слѣду отправить не могли. Подъ окномъ поколотились, ворота отворились, и выходилъ господинъ хозяинъ на крутое крыльцо и звалъ насъ въ высокъ теремъ и садилъ насъ за столы дубовые, за скатерти браныя, за питья медвяныя, и поилъ насъ до пьяна и кормилъ насъ до сыта и выводилъ красну дѣвицу, а мы тебѣ привезли слугу и работницу».

РОСПИСЬ ЧЕРТЕЖУ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ.

(1701 г.)

1701 года, декабря въ 11 день, по указу великого государя і великого князя Петра Алексѣевича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі самодержца, и по приказу ближнего боярина і воеводы Петра Самойловича Салтыкова, велено столнику Максиму Цызыреву здѣлать тайнымъ обычаемъ отъ Витепска вверхъ до самыхъ вершинъ Двины реки чертѣжъ съ подлинною мѣрою по машпапу, и очертить и описать то въ чертеже имянно, въ которыхъ мѣстехъ отъ границы, сколко отъ Двины реки, и гдѣ перешла Двіна черѣзъ рубѣжъ Московской, и какие сѣла и деревни по нѣй, и сколко много еѣ бѣгу въ рубежахъ Московскихъ, і въ вершинахъ какова велика, и какие по нѣй суды ходятъ, и какие сѣла вверху по той рекѣ есть, и то всѣ, записавъ имянно, велено написать на роспись въ книгу. И онъ, Максимъ, тому всему учинилъ чертѣжъ съ подписью на четырехъ листахъ, и тому чертежу учинена ся описная роспись въ книге, а въ росписи пішетъ:

Река Двина вышла во Ржевскомъ уѣзде ото Ржевы во сте въ дватцаті верстахъ, прозваниемъ изъ-за Ковицкого лѣсу і впала въ озеро Аѳото, и то озеро пропіла сквозь.

А отъ озера Аѳоты, внизъ Двиною рекою, въ дватцаті во шти верстахъ, по левую сторону село Дубно.

И отъ того озера до села Дубны по Двине мѣли великие.

И отъ села Дубны внизъ мѣли есть же.

И отъ того села Дубны рекою Двиною въ полую болшую воду возможно стругами итить.

А ныне подъ тѣмъ селомъ въ розныхъ мѣстахъ, по мѣре, глубины въ волтора і въ два і въ полтретья і въ три аршина, шириною въ три і въ четыре сажени.

А внизъ отъ того села по той рекѣ стругами итить свободнее.

Отъ села Дубны пустошь Желѣзова и болшая Московская дорога въ тритцати верстахъ.

Въ тѣхъ местахъ по обѣ стороны реки Двины лѣсъ угожей боръ и дубникъ.

Отъ пустоши Желѣзова деревня Козино Дениса Потемкина въ тритцати верстахъ.

Отъ деревни Козина по правую сторону деревня Кожино Луки Челищева, а по левой сторонѣ село Салово Ѳедора Поплонского въ десяти верстахъ.

Отъ той деревни и села до реки Торопы, которая межуетъ съ Московской стороны Торопецкой уѣздъ съ Полскою землею съ Велижскимъ уѣздомъ, въ которомъ мѣсте внизъ съ правой стороны впала въ Двину въ дватцати верстахъ и болши.

А отъ вышепомянутого села Дубны Полской рубѣжъ Велижского уѣзду, съ которыхъ мѣстъ возможно на стругахъ итить въ девяносту верстахъ.

А отъ озера Аѳоты Московской стороны до того же рубѣжа сто пятнадцать верстъ.

Отъ Московского рубѣжа Полскою стороною отъ реки Торопы Родительской Порогъ въ тритцатi верстахъ.

А того порогу, по смѣте, будетъ длиною сажени на четыре и болши.

Поперегъ черѣзъ всю рѣку, по смѣте, саженъ съ сорокъ и болши.

По средине того порогу въ полую воду струговой ходъ свободной.

Отъ того порогу устье реки Межи, гдѣ впала въ реку Двину въ дватцати верстахъ.

Съ левой стороны реки Двины, съ верховья внизъ реки Межи, Московскою жъ стороною, до Полского рубѣжа, до рѣчекъ Елпи и Бѣлейки, которые впали въ реку Межу, а Мѣжа въ реку Двину.

Рѣка Межа вышла изо Ржевского жъ уѣзду въ верховье, по обѣ стороны лѣсъ угожей боровой.

Тою рекою Межею внизъ, по лѣвую сторону, черѣзъ болшую Московскую дорогу, селцо Еткино отъ верховья въ тритцатi верстахъ и болши.

Отъ селца Еткино село Монино въ тритцати верстахъ.

I въ селѣ Монине пристань, а съ той пристани полою водою до Двины и Двиною до Риги ходятъ стругамі съ товары.

Отъ той пристани деревня Антипина въ дву верстахъ.

И съ того жъ лесу по левую сторону реки Межи вышла рѣчка Береза і впала въ реку Межу ниже деревни Антипина въ полу версте.

Ниже той рѣчки деревня Жеребцова въ пяти верстахъ.

Отъ той деревни Жеребцова Івана Лыкошина деревня Телпехи и устья реки Опши въ дватцати въ трѣхъ верстахъ.

Съ правой стороны деревня Власово, деревня Гряда, да деревня Попкова не въ далнихъ ростоянияхъ.

А межъ тѣхъ деревень, по обѣ стороны реки Межи, лѣсъ дубникъ и сосновой.

Река Опша верховьемъ изъ Бѣлского уѣзду, отъ города Бѣлой въ тритцати верстахъ, идетъ мимо города Белой, а внизъ отъ Белой до устья реки Межи, гдѣ та Опша река впала въ сорокѣ верстахъ, пороговъ нѣтъ, а ходятъ по ней струги съ товары зъ Бѣлой полою водою.

Рекою Опшею внизъ отъ Белой:

По левую сторону село Понизовье въ дватцати верстахъ.

Отъ того села устья реки Межи, гдѣ впала въ Межу река Опша въ дватцати верстахъ.

Рекою Межею внизъ по левую сторону отъ устья той реки Межи:

Деревня Борки въ дватцати въ пяти верстахъ.

Отъ деревни Борковъ пустая церковь Егорье въ тритцати семи верстахъ.

Отъ той церкви по правую сторону деревня Заборья въ двенатцати верстахъ.

Отъ той деревни по обѣ стороны реки Межи въ версте двѣ рѣчки, по правую сторону Белѣйка, а по левую Елша, и тѣ рѣчки межуютъ, съ Московской стороны, съ правую сторону Смоленской, а съ левую Бѣльской уѣзды, съ Полскою стороною, съ Велижскимъ уѣздомъ.

Отъ того рубѣжа зарубѣжское село Бобова въ дватцати верстахъ и болши.

Отъ того села Бобова рѣкою Межею устья реки Двины и (о)стровъ, прозваниемъ Розной, въ дватцати верстахъ.

И отъ вышепомянутого села Монина отъ пристани рекою Межею Московскою стороною до вышеписанного рубѣжа восьмдесятъ шесть верстъ.

А отъ того рубѣжа Полскою стороною тою жъ рекою Межею до реки Двины верстъ съ сорокъ и болши.

Промѣжъ рѣкъ Двины и Мѣжи въ устье деревня Устья Зарубѣжская.

По рекѣ Меже отъ устья реки Опши до устья реки Двины пороги:

Порогъ прозваниемъ Ястребъ отъ устья реки Опши въ пятидесятъ верстахъ.

Отъ того порога въ версте мель на версту.

Отъ той мѣли въ десяти верстахъ мель же Егорьевская.

Отъ той мѣли до каменя, прозваниемъ Воробья, мѣли съ версту слишкомъ.

Отъ того каменя верстахъ въ трехъ порогъ Ситовецъ.

Отъ того порога верстахъ въ дву порогъ Медвѣдокъ.

Отъ того порога до порога Елца мѣли версты на три и болши.

Отъ того порога въ ворсте порогъ Сыръ.

Отъ того по(ро)га мѣли на полверсты до порога Подсырья.

Отъ того порога островъ ускои въ дву верстахъ.

Отъ того острова мѣли верстъ на пять и болши до порога Пенного.

Отъ того порога до порога Луковатого верстъ зъ десять.

Отъ того порога до устья реки Двины и до вышепомянутого острова, прозваніемъ Розного, верстъ съ семь.

Отъ устья реки Межи внизъ рекою Дваною:

По левую сторону деревня Сертея въ десяти верстахъ.

Отъ той деревни деревня Пушкари въ дватцати верстахъ.

Городъ Велижъ, по лѣвую жъ сторону, отъ вышеписанного устья, въ тритцати верстахъ.

По правую сторону Велижской посадъ.

Пониже Велижа, по правой сторонѣ, деревня Красное въ семнатцати верстахъ.

Отъ той деревни, по той же сторонѣ, село Верховье въ десяти верстахъ.

Отъ того села деревня Дретщина въ пяти верстахъ.

Ниже той деревни въ трѣхъ верстахъ рѣчка Усвяча впала въ Двину.

Отъ устья реки Межи внизъ Двиною подъ Вѣлижемъ въ дву верстахъ порогъ прозваниемъ Ястребъ.

Ниже Велижа въ дву верстахъ островъ Дѣевъ.

Отъ того острова пороговъ въ розныхъ мѣстехъ на десять верстъ и болши.

А длиною до города Сурожа и до реки Каспли дватцать пять верстъ.

Городъ Сурожъ отъ города Велижа въ сороке верстахъ, по левую сторону, въ устье реки Каспли.

По правую сторону реки Двины Сурожской посадъ.

Ниже посаду деревня Диснянинова въ пяти верстахъ.

Река Касмля вышла изъ озера Каспли выше села Порѣчья.

По обѣ стороны реки Каспли лѣсъ угожей.

Село Порѣчье по обѣ стороны реки Каспли.

Въ селѣ Порѣчье внизъ, съ правой стороны реки Каспли, впала въ Касплю рѣчка Гобза.

Рекою Касплею отъ села Порѣчья до рубежа прозваниемъ до Черного ручья, которой ручей межуетъ Смоленской съ Велижскимъ и съ Сурожскимъ уѣзды въ семидесятъ верстахъ.

Отъ того Черного ручья, Касплею жъ внизъ, городъ Сурожъ и устья реки Двины въ дватцати верстахъ и болши.

И того отъ Порѣчья до Сурожа и до реки Двины верстъ зъ девяносто и болши.

Рекою Двиною внизъ отъ Сурожа островъ неболшой въ пяти верстахъ.

Ниже того острова пороги прозваниемъ Закладни, Жабы, Рубы, Калачи не въ дальнемъ растояніи.

Съ правой стороны Двины отъ Сурожа:

Дворъ шляхтича, прозваниемъ Шапки, въ дватцати верстахъ.

Дворъ шляхтича жъ Крупскова въ дватцати въ пяти верстахъ.

Дворъ шляхтича жъ Косова въ тритцати верстахъ.

Дворъ князя Огинского блиско Витепска.

Съ лѣвую сторону:

Деревня Прудники въ десяти верстахъ.

Дворъ шляхтича Жабы въ сороке верстахъ.

Дворъ князя Огинского блиско Витепска.

Городъ Витепскъ въ ростояниі отъ Сурожа въ сорокѣ въ пяті верстахъ, надъ Двиною, на лѣвой сторонѣ.

Съ правой стороны Витепской посадъ.

Съ левой стороны подле Витенска дворъ Витепского воеводы Гриппана.

Ниже того двора въ дву верстахъ впала въ реку Двину река Лучаса, ходятъ по ней струги.

Отъ Витепска съ правую сторону Марковъ манастырь въ пяти верстахъ.

Отъ того монастыря съ левую сторону деревня до Рогопупова въ десяти верстахъ.

Отъ той деревни въ десяти верстахъ островъ Молтевъ.

Съ правую сторону село Старое въ семі верстахъ.

Отъ того села село Полтево въ тринадцаті верстахъ.

По левую сторону село Вяжишчи въ дватцати верстахъ и болши.

Отъ того села село Бѣшенковичи въ дватцати въ пяти верстахъ.

Отъ того села река Вула впала въ Двину въ пяти верстахъ, по нѣй ходятъ струги.

Отъ той рѣки село Вуля въ тритцати верстахъ.

Отъ того села село Шарапино въ дватцати верстахъ

По правой сторонѣ дворъ шляхтича Полупяты въ сороке верстахъ.

Островъ отъ Витепска восьмьдесятъ верстъ.

Село Горяны по обѣ стороны отъ Витепска девяносто верстъ.

Городъ Полоцкъ, по правую сторону, въ ростояніи отъ Витепска сто дватцать верстъ.

Полоцкой посадъ по обѣ стороны реки Двины

Въ посаде по правой сторонѣ благочестивой Троецкой монастырь.

Противъ города среди реки островъ, на немъ дворы Полоцкихъ мещанъ.

(По листамъ скрѣпа: „*Максимъ Цызыревъ.*)

Примѣчаніе. Подлинникъ прилагаемаго при семъ чертежа въ самомъ точномъ снимкѣ, хранится въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива, въ числѣ многихъ другихъ сохранившихся до насъ старинныхъ чертежей. Мы выбрали именно этотъ для изда-

нія, какъ наиболѣе важный и любопытный, хотя сравнительно новѣйшій. Онъ составленъ совершенно по тѣмъ же пріемамъ, по которымъ составлялись всѣ подобные чертежи въ старинной Руси. Сверхъ того при немъ имѣется подробное описаніе (чего по большей части нѣтъ при другихъ чертежахъ Московскаго Архива), которое раскрываетъ намъ способъ составленія этихъ чертежей. Важный памятникъ старинной Русской картографіи и замѣчательный матеріалъ для изслѣдователя Книги Большаго Чертежа, предлагаемый чертежъ Западной Двины и его опись представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько любопытныхъ географическихъ и археологическихъ данныхъ объ этой мѣстности.

Ред.